

МОЯ ЖИЛИЩНАЯ ИСТОРИЯ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ
И БИОГРАФИЧЕСКИЕ
ИНТЕРВЬЮ

 СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ РАН
Филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

**Комитет
гражданских
инициатив**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
АССОЦИАЦИЯ СОЦИОЛОГОВ**

МОЯ ЖИЛИЩНАЯ ИСТОРИЯ

Автобиографические очерки и биографические интервью

НОРМА

Санкт-Петербург
2018

УДК 316.75

ББК 60.526

М74

Утверждено к печати Ученым советом Социологического института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

М74 **Моя жилищная история. Автобиографические очерки и биографические интервью** / Под ред. О. Б. Божкова и Т. З. Протасенко. СПб.: Норма, 2018. – 424 с.: ил.

ISBN 978-5-87857-284-2

Сборник включает материалы, присланные на конкурс автобиографий «Моя жилищная история», объявленный в 2016 году Биографическим фондом Социологического института РАН и редакцией журнала «Город 812». Предваряют публикацию автобиографических очерков вступительные статьи, в которых дается в первом приближении взгляд на историю решения жилищной проблемы в России в разные исторические периоды. Заключает сборник оценка того, насколько представительны материалы сборника с точки зрения полноты описания проблемы.

Этой книгой мы хотели бы способствовать развенчанию многих мифов, которые не так уж безобидны и мешают нам строить нормальную жизнь, достойную людей.

Надеемся, что книга будет полезна историкам, социологам, этнографам, а также всем, кого интересует история страны; всем, кто задумывается над тем, что и как происходило и происходит в такой важнейшей сфере нашей жизни, как жилище.

УДК 316.75

ББК 60.526

ISBN 978-5-87857-284-2

Издание осуществлено при поддержке Фонда развития гражданских инициатив «Диалог»

В оформлении форзацев книги использованы фотографии из семейных архивов О. В. Нарвской и Д. М. Капитонова

© Авторы, 2018

© О. Б. Божков, Т. З. Протасенко, редакторы, 2018

© Норма, оформление, 2018

© СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН, 2018

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
--------------------------	---

К истории жилищного вопроса

«А мы простились с хижинкой и едем во дворец» (<i>Божков О. Б., Протасенко Т. З.</i>).....	9
«Ленинград. Жилище-2000».....	26
Моя жилищная история. Опыт тематически фокусированного автобиографического повествования (<i>Алексеев А. Н.</i>).....	34

МАТЕРИАЛЫ КОНКУРСА

Ветераны

Из «Вороньей слободки» в отдельную квартиру (<i>Рубежова Б. М.</i>).....	58
Жизнь среди посторонних. Реалистическая трагикомедия в пяти актах (<i>Рабинович Е. И.</i>).....	63
Моя квартирная одиссея (<i>Никонова Л. Л.</i>).....	69
Коммунальная квартира – коммунальная страна (<i>Анолик М. В., Петрова М. А.</i>).....	77
40 лет в коммуналке на Литейном (<i>Дадали Н. В.</i>).....	87
Не все зависит от нас, особенно жилье (<i>Божков О. Б.</i>).....	103
У каждого должно быть свое личное пространство (<i>Иванова Т. А.</i>).....	122
Дом Военно-транспортной академии (Интервью с Вандой Ивановной Мацкевич и ее дочерью Марией Георгиевной Мацкевич).....	125

Первые послевоенные поколения

В тесноте и нередко в обиде (<i>Терещенко В. Я.</i>).....	157
В квартире жили пять семей (<i>Колосов О. В.</i>).....	165
Мне снится тот дом (<i>Кузнецов Л. Я.</i>).....	170
От Читы до Васильевского острова (<i>Протасенко Т. З.</i>).....	179
«Везде люди живут...» (<i>Узунова В. Г.</i>).....	207
Коммунальный рай (<i>Серебриер С. Б.</i>).....	226
Время меняет все вокруг – и обстановку, и людей (<i>Саблин В. М.</i>).....	235

Малая Охта и Васильевский (<i>Андреев М. П.</i>).....	248
Координаты моей памяти (<i>Нарвская О. В.</i>).....	256
Огромное спасибо нашему президенту (<i>Тумановская Е. Б.</i>).....	301
Дедова будка. Квартира 6 (<i>Ерофеев А. Д.</i>).....	305
Мы никогда не возвращались в тот же дом (Интервью с Земнуховой (Хамитовой) Розалией Зульфакаровной).....	314
Рожденные после 1963 года	
Мои дома в Петербурге (<i>Измайлов А. К.</i>).....	335
Квартиры с двумя съемщиками – самые опасные (<i>Сенин А. Ю.</i>).....	361
История моей коммунальной квартиры – история моей семьи (<i>Береславская Э. А.</i>).....	369
Как же можно жить без Никольского собора? (<i>Шуренкова Е. Ю.</i>).....	374
Переезды, переезды... (Интервью с мужчиной 25 лет).....	378
«Сплю и вижу, когда я тихонько отгорожусь» (Интервью с Сергеем Аристовым).....	399
Из Донецка в Петербург (Интервью с девушкой 20 лет, студенткой).....	406
ПОСЛЕСЛОВИЕ	417
Список авторов	423

Предисловие

Идея этого проекта возникла года три назад под названием «Коммунальные квартиры». Однако только в 2016 г. мы нашли надежных партнеров – журнал «Город 812» – и объявили конкурс автобиографий «Моя коммунальная квартира». Правда, довольно быстро поняли, что стоит расширить тематику конкурса и говорить в целом о жилищной истории людей.

Все, кому бы мы ни рассказывали об этом проекте, нас поддерживали и обещали всяческую помощь. Это были и журналисты, и писатели, и депутаты Законодательного собрания, и чиновники правительства Санкт-Петербурга. Тем не менее материалы на конкурс поступали в час по чайной ложке, и мы были вынуждены неоднократно продлевать его сроки. Более того, было принято решение не полагаться на «самотек» и дополнить проект биографическими интервью. К этой части проекта были подключены студенты-практиканты, в нее также активно включилась Светлана Игнатова. К сожалению, из-за своей преждевременной кончины она не много успела сделать.

В объявлении о конкурсе было сказано, в частности, следующее:

«Жилищная история многих ленинградцев-петербуржцев складывается из целого ряда этапов (или шагов): общежитие или съемное жилье (комната или угол); коммунальная квартира; отдельная квартира (государственная или кооперативная); наконец, приватизация, то есть преобразование “казенного” жилья в собственность.

Нас как организаторов конкурса и как исследователей интересуют любые воспоминания. Мы поймем и тех, кто ностальгирует по своей дружной коммуналке, и тех, кто не нарадуется, что все же вырвался из нее. Поймем также и тех, кто и сейчас вовсе не рвется в отдельную квартиру, и тех, кто ждет не дождется, когда же наконец-то можно будет вздохнуть спокойно без этих соседей по кухне.

С точки зрения истории с помощью ваших воспоминаний мы хотели бы восстановить действительную картину советской жилищной политики. С точки зрения социологии наша задача состоит в том, чтобы понять, как эта форма организации жизни влияла (и влияет) на характер личности и на психологическую атмосферу в обществе.

Так как это конкурс биографий, а не сочинений на заданную тему, организаторы конкурса хотели бы увидеть в вашем тексте:

1) важные вехи вашей биографии (откуда вы родом, кем были ваши родители, состав родительской семьи, а также состав вашей собственной семьи). Не забудьте указать также пол, возраст, образование и основную профессию;

2) обстоятельства, в результате которых вы оказались в коммунальной квартире. Если таких квартир в вашей жизни было несколько, желательно описать все, то есть всю вашу “жилищную историю”;

3) описание соседей и характера эмоциональной и психологической атмосферы в коммунальной квартире;

4) подробности обычной повседневной жизни, подкрепленные живыми примерами обычных жизненных ситуаций.

Конечно, это только общий каркас. Вы можете писать то, что важно для вас лично, что вы считаете нужным и возможным.

Наш призыв обращен к тем, кто определенную часть своей жизни прожил в общежитиях или в коммуналках, тем более к тем, кто проживает в коммунальных квартирах до сих пор. Опыт последних не менее интересен и важен для нас как исследователей современности».

С самого начала предполагалось издание материалов этого конкурса. Наконец собрался не очень большой, но достаточно представительный корпус разнообразных текстов. Внимательно прочитав поступившие материалы, мы поняли, что их публикацию необходимо предварить своеобразной исторической справкой о том, через какие этапы прошло развитие жилищной политики в стране.

Хотя в этих материалах на первый взгляд отражены разнообразные ситуации и стратегии решения жилищной проблемы на индивидуальном уровне, стало ясно, что картина все равно не полна. А это потребовало активизировать собственный жизненный опыт, обратиться к материалам прессы разных лет, чтобы оценить перспективы развития этой темы.

В далеком 1990 году поэт Давид Самойлов писал: «Никто еще не написал историю коммунальных квартир, их трагического влияния на психику и психологию, их социальных контекстов. Коммунальная квартира двадцатых годов была необычным полем для страстей, часто низменных, аренной трагедии, почвой для развращения и преступления.

Каждое время порождает свои формы быта. И не только время – каждая социальная среда. Эпоха разлома, нестроения и перемешивания породила свою неповторимую форму быта – коммунальную квартиру. В ту пору, когда все ломалось и еще не начало строиться, естественно, приходилось пользоваться подручным материалом, уцелевшим от прежнего времени. Насилие, которое было главным методом революции, сказалось и здесь в насильственном создании коллектива. <...>

Лишь на следующем этапе, после НЭПа, она начала образовываться в среде. И если первый период истории коммунальных квартир можно назвать стихийным, то второй я назвал бы демократическим. Бедность и аскетизм начала

тридцатых годов отразились в психологии целого поколения, к которому принадлежу и я. В нем есть понятие о неминуемости совместной жизни, о взаимопомощи, о сложности и разнообразии семейного устройства, о независимости от вещей, столь редких в то время, о приспособляемости и контактности, много помогавших нам на войне. Дети коммунальных квартир – одно из названий нашего поколения»¹.

В определенном смысле мы попытались восполнить этот пробел и написать такую историю коммунальных квартир и – шире – историю решения жилищной проблемы в СССР и в постсоветской России. Хотя, на первый взгляд, в этих материалах отражены разнообразные ситуации и стратегии решения жилищной проблемы на индивидуальном уровне, стало ясно, что картина все равно не полна. А это потребовало активизировать собственный жизненный опыт, обратиться к материалам прессы разных лет, чтобы оценить перспективы развития этой темы.

Надеемся, что жгучая актуальность темы вызовет к ней дополнительный интерес и она получит продолжение в ближайшей перспективе.

---

¹ Самойлов Д. Памятные записки // Знамя. 1990. № 9. С. 155–156.

К истории жилищного вопроса

«А мы простились с хижинкой и едем во дворец»

Вместо введения

В одном из скетчей Михаил Жванецкий удивленно заметил: «Ребята, болгары нас не понимают!» В связи с этим мы вспомнили, как на одном из советско-венгерских семинаров в начале 1980-х наши венгерские коллеги не поняли, почему мы так отрицательно относились к коммунальным квартирам. У них тоже существовали квартиры, которые они называли коммунальными, имея при этом в виду, что это было жилье, принадлежащее муниципалитету, а не частным лицам. Пришлось объяснить нашим венгерским коллегам, что по-советски коммунальные квартиры – это квартиры, в которых живет много семей, никак не связанных друг с другом ни родством, ни свойством. По венгерским (и по европейским) понятиям даже отдельная квартира, если она не в собственности, является коммунальной или муниципальной.

Коммунальная квартира как феномен культуры

История квартир совместного проживания совершенно посторонних по отношению друг к другу семей началась задолго до установления советской власти в отдельно взятой стране. И в России, и в Европе еще в XIX веке существовали доходные дома, где можно было арендовать либо целый этаж, либо отдельную квартиру, либо комнату. Квартиры, которые сдавались покомнатно, собственно говоря, и явились прототипом современных коммунальных квартир. Естественно, комнаты снимали, как правило, бедные. И контингент «меблированных комнат» менялся относительно часто.

В первые годы советской власти с упразднением частной собственности (в том числе и в первую очередь – на жилье) все доходные дома и особняки были национализированы. Наиболее роскошные дворцы заняли различные государственные учреждения, а те, что попроще, были приспособлены для «улучшения жилищных условий» рабочих, служащих и студентов. Многие из тех, кому сегодня

вполне отражает усилия государства и власти по решению жилищной проблемы, по крайней мере, в нашем городе.

Жилой фонд Петербурга по периодам застройки (на начало 2012 года)

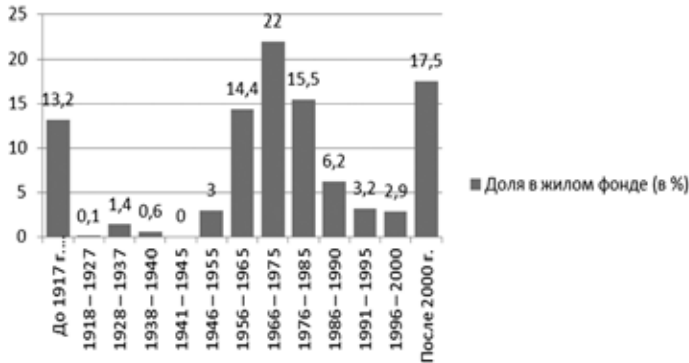

Диаграмма 1

Если в дореволюционные меблированные комнаты люди, как правило, поселялись «до лучших времен», то советские коммунальные квартиры оказались местом проживания практически «на всю жизнь». Но даже комнаты в коммунальных квартирах оказались на долгое время в жестком дефиците. Мало кто помнит постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1955 г. «О развитии массового жилищного строительства» – это начало массового строительства пятиэтажных домов, так называемых хрущевок или хрущоб. Однако строительство именно в период 1956–1965 гг. по сравнению с предыдущими возросло в разы. Хрущевки действительно строили быстро.

В Ленинграде в районе проспекта Энгельса (от Светлановской площади до Поклонной горы), например, где в основном стояли частные (одноэтажные, реже двухэтажные) дома и двухэтажные многоквартирные бараки, в период с 1955 по 1965 г. все кардинально изменилось. Почти все деревянные дома были снесены, а на их месте возведены стройные ряды хрущевок. Население данного района за это время увеличилось примерно с 10 до 80 тысяч человек. Правда, несмотря на большой размах жилищного строительства, жилья все равно катастрофически не хватало. И в некоторые, даже двухкомнатные, квартиры в хрущевках

заселяли по две семьи (о трехкомнатных и говорить нечего). То есть люди из коммунальных квартир переезжали опять же в коммунальные (конечно, при этом их жилищные условия хоть и немного, но улучшались: опять же, ванная, метраж, более комфортные кухни и т. п.).

Однако очереди на улучшение жилищных условий отнюдь не сократились – напротив, заметно (лет на пять-восемь) увеличились. Появились так называемые семейные коммуналки, в которых сосуществуют семьи родителей и семьи их взрослых детей также с детьми – внуками.

Примерно в это же время – в середине-конце 1950-х гг. – в Ленинграде развернулось движение жилищных строительных кооперативов (ЖСК). Вот уж где отдельная квартира была железно гарантирована. Но попытки в рамках кооператива улучшить жилищные условия сплошь и рядом сталкивались с труднопреодолимыми препятствиями. Именно с такими сложностями столкнулся, в частности, Владимир Войнович и описал их в повести «Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру»².

Однако подрастали дети, которым тоже требовалось свое – отдельное – жилье. И если не хватало средств на новый кооператив, то и кооперативная квартира де-факто превращалась в коммунальную, подчас даже более ужасную, чем в случае, когда за стеной живут совсем посторонние люди, а не родственники.

Все это не могло не отразиться как на сознании, так и на поведении советских людей. Герой романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», характеризуя москвичей 1930-х гг., тонко заметил: «Люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... Человечество любит деньги, из чего бы те ни были сделаны, из кожи ли, из бумаги ли, из бронзы или золота. Ну, легкомысленны... ну, что ж... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...» Бытие определяет и сознание, и культуру.

Вместе с началом перестройки тренд строительного бума резко пошел на спад. Если разделить 17,5 %, приходящиеся на период «после 2000 г.», то получается, что за каждый год этого периода жилой фонд прирастал менее чем на один процент. Таким образом, «проклятие коммунальных квартир» страна не смогла преодолеть ни за 70 лет советской власти, ни за последние 30 с лишним лет постсоветского периода нашей истории. Впрочем, у тех, кто имеет опыт проживания в коммуналках, воспоминания о них подчас резко различаются. Одни вспоминают о них с теплотой (в коммуналках было на кого опереться в случае чего); другие – с содроганием (вот уж был «гадюшник»). Тут, конечно, в памяти всплывают

---

² Повесть Владимира Войновича «Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру» была издана издательством «Ardis» в 1976 г. и перепечатана в журнале «Дружба народов» (1989. № 12. С. 8–63).

рассказы Михаила Зощенко. Но можно вспомнить и песню Анжелики Варум «Городок», популярную в 1980–1990-е гг. В ней были такие строки:

Ах, как хочется вернуться,
Ах, как хочется ворваться в городок –
На нашу улицу в три дома,
Где все просто и знакомо, на денек!
Где без спроса ходят в гости,
Где нет зависти и злости – милый дом!
Где рождение справляют
И навеки провожают всем двором!

Это ли не добрая ностальгия о былом?

«Новая» и «новейшая» история вопроса

В советское время каждый год издавались статистические справочники «Ленинград и Ленинградская область в цифрах», где в том числе обязательно приводилась доля коммунальных квартир в общем жилом фонде города. Последний такой справочник был издан, насколько нам удалось установить, в 1986 г. В мае 1988 г. были опубликованы («Вечерний Ленинград» от 17 мая 1988 г.) «Основные положения проекта комплексной программы обеспечения каждой ленинградской семьи отдельной квартирой или индивидуальным домом к 2000 г. “Ленинград. Жилище-2000”», где приводились данные о населении города и структуре существующего квартирного фонда.

Стоит напомнить эти цифры. Постоянное население города в 1988 г. достигло 5 млн человек, а к 2000 г. оно, согласно прогнозам, должно было возрасти до 5 млн 300 тыс. Количество семей на начало расчетного 1986 г., включая одиночек (но без учета проживающих в общежитиях), составляло 1 802 800 при среднем размере семьи 2,7 чел. Количество одиночек, не создавших или утеревших семью, составляло 486 800 чел., из них людей преклонного возраста – 97 360 чел. Из общего числа семей и одиночек, имеющих право на отдельную квартиру, 59,5 % расселены посемейно – в отдельных квартирах, а 40,4 % – в коммунальных.

Тогда же мы провели массовый прессовый опрос ленинградцев, в котором выясняли их отношение к этой программе. Результаты данного опроса были опубликованы и в «Ленинградской правде», и в «Вечернем Ленинграде»³ (анкета печаталась в обеих газетах). В частности, мы тогда писали: «Требуется осмысления

³ См. в этом же сборнике статью «Ленинград. Жилище-2000» (с. 26–33).

тот факт, что на государство или предприятие в решении жилищной проблемы рассчитывают сегодня (в 1988 г.) только каждый четвертый из ответивших (если объединять соответствующие варианты ответа)». Там же мы писали: «Истины ради надо отметить, что были и такие высказывания: “Наш город – не пансионат для престарелых и иждивенцев, – считает один из читателей, рабочий-строитель по профессии. – Причина остроты жилищной проблемы лежит в перенаселенности города иждивенцами и нетрудовыми элементами”».

Общий вывод был сформулирован следующим образом: «Считаем важным отметить спокойный, благожелательный, конструктивный тон почты. Он говорит об определенной зрелости социального мышления. Даже те, кто явно формулирует свое неверие в реальность программы, сочли своим долгом заполнить все графы анкеты.

Отметим, что читатели часто добровольно отказывались от анонимности своего мнения – 44 % конвертов несут точный адрес и фамилию участников опроса. Население выражает готовность непосредственно участвовать своими ресурсами и трудом в решении жилищной проблемы и в благоустройстве городской среды. Четверо из десяти ответивших на вопросы анкеты считают, что сила и энергия горожан используется слабо. Дело, следовательно, в поиске таких форм решения жилищной проблемы, которые оптимально сочетали бы интересы отдельных людей, служб и интересы города в целом, интересы общественные» («Ленинградская правда» от 9 июля 1988 г.).

К сожалению, наши наблюдения и выводы 1988 г. о готовности горожан активно участвовать в решении жилищной проблемы не были услышаны тогда, а сегодня тем более не принимаются в расчет. А ведь по большому счету это было проявление потенциала действительного самоуправления и, если угодно, начал гражданского общества. И жаль, что такой потенциал тогда не был использован.

При губернаторе Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко в 2007 г. была принята специальная программа по расселению коммунальных квартир. Затем ее дополнила еще одна программа – расселения ветхого и аварийного жилья. Эта программа действует и сегодня, но она сильно забюрократизирована.

На сайте RealEstate.ru (<http://www.realestate.ru/articles/435/>) говорится, что по информации, предоставленной Жилищным комитетом Санкт-Петербурга, на начало 2008 г. – момент старта городской программы расселения коммуналок – в Петербурге было зарегистрировано более 116 тысяч коммунальных квартир (порядка 11 млн м², или 10,6 % от общего жилого фонда города), в которых проживало более 327 тысяч семей. При этом, по данным корпорации «Адвекс. Недвижимость», приблизительно 85 % коммунального жилого фонда сосредоточено в исторических районах города: Адмиралтейском, Василеостровском, Петроградском и Центральном.

Программа предполагала несколько способов решения проблемы жильцов коммунальных квартир, состоящих на учете по улучшению жилищных условий. Тем, кто проживает в коммуналках на условиях социального найма, в отличие от тех, кто успел приватизировать свои комнаты, жилые помещения из городского фонда должны были предоставляться вне очереди. Петербуржцам, желающим приобрести квартиры самостоятельно, город мог предложить субсидии в размере 30 % от стоимости приобретаемой недвижимости из расчета 18 м² на каждого члена семьи. При этом гражданам разрешалось покупать недвижимость и на первичном рынке. Главное, чтобы степень готовности дома составляла не менее 70 %. Также в праве Санкт-Петербурга передать участникам программы по договорам купли-продажи освободившиеся комнаты в коммунальных квартирах с применением понижающего коэффициента к их рыночной стоимости. Для граждан, состоящих на учете более 15 лет, коэффициент составит 0,3; для состоящих на учете от 10 до 15 лет – 0,4; а для тех, кто состоит на учете от 5 до 10 лет, – 0,5.

«Городская программа идет медленно. Расселяются в реальности пока те квартиры, где есть два съемщика. Да и механизмы расселения, увы, до конца не отработаны», – констатировала менеджер Петроградского отделения корпорации «Адвекс. Недвижимость» Елена Василевская.

Средняя площадь коммуналок, в настоящий момент выставляемых на продажу, составляет 80–100 м². Такие квартиры обычно имеют три комнаты, которые могут принадлежать трем разным семьям. Во сколько обходится сделка для частного, назвать не смогло ни одно агентство недвижимости: итоговая цена, которую заплатит покупатель, может сильно скорректироваться вследствие завышенных представлений жильцов о ценности принадлежащей им недвижимости, о необходимых характеристиках будущей квартиры, которую они должны получить от инвестора, или банального нежелания расселенцев покидать исторический центр. А вот траты на услуги агентства недвижимости вполне известны. Например, в АН «Бекар» рассказали, что возьмут с инвестора 10 % от общей стоимости расселения.

Понятно, что в постсоветский период существенно изменились и условия решения жилищных проблем, и регламентирующие их законы. В связи с этим характерно замечание Е. Василевской о том, что до сих пор «механизмы расселения, увы, до конца не отработаны».

Несколько слов о жилищной статистике и самой статистике

Казалось бы, здесь все просто: показатели ясные и очевидные: число коммунальных квартир, их доля в общем жилом фонде; общее число семей, проживающих в коммунальных квартирах; среднее количество семей на одну коммунальную квартиру; количество семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий. И тем не менее жилищная статистика отнюдь не прозрачна и изрядно лукава. Отчасти дело в том, что она рассредоточена по разным ведомствам; отчасти – в том, что она практически не связана со статистикой жилищного строительства. Несмотря на то что проблема не обделена вниманием СМИ, цифры, публикуемые в разных изданиях, никак не сходятся между собой. Поэтому понять, как развивается весь процесс расселения коммунальных квартир в городе, – задача не из легких.

Таблица 1

Районы Санкт-Петербурга	Количество коммунальных квартир	Количество семей, проживающих в коммунальных квартирах	Количество семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях
Адмиралтейский	13 708	40 105	20 029
Василеостровский	7 532	23 108	14 065
Выборгский	8 754	23 063	16 336
Калининский	7 907	20 509	12 316
Кировский	8 662	23 667	9 320
Колпинский	608	2 668	5 797
Красногвардейский	6 465	18 166	10 568
Красносельский	5 108	13 031	5 591
Кронштадтский	862	2 120	783
Курортный	1 383	3 551	2 570
Московский	4 338	12 358	7 974
Невский	12 905	32 673	11 618
Петроградский	8 730	26 014	13 541
Петродворцовый	1 787	4 336	2 137
Приморский	3 692	9 438	4 983
Пушкинский	2 325	5 653	2 895
Фрунзенский	7 449	18 183	7 620
Центральный	16 095	48 490	39 180
Итого:	118 310	327 133	187 323

По запросу «статистика расселения коммунальных квартир в СПб» «Яндекс» выдает более 130 млн ответов, в том числе огромное количество картинок (таблиц, графиков, разнообразных диаграмм). Наиболее впечатляющие приведем здесь. Однако сразу предупредим, что далеко не всегда известны источники этих данных, неясно также, к какому временному промежутку относятся те или иные цифры. Вот, скажем, *табл. 1*. Остается только гадать или проводить специальное расследование, чтобы определить, на какой год актуальны ее данные, кто их собрал, кто учитывает «количество семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях». Совпадение количества коммунальных квартир (118 310) и семей, состоящих на учете в городской очереди (187 323) подсказывает, что *диаграммы 2 и 3* относятся к этому же анонимному источнику и, вероятно, характеризуют состояние на один и тот же период времени. А вот какого?

Что касается *диаграммы 4*, то не удалось найти ни указания на источник этой информации, ни аналогичных данных по другим годам, чтобы получить информацию об объеме и динамике развития целевых программ. Цифры, приведенные в *диаграммах 5, 6, 7 и 8*, никак не согласуются с данными *диаграммы 4*, а также друг с другом, хотя по стилистике оформления *диаграммы 7 и 8*, очевидно, относятся к одному и тому же источнику.

Диаграмма 2

Диаграмма 3

Диаграмма 4

Основные показатели деятельности

РАССЕЛЕНИЕ КОММУНАЛЬНЫХ КВАРТИР

год	предоставлены социальные выплаты, руб.	для расселения			из них расселены коммунальные квартиры
		кол-во человек	кол-во семей	кол-во квартир	
2008	1 500 000 000	2606	1048	612	544
2009	1 041 519 500	3098	1268	757	578
2010	659 768 760	2630	1227	721	285
Итого	3 247 735 930	8 334	3 543	2090	1407

Диаграмма 5

Основные показатели деятельности за 2009 год

РАССЕЛЕНИЕ КОММУНАЛЬНЫХ КВАРТИР

Динамика поступлений предварительных заявлений от жителей коммунальных квартир для участия в целевой программе «Расселение коммунальных квартир в Санкт-Петербурге»

Диаграмма 6

Диаграмма 7

Диаграмма 8

Диаграмма 9

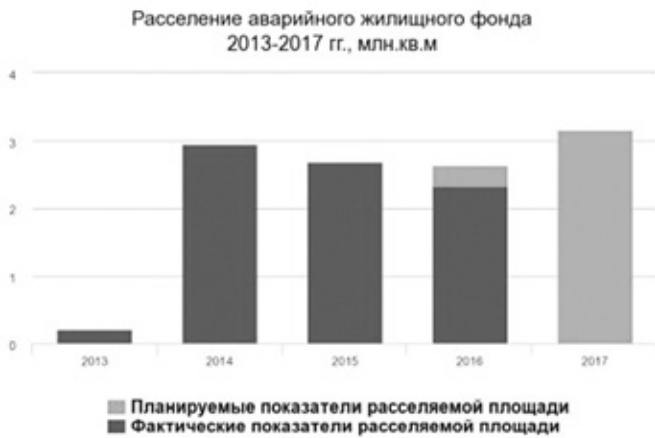

Диаграмма 10

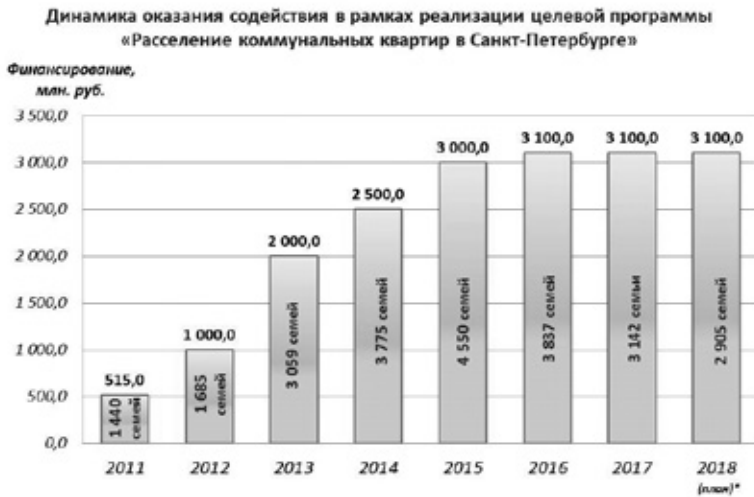

Диаграмма 11

Диаграмма 12

* - согласно Закону Санкт-Петербурга «О бюджете Санкт-Петербурга на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов» № 801-131 от 29.11.2017

Диаграмма 13

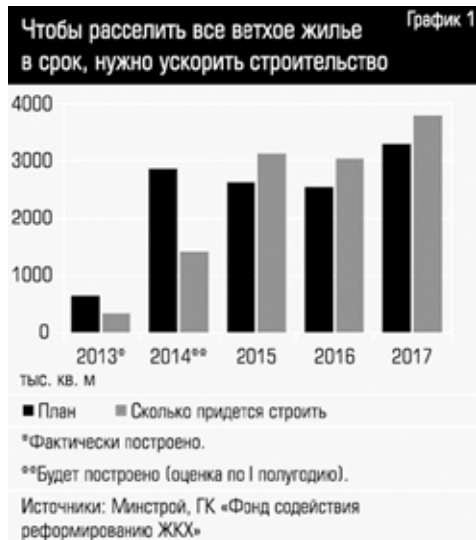

Диаграмма 14

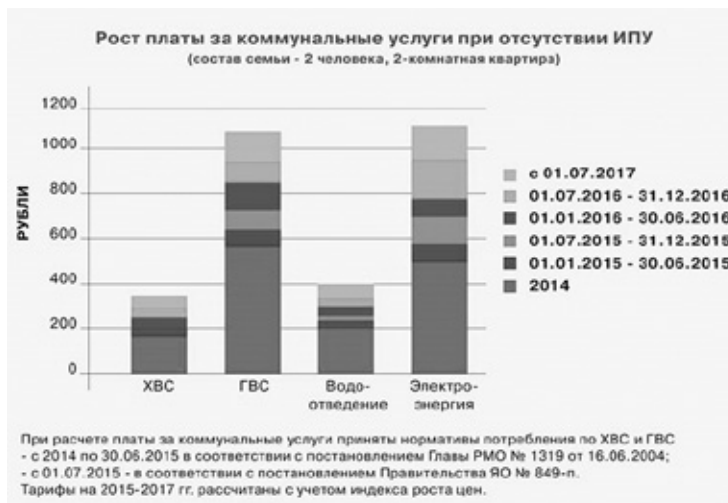

Диаграмма 15

Как сами люди воспринимают эту проблему?

Значительное число петербуржцев, особенно коренных, имеющих за спиной хотя бы два-три поколения ленинградцев-петербуржцев, имеют опыт проживания в коммунальных квартирах и могут поделиться своими воспоминаниями и оценками этого опыта. Это важно не только для их детей и внуков. Это важно для нас самих, вполне взрослых, живущих здесь и сейчас, чтобы лучше осмыслить опыт прошлого, чтобы разобраться, что там (в этом прошлом) было действительно хорошо и чего терять не стоит, а что наверняка нужно забыть как страшный сон.

К тому же думается, что ликвидировать полностью коммунальные квартиры вряд ли удастся. В качестве одного из аргументов в пользу этого тезиса свидетельствуют наблюдения риелторов: «Комнаты в коммунальных квартирах остаются самым “ходовым” товаром вторичного рынка недвижимости Санкт-Петербурга. Наш сервис и каталоги “Продажа комнат в Санкт-Петербурге” ориентированы на продавцов и покупателей комнат.

В каталогах представлены комнаты трех основных типов – в “классических” петербургских коммунальных квартирах в центральных районах, приватизированные комнаты в общежитиях, а также комнаты в малонаселенных двух- или трехкомнатных квартирах с одним-двумя съемщиками в типовых домах в “спальных” районах» (http://www.bn.ru/zap_rm_w.phtml). Представляется, что нельзя так

уж пренебрежительно относиться и к “банальному” нежеланию расселенцев покидать исторический центр».

Просто коммуналки будущего, вероятно, примут другие формы: то ли форму социальных домов, то ли своеобразных «коммун». Кстати, опыт таких коммун уже описан, в частности, в журнале «Русский репортер»⁴. Появилась практика покупки квартиры несколькими собственниками. Это, как правило, достаточно молодые люди, которые с целью экономии времени и денег обзаводятся жильем вблизи работы. А кто-то обзаводится отдельным жильем, чтобы работать дома. И это уже серьезное влияние на потребности в жилье изменений в сфере трудовой деятельности. А может быть, имеет смысл вернуться к идее и практике доходных домов, где квартиры такого типа будут выглядеть вполне естественно и, возможно, снимут часть нагрузки с гостиничного хозяйства.

Чтобы оценить опыт прошлого и инновации настоящего, целесообразно собрать и обобщить эти знания. Именно с этой целью Биографический фонд Социологического института РАН вместе с журналом «Город 812» объявил конкурс биографий, в которых отражались бы реальные жилищные истории прошедших времен и сегодняшнего дня. Нас интересует как процесс расселения отдельных квартир в коммунальные, так и механизмы появления новых коммуналок.

---

⁴ Ремизова А. ЧМО-создатель. Как правильно выбрать друг друга, чтобы счастливо жить вместе // Русский репортер. 28 мая – 11 июня 2015.

«Ленинград. Жилище-2000»¹

28 мая 1988 г. в газетах «Ленинградская правда» и «Вечерний Ленинград» вниманию ленинградцев была предложена анкета, с помощью которой Ленинградский городской Совет народных депутатов, его Исполком хотели выяснить отношение горожан к проекту программы «Ленинград. Жилище-2000», узнать мнение общественности о путях решения жилищной проблемы.

Результаты опроса были доложены депутатам на шестой сессии Ленсовета. Они использованы в программе «Ленинград. Жилище-2000», которую утвердили депутаты, будут учитываться в ходе ее осуществления.

Социальный состав 11 852 жителей, мнение которых нашло отражение в анкетах, таков: рабочие – 22 %, служащие и специалисты – 42 %, руководители среднего звена – 7 %, руководители высшего звена – 1 %, военнослужащие – 3 %, студенты – 3 %, пенсионеры – 19 %, прочие группы населения – 4 %. В свою очередь, половозрастной состав отвечает структуре взрослого населения города.

Среди ответивших на анкету 5 % проживают в общежитии, 36 % – в коммунальных квартирах, 15 % – в кооперативных, 44 % – в государственных отдельных квартирах, 0,3 % являются владельцами собственных домов. 40 % ответивших проживают в Ленинграде более 40 лет.

Напомним первый вопрос анкеты.

Как ленинградский житель одобряете ли вы следующие положения программы «Жилище-2000»?

	Одобрю (в %)	Не одобряю (в %)	Мне все равно (в %)
Идею ликвидации коммунальных квартир к 2000 г.	94	3	3
Насыщение микрорайонов новыми культурно-спортивными комплексами	87	5	8

¹ Этот текст был опубликован в газете «Ленинградская правда» № 159 (22301) от 9 июля 1988 г.

Строительство специальных домов для престарелых	85	10	5
Расширение строительства хозяйственным способом (за счет средств и ресурсов предприятий)	82	9	9
Строительство молодежных жилищных комплексов	76	13	11
Дифференцированную оплату жилья различного качества (изолированность, подсобные помещения, тип дома, тип квартиры, этаж, район расположения и т. п.)	75	18	6
Увеличение доли однокомнатных квартир в новом строительстве	63	22	15
Передачу ведомственного жилья в ведение исполкомов	63	16	21
Увеличение доли кооперативного строительства	60	25	15
Немедленное прекращение строительства общежитий для одиночек	60	20	20
Принятие домов жителями и трудовыми коллективами на общественную сохранность и обслуживание на основе трудового соглашения	52	32	16
Приобретение жилья в условиях свободного рынка за свои деньги	39	47	14
Развертывание нового индивидуального строительства (коттеджи) в городе	38	49	13
Программу «Ленинград. Жилище-2000» в целом	88	6	6

Прежде всего обращает на себя внимание то, что 88 % ответивших одобрили программу в целом, а 94 % – основную идею программы – ликвидацию коммунальных квартир к 2000 г.

Около 40 % ленинградцев, вероятно, считают, что увеличение доли однокомнатных квартир, передача ведомственного жилья в ведение исполкомов, увеличение доли кооперативного строительства, а также прекращение строительства

общежитий и расширение числа индивидуальных застройщиков мало связаны с основными целями программы.

Не совсем обычными представляются факты достаточно широкой поддержки ленинградцами предложений о постановке жилищного дела на экономические рельсы. Речь идет о развитии кооперативов, об обслуживании домов по трудовым соглашениям и даже о свободном рынке жилья. По сути, каждый второй-третий участник опроса поддержал развитие жилищной политики в этих направлениях, а установление дифференцированной оплаты жилья одобрили три четверти горожан.

В чем вы лично видите причины обострения жилищной проблемы в Ленинграде?

Вариант ответа	% отметивших данный пункт
Преимущественный рост населения города за счет приезжих	76
Несовершенство системы распределения жилья	68
Злоупотребления, обход действующих правил распределения жилья приобрели слишком большие масштабы	63
Недостаточны масштабы нового жилищного строительства	62
Неэффективность службы обмена жилья	58
Желание молодежи жить отдельно от родителей	55
Стратегия решения жилищной проблемы у исполкома в прошлом была несовершенной	52
Недостаток государственных средств на жилищное строительство	45
Слабое использование ресурсов и активности горожан в решении этого вопроса	38
Качественный рост наших жилищных потребностей	36
Большое количество разводов	28

Три четверти опрошенных считают, что в основном дополнительные трудности с обеспечением жильем создают неуклонный рост города за счет приезжих. На этом фоне демографические причины и даже недостаток средств или масштабов жилищного строительства кажутся участникам опроса проблемами второстепенными.

Иная ситуация в вопросах, связанных с деятельностью различных служб. В частности, тот факт, что 63 % жителей выделяют среди причин обострения жилищной проблемы злоупотребления, отход от действующих правил, которые якобы приобрели слишком большие масштабы, требует особого внимания работников исполкомов, партийных и профсоюзных комитетов. Это свидетельство прежде всего плохой информированности населения, недостаточной гласности, слабого участия трудовых коллективов в распределении жилья и, конечно же, определенной инерции мышления, выражающейся в устойчивом недоверии людей к тем, кто ведает распределением любых ресурсов. Понятно, что без точной и общедоступной информации вряд ли можно уверенно оценить ситуацию в такой сложной области, как жилищная политика.

Разошлись мнения горожан по двум ключевым, но пока спорным предложениям экономического регулирования жилищной сферы. Одно из них вводилось следующим вопросом: **«Если установить очень высокую квартплату за излишки жилплощади, ускорит ли это решение жилищной проблемы?»**

43 % читателей поддерживают эту идею, но с очень существенными оговорками: нужно учитывать, поясняют многие, качественные параметры жилья, специфику субъектов найма и ряд других обстоятельств.

Например, излишки метража, как и пустующие комнаты, подчеркивается в ответах, сегодня во многом характерны для коммунальных квартир. Сомневаются в целесообразности увеличения оплаты излишков 33 %, к ним примыкают, по существу, и те 18 % жителей, которые считают, что эта проблема должна решаться за счет государства. Становится ясно, что повышение платы за излишки может быть оправдано только в том случае, если речь идет об удобных квартирах, заселенных посемейно.

Второе предложение было сформулировано так: **«улучшится ли содержание государственных домов, если размер квартплаты (только за метраж) поднять до уровня реальных эксплуатационных расходов, то есть примерно в три раза?»**

Безусловно оптимистически относятся к этому предложению только 4 % горожан. Большинство ответивших (64 %) твердо убеждены, что только за счет повышения уровня квартплаты текущее содержание домов не улучшится.

«У дома нет хозяина» – такой вывод вписывают в анкету многие ленинградцы, критически оценивающие нынешнюю организацию содержания домов. И не только домов.

Насколько вас удовлетворяет...?

Вариант ответа	Не удовлетворяет (в %)	Удовлетворяет (в %)	Вполне удовлетворяет (в %)
Состояние вашего двора и придомовых территорий	65	25	10
Возможность проведения досуга вблизи дома	54	29	17
Внешний вид вашего дома	38	41	21
Набор культурных учреждений (библиотека, клуб, кинотеатр и т. п.)	31	36	33
Набор учреждений обслуживания (поликлиника, ателье, химчистка и т. п.)	23	43	34
Близость необходимых магазинов	22	38	40

Жителей не удовлетворяет состояние дворов и придомовых территорий. Они подчеркивают невозможность нормального досуга вблизи мест, где живут. Эти недостатки жилой среды отмечают жители как старых, так и новых районов.

Что в нашем городе вызывает у вас чувство гордости?

Вариант ответа	С этим мириться нельзя (в %)	С этим можно мириться (в %)	Этим можно гордиться (в %)
Уровень культуры ленинградцев	77	19	4
Состояние промышленных зон Ленинграда	76	23	1
Экологическая обстановка в городе	72	26	2

Внешний вид улиц (оформление витрин, реклама, иллюминация и т. п.)	49	49	2
Новые районы города	41	53	6
Состояние памятников истории и культуры	40	48	12
Современные памятники	31	59	10
Состояние исторического центра	25	34	41

Да, только 4 % участников опроса еще считают, что сегодня можно гордиться уровнем культуры ленинградцев.

Один из вопросов анкеты относился к оценке личной ситуации.

Какой путь решения для себя жилищной проблемы вы считаете наиболее эффективным?

Вариант ответа	% отметивших данный пункт
Встать на очередь в райисполкоме	18
Поиск вариантов с помощью жлобмена или самостоятельно	11
Вступление в жилищный кооператив	6
Встать на очередь на предприятии (учреждении)	6
Если есть деньги, все равно, какой путь использовать	5
Обращение к услугам обменного маклера	5
Изменение своего семейного положения	5
Использование связей с нужными людьми	1
Обращение к своему депутату	0,7
Для улучшения моих жилищных условий ни один из этих путей не подходит	20
Мои жилищные условия нормальные, менять их не собираюсь	22

Требует осмысления тот факт, что на государство или предприятие в решении своей жилищной проблемы рассчитывает сегодня только каждый четвертый из ответивших (если объединить соответствующие варианты). Пятая часть участников опроса приходит к выводу, будто шансов на улучшение жилищных условий в рамках существующей практики у них нет. Одновременно нельзя не отметить высокий процент (22 %) вполне довольных своим жильем. Приблизительно каждый шестой эффективность личного решения жилищной проблемы так или иначе связывает с наличием денег.

Особый вопрос – о льготах. Нам казалось, может случиться так, что к категории льготников люди будут относить прежде всего себя, если живут в очень стесненных условиях. Но получилось иначе.

Какие группы населения должны иметь право на получение жилья вне общей очереди?

Вариант ответа	% отметивших данный пункт
Инвалиды ВОВ всех групп и приравненные к ним	33
Участники и ветераны ВОВ	25
Коренные ленинградцы (с довоенного времени)	25
Инвалиды I и II группы общего заболевания и инвалиды труда	19
Блокадники	2
Многодетные семьи и матери	18
Инвалиды III группы общего заболевания и инвалиды труда	12
Воины-интернационалисты (в основном инвалиды)	12
Молодые семьи (молодожены) с маленькими детьми	11
Ветераны труда и передовики производства	8
Жители коммунальных квартир	6
Льгот быть не может, все должны получать жилье по общей очереди	6

Всего названо более 45 категорий претендентов на льготы.

И молодые, и пожилые, и старые отмечали, что льготами должны пользоваться больные и инвалиды. Многих заботит, что коренные ленинградцы преклонного возраста, по их выражению, «так и умрут в коммунальных квартирах». Много старых людей с трогательной заботой высказывались о молодых семьях и объясняли свою позицию: «Надо давать им квартиры, так будет меньше разводов, повысится рождаемость...» Высказывались мнения, что улучшать жилищные условия надо многодетным семьям лишь тогда, когда эти семьи воспитывают хороших детей, а не «беспризорников».

Истины ради надо отметить, что были и такие высказывания: «Наш город – не пансионат для престарелых иждивенцев, – считает один из читателей, рабочий-строитель по профессии. – Причина остроты жилищной проблемы лежит в перенаселенности города иждивенцами и нетрудовыми элементами».

Подчеркивалась необходимость учитывать при распределении квартир многолетний добросовестный труд. Принцип «заслуг», то есть занимаемой должности

и регалий, в данном вопросе не нашел поддержки. Были и высказывания типа: «сами живут в хоромах и поэтому нужды простых людей их не интересуют», «никаких льгот, тем более административному и партийному аппарату» и т. п.

В анкете было предложено выделить районы города или пригорода, которые жители считают самыми удобными для проживания, и привести мотивы своего выбора. Судя по ответам, районы проживания оценивались ленинградцами с точки зрения: экологической обстановки (зелень, парки, водоемы, чистый воздух и т. п.); качества снабжения продуктами; транспортной доступности; красоты. Немаловажным обстоятельством для многих ленинградцев оказывается то, что любимый район связан с детством, юностью, «многие памятные события прошли там».

Наиболее благоприятными для проживания районами названы: **Петроградский, Выборгский, Василеостровский, Пушкинский, Ждановский, Куйбышевский, Смольнинский, Дзержинский**. Наименее привлекательными – **Невский, Красногвардейский, Красносельский, Октябрьский, Калининский, Кировский, Ленинский**.

Остальные районы занимают промежуточное положение. В то же время и в непривлекательных районах читатели выделяют удобные жилмассивы: в Кировском – Юго-Запад, Дачное, Автово и Ульянка; в Калининском – район так называемой Гражданки.

Считаем важным отметить спокойный, благожелательный, конструктивный тон почты. Он говорит об определенной зрелости социального мышления. Даже те, кто явно формулирует свое неверие в реальность программы, сочли своим долгом заполнить все графы анкеты.

Отметим, что читатели добровольно отказываются от анонимности своего мнения – 44 % конвертов имеют точный адрес и фамилию участников опроса. Население высказывает готовность непосредственно участвовать своими ресурсами и трудом в решении жилищной проблемы и в благоустройстве городской среды. Четверо из десяти ответивших на вопросы анкеты считают, что силы и энергия горожан используются слабо. Дело, следовательно, в поиске таких форм решения жилищной проблемы, которые оптимально сочетали бы интересы отдельных людей, служб и интересы города в целом, интересы общественные.

Исполком Ленсовета, научная группа благодарят ленинградцев, принявших участие в данном опросе общественного мнения.

*Социологическая группа
«Жилище-2000» ИСЭП АН СССР*

Моя жилищная история. Опыт тематически фокусированного автобиографического повествования

Автором предпринята попытка разработки модели социологического описания одного из важнейших аспектов образа жизни и жизненного процесса индивида на примере собственной биографии.

Из выводов: жилище – это то, что человек считает своим, «свой угол», не важно – пещера, шалаш, комната, квартира или особняк. Это точка или граница между персональным и социальным, внутренним и внешним, частным и общественным («ничьим») пространством. Однако, увы, особенно в наших общественных условиях «мой дом» – вовсе не «моя крепость». И зависимость от внешних, зачастую чуждых индивиду форм организации социальной жизни именно в жилищной сфере порой проявляется особенно сильно и даже грозно...

Ключевые слова: жилищная ситуация, жилищная история, жизненная ситуация, образ жизни, жизненный процесс, биография, человек и государство.

Замысел коллег (в частности, О. Б. Божкова и Т. З. Протасенко) объявить публичный конкурс сочинений на тему «Моя жилищная история» и – параллельно – обратиться к социологам с предложением участвовать в сборнике под таким названием, с тематически фокусированными автобиографическими эссе, заинтересовал меня.

Для меня возник повод разработки модели социологического описания одного из важнейших аспектов образа жизни и жизненного процесса индивида на примере собственной биографии. Последняя, разумеется, не исчерпывает всего богатства возможных поворотов жизненной судьбы, часто существенно

связанной с: местом жительства; проживанием в отдельной/коммунальной квартире (для городских жителей) или в сельском доме; типом собственности – жилище принадлежит семье или одному из ее членов либо снимается (тогда – наем у государства или в «частном секторе»); проживанием по месту регистрации (прописки) либо в другом месте по тем или иным причинам. И т. д.

Разработка модели может быть дедуктивной либо индуктивной. В первом случае задается *a priori* ряд параметров, по которым описывается «жилищная история» человека (некоторые из этих параметров отмечены выше). Индуктивный же путь – это просто «сырое» описание биографии индивида (в данном случае – автора этих строк), под углом зрения или с акцентом на перипетии жилищной истории, на протяжении жизни.

Автор, которому уже за 80, располагает довольно богатым опытом таких перипетий.

Итак, выбираем индуктивный путь.

Должен сказать, что наш герой (то есть я сам) являет собой довольно консервативный тип образа жизни. А именно: он не живет «на несколько домов» (как теперь все чаще встречается), проживает в одной и той же стране и – преимущественно – в одном и том же населенном пункте (Ленинград/Санкт-Петербург).

Далее, это жилищная история советского/российского гражданина, горожанина (как уже отмечено), имеющего семью (состав которой, разумеется, меняется на протяжении жизни). У него умеренная трудовая мобильность (имея в виду смену мест работы и сфер занятости на протяжении жизни).

Особенности жилищной истории героя нашего повествования коснутся прежде всего следующих обстоятельств:

а) коммунальная либо отдельная квартира;

б) тип застройки: старый фонд, «сталинские» дома, хрущевки, новое строительство (различающееся по историческим периодам);

в) собственное либо снимаемое жилое помещение (с различением ситуаций: социального найма – у государства, и найма у частных лиц);

г) фактическое проживание по месту собственной регистрации (прописки) либо по другому адресу;

д) источник обретения жилища: родительская квартира (наследование), или жилищный обмен, или получение жилплощади от государства, или приобретение жилища на собственные средства – единовременное или по ипотеке, и т. п.;

е) перемены жилищной ситуации в зависимости от пространственной, трудовой и социальной мобильности индивида;

ж) перемены жилищной ситуации в зависимости от семейных обстоятельств (женитьба, развод и др.).

Возможно, по ходу изложения «всплывут» и другие типологические особенности, но пока значимыми представляются именно эти.

Введу еще несколько ограничений. Всякий человек может уезжать в командировки, в отпуск, в гости (иногда это даже требует временной регистрации), то есть живет какое-то время «не дома»: в гостинице, у родственников и друзей, на даче, «у хозяев» – на фиксированный отрезок времени, в туристском походе и т. п. Я, как правило, не буду учитывать эти случаи, если такое временное проживание продолжается меньше года. Иначе говоря, мы будем рассматривать случаи только стабильного, относительно продолжительного проживания на одном месте.

Далее, жилищная история всякого индивида – это история его проживания совместно с членами семьи (родительской, собственной, с теми или иными близкими родственниками). Понятно, что состав семьи, или круг лиц, проживающих совместно (обычно – ведущих общее хозяйство), – это важнейшая характеристика жилищной ситуации. Характеризуя персональную жизненную ситуацию, естественно, затрагиваешь жизненные обстоятельства членов семьи. Таким образом, личная жилищная история пересекается с соответствующими историями – родителей, супруга (супруги), детей, иногда – внуков, а также братьев и сестер, наконец – родственников супруга (супруги) как собственного (собственной), так и младшего поколения.

Семейная роль или родственное отношение героя жилищной истории (сын, дочь, муж, жена, родитель, дед, бабушка, зять, невестка, тесть, теща и др.) является существенным моментом всякой жилищной ситуации (соответственно, истории).

Еще одно общее замечание. Будем рассматривать жилищную историю как некую последовательность различных жилищных ситуаций (динамика как смена состояний). Всякая перемена в жилищных условиях имеет свои внешние причины и внутреннюю мотивацию. Те и другие подлежат освещению и/или раскрытию.

И последнее. Автор этих строк не однажды давал биографические интервью¹, писал и семейную хронику². В биографических интервью делался акцент на трудовой биографии (если не считать периода ранней социализации – детства и отрочества, обучения в школе и вузе). Семейная хроника в основном фиксировала череду жизненных событий (рождение, учеба, вступление в трудовую

---

¹ «Рыба ищет – где глубже, а человек – где не так мелко»; Продолжение следует... – http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=128&id=5. «На семи ветрах» – <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-intervyu-raznyh-let-5-na-semi-vetrah-chast-1>; <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-intervyu-raznyh-let-7-na-semi-vetrah-chast-2>.

² *Алексеев А. Н.* Корни и ветви. В помощь пишущим о предках и о себе самом/самой: «эстафета памяти» и два примера семейной хроники – <http://7iskusstv.com/2013/Nomer6/Alekseev1.php>; <http://7iskusstv.com/2013/Nomer7/Alekseev1.php>.

жизнь, женитьба или замужество, рождение детей, трудовая и пространственная мобильность...).

В том и другом случае жилищная ситуация затрагивается в основном лишь при смене места жительства (населенный пункт), и здесь не отражается вся полнота черт и особенностей данной ситуации.

В этом смысле собственно жилищная история оказывается существенным дополнением трудовой и семейной биографии, как бы выходит «из тени», по праву занимая место одного из важнейших аспектов жизненного процесса и биографии индивида. При этом рассматривать ее в отрыве от остальных аспектов, вырывать эту тему из общего жизненного контекста нельзя, равно как и презентовать всю биографию вне социального и исторического контекста.

Другое дело, что последовательность жилищных ситуаций тут выступает как предмет приоритетного рассмотрения, а все остальное – как контекст или «фон».

Теперь, после всех этих предварительных замечаний, можем приступить к нашему *case study*, или описанию «случая АА», героем которого выступает автор этих строк.

1

Наш герой родился 22 июля 1934 г. в Ленинграде. Его родители – Варвара Петровна Пузанова (1899–1963) и Николай Николаевич Алексеев (1904–1973), оба – инженеры, жили тогда в доме дореволюционной постройки на углу улиц Некрасова и Восстания (ул. Некрасова, д. 40), на пятом (последнем) этаже (потолки – высокие, пролеты лестницы – большие, без лифта), в квартире (квартира 8), которую когда-то занимала одна семья, а потом ее «уплотнили» и квартира стала коммунальной – на 6 или 7 семей (насколько помню).

(Информация о доме 40 по ул. Некрасова: бывший доходный дом С. Е. Егорова; построен в 1883–1884 гг., арх. П. Ю. Сюзор.)³

Комната, которую занимали мои родители (когда и при каких обстоятельствах они в нее вселились, мне, к сожалению, неизвестно), была из самых больших – метров 40, с двумя окнами и балконом, выходящими на ул. Некрасова. В этой комнате сами собой сложились несколько функциональных мест, разграниченных ширмами и мебелью: передняя (прихожая) – с вешалкой для верхней одежды; спальня с комодом и старинным умывальником; столовая с буфетом и кухонным столиком; кабинет с письменным столом и книжным шкафом; тут же, неподалеку, – платяной шкаф с зеркалом и старинный столик-секретер. С моим рождением нашлось место для детской, с маленьким столиком для занятий ребенка.

³ См.: <http://www.citywalls.ru/search-street141-page5.html>.

Уже по тому, что рассказано, видно, что мать избегала появляться на коммунальной кухне, заставленной кухонными столами с керогазами и керосинками. Сама она держала керосинку, на которой приготавлилась пища, в комнате.

Отопление было печное (в левом ближнем к входной двери углу, в районе спальни – большая кафельная печь). Поленица дров – в глубоком дверном проеме комнаты, снаружи. Ванной в квартире или не было, или я не помню (во всяком случае, наша семья ею не пользовалась). Туалет, понятно, один на всех жильцов.

Звонок на входной двери квартиры вроде был один. К каждой семье полагалось определенное количество раз на него нажимать. К нам, кажется, было пять звонков.

Признаться, я все это описываю уже по послевоенным впечатлениям, но вряд ли до войны было иначе.

Летом обычно выезжали в «загородный» дом в Дачном (Дачное до войны было пригородом), где тогда жили сестра моей матери – Мария Петровна Пузанова, ныне покойная, с мужем – Владимиром Владимировичем Абрашкевичем, ныне покойным. Дом – деревянный, двухэтажный, оригинальной архитектуры, построенный еще до революции моим дедом – Петром Михайловичем Пузановым (1860–1935), инженером, работавшим на Путиловском заводе.

2

В комнате на ул. Некрасова семья (отец, мать и я) жила вплоть до начала войны, а в войну – еще до начала блокады – мы уехали в эвакуацию. Наиболее продолжительным местом проживания был Омск, куда эвакуировался Завод им. Ворошилова (ныне – «Звезда»), на котором работал отец. В Омске снимали комнату в деревянном одноэтажном доме («частный сектор»). Деталей обстановки не помню.

Мать еще до моего рождения издала две книжки по технологии тракторостроения (курс лекций по «допускам и посадкам»). Когда появился я, она занялась исключительно моим воспитанием, учила меня французскому и немецкому языкам еще до войны – и особенно в эвакуации. Так что я со своим домашним воспитанием впервые пошел в школу (в Омске) в девятилетнем возрасте – практически сразу в четвертый класс⁴.

В период нашего отсутствия в комнате на ул. Некрасова в Ленинграде проживал Владимир Васильевич Абрашкевич. Он там пережил всю блокаду и сумел сберечь все имущество – и мебель, и книги. (Он был инженером-кораблестроителем и работал на Заводе им. Жданова). Так что осенью 1944 г. мать со мной смогла

---

⁴ См.: *Алексеев А. Н.* Бесценный дар от матери – <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/andrei-alekseev-1/a-alekseev-bescennyi-dar-ot-materi>.

вернуться в Ленинград – в полностью сохранившееся довоенное жилище. (Позднее к нам присоединился отец.)

3

Родительская семья проживала в комнате на ул. Некрасова вплоть до 1955 г. (примерно). Оттуда я ходил в школу на Соляном переулке, которую окончил в 1950 г., затем – на филологический факультет Университета (куда ездил на трамвае – тогда трамваи еще ходили по Невскому).

Диспозиция в нашем жилище в то время была такая же, как описанная выше, – довоенная. Только на месте «детского уголка» появились мой топчан для сна и еще один книжный шкаф.

К членам семьи прибавился кот Дымок (или Пушок), привезенный матерью из Омска. А позднее ему на смену пришел Чернуш (Черныш?), затем другой кот – такой же расцветки. Коту было запрещено выходить за пределы комнаты (в коммунальный коридор). Кошачий век в ту пору был недолог. Кажется, второй кот свалился с балкона, но выжил. Последнему – довелось объездить с матерью на автомашине «Победа» Прибалтику, Закарпатье, Крым и Кавказ. Один раз его оставили на время путешествия у знакомых, живших где-то в районе Тосно. Он там выбежал на шоссе и попал под колеса проходящей машины.

Где-то в девятом или десятом классе мне был подарен родителями велосипед «Диамант». Для меня не было проблемой затаскивать его на пятый этаж. А место ему было отведено все в той же комнате, в прихожей.

Автомашину (сначала «Москвич», потом «Победу») приобрели где-то на рубеже 1940–1950-х. Поначалу мать была единственным водителем. По достижении 18 лет права получил и я. На «Победе» совершали далекие путешествия – за отпуск до 10 тысяч километров. Однажды проехали по берегу Черного моря от Одессы до Батуми.

Помнится, одна из первых поездок в Крым на нашей «Победе» была аж вшестером. Семья моей тетушки – Марии Петровны Пузановой – тогда еще не имела своей машины. И вот представьте: 18-летний водитель за рулем, справа – его мать, а сзади – его отец (машину тогда не водивший), Владимир Васильевич и Мария Петровна. И между ними еще устроился на волейбольном мяче 12–13-летний подросток – мой двоюродный брат Володя (1939 г. р.).

Дом по ул. Некрасова, 40 был огромный – аж на целый квартал, образуемый ул. Некрасова, Восстания, Радищева и Басковым пер. В нем было много подсобных, подвальных помещений, используемых как дровяники, и даже междворовое арочное пространство, преобразованное в гараж.

Моей обязанностью в старшем школьном и студенческом возрасте было носить дрова – вязанками на спине – из нашего «личного» подвального помещения через двор и на пятый этаж. (Неужели у каждой семьи в доме было закрепленное за ней подвальное помещение? А как иначе? Ведь отопление – печное).

А гаражное помещение в доме мы делили с профессиональным шофером, который ухитрялся заезжать туда на своей легковушке хитроумным маневром, когда дорогу преграждала наша машина.

Еще одной из моих семейных обязанностей (по достижении 18-летия) было отвозить отца по утрам на машине на работу, к Заводу им. Ворошилова, – это в районе нынешней станции метро «Обухово». Машин тогда в городе было мало, пробок не было, и удавалось доехать из центра до завода по пр. Обуховской Обороны за 10–15 минут, как помнится.

4

Следующим моим жилищем была отдельная двухкомнатная квартира (комнаты изолированные) на третьем этаже «сталинского» дома на углу проспекта Обуховской Обороны (адрес, кажется: пр. Обуховской Обороны, д. 229/7, номера квартиры не помню) и улицы Чернова – короткой, метров 200–300, упиравшейся в проходную отцовского завода. Отец в ту пору, кажется, уже занимал должность главного технолога этого завода, во всяком случае – принадлежал к числу «командиров производства».

Окна квартиры выходили на пр. Обуховской Обороны. Из особенностей этой квартиры мне запомнилась необычная для городских домов конструкция душевой: душ был прикреплен под потолком, а вода стекала в решетку посреди пола. В душевой можно было уместиться только стоя или сидя на табуретке.

Между этим «заводским» домом и заводом был тогда пустырь (ныне, разумеется, застроенный). Где-то на полпути от дома до проходной завода размещалось с десятков гаражей, в том числе один – принадлежащий родительской семье.

Как-то так получилось, что переезд совершился без меня: дело было летом, и я находился на студенческой стройке. Я был прописан в этой квартире (вместе с отцом и матерью) чуть не 20 лет, но пожить в ней не успел, так как к этому времени женился на студентке филфака ЛГУ Елене Ивановне Ларионовой (1933–2002), одним курсом меня младше, и стал жить «приймаком» в ее родительской семье. Потом были другие обстоятельства.

Отец с матерью к тому времени практически разошлись, но брака не расторгли. Общими у них были квартира и машина. Еще сохранялось профессио-

нальное сотрудничество: на титуле одной из книг кандидата технических наук В. П. Пузановой в «Машгизе» стояло также имя Н. Н. Алексеева.

А жили в одной квартире врозь: каждый в своей комнате: мать – в большей, отец – в меньшей. А где бы жил я, если бы не женился, – неясно (скорее всего, в одной комнате с матерью).

5

Моим следующим и довольно долговременным жилищем была комната в коммунальной квартире на третьем этаже дома на Поварском пер. (это переулок, соединяющий Колокольную и Стремянную улицы, параллельный Владимирскому проспекту). Адрес: Поварской пер. д. 13, кв. 4. Дом – четырехэтажный, старинный, с высокими потолками. В XIX веке в нем проживали (в разное время) Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, Н. Г. Чернышевский⁵. А в 1910-х гг. в этой квартире поселился генерал (военный прокурор) Николай Федотович Дорошевский (1855–1919) с семьей – дед моей первой супруги Елены Ивановны⁶.

После революции Дорошевских «уплотнили», квартира стала коммунальной. За родительской семьей Елены остались две сугубо смежные комнаты, в которых проживали мать (Людмила Николаевна Румянцева, в девичестве Дорошевская) и отец Елены (Константин Васильевич Румянцев), она сама, а также ее старший брат Георгий.

Кроме названных в этой коммунальной квартире, проживало еще шесть семей.

В блокаду все родные Елены умерли, ей же было – 8–9 лет. Перед смертью ее мать Людмила Николаевна просила соседей по квартире – Ивана Ивановича и Ольгу Тимофеевну Ларионовых, ныне покойных, – позаботиться о девочке, чтобы она не попала в детский дом.

Супруги Ларионовы, выходцы из деревни Стрелка Боровичского района Новгородской области, удочерили Елену, ставшую с тех пор не Румянцевой, а Ларионовой. Тогда же они переселились из темной маленькой комнаты в этой

⁵ См.: Дом в Поварском переулке и его обитатели – <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/dom-v-povarskom-pereulke-i-ego-obitateli>; <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/dom-v-povarskom-pereulke-i-ego-obitateli-prodolzhenie-temy>.

⁶ См.: Новиковская О. Дорошевские. Генеалогические поиски продолжаются. Глава 1 – <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/o-novikovskaya-doroshevskie-genealogicheskie-poiski-prodolzhayutsya-glava-1>; Глава 2 – <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/o-novikovskaya-doroshevskie-genealogicheskie-poiski-prodolzhayutsya-glava-2>; Глава 3 – <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/o-novikovskaya-doroshevskie-genealogicheskie-poiski-prodolzhayutsya-glava-3>; Глава 4 – <http://www.cogita.ru/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/o-novikovskaya-doroshevskie-genealogicheskie-poiski-prodolzhayutsya-glava-4>.

квартире в бывшие «парадные» комнаты с окнами на Поварской пер., оставшиеся после родителей Елены.

Приемный отец Елены – Иван Иванович – был столяром; приемная мать – Ольга Тимофеевна – к тому времени была рабочей.

Вот в эту рабочую семью и подселился зять, герой настоящего повествования. Старшие жили в большей комнате, младшие – в меньшей, проходной, с входной дверью, отгороженной шкафами.

6

В 1956 г. молодые супруги окончили Университет (в один и тот же год, поскольку у Елены был пятилетний, а у ее мужа – шестилетний курс обучения). Наш герой с его специальностью журналиста в дипломе получил распределение в молодежную газету города Куйбышева (теперь Самара) «Волжский комсомолец», куда и отбыл.

В редакции газеты молодой журналист успешно продвигался по служебной лестнице (из литсотрудника скоро вырос до заведующего отделом комсомольской жизни). Однако обеспечить молодого специалиста жилплощадью редакция не могла. Полтора года снимал комнату в «частном секторе» (насколько помню – на Сызранской ул.); **бывало, ночевал и на диване в редакции.** При этом его периодически возобновляемая прописка в Куйбышеве была временной, а постоянная ленинградская (в доме на пр. Обуховской Обороны) сохранялась.

Супруга (Елена Ивановна), получившая при окончании вуза ввиду замужества свободное распределение, какое-то время потратила на поиски работы в Куйбышеве, но безуспешно. Перспективы получить жилье не было. В итоге оба решили вернуться в Ленинград, и редакция «Волжского комсомольца» была вынуждена отпустить своего сотрудника, не отработавшего положенный молодому специалисту срок (три года).

7

Вернувшись в родной город (1958 г.), супруги стали снова жить в коммунальной квартире на Поварском пер. Работали журналистами – и он, и она. По мере старения родители Елены всё чаще стали уезжать в деревню Стрелка, где у них сохранялся построенный в молодости сельский дом. (Дом этот и сейчас стоит, и моя дочь ежегодно проводит там лето.) В конце концов приемные родители Елены Ларионовой (теперь уже Алексеевой) переехали туда совсем, лишь изредка наезжая в город.

А в семье Алексеевых 21 сентября 1960 г. родилась дочь Ольга. Жили втроем на жилплощади 50 м². При этом для друзей, страдавших от стесненных жилищных условий, находилось место.

Кажется, еще до моего вселения в эту квартиру в ней был телефон.

8

В 1961 г. наш герой, к тому времени успевший проработать три года в ленинградской молодежной газете «Смена», круто сменил род занятий, покинув (по собственной инициативе) редакцию газеты и поступив на завод в качестве рабочего. Этот факт трудовой мобильности можно было бы и не упоминать как не имеющий прямого отношения к жилищной истории, если бы второе рабочее место, занятое им в рамках такого «хождения в рабочие», не было за пределами Ленинграда, а именно – на Волховском алюминиевом заводе (в Ленинградской области).

Поступление на этот завод повлекло за собой изменение жилищной ситуации – на год без малого переселился в заводское рабочее общежитие (1963–1964). Впрочем, почти еженедельно ездил в Питер, где оставались жена и дочь.

9

Наконец, продолжительные «отлучки» из дома на Поварском кончились, и вплоть до конца 1960-х гг. наш герой проживал вместе с женой и дочерью на жилплощади супруги, будучи по-прежнему постоянно прописан (напомним) в родительской квартире на пр. Обуховской Обороны, где практически никогда не жил.

17 мая 1963 г. в возрасте 63 лет скончалась мать – Варвара Петровна Пузанова. Отец продолжал жить в квартире на пр. Обуховской Обороны. Получив права, сам стал водить машину. Наш герой забрал себе материнскую домашнюю библиотеку и ее архив. Вскоре после смерти матери отец женился вторично, и в родительской квартире стала проживать его новая супруга (Лидия Михайловна, фамилию забыл). В общем, все – и старшие и младшие – были неплохо жилищно обеспечены, только наш герой проживал не по адресу постоянной прописки. Потом это сыграло чуть ли не роковую роль.

10

В квартире на Поварском подрастала дочь супругов Алексеевых. Те работали журналистами: он в «Ленинградской правде», она на Ленинградском телевидении. Потом наш герой стал аспирантом факультета журналистики ЛГУ (1965 г.).

Где-то в начале 1960-х дом на Поварском пошел на капитальный ремонт. Все жильцы выезжали на резервный жилой фонд, кроме супругов Алексеевых. Отчасти благодаря этому удалось добиться исправления внутренней планировки квартиры, так что их две сугубо смежные комнаты стали смежно-изолированными (как до революции).

(Впоследствии это обстоятельство облегчило Елене Ивановне с подростковой дочерью обмен в 1975 г. двух комнат в коммунальной квартире на аж трехкомнатную отдельную квартиру, правда меньшего, чем эти комнаты, суммарного размера, и в хрущевке, в Кировском районе, в Дачном.)

Еще один эпизод, относящийся к коммунальной квартире на Поварском (первая половина 1960-х). Там была ванная, но пользоваться ею было практически невозможно, так как отсутствовала водогрейная колонка. Наш герой тогда уже работал на заводе, но продолжал печататься в газетах.

И вот в газете «Смена» появилась острокритическая и проблемная (по тем временам) статья о бюрократизме как социальном явлении. Поводом послужила чиновная волокита с установкой газовой колонки в ванной некой коммунальной квартиры в старом фонде. Было подсчитано, что жильцы потратили на хождение по инстанциям в связи с этим больше жизненного времени, чем на посещение бани. Автор настаивал на организации общественных судов над бюрократами, как к этому когда-то призывал Ленин.

Статья имела резонанс. Жилищно-коммунальное управление запрашивало редакцию, по какому адресу эти события имели место. Газовая колонка в конце концов была установлена – безотносительно к данной публикации.

Интересно, что в ту пору, в 1960-х, в этом же доме, выше этажом, проживал мой впоследствии друг и коллега Борис Зусманович Докторов (с которым мы тогда знакомы не были).

Где-то в конце 1960-х семья Алексеевых распалась. Это произошло стремительно. Но, по счастью, никак не сказалось на человеческих отношениях, оставшихся навсегда очень дружественными, в сущности – даже родственными. Елена Ивановна замуж больше не вышла, герой же настоящего повествования в ту пору сблизился с супругой своего школьного друга и одноклассника Бориса Крюкова. Нелли Алексеевна Крюкова (1932 г. р.), медик и биохимик по специальности, вскоре стала супругой А. Н. Алексеева.

Понадобился разъезд бывших супругов Крюковых. Их семья состояла из них двоих, сына Алексея, ныне покойного, и матери Нелли – Лукерьи Матвеевны,

ныне покойной. У них была неплохая трехкомнатная квартира в высотном (так можно было по тем временам назвать 9–12-этажку) доме на пр. Мориса Тореза. Было принято решение, что сын останется с отцом, а мать Нелли, понятно, с ней.

В итоге жилищного размена Нелли Алексеевне с Лукерьей Матвеевной досталась комната в малонаселенной коммунальной квартире в доме по Кирилловской ул. (Смолянинский район, старый фонд). Комната чуть больше 20 м². Жить там втроем (Нелли, ее новый супруг и ее мать) было немислимо. Следовало озаботиться улучшением жилищных условий любой ценой.

12

Выход образовался сам собой. После окончания аспирантуры в 1968 г. наш герой получил приглашение на работу в научный институт в Новосибирском академгородке. Там светила интереснейшая работа и перспектива защиты кандидатской диссертации.

То и другое состоялось. На протяжении почти двух лет (1969–1970) А. Н. Алексеев проживал в аспирантском общежитии Новосибирского академгородка, имея маленькую, но персональную комнату в здании с коридорной системой. Из Новосибирска случались поездки в отпуск на Телецкое озеро и на Байкал – вместе с приехавшей на лето дочерью-подростком и новой женой и ее сыном.

Но, вообще-то, проживание и работу в Сибири можно рассматривать как затянувшуюся на два года командировку. На время пребывания там, при временной прописке в Новосибирском академгородке, жилплощадь в Ленинграде (напомню – прописка в родительской квартире на пр. Обуховской Обороны) была забронирована (что допускалось для случаев переезда в Сибирь).

Тем временем дочь нашего героя проживала с матерью (его бывшей женой) в комнатах на Поварском. А новая жена с ее матерью оставались в Питере, в комнате на Кирилловской ул.

13

Наш герой вернулся из Новосибирска в Ленинград после защиты кандидатской диссертации – в конце 1970 г. Стал работать в ленинградских секторах Института философии, потом перешел в Институт социологических исследований АН СССР.

Какое-то время промаялись втроем с женой и ее матерью на жилищном «пятчке» в комнате на Кирилловской ул. Другого выхода, как снимать нам с Нелли жилплощадь у частных лиц, не было.

По счастью, удалось найти вариант – снимать комнату в трехкомнатной квартире на первом этаже панельного дома на ул. Седова (в Невском районе). В этой квартире жила (и сейчас живет) давняя и близкая подруга Ирины Михайловны Яковлевой (жены моего двоюродного брата Владимира Владимировича) Лидия Сошлюкова. У нее – две младшие сестры – близнецы Таня и Оля – и собственный сын Сережа. Лидия воспитывала их одна. Она согласилась сдавать нам с Нелли одну (среднюю по величине) комнату из трех. По размерам оплаты это было для нас приемлемо, а главное – полное взаимное доверие и расположенность между хозяйкой и жильцами. Так мы прожили около трех лет. Обжились настолько, что в этой комнате было построено два больших стеллажа – для книг и для бумаг. Эти стеллажи и по сей день существуют, сопровождая нашего героя во всех его переселениях.

Мать Нелли (Лукерья Матвеевна) продолжала жить в комнате на Кирилловской ул.

Однако ясно было, что это лишь временный выход из положения. Как решить семейную жилищную проблему?

К сожалению, очередная глава жилищной истории будет изобиловать неопределенностями. Я просто запомнил подробности ухищрений, предпринятых семьей для того, чтобы встать на учет для улучшения жилплощади и обзавестись-таки отдельной квартирой. Кое-что буду домысливать, не будучи уверен, что именно так все и было.

Для постановки на учет для улучшения жилплощади (попросту говоря – для постановки на очередь) нужно было, чтобы в комнате на Кирилловской ул. на одного жильца приходилось меньше определенного «норматива» жилплощади. Кажется, тогда этот норматив составлял 6 м².

Комната, по-видимому, была чуть меньше 24 м². Поскольку прописаны в ней только двое – Нелли Крюкова и ее мать, – налицо «вполне достаточная» жилищная обеспеченность.

Даже если бы А. Н. Алексеев туда прописался, это не решало проблемы. То есть это было необходимым, но не достаточным условием.

Но и это условие соблюсти оказалось непросто. Встретившись с отцом, наш герой сказал ему: «Я должен выписаться из твоей квартиры, чтобы как-то устраивать свою судьбу». Это вовсе не устраивало отца. Его новая жена – Лидия

Михайловна – жила с ним в его квартире, но вовсе не собиралась в ней прописываться. (Сохранение ею своей прежней прописки как-то облегчало ей наилучшее жилищное обустройство ее собственных взрослых детей.)

Если же я выпишусь из родительской квартиры, то усложню жизнь отцу, который тогда останется прописанным в ней один и – того и гляди – к нему кого-нибудь подселят. (Может, и не так, но он, как видно, того опасался.)

Услышав от сына: «Но что же мне делать? Ты привязал меня к этой квартире, но ведь ты же непустишь меня жить в ней!» – отец схватился за сердце, и мы с ним после этого какое-то время не общались. (Примирение произошло лишь незадолго до его кончины – в 1974 г.)

Насколько помню, я от отца все же выписался (на выписку, в отличие от прописки, согласия остальных жильцов не требуется) и прописался к жене и ее матери.

Но что еще сделать, чтобы встать на очередь? Договорились с сыном Нелли Алексеевны (напомню, он жил тогда со своим отцом, бывшим мужем моей супруги – Борисом Крюковым), а также с самим Борисом, который к тому времени, кажется, уже завел новую семью, чтобы прописать Алексея к матери (сына к матери нельзя не прописать!).

Тогда получится меньше 6 м² на человека, то есть появятся основания для постановки на очередь... Как только ни исхитряются граждане, чтобы обмануть государственную машину, которая сама их непрерывно давит!

Но мало встать на очередь – надо еще обеспечить ускоренное продвижение этой очереди, или «первоочередное» улучшение жилищных условий. Здесь вовремя вспомнили о правах Лукерьи Матвеевны, муж которой (отец Нелли) погиб на фронтах Великой Отечественной. Как вдове погибшего офицера ей положена эта «привилегия».

Может, я все это если не выдумываю, то домысливаю, пытаюсь построить правдоподобную схему. Тут еще активно вмешался тогдашний начальник нашего героя. Вроде строился какой-то «академический» дом, часть квартир которого должна была отойти очередникам, а наша семья вроде подходила по нескольким параметрам (не исключая и мою работу в Институте Академии наук).

Вроде бы предназначавшаяся нам в этом доме квартира ушла кому-то более заслуженному, но «в утешение» была предложена трехкомнатная квартира на шестом этаже в строящемся девятиэтажном доме на Васильевском острове (Наличная ул., д. 40). Дом панельный – серии, которую в просторечье называют «кораблем» (это где окно кухни и окно одной из комнат имеют более высокий, чем у остальных, подоконник, то есть площадь таких окон несколько меньше, чем могла бы быть. (Дома этой серии были распространены в 1970-е гг., сейчас таких не строят.)

Интересно, что каждый будущий жилец заранее знал номер своей квартиры и мог встретиться с рабочими-строителями и договориться, чтобы они за особое вознаграждение, скажем, дополнительно утеплили линолеумный пол или поставили лишнюю секцию батареи отопления.

В итоге, к 1974 г. семье А. Н. Алексеева удалось жилищную проблему решить. Это еще, считайте, повезло, что к 40 годам довелось стать нанимателем у государства целой отдельной квартиры.

На установку телефона очередь подошла лишь через десять с лишним лет. И то – сдвоенная линия с соседней квартирой.

Лишь через несколько лет после нашего вселения открылась станция метро «Приморская». До этого ездили от станции метро «Василеостровская» на автобусе.

15

В этой трехкомнатной квартире по адресу: Наличная, д. 40, корп. 1, кв. 132 – героем настоящего повествования было прожито 22 года (до 1996 г.).

Там при входе, слева, – ванная, туалет и кухня. Прямо – коридор, из которого – по левую сторону – вход в наименьшую комнату (с уменьшенным окном); далее коридор упирается в дверь самой большой комнаты, являющейся проходной, из которой ход направо в среднюю по величине комнату, откуда дверь на балкон. Окно этой дальней комнаты выходит на Наличную ул., окна остальных комнат и кухни – на открытый двор.

Квартира на лестничной площадке напротив имеет зеркальную относительно вышеописанной планировку.

Этот дом был первым, построенным в данном квартале на острове Декабристов. Какое-то время за домом сохранялось открытое пространство до самого берега залива, так что можно было из окна наблюдать морские закаты. К настоящему времени квартал, разумеется, весь застроен.

В меньшей по размерам комнате поселилась Лукерья Матвеевна. В большей – проходной – стояли письменный стол и множество стеллажей плюс диванчик; там в основном обретался герой настоящего повествования. Средняя по величине комната – вотчина Нелли Алексеевны.

В этой квартире поначалу были прописаны четверо: трое вышеупомянутых и сын супруги нашего героя от первого брака – Алексей (точно год рождения не помню, но он был старше моей дочери лет на пять), который в доме на Наличной ул. никогда не проживал, а продолжал жить вместе с отцом. Договорились, что Алексей выпишется с Наличной после того, как будет сделан за него первый

взнос на кооперативную квартиру. Этих денег у нашего героя не было. Дала взаймы Лукерья Матвеевна. В итоге в квартире остались прописанными трое реально проживающих в ней людей.

Потом зять отдавал теще долг несколько лет. Отдал полностью.

15а

На период проживания в этой квартире пришлось много важных жизненных событий: работа научным сотрудником в Институте социально-экономических проблем АН СССР (1975–1979), «эксперимент социолога-рабочего» (1980–1988), необходимая оборона от возникших политических обвинений в отношении А. Н. Алексеева, возвращение к работе в академическом институте (Ленинградский филиал Института социологии, 1989 г.)⁷.

Именно в этой квартире в сентябре 1983 г. производился обыск, в итоге которого были конфискованы дневники, письма, архивы героя настоящего повествования (возвращенные лишь пять лет спустя).

Сотрудники УКГБ ЛО под видом милиционеров обследовали – одна за другой – каждую полку на стеллажах. На одной из полок лежала коробочка с самодельными микрофильмами (крамольная литература). Я незаметно взял коробочку в руки и не знал, что с ней делать. Нелли Алексеевна догадалась, предложила: переложить это на уже обследованный стеллаж. Пронесло.

Вскоре затем состоялся странный взлом и разгром квартиры (ничего не было похищено), исполнители чего так и остались необнаруженными, хоть расследование и тянулось несколько лет.

В ту пору наш герой работал слесарем-наладчиком на Ленинградском заводе полиграфических машин.

Еще одно – уже позднейшее – событие в этой квартире. Особенно моя комната была вся заставлена книжными шкафами, стеллажами, завалена бумагами... Тем не менее киношники из Москвы как-то исхитрились протащить в нее свою аппаратуру для съемки документального фильма «Не могу иначе» о нашем герое как социологе-рабочем, «прорабе перестройки» и т. п. (1988 г.).

В конце 1980-х, когда началась кампания по бесплатной приватизации жилья, супруга нашего героя – Нелли Алексеевна Крюкова – выступила инициатором приватизации квартиры на Наличной ул. троими зарегистрированными в ней – в равных долях. Надо сказать, что это было незадолго до того, как семья фактически распалась, супруги давно уже стали отдаляться друг от друга.

⁷ См.: Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия: В 4 тт. Т. 2. СПб.: Норма, 2003 – <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>.

Еще в середине 1980-х наш герой впервые побывал (во время отпуска) на кордоне Пслух Кавказского биосферного заповедника, где тогда проживал с женой Ириной и работал лесником его двоюродный брат Владимир Абрашкевич. Это был знаменитый в свое время интеллигентский, антибраконьерский кордон (все его обитатели – с высшим образованием).

Другим лесником на этом кордоне был бывший учитель средней школы Анатолий Кузьмич Базникин (1928–1990). В начале 1980-х он образовал семью с переселившейся в заповедник петербурженкой, инженером-кораблестроителем Зинаидой Глебовной Вахарловской. Наш герой был знаком с ней с детства (встречались в доме Абрашкевичей в Автово).

В июне 1990 г. З. Г. Вахарловская похоронила на кордоне Гузерипль (куда они к тому времени переехали) своего супруга – помощника лесничего и активиста экологического движения, одного из учредителей Социально-экологического союза Анатолия Кузьмича Базникина.

Год спустя, в один из приездов Зины в Петербург (июнь 1991 г.), образовалась наша с ней семья.

До тех пор пока не зарегистрировались как муж и жена (1996 г.), А. Н. Алексеев и З. Г. Вахарловская ездили друг к другу (он – в заповедник, на кордон Гузерипль, она – в Питер). Стабильного жилья для двоих в Ленинграде не было; когда Зина приезжала, скитались по друзьям и знакомым, даже в квартире на Наличной какое-то время жили.

Стало ясным, что трехкомнатную квартиру на Наличной надо разменивать. (Развод с Нелли Алексеевной состоялся еще в 1995 г.) Максимум, на что можно было рассчитывать (без доплат), – это двухкомнатная квартира плюс комната в коммунальной квартире. Первая – для Нелли Алексеевны с ее матерью, вторая – для нашего героя.

Такой вариант удалось найти (1995 г.): двухкомнатная отдельная квартира в новом доме в районе озера Долгое и комната 26,4 м² в двухкомнатной (так!) коммунальной квартире в старом фонде на Васильевском острове (8-я линия, д. 27). Квартира – на втором этаже трехэтажного дома. Окна выходят во двор-колодец, куда не заглядывает солнце. Тем не менее это был относительно удачный вариант.

Главной проблемой оказался сосед. Человек неуравновешенный, на грани психиатрии, и хамоватый, он и собственных родственников терроризировал, не говоря уже о соседях. Наши «обменщики» об этом нас, разумеется, не предупредили.

Тем не менее вновь возникшая семья вздохнула с облегчением – по крайней мере появился «свой» угол. И пару лет жили там с перерывами только на летний отпуск, когда уезжали в заповедник, где у Зинаиды Глебовны сохранилась положенная ей как вдове сотрудника заповедника, проработавшего там свыше десяти лет, казенная квартира. Впрочем, поскольку она не жила там постоянно, ее стали настойчиво оттуда выживать.

Зинаиду Глебовну вынудили окончательно отказаться от квартиры на кордоне позднее, в 2003 г., когда понадобилось менять паспорт, а лесничий отказался заносить ее в домовую книгу и т. д. Можно было судиться, да себе дороже. Были и другие обстоятельства.

Фактически наше с Зинаидой Глебовной проживание в комнате на 8-й линии продолжалось до октября 1998 г. (когда на 90-м году жизни скончался отец Зины – Глеб Анатольевич Вахарловский). Тогда в силу разного рода семейных обстоятельств понадобился наш переезд в его трехкомнатную квартиру на Малой Охте.

Тем временем, будучи единственной формально зарегистрированной (прописанной) персоной в комнате на 8-й линии, наш герой почувствовал себя, так сказать, в зоне риска. Ведь комната не приватизирована, а право на бесплатную приватизацию он уже неосмотрительно использовал (в квартире на Наличной). Случись с ним что – и комната отойдет не соседям, так государству.

Поэтому он попросил Любовь Анатольевну Вахарловскую (1965 г. р.), дочь своей жены от первого брака, прописаться у него, с учетом близкого родства. Взрослая, замужняя, имеющая собственных детей «падчерица» исполнила его просьбу, хоть добиться ее постоянной регистрации у «отчима» от местного отделения ОВД оказалось непросто (не стану углубляться в подробности).

Впоследствии Любви пришлось прописаться обратно в приватизированную квартиру на ул. Корнеева в Кировском районе, где она проживала с двумя несовершеннолетними детьми, ввиду предстоящего развода с отцом этих детей.

Кардинальным решением проблемы выхода из зоны риска единственного зарегистрированного жильца комнаты на 8-й линии могла бы стать лишь прописка супруги нашего героя в этой комнате с последующей ее приватизацией на имя Зинаиды Глебовны Вахарловской (благо та правом бесплатной приватизации жилья ранее не пользовалась).

Расставшись с квартирой на кордоне Гузерипль, Зинаида Глебовна прописалась к мужу в Петербурге (2003). То обстоятельство, что она ранее не участвовала в приватизации жилья, было документально подтверждено соответствующей справкой с прежнего места жительства. После чего Зинаида Глебовна стала единоличным собственником комнаты на 8-й линии (2005 г.), что вполне устроило автора этих строк.

Наш герой перешел на положение «неработающего пенсионера» в 2008 г. (его последним местом работы был Социологический институт РАН). Его супруга оставила работу (она, уже будучи на пенсии, десять лет работала курьером) в 2013 г.

Его дочь – Ольга Андреевна Новиковская, учитель-логопед, работающая в детском саду, – проживает в двухкомнатной квартире на девятом этаже двенадцатиэтажного дома на пр. Ветеранов (в Красносельском районе) вместе со своим младшим сыном Егором (1986 г. р.) – инвалидом. Она имеет автомашину (праворульная «Тойота») и, как и покойная бабушка Варвара Петровна Пузанова, сама ее водит. Каждую весну и в летний отпуск она ездит на этой машине за 400 км, в деревню Стрелка Новгородской области, где у нее фамильный дом, которому уже 100 лет.

Старший сын Ольги Андреевны – Иван Новиковский (1983 г. р.), специалист по обслуживанию и ремонту медицинской техники, – продал квартиру бабушки Елены Ивановны Алексеевой в Дачном и построил собственный дом на земельном участке в районе Стрельны (пос. Володарка, по дороге к Петродворцу). Он там по преимуществу и проживает вместе с женой Марией Тихоновой, экономистом. Но есть еще и родительская квартира супруги, где постоянно проживает ее мать – Надежда Дмитриевна.

На работу в центр города, а также в иногородние командировки Иван обычно ездит на своей автомашине.

На этом я позволю себе оборвать свою жилищную историю. Совершенно не обязательно сообщать граду и миру адрес нынешнего фактического проживания А. Н. Алексеева и З. Г. Вахарловской, постоянно зарегистрированных (прописанных) в комнате на 8-й линии, которая (комната) в настоящее время единолично принадлежит Зинаиде Глебовне.

Где бы ни жили хозяйка и ее супруг, ежемесячно посещается комната на 8-й линии, ее зарегистрированные жильцы дисциплинированно оплачивают коммунальные услуги, а на днях ездили на Васильевский остров голосовать на парламентских выборах.

Наш герой и его супруга относительно благополучны, хотя с возрастом, понятно, не становятся бодрее. В 2014 г. отмечали совместное 150-летие (ей – 70 плюс ему – 80). В нынешнем году получается уже 154 года на двоих.

В этом году исполняется 25 лет их совместной жизни. С учетом, что для каждого это уже третий брак, серебряная свадьба – это не так мало.

***

Подведем некоторые итоги.

А. Думаю, жилищная ситуация являет собой существенный аспект общей жизненной ситуации индивида; соответственно, жилищная история – весьма значимая часть биографии. Жилищные условия во многом определяют – и не только быт, семейный уклад, жизненную обстановку, но и трудовую биографию, круг общения, любительские интересы, жизненную мотивацию человека. Читатель мог убедиться в этом и на примере нашего *case study*, где все эти жизненные сферы и моменты тесно переплетены и взаимозависимы.

Б. Жилищная история значима и для понимания логики развития способностей и формирования потребностей человека, характера и динамики поведенческой направленности личности.

В. Жилищная история сплошь и рядом драматична: в ней есть свои «взлеты» и «падения», острые коллизии, порой парадоксальные, внешне обусловленные и внутренне мотивированные переходы от одной ситуации к другой. Сама по себе та или иная жилищная ситуация может быть предметом абстрактных мечтаний или конкретной жизненной целью, а смена этих ситуаций – важнейшим мотиватором социального поведения.

Г. Сказанное в известном смысле универсально для описания образа жизни и жизненного процесса человека. Но в условиях советского/российского общества, характеризующегося массовой бедностью и скудостью социально-бытовых условий подавляющей части населения, при вопиющих диспропорциях в материальном положении, потребительском статусе, социальных возможностях и т. п. разных социальных страт, роль жилищной ситуации в жизненных обстоятельствах человека зачастую становится самодовлеющей и даже гипертрофированной.

Д. Будучи одной из древнейших и первостепенных на протяжении всей истории человечества, потребность в жилище столь же естественна и непреложна, как потребности в пище, одежде, сексе, продолжении рода, элементарном комфорте существования. Это есть форма защиты индивида от неблагоприятных воздействий внешней среды, будь то натуральных или социальных воздействий.

Е. Жилище – это то, что человек считает своим, «свой угол», не важно – пещера, шалаш, комната, квартира или особняк. Это точка или граница между персональным и социальным, внутренним и внешним, частным и общественным («ничьим») пространством. Однако, увы, особенно в наших общественных условиях

«мой дом» – вовсе не «моя крепость». И зависимость от внешних, зачастую чуждых индивиду форм организации социальной жизни именно в жилищной сфере порой проявляется особенно сильно и даже грозно.

Ж. Первостепенной здесь является проблема формы собственности. Лишь в последнюю четверть века у нас получила повсеместное (не только для сельских, но и для городских условий) развитие частная собственность на жилье. Однако этот социальный институт, равно как и институт социального найма, аренды и т. п., обременен таким количеством бюрократических условий и ограничений, что даже принадлежащее человеку на правах собственности является не вполне его «собственным».

З. В вопросах личного жилищного обустройства человек все время вынужден выстраивать отношения не только с ближайшим социальным (прежде всего семейным) окружением, но и с муниципальными и государственными чиновниками и службами (паспортной, санитарной, охранной и т. п.). Все эти службы, с одной стороны, упорядочивают жилищные отношения, как бы защищают их, но не в меньшей (а даже в большей) степени оказывают давление на простых граждан, вплоть до полного бесправия последних.

И. Отношения человека, гражданина с социальной средой по поводу жилища – это прежде всего отношения человека и «Левиафана», отношения с государством, властью, ее законными (а порой и самозванными) представителями. В практике таких отношений – заведомо неравноправных – право (не говоря уж о морали) зачастую отходит на задний план, а на передний выходят притеснение и манипуляции человеком со стороны государства, на что естественной реакцией являются попытки человека перехитрить государственную машину, лишленную, в отличие от него самого, креативных способностей.

К. В этом отношении весьма характерна история получения семьей героя нашего *case study* отдельной квартиры в первой половине 1970-х гг. (см. п. 14а), равно как и, например, поистине массовое (даже учитываемое в различных канцелярских формах) проживание граждан вовсе не по месту регистрации, то есть явочное самообеспечение свободы перемещения.

Л. Люди и власть (ее многообразные институты) существуют как бы в параллельных реальностях, причем власть все время пытается вмешаться и обратиться в свою пользу (точнее – в пользу своих представителей) это вмешательство в повседневную жизнь и жизненную судьбу граждан, а граждане защищаются от этого вмешательства и пытаются строить свою судьбу в собственных, а не чуждых им «государственных» интересах. Иногда им это удается.

М. Автор не претендует на полноту своих выводов даже из рассмотренного случая, не говоря уже о том, что только одного *case study* для серьезных

обобщений заведомо недостаточно. Но, по крайней мере, предпринята попытка задать образец социологического описания именно ЖИЛИЩНОЙ истории индивида – что не слишком распространено в практике современных антропоцентрических социальных исследований.

Сентябрь-октябрь 2016 г.

Послесловие. Социолог в повседневности

Я вижу в этой статье А. Н. Алексеева продолжение двух его главных работ последних лет: четырехтомника «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (2003–2005 гг.) и четырехтомника «Профессия – социолог» (2010 г., в соавторстве с Р. И. Ленчовским). Это продолжение тематическое, стилевое, жанровое.

В общем случае «жилищная история» – это драма всего населения нашей страны и предмет всестороннего социологического изучения, Алексеев – как и в его названных работах – сводит макро «жилищную историю» до *case study* и делает ее предметом социологической ауторефлексии. Так возникает еще один взгляд на содержание и смысл социологии как профессии.

Большой опыт Алексеева в автобиографическом анализе помог ему придать «линейному процессу» его многодесятилетних перемещений по Ленинграду/Петербургу объемность социально-культурологического плана. Он очень мягко, интеллигентно, работая в очень узком предметном пространстве, описал, как жилищная проблема превращалась в тяжелейшие драмы людей. Люди понимали свою *беспомощность*.

Я все прочел с огромным интересом и не только потому, что «жилищная история» переживалась и мной. Но и потому, что Алексеев описал и часть моей собственной жилищной истории; он жил по адресу: Поварской пер., д. 13, 3-й этаж, кв. 4, а я – этажом выше, кв. 6. Но тогда мы еще не были знакомы.

Борис Докторов

МАТЕРИАЛЫ КОНКУРСА

Ветераны

Из «Вороньей слободки» в отдельную квартиру

1

Я москвичка по рождению (24.02.1928).

В Ленинграде оказалась в мае 1945 г., так как моя мать во время Великой Отечественной войны стала женой ленинградского историка Ивана Ивановича Смирнова, эвакуированного в Ташкент в составе Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

Мать – врач. И. И. был ее пациентом. Он тяжело болел. Его диагноз – миопатия (прогрессирующая дистрофия мышц, приводящая к полному параличу и смерти; болезнь генетическая и неизлечима до сих пор). В 1943 г. И. И. еще ходил сам. Стал пациентом мамы во время воспаления легких, попав в Больницу им. Семашко, где она работала.

И. И. – второй Николай Островский, человек огромной силы воли, глубокой культуры и обаяния, под которое попала и я, хотя вначале испугалась, увидев его в первый раз. Он тогда еще ходил. Тяжело, изогнувшись назад, но ходил. И. И. жил в здании бывшей Балетной школы им. Тамары Ханум на той же Пушкинской улице, где жили и мы у родной сестры мамы, находившейся в Ташкенте с 1930-х гг. Мать работала и в госпиталях, где создавала группы медсестер, занимавшихся лечебной гимнастикой с ранеными бойцами, восстанавливая их двигательные функции, и возвращала их либо в строй, либо в гражданскую жизнь.

Уходила в шесть утра, возвращалась в полночь. Если возвращалась. И тогда она потребовала, чтобы я перебралась к ним, в «Тамару Ханум», чтобы вести хозяйство. Я брыкалась. Но подчинялась. И довольно быстро попала в ауру И. И., приручившего меня. И ехала с ним 9 мая 1945 г. в Ленинград, а не в родную Москву.

2

Мой первый адрес в Ленинграде – ул. Радищева, д. 40, кв. 1.

Это была комната в коммуналке, где до войны жили И. И. и его младший брат Николай, оставшийся в городе и умерший в блокаду от голода в этой самой комнате, когда сжег в буржуйке все, что могло гореть. Комната была темная, так как прямо перед окном стояла трансформаторная будка, заслонявшая свет. Комната была абсолютно пуста. Так что скучно нам не было. Не помню, как появилась мебель. Кажется, что-то выдали по ордеру из склада АН СССР, а что-то купили на толкучке и у управдома. Но помню, что появился стол, деревянный, резной, старинный, красивый и дико неудобный из-за скрещающихся под крышкой ножек. Потом – кровать с толстым матрацем и шишечками на спинках, от которых я была в восторге. Потом купили шесть стульев с прямыми резными спинками и шкафчик. Со склада выдали два кресла. Все сделано под красное дерево и очень прилично смотрелось. В комиссионном магазине купили красивое зеркало в деревянной резной оправе вместе с письменным старинным столом, с которым оно когда-то совмещалось в едином комплекте. Стол имел две тумбы с ящиками и ящичками и был чудом вместимости. Видимо, это был комплект для деловой дамы начала XX в. и восхитительно подходил для советской коммуналки, в которой главное было – все распихать в пределах одной комнаты.

Других вещей в доме на ул. Радищева не помню.

Вернулись из эвакуации и соседи И. И. Запомнила только семью Кричевских, у которых была домработница, подарившая мне фразу: «Глаза боятся, а руки делают». Помню свой первый позор в Ленинграде. Я вышла к Московскому вокзалу и, стоя на углу пл. Восстания и Невского пр., спросила у прохожих, где Невский. «Вы на нем стоите», – был ответ. И я впервые увидела «Невскую перспективу» с адмиралтейской иглой вдали. Так прошло лето. А в сентябре 1945 г. я стала учиться в десятом классе школы № 194 на ул. Некрасова и получила аттестат о среднем образовании в июне 1946 г., сказав учителям, что буду работать в школе, но не так, как они, поскольку они не педагоги.

3

Мать начала биться за другое жилье, потому что в этой комнате, темной и сырой, И. И. оставаться было нельзя. Не помню, каким образом мы оказались на Невском пр., д. 111, в угловом доме, фасады которого были и на Невском пр., и на Полтавской ул. Это была огромная коммуналка, где у нас имелось уже две комнаты, светлые и солнечные. Из соседей (кажется, семь семей) запомнила только

двоих: пьяницу, падавшего в коридоре спать, и красивую даму в длинных, до пола, нарядах – кажется, из дворян. На всех огромная кухня с тремя газовыми плитами, одной раковиной, одним туалетом и ванной комнатой, где стояла заржавевшая ванная и был еле капавший душ. Туалет находился в конце длинного и узкого коридора, идти по которому И. И. было трудно.

4

Начался поиск обмена. И мы переехали на ул. Профессора Попова, д. 33, кв. 20. Здесь у нас было целых три комнаты с собственной маленькой передней, в которую мы попадали из общего коридора.

Разумеется, мы доплатили за увеличение площади (кажется, тогда квадратный метр стоил 600 рублей). И. И. получил за монографию о Болотникове Сталинскую премию, и деньги на доплату имелись. Эта квартира была классической «Вороньей слободкой», в которой комната шла на комнату как словесно, так и кулачно. Кроме нас, еще три семьи: кассирша из гастронома, лупившая мужа и дочку и командовавшая соседями; смазливая вдова с тремя детьми, ради которых готовая на все; и семейная пара, безмолвно примыкавшая по ситуации к любой из сторон. Те, с которыми мы менялись, бежали из-за этих дрызг, честно предупредив нас о духе квартиры. А сама квартира была ужасна. Все помещения грязные, закопченные, к тому же клопы и тараканы.

Мать действовала как в госпитале: вызвала дезинфекцию и заставила всех соседней открыть свои комнаты и дать их пролить специальным раствором. На крик кассирши: «У меня клопов нет!» – мать молча сняла со стены ее семейную карточку, и все ахнули, увидев плотный квадрат блестящих и жирных клопов. Соппротивление было сломлено. Дезинфекцию провели дважды. Причем всего подъезда. Разумеется, всё за наш счет. Потом был сделан ремонт наших комнат, а также коридора, кухни, ванной, туалета, кладовок. Везде провели свет, повесили абажуры. Пол в коридоре (изумительный паркет) намазан и натерт. На окна в кухне повешены занавески. И тогда мать провела в кухне общее собрание, сказав, что в квартире должно быть тихо, чисто и дружелюбно, так как, выиграв такую войну и выжив, надо ценить жизнь и быть людьми. К нам будут приходиться люди науки, студенты, аспиранты, и не надо себя позорить. Все проблемы решаются спокойно, по-дружески. «Крика я не потерплю, – добавила она, глядя на кассиршу. – Уважайте себя».

И произошло чудо: мы прожили там до 1951 г. без единого скандала. Более того, уже после того, как мы переехали в отдельную квартиру, и после смерти мамы (1957 г.) я, придя на ее могилу на Серафимовском кладбище, вдруг увидела

там эту самую кассиршу с цветами. В ответ на мое изумление было сказано: «Твоя мать была человек – ей палец в рот не клади».

5

1950-е гг. Ленинград бешено строился. И на Петроградской стороне одновременно возвели два замечательных дома: на углу пр. Максима Горького (ныне – Кронверкский пр.) и Кировского пр. (ныне – Каменноостровский пр.) изогнулась великолепная пятиэтажка с балконами, витринами и пилястрами (Кировский пр., д. 2) и дом на Троицком поле с видом на Неву и «Аврору» на углу ул. Куйбышева. За оба дома шла схватка между Академией наук, обкомом, горкомом и всеми видами верхов. Мать положила жизнь за отдельную квартиру для И. И. в доме на Кировском пр. Нас вычеркивали 17 раз. И вписывали обратно секретарши, знавшие о болезни И. И. и сочувствовавшие матери. В итоге летом 1951 г. мы получили ордер на четырехкомнатную квартиру на третьем этаже с большим балконом и окнами на Кировский пр. и памятник Максиму Горькому, который вскоре там установили. Это была кв. 17. Напротив – в кв. 18 – жили приемный сын Ворошилова с женой Надеждой. Над нами (кв. 19) – адмирал Игнатьев. Под нами (кв. 15) – профессор Горшков. В соседнем подъезде – киноартист Павел Кадочников, прославившийся главной ролью в фильме «Подвиг разведчика». В третьем подъезде – знаменитый артист балета Константин Сергеев. В четвертом – начальник ГОРОНО Д. И. Петрикеев, получивший двухкомнатную квартиру на семью из четырех человек, что было чудом после комнаты в коммуналке (хотя у Дмитрия Ивановича были разнополые дети: сын и дочь, но кто тогда на такие мелочи смотрел: отдельная квартира – голубая мечта советского человека). Помню, как во время визита Тито, ехавшего в открытой машине с красавицей женой на Крестовский остров в правительственную резиденцию, расположенную на Кировском пр., всех жителей дома, чьи окна выходили на трассу, просили к окнам не подходить (оповещали жильцов участковый с дворником). Потом милостиво разрешили смотреть через балконную дверь, учитывая, что профессор Иван Иванович Смирнов – инвалид и член КПСС.

6

Моя мать умерла в декабре 1957 г., а И. И. – в мае 1965 г. И я с сыном и сестрой мамы, приехавшей из Ташкента, чтобы помочь той, уже больной (уремия), ухаживать за И. И., разменяли наши хоромы на две квартиры. Одну – для меня, сына и тетки. Другую – для брата И. И., вернувшегося из армии и жившего с нами еще на ул. Профессора Попова.

В итоге я переехала в трехкомнатную квартиру на пр. Максима Горького, д. 27. Был гигантский ремонт. Пробили окно во двор в маленькой комнате, предназначенной для сына. И она стала светлой и солнечной. Разобрали кафельную угловую печь, увеличив площадь второй комнаты. Создали отдельный выход в кухню из комнаты сына, сделав ее изолированной. Заделали дверь между комнатой сына и средней комнатой, где поселили тетушку.

Жили в чудовищном «разгроме», вынося мусор, кирпичи и все, что копится при ремонте. При этом я работала, сын учился, тетка подрабатывала на печатной машинке. Просили соседей под нами и над нами понять и потерпеть. В итоге трехкомнатная квартира с маленькой передней, длинным коридором и семью окнами, выходящими во двор (это внутренний флигель), приняла пристойный вид.

Мы прожили в ней до 1987 г. Сын женился, еще будучи студентом, на однокурснице. Ему – 19, ей – 18. Она из Таллина и жила в общежитии. Сыграли свадьбу. Прописали. Разумеется, немедленно появился внук (12 января 1983 г.), поменялись комнатами, отдав молодой семье самую большую. Так прожили до 1987 г., когда дом поставили на капитальный ремонт и жильцов стали расселять.

7

Мы получили трехкомнатную квартиру в доме по Зоологическому пер., 1–3, введенному в строй после капитального ремонта. Из этой квартиры (кв. 22) сын с семьей уехал в Израиль в декабре 1987 г. И мы (я и тетушка) обменялись квартирами с моими бывшими соседями по пр. Максима Горького, д. 27. Они имели двухкомнатную квартиру на троих, а мы жили вдвоем в трехкомнатной. В итоге мы оказались в кв. 12, двухкомнатной и очень удобной, а они со взрослым сыном – в нашей трехкомнатной. Все были рады. В кв. 12 я живу уже 29 лет.

Итак, за 71 год жизни в Ленинграде-Петербурге (1945–2016) я сменила семь адресов:

1. Ул. Радищева, д. 40, кв. 1.
2. Невский пр., д. 111, кв. 20.
3. ул. Профессора Попова, д. 33, кв. 20.
4. Кировский пр., д. 2, кв. 17.
5. Пр. Максима Горького, д. 27.
6. Зоологический пер., д. 1–3, кв. 22.
7. Зоологический пер., д. 1–3, кв. 12.

В 1945 г. – мне 17 лет, и я еще школьница. В 2016 г. – мне 88 лет, и я пенсионер в настоящем и учитель истории (31 год) в прошлом.

11 сентября 2016 г.

Жизнь среди посторонних. Реалистическая трагикомедия в пяти актах

Моя жилищно-коммунальная история началась в городе Туле, где я родился в 1933 г. в семье двух врачей. А всего в нашей семье, включая меня, было три человека. Мои родители жили в кооперативной квартире с коммунальным заселением: две смежные комнаты в трехкомнатной квартире. В кооператив вступила мама, еще до своего замужества. Хотела, как она говорила, устроить свою жизнь, а начать решила с приобретения собственной «жилплощади» (здесь и далее термины советского новояза заключены в кавычки). До этого она жила у своих родителей, с которыми проживали и другие дети. Сейчас трудно представить, что такое кооперативно-коммунальная квартира, а тогда это было обычным явлением. Не в том смысле, что большинство горожан жило в таких квартирах. На самом деле, в кооперативных квартирах жили очень немногие. Но кооперативные квартиры тогда заселялись именно не как отдельные квартиры на одну семью, а как «коммунальные», с поселением в одной квартире незнакомых, посторонних друг другу семей. Была ли в этом своя политика или это делалось из соображений более плотного расселения, экономного использования жилой площади? Видится в этом все же принудительное насаждение «коллективизма», стремление и через характер расселения внедрить в сознание людей «коллективистские» привычки.

Родители поселились в этой квартире незадолго до моего рождения. Это был небольшой двухэтажный дом в переулке, недалеко от центра города. Кроме нашей семьи, в квартире, в третьей небольшой комнате, жила одинокая женщина – кажется, медсестра. Об отношениях моих родителей с ней мне трудно судить: очень уж был я мал в то время. Помню, однако, что купали меня, младенца, на кухне, где для этого ставилось корыто (детской ванночки не имелось – либо не было в продаже, либо его трудно было купить – «достать», по тогдашней терминологии). Очевидно, с соседкой была какая-то договоренность, она, видимо,

не возражала против купания ребенка в общем помещении, где готовилась пища. Отопление в этом, новом тогда, доме было печным, на кухне – плита, топили дровами, был туалет и водопровод с холодной водой, телефона не было. В подвале находилось помещение для хранения дров. Меня вывезли из этой квартиры из Тулы, когда мне было четыре с половиной года. Переезд родителей был вызван призывом отца в армию на действительную службу в качестве военного врача.

Обстоятельства нашего переселения в следующую коммунальную квартиру заслуживают того, чтобы на них остановиться. Отца призвали в армию и отправили служить в Подмоскovie, в поселок Монино, где был закрытый военный городок. Его поселили в общежитии для «начсостава» (так тогда назывались офицерские должности), о возможности поселиться здесь с семьей не могло быть и речи. Удерживало маму в Туле и то, что тульская квартира все же была «собственной», за нее было заплачено (не бросать же!). И еще одно: в Монино для мамы не было работы – она была врачом-бактериологом, а больницы ни в военном городке, ни в расположенном рядом рабочем поселке не имелось. Но это уже не жилищная история, а судьба многих жен военнослужащих. Родители решили сменить две тульские комнаты на «жилплощадь» в Москве. Давали объявления, но, видно, мало находилось охотников сменить московскую «жилплощадь» на тульскую коммуналку. Процесс занял два года. В конце концов, нашлась семья, глава которой, отсидев в тюрьме, получил «минус сто», то есть мог проживать не менее чем в ста километрах от «столицы нашей Родины». Вот они-то и поменяли свою московскую комнатушку на две тульские «смежки».

Разговор об этой квартире впереди. А пока – о другой. Сложилось так, что одновременно с обменом тульской коммуналки на московскую отец получил служебную квартиру в Монино, в которой мы прожили три года. Ну, не квартиру, конечно, а опять же две смежные комнаты в трехкомнатной коммуналке. В одной из комнат имелся балкон. Это была квартира в новом, только что построенном доме. Четырехэтажный дом (без лифта – лифт вообще тогда считался роскошью) был «со всеми удобствами», по тогдашним представлениям, то есть с электричеством, центральным отоплением, «радиоточкой», водопроводом (только холодная вода), туалетом и даже ванной, но без горячей воды и без колонки, в которой ее можно было бы согреть. В подвале дома был титан, и можно было брать кипяток. Плита для приготовления пищи топилась дровами. Года через полтора после нашего поселения провели телефон. В третьей комнате этой квартиры проживала семья военного авиатехника (двое взрослых и ребенок). Отношения с этой семьей я бы назвал нейтрально отстраненными, без конфликтов, но и без особой приязни.

В 1939 г. отец был переведен по службе в места, куда мы не могли тогда поехать. А между тем служебную квартиру в Монино требовалось освободить. Вот и перебрались мы с мамой осенью 1940 г. в московскую комнатушку, полученную по обмену. Это была именно комнатушка 16 м² в двухкомнатной квартире на первом этаже двухэтажного дома. В другой комнате (14 м²) жила рабочая семья, состоявшая из пяти человек (двое взрослых и трое детей-подростков). Дом находился за Калужской заставой (тогда это была настоящая окраина – за нашим домом стояло несколько бараков, а за ними начинался огромный пустырь, конца которому не было видно). Дом, в котором мы оказались, был перестроен под жилье из какого-то производственного строения. В доме имелось электричество, вода и канализация, радиоточка отсутствовала, отопление печное, во дворе стояли сараи для хранения дров, многие жильцы держали в них домашнюю живность, кур и поросят, мальчишки-подростки разводили голубей. Темноватая комната с небольшим окном и пятнами сырости на стене после монинской, в общем, приличной квартиры, помню, произвела на меня, семилетнего мальчика, гнетущее впечатление. И хотя я не заплакал, но первыми словами, которые произнес, войдя в комнату, были такие: «Как здесь плохенько!» Видно, слова эти произвели тяжелое впечатление на моих родителей, меня стали утешать, говорили, что мы будем жить тут временно. Это временное житье продолжалось 17 лет, здесь прошли все мои школьные и студенческие годы (кроме полутора лет эвакуации). В доме, в котором нам теперь пришлось жить, не было ни одной семьи, в которой кто-нибудь не сидел в тюрьме в настоящем или в прошлом, и отнюдь не по политическим статьям, а по вполне воровским – карманники, «форточники», драки «по пьяной ручке», хулиганство. Глава семьи, жившей с нами в квартире, работал в обувной мастерской, а по вечерам и в выходные дни, если не был пьян, сапожничал на дому. Его домашняя мастерская располагалась на кухне. Починка поношенной обуви мало вязалась с приготовлением пищи, но приходилось терпеть. Семья соседей по этой квартире недавно приехала из деревни и продолжала держаться деревенских привычек. Так, входную дверь в квартиру они не закрывали, а только прикрывали, и когда мои родители сказали, что нужно закрывать дверь, это вызвало недоумение: что же, на каждый стук нужно выходить и открывать? Другим постоянно звучащим вопросом было: кто не выключил свет в коридоре, в туалете. Никто из детей, живших в этом доме, не оканчивал более четырех-шести классов, время проводили во дворе, сразу же по достижении необходимого возраста шли работать. Меня не пускали во двор, а со взрослыми ходили гулять в Нескучный сад или в сторону Воробьевых гор. Житье в этом доме прервалось на полтора года во время войны, когда мы с мамой оказались в эвакуации.

В период эвакуации мы жили в Свердловске (ныне – Екатеринбург), и поразительным образом квартирные условия у нас оказались лучше, чем были в Москве, хотя с нашим приездом пришлось впятером размещаться в шестнадцатиметровой комнате. Мы поехали к семье моей тети, маминой сестры, чья семья была отправлена в эвакуацию еще в конце июня 1941 г. Благодаря столь раннему отъезду, когда эвакуация только начиналась, они получили в Свердловске хорошее жилье. Дом, где им дали комнату в трехкомнатной квартире, был новым, со всеми по тогдашним понятиям удобствами – телефоном, ванной с дровяной колонкой. В квартире не было горячей воды и газа, но они, кажется, мало где были в городе. В доме проживали представители местной культурной элиты. Хозяйка квартиры – артисты известного в городе театра. Их хорошо здесь знали, у них были большие связи с местными начальниками. Их никогда бы не «уплотнили». Но когда размещали первую партию эвакуированных, театр находился в гастрольной поездке. Квартиру охраняла домработница-старушка, она не знала, к кому «сунуться», чтобы не забрали комнату. Когда же хозяева возвратились домой, было уже поздно. Впрочем, они попытались выселить непрошенных квартирантов, но кто-то из начальства объяснил, что сейчас не время, поднимется шум – мол, выгоняют беженцев, – и нужно перетерпеть. Мы узнали об этом позже от старушки-домработницы. Она по своему возрасту не справлялась с уборкой квартиры, приготовлением пищи и уходом за младенцем, недавно родившимся у хозяев. Наняли вторую домработницу, молодую женщину, но двое медведей в одной берлоге не живут, старушку уволили, она в разгар войны осталась без теплого сытного места, понятно ее настроение, и она выложила о своих бывших хозяевах все, что знала. Временная потеря комнаты – это тот удар, который нанесла этому семейству война. Но внешне отношения с хозяевами-артистами были корректными. Они умели себя вести. Выражали нам словесное сочувствие как эвакуированным, приглашали на спектакли в театре, где играли.

Главной проблемой существования в тылу во время войны была еда, которой постоянно не хватало. По карточкам регулярно выдавался только ржаной хлеб, и мне он казался вкусным, но взрослые говорили, что хлеб сырой. Однако не у всех положение с «хлебом насущным» было таким критичным. Наши квартирохозяйева, например, снабжались из закрытого спецраспределителя, обслуживавшего «номенклатуру», партийно-советских хозяев города – у них на столе было всё, «как в довоенное время», но и они испытывали определенные военные неудобства: приходилось посылать домработницу или самим ездить в дальний магазин, а не покупать необходимое рядом с домом. Старушка-домработница, добрая душа, пока работала, иногда тайком от хозяев подбрасывала нам что-нибудь с барского стола. Примерно через полгода после нашего приезда хозяйка квартиры

выхлопотали себе круглосуточную подачу электричества, и мы получили постоянное освещение – большое благо в тех условиях, до этого по вечерам освещались коптилкой (фитилек, вставленный в пузырек с керосином; керосин можно было достать только на рынке). Варили в основном на дровяной плите. Разогревали на керосинке, иногда на подпольной электрической плитке, что вообще запрещалось (власти требовали экономить электричество). Вернулись мы из эвакуации весной 1943 г. И хотя в Москве нас ждала наша убогая подслеповатая комната, мы были рады, что возвращаемся домой. Не меньше нас были рады нашему отъезду хозяева квартиры, в которой мы проживали, – им наконец возвращалась их горячо любимая третья комната. Когда они провожали нас, хозяйка-артистка даже расцеловалась с мамой и тетей.

Последним, пятым актом этого повествования была коммунальная квартира на Кутузовском пр. в Москве. Восемнадцатиметровую комнату в этой трехкомнатной квартире мои родители получили в 1957 г. (дом за Калужской заставой был снесен при подготовке фестиваля молодежи). Здесь родители прожили 13 лет. Я мало жил в этой квартире: получили ее, когда я «служил срочную» в армии, позже снимали с женой комнату, хотя были оба прописаны на Кутузовском пр., но разместиться вчетвером в одной комнате было невозможно. Дом на Кутузовском пр. был новый, со «всеми удобствами», включая телефон, ванну, газ, мусоропровод, лифт. В двух других комнатах этой квартиры жили еще две семьи, в одной было четыре человека, включая ребенка-подростка, а в другой – двое взрослых, мать и дочь. Отношения с ними были терпимыми.

Кроме проживания в коммуналках, приходилось жить и в съемных комнатах, в общей сложности – в четырех. В каждой из этих квартир жило по одной семье. Это не были коммунальные квартиры. Но нам-то приходилось жить среди посторонних людей, которые были хозяевами положения. И к этому приходилось приспособливаться. В маленьком шахтерском городке на Урале я снимал комнатушку в частном доме, где, кроме электричества, никаких других «удобств» не имелось. Все «удобства» были во дворе. Питиевую воду из недалекого колодца держали на кухне в ведре, брали ковшиком. Умываться приходилось, налив воду в тазик. Хозяйский сын-подросток неоднократно ревизовал мой чемодан с вещами. Остальные три случая съема комнат были в Москве, когда обзавелся семьей. Жизнь в съемной комнате не лишена своих «прелестей». Позднее возвращение домой вызывало опасение потревожить хозяев. А где чистить обувь – в коридоре квартиры или на лестничной клетке? Если в коридоре – можно было нарваться на замечание, что грязь разводим; если на лестничной клетке – демонстрируем соседям по лестничной площадке, что наши хозяева сдают жилплощадь жильцам, а это они стремились скрывать. А какой мощности может быть настольная

лампа – 60 или 40 ватт? Чтение вечером вызывало ворчание за дверью – ишь свет жгут. Если читаете за столом, зачем верхний свет горит? И еще много других мудрых экономических соображений можно было услышать.

Когда сталкиваюсь с ностальгическими воспоминаниями любителей «социалистического образа жизни» о том, как хорошо жилось в коммунальных квартирах, какая дружба, взаимопомощь и коллективизм царили между принудительно сселенными в одной квартире посторонними людьми, это не вызывает во мне умиления. Но это было почти всеобщим уделом. Из восьми семей родственников моих и жены, живших в Москве, все проживали в коммуналках. Это были большие, бывшие «барские» квартиры в центре города, состоявшие из четырех–семи комнат, в которых в 1920–1960 гг. проживало столько семей, сколько было этих самых комнат. То же было с родственниками жены, жившими в Ленинграде у Пяти углов. Целому поколению людей пришлось познать прелести решения квартирного вопроса в его советско-коммунальном варианте.

Лишь во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. мне и нескольким моим родственникам удалось избавиться от коммуналок, вступив в жилищно-строительные кооперативы, да и это сделать в ту пору было не так просто. Желающих тогда в Москве было намного больше, чем квартир в ЖСК. Но наконец с помощью знакомых и чиновников, не отказывавшихся от дополнительной mzды, эта проблема была решена, и эпопея жизни в коммунальных квартирах закончилась.

Моя квартирная одиссея

Родилась я в ноябре 1938 г. Мама, Евгения Михайловна, поехала рожать в Петрозаводск к старенькому акушеру, у которого родилась сама. Семья – бабушка Елизавета Александровна, дедушка Михаил Андреевич, мама и три ее брата, Леонид, Сергей и Алексей, – в это время жила на Невском (где-то около теперешнего кинотеатра «Художественный»). Это по воспоминаниям мамы, которая потом всю жизнь мечтала о зеркальных больших окнах. Мечта так и не осуществилась. Перед войной мы оказались в двухкомнатной темной и холодной квартире (помоему, бывшей дворницкой), на первом этаже, с большими (но не зеркальными) окнами, выходящими во двор-колодец, с отдельным входом под аркой. По моему предположению, дедушка проигрался в преферанс, и ему нужны были деньги. Зато адрес был знаменитый – Таврическая ул., д. 35, напротив Таврического сада. Номер квартиры – 49, правда, не знаменитой. Кроме известной башни Вячеслава Иванова, где высоко, под самой крышей, собирались поэты, философы, художники и прочая творческая интеллигенция, была еще и художественная школа Е. Н. Званцевой, ученицы И. Е. Репина. Художественная школа продолжала существовать и тогда, когда я там жила. Она располагалась в двухэтажной огромной квартире бывшего хозяина дома – купца И. И. Дернова. Там каждый год весной проходили выставки работ учащихся этой школы, замечательные новогодние маскарады и концерты. Дедушка и бабушка в начале войны улетели в эвакуацию, в Беломорск, братья ушли на фронт, а мы с мамой остались в Ленинграде. Квартира, как я уже сказала, была двухкомнатная – 20 и 14 м². Окно маленькой длинной комнаты упиралось в стену. Там была вторая арка, ведущая в соседний двор.

Кухня метров шесть-семь, большую часть которой занимали плита и четыре двери: в прихожую, в маленькую комнату, в туалет и в кладовку, над которой были антресоли.

Между входными дверями в прихожей была лесенка в две ступеньки, третья была снаружи под аркой.

Во время войны мы с мамой жили в маленькой комнате, углы комнаты под потолком покрывались инеем. Потолки были очень высокие. А в кухне мы прятались во время обстрелов, усаживаясь на плиту. В стене над плитой был «душник»

(круглое отверстие с дверцей), который предназначался для самоварной трубы. Мне очень нравилось приоткрывать дверцу и слушать, как завывает ветер или падающие бомбы: у-у-у, у-у-у...

В большой комнате было два окна, изразцовая белая печь и две двери – в маленькую комнату и в очень маленькую прихожую.

Во время войны в наш двор, прямо в самую середину, попала бомба, которая, по счастливой случайности, не разорвалась. Но взрывной волной в большой комнате выбило стекла.

Во время войны мама работала на заводе автоарматуры, который находился за углом, на Тверской ул.; кем работала, я не знаю, по специальности она инженер-технолог. Мы эвакуировались в конце августа 1942 г. на барже по Ладоге.

Вернулись первыми бабушка с дедушкой в 1944 г., потом в том же году мы с мамой. Два маминых брата погибли, а третий, дядя Лёня, вернулся значительно позже, худой, черный, с тощим вещмешком, с единственным трофеем – оловянной ложкой с ручкой (обнаженная девушка, стыдливо прикрывающая свои «тайны»). Мне не удалось сохранить этот трофей, кто-то его похитил. Потом дядя Лёня уехал на Север, там женился, и у меня там живет двоюродная сестра с семьей.

После войны в нашей квартире делали ремонт немцы, красноармеец с винтовкой сидел на подоконнике. Стены в большой комнате обшили фанерными панелями. Но они вскоре покоробились, так как квартира была сырой. Между входными дверями в прихожей сделали полки, это пространство заменяло нам холодильник, которого тогда не было и в помине.

В доме у нас были хорошие знакомые – семья покойного дедушкиного приятеля: Ольга Николаевна, большая строгая грузная женщина, с которой дружила бабушка, и две ее дочери – Тася и Клавочка, с которыми дружила всю свою жизнь моя мама, а потом и я, пока они были живы. Когда мы с бабушкой ходили к ним в гости, она меня предупреждала, чтобы я хорошо себя вела и ничего не трогала, а то Ольга Николаевна будет сердиться. Я потом так же угрожала своим куклам. Их семья жила тоже на первом этаже, в первом подъезде, в общей малонаселенной квартире, в двух комнатах, но окна выходили в соседний двор, который соединялся с третьим двором уже без арки и более открытым. Между нашими квартирами было нежилое помещение, в котором во время войны была булочная, а после – агитпункт, где я впервые увидела телевизор. Даже помню, что там показывали какой-то американский фильм про войну Севера и Юга и про освободительное движение в Индии.

Потом они поменялись на комнату в нашем же доме, на шестом последнем этаже, во втором подъезде, где было Художественное училище. На лестничной

площадке слева располагалась дверь в их квартиру с длинным коридором, который вел на кухню, а прямо была дверь в квартиру, которая раньше принадлежала Вячеславу Иванову и была расположена в круглой башне, которой венчался дом. Но я ничего об этом тогда не знала и только много позже прочла у Корнея Чуковского.

Во дворе-колодце у нас находился лабиринт из полениц, поскольку в доме было печное отопление. Мы с девочками играли там в прятки. У нас же дрова хранились на антресолях – в прихожей и в подвале лишь какое-то время. Мне очень нравился запах дров, когда их приносили в дом после того, как напилят и наколют, – обычно уже с первым снегом.

А как-то летом девочки постарше из соседнего двора предложили нам играть в дочки-матери: мы должны были сдать своих кукол в детский сад и прийти за ними вечером. Нам быстро стало скучно, и мы пошли отбирать своих «дочек».

В 1946 г. я пошла в школу № 163. Сначала чувствовала себя очень одиноко. Это большое четырехэтажное здание, раньше здесь располагался Мариинский институт благородных девиц. Потом у меня появились подружки, нас было шестеро: Наташа Либова (моя первая подружка, она потом ушла в другую школу и потерялась), Софа Вайсберг, Инна Штыкина, Таня Дубинина, Нина Любитова и я. С тремя из них мы встречаемся и сейчас (Инна, Таня и Софа). У Наташи в семье все были врачами, ее мама Елена Наумовна очень много времени уделяла нам. Мы у Наташи готовились к экзаменам и просто так собирались (она тоже жила на Таврической), смотрели телевизор (у нас ни у кого его не было), играли во «фразы» – так у нас называлась эта игра. Выбирался водящий и уходил из комнаты, а мы задумывали стихотворную фразу и распределяли между собой слова из нее. Водящий приходил, задавал вопросы, а каждый из нас должен был в ответе употребить это слово в том же падеже. Задача водящего не только отгадать фразу, но и автора. Однако, если даже он не отгадывал, все равно водящий менялся на следующий кон, потому что всем хотелось проверить себя.

Еще мы любили играть в «музыкальную шкатулку» (тогда такая передача была на радио), загадывая друг другу разные мелодии, «развивая» таким образом музыкальный слух. Мне стадо слонов наступило на ухо, так что не понимаю до сих пор, как я могла участвовать в этой игре. Но я очень любила слушать музыку и всю жизнь ходила в Филармонию.

В третьем классе мы устроили вечеринку у Наташи, сложив свои сбережения. Сами ходили что-то покупать; помню, что мелочь была в спичечном коробке. Правда, Наташина мама устроила все прекрасно, украсив стол графином с лимонадом, по мере опустошения там появлялся разноцветный петух. Моя мама, узнав, что мы устраиваем вечеринку, снабдила меня маленьким кремовым тортиком.

Конечно, мы ходили друг к другу на дни рождения, дарили в основном книги. До сих пор у меня хранится книга «Школа» Аркадия Гайдара с надписью: «Милочке, от классной подружки. Софа». Только недавно на встрече у Инны мы оценили этот юмор.

В Таврическом саду был каток, но сначала без раздевалки, и поэтому девочки приходили ко мне, мы надевали коньки и шли в Таврический сад, благо через дорогу. Пол в прихожей был весь искрошен коньками, но я не помню, чтобы мне кто-нибудь из домашних сделал замечание.

Мы любили стайкой ходить на Невский, в магазин открыток – они, правда, были ужасного качества, но это мы поняли гораздо позже, когда стали ходить в музеи. Так мы «знакомились» с изобразительным искусством.

В 1949 г. во втором классе я училась на Севере, на Кольском полуострове, дедушку послали в «экспедицию». Сначала мы жили в Пулозере, там был длинный одноэтажный деревянный дом барачного типа. У нас было две комнаты. Перед домом находился огромный валун, поросший мхом. Мы приехали весной, и на нем я собирала сладкую подснежную бруснику. У меня там появился дружок – Юра. Он был на год меня старше, и мы с ним играли в «замри», ходили на рыбную ловлю на маленькую каменистую речку или ручей (улов, если он был, доставался кошке). Еще Юра сделал деревянную мебель для моего кукольного уголка. В Пулозере в школе сразу учились два класса – второй и четвертый, но я подробностей не помню. Потом мы с бабушкой и бабушкой, к большому моему сожалению, уехали в Ловозеро. Там один раз мы встретились с Юрой – правда, по печальному поводу: у него умер отец, и он с мамой и сестрой уезжал в Ленинград. Юра показывал мне часы, которые достались ему от отца.

В Ловозеро мы приехали ночью, я заметила в темноте два зеленых огонька. Когда утром я проснулась и спустила ноги с кровати, на одной из них повис рыжий котенок. Я была счастлива.

Тут мы жили в финском домике с крыльцом, в нашем распоряжении были совсем крошечная прихожая, кладовка, кухня и комната. В кладовке висела оленья туша. Дело было зимой.

Здесь я увидела северное сияние, попробовала и полюбила морошку (ее, мороженую, продавали всю зиму), увидела других людей, в малицах на оленях, на собаках. Правда, чумов там не было – были одноэтажные неказистые деревянные дома, которые назывались юртами. Так я впервые столкнулась с понятием «национальность».

В школу мальчики ходили в высоких унтах.

У нашего крыльца собирались собаки, я им обязательно чего-нибудь выносила, выпрашивая у бабушки. Однажды одна из них меня укусила, когда я доверчиво

протянула косточку. Это были мои сено-солома, потому что записка до сих пор сохранилась на тыльной стороне правой руки.

Еще интересно, что в день выборов саами приходили на избирательный участок очень нарядными: поверх меховых малиц были надеты переливающиеся муаровые.

Мы любили играть в прятки, снежки, догонялки вокруг одинокого фонаря, потому что была полярная ночь. Всегда в самый разгар игры нас загоняли по домам. Переставал шуметь генератор, и электричество гасло.

К новому учебному году мы вернулись в Ленинград.

В 1955 г. нам дали паровое отопление. Но все равно было холодно. И тогда, в углу, рядом с дверью в прихожую поставили железную круглую печь, так как от изразцовой, которая якобы обогривала две комнаты, никакого толку не было. Тогда же в кладовке поставили ванну, стало можно мыться дома, когда захочешь, а не стоять в длинных очередях в бане. А вскоре дали газ, и вместо большой белой изразцовой плиты поставили компактную газовую, но мой «душник» оставили для самовара. Бабушка любила пить по утрам в одиночестве крепкий индийский чай (неприменно второго сорта, первый не признавался) из самовара. Но слушать ветер стало очень неудобно.

В 1948 г. дедушку разбил паралич, и он после номенклатурной должности стал пенсионером по болезни с очень маленькой пенсией. Но все-таки дедушка немного оправился и стал ходить. Правда, тянул левую ногу и левая рука бездействовала. Но у дедушки собирались друзья, которые помогали ему, брили, мыли в ванной, сидели у него, выпивали, разговаривали. Среди них был дядя Паша, полотор, который помогал и нам, натирал пол, а весной снабжал нас корюшкой.

Еще до 1948 г. в квартире поставили телефон, я до сих пор помню его номер: А-2-32-42 – подружки шутили, что это мои отметки, хотя я прилично училась. Утром 5 марта 1953 г. бабушка разбудила меня новостью: умер Сталин. Я была к нему равнодушна и не знала, как мне реагировать на это известие.

Мама очень старалась меня правильно воспитывать, даже выписывала журнал «Семья и школа», водила меня по воскресеньям в театр, в кино, в кафе «Норд» – так тогда назывался «Север».

Кроме моих школьных подружек, у меня появились две взрослые подруги. Мама в доме отдыха познакомилась с замечательной женщиной – Елизаветой Александровной Танненберг, бывшей смолянкой, работавшей бухгалтером в обществе «Спартак», знавшей три языка, умевшей сочинять стихи и обладавшей талантом общения.

Она каждую неделю устраивала «журфиксы», вечера с чаепитием, все приглашенные приходили с работой: кто штопал, кто вышивал, кто обвязывал платочки.

Среди приглашенных была Анна Израилевна Лев, тоже бухгалтер, тоже знавшая несколько языков, недавно вернувшаяся с поселений в Сибири, и очень любившая поэзию. Она приносила книжечки стихов (каждый раз разные) из своей личной библиотеки, изданные в 1920-х гг., и даже берлинские издания – Цветаевой, Гумилева, Блока, Ходасевича, Северянина. Я читала стихи (вслух, делая неправильные ударения; меня терпели и поправляли), а она обвязывала платочки. Она брала меня с собой в Филармонию, мы гуляли с ней по Ленинграду, разговаривая о домах и людях, и я еще больше полюбила наш город.

От Елизаветы Александровны мне досталась в наследство тетрадь с ее юношескими стихами с 1918 по 1924 г. Перечитывая их, недавно я обратила внимание на даты, а стихи только о любви. Но, кроме того, она написала сказку в стихах, посвященную участникам чаепитий:

В чужестранном государстве
Да в нездешнем, дальнем царстве,
В сон глубокий погружен,
Стоит замок Краснокон. (*Красная Конница*)
В замке том жила когда-то
Ведьма старая Элата, (*Елизавета Александровна Танненберг*)
Отрешившись от зла,
Тихо, скромненько жила.
Много книг она читала,
Постоянно вышивала,
И на каждый день седьмой
К ней слеталась гурьбой
Банда жадная гостей,
Ее признанных друзей.

Каждому гостю была дана поэтическая характеристика.

В конце Таврической улицы был клуб Горвод, где располагался небольшой кинотеатр. Там шли трофейные фильмы, мы с мамой и всеми знакомыми ходили туда по вечерам. Там я видела такие кинокартины, как «Газовый свет», «Тарзан», «Знак Зорро», «Три мушкетера», «Призвание», «Чайки умирают в гавани», и много других замечательных лент.

В 1954 г. умерла бабушка от рака пищевода, и мы остались втроем.

В 1956 г. я окончила школу, пыталась поступить в Университет на филологический факультет, но не поступила. Пошла работать лаборанткой в ВНИИЭП (Все-союзный научно-исследовательский институт электроизмерительных приборов)

и через два года, в 1958 г., поступила в ЛЭТИ на электрофизический факультет. Нас сразу послали на картошку, там на колхозном поле я познакомилась с Эльфой Майер, Нонной (Ноншей) Кисляк и другими девочками и мальчиками. Эльфа окончила институт и уехала по распределению во Фрязино. Нонша вышла замуж, и они с мужем отправились в Мурманск на заработки. Теперь почти каждый год осенью Эльфа приезжает на недельку ко мне в гости. Мы гуляем по городу, ходим по музеям и выставкам и обязательно устраиваем встречу друзей. Я тоже ездила к ней, пока у меня не появился кот. А Нонши несколько лет назад не стало.

В 1961 г. у мамы обнаружили рак пищевода, как у бабушки (но бабушка ушла буквально за два месяца), ей сделали две операции в Военно-медицинской академии и заверили меня, что мама проживет еще лет 12. Но ей становилось все хуже и хуже. А тут еще над нами в Художественном училище начался грандиозный ремонт. Целый день шум, потолок прямо над маминой кроватью стал протекать (конечно, кровать передвинули), мусор от ремонта выбрасывался прямо во двор, и скоро наши окна до половины были завалены и в квартире повис цементный туман. К нам пришли из домоуправления и сказали, что в ближайшее время нам предложат новую квартиру, так как Художественное училище переезжает к Смольному и здесь будет детский сад, а в нашей квартире предполагают сделать бельевую. Нам пообещали квартиру в районе нынешней пл. Пролетарской Диктатуры, но потом предлагали квартиры либо в районе пр. Народного Ополчения, либо в районе ул. Дорога на станцию Нева (теперь Народная ул.). Я выбрала второе, поскольку в подобных условиях выждать было невозможно, и таким образом стала заложницей Невского района (который «не предлагать», как тогда писали в каталогах по обмену).

Итак, двухкомнатная квартира в хрущевке, светлая и сухая, на втором этаже. По-моему, поликлиника нам выделила санитарный транспорт, друзья помогли с упаковкой.

И мы въехали в новую квартиру. Мамины друзья помогли обустроить жильё. Скоро я поняла, как мне здесь будет трудно с двумя больными людьми. Квартира без телефона, и как только маме понадобилась скорая, а случилось это ночью, я побежала к телефонному автомату. А там пьяный не подпускает меня к будке, пока я его не уговорила разрешить мне позвонить. Поликлиники нет – только госпиталь у Володарского моста (это несколько автобусных остановок, и автобус лишь один № 5 – не сразу сядешь). Магазины тоже ближе к мосту. Улицы разрыты. Станции метро «Ломоносовская» тогда там не было. После Володарского моста пересаживаешься на троллейбус и на нем добираться до станции метро «Площадь Александра Невского» – ну и далее везде. На работу вечно опаздывала.

Раньше я никогда не имела дела с государством, так что мне не приходило в голову требовать что-то другое.

В 1963 г. мама умерла, а дедушку забрала в Петрозаводск бабушкина сестра. Там у него были друзья, и он там не был бы так одинок, как здесь, на окраине города. Но, к большому сожалению, он прожил там совсем недолго. Я ездила его хоронить. Туда приехал и дядя Лёня. Чего я не могу себе простить, так это того, что не забрала его портфель – там были его и бабушкины фотографии и письмо дяди Сережи с фронта. Дед оставил мне доверенность на обмен квартиры.

Я пробовала обменяться на однокомнатную квартиру в Смольнинском районе или каком-нибудь другом – поближе к центру, но мне не удалось, и меня «уплотнил» райсовет, предоставив мне однокомнатную квартиру почти в конце ул. Бабушкина, д. 117, на последнем этаже в последнем подъезде.

За переезд я расплачивалась своим «наследством» (у дедушки были две старые картины, самовар и перина). Я ушла с работы и вернулась к учебе в институте, но уже в Политехническом на факультете радиоэлектроники; жила на стипендию, а если ее не было – подрабатывала на кафедре. Когда стала работать, пыталась накопить денег на обмен, но, как только собирала нужную сумму, цена повышалась. Через несколько лет поставили телефон, не очень далеко появилась станция метро «Пролетарская». Но все равно возвращаться вечером было страшновато. Кроме того, когда шел косой дождь, в комнате под окном образовывалась лужа. Здесь я прожила до 1988 г. (24 года), когда дом признали аварийным (но перед этим сделали капитальный ремонт) и стали расселять. Вот когда я узнала, что оказывается, мой переезд из двухкомнатной квартиры в однокомнатную был обменом и предполагал доплату, которой я, разумеется, не получила, считая, что это просто государство меня «уплотнило». Меня и тут долго морочили, давая двойные ордера, и, как только я соглашалась, сообщали, что предыдущий человек согласился раньше. В конце концов, мне кто-то посоветовал написать в прокуратуру. После этого меня вызвали в райсовет и предоставили два адреса: пр. Большевиков, д. 15, и Товарищеский пр. (уж не помню номер дома). Я согласилась на первый адрес и живу здесь по сию пору. Вот и вся моя «одиссея».

Коммунальная квартира – коммунальная страна

Мы, Анолик Михаил Владимирович и Петрова (урожденная Дейч) Марина Александровна, жители блокадного Ленинграда, жили вместе в квартире 2 дома 6 (бывший 4) по Гривцову переулку (бывший Демидов переулок) с 1941 по 1955 г., после чего не виделись 61 год и встретились 2 октября 2016 г., чтобы записать эти воспоминания о нашем счастливом детстве в коммунальной квартире.

В числе героев нашего рассказа будет несколько известных людей, обширные сведения о которых можно найти в интернете. Их мы отметим звездочкой и приведем здесь лишь минимальные сведения о них. В круглых скобках мы будем указывать девичьи фамилии, а также известные нам даты жизни для умерших и даты рождения для живущих.

Чтобы сохранить колорит и оттенки взаимоотношений, а также сэкономить место, в тексте мы используем «кухонные» прозвища действующих лиц. Так мы называли обитателей квартиры за глаза (а иногда и в глаза).

* * *

Я, Анолик Михаил Владимирович, «Миша», 1939 г. рождения. Окончил школу 232-ю (2-я гимназия, основанная в 1805 г. Александром I) в 1956 г. с серебряной медалью. Окончил с отличием математико-механический факультет Ленинградского университета в 1961 г. по кафедре вычислительной математики. Защитил кандидатскую диссертацию в 1972 г. Опубликовал 110 научных работ. С 1972 г. – старший научный сотрудник лаборатории методов вычислений СПбГУ, основанной в 1964 г. профессором Соломоном Григорьевичем Михлиным* (1908–1990). С 1998 г. – член Нью-Йоркской академии наук. В 1963–1966 и 1966–1976 гг. преподавал программирование в 30-й и 239-й физико-математических школах. С 1972 по 1993 г. читал лекции по численным методам на курсах повышения математической квалификации инженеров при математико-механическом факультете.

Первая жена – Стратилатова Марина Борисовна (1938–1972). Окончила 75-ю школу с золотой медалью. Окончила с отличием матмех и аспирантуру по кафедре

геометрии. Защитила кандидатскую диссертацию в 1969 г. Работала старшим преподавателем в ВАУГА и ФИНЭКе. Умерла от рака молочной железы.

От нее имею дочь Марию Стратилатову (1961), которая замужем за Леонидом Гольцером (1960). Их дети: Наоми (2010) и Яков (2011). По профессии Мария – врач-нефролог. С 1988 г. живет в Нью-Йорке.

От Елены Игоревны Брио (1944) имею дочь Таню Брио (1975). Обе живут в Бостоне.

С 1991 г. состою в браке с Калининой Галиной Владимировной (1944), уроженкой Челябинской области. По профессии Галина – математик-программист.

* * *

Я, Петрова (Дейч) Марина Александровна (1941), «Марина», родилась в Пулковско. Окончила среднюю школу в 1958 г. Училась на филологическом факультете (вечернее немецкое отделение) с 1962 по 1969 г. Работала в Пулковской обсерватории инженером и вычислителем. С 1971 по 1976 г. работала техническим переводчиком в ГОИ им. С. И. Вавилова. По семейным обстоятельствам вернулась в Пулковскую обсерваторию, где работаю и по сей день помощником директора по организационным вопросам.

Муж Петров Владимир Григорьевич (1939–2006) окончил ЛИАП в 1964 г. Работал инженером в ЦНИИ РТК, где в течение 19 лет был начальником отдела. Награжден орденом «Знак почета» и медалью Ю. А. Гагарина.

Имею дочь Екатерину (1968), сына Александра (1974), внучку Анисью (2013).

* * *

Родители Миши, Анолик Владимир Михайлович (1896–1960), «Отец», и Анолик (Иванова) Прасковья Павловна (1907–1998), «Паша», оказались в этой квартире в 1939 г. Случилось это после развода Отца с Раисой Семеновной Колтун (1901–1988), от которой у него была дочь Татьяна (1928). Родители выменяли две комнаты (13 и 7 м²) именно в этой квартире, потому что в ней, еще в трех комнатах, жили родственники Отца.

В первой из них, девятиметровой, жила бабушка Миши Анна Львовна (1970–1955), урожденная Сагалова, по первому мужу Анолик, по второму – Куперман. Ее первый муж Моисей Израилевич Анолик* (1852–1901) был известным скульптором. В частности, он безвозмездно сделал лепной потолок в малой Санкт-Петербургской синагоге. Об этом факте Миша узнал случайно в 2008 г. из интернета. Вся семья в сталинские времена тщательно это скрывала. Однако Татьяна, старшая сестра Миши, знала об этом.

В этой же комнате был прописан Мишин дядя Яков Борисович Куперман, «дядюшка Яков», а впоследствии жили его жена Ася Марковна, «Аська», и их дочь Ольга (1949), «Лялька».

В соседней, десятиметровой, комнате жила сестра бабушки Софья Львовна Сагалова, которая погибла в годы войны. Комната Софьи Львовны досталась Екатерине Сергеевне Федоровой, «Катьке», у которой было двое детей и муж, грузчик в порту. Он погиб в результате несчастного случая в 1954 г.

В третьей, двадцатиметровой, комнате жила Мишина тетя Лидия Борисовна Колесникова (Куперман), «Лида», медсестра, старший лейтенант медицинской службы, всю войну проводшая в блокадном Ленинграде.

Дядюшка Яков сильно выпивал, имел уголовное прошлое: до войны за драку сидел в лагере на Беломорско-Балтийском канале. В войну он был ранен и попал в плен. Выжил дядюшка Яков, исказив фамилию на Купермян и выдав себя за армянина. Там, в лагере, он научился немного говорить по-армянски.

Из-за Каткиной комнаты были напряженные отношения между Катькой и дядюшкой Яковом. Вернувшись из плена, он и Анна Львовна, как ближайшие родственники, претендовали на эту комнату. У Якова также были напряженные отношения с Лидой. Он хотел, чтобы Лида поселила Анну Львовну в своей более просторной комнате.

В годы войны Миша, его отец, мать и бабушка оказались в эвакуации в селе Ярково, тогда Омской области, недалеко от села Покровского, родины Распутина. Там родился Мишин брат Евгений (1944), «Женька». Родственники со стороны отца к факту его рождения отнеслись без энтузиазма и называли его «сибирский фрукт».

Вернулась семья Аноликов в Ленинград в числе первых, в 1944 г. Отец был бригадиром бригады лепщиков, и его специально вызвали для скорейшего восстановления разрушенных исторических зданий. В бригаде также работали Паша и дядюшка Яков. Газета «Вечерний Ленинград» писала об отцовской бригаде. Вырезка из газеты, хранившаяся много лет, к сожалению, ныне утрачена. Среди объектов, которые они восстанавливали, были Малый зал Филармонии и Гостинный Двор.

* * *

Отец Марины, Александр Николаевич Дейч* (1899–1986), «Дейч», доктор физико-математических наук, заведующий отделом фотографической астрометрии и звездной астрономии Пулковской обсерватории, профессор Ленинградского университета, и ее мать, Александра Михайловна, урожденная Морина (1908–1976), «Дейчиха», вместе с сестрой Марины Ольгой (1931) до войны жили в служебной квартире в Пулковской обсерватории. Их квартира была

целиком разрушена в первые месяцы войны. В августе 1941 г., когда начались обстрелы, семья переехала в нашу квартиру, в комнату, в которой ранее проживал Аристид Иванович Доватур* (1897–1982), «Аристид», двоюродный брат Дейча по материнской линии, крупнейший ученый-филолог, репрессированный в 1937 г.

В 1941–1942 гг. Дейч исполнял обязанности директора Пулковской обсерватории. Благодаря его усилиям удалось спасти библиотеку и уцелевшее после обстрелов оборудование обсерватории.

В конце февраля 1942 г. Дейчи были эвакуированы в Ташкент и вернулись в нашу квартиру в мае 1945 г., где проживали до 1955 г., пока не получили новую служебную квартиру в Пулковской обсерватории. После того как семья Дейчей вернулась в Пулково, в эту комнату снова въехал реабилитированный Аристид Иванович. Он был освобожден еще в октябре 1947 г., до реабилитации жил в Луге, за 101-м километром, а в Ленинграде бывал наездами, нелегально проживая в нашей коммунальной квартире.

В соседней комнате жили Николай Михайлович Морин (1895–1971), «дядя Коля», также сотрудник Пулковской обсерватории, брат Александры Михайловны, с женой Анной Владимировной Дружковой* (1918–2014), кандидатом исторических наук, доцентом ЛГПИ им. А. И. Герцена, и ее дочерью Еленой (1951).

А. Н. Дейч и Н. М. Морин принимали деятельное участие в восстановлении Пулковской обсерватории после войны.

В комнате напротив кухни, расположенной над аркой и потому всегда холодной, жила Александра Яковлевна Яковлева, «Шура», работавшая маляром на заводе «Судомех», с дочерьми Петровой Татьяной Герасимовной (1936) и Людмилой (1938), «Танькой» и «Люськой», отец которых погиб на войне. Всю блокаду они пережили в городе.

В квартире еще жила семья Хрищунов. Главой семьи был отставной моряк. Его жена болела туберкулезом. Жили они замкнуто. Их сын Вовка никогда не выходил в коридор и не участвовал в детских играх. В комнате случился обыск. Хрищун был арестован, а оставшиеся члены семьи исчезли. Комнату опечатали.

* * *

Опишем бытовые условия в нашей квартире. Дом построили в 1896 г. Отопление было печное. Во дворе дома находился двухэтажный флигель, на первом этаже которого располагались каретные сараи. В этот флигель попала бомба, и весь второй этаж был разрушен. Каретные сараи использовали для хранения дров.

Вода была только холодная. Единственная раковина находилась на кухне. Имелась ванная комната с деревянной колонкой, но она использовалась крайне

редко. Все ходили в бани: Гороховые (были поближе) или Фонарные (были почище). Во дворе дома находилась прачечная, белье в ней стирали по записи, а сушили на чердаке.

Еду готовили на керосинках или примусах. Потом провели газ: на каждую семью приходилась одна конфорка. Роль холодильника играл торчащий наружу ящик на кухне, куда все ставили на ночь еду. Однажды, возвращаясь поздно ночью, пьяный дядюшка Яков съел целую чужую кастрюлю котлет, заготовленных на неделю.

Возникали очереди в туалет (один на 25 человек), который часто засорялся. Как-то раз, пытаясь устранить засор, женщины понемногу лили в унитаз воду, но ничего не получалось. Дейч, используя свои знания в гидродинамике, вылил целое ведро и пробил засор. Из-за очередей в туалет и так как почти во всех комнатах были дети, у всех имелись ночные горшки. По утрам их выносили. Вместо туалетной бумаги использовали газеты, а семья Дейча выписывала буклет «Театральный Ленинград». Читая его на унитазе, Миша узнал сюжеты всех опер и балетов из репертуара Кировского театра.

Телевизоров и радиоприемников ни у кого не было, слушали обычное радио. Телефон (А1-32-50) появился благодаря хлопотам Дейча. Сначала его собирались поставить в комнате Дейча, но после небольшого скандала поставили в коридоре. Дети вольно или невольно подслушивали разговоры взрослых, поэтому взрослые, соблюдая конспирацию, говорили одними лишь междометиями. Именно из подслушанного разговора Аристиды, когда он обсуждал «Один день Ивана Денисовича», Миша понял, что Аристид сидел в одном лагере с А. И. Солженицыным*.

* * *

По уровню доходов и образованию жильцы явно делились на три группы: высокооплачиваемые Дейчи, среднеоплачиваемые Анолики и еле сводящие концы с концами Яковлева, Федорова, Хришун. Все женщины, кроме Дейчихи, работали. А у Дейчей еще была приходящая домработница Матюхина Анна Павловна, «Нюша». Она работала долгие годы, была официально оформлена и впоследствии заслуженно заработала пенсию.

Аристиды обстирывала Шура. За каждую вещь, независимо от размера – носовой платок или простыня, – он платил по 20 копеек. Женщины на кухне посмеивались над непрактичностью Аристиды, так как носовых платков было много больше, чем простыней. Но, по-видимому, добрейший Аристид делал это сознательно, чтобы, не унижая достоинства, поддержать вдову с двумя детьми.

Социальное неравенство сказывалось, в частности, на летнем отдыхе детей. Дейчи снимали дачу в Комарове (где ближайшим соседом Марины был толстячок Алешка Герман*, будущий знаменитый кинорежиссер). Анолики – в Ольгино,

а Танька с Люськой проводили лето в пионерлагере. На даче было довольно скучно, и Марина, «принцесса в гамаке», завидовала подруге, проводившей лето в академическом пионерлагере в том же Комарове. Когда умерла Мишина бабушка, Миша с братом Женькой тоже стали ездить в пионерлагерь. Путевки в них доставали родственники (в частности, сестра Татьяна).

На еде и одежде разница в доходах сказывалась меньше ввиду всеобщего дефицита. Перед новогодними праздниками «давали» муку: «в одни руки» взрослым – по 3 кг, детям – по 1 кг. Было очень холодно, а очередь приходилось занимать с раннего утра сразу в двух-трех магазинах. Из муки пекли ватрушки, пироги с капустой, рисом, яйцами. На Пасху делали куличи, хотя в церковь даже изредка никто не ходил.

Дефицитом были фрукты, шоколад и конфеты. Однажды Паша «достала» коробку конфет и припрятала ее, чтобы открыть к празднику. Мишин брат Женька нашел ее и предложил Марине каждый день съедать по конфете. В итоге съели всю коробку. Паша вскрыла коробку перед гостями – в ней оказались только пустые фантики. Матери устроили следствие и очную ставку, на которой брат Женька показал, что все конфеты съела Марина. Это первое предательство ей запомнилось до сих пор. В итоге наказали обоих – попросту выпороли.

Детей мало волновало, кто во что одет. Их занимали общие интересы – игры, затевавшиеся в коридоре и в комнате Шуры, которая долго задерживалась на работе. Играли в лото, прятки, подкидного дурака, пытались в 20-метровом коридоре играть в футбол и кататься на велосипеде. С энтузиазмом ходили на демонстрации и салюты. Однажды Марину высекли за поход на салют без разрешения. Гулять во двор родители отпускали не очень охотно, опасаясь хулиганов, которых было много в первые послевоенные годы.

Ходили на новогодние елки. На одной из них Марина не узнала дядю Колю Морина в роли Деда Мороза. Летом ездили купаться в Озерки, где Миша поверг в ужас родителей, нырнув с пятиметровой вышки (в 12 лет). Однажды дядюшка Яков взял Мишу на футбол на стадион «Динамо». Там Миша наблюдал, как Яков делал ставку на подпольном тотализаторе, который держал бывший вратарь «Зенита» Виктор Набутов*. С братом Женькой Миша ходил на Зимний стадион на первенство Ленинграда по баскетболу. Там они видели знаменитого Олега Мамонтова*, братьев Гомельских* и Владимира Кондрашина*, впоследствии знаменитых тренеров.

В школьные годы Миша с Женькой облазили весь Эрмитаж (детский билет стоил всего 10 копеек), более-менее понимая картины на мифологические сюжеты и гораздо менее – на библейские. Видели они там и картины импрессионистов, наивно изумляясь прогрессивности художественных вкусов царя (нынешних табличек с указанием того, что эти картины из коллекций Щукина и Морозова, тогда не было).

По воскресеньям зимой Дейч водил Марину в Кировский театр, а летом – в ЦПКиО. Кроме школы, Марина занималась английским и ритмикой в Доме ученых. Миша ходил в шахматный клуб Дворца пионеров, где «доигрался» до первого разряда. Тренером Миши был Владимир Григорьевич Зак* (тренер Корчного* и Спасского*). Он часто использовал Мишу в качестве спарринг-партнера для Флоры Дмитриевой* и Кати Бишард* – «женских мастеров», участниц чемпионатов СССР. Поступив в Университет, Миша полгода пытался участвовать в турнирах, но быстро понял, что заниматься профессионально математикой и шахматами невозможно, и забросил шахматы. Спасский же, отучившись год на матмехе, понял то же самое, но выбрал шахматы.

* * *

Опишем теперь, как в нашем детском сознании отразились важнейшие события сталинской эпохи.

22 июня 1941 г. Паша и Шура повели Мишу, Таньку и Люську в Зоосад. Там они и узнали о начале войны.

Хорошо запомнился День Победы. С утра Миша вышел во двор и увидел пацана, еще меньше его, на белоснежной рубашке которого висели медали, видимо отцовские. До тех пор Миша видел награды только у взрослых.

Во время девальвации 1948 г. у семьи Аноликов обесценилось 7000 рублей. Паша послала Отца положить их в сберкасса, но Отец остановился почитать газету, а тем временем закрыли все сберкассы: сначала на обед, а потом насовсем. Паша еще долго пилила Отца за эту оплошность.

«Дело врачей» вызвало всплеск бытового антисемитизма. У Отца была ярко выраженная еврейская внешность и вдобавок золотые зубы. С ним было несколько инцидентов на улице и в трамвае. Тогда многие евреи русифицировали свои имена и отчества. Отчество Отца было Моисеевич, и сына назвали в честь деда, но русифицировали в Мишу. Дядюшка Яков узнал настоящее имя своей жены только в родильном доме, когда он справился, кого родила Куперман Ася Марковна. Ему ответили, что такой нет, а есть Куперман Эсфирь Мордуховна.

Первый свой сюрприз Аська преподнесла дядюшке Якову сразу же после свадьбы. Дядюшка Яков позарился на обещанное богатое приданое (200 тысяч рублей), но лишь 50 тысяч из них были деньгами, а остальное – облигациями, которые впоследствии все пропали. Аська же запретила брату Женьке общаться с ее дочерью Ольгой: «Женя изнасилует Лялечку».

Последний сюрприз Аски: она устроила отъезд своей семьи в Австралию, где дядюшка Яков как ветеран Второй мировой войны (Австралия была нашим союзником) получал хорошую пенсию. Оба они там и умерли.

В день похорон Сталина Миша с одноклассником Юрой Минкиным пошли на Дворцовую площадь. Перелезая через ограду Александровского сада, в давке Минкин напоролся на пику и порвал пальто, за что его ждало неминуемое наказание. Миша отвел его к тете Нюре, сестре матери, которая была портнихой. Тетя Нюра мастерски зашила дырку, так что родители Минкина ничего не заметили.

* * *

Расскажем подробнее о родительских семьях. У Отца было два старших брата – Александр Михайлович Анолик, «Александр», строительный подрядчик, про- раб, и Леонид Михайлович (Леон Моисеевич) Анолик* (1889–1956), «Леонид», член Союза архитекторов, выпускник Академии художеств. От своих жен, Полины Осиповны и Клары Наумовны, детей они не имели.

Любопытно, что в Гражданскую войну Александр воевал за белых, Леонид – за красных, а Отец пошел добровольцем на войну 1914 г., но в боевых действиях не участвовал, так как заразился конским сапом и несколько лет провел в госпиталях.

Паша родилась в деревне Обша Полавского района Новгородской области. У ее отца Павла Ивановича Иванова (1878–1956) и матери Марфы Даниловны (1878–1952) было семеро детей: Прасковья (1907–1998), Михаил (1910–1967), Василий (1912–1957), Анна (1914–1995), «Нюра», Евдокия (1917–1936), Николай (1920–1952) и Мария (1922).

Паша была старшей и нянчила всех остальных, поэтому осталась без образования. Лишь много позже она окончила четыре класса в школе для взрослых и до конца жизни читала по складам.

Впоследствии Нюра, Паша и Мария перебрались в Ленинград. Остальные жили и умерли в родной деревне.

Летом 1931 г. Отец, тогда работавший главным инженером Дачного треста, возглавлял строительство коровника в совхозе «Борки», расположенном в километре от деревни. Он взял с собой, как бы на дачу, дочь Татьяну и нанял Пашу к ней в няньки. Затем Отец забрал Пашу с собой в Ленинград в качестве домработницы. В этом качестве она и пребывала до тех пор, пока не родился Миша. Паша стала второй женой Отца. Жены старших братьев относились к ней неприязненно, она отвечала им тем же.

Однако в годы блокады и эвакуации лишь ее крестьянские навыки и сметка спасли семью от голодной смерти. В сибирской деревне, где мы оказались, местные жители, по национальности зыряне (коми), не удобряли землю навозом, а делали из него запруду на мельнице. Они смеялись, когда Паша, сажая картошку, в каждую лунку клала конский навоз. Но когда они сравнили урожай, их удивлению не было предела.

* * *

Расскажем теперь, как Отец оказался в тюрьме. В бригаде нашелся стукач, который написал донос. Основные обвинения: приписки (завышение объема работ) и родственные отношения на работе (близкие родственники не имели права быть подчиненными друг другу). Доносчик утверждал, что братья Александр и Леонид давали заказы Отцу. По своим должностям они могли способствовать и способствовали получению выгодных заказов бригаде, но оформлены на работу были другие члены бригады, а не Отец или Паша. Следствие проверило все наряды и платежные ведомости, но нигде не обнаружило, что какой-нибудь Анолик платил государственные деньги другому Анолику. Более того, экспертиза не только отвергла приписки, но и признала высокое качество работ при восстановлении исторических зданий.

Однако один «прокол» обнаружился. В бригаде были два брата: Мишка и Колька Лопуха. Колька был судим: он отсидел два года за драку и не имел права работать на закрытых объектах. Он был уличен в том, что пользовался пропуском брата (благо они были очень похожи) при работе на Табачной фабрике им. Урицкого (на углу Среднего проспекта и 9-й линии Васильевского острова). Судья обвинил Отца в потере бдительности: он допустил на режимный объект человека, обиженного на советскую власть – а ведь тот мог совершить диверсию.

Следствие тянулось девять месяцев. Отец сидел под стражей в ОБХСС (отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности), вход в который был под аркой Главного штаба. Пашу, Якова, Александра, Леонида, обоих братьев Лопуха многократно «таскали» туда на допросы и очные ставки. В итоге суд присудил Отцу год тюрьмы. Оставшиеся три месяца он досаживал в Крестах. Все это время мы носили продуктовые передачи. Вес и ассортимент продуктов были строго регламентированы. Тщательно проверялось, не спрятаны ли записки или что-нибудь режущее типа бритвы. В тюрьме Отец перенес инфаркт.

Жизнь семьи в это время сильно изменилась. Вместо дачи летом поехали в деревню. Там мы с братом Женькой впервые увидели многих своих родственников по материнской линии. Жили в старой дедовской деревенской избе, парились в деревенской бане «по-черному», спали на сеновале под кисейным пологом, защищавшим от мух и слепней. Попробовали неведомое лакомство – мед в сотах.

Финансовое положение семьи стало очень трудным. Дядюшка Яков повел себя как настоящий подонок: он подстерегал Пашу в день полочки и силой отнимал часть зарплаты. Он считал, что останется безнаказанным, так как думал, что Отец сел надолго, выйдет не скоро, а то и умрет в тюрьме. После выхода из тюрьмы Отец изгнал Якова из бригады и, живя в одной квартире, не разговаривал

с ним до самой смерти. Отец запрещал мне и Женьке общаться с Яковом и его семьей (не объясняя почему), но мы не слушались, так как не знали причину. Паша рассказала нам с братом об этом только после отъезда семьи Якова в Австралию, так как боялась, что мы побьем его.

При оформлении пенсии у Отца возникли большие трудности с подтверждением рабочего стажа. Так как работа лепщика была временной, заказы – краткосрочными, то он сменил множество организаций, многие из которых перестали существовать и их архивы оказались утраченными. Сотрудница собеса усомнилась, является ли Женька его сыном: ей показалось, что отец больно престарелый, и она допытывалась об этом у Паши, чем повергла Пашу в большое смущение, а Отца – в большое негодование.

После выхода на пенсию Отец прожил всего два года и умер в нашей квартире от третьего инфаркта.

* * *

В начале 90-х годов, когда архивы были временно открыты, сотрудник ИИЕТ АН СССР (Институт истории естествознания и техники) Юрий Поплинский раскопал в них такую историю. За три года до начала войны кто-то из руководства обсерватории настоятельно предложил Дейчу переехать в Крымскую обсерваторию. Дейч поехал в Москву к президенту Академии наук, чтобы обжаловать это решение. Когда он вернулся в Ленинград, его арестовали прямо на Московском вокзале. Дейча продержали в Большом доме почти две недели, с 21 октября по 2 ноября 1938 г., после чего неожиданно выпустили. Семья и сослуживцы были в полном неведении о том, где и что с ним происходило. Впоследствии он говорил жене (а та – Марине), что об этом надо просто забыть.

Таким образом, из восьми взрослых мужчин, проживавших в квартире в течение 1939–1955 гг., погибло двое, а пятеро отсидели разные сроки. Такова была плата за наше счастливое детство.

В 1963 г. дом пошел на капитальный ремонт. Все жильцы были расселены, и в прежнем виде квартира перестала существовать. После ремонта в этот дом и в квартиру с тем же номером вернулись только Шура и Аристид. Там же они и умерли.

40 лет в коммуналке на Литейном

Я приехала в Ленинград в июне 1956 г. и поступила на историко-филологический факультет Педагогического института (ЛГПИ) им. А. И. Герцена. История поступления сама по себе интересна. Приехала я поступать на филологический факультет. Поскольку окончила школу с серебряной медалью, то вступительных экзаменов было всего два – устный и письменный. Литература. Сдала, поступила. Вернулась в Ступино к тетке, а вдогонку пришла телеграмма, что объединяют филологический и исторический факультеты: «Если вас это не устраивает, приезжайте, забирайте документы!» Я немедленно помчалась в Ленинград – как это, забирать документы? Хочу учиться только здесь! Учиться было трудно, программа была перегружена, но я благодарна судьбе за такой поворот – образование я получила фундаментальное. Оно стало базой для нескольких специальностей: учителя литературы и истории в средней школе, экскурсовода, социолога. В последние 25 лет перед уходом на пенсию (ушла в 70 лет в 2009 г.) я работала социологом в РНБ (тогда Публичке) и потом ЦГНПБ. В РНБ в 1986 г. получила еще одно образование – библиотечное – на Высших библиотечных курсах.

Жизнь сложилась нелегко. Родилась я в Москве в 1939 г. Войну с родителями мы провели в эвакуации в Туркестане. Голод, холод, отсутствие всего необходимого и постоянное отсутствие родителей – они работали на железнодорожном узле сутками и изредка приходили ночевать. После эвакуации мать и отца перевели из Туркестана вначале в Молдавию (Бельцы), а потом в г. Коломыю (Львовская область). Они оба до войны окончили Московский железнодорожный институт и служили в железнодорожных войсках там, куда их направляли. Все сознательное детство с 6 и почти до 15 лет я провела вместе с ними, братом и двумя сестрами в Коломые. Это в прошлом Галиция. Она входила в состав Австро-Венгрии. Город имел богатое историческое прошлое: основанный в 1241 г., когда-то он входил в число 400 городов Европы, имевших Магдебургское право. Во время войн XX века он не очень пострадал и сохранил свой облик небольшого европейского городка со всеми присущими ему достоинствами. Население

Коломый было очень пестрым – поляки, чехи, венгры, русины, гуцулы, украинцы, русские, евреи. В городе была музыкальная школа – именно она была центром культуры. И еще была прекрасная городская библиотека, откуда я не вылезала.

В 1954 г. умерла мама. Ей было всего 38 лет. Нас, детей, после ее смерти осталось четверо. Трех из нас увезла в Подмоскowie (Ступино) мамина сестра. К этому времени я должна была окончить восьмой класс, но из-за болезни мамы (у нее был рак, и умирала она очень тяжело, дома) меня не аттестовали. В Ступино я окончила школу с серебряной медалью – для этого пришлось сдавать экзамены по предметам, по которым меня не аттестовали в Коломые, и по тем, по которым у меня были тройки в шестом и седьмом классах. Я страстно хотела учиться дальше и исполнить мамино предсмертное напутствие – получить высшее образование.

И вот я в Ленинграде. Студентка. Не сразу, но все же получила место в общежитии. Началась студенческая жизнь. И очень интересная учеба. Лекции Юрия Павловича Суздальского по античной литературе, лекции М. Н. Ботвинника по истории Египта, лекции С. И. Шаргородского по зарубежной литературе, да и многих других преподавателей, среди которых были и Е. Эткинд и Л. А. Шептаев, и Дина Клементьевна Мотольская, вспоминаются до сих пор как чудо.

В 1957 г. на все лето нас отправили на целину. Пробыли там мы с июня по октябрь. Об этом можно написать отдельную книгу. По возвращении я записалась в туристскую секцию института – походы, песни, слеты, путевка в альпинистский лагерь – думаю, что многие из моих сверстников, вспоминая эти годы, оценят их так же – веселая студенческая жизнь! Не важно, что стипендия – 22 рубля, из которых 15 рублей мы вносили в коммуны (мы образовали ее с целью минимальных затрат на пропитание), 1 рубль оплата общежития, 1 рубль на поездки по городу (3 копейки билет в трамвае, 5 копеек – в троллейбусе и автобусе) – оставалось 5 рублей на все остальное – музеи, театры, книги, кино, концерты. С концертами было легко – распространители билетов в Капеллу и Филармонию нераспроданные билеты приносили к нам в общежитие и предлагали за 20 копеек (благо оба общежития находились здесь же рядом – вначале на территории института – Мойка, 48, а затем на ул. Желябова (теперь Большая Конюшенная). Сложнее было попадать в театры, но постепенно мы научились попадать и туда – все спектакли в БДТ, большую часть постановок в Театре им. Ленсовета, ТЮЗе, Акимовском и многих театрах Ленинграда мы повидали. Фильмы смотрели в основном в «Баррикаде» – кинотеатр рядом – дневные сеансы дешевые. Музеи – Эрмитаж, Русский музей, Академия художеств, Петропавловская крепость, да собственно, весь город был прибежищем для души – можно было, удрав с лекций, бродить часами и упиваться этим богатством и разнообразием. Проще всего было

с книгами – в самом институте имелась прекрасная библиотека и Публичка была рядом. Записалась туда я зимой 1957 г. и уже на первом курсе, когда мы писали рефераты и курсовые, узнала о существовании спецхрана в Публичке и сумела получить туда направление. Это значительно расширяло возможности чтения. Главное, чтобы времени хватало на все – ведь надо было еще и подрабатывать! Многим из нас в общежитии деньги (а порой и одежду, и продукты) присылали из дома. Но у меня никого не было – мама умерла, у отца появилась новая семья, теткам было не до меня. Мне удалось устроиться вначале подопытным кроликом, а потом и лаборантом в медицинский НИИ. Там нас жалели и старались заплатить побольше не только за час-полтора работы, но и за время, затраченное на дорогу. Получалось на круг 7–8 рублей в месяц – существенная прибавка к стипендии!

Довольно долго я не могла найти свой храм – католический костел. Костел Лурдской Божией матери на Ковенском переулке я нашла, уже будучи замужем и родив дочь. До этого я ходила в православные церкви, справедливо считая, что они ведь тоже христианские! К католической вере меня еще в шесть лет в Коломые приобщила моя учительница музыки – Элеонора Карловна Гонтова. Но она же меня предупредила, когда мы прощались перед моим отъездом после смерти мамы: «Ни в коем случае никому никогда не рассказывай, что ты верующая, да еще католичка!» Я строго следовала этому совету до самой перестройки.

Эта замечательно интересная жизнь закончилась в 1959 г., когда я вышла замуж и родила дочь. Мой муж и его родители занимали две комнаты в шестикомнатной коммунальной квартире в старинном доме на Литейном проспекте. Так я попала в коммуналку.

Дом был построен в 1858 г. Краткая история его такова: император Николай I в 1852 г., во время празднования 40-летия Бородинского сражения, подарил из казны участок земли вдове генерала Кутайсова Ольге Александровне Кутайсовой. Середина XIX века – время постройки большинства доходных домов. Неподалеку на Литейном проживал каретных дел мастер Христиан Тацке, сын которого молодой архитектор Христиан Христианович согласился построить дом для Ольги Александровны. Всего Х. Х. Тацке построил в Петербурге 16 домов и, несмотря на войны, революции разрушительное время и не менее разрушительный климат, все они стоят в Петербурге до сих пор. Построено добротно, из николаевского кирпича, с перекрытиями из мореного дуба, кафельными плитами, изразцовыми и металлическими круглыми печами, мраморными каминами, лепниной, дубовыми паркетными, вентиляционными трубами, красивыми парадными лестницами, выходящими на Литейный, и украшенными высокими строгими дубовыми дверями с бронзовыми ручками. Черные лестницы выходят во двор. Двор закрыт решетчатыми чугунными воротами – одни выходили на Литейный, другие –

на ул. Белинского (в прошлом Симеоновскую ул.). Внутренние дворы отгорожены друг от друга арками.

К счастью, в советское время этот дом не подвергся капитальному ремонту.

Дом обладает многими достоинствами – толстые кирпичные стены, высокие потолки, просторное лестничное фойе, система вентиляционных труб, просторные с хорошими пропорциями комнаты, высокие удлиненные окна, дубовые рамы – все это делает дом комфортным. Зимой в нем тепло. И даже если отключают центральное отопление, можно протопить печи или камин и через полчаса комната нагрета и тепло держится долго. А летом даже в жару дом не перегревается – так он устроен, – вся вентиляционная система тщательно продуманная и выстроенная не дает перегреться. Наша квартира на четвертом этаже со стороны Литейного и включает пятый этаж со стороны двора. Внутри почти все квартиры имеют три уровня. Недостатком (а может быть, достоинством?) является отсутствие лифта. Совсем недавно ко мне приходила моя бывшая ученица со своим внуком. Молодой человек лет 15 с модной прической и независимым видом холодно спросил: «А что это у вас такой красивый дом и нет лифта?» Мой ответ: «Дом строили при свечах», согнал с него всю молодую спесь. Мы еще долго обсуждали, как это было все устроено в те далекие времена, когда электричества не было. И мальчик меня к концу беседы даже зауважал – такая древняя тетенька, а все помнит!

Сама владелица дома, как мне известно, долго проживала в квартире на третьем этаже в нашей же парадной. И если заглянуть в справочники «Весь Петербург», то можно убедиться, что дом ей принадлежал и в 1896 г., и в 1905 г.

О том, как все было устроено и кто проживал в нашей квартире, я узнала от Клавдии Ниловны – соседки по коммунальной квартире. Она была здесь последней дореволюционной служанкой. В 1912 г. она сменила свою состарившуюся мать на этом посту. Вся ее семья была из-под Волосово. Мать отправилась на покой, а молоденькая Клава поселилась в комнате служанки и прожила там всю свою жизнь. Похоронили ее в 1979 г. До 1918 г. она была служанкой у генерала, который снимал эту квартиру у владелицы дома. Клавдия Ниловна запомнила только его имя – Теодор Теодорович. В 1918 г., зимой, в один холодный день, он ушел и не вернулся. Она так и не узнала – погиб ли он, ушел по льду в Гельсингфорс или бежал от большевиков иным путем.

По ее словам, он был добрым и порядочным человеком. Квартира генеральская по тем меркам была небольшой: кабинет, гостиная, спальня и столовая. Комнаты располагались анфиладой. В коридорчике рядом со спальней была установлена керамическая ванная, в которую воду надо было приносить, а затем выносить ведрами – это делала служанка. Сама она ходила в бани на Бассейной ул.

(в советское время стала называться ул. Некрасова). Рядом со столовой была деревянная лестница, ведущая вверх в кухню, дверь в сортир справа и с другой стороны от лестницы дверь на лесенку вниз в комнату служанки. В кухне и в комнате служанки были двери, ведущие на черную лестницу. По ней истопник приносил дрова для печей и каминов, приходили за надобностью слуги, посыльные или поставщики. Двери в квартире изнутри запирались на ночь, помимо замков, на толстенные щеколды – они и сейчас исправно нам служат. Когда генерал исчез и Клавдия Ниловна осталась здесь одна – ей было очень страшно! А спустя какое-то время в квартиру ввалилась ватага матросов во главе с комиссаром. Но он велел ее не трогать – они пограбили квартиру и ушли. Еще через месяц пришли люди в штатском и привели семью рабочих, поселили их в спальне генерала. А затем пришли еще и еще и уже не уходили. В 1959 г., когда мы с Эдиком поженились, я оказалась 18-й соседкой в квартире. Коммунальная квартира была классической коммуналкой – из каждой двери в прихожую высовывалось четыре-пять физиономий. Пьяные, меняющиеся сожители, дети, полупарализованная старуха. Ссоры из-за туалета, коммунальной уборки, электросчетчиков и т. д. Ванны не было, горячей воды тоже – два крана с холодной водой на кухне, две газовые плиты, один туалет. У каждого свой входной звонок, своя лампочка в коридоре, на кухне и в туалете, свой счетчик. Мыться ходили в баню на Некрасова. Главное было отстоять очередь и успеть купить билет в кассе вечером до закрытия бани. Меня по молодости мало смущали все эти обстоятельства – практически я жила в двойной коммуналке, – эта часть квартиры, которую занимали Часовы, включала маленький коридорчик, родители мужа превратили его в кухоньку (газовая плита там стояла, но воду надо было приносить и выносить). Этой кухонькой пользовались родители мужа и мы с ним. На пол-этажа выше была большая (20 м²) общая кухня – там был у нас столик кухонный, там стирали (сушили тогда белье на чердаке – он был открыт, бомжей еще не было). Белье не пропадало, воровство было тогда мало распространено. На чердак мы попадали по черной лестнице. Однажды в дальнем конце чердака я нашла пустой деревянный сундук и, поскольку никто не возражал, поставила его в прихожую у нашей двери. Он и сейчас здесь стоит. Первый предмет моей личной мебели.

Помимо больших достоинств, в этом прекрасном доме были и большие недостатки. В первый же вечер, поднявшись за водой на верхнюю кухню, я обнаружила на полу кухни огромную шевелящуюся черную массу – тараканы. Это было ужасно! Начав борьбу с ними на следующий же день, я закончила ее только в 2005 г., когда по определению специалистов они сами ушли. Говорят, на них повлияла мобильная связь. Как мы с ними боролись тогда? Примитивным старинным способом: делали шарики из смеси борной кислоты, сахара и желтков и раскладывали

их вдоль плинтусов, за шкафами, под раковинами, у вентиляционных решеток, по периметру выходных дверей, вокруг газовых плит. Это была трудоемкая и занудная работа, и повторять ее надо было несколько раз в году. Этот способ сокращал их численность, но не уничтожал полностью. Даже в 1990-е гг., когда появилась разнообразная химия и профессиональные гели против тараканов, уничтожить до конца их не удавалось. Самые древние насекомые не поддавались. Вторая была такая напасть в доме – клопы. Бороться с ними было еще сложнее. Дуст их не брал. Приглашение профессиональной службы дезинфекции соседи отвергли напрочь – не хотелось платить и не верилось в результат. Мы с мужем сделали полный ремонт наших двух комнат, ободрав обои до голой стены и обмазав эти голые стены специальным вонючим средством. Затем наклеили газеты, поверх них обои. На какое-то время это помогло. Но мы и сейчас настороже, так как дом старый и есть еще коммунальные квартиры в нашем парадном, где последние полвека ремонта не было.

Изредка появлялись мыши, но, по крайней мере, в двух семьях в нашей коммуналке были коты, и мыши быстро исчезали. На черной лестнице видели крыс. Домовые комары не исчезали никогда – сырые теплые подвалы, где они благополучно зимовали, этому способствовали. Мои попытки научить сотрудников жилконторы пользоваться эстонским способом борьбы с ними, к каким-то результатам не привели. Эстонский способ заключался в том, что осенью, когда комары сбивались в один большой комок и подвисали на зиму под потолком в таком подвале, их просто целиком снимали в бумажный пакет и сжигали. Все! Весной комаров уже не было. Но сотрудники жилконторы не считали, что это входит в их обязанности, а нам, жильцам, в закрытые подвалы путь был заказан. Комары одолевают нас до сих пор. Держу в комнатах специальные лампы, которые помогают с этой напастью справиться. Легче всего было бороться с молью. Покупали несколько пачек «Беломорканала» (тогда он был ядреный, теперь уже не тот) и несколько упаковок черного перца горошком, в бронзовой ступке толкли их вместе в порошок. Затем насыпали в конвертики из бинтов и раскладывали по шкафам, кладовкам и антресолям. В старинной мебели заводятся древоточцы – они тоже требуют внимания.

Очень огорчало всегда состояние лестничной клетки – грязь, обшарпанность, дурной запах, похабные надписи на стенах. В 1970-е гг. начали появляться нищие, потом бомжи – они легко проникали в парадные, несмотря на кодовые замки и домофоны, и использовали парадные в качестве туалетов, а иногда, поднявшись на площадки верхних этажей, у батарей ночевали.

И если в 1959–1965 гг. уборщица тетя Настя, живущая на первом этаже (выходы из ее квартиры были внутрь парадного, на Литейный и под арку во двор),

следила за порядком, мыла лестницу, запирала двери, и попасть домой после двенадцати ночи без ее участия было нельзя, то после ее смерти эту квартиру отдали в аренду магазину, и за лестницей уже никто не следил. Так же как за чистотой и порядком во дворах. Помню звуки лопаты в шесть часов утра, скребущей снег во дворе, – значит уже вышел дворник Андрей на работу. Давно этого звука не слышно. Не знаю, чем заняты эти восточные люди, которые теперь служат дворниками, но если не позвонить в жилконтору несколько раз, а затем в службу 004, то лестницу не подметут и не вымоют – так обстоят дела сейчас.

В свое время дважды (в 1974 и 1985 гг.) я брала отгулы на работе и тратила неделю на то, чтобы тщательно отмыть лестницу и все парадное. Первый раз это было вызвано тем, что наконец на входной двери был установлен домофон. Закончив работу, я вывесила призыв к соседям соблюдать чистоту. Приблизительно неделю ее соблюдали. Второй раз я совершила этот подвиг в связи с тем, что, вернувшись в Ленинград из экспедиции, увидела такую отвратительную грязь в парадном, что душа не выдержала. Но и во второй раз помогло на неделю. К тому же в 1985–1987 гг. началась перестройка, всеобщий хаос, перестали вывозить мусор во дворах. Я нашла способ, как заставить эти службы работать, – на огромную кучу мусора разбивала старый градусник и вызывала ртутную команду. Но старых градусников у меня было только шесть штук.

Дочь родилась в феврале 1960 г. – между двумя сессиями. Я твердо решила не бросать учебу и не брать академический отпуск. На самые страшные в преддверии экзаменов предметы – истмат и диамат – ходила вместе с ней. Наш декан Александра Федоровна меня одобряла и выделила комнатку за деканатом, чтобы ребенка можно было покормить и перепеленать. Так я окончила институт вместе со всеми. Надо сказать, что единственный человек, кто помогал мне на протяжении всего этого трудного времени, был отец мужа – И. А. Ч. Старый (1881 г. р.), добрый и мудрый еврей хлебнул в своей жизни много лиха. Его жизнь заслуживает отдельного описания. Он помогал мне во всем – мог посидеть с ребенком, пока я бегала в институт, устроил со временем малышку в ясли, брал на лето на дачу (именно он, а не свекровь!) и находил для этого среди своих знакомых помощницу, тем самым отпуская меня с мужем в горы или же в походы со школьниками, доставал в аптеках лекарства (тогда почти все надо было доставать!), гулял с ребенком, пока я возилась по хозяйству, и т. д. Пока он был жив, наша семья как-то держалась. Очень благодарна ему за все.

И. А. умер в 1965 г., и семья начала распадаться. У мужа отношение к ребенку было вполне определенным: «Пусть будет, но главное, чтобы не мешал». Не мешал ему. Он стремился стать мастером спорта, защитить диссертацию. И он все это осуществил.

Мне приходилось работать на двух работах, чтобы прожить, и брать к тому же все сложности на себя. Вот тогда я и почувствовала груз коммуналки – слишком много времени пришлось в этот период жизни проводить дома.

Склоки, ссоры и даже драки в квартире были постоянно. Шла борьба за власть. В. И. работала в гастрономе и считала себя всеобщей благодетельницей. «Сисиски дают, сисиски дают!» – кричала она в коридоре, если была в хорошем расположении духа. А В. А. была женой квартуполномоченного и считала себя первой дамой квартиры! Семья Кукушкиных пришибленно молчала, а мы, не обращая внимания на всю эту бурную жизнь, держались в стороне. Клавдия Ниловна, молчаливая и деликатная, не вмешивалась ни в какие распри. Иногда и на нас обрушивались всякие напасти. Так, когда я уже работала в Институте социологических исследований АН СССР, к нам в институт приезжали социологи из Польши, Венгрии, Финляндии и я приводила их к себе, чтобы угостить хорошим кофе, но тут же из-под земли появлялись дяди в шляпах и проверяли документы. Благо Большой Серый дом был близко, а в обязанности квартуполномоченного входила главная обязанность – бдить!

Самой доброжелательной, сдержанной и интеллигентной была Клавдия Ниловна. Она выросла в деревенской семье еще в те годы, когда существовала деревня со своим укладом, культурой и в ней могли вырасти такие люди. Клавдия Ниловна не участвовала в склоках и ссорах, была очень аккуратна, не любила сплетничать, не пила. Была верующей доподлинно: икона висела над кроватью в красном углу, ходила в Спасо-Преображенский собор (замуж вышла за шофера священника этого собора – дядю Лёню).

Тетя Клава помнила, как все было устроено в этом доме и в квартире до революции, и охотно мне об этом рассказывала. В ее уютной обжитой комнате – комнате служанки – хорошо пахло – травами, ладаном, маслом лампадки. Там было много старинных вещей. Очень интересно было ее слушать. Например, о том, как устроен был большой светильник на лестнице: на цепях он свисал с крюка потолка с большими круглыми подносами на каждом этаже. Служанки вставляли длинными щипцами свечи в специальные углубления на этих подносах, длинной лучиной зажигали свечи, а ночью гасили специальным колокольчиком на длинном бронзовом пруте. У нее сохранился такой колокольчик на коротеньком пруте для гашения настольной свечи, и он также мне от нее достался. Отвечая на мои вопросы, она посмеивалась, но говорила серьезно. Она любила то прежнее время, с уважением и грустной теплотой вспоминала генерала: «Он был добрый и вежливый, всегда предупреждал, если не будет дома обедать, и отпускал по праздникам домой в Волосово, а когда мама ко мне приезжала, не возражал, чтобы мы с ней жили вместе в этой комнатке, дарил нам подарки».

Она очень боялась новой власти – навидалась всяких страхов в годы перелома! И уже значительно позже – в 2008 г., когда мы, выкупив в этой коммуналке все комнаты и делая наконец ремонт, обнаружили приглашение на похороны жертв революции на Марсовом поле, запрятанное глубоко внутри обивки двери, ведущей на черную лестницу из ее комнаты, – мы представили, как она боялась и не хотела принимать участие во всей этой новой жизни! Перед смертью Клавдия Ниловна подарила мне маленькую костяную иконку со вставленной линзой, в которой можно рассмотреть фотографию алтаря в Спасо-Преображенском соборе. После ее смерти соседки растащили почти все ее вещи, комнату превратили в общественную кладовку. Сейчас мы сделали в этой комнате ванную.

Когда ко мне приходит кто-нибудь из друзей, провожу экскурсию по квартире.

Моя немецкая приятельница несколько раз приезжала в Ленинград и оставалась у меня. Еще в 1992 г. ее настолько заинтересовало наше коммунальное устройство, что она написала диссертацию на эту тему, защитила ее, стала профессором, а когда начала преподавать, привозила своих студентов показать квартиру и рассказать об этом странном быте, неизвестном молодым немцам. И особенно ее удивляла агрессивность соседей по отношению друг к другу, настороженность и враждебность по отношению к иностранцам, антисемитизм и неопрятность в быту.

В нашем парадном – десять квартир. Кроме одной из них (там проживал советский генерал с семьей), все они были коммунальными. Почти всех соседей я знала, с некоторыми дружила. Меняться эта ситуация начала только в годы перестройки – это был великий период расселения коммуналок, покупки квартир в центре, лихорадочных ремонтов, надстройки мансард. А мы, обдумав всю эту ситуацию, решили выкупить у соседей их комнаты, сделать ремонт всей квартиры и остаться жить здесь. Так и поступили, хотя материально это было нелегко.

В 2000 г. этот процесс пошел на убыль. Самые лакомые квартиры люди со средствами (не буду здесь поднимать вопрос о том, откуда эти средства брались!) выкупили, отремонтировали, иногда перестроили и устроились. Те, кто купил несколько квартир в центре, стали их сдавать.

В 1960-е гг. мы все – жильцы этой квартиры – встали на очередь на улучшение жилищных условий. Из всей нашей коммунальной квартиры удалось получить отдельное жилье (однокомнатную квартиру в хрущевке на Долгом озере) только В. И. Это произошло в 1987 г. И только тогда мы с дочерью сумели получить освободившуюся таким образом вторую комнату – к этому времени и она, и я, и наши мужья (всего четыре человека) оказались прописаны и должны были проживать вместе в одной 25-метровой комнате. На самом деле мы с мужем – профессором,

заведующим кафедрой в Академии им. И. И. Мечникова – целый год снимали комнату в чужой коммуналке на ул. Куйбышева (бывшая Большая Дворянская ул.), предоставив дочери возможность самостоятельно жить на Литейном.

В 1990 г., когда населения в коммуналке стало поменьше – тетя Клава и дядя Лёня к тому времени уже умерли, – соседка В. И. с сыном и сожителем получили квартиру на Долгом озере и переехали, взрослые дети В. А. пережились и уехали к новым родственникам, мы с оставшимися соседями начали обсуждать вопрос расселения нашей коммуналки. Но в это же время происходило расселение трех коммуналок в нашем парадном. Поговорив с соседями, которые в результате расселений получали новые квартиры или комнаты в новых районах, мы пришли к другому решению – выкупить комнаты в нашей коммуналке, отремонтировать ее и остаться здесь. Мы хотели жить в Петербурге в старинном, основательно выстроенном доме, в котором я уже прожила к тому времени более 20 лет. Мы так и поступили, хотя это потребовало времени и больших затрат. Но прошло с тех пор 30 лет, и мы убеждаемся, что поступили правильно.

Дочь через некоторое время развелась и в 1992 г. уехала в США. Она окончила к тому времени Высшее художественно-промышленное училище им. Мухомовой, ее диплом котируется за рубежом, нашла себе работу, получила гражданство и осталась жить там. Наш бывший зять Виталий женился спустя какое-то время. Он был прописан у нас на Литейном, попросил прописать и его жену – студентку Олю, что мы и сделали. У них появилась дочка Саша – ее, естественно, прописали на Литейном тоже – система прописки действовала еще долго. Виталий, метеоролог, кандидат наук, умница, сумел в перестройку купить комнату в коммуналке на Васильевском острове, затем выкупить там же постепенно еще две комнаты и, таким образом, самостоятельно приобрел трехкомнатную квартиру – это было уже в Петербурге в конце прошлого века.

А к нам из Донецка переехал жить взрослый сын мужа – Юрий. Через год он женился, родился у них сын Алеша. К тому времени мы выкупили третью комнату, Юра, Аня и Алеша поселились в ней – коммуналка продолжалась. Но изменился ее облик – она стала семейной.

Еще через год Юра и Аня развелись, Аня и Алеша отправились жить в Сосново к Аниной маме. Три комнаты, выкупленные нами, стояли какое-то время пустыми. Но родственники первого мужа, проживающие в Израиле, попросились пожить несколько месяцев у нас. Потом двоюродная сестра первого мужа, живущая в Германии, приехала подлечиться. А затем друзья, друзья друзей, родственники, друзья родственников постепенно начали осваивать нашу квартиру. Все стремились в Петербург. Отказывать было неудобно. И сейчас у нас часто останавливаются друзья и родственники.

В 2006–2008 гг. мы сделали в квартире большой ремонт. Мы догадывались, что ремонт стоит дорого, и хотели подкопить денег, тем более что, выкупив комнаты, мы расплачивались в это время с кредиторами, лишних средств не было. Но ремонт пришлось делать намного раньше. За все прошедшие годы в квартире общего ремонта не было ни разу. Но каждый из соседей ремонтировал свою комнату по собственному усмотрению. А вот в верхней кухне работники жилконторы на моей памяти проводили ремонт дважды. Происходило это потому, что над кухней располагалась мансарда, которую жилконтора сдавала то фотографу, то художнику. Мансарда считалась, да и была собственно, нежилым помещением. Но и фотограф, и художник проживали там. Там же порой размещались их родственники и друзья. В результате постоянные протечки превращали нашу кухню в опасное помещение. Мы обращались с жалобами и просьбами в районные организации и добивались права на ремонт за государственный счет.

Ремонт был проведен, но только в кухне. Большую прихожую (30 м²), коридорчики, туалет, свои комнаты мы должны были ремонтировать сами. Никто этим не хотел заниматься. Иногда белили свои комнаты, меняли там обои. Наша семья отремонтировала большую комнату с камином первый раз в 1959 г. Мы с Эдиком, желая расправиться с клопами, прежде всего сняли все слои обоев и обнаружили, что последний слой, прилегающий к стене (очень красивой серебристо-синей окраски), был подклеен газетой 1861 г. (причем до отмены крепостного права!). На уцелевшем куске можно было прочесть: «...продается девка, умеет мыть столовое белье, чистить серебро...».

Так вот, ремонт 2006–2008 гг. начался вынужденно. Какая-то дама из городской администрации, уж не знаю, на каких основаниях (очевидно, дала на лапу!), приобрела эту мансарду и начала стройку. Потолок в кухне, прихожей, спальне пошел большими трещинами. Мы писали и обращались во все инстанции – не помогало. Получали путаные отписки, при личной встрече чиновники отвечали уклончиво и невнятно. Мы просто отчаялись – квартира рушилась на глазах, защиты искать было негде!

К счастью, депутатом Госдумы от нашего округа был Петр Борисович Шелищ, с которым одно время мы вместе работали в Институте социологических исследований АН СССР. В очередной его визит я записалась на прием, принесла все отписки, изложила всю историю и попросила защиты. И Петр Борисович справился! Он обложил их депутатскими запросами, его помощница очень грамотно вела все дело, ставила нас в известность вовремя, и через некоторое время эта таинственная дама появилась у нас сама: ах, ах, я и не знала, что здесь живут интеллигентные люди! Вот, мол, мои рабочие, они все вам отремонтируют и т. д. Так у нас начался большой ремонт, который длился два года.

А во время большого ремонта в 2008 г. увидели, что обои под счетчиками в прихожей были подклеены газетой 1884 г. – сохранились куски с текстами рекламы женских корсетов.

Быт у всех был нелегким. Не было холодильников. За окном верхней кухни был еще до войны устроен ящик, куда через нижнюю форточку можно было выставить свою кастрюлю с супом или пакет с мороженой рыбой. Часть продуктов в авоськах вывешивалась за окно в комнатах.

Сейчас я с сожалением наблюдаю, как исчезают детали ленинградского быта. Напротив наших окон во дворе-колодце ремонтируют флигель дома 41. Он более поздней постройки, и там ящики-холодильники были встроены под окно каждой кухни. Внутри была деревянная дверца, а снаружи в стене – красивая стенка с прорезями из толстой доски. Это был естественный холодильный шкаф. Ремонт все это уничтожил. Милые детали прошлого Петербурга!

Трудностей было много. Прежде всего надо было уметь покупать продукты. Для этого отслеживать и знать, в каких именно магазинах они могут появиться. Перебои случались часто. А за многими приходилось отстаивать огромные очереди. Так помню, как по Публичке пронесся слух: у Елисеева лимоны дают! И тут же выстроилась очередь в несколько сот человек. Лимоны, апельсины, бананы – дефицит, а у всех дети. Надо было иметь знакомого мясника, знать, где можно купить свежую, а не тухлую рыбу. И так далее. Все, что нужно, на самом деле приходилось доставать. Как мы выкручивались? Были еще рынки. Но на рынке все дорого! Появились при ресторанах домовые кухни – они выручали: купил килограмм свежезажаренного морского окуня – и ужин у семьи готов. Помогала взаимовыручка – все приблизительно жили в таких же условиях. Весь круг друзей, родных, знакомых, сослуживцев. Вот поддержку в коммунальной квартире было не всегда можно найти. Правда, однажды мне надо было срочно поехать в командировку, а дома оставался кот. Один. И самая придиричивая соседка согласилась эту неделю приглядывать за ним.

Наибольшим дефицитом были книги. Мне еще повезло – Литейный был самым книжным проспектом в городе: «Подписные издания», «Академкнига», «Планета», «Техническая книга», «Медицинская книга», огромный «Букинист» у самого Невского, и поскольку выходили в издательствах специальные проспекты с указанием, что выйдет в течение года, можно было как-то приспособиться, заранее занять очередь, продержаться ее месяц и приобрести желанную книгу. Так были куплены собрание сочинений Ильфа и Петрова, томик стихов Ахматовой в 1966 г., мемуары А. Н. Бенуа, Булгаков, Гете и многое другое. Очень ценились серии «Литературные памятники», «Антология зарубежной поэзии», мемуары, книги по искусству.

Конечно же, часть свободного времени уходила на библиотеки и прежде всего на Публичку. Но это было счастливое время. Уютные старинные залы с зелеными лампами, желанные книги и журналы, удобная и достаточно дешевая столовая, зал новых поступлений, а главное, атмосфера сосредоточенной, спокойной работы, тишина, раздумья и осознание полноценности жизни.

Но были еще тренировки, выезды на скалы, клуб «Восток» с его бардами, по субботам и воскресеньям выезды в Кавголово на лыжах или весной в Выборг на скалы «Монрепо», учеба дочери в школе, тяжелые отношения в семье. Самым тяжелым камнем была все же коммуналка – ее немыслимый быт, постоянная борьба за самое необходимое и сплошные поражения в этой борьбе – побеждали более грубые и менее чувствительные соседи, – главное, атмосфера хамства и грубости. Это тоже разрушало семью. Внутренне я не могла простить мужу, что он не мог защитить нас от этой хамской жизни. Так все длилось годами.

Но вот настал 1976 г. – мы с дочерью ушли из семьи и решили снять комнату. Если сейчас это сделать легко, то в те времена это было чрезвычайно трудно. Но все же удавалось найти какие-то варианты. Как правило, ненадолго. Таким образом, я увидела много других коммуналок и убедилась, что наша на Литейном не самая худшая. Как ужасно существовали в них люди, какие драмы и трагедии там разыгрывались! Иногда не удавалось найти даже такого жилья, и мы перебивались какое-то время, живя у своих друзей. Так прошло четыре года. Я работала тогда в академическом институте социологии, писала диссертацию, сдала все кандидатские экзамены. Но здоровье начало подводить, замучила гипертония. После обследования в Институте им. Поленова я получила предписание от врача – уехать на какое-то время из Ленинграда. Поскольку мы с дочерью не выписывались из квартиры на Литейном – полкомнаты нам с ней там, безусловно, принадлежало, – я поселила ее в эти полкомнаты, отгородив ее мебелью (купленными в комиссионке старинным огромным буфетом и шкафами), сделала перевод из своего института в Высшее училище им. Баумана (именно ему принадлежал альпинистский лагерь «Джантуган» в Приэльбрусье, куда я собиралась поехать работать на первое время сестрой-хозяйкой). Дочка осталась жить и учиться в Ленинграде.

Через год мне надоело воевать с вороватыми сотрудниками «Джантугана», накопилось много интересного для проведения исследования, я написала программу и подала ее на рассмотрение Ученого совета ВГИ, с тем чтобы пройти по конкурсу на должность младшего научного сотрудника в Геоэкологическую лабораторию ВГИ. Так оно и произошло. Программу утвердили, и с сентября 1982 г. я вернулась к исследовательской работе.

Таким образом, я решила много задач: вернулась к любимой исследовательской работе, начала получать вполне приемлемую зарплату (со всеми полевыми

и высокогорными надбавками почти 300 рублей), получила в Терсколе комнату в общежитии ВГИ, куда ко мне могла приезжать дочь. В общем, почувствовала себя более уверенно.

А кроме того, меня как члена общества «Знание» руководство соседней турбазы Министерства обороны пригласило читать лекции на турбазе, и я охотно согласилась. Цикл лекций по искусству включал темы, связанные с такими именами, как Рерих, Репин, Коровин, Рембрандт, Мане, Модильяни и др. Лекции сопровождались показом слайдов. У меня были подборки, купленные в Русском музее, Третьяковской галерее, Эрмитаже. Кроме того, из поездки по Франции (в 1974 г. альпинистская поездка по безвалютному обмену) я привезла слайды из Лувра.

Расплачивались со мной они натурой: я могла бесплатно посещать их бассейн, бесплатно брать в прокат у них горные лыжи, пользоваться бесплатно подъемниками – все это очень скрашивало жизнь.

Иногда удавалось на несколько дней выбраться в Ленинград.

Ко мне изредка приезжали друзья и бывшие коллеги – социологи; не скрою, они завидовали такой жизни. Действительно, вспоминая сейчас это время, я понимаю, что это были самые счастливые годы в моей жизни. Жизнь в горах сама по себе привлекательна – красота гор, как музыка, действует на душу в любую погоду. Замечательная экспедиционная команда, в которой я работала, интересное исследование, результаты которого я публиковала в сборниках ВГИ, горные лыжи, бассейн. И в конце концов, я встретила там Володю, мы живем вместе уже 30 лет.

В 1984 г. я закончила работать во ВГИ и вернулась в Ленинград. Удалось сразу же устроиться работать научным сотрудником в Публичке. И вернулась в ту же коммуналку на Литейный. В ней произошли некоторые изменения, но все в худшую сторону. Мой бывший муж со свекровью и новой женой купили кооперативную квартиру и выехали из коммуналки. В их комнату поселили лимитчицу Олю с ребенком. Она довольно быстро вышла замуж, но неудачно – муж ужасно пил и, в конце концов, повесился. Через какое-то время она вновь вышла замуж и родила второго ребенка. Муж ее был заядлым автомобилистом – по всей квартире валялись детали его старой машины и стояли баллоны с бензином. Кроме того, старые родители Оли, живущие в Ленинградской области, большую часть времени проводили на Литейном. Таким образом, в 17-метровой комнате проживали шесть человек, – естественно, они не помещались там и загромождали всю квартиру – прихожую, кухню, туалет. Жизнь в квартире стала совсем невыносимой. Через несколько лет они обменяли эту комнату на квартиру в хрущевке на окраине города, и вместо шести человек в этой комнате поселился один сосед, но какой! Хам, алкоголик в крайней степени, агрессивный и наглый. Раз в неделю он при-

ползал полностью обчищенный, без документов и ключей, раздетый и избитый. Приходилось менять все замки. За квартиру и электричество он не платил, никакой уборки ни у себя, ни в квартире не делал. Главная его идея – разрушить все перегородки и заново построить их так, как ему хочется. Котов всех уничтожить.

И когда мы приняли решение о выкупе комнат, то начали с его комнаты. Год жизни я потратила на эту проблему. И все же удалось найти такую комнату для обмена, на которую он согласился; купить ее и провести весь этот обмен, хотя Виктор Александрович (сосед) постоянно твердил: «Это вам нужно, а я ничего не буду делать». Помогал мне агент по недвижимости Саша. У него была машина, он был опытным агентом, знал весь путь, который надо было проделать, все организации, время их работы, все цены, без него я бы не справилась. Когда нужна была подпись Виктора Александровича, мы с Сашей вытаскивали его, пьяного, из комнаты, тащили по лестнице, грузили в машину и везли в очередную контору. Подписав бумагу, Виктор Александрович требовал в награду водки или пива. Когда все было закончено и ему оставалось только переехать в новую отремонтированную комнату, перевозить его опять пришлось нам. И оплатить все его задолженности по квартире – тоже нам. А когда проходила приватизация, от нас потребовали все перегородки, возведенные им в комнате и коридорчике, снести и вернуть комнату в прежний вид, что мы и сделали.

После этой операции в квартире нам уже принадлежали три комнаты. Оставались еще две комнаты, в которых проживали соседи. Процедура покупки этих двух комнат потребовала нескольких лет и много нервов. Но к 2001 г. нам удалось справиться и с этой проблемой. Таким образом, мы с мужем и нашими взрослыми детьми оказались владельцами пятикомнатной отдельной квартиры в центре Петербурга.

Это произошло в 2001 г. 40 лет жизни в коммуналке закончились. Предстояли большой ремонт и обустройство квартиры, но это были частности по сравнению с главным: больше не будет коммунальной жизни!

Изменилось сейчас в жизни многое, но невольно вспоминается высказывание одного из древнеримских сенаторов: «Не каждое преобразование есть изменение к лучшему!»

Стучат справа и слева: новые хозяева все вокруг перестраивают. Справа в нашем доме сотрудник ФСБ, купив соседнюю квартиру, прорубает дыру в потолке и захватывает весь наш чердак; слева кто-то перестраивает соседний дом в отель и надстраивает мансарду такой высоты, что солнце больше в наши окна с той стороны не попадает; через ряд домов со стороны улицы Короленко мы видим, как на месте снесенных казарм Спасо-Преображенского полка вырастает новый бетонный монстр.

Деньги, деньги – вот что сейчас самое главное! Весь город дрожит в ужасе перед новыми хозяевами. И по большей части то, что происходит в городе, – это разрушение Петербурга. Уплотнительная застройка, уничтожение скверов и зеленых насаждений, переселение музеев, разрушение старых домов, слияние институтов, библиотек, закрытие книжных магазинов – все это меняет облик города. При этом в докладе губернатора прозвучали совсем не оптимистические цифры: за последние пять лет 30 000 человек переселили из коммунальных квартир в отдельные, но 78 000 продолжают там жить.

Не все зависит от нас, особенно жилье

Предыстория

Моя личная история (да и жилищная тоже) началась задолго до моего рождения. В 1918 г. американский Красный Крест занимался переселением одиноких (попросту – беспризорных) детей из России. Мама моя в свои 10 лет, взяв за руку младшую сестру, решила уехать в Америку. Но... американцы потребовали письменное согласие родителей. Поняв, что ее мать никогда не даст такого согласия, моя мама включила в действие «проект Б», то есть пришла в Слуцкий¹ детский дом, куда ее вместе с сестрой приняли. Директор детского дома счел объяснение такого поступка десятилетней девочки вполне обоснованным. Эту историю я знаю от мамы. Она почти никогда не говорила о своей матери ни хорошего, ни плохого. Но чувствовалось, что отношения между ними были очень скверными. Достаточно сказать, что после выпуска из детского дома в 1927 г. она некоторое время жила в семье своей старшей сестры.

Только в начале 1930-х гг. мама получила собственное жилье (тогда его еще получали) – комнату в малонаселенной коммунальной квартире на Петроградской стороне (Бармалеева ул., д. 33, кв. 13 – первый этаж).

Это был один из многих доходных домов. Четыре этажа, два подъезда, 24 квартиры. Улица вплоть до конца 1960-х была вымощена булыжником с тротуарами из бутовой плитки. Между плитками пробивались мокрица и подорожник. За «спиной» дома располагалась одноэтажная прачечная, в этом же здании находилась кладовка дворницких инструментов. Правая часть этого краснокирпичного здания (если стоять спиной к дому, а лицом к прачечной) была двухэтажной и отводилась под дрова, которыми и топили прачечную. Уже после войны я застал эту прачечную еще вполне работающей. Пустырь за этим строением был застроен сараями для дров и просто поленищами.

---

¹ В то время нынешний Павловск именовался Слуцком. Слуцкий детский дом достоин отдельного рассказа.

Соседями моей мамы стали молодая семья: Елена Михайловна и Сергей Владимирович Витт и одинокая пожилая, но очень бодрая интеллигентная женщина, имя и отчество которой я, к сожалению, забыл. 1 сентября 1935 г. мама вышла замуж и, таким образом, население квартиры увеличилось. А в марте 1937 г. в квартире появился еще один новый жилец – дочь Елены Михайловны и Сергея Владимировича Татьяна, которая сразу стала всеобщей любимицей. По воспоминаниям родителей и наших соседей, это было, пожалуй, самое счастливое время. Фотографии той поры просто излучают впечатление этого счастья и спокойствия.

В 1939 г. квартира пополнилась еще одним жильцом – моей сестрой. Это также нашло отражение в семейном фотоальбоме. К сожалению, сестра прожила совсем немного, она умерла в возрасте 9 месяцев от скоротечной желтухи. Тем не менее жизнь продолжалась.

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. Отец был призван в армию с самых первых дней. Я родился на 50-й день войны – 10 августа. Из роддома, что находился на Малом проспекте (д. 10) Петроградской стороны, маму встречал брат отца и привез нас с мамой на Бармалееву улицу, где я и прожил первые 9 месяцев своей жизни. В мае 1942 г. мы с мамой были эвакуированы в деревню Выползово Бологовского района Калининской (ныне Тверской) области.

Естественно, я не помню первые месяцы своей жизни, но мама и наши соседи (тетя Лена и дядя Сережа, которые пережили в этой квартире всю блокаду) кое-что рассказывали об этом трагическом времени. Один из их рассказов запал в мою память. По ряду причин у мамы рано пропало молоко, но в самом начале блокады еще работали женские консультации, где можно было получить детское питание, в том числе «живое» материнское молоко. Однажды – уже в начале зимы 1941 г. – мама пошла в консультацию за молоком. Консультация находилась на углу набережной Карповки и Кировского (ныне Каменноостровского) проспекта. Мою коляску она опрометчиво оставила у входа в консультацию. А когда вышла из консультации с молоком, коляски у входа не оказалось. На счастье, наша соседка – Елена Михайловна – в это время случайно оказалась на Кировском проспекте и увидела, как незнакомая женщина быстрым шагом катит подозрительно знакомую коляску. Она догнала эту женщину и, вцепившись в коляску, завопила во весь голос. Бросив коляску, женщина убежала через ближайшую подворотню в проходные дворы. Когда тетя Лена с коляской подошла к женской консультации, маме уже вызвали скорую помощь. После этого случая мама надолго слегла.

Так, по меньшей мере дважды моя история могла даже не начаться (если бы мама уехала в США) или закончиться на самом старте (если бы тетя Лена не оказалась в нужное время в нужном месте). Но мне было суждено не только родиться, но и выжить в самых неблагоприятных условиях.

Как я уже сказал, в дальнейшем во время войны мы с мамой оказались в эвакуации в Бологовском районе Калининской области, в деревне Выползово. Когда мы туда приехали, мне было 9 месяцев и, естественно, я не помню этого момента. Однако мои первые детские воспоминания, как яркие картинки, связаны именно с этими местами (Выползово, Кувшиново). В тех детских воспоминаниях на первом месте вовсе не мама, а, скорее, хозяйка, у которой мы жили, – тетя Таня Сорокина, а чаще всего – ее дети: Рая (ей тогда было лет 6 или 7) и Витя (ему было лет 10–11), – которые, собственно говоря, и занимались со мной.

Бармалеева улица, дом 33. Консолидация

Впрочем, устойчивые воспоминания относятся к моим 4–5 годам. Хорошо помню наше возвращение в Ленинград в мае 1945-го. Хорошо помню, как распечатывали нашу комнату, как мы с мамой собирали газеты, которыми была накрыта вся мебель, как мы с мамой обчихались от столбов пыли. Помню, как впервые увидел ярко-красный трамвай «американку» на Кировском проспекте и на всю улицу закричал: «Мама! Красотишша-то кока!»

С этого времени, собственно, и начинается моя жилищная история. Наши добрые соседи сохранили не только нашу комнату в целости, но даже сундук с книгами, который стоял в прихожей. Я хорошо помню тот момент, когда мама открыла нашу комнату, где все вещи были аккуратно накрыты газетами и простынями. Поверх всего этого, естественно, лежал трехлетний слой пыли. Пылесосов ни мы, ни наши соседи тогда не имели. И как ни старалась мама снимать все эти «укрытия», чтобы пыль не разлеталась по всей комнате, пыль стояла столбом, и тетя Лена увела меня в свою комнату.

Пропущу сюжеты, связанные с устройством меня в детский сад. Скажу только, что поскольку мама получила вызов от завода «Электрик» и ей необходимо было сразу по приезде приступить к работе, то какое-то время я «ходил на работу» вместе с ней. Потом мама устроила меня в заводской детский сад, находившийся на улице Графтио. А несколько позднее меня приняли в детский сад Петроградского района № 17, который располагался прямо напротив нашего дома на той же Бармалеевой улице. Это во многом облегчало мамину жизнь, поскольку и в детский сад, и из детского сада я ходил самостоятельно, а неработающая тогда тетя Лена или другая соседка – Евдокия Михайловна, которая поселилась в этой квартире уже во время войны, – кормили меня. К тому же Татьяна – дочь тети Лены, которая была старше меня на четыре года, – получила хороший материал для «педагогической практики». Она с удовольствием тренировалась на мне,

обучая меня письму, чтению и арифметике. Дело в том, что Таня рано осознала свое призвание и собиралась стать воспитательницей детского сада или учителем начальных классов.

К этому времени из детей в нашем доме в основном были Танины ровесники – и притом девочки. Понятно, что я оказался их любимой «игрушкой». Позже появились и мои сверстники, в том числе мальчики.

Помню, как мы возвращались с мамой (не помню откуда) домой, и вдруг она остановилась и сказала мне: «Неужели мы с тобой забыли погасить свет в комнате, когда уходили?» И действительно, в нашем окне на первом этаже горел свет. А когда мы подошли ближе, на занавеске увидели усатую тень. Оказалось, вернулся с фронта мой отец, которого я, естественно, еще никогда не видел.

Радостной встречи с отцом не получилось. Сначала я испугался его сталинских усов, но это быстро прошло. А потом он стал доставать из сидора подарки и игрушечным заводным слонем напугал меня основательно. Серый железный слон, страшно жужжа и покачиваясь, неуклюже передвигал свои железные ноги прямо на меня. Я заревел и быстро залез на кровать. Никакие уговоры не могли заставить меня взять это страшилище. Отец не нашел ничего лучше, как взять этого дурацкого слона с пола и поднести его к моему лицу со словами: «Да посмотри ты, дурашка, это же игрушка!» Тут я зашелся в истерике. А папа очень сильно на меня обиделся. С трудом мама успокоила нас обоих, но и у того и у другого «осадок остался». При этом стоит учесть «топографию» нашей комнаты: деваться от этого чудовища мне было просто некуда.

Правда, другой его подарок – заводная машинка – точная копия легкого «Фольксвагена» – привела меня в полный восторг. Но когда я вышел с этой машинкой во двор гулять, мои старшие друзья решили посмотреть, как она устроена, а собрать снова не смогли, мы уложили сломанную машинку в коробочку от печенья и «похоронили» ее под огромным тополем в нашем дворе. Бдительная мама сразу заметила, что ушел гулять я с машинкой, а вернулся без нее. Пришлось рассказать маме, что с машинкой случилось. Мама взяла меня за руку (благо папы дома не было) и повела меня к месту «захоронения» машинки. Мы провели «эксгумацию», все остальное мама взяла не себя. Конечно, папа машинку починил, и потом она долго оставалась моей самой любимой игрушкой. Понятно, если бы не мама, наши отношения с отцом нормализовались бы очень не скоро.

И еще один эпизод того же послевоенного периода. Время было суровое. Многие продукты (например, мука и сахар) распределялись по карточкам и во все не весь год, но преимущественно перед праздниками или определенными сезонами. Мы с отцом стояли в очереди за сахаром. До конца очереди отец

не имел возможности стоять. Поэтому он договорился с теми, кто стоял перед нами, и с тем, кто стоял за нами, чтобы меня (шестилетнего) «не выперли» из очереди. А мне строго-настрого велел из каждого из четырех пакетов сахара взять по четыре кусочка и не больше. Меня из очереди не выперли, и я получил все положенные мне по карточкам четыре пакета (по два килограмма в каждом) сахара и донес их до дома.

Вечером, вернувшись с работы, отец заинтересовался, сколько еще кусочков сахара я съел сверх того, что он мне разрешил. Мама сказала ему: «Сейчас выясним». – «Да как ты это узнаешь, ведь соврет и глазом не моргнет». Когда я пришел с прогулки, мама меня спросила, сколько кусочков сахара папа разрешил мне съесть. На голубом глазу я ответил: «Восемь» (уроки соседки Тани не прошли даром – считать я умел хорошо). «А сколько ты съел на самом деле?» – спросила мама. «Как папа сказал», – ответил я. «Ну зачем же ты меня обманываешь?» – спросила мама. «Я не обманываю», – возмутился я. Квартира наша находилась на первом этаже (фактически в бельэтаже, то есть прохождение при особом желании могли, конечно, заглянуть в комнату, но для этого надо было либо высоко подпрыгнуть, либо залезть на какую-либо приступочку). «Ну как же, – говорит мама, – наши шли с работы и видели, как ты брал сахар из шкафа». И тут я по-настоящему возмутился: «Да не могли они видеть, я ведь брал сахар под столом!» А стол стоял у самого окна, так что меня точно-точно никто не мог увидеть через окно. Папа схватился за голову: «Господи, какой идиот!» Конечно, идиот, в мои-то 6 или 7 лет, а мама оказалась «тонким психологом». Правда, папу мама «раскалывала» еще быстрее.

Отец прошел войну «от звонка до звонка». Он дошел до Варшавы, где получил тяжелую контузию и попал в госпиталь. Вернулся в свою часть уже в самом конце войны. К этому времени его часть дислоцировалась в Кёнигсберге. Оттуда он вернулся домой. Некоторое время его часть стояла в районе Варшавского вокзала. Так что наша первая встреча с отцом состоялась в момент его кратковременной побывки. На следующий день он вернулся в часть, а потом еще несколько раз до полной демобилизации посещал нас. Иногда он приезжал сам на смешной машинке ДКВ («Дойч киндер ваген»), иногда с шофером на грузовом ЗИСе. Однажды зимой он приехал домой с шофером. Был сильный мороз, и папа пригласил солдата-шофера к нам. Время от времени шофер выходил к машине, чтобы прогреть мотор (ведь в радиаторе была вода, которая могла замерзнуть). В очередной раз выйдя к машине, шофер вернулся, давась от смеха.

А ситуация была следующей. Водитель заводит машину и слышит детский голос: «Дяденька, не уезжай!» Шофер выходит из машины: никого вокруг нет. Он снова заводит машину – и снова истошный детский голос. Парень глушит движок,

выходит из кабины и громко спрашивает: «Да где ты?» Детский голос отвечает: «Я под машиной – какаю». Это оказался наш сосед с четвертого этажа, мальчишка на пару лет старше меня. Ну, не донес до дома, а тут машина подвернулась. Потом я с этим соседом очень даже подружился.

Некоторых людей война излечила от язвы желудка, а мой отец заработал ее в полном объеме. Поэтому после войны, даже когда уже вчистую демобилизовался, пару лет провел в основном в больницах и санаториях. Так что наше с ним полноценное знакомство случилось лишь тогда, когда он практически поправился.

Мой дед с отцовской стороны был почтовым служащим из дворян. Своих двоих детей он воспитывал по принципам кодекса чести и уважения и с раннего детства обращался к ним исключительно на «вы». И дети обращались к родителям в этой семье также на «вы». Вернувшись с фронта, отец решил заняться моим воспитанием всерьез и начал с того, что пытался научить меня «хорошим» манерам, в том числе приучить к обращению на «вы» с ним и с матерью. У него ничего из этого не получилось, я никак не мог перейти на «вы» ни с ним, ни тем более с мамой.

Да и обстановка этому не способствовала. Мы жили в небольшой коммунальной квартире на Петроградской стороне в девятиметровой комнате, представлявшей собой узкий «пенал». В одном торце комнаты окно, в другом – дверь. С одной стороны от двери – железная дровяная печь; напротив – шкаф. За шкафом вдоль стены – моя кровать; за печкой вдоль другой стены – диван родителей; за ним – обеденный стол. За моей кроватью – трельяж. Вот и вся обстановка. Если кому-то надо пройти от двери к окну, а другому от окна к двери, то разойтись, не задев друг друга, совершенно невозможно. Если маме надо было переодеться, мы с отцом должны были выйти из комнаты. Правда, если нам надо было переодеться, мама никуда не выходила, но честно отворачивалась, если мы просили ее об этом. Какое тут «вы» в такой-то обстановке.

Мой отец, в отличие от мамы, был легким человеком. Если он мне что-либо не разрешал, то стоило подольше поканючить и дело решалось в мою пользу. В конце концов, отец в сердцах говорил: «Да иди ты с глаз моих! Ноет тут, ноет». У мамы такие номера не проходили никогда: она была тверда, как скала, и слово ее было таким же твердым. С войны отец пришел совсем больным. У него открылась язва желудка, и почти все 1946 и 1947 гг. он провел по больницам, а потом и по санаториям. Понятно, болезни и в связи с этим частое отсутствие дома не способствовали укреплению наших с ним контактов.

Отец имел массу разнообразных увлечений. Он работал шофером и в своей работе был неутомимым рационализатором. Все время что-то придумывал для своей машины. Особенно его рационализаторский талант расцвел, когда он

перешел на работу в автобусный парк. На его автобусе пневматические двери не замерзали даже в самые лютые морозы. В салоне зимой было тепло (во всяком случае, заметно теплее, чем в других автобусах), летом никто не умирал от нестерпимой жары. Кондукторы любили с ним работать.

Дома он тоже постоянно что-то мастерил: то совершенствовал фотоувеличитель, то делал какие-то особые приспособления для фотопечати, то «химичил» с разнообразными реактивами для проявителей, закрепителей, тонировок, отбеливателей и т. п. Очень любил выпиливать из фанеры, а потом либо старательно покрывал готовые изделия лаком, либо полировал их. А еще он увлекся вышивкой крестиком. Он и меня увлек этими занятиями. В общем, в «мирные» периоды наших отношений с ним всегда было интересно. И кроме того, отец имел слабость к разным забавным мелочам. Притащит домой то какие-то насадки для мясорубки, то хитроумную открывашку для консервных банок, то смешного журавля, который все время кланяется, если перед ним поставить стаканчик с водой и намочить ему клюв. Когда отец не обижался на меня за что-нибудь, с ним было интересно и легко.

Примерно до 1949 г. основным бытовым «энергоресурсом» был керосин. Я хорошо помню нашего керосинщика, который останавливал свою лошадь с керосиновой цистерной и трубил в пионерский горн. На этот призыв сходились жители окрестных домов с бидонами и специальными банками. Если кто-то не смог прийти к керосинщику, то шел в керосиновую лавку, что находилась на Малом проспекте (затем – проспект Щорса) около улицы Ленина, и там покупал керосин, мыло и прочую хозяйственную продукцию. В течение 1948–1949 гг. осуществилась газификация Петроградской стороны, и керосиновый «промысел» закончился сам собой. Это обстоятельство существенно облегчило нашу повседневную жизнь. Помню, очень часто после моих бурных игр на улице (особенно в осеннюю пору), когда я приходил домой в таком состоянии, мама снимала с меня абсолютно все и вынуждена была мыть меня в корыте на кухне с головы до ног, а также стирать всю мою одежду и даже обувь. Понятно, что на керосинке или на керогазе нагреть необходимое количество воды было серьезной проблемой. Газ существенно ускорял этот процесс. Должен отметить, что наши соседи относились к этим экстремальным ситуациям с полным пониманием и они (эти ситуации) не вызывали даже намек на конфликт: ребенок – дело житейское. Здесь была только одна проблема. Поскольку я уже был «не маленьким мальчиком» во время процедуры моего мытья, Татьяну приходилось удерживать в ее комнате: мы оба стеснялись обнаженного тела представителя другого пола.

Впрочем, пока я был маленьким, в баню на Карповке ходил с мамой. А после семи лет в баню мы ходили только с отцом. Это было целое мероприятие. Надо

было отстоять огромную очередь. Зато потом... была парилка, а потом парикмахерская, а уж потом папа пил пиво, а мне покупал пивные дрожжи. Это было так вкусно! А вот газировку я не любил.

Девять первых месяцев жизни в блокадном Ленинграде не прошли даром. И хотя в эвакуации на натуральном молоке, на ржаном хлебе меня довольно быстро привели в относительно нормальное состояние, в детстве я часто и долго болел. И естественно, часто пропускал занятия в школе. Чтобы я не отстал от одноклассников, мама занималась со мной дома. Насколько я помню, многие предметы она объясняла мне гораздо интереснее, чем учителя.

Болезнь, конечно, скучно. Особенно если ты дома один и есть только одно развлечение – радио (сначала это была большая «черная тарелка», потом появился небольшой коричневый ящик с двумя круглыми ручками: одна – регулятор громкости; другая – выключатель). Я с нетерпением ждал прихода мамы, а потом того часа, когда перед сном она читала мне вслух. Это чтение перед сном было ритуальной процедурой в моей семье. На заводе, где работала мама, да и у папы на работе были хорошие библиотеки. Родители брали для меня там книги, которые мы и читали перед сном. Это были сказки дядюшки Римуса, рассказы и сказки Киплинга, «Хижина дяди Тома», «Приключения Тома Сойера», а потом и Гоголь, Тургенев, Джек Лондон...

Сначала читала мама. Когда я подрос, мы читали вслух по очереди. Иногда объединялись с соседями, дочь которых была на четыре года старше меня. Тогда мы собирались за круглым столом у соседей и читали все по очереди: мама, я, Таня (соседская дочь), ее мама Елена Михайловна и ее отец Сергей Владимирович. Это были счастливые вечера.

Когда мне исполнилось десять лет, я узнал, что у меня, оказывается, есть сестра. Вроде бы родная, но не совсем. У нас был общий папа (как я потом объяснял взрослым, наш папа – коммунальный), а мамы разные. Сестра старше меня на четыре года и приехала в Ленинград поступать в педагогический техникум. Это событие, конечно, было из ряда вон выходящим. Тогда, прежде всего в силу моей легкомысленности и слабой склонности к рефлексии, это событие я воспринял довольно спокойно. Теперь, будучи взрослым, я осознаю мудрое поведение моей мамы в той непростой ситуации. Она приняла Инну очень доброжелательно и спокойно, чем не сразу, но довольно быстро расположила к себе девочку.

У Инны была роскошная (толстая и длинная – почти до колен) коса. Мама обратила внимание на то, что это море волос давно не видело хорошего ухода. И в один из первых дней пребывания сестры в нашем доме тщательно вымыла ей голову и хорошо промыла косу (как мы шутили с Инной – устроила ей основательную головомойку).

Я уже описывал наш интерьер. Мама решила, что девочка будет спать на моей кровати, а я – на полу (на матрасе – раскладушку ставить было просто некуда). Однако Инна категорически отказалась занять мое «почетное» место и сказала, что на полу будет спать она. Когда мы ложились спать, я свешивался к ней с кровати, мы брали друг друга за руки и Инна рассказывала мне что-нибудь про Пятигорск, где она жила со своей мамой, про свой дом. Однажды ночью я проснулся от всхлипываний: это плакала моя сестра, да так, что не могла сдерживать рыданий. Естественно, проснулись и родители, чтобы выяснить, что произошло, – может быть, кто-то обидел ее (естественно, подозрение пало на меня).

Инна довольно быстро успокоилась, сказала, что никто ее не обижал, что она просто скучает по дому. А потом зарыдала с новой силой и бросилась маме на шею, обняла ее крепко-крепко и сквозь приступ рыданий проговорила: «Мне никто никогда так не мыл голову, даже мама».

Больше Инна не плакала. Мы с сестрой жили душа в душу, папа часто гулял с нами по городу, который он знал очень хорошо, возил по пригородам, иногда к нам присоединялась и мама. Инна подружилась со своей ровесницей – нашей соседкой Таней, с ее двоюродным братом, который часто заходил к Татьяне в гости.

В тот год Инна не поступила в техникум и уехала домой. Но теперь я уже хорошо знал, что у меня есть живая старшая сестра. Мы переписываемся с ней (правда, не часто) до сих пор. Она еще несколько раз приезжала в Ленинград, причем относительно недавно со своим мужем и сыном, да и я был у нее в гостях в Пятигорске и с удовольствием общался с ее детьми Димой и Таней.

Мой приезд в Пятигорск (году в 1984-м) совпал с днем рождения моей мамы (к этому времени ни ее, ни нашего отца уже не было в живых). О дне рождения мамы (к стыду своему) вспомнил не я, а Инна. Мы помянули маму и, естественно, разговорились о ней. Инна спросила меня, часто ли мои родители ругались друг с другом, и, получив отрицательный ответ, сказала фразу, которую я хорошо запомнил: «Я так и думала. Какой же ты счастливый, какие замечательные у тебя были родители, особенно твоя мама!»

После этого разговора, вспоминая свое детство, я пытался вспомнить хоть один случай ругани между моими родителями и не вспомнил. Конечно же, они ссорились (в основном из-за меня), но никогда (во всяком случае, при мне) не выясняли отношения. Что удалось вспомнить? Несколько интонаций и «нестандартных», редких в устах моих родителей обращений друг к другу. Например, если мама, обращаясь к отцу, говорила: «Знаешь, Борис!», или если папа говорил маме: «Клавдия!», я воображал, что лучше куда-нибудь слинять и не попадаться родителям под руку в этот момент. Я спрашивал, можно ли мне пойти погулять, и в такие моменты никогда не получал отказа.

Поскольку Таня обладала определенными педагогическими способностями, это имело и свои негативные последствия. К моменту поступления в школу я уже умел бегло читать, писать и не только складывать и вычитать, но также делить и умножать. Поэтому в первом классе мне было скучно, и я невольно оказался «трудным» ребенком, который мешал своим «нормальным» одноклассникам. Мой дневник с первого класса пестрел многочисленными замечаниями, и маму частенько вызывали в школу в связи с моим «плохим» поведением. Но, видит бог, я был не хулиганом, а просто непоседой. Это, очевидно, поняла моя первая учительница Анна Сергеевна. Она не раз приходила к нам домой и беседовала с моими родителями, убеждая их в том, что я способный мальчик, но несколько чересчур активный. Более того, она приглашала меня к себе домой (жила Анна Сергеевна на углу улицы Ленина и Большого проспекта), чтобы я делал у нее домашние задания, поскольку родители не всегда могли проследить за мной.

В послевоенные годы периодически пересматривались школьные микрорайоны. И когда я пришел 1 сентября на первое занятие в третий класс, меня не оказалось в классном списке. Выяснилось, что мой дом попал в другой микрорайон. Естественно, я пришел домой весь в слезах. Мама отпросилась с работы и на следующий день отправилась в РОНО, чтобы утрясти этот вопрос. Ее основной аргумент «против» состоял в том, что по пути в старую школу мне не надо было переходить ни одной дороги, а чтобы попасть в новую школу на Гатчинской улице, мне надо было перейти аж две трамвайные линии. Первый визит мамы в РОНО не увенчался успехом. Повторно она пошла туда с Анной Сергеевной. Вдвоем им удалось убедить начальство в том, что в данном случае имеет смысл сделать исключение. Какие аргументы оказались наиболее убедительными, мне неизвестно до сих пор.

Правда, через три года меня все-таки перевели в другую школу, которая находилась на Пудожской улице, где я отучился в шестом классе. Эта школа оказалась особенной. Как выяснилось, (негласно) она предназначалась для особо трудных подростков. В моем шестом классе было несколько переростков, которые в каждом классе сидели по два года. Порядки в этой школе были очень своеобразными. Например, провинившихся учеников директор школы порол ремнем в своем кабинете. Понятно, что у него среди учащихся образовалось немало врагов и периодически ему (директору школы!) устраивали «темные». В этой школе чаще, чем в любой другой, возникали «стычки» между учащимися, как правило, до «первой крови». Если кто-то уклонялся от «стычки», ему также устраивалась «темная» – мешок на голову и жестокое избивание. В общем, это была та еще школа.

В нашем доме жило довольно много (по тем временам) детей – моих ровесников. Мои сверстницы (а потом, после объединения мужских и женских школ,

и одноклассницы) жили в одном со мной подъезде: Валя – в квартире напротив, а Люська – на втором этаже. Другие наши ровесники с четвертого этажа почему-то учились в другой школе.

Когда мы доросли до пятого-шестого класса и у нас по математике пошли невыносимые задачи с поездами, которые то догоняли друг друга, то ехали друг другу навстречу, с бассейнами, из которых вода то выливалась, то вливалась, мы решали всем домом. Конечно, мы и сами пытались их решать, но в основном это была забота родителей. Родители должны были не только решить задачу, но и представить ее решение в том виде, который от нас требовали в школе. Чаще всего правильное решение находила моя мама, что было предметом моей гордости.

Потом микрорайоны были снова перекроены и к тому же ликвидировано раздельное обучение мальчиков и девочек, и в седьмой класс я вернулся в свою 45-ю школу. Естественно, все девочки – мои ровесницы, что жили в нашем доме, оказались в одном классе со мной.

И по уровню благосостояния, и по уровню развития мы все были очень разными. В каждом классе так называемый коллектив дробился на небольшие группы «по интересам». Да и переходы из школы в школу не способствовали укреплению моих связей с одноклассниками. Может быть, именно поэтому у нас не сложились стабильные взаимоотношения, которые бы поддерживались десятилетиями. Школа не оставила у меня каких-либо ярких воспоминаний.

А вот наш дом и двор – это был целый (и очень приятный) мир. Напротив дома чуть левее, ближе к Геслеровскому проспекту (ныне – Чкаловский проспект), был сквер, где на одном из деревьев болталась «тарзанка». Продолжение нашей улицы на другой стороне Геслеровского выглядело совсем по-деревенски. Она была «земляная» – без булыжника, на ней стояли деревянные одно- и двухэтажные дома за высокими заборами. Сама улица упиралась в горбатый мостик через речку Карповку. На второй год после войны мы с мамой каждое утро (летом пешком, а зимой на санках) ездили в заводской детский сад. Однажды на этом горбатом мостике я, сонный, вывалился из санок, чем сильно напугал маму, так как мог свалиться в не замерзающую от обильных стоков грязную речку.

Потом, когда я подросток, мы с приятелями часто проводили время на Карповке. Речка в то время была забита плотами, с которых мы ловили колюшек – маленьких рыбок с острыми колючками по бокам. Почему-то эти рыбки очень недолго жили в банках, заменявших нам аквариумы. Видимо, вода из крана была для них слишком чистой, – во всяком случае, чего-то им тут явно не хватало для нормальной жизнедеятельности.

На противоположной стороне (по отношению к нашему дому), на углу Бармалеевой улицы и Геслеровского проспекта, находился Плановый институт.

Около него была хорошая большая площадка, где мы обычно играли в футбол летом. Зимой же мы гоняли самодельными клюшками или просто палками консервные банки или теннисный мячик прямо по улице напротив своего дома.

В доме было печное отопление. В нашей комнате печка, обшитая железом, стояла справа от двери. В комнате соседней печь была кафельной с блестящими латунными дверцами. Она отапливала сразу две комнаты – Елены Михайловны и Евдокии Михайловны. Осенью, как правило, родители были озабочены покупкой дров на зиму. А когда дрова привозили, наступала наша очередь: мы эти дрова пилили, кололи и складывали, кто в сарай, а кто просто в поленницы рядом с сараями. Конечно, родители тоже участвовали в этом важном деле, но в основном это была наша детская обязанность. И здесь если и были гендерные различия, то лишь в одном: пилили дрова все – и мальчишки, и девчонки, а кололи – только пацаны. Это было интересно, мы знали, что это нужно (в том числе и нам) и не воспринимали это как «обязаловку» или насилие.

Кстати, когда дрова за печкой кончались, принести их из сарая было моей заботой. С раннего возраста мы привыкали к самообслуживанию. Родители были заняты на работе, так что подогревать обед приходилось самому. А иногда мама просила меня к ее приходу с работы не только сходить в магазин, но и почистить картошку или замочить горох. Было также немислимо оставить после себя невымытую посуду. И не только потому, что за это может «влететь» по первое число. Это было нормально не только для меня, но и для всех моих сверстников. Да и уроки, как правило, мы старались сделать до прихода родителей с работы. И конечно же, как всякие нормальные дети, мы находили время и для игр.

Зимой мы играли в хоккей: прямо по улице гоняли теннисный мячик или просто консервные банки самодельными клюшками. Ходили и на каток, либо на стадион Метростроя (на Левашовском проспекте), либо на небольшой стадион «Спартак», который находился во дворе ДК Промкооперации (затем – ДК им. Ленсовета). Именно там большие ребята отняли у меня коньки, которые дядя Сережа (наш сосед) сделал для своей дочки, а потом они «по наследству» перешли в мое безраздельное владение. Это были красивые деревянные колодки с врезанным в них стальным лезвием. Они двумя ремешками удобно крепились на любую обувь. Было очень горько и обидно. Мне стыдно было признаться, что меня просто повалили в снег и сняли с меня это чудо. А вот Танькины же снегурки, которые с помощью веревок и палки хорошо крепились только к валенкам, я так и не смог освоить. И лишь через несколько лет мне купили настоящие хоккейки на ботинках.

Весной и осенью мы самозабвенно играли в штандар, в чижика, в казаки-разбойники, в лунки, в ножички, в пристенок, в чхе, в вышибалы, в «съедобное –

несъедобное», а то и вместе с девчонками с удовольствием прыгали «цепочкой» через веревочку. Только до прыгалки в «классиках» пацаны никогда не опускались. Игр у нас было много, и все дворы были в полном нашем распоряжении.

Великая вещь – двор. Но самой любимой игрой пацанов была игра в пятнашки на крышах многочисленных сараев. Это было весело и страшно. Сколько раз мы проваливались в сараи (крыши нас не выдерживали), сколько раз срывались вниз, разбивали себе носы, ломали руки и ноги. Сколько раз родители запрещали нам бегать по сараям, обещая оторвать эти самые руки и ноги.

После фильма «Три мушкетера» мы заболели фехтованием и без конца сражались на палках (как только глаза себе не повывкаляли?). А после фильма «Тарзан» дворы оглашались нашими дикими воплями, и на многих деревьях появились «тарзанки» – веревки, на которых мы качались до одурения, а некоторые, наиболее отчаянные, пытались на тарзанках перелетать с одного дерева на другое, как настоящие Тарзаны.

Всей квартирой мы отмечали праздники: Новый год, 8 Марта, дни рождения. Мне в этом отношении не повезло, так как мой день рождения – 10 августа, когда почти никого из детей (и прежде всего меня самого) в городе не было. А на день рождения Тани 21 марта собирались у нас в квартире все ее подружки, да и все соседские дети. И хотя квартира была маленькой, мы умудрялись в эти дни занять и обе комнаты (нашу и Танину), и коридор, и кухню. Это всегда было шумно и весело. Хоть убей, не помню, куда девались в эти дни родители. Вроде бы и не уходили никуда, но их как бы и не было.

Вообще, не только в квартире, но и в доме мы жили очень дружно.

У дальнего торца нашего дома (дальше от Геслеровского проспекта) была небольшая ровная площадка, а за ней – чуть возвышающийся фундамент разрушенного в войну здания. Эту площадку мы – дети – решили обустроить: огородить ее заборчиком, сделать песочницу для малышей, посадить кусты. Даже некоторых взрослых вовлекли в это «строительство». Несколько раз все это частично или полностью разрушали пацаны из соседних домов. Но все-таки площадку мы оборудовали. И вовремя, так как на фундаменте разрушенного дома начали строить газораспределительную станцию, некое круглое строение.

Большая Пушкинская улица, дом 54

Оба родителя в свое время работали на заводе «Электрик». После войны папа перешел на Химфармзавод, а мама проработала на «Электрике» до самой пенсии. Как ветеран она стояла в очереди на улучшение жилищных условий. И когда завод начал строительство нового дома на Большой Пушкинской, маме обещали

выделить в этом доме квартиру. Строительство затянулось, и возникла угроза, что участок застройки могут передать какому-либо другому предприятию. И тогда партком и профком решили достраивать дом так называемым «хозяйственным способом», то есть строить «своими силами». Часть рабочих сняли с основного производства, чтобы они строили дом под руководством опытных прорабов-строителей. Когда дом достроили, невозможно было отказать в жилье тем, кто непосредственно строил его. Маму пригласили в партком и сказали: «Извини, Клавдия Васильевна, но отдельной квартиры не получается, мы можем выделить вам только комнату». К этому времени я уже вырос и тоже работал на «Электрике», – конечно, жить в комнате на Бармалеевой улице стало совсем невмоготу. Маме пришлось согласиться. И осенью 1958 г. мы переехали в новую квартиру.

Нашим соседом оказались Лёша Корсаков, слесарь инструментального цеха, его жена Валентина и их полутороговая дочь Людочка. Лёша был хорошим парнем, когда был трезв. В первое время он не сильно злоупотреблял спиртным, но со временем втянулся. В нетрезвом виде он становился громким, агрессивным, иногда поколачивал Валентину. Родителям и мне время от времени приходилось утихомиривать его. Лучше всего это получалось у мамы.

Благодаря огромному авторитету мамы в коллективе завода (она была бесменным казначеем заводской кассы взаимопомощи), а также ее удивительной житейской мудрости жизнь в новой квартире в целом была более чем нормальной. Лёша не был запойным и в какой-то мере был даже совестливым парнем, поэтому «за пределы» не заходил.

В этой квартире родители отметили свою серебряную свадьбу, здесь же мы справили папины поминки (он скоропостижно скончался в апреле 1961 г. – через четыре дня после своего 54-го дня рождения).

Саперный переулок, дом 13, квартира 19

Правда, к этому моменту я уже женился и в декабре 1960 г. поменял место жительства – переехал к своей жене, у которой была своя отдельная комната. Правда, прописан я по-прежнему был у матери по Большой Пушкинской ул., д. 54, кв. 41. Мой новый адрес: Саперный пер., д. 13, кв. 19 (пятый, последний этаж). Это была большая коммунальная квартира (шесть съемщиков, восемь семей). Родители моей жены в этой коммунальной квартире имели двухкомнатную «отдельную» квартиру, в которой была крохотная кухонка и еще более крохотный туалет, небольшая прихожая и маленький коридор, из него можно было пройти и в нашу комнату, и в комнату родителей. Правда, в комнату родителей можно было пройти и из комнаты моей жены.

В большой квартире места общего пользования включали большую коммунальную кухню, общий туалет и ванную. Из кухни был выход на черную лестницу, где к нашей квартирке относилась еще и маленькая кладовка для хранения дров.

Конечно, я видел и, можно сказать, знал всех наших соседей по этой квартире. Но более тесные отношения мать жены поддерживала отнюдь не со всеми соседями. Соседку напротив нашей «отдельной» тетю Паню теща время от времени приглашала для уборки нашей «отдельной», а также когда подходила наша очередь уборки помещений общего пользования. После нашей свадьбы эта – последняя – «повинность» легла на мои плечи. С другими соседями у нас были вполне приличные отношения полуделового характера. С Цилей – соседкой за стенкой – теща дружила, а дочь этой соседки приходила к моей будущей жене за помощью в приготовлении школьных уроков. Кстати, в этой же квартире жила и Фандера (думаю, что настоящее ее имя Фаина) – сестра Циля, однако отношения между сестрами были очень проблематичными. Когда родился наш сын, отношения с соседями заметно укрепились. Циля – профессиональная медсестра – постоянно была рядом, если у сына возникали какие-либо проблемы со здоровьем. С ее дочерью у нас все время были очень хорошие отношения. После окончания медучилища она поступила на психологический факультет университета.

Время летит быстро. Сын подрос, и дверь в комнату родителей потеряла свою актуальность и, более того, стала помехой для нормальной жизнедеятельности. Не помню точно, в каком это было году. Помню, что это было летом, когда все домочадцы были на даче, которую мы снимали в Зеленогорске и летом, и зимой (зимой мы выезжали туда на зимние и весенние каникулы, а также по выходным дням). К нам в гости приехал наш друг из Москвы, а я как раз в это время заколотил неудобную дверь в родительскую комнату и затеял разборку печки.

Разобрать печку – ума не надо. А вот вынести из квартиры лишний кирпич и другой строительный мусор было не так-то просто. Но еще сложнее было квалифицированно заложить образовавшийся в стене проем. На мое счастье, наш гость оказался умельцем на все руки. Он не только помог мне вынести весь мусор из квартиры, но и научил меня кирпичной кладке и штукатурным работам. При его помощи и под его чутким руководством мне удалось освоить новые для меня профессии. Таким образом, еще до капитального ремонта нам удалось выиграть пару квадратных метров полезной площади.

Маневренный фонд

В 1970 г. наш дом пошел на капитальный ремонт, к этому времени ему исполнилось более 100 лет. Некоторым жильцам сразу предлагали новое жильё в новых

районах. Некоторые (в том числе и мы) ни за что не хотели уезжать из центра и хотели вернуться в свой дом. Из нашей большой коммунальной квартиры вернуться пожелали мы и Циля с дочерью. Это была целая эпопея. Нам предлагали четыре или пять вариантов – один другого хуже. Правда, все эти варианты были относительно недалеко: на Кондратьевском проспекте; на улице Войнова, почти на углу с проспектом Чернышевского; на Мытнинской улице. Получив смотровой ордер, мы ездили по этим адресам и каждый раз после тщательного взвешивания всех «за и против» отказывались. В общем, моя теща сильно достала инспектора жилищного отдела. В конце концов эта долготерпеливая женщина дала еще один смотровой ордер: «Есть у меня для вас еще один вариант, но, если вы и сейчас откажетесь, больше маневренный фонд предлагать не буду. Поедете в Озерки без разговоров». Этот «последний шанс» – угол Литейного и Фурштатской, прямо напротив гастронома «Литейный», – превзошел все ожидания.

Вход в эту квартиру был посреди подворотни. На лестнице находилась всего одна-единственная квартира на втором этаже. Это была отдельная двухкомнатная квартира. Основная ее достопримечательность состояла в потолках высотой семь метров. Две сугубо смежные комнаты соединялись дверью. Также была печь. В первую очередь мы разобрали печь и на ее место поставили дверь, которую вместе с дверным косяком привезли со старой квартиры. Ту дверь, которая была изначально, заколотили и с обеих сторон завесили коврами. Сразу за новой дверью поперек первой комнаты поставили сервант и, таким образом, немного отгородились от родителей, чтобы не мешать им хождением туда-сюда. Конечно, было очень заманчиво при такой высоте потолков соорудить «второй этаж», но от этой идеи мы отказались. Тем более что в жилотделе нас предупредили, что после нас и этот дом пойдет на капитальный ремонт. Так что не было никакого смысла вкладываться в столь серьезный проект.

Люди, которые жили до нас в этой квартире, соорудили второй этаж над ванной. Это была комната площадью около 13 м² (чтобы поменять перегоревшую лампочку, приходилось встать на стул или табурет, такова была высота потолка на втором этаже). Попасть в нее можно было только по приставной лестнице. В этой комнате я оборудовал кабинет и построил стеллажи для книг. Кроме вполне преодолимых сложностей с лестницей, имелся у кабинета еще один недостаток – там было довольно душно, особенно когда внизу топилась колонка ванной. Тем не менее в этом кабинете периодически я проводил семинары и совещания, в которых принимали участие до семи-восьми человек.

Еще одна «достопримечательность» этой квартиры – во дворе находился пункт приема стеклотары, где практически постоянно толпилась большая очередь. И стояльцы время от времени справляли малую нужду на нашей не очень

приметной лестнице. Пришлось врезать во входную дверь новый замок и тщательно не один раз вымыть всю лестницу. И все равно застарелый запах мочи держался почти целый год.

Одна из проблем проживания в маневренном фонде состояла в том, чтобы по возвращении в свою квартиру на Саперном переулке сохранить телефон. Ради этого мы все три года платили за телефон, которым физически не могли пользоваться. Аналогично вели себя и наши соседи, которые также пожелали вернуться по старому адресу. Это была такая виртуальная конкуренция между нами.

В 1973 г. вернулись на Саперный переулок в квартиру № 28, и у нас сохранился номер телефона, который прежде числился за квартирой № 19. А наши соседи вернулись в квартиру № 19, но у них номер телефона изменился (правда, новый номер был очень похож на старый, так что запомнить его было легко).

Возвращение на Саперный переулок

Должен сказать, что капитальный ремонт на уровне отдельных квартир был исполнен из рук вон плохо. Не буду говорить о том, что окна и двери плохо закрывались и открывались, что пол оказался сильно наклонным: если что-то упало около окон, оно неумолимо скатывалось к противоположной стене. В ванной и в туалете, где полы были покрыты кафелем, на нем оставались горы цемента, отодрать который было очень непросто. Двери и стены были выкрашены в какой-то неопределенно-грязный цвет, полы были выложены разноцветным и очень неровным паркетом.

К счастью, нам вручили ключи от квартиры в середине лета, когда семья была на даче, и у нас с женой образовалось время на то, чтобы, во-первых, проследить, как строители исправляли недостатки ремонта, которые нам исправить было не по силам. А во-вторых, мы имели возможность перекрасить то, что надо было перекрасить, отциклевать полы и покрыть их лаком. В общем, все это основательно сократило наш отпуск. Конец лета и начало осени мы с женой трудились, как рабы на галерах. Так как жить в этой квартире было совершенно невозможно, мы жили у моей мамы на Большой Пушкарской, куда каждый день приезжали уже в глубокой ночи. Кстати, нам пришлось выдержать своих домочадцев на даче до глубокой осени.

Наконец, переезд все-таки состоялся. Забавная деталь. Еще когда мы жили на улице Петра Лаврова (Фурштатской) тесть купил для внука щенка (на вид помесь лайки с таксой). Когда мы привезли щенка на дачу, радости сына и его друзей не было предела. А когда мы впервые привезли Федю (так мы называли щенка) на Саперный переулок, он деловито обошел всю квартиру, – видимо, признал ее и тщательно «пометил» все углы. Наказывать его за это не имело никакого смысла. Думаю, он нас все равно не понял бы.

Несмотря на все недостатки капитального ремонта, безусловно, это было серьезным улучшением наших жилищных условий.

Внутрисемейный обмен

К 1980 г. произошли некоторые изменения в составе нашей семьи. Впервые, женился сын и переехал к своей жене. Правда, этот брак относительно быстро распался, но сын не вернулся под родительский кров. И в общем-то, надо было решать вопрос о том, чтобы обеспечить его жильем.

К этому времени уже умерла моя мама, и я, будучи прописан у нее, оказался правопреемником комнаты на Большой Пушкарской улице. Некоторое время в ней жили мои «бездомные» друзья и коллеги. Один из них сделал там косметический ремонт.

Году в 1984-м или 1985-м мы чуть было не купили полдома в Комарове. Уезжали за рубеж знакомые наших друзей, и им надо было срочно продать дачу. Место замечательное, и мы с женой загорелись этим предложением. Сговорились с продавцом, подготовили необходимые документы и поехали в исполком Курортного района в Сестрорецк, чтобы оформить сделку. Однако в исполкоме поставили одно условие: сдать мою комнату в Ленинграде в пользу государства. С этим условием мы никак не могли согласиться, имея в виду уже взрослого сына, который явно не собирался вернуться в родительскую семью. Я предпринимал несколько попыток разменять квартиру на Петроградской стороне на две однокомнатные, и, наконец, сложился такой вариант, на который мои соседи на Большой Пушкарской согласились.

Я получал однокомнатную квартиру на Исковском проспекте. Параллельно мы решили совершить и внутрисемейный обмен, который предусматривал, что я прописываюсь в квартиру на Саперном переулке, а сын получает прописку на Исковском проспекте. Эта операция благополучно завершилась, и жилищная проблема сына была решена. Таким образом, в 1982 г. адрес моей прописки совпал с адресом фактического проживания.

В 1986 г. у сына (во втором браке) родилась дочь. В 1987 г. скончался мой тесть. А через пару лет внучку привезли к нам в гости, и она осталась жить с нами до своих 14 лет. Тем более что и второй брак сына распался. Сын какое-то время жил и работал в Москве, а свою квартиру на Исковском проспекте сдавал каким-то людям. Впрочем, это уже не моя жилищная история.

Пропущу перипетии, связанные с приватизацией квартиры на Саперном переулке. Вся эта процедура растянулась на несколько лет. В итоге к 2000 г. в квартире остались три собственника: теща, жена и я. После того как в 2001 г. умерла

теща, мы с женой остались вдвоем в этой квартире. Причем жене принадлежали две трети этой квартиры, мне – одна треть, но это нас совершенно не беспокоило.

Снежная зима 2010 года

Эта зима действительно была очень снежной. Сбрасывая снег с крыши, работники ЖЭУ пробили ее в нескольких местах. Кроме того, под крышей интенсивно нарастала наледь. А так как наша квартира на последнем этаже, то нас (впрочем, и все остальные квартиры этажа) основательно заливало водой. С потолка буквально шел дождь.

Дополнительная сложность состояла в том, что жена сломала ногу и передвигалась с большим трудом. Пришлось задействовать всю емкую посуду, которая была в доме (тазы, тазики, бидоны, кастрюли и т. п.). И постоянно передвигать кровати так, чтобы их не заливало.

В этой ситуации все жильцы последнего этажа проявили солидарность. Мы все вместе вызывали комиссию жилищной конторы, чтобы составить протоколы о последствиях этого стихийного бедствия, писали соответствующие заявления и жалобы в вышестоящие инстанции. К нашему удивлению, чиновники и работники ЖЭКа сильно озаботились нашими проблемами. В первый же «просвет» между снегопадами и морозами крышу слегка залатали, остановив протечки. А летом капитально ее починили. Правда, через два года протечка повторилась – на этот раз точечно: вода просочилась вдоль вентиляционной трубы и шла через антресоль по одной стене.

После этого рецидива пострадавших от протечек 2010 и 2012 гг. пригласили в жилконтору и предложили на выбор: либо сделать косметический ремонт за их счет, либо получить денежную компенсацию. Мы выбрали второе и поняли, что сделали правильный выбор. Ведь ремонт жилконтора выполнила бы в объеме суммы компенсации, которой на полноценный и качественный ремонт, очевидно, не хватало. Эта компенсация подтолкнула меня лишь к тому, чтобы привести в порядок ванную комнату: в частности, выбросить ванну, поставить душевую кабинку, заменить раковину и перенести в это помещение стиральную машину. И на это компенсации не хватило, пришлось добавить существенную сумму. Так что основательный косметический ремонт обеих комнат еще подождет. На него сейчас, к сожалению, нет ни денег, ни сил. А откуда бы им взяться, когда зарплата постепенно, но регулярно уменьшается, а квартплата столь же регулярно растет, да и сил с годами не прибавляется.

У каждого должно быть свое личное пространство

Я, Иванова Т. А., родилась в 1944 г. в Ленинграде. Отец мой погиб на фронте, мама и бабушка всю блокаду прожили в городе. Мама – врач, бабушка – пенсионер.

В 1925 г. бабушка работала белошвейкой на фабрике по пошиву мужских рубашек, смогла накопить 400 рублей и вступила в кооператив. Через год они с моей мамой смогли переехать в собственное жилье. В дальнейшем государство деньги за кооператив дольщикам вернуло.

У нас было две комнаты, еще одну комнату занимал сосед. Обед готовили на кухне на керосинке и на электрической плитке. Кипятили, стирали белье тоже на кухне в корыте с помощью стиральной доски. Горячей воды не было, только холодная. В сильные морозы, чтобы вода в трубе не замерзла, кран на ночь не закрывали, а к крану привязывали тряпочку, чтобы брызги не летели во все стороны.

Мы обедали у себя в комнате, а сосед – на кухне. На столе у него стояла вазочка с сахаром и конфетами, и он демонстративно пил чай и остатки от конфет опять клал в вазочку, чтобы не было соблазна взять конфеты из его вазочки.

Зимой топили печь дровами, дрова хранились в сарае, в цокольном этаже дома. У каждой квартиры в сарае был свой отсек, который был закрыт на замок.

Сосед умер, и в квартиру приехала другая семья – муж, жена и ребенок. В квартиру стали ходить какие-то люди, а затем и участковый милиционер. Все спрашивал: кто ходит и зачем? Похоже, это были спекулянты и за ними уже следили. Бабушка побоялась жить с такими соседями и стала искать другую квартиру по обмену. Так мы переехали в Дзержинский район, мне было тогда 10 лет.

Дом был красивый. В парадном – кафельный пол, мраморные ступени, чугунные перила. Квартира была большая: прихожая – 15 м², коридор – 10 м², кухня – 20 м², ванная, телефон. В комнатах – большие окна, лепные потолки, высота потолка – 4,5 м. В квартире жили еще две семьи – две сестры. Одна с мужем, а другая с мужем и двумя сыновьями. Жены не работали, а мужа – один был инженером, а другой хозяйственником.

Поскольку отношения с семьей, которая уехала, были далеко не дружелюбные, то автоматически эти отношения перешли к нашей семье.

В коммунальной квартире следовало соблюдать порядок и придерживаться определенных правил. Был назначен так называемый ответственный съемщик, который следил за соблюдением порядка в квартире. В его обязанности входило составлять расписание уборки в общем пользовании. Дежурили: за одного человека – одну неделю, за двух человек – две недели и т. д. Каждый день следовало подметать всю квартиру, один раз в неделю – влажная уборка, а когда сдаешь уборку другой семье, надо вымыть пол, намазать мастикой и щеткой натереть паркетный пол. Паркетный пол был во всей квартире: на кухне, в прихожей и в коридоре. Раз в неделю полагалось мыть раковину, плиту, ванну, унитаз. На газовой плите было четыре конфорки. За каждой была закреплена одна конфорка, и одна была запасная, которой мог по мере надобности воспользоваться каждый.

Было время, когда для сельского хозяйства в домах собирали пищевые отходы. Выносить эти ведра тоже входило в обязанности дежурного.

В обязанности ответственного съемщика входило снимать показания счетчиков и в зависимости от количества жильцов рассчитать сумму к оплате. Платили за газ, свет и телефон. Деньги сдавали (за общее пользование) тому, кто дежурил на этот момент.

Если в квартире возникали споры, можно было вызвать «комиссию содействия» из жилконторы. Это были общественники, члены партии, которые должны выполнять какое-то партийное поручение. Домой приходили три-четыре человека и помогали решить спорную проблему на основании закона или правил общежития в коммунальной квартире.

У нас в квартире, несмотря на то что была ванная комната, стирать было нельзя. Нужно было идти в прачечную (во дворе существовало подсобное помещение). Топишь там дровяную плиту, в которой вмонтирован бак с водой. Затем горячую воду наливаешь в деревянный чан и в нем стираешь и полощешь белье. Белье сушить носили на чердак. Такая стирка целесообразна для постельного, большого белья, но в семье много мелких постирушек (платки, носки, трусы, передники). Их тоже стирать дома было нельзя. Сушить вещи в комнате не разрешалось, так как якобы могла появиться сырость. Но это все причуды «аборигенов».

Приходилось делать это тайно, пока соседи уходили в магазин. Большое белье позже можно было сдавать в общественную стирку с сушкой и глажением. На каждой вещи был пришит твой индивидуальный номер. Номер для белья заказывали и получали при предъявлении паспорта.

В 1971 г. у меня родился сын, требовалось стирать и особенно в первый месяц его жизни кипятить пеленки. Приходилось выбирать время, когда на кухне

никого не было, и вскипятить хотя бы 5–10 минут воду в кастрюле, но иногда тут же кто-нибудь выходил с чайником и требовал освободить плиту.

Телефон в квартире находился в коридоре, долго разговаривать не рекомендовалось, могли сделать замечание или сказать, что ожидают звонка.

На кухне готовили три семьи, стояло три стола. Так как кухня была большой, то у каждого стола можно было хранить немного дров на один-два дня, пока пользовались печным отоплением. Соседи свой стол закрывали на висячий замок, – очевидно, там было что-то ценное. У нас надобности в этом не было.

В квартире косметический ремонт делали за свой счет. Приглашали агента из организации по ремонту квартир. Составлялась смета, и все скидывались в зависимости от количества проживающих в квартире.

Незадолго до перестройки из жилконторы пришли мастера и предложили сделать ремонт бесплатно. Поменяли во всем доме батареи, в квартире всю проводку, в общем пользовании постелили линолеум, а в комнатах уложили новый паркет. Покрасили все двери. Просто фантастика и только.

***

Время идет, дети растут. Желание жить в отдельной квартире увеличивается все больше. Пришло время, когда нашелся покупатель на нашу квартиру. Нам (на то время в квартире жили две семьи) купили по отдельной квартире. Это был выход из коммунальной кабалы. О счастье!!!

В отдельную квартиру я попала только в возрасте 52 лет. Да, это счастье и свобода. Ты можешь пользоваться всей квартирой по своему усмотрению. Если помыл кухню, то никто не испачкает, а убирать будешь только за собой.

Дети живут уже по-своему.

У нашего поколения чувство определенной дисциплины и порядка все равно осталось. Хочется, чтобы был порядок на лестнице, на подоконнике стояли цветы, соблюдалась чистота во дворе.

К сожалению, сейчас люди стали инертны и равнодушны. Правда, не все, но для того, чтобы расшевелить народ, нужен лидер или группа неравнодушных людей.

Возвращаться в коммунальные квартиры – категорически нет.

У каждого человека должен быть свой уголок, свое личное пространство.

А хочешь общаться – пожалуйста, на работу, в школу, в кафе, в театр, в гости.

Дом Военно-транспортной академии

(Интервью с Вандой Ивановной Мацкевич и ее дочерью Марией Георгиевной Мацкевич)¹

Интервьюер: Давайте мы тогда с вами начнем потихонечку...

Респондент 1: С чего начнем?

И.: С самой первой квартиры, с первого жилья, когда вы были маленькой, с того, что помните.

Р. 1: Я родилась в больнице Коняшина.

И.: Когда?

Р. 1: 6 апреля 1934 г. В больнице Коняшина.

И.: А жили вы в этот момент где, когда вы родились?

Р. 1: У меня два адреса только. Точнее, три – эвакуация была.

И.: До нее дойдем. Давайте с самого первого.

Р. 1: Я родилась в больнице Коняшина, привезли меня на Заозерную улицу. Это Московский район, улица, параллельная Московскому проспекту. Я не помню, как он тогда назывался. Он менял названия я не знаю сколько – никакая улица больше название столько раз не меняла, сколько Московский проспект.

И.: Там была коммуналка или отдельная квартира?

Р. 1: Бабушка с дедушкой приехали в Петербург в самом начале этого века. Точнее...

И.: Ну, прошлого уже, да...

Р. 1: Двадцатого века... Дедушка работал кочегаром на паровозе. Бабушка работала, пока как-то... ну, вероятно, там была какая-то коммуна, за детьми по очереди ухаживали... она работала ткачихой. Бабушка была неграмотной, у дедушки была окончена церковно-приходская школа. И, насколько я помню,

---

¹ Респондент 1 – Ванда Ивановна Мацкевич. Респондент 2 – Мария Георгиевна Мацкевич (дочь респондента 1). Интервьюер – Светлана Николаевна Игнатова.

до войны дедушка всегда был или с газетой, или с книжкой в руках, он много читал. И у нас вечерами всегда занимались... У меня было две тетушки, еще и мама – три девицы, и бабушка... Они занимались рукоделием. Вышивали, вязали. Или слушали радио, тогда было модно – точнее, принято – спектакли, оперы или литературные хорошие передачи слушать по радио. Если там не было ничего такого интересного, дедушка садился с книгой и читал. У нас была очень большая библиотека.

И.: А жили все вместе?

Р. 1: Нет, только мы жили.

И.: А тетушки, они приходили, да?

Р. 1: Да. Мы жили так... До революции они жили где-то в районе улицы Шкапина, где жили эмигранты. Ну, такие, из Российской империи, но... А потом бабушка в начале революции, когда ходили с красными бантиками «товарищи», она как-то умудрилась найти квартиру на Заозерной. Это была маленькая двухкомнатная квартирка без прихожей, но там была кухонька и две комнаты – одна побольше, другая поменьше. Этот дом был для рабочих. Это Заозерная улица. Знаете, может быть, сталкивались с тем, что там был построен дом, так называемый «Порт-Артур» и «Маньчжурия»...

И.: Да, знаю.

Р. 1: То есть вы понимаете, в какое время они строились. Но наш дом был построен пораньше. Но все равно... Там были дома, несколько домов – дом 4, дом 6, наш дом 8. Эти дом 4, дом 6 шли вглубь во дворы, а наш дом – вдоль улицы. Один подъезд был, там жили, ну, вероятно, клерки, что-то такое – состоятельные там жили, были ванны в квартирках, приличные кухни, черный ход. А потом уже, конечно, в эти квартиры всех стали подселять. А мы жили – двухкомнатная квартирка без прихожей. И это были квартиры, часть корпуса, где были большие коридоры. Коридоры были, наверное, больше чем двадцати метров, а в ширину... Ну, они были широкие, они были, наверное, метров шесть. Из них вход в эти квартиры. Там было примерно около десяти квартир. Там жил самый разный народ. Были разные семьи и были отдельные семьи. Вот как у нас квартира, еще там было несколько таких квартирок. Но в то же время народ был там простой. Как бабушка говорила, скобари – в основном все псковские. Это у них было прозвание уже, никуда не денешься. И в праздники – гармонь, или потом, когда появились патефоны, песни и пляски в коридоре. Но наша квартира не участвовала в этом, бабушка этого не признавала. Было принято ходить: «Дай пятерочку, дай трешку до зарплаты». Бабушка говорила: «Я не работаю, денег не буду брать у детей». Ну, в результате в нашей квартире остались мы с мамой, бабушка с дедушкой и тетушка – тогда она была не замужем, потом вышла замуж. Всё.

А другая тетушка моя вышла замуж тоже за соседа, можно сказать... Но у нее был изумительный характер, ее не сломишь. И они квартиру ее мужа, дяди Бори, разменяли и поселились в комнатке над нами, на пятом этаже. Мы были на втором, они на пятом. И дядя Боря провел такой детский телефончик к нам. Он был шофером, изумительный человек. Он часто работал ночью и, когда просыпался, мне звонил, бабушка меня одевала, приходил он и меня уводил гулять. Мы гуляли по городу, у нас там был Смоленский садик, который уже застроен сейчас, ничего не осталось. Смоленский садик, потом просто в кино он меня водил и просто он гулял. Он безумно любил детей. А Мария Антоновна [тетя респондента 1, сестра ее матери] была вся в работе, она была талантливейшим бухгалтером, работала на выходной базе на фабрике «Скорход», они с тетушкой там познакомились. Выходная база – это они уже отправляли товар. Она была талантливейшим бухгалтером. И могу сказать, что ради нее в блокаду было совершено, можно сказать, преступление. Дело в том, что, когда немножко прорвали вдоль побережья и что-то стало работать, гражданская дорога, им нужен был бухгалтер, хороший. Хороший кадр. И они стали атаковать ее. Но бухгалтер получал ту же карточку, что и служащие. А Мария Антоновна сказала: «На служебную карточку я не пойду». И тогда ее оформили какой-то рабочей, а она была главным бухгалтером. Кто-то подписывал, а все дела вела она.

И.: Ну, тогда таких случаев было...

Р. 1: Нужен им был кадр, которому они могли доверять и который ничего не прошляпит. И вот Мария Антоновна так работала. Ну, что... Все мирно, хорошо. Тетушки занимались рукоделием – и мама с бабушкой, а дедушка читал. Я начала читать в эти дни еще, потому что у нас была очень большая библиотека. А почему у нас была такая большая библиотека? Эта библиотека была папина, моего папы. В чем дело, почему она у нас оказалась? Очень просто. Папа был верующим человеком. И, как вы знаете, часть верующих оказалась на Соловках и в прочих местах. Папа долго-долго пробыл у нас в Крестах. Мама это все до конца жизни вспоминала с ужасом, как она стояла там с передачами для папы.

Респондент 2: А это какой год?

Р. 1: Ну, я не помню...

Р. 2: Нет, ну, это было... Я не очень понимаю... Это же было фактически...

И.: До 1937-го, да? Начало.

Р. 1: Да, если я родилась...

Р. 2: Да, это Беломорканал... Мама 1934 года рождения. Это дело Войно, был такой священник католический, и он в книге «Мемориала» есть.

Р. 1: Да, знаю.

Р. 2: И фамилия дедушки там тоже есть, что его арестовали по этому делу.

Поэтому он сидел. И это был 1932–1934 год, они долго тянулись. И я не очень понимаю, в каком промежутке мама успела родиться.

Р. 1: Но родилась. Потому что в 1932 году его сослали, и папа дальше был... строил Беломорканал, а потом после Беломорканала он был в ссылке – так называемый 101-й километр. Но дело в том, что папа был из семьи, ну, так называемой мещанской семьи. Он был из семьи ремесленника. Дедушка был столяром-краснодеревцем, и у него было свое дело до революции. То есть папа окончил гимназию и поступил в Политех.

И.: До революции? В питерский?

Р. 1: Да, да, а как же, в какой же еще? В наш Политех он поступил. Потом началась эта заварушка с революцией и все прочее... Папа как-то, я не знаю... Где-то была фотография – он в форме красноармейской. Но тем не менее, в общем, все было сломано, он не окончил Политех тогда, в первый раз, с этой Гражданской войной. А потом он... Он уцелел в Гражданскую войну, вернулся... И потом он поступал несколько раз в Политех, и, когда там обнаруживалось его непролетарское происхождение, его оттуда – фьють... Ну, папа снова упорно поступал, и все-таки в 1929-м окончил Политех. У нас сохранился папин диплом, так что это не сказки. Не что-нибудь окончил папа, а Политех, то есть он был дипломированным инженером.

И.: А книги откуда были? Он покупал?

Р. 1: Он любил книги. Это, понимаете... Это генетически передалось мне и вот этому чаду. Это генетика.

Р. 2: Да, это от бабушки. Потому что бабушка не любила книг, она была к ним равнодушна.

Р. 1: Она равнодушна к книгам. А у нас было... Когда папу по этому делу арестовали... Значит, бабушка умерла, его мама, до моего рождения еще. Она была болезненным человеком, она умерла до моего рождения. Дедушку, вероятно, сломали эти все неурядицы. Дедушка меня, как я понимаю, видел, но, поскольку папу... Беломорканал и прочее все... И дедушкина квартира, и все прочее – все это, как бы понимаете, было отобрано, но книги к нам перевезли. И книги... Была большая хорошая библиотека, у нас из папиной библиотеки осталось несколько книг, между прочим. «Вселенная и человечество» – такой том, Маша знает, «Отечественная война» 1912 года – три тома с пергаментом переложеным, с иллюстрациями, Лев Николаевич Толстой... Был Крылов, которого у меня... Я добрая душа – хотите почитать, возьмите... Мне его зачитали, Крылова. У меня томики Крылова, это уже позднейшее мое... Но тоже старое издание. То есть от папиной библиотеки фактически ничего не осталось. А потом блокада.

И.: А вы в школу пошли... Там еще жили?

Р. 1: В эвакуации... Блокада. Книги-то рядом. Ну, и топили книгами. А что делать? Жить-то надо. Был такой деревянный сундучок с папиными техническими книгами и журналами, он стоял под кроватью. Не было сил его достать, чтобы сжечь эти журналы и книги технические и этот сундучок деревянный, эту литературу, понимаете... Ну после войны это все было раскопано. Ну что, я, когда мы вернулись...

И.: А вы в каком году в эвакуацию уехали?

Р. 1: Мы уехали 3 июля 1941 года. Дело в том, что у тетушки, у младшей, муж был на финском фронте. Но он был не рядовым товарищем, он был членом партии, и, как я понимаю, был политруком. И, умный человек, он видел, как мы воюем. И, когда началась война, он сразу сказал уезжать мне, маме, бабушке с дедушкой. Бабушка сказала: «Я пережила Гражданскую войну, и я умру на этой кровати». Ну а дедушка никуда от бабушки, что вы, это уже исключено. И тогда дали маме в руки сумки, меня и пригородными поездами отправили из Ленинграда в Вышний Волочок, потому что одно время там папа строил завод «Дубитель», на монтаже оборудования был. Ну, поскольку 101-й километр, он с одной стройки на другую переходил. Мы приехали туда, к хозяйке, у которой он когда-то снимал комнату, и мы жили год у этой хозяйки. Она приняла нас, нормальный человек, все, приняла. Мы, значит, приехали туда, причем мы ехали, пересаживаясь с одного пригородного поезда в другой, причем меня сажали в окно, и один раз мама осталась на перроне, а поезд тронулся со мной вместе, и мама потом воинскими эшелонами догоняла этот состав. И я как просыпаюсь... Дело в том, что со мной ехали... Точнее, подобрали нас девочки из института имени Герцена, студентки. Они были не ленинградки, возвращались к себе домой. И вот так как-то мы прилепились к ним. И эти девочки меня уложили. И я помню, я просыпаюсь и смотрю – стоит, облокотившись о полку, я лежала на верхней полке, мама и рыдает, что она догнала меня. Вы понимаете, что потерять еще... Причем мы видели, как перед нами разбомбили состав с эвакуированными ленинградскими детьми. Горящий состав, и эти несчастные дети, которые погибли, мы это видели... Это, конечно, кошмар. Но тем не менее мы добрались до Вышнего Волочка, там мы устроились. Но немцы шли на Калинин, а там же это не так далеко. И хозяйка говорит: «Мы уедем в деревню. Поехали с нами?» Ну а что делать нам? Поехали! И мы поехали. У хозяев там были родственники. Мы приехали, пожили там какое-то время. Но мы стесняем... Мы там сняли угол. Ну, хозяйка, вот эти первые, супружеская пара, они вернулись. Когда немцев отогнали от Калинина, они вернулись обратно, а мы уже остались. Куда нам возвращаться, нам некуда. Мама горожанка, как вы понимаете, в деревенской работе что она могла? Ну, колхоз. А там было отношение... Это была карельская деревня, карелы там были... Они

говорили: «А вы с белых булок питерских к нам на черный хлеб приехали? Давайте нам, чтобы получить этот черный хлеб, давайте нам товары». А какие могли быть у нас товары? Вы понимаете, с сумочками мама... Ну, все до предела, что было у мамы, все эти ее кофточки, юбочки, все, что можно, конечно, все это поменялось на картошку. Не на хлеб – на картошку. Кроме того, там мне как эвакуированному ребенку полагалась хлебная карточка, а мне-то этого не дали, пока мама не узнала, что мне это полагается. Она пошла в район, устроила там шум, тогда мне дали детскую карточку, чтобы я получала на это кусочек хлеба хотя бы, вы понимаете. То есть это было веселенькое, как вы понимаете, житье. Кроме того, в соседнем доме и доме напротив жила семья. Эта бабушка... Деревня была очень богатая, там были двухэтажные обитые тесом дома.

И.: Да, знаем, что такое карелы.

Р. 1: Да. И кроме того, там был богатый колхоз. Там был очень хороший председатель, умный. У всех были запасы хлеба. Коров там не было, потому что налоги были такие, что не было... Но у всех были козы. И вот эта бабушка, а у нее напротив, через дорогу, жила семья сына, где было пятеро детей, причем мальчишки. Но мальчишки были изумительные. Вот старший, ему 12 лет, он уже работал. Они все работали. И если к кому-то в сад забрались или в огород, знали, что это не Бучкины. Бучкины никогда ни в какой огород или сад не полезут, вот так были воспитаны ребята. Понимаете, может схулиганить кто угодно, кроме этих ребят. Это были все трудяги. Даже вот эта самая минутка короталась в огороде или в лесу. Это такая вот разница. Я была, как говорится, пришлой. Кроме того, вы знаете, такая вещь – там ведь было не положено носить штанишки женщинам. Я не знаю, вы сталкивались с этим или нет?

И.: Да, сталкивались. Очень поздно в деревнях начали нижнее белье...

Р. 1: Там это было... А я в штанишках. И было у них развлечением задрать мне юбочку. Вот так. Вот такая вот я... Ну что, школа... Школа была в двух километрах от деревни. Там была такая, как я понимаю, усадьба зажиточного человека, которому дали пинка... в далекие края, а там, в его доме, была школа. Нужно было ходить зимой. А у меня что? Ничего нет. У меня резиновые ботинки, вы, наверное, не застали, с таким отворотиком бархатным, и все. И я по снегу по колесу в этих ботинках ходила в школу. Что делать, учиться-то надо, вот и все, я ходила вот так в школу. Но эта бабушка, напротив которой жила, она видела, что эта хозяйка: «Давайте мне товары...» А какие товары? Она говорит: «Знаете, у меня пустует часть дома. Давайте переходите. Мне от вас ничего не надо» – поскольку простой человек она была. Ну, и мы перешли туда. Да, было холодновато, все, но что делать! А потом в соседнем доме умерла старушка, дом был бесхозный. И родственники, которые были наследниками, сказали: «Въезжайте туда. Денег

нам не надо, но чтобы дом не рассох, чтобы он был жилым, чтобы там был воздух». И мы там жили, причем местная ребятня приходила... Она знала, что мама устроилась на работу в магазин, а магазин был, он принимал заготовки [продуктов], и она вынуждена была с отчетами ходить в район. Они знали это, они приходили и пугали меня. Развлечение – почему не развлечься? Но я как-то была непуганая в этом отношении. Ну и мне, извините, топить деревенскую печку, это какво? Меня туда, в печку, было можно спокойно посадить. Кроме того, мама брала на себя картошку сушить для армии. Мы брали свежую картошку, варили, чистили, резали, на противень и в печку сушить. Нам что-то оставалось, чтобы не протянуть ноги. То есть это все было честно. Но я приходила из школы, и ведерный огромный чугунок, садилась чистила эту картошку. Потом мама приходила, резала – на противень и в печку. Так мы выживали, а что делать, надо было жить. Вот еще такой способ выживания: сушка картошки для армии. Вы этого не знали, да?

И.: Нет. Было ощущение, что картошку так привозили.

Р. 1: Нет. Сушили картошку. Но это надо было добиться разрешения, чтобы получить это. Поскольку мы были, как говорили местные, выковыренные, то в районе маме разрешили это делать. И вот у меня было занятие – эти ведерные чугуны чистить, картошку резать, а потом сушить, и мама сдавала. А что делать, никуда не денешься, надо было жить.

И.: А до какого времени вы в эвакуации были? Когда в Питер обратно вернулись?

Р. 1: Мы приехали 8 ноября 1945 года.

И.: Вот это да.

Р. 1: Ой, как мы ехали! Мама же была... Поскольку мама не умела воровать, ее перевели заведовать сельпо, то есть несколькими магазинами. Мы переехали в другое место, там это сельпо находилось. Значит, из этой Межуихи мы уехали в Лужково, деревню, уехали туда. Но мы уже, благодаря картошке и всему прочему, мама как-то сумела купить маленького козленочка, козочку, которую я выхаживала. Я ходила рвала траву вдоль ручья, я ломала березовые ветки, я ломала все... Кусты малины... Ну что делать, надо было выкармливать козочку. Козочку мы выкармливали, слава тебе господи, и это оказалась козочка, дай боже какая, это было золото, а не козочка. Значит, мы с козочкой туда уже уехали, все. И причем там было такое, трагическое, можно сказать, это, что в каком-то амбаре в том месте оказались невостребованные минеральные удобрения, а козы же и овцы блудливые, особенно козы, и пастух прозевал, и стадо у него убежало, и козы оказались... нализались этого минерального удобрения и все погибли. Это такой же вой был, как приходили похоронки. Мы в панике, я бегу и смотрю, наша красotka вышагивает. Она никуда... Она точно знала, куда ей идти, точно в ее двор, где мы

снимали жилье. Смотрю, наша красотка идет, вышагивает так важно. И у нее было изумительное молоко, потому что обычно козье молоко имеет привкус, у нее привкуса никакого не было. И, помню, кто-то к маме с ревизией приехал из района, мама предложила молока, она говорит: «Я козье не пью». Она говорит: «Это не козье, попробуй». Она попробовала: «Ой, какое вкусное, какое вкусное!» И тогда ей открыли тайну, что это козье молоко. И, когда мы уезжали, маму не отпускали, поскольку работник, который не ворует, вы понимаете... Где найти работника, который не ворует, в такое тяжелое время? Маму не отпускали, хотя у нас был вызов, вызов был из Ленинграда, тетушка прислала нам вызов.

Р. 2: Единственная оставшаяся в живых из всех, вторая сестренка...

Р. 1: Да, младшая сестра, моя тетушка, она прислала вызов. Это для них не аргумент. И тогда мама узнала, где что как, узнала, что в Спирове есть стекольный завод, куда за стеклом приезжают машины из Ленинграда. Мама все разведала. Что козочку-то резать... Пастух сказал: «Я вам дам овцу. Ни в коем случае ее не трогать, я ее возьму себе. Такими козами не разбрасываются. Я вам дам овцу». Ну, овцу зарезали, мясо мы солили, все... И на каких-то перекладных мы добрались до этого завода стекольного и ждали, когда придут машины из Ленинграда. Пришли машины из Ленинграда, для стекол для большого дома. Мама договорилась, спирт у нее был, а это же валюта.

Р. 2: До сих пор...

Р. 1: Не знаю, как до сих пор, а тогда-то было... О, какая валюта! Договорилась с шоферами. Меня в кабину, а маму наверх на стекло. А машины-то были тогда полуторатонки, маленькие машинки были, и мама в ноябре на этом стекле ехала в Ленинград. Я помню, как мы остановились в Новгороде. Мы остановились в Новгороде, у них там какие-то дела были, у шоферов, все прочее... «А где центр?» Они говорят: «А это самый центр». А люди выходят из-под земли, землянки. То есть Новгород был абсолютно... Поэтому Новгород ведь, кроме Кремля, там что-то восстановлено в Кремле, весь новострой, абсолютно новострой.

Р. 2: Деревянные дома уже позже построены.

Р. 1: Потому что люди выходили из земли. Из земли люди выходили, причем это был самый центр города. Ну, мы приехали в Ленинград, слава тебе господи. Тетушка жила у подруги Марии Антоновны [тети респондента 1], которая [Мария Антоновна] погибла. Мы в тот дом, поскольку наша квартира была закрыта. Там большая семья. Там было две девочки – Нонна Матвеевна и Ольга Федоровна, две девочки, ну и тетушка, ну и, когда еще была жива, Мария Антоновна. То есть в нашей квартире... это можно было жить только тогда, когда немцы стреляли с Пулковских высот, потому что та квартира выходила на улицу вдоль Московского [проспекта]. Там эти квартиры с эркерами были, они были все снесены, эти эркеры.

Все снесены – шальные снаряды. Там, я помню, еще были, я это застала, что были бревнами заделаны, эркеры были восстановлены. Ведь как погибла Мария Антоновна – она возвращалась с работы, и дали, видимо, отбой. И она: «Ну что я буду стоять на противоположной улице, когда вот дом». И она стала перебегать улицу, и шальным осколком ее убило. Вы можете представить? Пережить блокаду фактически и погибнуть от шального осколка... Это кошмар. Ее хоронила «Балтийская железная дорога». Не в общую яму. Правда, могилу я ее... Тетушка лежала в обмороке, там присутствовала Фекла Васильевна... Но, когда мы приехали, якобы обезножела, ей не хотелось ехать на кладбище. Можете представить? Я вот так чувствую – не хотелось. Потом я, сколько ни бродила, не нашла ее могилу на Волковском кладбище, хотя знаю, что она была похоронена не в общей могиле, а отдельная могила, хоронила «Балтийская дорога». Не могла найти, сколько ни ходила туда. Я неоднократно туда ездила в поисках ее могилы. Нет. Вот такая вот. Она была вообще не Фекла, а Фаина Васильевна...

И.: Родственники, да. Родственные отношения – это особая история...

Р. 1: Нет, это не родственники. Это просто мать Марии Антоновны подруги. Понимаете, Марии Антоновны подруги. Это не родственники, но они всю блокаду прожили в нашей квартире, потому что у них в квартире был разгром, снаряды попали у них на улицу. Они жили в нашей квартире, вот и все, понимаете? То есть это не просто так, они спасались в нашей квартире в блокаду, потому что, если бы они жили в своей квартире, они бы и замерзли, и могли попасть под снаряд. Все. Вот такая благодарность, ну что тут поделаешь... Всякая благодарность бывает. Когда мы приехали в нашу квартиру, там, как вы понимаете, столько времени никто не жил. Я, конечно, ринулась к этажерке с книгами. Все ждали, что я приду с куклами, а я пришла с книгами. Там, в той квартире, меня не поняли. Не поняли, понимаете, не поняли. Ребенок, 11 лет, пришел с книгами, а не с куклами. Ну что за...

Р. 2: Не тот ребенок...

Р. 1: Непонятный ребенок. Вот, как хотите, считайте, не считайте... Такой ребенок.

И.: Ну у меня такой же ребенок.

Р. 1: И этот тоже ребенок такой же, да?

Р. 2: Сейчас бы я уже припасла куклу. Это оттого, что соскучилась.

Р. 1: Мало играла.

Р. 2: Да, недоигралась в куклы.

Р. 1: Куклы вот лежат, между прочим, на шкафу. Или ты их ликвидировала?

Р. 2: Нет.

Р. 1: Вот у нее куклы так ходящие куклы, пищание куклы лежат на шкафу, все. Ну, генетика. Я считаю, что это «буржуазная» наука генетика сказывается.

И.: А обратно в свою квартиру вы вернулись или нет?

Р. 1: Конечно. Мама привела в порядок там все, вычистила, убрала, и мы перешли в квартиру обратно, в пустую. Посуды ноль, мебели ноль. Мама говорила: «А там наши тарелки, там наши чашки...» Но им не пришло в голову вернуть. Что ваше, то мое. Это, понимаете, вспоминаешь «Свадьбу в Малиновке», тот самый вариант. Когда они уходили в свою квартиру, они прихватили все, что можно было, кроме книг. Книги их не интересовали. Остальное все, что можно было, они прихватили, всю посуду. Ну и нам пришлось такие глинобитные чашки покупать и все прочее, все заново, потому что тетушка сказала: «Ради бога, не надо». Не надо так не надо. Будем пользоваться тем, что можно было сразу после войны купить. Вы понимаете, что там можно было после войны купить... Ничего нельзя было купить.

И.: А мама куда устроилась работать?

Р. 1: А мама устроилась работать продавцом, поскольку она в эвакуации работала продавцом, а до войны, с папой, она работала, когда мы приезжали на зимовку в Ленинград, мама работала кладовщиком на фабрике варенья. И это место для нее держалось до середины сентября, когда начинался сезон переработки там, на фабрике, потому что все были уверены в абсолютной честности, понимаете? И это много значит, когда они были уверены, что ничего не будет своровано и прочее, прочее. И поэтому весной, в середине мая, мы уезжали к папе, в середине сентября мы возвращались от папы, вот и все. А мама увольнялась тогда, и потом маму восстанавливали. На это место никто не претендовал, это место было мамино, вот и все. А папа, вот он восстанавливал один завод, инженер-монтажник с политехническим образованием, кончалась работа – он переходил на другой завод. Но за 101-й километр, никуда не денешься, все.

И.: Он дожил до реабилитации после смерти Сталина?

Р. 1: Он в 1942 году погиб, в сентябре 1942 года, когда была какая-то... С нашими высокими командирами, немцы где-то прорвались, в центре, как всегда. У нас же ведь, знаете, с шашкой наголо мы привыкли воевать. Людей не считали – они что? Ну вот и папу... Папа, понимаете, до 1942 года он был на войне. Представляете, что это такое было. Кроме того, у него уже был возраст, потому что в 1942 году, он 1896 года рождения, ему было уже 46 лет. Уже фактически непризывной возраст, но выгребали все.

Р. 2: Там и 50-летних брали уже...

Р. 1: Да. И вот, как говорится, им заткнули дырку. Пулеметчик. Хотя он мог бы быть сапером, он строитель. Рядовой пулеметчик. И нам прислали его документы, воинскую книжку, и прочее, и письма, залитые его кровью. Вот и все. Из госпиталя – он умер в госпитале. Так что вот, такая вот веселенькая эпопея с папой.

И.: А на Заозерной вы до какого времени жили?

Р. 1: На Заозерной я жила до 1963 года, пока не переехала сюда.

Р. 2: А бабушка там жила до семьдесят какого-то года.

Р. 1: Бабушка жила дольше, пока наш дом, точнее, наш этаж, не стали расселять как общежитие, и стали давать квартиры на проспекте Ветеранов. Я жила здесь без прописки.

И.: А это чья квартира?

Р. 1: Это квартира мужа. Родителей мужа, свекра. Вот. Я жила без прописки. Какое это имеет значение? Потому что ходили слухи, что будут расселять и все прочее, и, чтобы маме не оказаться в коммуналке, я оттуда не выписывалась, вот и все. Дали ей квартиру на Ветеранов – правда, на первом этаже, но все равно отдельная квартира была, двухкомнатная квартирка. А я здесь жила, слава тебе господи. Эта квартира нам принадлежит с 1944 года, когда Военно-транспортная академия вернулась из эвакуации.

Р. 2: А до этого жили в соседнем, это было еще до войны?

Р. 1: Нет, мы жили... Извини меня, жили на Васильевском. На Васильевском, дорогая моя.

Р. 2: На Измайловском же они жили...

Р. 1: На Измайловском.

И.: Это родители мужа, да, получается?

Р. 2: Да. Ну, военные, и их, естественно, куда поселят...

Р. 1: Дело в том, что здесь жили курсанты Военно-транспортной академии, а преподаватели и все прочие товарищи, хотя мой свекор был начальником санчасти Военно-транспортной академии, они же были разбросаны по всему городу. Кто-то жил на Васильевском – вот Ирина Ивановна, наша знакомая. Кто-то жил на Манежной площади.

Р. 2: То есть она-то на Васильевском, эта академия...

И.: А там были локальные просто... Отдельные квартиры?

Р. 1: Отдельные квартиры. Наши жили...

Р. 2: Коммуналка была. На Измайловском была коммуналка.

Р. 1: Нет, наши жили не в коммуналке.

Р. 2: Папа говорил, что в коммуналке.

Р. 1: Нет, он ошибается. Не коммуналка, это была такая, ну, понимаешь... Там обстановка была жуткая, потому что там ребятня была, как говорится, из подворотни, и папочке доставалось, со скрипочкой. Папочка со скрипочкой, понимаешь? В этих...

Р. 2: В шортиках.

Р. 1: Ну, не в шортиках, а в таких коротких штанишках, со скрипочкой, в ботиночках таких. А еще иногда, там было не достать, туфельках...

И.: То есть его отец был единственный такой, состоятельный человек, который там был?

Р. 1: Нет, понимаете, даже, может быть, не единственный, но ребятня там была самая что ни на есть шпанистая из подворотни. Угол Фонтанки и Измайловского.

Р. 2: Это там, где «Микробит»?

Р. 1: Да, вот там. Вход был со двора.

И.: Ну да. Там такого казарменного типа дома.

Р. 1: Да, это казармы Измайловского полка. И там на пятом этаже была у них квартира. И слава богу, что на пятом этаже. И они, когда уезжали, они просто доской дверь заколотили, и сохранилось вот, туалетный стол и этот шкаф. Нет, правда, там диван еще, это уже все ликвидировано, а из той квартиры сохранились эти две вещи.

И.: Они просто дали что-то другое, да, вместо этой квартиры, получается?

Р. 1: Когда академия вернулась, она курсантов здесь не поселила, тогда же было полно в доме свободных помещений. Курсантов в другое место, а преподавателей и все прочее, служащих поселили в этом корпусе. Вот в этом корпусе, в соседнем.

Р. 2: Но там был первый этаж, и дедушка попросил, чтобы сюда, получше, что ли...

Р. 1: Получше, да. Их переселили в эту квартиру, и с тех пор мы так, вот тут я обитаю, в этой квартире.

Р. 2: Во дворе этого дома, отсюда отправлялись дети этой Военно-транспортной академии. И папа помнил, что в этом дворе, который сейчас застроен, – и сад, и еще какая-то площадка – и там был сборный пункт детей этих сотрудников, и их всех отправляли вместе.

Р. 1: Отправляли на барже. На барже, вот так, на барже плыли.

Р. 2: Потому что родители-то были военные, поэтому, конечно, никуда выехать не могли, а бабушек, дедушек не было уже, умирали все. Нет, Иван Павлович в войну умер, Иван Павлович – это был дедушка [мужа респондента 1].

Р. 1: Ирин отец?

Р. 2: Нет, нет, нет. Иван Павлович.

Р. 1: А, Иван Павлович умер, да, только.

Р. 2: Он в очереди за хлебом, простудился и умер.

Р. 1: Да, он в Городце был.

Р. 2: Не здесь был, да. У всех здесь практически не было...

Р. 1: Ну, на самом деле, большинство тут спасенных [детей].

Р. 2: Да.

Р. 1: Нет, он сначала в [эвакуации] в Городце был, а потом Ибрагим Акимович [отец] перевел к себе в Калугу [где был военный госпиталь].

Р. 2: Да, это уже где-то в середине войны, он там госпиталем заведовал.

Р. 1: Да, детей все-таки начали собирать под крыло родителей, потому что много оказалось родителей, жен военных академических, и туда всех свезли.

И.: А вы в каком году замуж вышли?

Р. 1: В 1963-м.

И.: И сюда и переехали?

Р. 1: Сюда без прописки переехала. Тут еще было более-менее лояльно, то есть не обязательно было, куда переехала, туда прописываться.

Р. 2: Естественно, но боялись уплотнения, очень боялись уплотнения. Дедушка же умер, папин отец, в 1947 году, сразу после войны. То есть он служил в поликлинике академии, практически дома и не жил, на работе практически он жил.

Р. 1: Он пришел на рабочее место – и все...

И.: Остались, получается, папа и его мама?

Р. 2: Да.

Р. 1: Но папа был в армии.

И.: И она осталась одна?

Р. 2: Да. И были страшные страхи, я помню даже еще, это уже были 1980-е, ужасно боялись уплотнения.

И.: Здесь трехкомнатная квартира?

Р. 1: Да.

Р. 2: И это был такой дьявольский страх, причем из-за такого страха наша, ну, папина, подруга, тоже дочка генерала... И они жили в огромной квартире...

Р. 1: В генеральском корпусе.

Р. 2: Да. И когда генерал умер...

Р. 1: Но он умер в войну.

Р. 2: И они вдвоем остались с мамой в этой огромной квартире. И, короче говоря, они переехали просто потому, что...

Р. 1: Да, так что это уплотнение... И причем, как только умер Ибрагим Акимович, еще и сняли тут же телефон, ему по должности полагался телефон, тут же сняли. Но свекровь у меня была такая энергичная дама, она была тоже врачом, и врачом-рентгенологом очень высокого класса... Она пошла в военную комендатуру, не стала тут ходить по этим маломеркам, пошла туда. Сказали «Что?», сняли трубку, и тут же эти товарищи, которые снимали телефон, понесли его обратно. Тут еще и у нас попытались снять телефон и уплотнить. И наш папочка, он складывал лапки, пугался. Я ему сказала: «Иди-ка ты в военную комендатуру, к военным юристам». Потому что гражданские сказали: «Нет, у вас никаких прав нет».

И.: А у отца звание было какое-то?

Р. 1: Да, подполковник. Ну вот... «Иди в военную комендатуру, ты что!» Вот он... Я его пинками туда отправила. А там сказали: «Не пускайте на порог, не имеют никакого права. Вы наследник, и никакому уплотнению и прочему ваша квартира не подлежит. Гоните всех». Вот и все.

И.: А кто ваш муж был по образованию и профессии?

Р. 1: По профессии инженер-механик. Арматурщик он.

Р. 2: На военных заводах занимался запирающими всякими клапанами, ракетами...

Р. 1: Ракеты. В общем, арматура ракет, плавающие или земные, это не имеет значения. Причем непьющий.

Р. 2: Это тоже важно.

Р. 1: В нашей стране это было редкостное явление.

Р. 2: По полгода сидел на приемке, потому что некого было послать.

Р. 1: И причем было так, что он был в одном месте в командировке, а вот в Капустин Яр, такое место, может быть, вы слышали, прислали их одного товарища. Там снимают трубку и говорят: «Забирайте свое имущество и давайте нам этого товарища. А он, нас не касается, где он и что он, но чтобы был здесь». Там с кривыми физиономиями, у них в отделе, его снимают с одного объекта и посылают в Капустин Яр. А что делать? Со старшими товарищами не поспоришь.

Р. 2.: А если вернуться назад, в какие годы, папа рассказывал, что когда он был подростком, папа уже умер, соответственно, значит ему уже было лет 18, и он, естественно, гулял, выпивал. А вокруг дома были ворота, которые запирались. Это какие годы были? 1940-е – начало 1950-х?

Р. 1: Нет, это были... Будку я еще застала – правда, уже без дворника.

Р. 2: Дворник, наверное, в 1950-х был, потому что моя мама тоже про дворника рассказывала.

Р. 1: Одни ворота запирались, были только наши ворота, у которых стояла будка с дворником. Наш папочка через эту ограду сигал, и все в порядке.

Р. 2: Да, и дворники же в основном жили в этом же доме.

Р. 1: И причем дворники приходили: «А мы Жорика вашего не пустили».

Р. 2: Жорик уже дома.

Р. 1: Жорик мирно спит дома. Марья Ивановна смотрит и ничего не может понять. Чадо дома, а он его не пустил, она не знает.

И.: А такой вопрос... Здесь, получается, такой закрытый двор – в принципе, дом составляет двор. Какие-то взаимоотношения во дворе с соседями?

Р. 1: Во дворе ребята играли в волейбол все дружно.

Р. 2: Все друг друга знали, потому что долгое время это все было ведомственное жилье одной и той же академии...

И.: Да, я к этому и веду.

Р. 2: Все мужчины были сослуживцами, и были их жены с детьми. Это порождало большие сложности, потому что я еще помню, я уже в школе училась, а все еще перед всеми подъездами стояли лавочки, скамеечки, и на них сидели старушки.

Р. 1: Прожектористки.

И.: Бывшие, наверное, жены...

Р. 1: Прожектористками мы их звали.

Р. 2: Папа их называл прожектористками, потому что они все про всех знали. Контролировали, кто куда пошел, кто во сколько вернулся.

Р. 1: С кем, особенно с кем.

Р. 2: Естественно. Был полный контроль, и, естественно, они всех знали. И это была такая форма действительно, можно сказать, социального контроля.

Р. 1: Да, контроль.

Р. 2: Во дворе гуляла. Но во дворе, например, когда я была маленькой, это были в основном... учились все в той школе, которая рядом. А я училась в другой школе, и поэтому у меня было меньше контактов во дворе.

Р. 1: Ты во дворе практически и не бывала.

Р. 2: Ну, гуляла, почему. Детей я не знала, потому что это было уже следующее... Был большой временной разрыв. Я по возрасту...

Р. 1: Да и по возрасту... Ты не знала их.

И.: Ну да, поздний ребенок.

Р. 2: У нас поздний ребенок папа был и я. И соответственно, мои ровесники – это были уже внуки тех, которые многие уже умерли.

Р. 1: Нет, ну и потом, ты всегда, с бабушкой или со мной когда, в Таврический сад, а не во двор. Ну, ты во дворе на велосипеде каталась. Ты не дворовый ребенок.

Р. 2: Короче говоря, уже контроль к этому времени подослаб. Стало умирать старшее поколение, которое еще этим занималось. А следующее поколение уже такие связи не поддерживает.

И.: Слушайте, а помимо контроля, были какие-то праздники, мероприятия? Такое было?

Р. 1: Это было. До войны ведь клуб академии был, и после войны сразу, в музее Суворова. Это же музей Суворова ликвидировали [в то время], вы понимаете... Поэтому два здания, есть такие здания, там было... в одном должна быть столовая, а в другом прачечная.

И.: По принципу коммуны такой?

Р. 1: Да. Но столовой, как я понимаю, так и нет, и прачечной то же самое, ликвидирована была. Но самое-то главное, что музей был ликвидирован. Понимаете, музей ликвидирован был клубом.

И.: А в клубе что-то происходило, да?

Р. 1: А я не знаю. Понимаете, к этому муж не имел никакого отношения, у ребят была своя компания.

Р. 2: Он по полгода в командировках сидел, ему было не до клуба.

Р. 1: Нет, но даже когда он и не... Это было все до меня. Клуб долго существовал. Музей все-таки отвоевал свое здание и вернулся. Потому что это идиотизм – вместо музея какой-то клуб. Клуб у нас был вот, квартира большая у нашего корпуса.

Р. 2: На первом этаже.

Р. 1: На первом этаже. Вот там он располагался.

И.: Там лекции какие-нибудь, мероприятия были?

Р. 1.: Какие-нибудь были, но нас не касались. Мы туда ни ногой.

Р. 2: Даже для бабушки это было чересчур, даже она туда не ходила?

Р. 1: Нет, это не наше, это нас не касалось. Нас не интересовали эти мероприятия, все это. Там собирались... Мы даже мимо этих наших, сидящих, как воробы, на скамейках теток, и то вот так, мимо прошмыгивали... Только если за хвост как-нибудь схватят, и все.

Р. 2: Ну да, они тогда сразу разговаривать начинали подолгу...

Р. 1: Спрашивать...

Р. 2: Какая-то самоорганизация, порой удачная, порой неудачная, началась только в 1990-е, как это ни странно. Люди были в советское время, пока я росла, предельно разобщенные. А потом появилась попытка, во-первых, застроить эту территорию.

Р. 1: Тоже отстояли.

Р. 2: Причем организаторами выступили жильцы основного, генеральского корпуса, потому что машины, они понимали, они хотели паркинг. Таврическая же улица была вся в этих... Она была самая престижная на тот момент.

Р. 1: И сейчас, мне кажется.

Р. 2: Сейчас есть и другие места, а тогда это была самая... И у всех были, естественно, машины, которым мест не хватало на улице. И они, естественно, искали, где парковаться. И вот такой двор, замечательно. И люди, которые жили в генеральском корпусе, один из них был «Аксель Моторс» каким-то совладельцем. И вот они говорили: «Смотрите, как нашему двору будет замечательно». И поскольку своих машин тогда у людей еще мало было в нашем доме, то все... Сейчас не знаю как, а тогда все дружно сказали: «Нет, тут у нас детский сад.

Будут чужие машины ездить, наших детей давить», и так далее. Так что это первая попытка.

Р. 1: Нет, и потом еще тут геология. Дело в том, что это болото. Эта детская площадка, там болото.

Р. 2: Там еще в 1950-х проступала вода.

Р. 1: Да. Дело в том, что это же плацы Преображенского полка.

Р. 2: Она не застраивалась не случайно, конечно. Чуковский еще писал, что эта подземная река, она подступала к поверхности...

Р. 1: Она под нами.

Р. 2: Она от Литейного, там то же что-то. Потому что там, где Преображенская площадь, где финское консульство, там, когда как раз его начали строить, сносили для этого старые конюшни, то как раз тоже пророчили, что не получится, потому что там эта речка течет подземная как раз, под этим местом. Я не очень понимаю, откуда она, чуть ли не от Фонтанки текла. Но, в общем, она в этих районах протекает. Вот, у Чуковского в мемуарах есть, что какая-то речка проступила. А он, кстати, жил...

Р. 1: Где-то здесь. Не соседний, а через дом. У нас же район фактически здесь Пески, район так называется.

Р. 2: Пески – это уже Советские.

Р. 1: Советские – это не Пески. А вот Тульская – это Пески.

И.: А ваш подъезд? Какие-то взаимодействия в самом подъезде? Вы более-менее друг друга знаете? Я так поняла, что у вас по две квартиры на одном этаже, да, всего лишь?

Р. 1: Да.

И.: То есть это вообще такой тесный уголок получается.

Р. 2: Долгое время у нас здесь были потомки сослуживцев.

Р. 1: Коммуналки.

Р. 2: Коммуналки, может, немножко. Ну да, потому что там на одну комнату больше, на той стороне, четыре. И поэтому там...

Р. 1: Раньше я застала, кроме первого этажа, там везде были коммуналки.

Р. 2: Но потом они...

И.: Несмотря на то, что военные, да?

Р. 2: Да, но в большинстве все равно были потомки этих военных, и поэтому какие-то знакомые все были между собой. Сейчас, конечно, уже осталось только две квартиры. Наша и еще две, где потомки этих военных.

Р. 1: Три. Аня, мы и Лена.

И.: А остальные все новые жильцы?

Р. 1: Новые, да.

Р. 2: Новые жильцы. И у них был, как раз с новыми жильцами у нас появились, у нас богатые люди купили, и с нашей лестницы... Тот ремонт, который ты видела, сейчас уже, конечно, облупился, сделан был в 1990-е. Когда самый такой был год... Но там были банкиры, строители, они за свой счет это сделали. С нас ничего. Они так сделали – они, кто мог, скинулись на этот ремонт, а с нас ничего не брали, потому что понимали, что брать с нас нечего. И еще там было несколько квартир, с которых тоже понимали, что взять нечего. И они дверь нам как-то однажды...

Р. 1: Меняли двери.

Р. 2: И они стеснялись нашей двери. Она была дерматином обита. И тут какие-то звуки громкие, понятно, что ремонт идет, все слышно, но какие-то совсем громкие. Я так испугалась. Потому что дверь сняли...

Р. 1: Нет, дверь не сняли. Они сняли дерматин и сделали вот эту вагонку, потому что основа двери осталась.

Р. 2: Нет, они с петель все равно снимали дверь, чтобы набить эту вагонку.

Р. 1: Ну да.

Р. 2: Чтобы не компрометировать...

Р. 1: Чтобы не портила интерьер.

И.: Понимаю. У нас так сейчас на даче. У соседей необшитый дом, а буквально в окно – зеленый забор, а за ним прекрасный коттеджный поселок, конечным бенефициаром которого является товарищ Сердюков. Но поскольку его тесть, который Громов, или кто он... Зубков, да... Он бывший председатель Приозерского КПСС, ЦК КПСС... Они себе прихватили через пятые руки эту территорию вдоль Суходольского озера и тоже говорят соседям, что нам вид вашего дома не нравится, он нарушает... Соседи говорят: «Обшивайте, проблема-то какая? Обшили – и все хорошо».

Р. 2: Ну, мы не просили. Нас просто обшили. Сейчас у нас не осуществляет наша родная коммунальная служба, наша управляющая компания никакой уборки, соседи все скидываются.

И.: А там так же остались буржуинчики?

Р. 2: Сейчас уже там потомки. Они, как выясняется, квартиры покупали для того, чтобы потом детей туда поселить. То есть у них было несколько квартир. И это у них был такой скромный вариант – ребеночек подрастает, родители съезжают, ребеночка здесь оставляют. Потом дети женятся, заводят семью... И сейчас эти дети уже, у них свои семьи, и так далее...

И.: А дети владеют тем же бизнесом?

Р. 2: Значит, бизнес... Тут самый богатый съехал, и они сейчас сдают эту квартиру, потому что я не знаю...

Р. 1: Нет, Маша, мне кажется, куплена уже эта квартира.

Р. 2: По-моему, они ее снимают.

Р. 1: Снимают, да?

Р. 2: Да, снимают, потому что он... Я не думаю, что он потерял свой бизнес, потому что он был каким-то... с КГБ... Вряд ли он потерял бы все.

Р. 1: Ну, главное, тихо.

Р. 2: Еще одни соседи... Я не знаю, сохранили ли они прежний, но точно совершенно у них какой-то бизнес есть, у детей уже. Я не знаю, то ли они унаследовали или собственный.

И.: Но, по крайней мере, деньгами они владеют, чтобы скидываться. А с вас они так же ничего не спрашивают, если у них что-то?

Р. 2: На уборку мы, естественно, сдаем. У нас есть... Не скажу, что кооперация, но какое-то взаимодействие по практическим вопросам: камеру установить, уборка.

И.: Это все за свой счет?

Р. 2: Да, и все это как-то совместно, телефоны есть.

И.: А эти цветочки, которые стоят?

Р. 1: Просто сами выставляем.

И.: А поливает кто?

Р. 1: Мы поливаем.

Р. 2: Мы поливаем. У нас ответственность за две лестничные площадки – за нашу и еще ниже тоже. Мы туда набираем водичку, ну а поливают как-то...

Р. 1: Кто-то поливает. Ну, слава богу, цветы растут.

Р. 2: Да, цветы выставили сами, и на двух верхних площадках тоже выставили сами цветы, а на этих двух не стали.

И.: Понятно.

Р. 1: Да, потому что у нас тут одно время была такая коммуналка милая, веселая, которая сначала ходила и просила папироску... У нас не курят. Потом трешечку... У нас нет.

Р. 2: Это кошмар был. Классическим образом десятку пытались стрелять. Это сейчас вот. Буквально просили десятку... Они год назад только съехали. Расселили их.

Р. 1: Все, расселили эту коммуналку.

Р. 2: Да, но это было буквально год назад, а до этого была такая колоритная.

Р. 1: Да, веселенькая. Или потом, поскольку у нас был домофон, а этим не давали код от домофона, они с трудом кричали в окно, что откройте.

И.: А коммуналка оказалась тоже из бывших, потомков бывших работников?

Р. 1: Нет, это были... Эта коммуналка, были там уборщицы, милиционеры, вот такой вот...

И.: В общем, не относящиеся к первоначальному?

Р. 1: Да. А потом их кто-то расселил. Все, уже теперь там сдают. Но вы понимаете, что в нашем доме снять квартиру недешево.

Р. 2: Сейчас же эти корпуса четко сегрегированы. Вот корпус генеральский, тот корпус, который параллельно Таврической, он смешанный – там есть квартиры огромные, и по 120 метров, и больше, а есть обычные, маленькие. И он теперь «корпус тещи». Там покупали жильцы Таврической улицы, Кавалергардской, они там квартирки покупали маленькие либо для детей, либо бабушкам. А в больших квартирах жили уже действительно богатые люди, так что там какие-то смешанные. Тот корпус, который справа от нас, не считая этой, ее позднее достроили, хрущевки, он такой, скажем, лейтенантский был корпус, там квартирки поменьше.

Р. 1: Современные, хрущевки там.

Р. 2: Нет, хрущевка уже позднее построена, вот этот корпус от них хрущевский...

Р. 1: Ну, не хрущевка, но почти.

И.: А у вас какой корпус?

Р. 2: А у нас майорский, скажем, корпус, он чуть получше. Не фонтан, но чуть получше.

И.: А это деление изначально создавалось?

Р. 2: Конечно, это было, когда строили. Потому что квартиры генеральские – там высокие потолки, там огромные прихожие, ванны огромные, там подсобные помещения очень большие, кухни огромные. Комнаты для прислуги прямо с кухни, поэтому из кухни вход в комнату, там были комнаты прислуги. Ванные колоссальных размеров, кухни, коридоры, и все это метров 140, что-то такое. А в корпусе, который был на Таврической, там квартиры и маленькие, и большие. Большие – в основном генеральские. Они чуть поменьше, то есть комнаты тоже большие, но чуть поменьше.

Р. 1: И там есть для прислуги вход.

Р. 2: Комнаты для прислуги тоже там были.

И.: И весь дом, я так понимаю, был изначально с водой, с ванными, с туалетами?

Р. 1: Горячей воды не было.

И.: Печки были?

Р. 1: Печки были, да. Горячую воду провели относительно недавно, в 1960-е.

И.: А ванные?

Р. 1: Были. Ванные были, и дровяные печки в ванных были, водогреи.

Р. 2: А батареи поставили в 1970-х – в 1971-м.

Р. 1: Сменили...

И.: А если были дровяные печки, то дрова где хранились?

Р. 1: В подвале.

И.: У каждого был свой какой-то уголок?

Р. 1: Ага.

И.: А добывали эти дрова как?

Р. 1: А это кто как может.

Р. 2: А ты как добывала дрова?

Р. 1: Я никак не добывала, это папочка добывал. А потом мы договаривались и покупали. Папочка с кем-то там у них на заводе договаривался и покупал.

И.: А высокопоставленным, наверное, поставляли отдельно, выделенным дровяным каналом?

Р. 2: Наверное.

Р. 1: Я не знаю даже, я как-то и не интересовалась.

И.: А потом печки просто централизованно убрали?

Р. 1: Когда провели горячую воду, их просто разобрали, и все. Перевернули ванны, во-первых, – стояли иначе ванны. Перевернули ванны и поставили стиральные машины.

И.: А если трехкомнатная квартира, то печки хватало, чтобы отопить всю квартиру?

Р. 1: Нет, центральное отопление было, это только для ванны печки были, они грели воду. А так центральное отопление было с самого начала. И плиты у нас были дровяные, на кухне были дровяные плиты. Да, полкухни занимали дровяные плиты. Газовых плит не было, а были дровяные плиты. Я помню, как мы их ломали и выносили кирпичи и потом все это заделывали, заштукатуривали. Я это помню, это при мне было все.

И.: Понятно. А вообще, в каком году это они все стали строить организовано?

Р. 2: Строительство с 1936 года...

Р. 1: Нет.

Р. 2: С 1934-го?

Р. 1: Нет, с 1933–1936-го, наверное. А корпус – 1934-го, мой ровесник.

И.: Сталинская постройка.

Р. 2: Ну, он не сталинка, в сущности. Но время, да...

Р. 1: Он строился для Военно-политической академии имени товарища Кагановича, а потом они поменялись, махнулись. Военно-транспортная была в Москве, а Военно-политическая здесь, и они махнулись. Так что это было для Военно-политической академии имени товарища Кагановича.

И.: А вы... А, ну, вы в 1963-м, но, может быть, что-то слышали от мужа... Помимо дворника была какая-то система охраны, пропусков?

Р. 1: Нет.

И.: То есть это был свободный двор? Ничем не контролировали?

Р. 1: Нет. Здесь молодежь сигала через ограду. И потом еще были такие – раздвигали эти прутья металлические в ограде и пролезали. Я не могла через ограду сигануть, я пролезала в щель.

Р. 2: Да, это я тоже застала, что забор еще был везде и нужно было, чтобы не обходить вокруг дома...

Р. 1: Да, особенно когда шел с остановки или на остановку на Кирочную, это в щель, и все.

Р. 2: Еще была загадочная история. У нас первый корпус, который к нам достроили, пристроили кусочек, он уже построен где-то в начале 2000-х, и тоже была большая борьба, чтобы его не строить. Но когда его начали строить, и вдруг под землей обнаружили каменную комнату, в которую не было входа. Толстенные совершенно камни были, кирпичи в несколько слоев. Входа в нее не было. И что это было, зачем? Ни в каких документах, нигде она совершенно не значилась, была совершенно пустая внутри, ничего там не было, если что-то и было, то явно давно. Ни в каких документах ее не было. Что это было?

Р. 1: А может быть, знаешь что... Над ней же была помойка.

Р. 2: Над ней была помойка. Не совсем над ней, помойка была рядом.

Р. 1: Над ней, над ней. Прямо над ней. Над ней была помойка. И может быть, что это рядом со Смольным. Может быть, что вход сверху был замурован, заделан, когда снялась блокада и все прочее. Может быть, это было какое-то убежище для кого-то. Мы же не знаем.

Р. 2: Маловата она была для убежища-то. Человека два-три могло поместиться.

Р. 1: Ну и что?

И.: Генеральный секретарь, да?

Р. 1: С адъютантом.

И.: Да, и достаточно. А жена, знаешь, вещь переходящая...

Р. 1: Нет, ну жена где-нибудь далеко.

Р. 2: Нет, если тесно, то могло и больше людей туда поместиться, ну вот как в комнате...

Р. 1: Нет, там метров восемь, наверное, было.

Р. 2: Нет, побольше. Ну, не важно. Но это было очень странно.

Р. 1: Но я думаю, что это было... Вход сверху... А потом, когда кончилась война, это все замуровали, и никаких следов, и устроили помойку над этим местом.

Р. 2: Может быть, это что-то было военное, но следов, во всяком случае в гражданских документах, нет. Если засекречено так, что...

Р. 1: Да. Причем когда долбили эти камни, наш корпус сотрясся.

Р. 2: То есть они были сделаны сильно, на совесть. Чувствуется, что это что-то... Не для хранения дров точно.

Р. 1: Потому что тут чай, когда это долбили, причем долбили больше недели эту кладку, и когда чай на кухне, нужно было много не доливать до краев, потому что вот так...

Р. 2: Да, в том корпусе сносили... Ну и в нашем корпусе на первом этаже, и в том на первом этаже...

Р. 1: Это у вас...

Р. 2: Так нет... Полы просто пошли вот так...

Р. 1: И ставили маячки.

Р. 2: Полы просто вздыбились, они были объявлены аварийными, на первом этаже в квартире ванную просто закрыли, пользоваться ею нельзя было, потому что могло прорвать, и все такое. А людей с той стороны, из второго корпуса, просто выселили.

И.: Скажите, пожалуйста, а поскольку при советской власти дом получался элитный в каком-то смысле, какие-то были взаимоотношения с соседними домами? В основном же коммуналки, так или иначе, по всему Питеру...

Р. 1: Поскольку ребятня вся с Суворовского и с Таврической была в коммуналах...

И.: Да, я и имею в виду...

Р. 1.: Ребятня приходила играть на нашу площадку, у нас здесь была еще спортплощадка.

И.: Спокойно пускали, не было никаких проблем?

Р. 1: Нет. И эта площадка, которая и сейчас, до сих пор там детская площадка. Спортплощадку занял детский сад, там свои эти... аттракционы... Сюда приходили играть ребята в волейбол спокойно. И тут же, мне кажется, турники стояли.

Р. 2: С собаками гуляли, то есть совершенно спокойно, не было такого...

И.: И такого не было, что это наша территория, вы там все, горожане...

Р. 1: Нет.

Р. 2: Каких-то дворовых делений не было совсем. Там же ни у кого нет дворов.

И.: Ну да, там колодцы, собственно говоря.

Р. 2: Там колодцы, да. Поэтому это было совершенно естественно.

Р. 1: И у нас тут такой гам стоял, гул стоял, крик стоял.

Р. 2: Здесь детей было очень много, все эти пространства были заполнены детьми. И ясли были, дети на прогулку ходили, и дети постарше, все это было вперемешку.

Р. 1: Одни же ясли во дворе закрылись.

Р. 2: Сейчас это здание, которое вы проходили, это уже новое здание, старое снесли.

И.: Что это?

Р. 2: Детский сад.

И.: Вот это детский сад!

Р. 2: Есть версия, что там не все занято под детский сад, уж больно для него это роскошно. Обещали, что построят такой же, только новенький, но построили на этаж повыше, и выяснилось, что этот этаж этажом не считается, потому что это техническое помещение, а не этаж.

Р. 1: А там еще подвальные помещения, технические.

Р. 2: Подвальные... Там якобы бассейн построили для детей....

И.: Может, там, конечно, дети и плавают, но редко...

Р. 1: Может, и постоянно плавают...

Р. 2: Но в детский сад этот было точно не попасть. У меня в него не удалось ребенка...

Р. 1: Даже ее в этот детский сад...

Р. 2: Меня не взяли туда.

Р. 1: Нет. Когда я пришла с наивными глазами, мне сказали: «Что?» Я говорю: «А как же, у меня под окнами детсад». – «Нет, пошли прочь».

И.: То есть, кому он принадлежал, и тогда тоже неизвестно было?

Р. 2: Это был обычный городской детский сад. А на углу были ясли, но потом их, естественно, оттуда выселили, потому что квартиры стало продавать интереснее. Но было много детей, и крик был детский, то есть детей всегда было очень много. И сад, и ясли, и дети постарше. И был момент тоже в 1990-е, ближе к концу, спало такое...

Р. 1: И стали рестораны строить. Ресторан хотели строить.

Р. 2: Хотели. Было такое. Но, когда спало такое напряжение, озеленять начали. Сейчас этим занимаются специально обученные люди, а начали обычные жильцы первых этажей, иногда не только первых, озеленять эти палисаднички. Причем сначала это было совсем что-то убогое, просто они там вырывали сорняки, какие-то кустики сажали, цветочки робкие, обвязывали веревочками, какие-то пенечки украшали чем-то. Это была точно совершенно инициатива жильцов первых этажей. И они могли там, вот утром идешь на работу – и они там копаются; вечером придешь с работы – они там копаются. Копаются по-прежнему. Это была

тяга... Они ни у кого не спрашивали, естественно, разрешения. Сейчас это делается более профессионально, но это началось как низовая инициатива.

И.: А кто сейчас делает?

Р. 2: Сейчас муниципалитет. Но, как я понимаю, тоже есть свои особенности, потому что не каждый палисадник так они обихаживают. Там явно что-то зависит и от жильцов.

И.: А когда дом перестал быть ведомственным? Это на твоей памяти уже было?

Р. 1: Нет, до нее.

Р. 2: Академия же как-то...

Р. 1: Передала городу. Это ей обуза, понимаете, академии, зачем это ей? А дом передали, когда там стали проводить горячую воду. Это, наверное... А, 1967-й, точно. Марию Ивановну мы отправили на дачу. Чтобы она в этой грязи не присутствовала, мы ее отправили на дачу. Это вот тогда стали проводить горячую воду. Значит, тогда передали городу, и городу стало позором, что в таком доме, извините, нет горячей воды. Кругом в домах есть горячая вода, а у нас нет. Это 1967 год, тогда мы Марию Ивановну отправили.

И.: Хорошо. А еще я не спросила у вас о вашем образовании, кто вы по специальности и где вы работали?

Р. 1: Образование высшее.

И.: А что вы оканчивали?

Р. 1: Инженерно-экономический институт. Сейчас он ИНЖЭКОН, но факультет мой сейчас в Политехе.

И.: А как назывался?

Р. 1: Энергетический факультет. А сейчас ИНЖЭКОН, там как-то...

И.: Да, они соединились с Финэком, со всем на свете.

Р. 1: Да, тогда мы находились на улице... угол Марата и Кузнечного. У нас был энергетический, химический, материально-технического снабжения... Три или четыре факультета у нас было. Мы там помещались, это здание какой-то привилегированной гимназии было. И с другой стороны Кузнечного был Торговый институт. Там можно было перейти, там какие-то хлипкие двери стояли, можно было, но нас как-то не привлекали они, и мы их не привлекали. Но я должна сказать, что у нас был изумительный преподавательский состав.

И.: Вас учили на экономистов или на энергетиков?

Р. 1: Экономистов-энергетиков. У нас был изумительный преподавательский состав.

Р. 2: Но маму еще не хотели брать, это же 1953 год.

Р. 1: Да, папочка.

Р. 2: Дочь врага народа – не важно, что он погиб на фронте.

Р. 1: Но, слава богу, был директор, тогда были не ректоры, а директора. Я пришла с документами – правда, не на энергетический факультет, а на материально-технического снабжения. Там дама, потом я увидела, что это была секретарь нашего факультета, она вышла за мной следом и сказала: «Пойдите к директору, он сейчас на месте». И я с чистыми глазами пошла к директору и сказала – вот так и так... Он снял трубку и сказал: «Принять документы». Но он недолго был, он ушел в обком партии. Он был членом обкома партии, понимаете. Он дал команду принять мои документы. Как директор сказал принять документы, так, конечно, приемная комиссия сделала лапки.

Р. 2: Это как Гишинский [Яков Ильич] рассказывал, та же самая история. Тоже не хотели принимать документы, позвонил и сказал...

Р. 1: А у меня папа... И все... Несмотря на то, что он погиб на фронте. Если бы, я понимаю, он еще бы сидел на Колыме...

Р. 2: Вообще бы не взяли.

Р. 1: Да. А тут он погиб на фронте, и он был ссыльный. Понимаете, он был не каторжанином, он был ссыльным, просто на 101-м километре, и все.

И.: А когда окончили, где работали?

Р. 1: А я окончила очень удачно, спасибо маме, которую сначала ругала... Я в школе в эвакуации училась в пятом классе, а когда мы приехали сюда, здесь с четвертого класса французский язык, в нашей школе. Мама сказала: «А зачем мучить ребенка, иди-ка ты... – это в ноябре уже было, – иди-ка ты на класс меньше». И я пошла на класс меньше – что я могла маме сказать? Вот так. Но у меня французский язык преподавал человек, который учился в Сорбонне. И поэтому все эти французские факультеты нашего герценовского и прочих педагогических институтов паслись у нас в школе, на уроках Аллы Васильевны Воздвиженской. Это было... Мы всегда могли с нее брать только пример. Это всегда была хорошо причесанная дама, всегда у нее было жабо с камеей, юбочка, все просто прекрасно. Это был эталон. Тогда же ведь, после войны, вы представляете, как мы были... И наряду с тем, что у нас преподавали рабфаковки... Это было нечто, рабфаковки, это было страшное, когда мел под стол, остатки мела летели на последний ряд, парты. Или, извините, я пишу сочинение по «Тарасу Бульбе» и пишу «ятаган», а мне она, учительница русского языка, исправляет на «атаган». Я ничтоже сумняшея притаскиваю Гоголя и показываю, что написано «ятаган». Она: «Это неправильно». У нас было такое сочетание. И благодаря тому, что я оказалась на год младше... Значит, мы кончаем институт, я должна идти в «Ленэнерго», там у меня уже есть стол, я пишу диплом в «Ленэнерго»... А со мной вместе училась дочь начальника Сбербанка Ленинграда Галя, нормальный человек абсолютно. У нас

были на факультете и дочери Героев Советского Союза, и все прочее, но никаких таких выкрутасов, что кто я, а кто вы, этого не было. Это я должна сказать, что в нашей группе ничего не было такого. Причем учился у нас такой обалдуй, Володька Зигель, сын главного диспетчера «Ленэнерго», понимаете? Но никаких закидочков, что он такой вот, у него такой папа, – этого у нас не было. И о Галке, что у нее такой папа и мама имела тоже высокую должность, мы даже не подозревали. Но, когда распределение, я спокойно сижу ничтоже сумняшеся, и мне говорят: «А на это место в “Ленэнерго” идет Маслакова». Мой руководитель диплома, начальник отдела... Ну что, против управляющего пойти? Извините, не пойдет. Он там сидит, пригорюнившись... Я попыталась на Адмиралтейский завод в проектное бюро, у них был технический отдел, потому что теплотехнику прекрасно преподавали и я могла спокойно там работать. Я такая грустная, но договорились, что мне пришлют запрос. Я спокойно сижу, жду распределения, все. Выходит секретарша, говорит: «А где запрос на тебя?» – «А что, не прислали?» – «Нет». У меня вытягивается физиономия, у нее тоже. Она машет рукой, идем в кабинет, садимся, рассуждаем, что делать. А я вторая по списку выпускников. Первый – ленинский стипендиат, потом я иду, между прочим. Что делать? Она говорит: «Знаешь что, ко мне приходил один товарищ, которому нужны кадры нашего факультета. Он отказался взять Никифорову, – мою приятельницу, между прочим, – но ему еще нужен один кадр». Надо как-то с ним связаться, и все прочее. Я в расстроенных чувствах ползу в «Ленэнерго» к своему руководителю и говорю: «Вот так, такая история». Он говорит: «Ага, ладно» – набирает номер Клавы, это моя деканша... Оказывается, его жена училась вместе с Клавой. То есть это...

И.: Все друг друга знают...

Р. 1: Прекрасно знают... «Кто там у тебя был, кому нужен кадр?» Она называет. Он поворачивается ко мне, говорит: «Ты устроена». Я смотрю вот так... «Слушай, – говорит, – когда он появится, пусть он мне позвонит». Через некоторое время этот товарищ появляется... «Лёва, слушай, возьми мою девочку». – «Ты же, – говорит, – хотел ее взять, мне же Клава сказала». Он говорит: «Да». Ну вот. Он говорит: «Ты устроена, все, иди». Это мы только защитили диплом в числе первых, там еще три недели каникул. Прихожу, там еще наши, как раз Галя Маслакова. Ну и говорит: «Я тебе отдам Маслакову, ты возьмешь мою». Все, пришли. Нам говорят: «Идите оформляйте в институт документы». Еще выпускного не было, у нас еще диплома на руках нет. Ну, там нас была четверка, мы приползаем. Дождь был проливной. Тогда еще не достроено наше роскошное здание на Суворовском, между прочим. Не знаю, вы, наверное, проезжали?

Р. 2: Суворовский, 16. Папа смеялся, что мама вышла за него замуж, чтобы поближе ходить на работу.

Р. 1: Да, удобно, пешком можно ходить. Значит, приходим мокрые к директору, он смотрит на нас: «Какие вы зеленые! От вас лужи текут. Ну ладно, идите в отдел кадров, оформляйте документы, и через день вы вылетаете в Ташкент в командировку». Вот так. Написали документы, написали заявление... Тогда же еще наш институт только организовывался, он от слияния трех институтов маленьких был. У нас даже штампа не было «Гипроспецгаз», какой-то «Ги-пропром», что-то такое было. Билеты нам в руки дали, мы пошли в аэропорт Пулково. Старое здание с колоннами еще было. Сели в самолет, укачивает, особенно одну укачало, так, что вышла из аэропорта, она во Внуково отметилась сразу приветом из Ленинграда. Ну вот, потом мы пересели на Ту уже и прилетели в Ташкент. Меня в Ташкенте, я там пробыла два дня, отправили в Алма-Ату поездом. Там я встретила со своим будущим руководителем группы. Пробыла я в Алма-Ате, потом мы вернулись в Ленинград, и пошла работа, все, до последнего дня моей работы, одно место работы. С рядового инженера, вот только что зеленого-презеленого, до конца. Вот так. Но, правда, я попала под переплет 1990-х годов, когда всех пенсионеров убирали, независимо от того... Да, независимо от того, хорошие они были, плохие, умные, не умные – не важно. Но дело в том, что мне дали, в отличие от прочих наших пенсионеров, мне дали проработать два месяца, остальных сразу – «Пошел прочь», потом мне дали две путевки в санаторий с мужем... А потом раздается звонок: «Слушай, тут надо на работу тебе. Нам надо, чтобы ты пришла». Я говорю: «В августе. Раньше прошу не беспокоить. В августе». Ну и пришла в августе на работу и проработала еще несколько лет.

И.: А сейчас существует этот институт?

Р. 2: Мне кажется, его упразднили в этом году.

Р. 1: Его сейчас упраздняют. Извините, слишком много товарищей стало, которые занимались личными делами, а не делами института. Кроме того, из Навыма приехали весьма энергичные товарищи, которые расчистили для себя площадку. И кроме того, сейчас же «Газпром» переезжает.

Р. 2: Ну, они строят...

И.: Эту кукурузину-то?

Р. 1: Уже много подразделений сидит по разным местам, арендует. И тут какая-то очень энергичная дама газпромовская, которая присмотрела наше здание, Суворовский проспект. Причем у нас же есть один корпус там, один корпус во дворе, и на 5-й...

Р. 2: 5-я и 6-я Советские.

Р. 1: У нас тут здание – дай бог! Не забегаловка какая-нибудь, не окраина. Какая-то дама, говорят, это из «Газпрома».

Р. 2: В отличие от Европейского, жилье там не строят, но для каких-то целей – бизнес-центр, то-сё...

И.: Но подчинение газпромовское в результате, да?

Р. 1: Да, это «Газпрому» принадлежит здание, «Газпром» строил. Кстати, говорят, какое-то подразделение «Газпрома» арендовало здание у нас на Измайловском. На противоположной стороне, ближе к Обводному, «Техническая книга» там была, здание фабричное такое. Этот бизнес-центр целиком занял «Газпром», и они собираются туда переезжать.

Р. 2: Им все мало, 300 этажей уже там набабахали...

Р. 1: Пока они не переехали в свое это здание.

Р. 2: Да они везде переедут, у них народу много есть, чтобы занять.

Р. 1: Да, там же ведь подразделений... Там же и строители, и черт-те знает...

И.: Это же вроде как наше народное достояние.

Р. 1: И диспетчеры... Так, что еще?

И.: Я думаю, что пока всё. Спасибо большое, вообще очень здорово, особенно со всеми этими эвакуациями, и так далее.

Р. 2: Потому что... мама сказала, что там немцев ждали радостно...

И.: На самом деле их много где ждали радостно, потому что...

Р. 1: И как мама ехала на стекле, на машинах!

Р. 2: Зато после этой деревенской жизни бабушка, когда я родилась, обменяла квартиру городскую на загородную.

И.: Эту на Ветеранов, что ли?

Р. 2: Да, на Ветеранов. Она обменяла на поселок рядом со станцией Каннельярви. Там были дома – обычные пятиэтажки, потому что это был рабочий поселок, там завод был асфальтовый, и его работники в основном жили в этих домах. Ну, крошечный поселок, сейчас там, конечно, все это застроили садоводствами, до этого были просто пятиэтажки и сколько-то километров от станции.

Р. 1: Шесть.

Р. 2: Да. И вот бабушка в такой пятиэтажке, но там все, естественно, держали огород. Бабушка, по-моему, единственный человек в этом поселке, у которой этого огорода не было, потому что наша эвакуированная семья сказала: «Нет».

И.: Зато был свежий воздух.

Р. 2: Да, свежий воздух. Ну, для меня, естественно, потому что так бабушка ни за что бы в жизни туда не поехала.

И.: А она так и жила там постоянно, целый год?

Р. 1: Нет, она зимой здесь жила.

Р. 2: Зимой там жить было невозможно, потому что отопление там... Когда я приезжала на зимние каникулы к бабушке, то я ходила в валенках и спала

под пятью одеялами, потому что отопление там было – батареи были еле-еле теплые, и нужно было, поскольку мы жили на последнем этаже, постоянно сливать воду из батарей, чтобы она не замерзла, потому что она была холодная. И вот ее нужно было сливать до тех пор, пока она не станет хотя бы чуть-чуть тепленькой.

И.: Но лето ты там проводила?

Р. 2: Да.

И.: Да, лихо бабушка вообще... Ради внучки...

Р. 1: Ради внучки, да. Так и было, когда ей надоело здесь все, она уезжала к себе, а так она здесь жила.

И.: Но у нее же здесь была двухкомнатная квартира. Это без доплаты, с доплатой, как?

Р. 1: Нет, без. Только 500 рублей.

Р. 2: Там она однокомнатная. Действительно было странно, потому что все-таки здесь город, а там... И там даже от станции еще пилить и пилить на автобусе.

Р. 1: Но зато какие там грибы! Грибы, ягоды...

Р. 2: Ну, там воздух был, там все было в порядке. Они возле дома росли, с другой стороны. Обойдешь пятиэтажку, и там уже все, лес.

Р. 1: А озера там!

Р. 2: Да, там «Орленок»...

Р. 1: Да, пионерские лагеря там.

И.: А у вас сохранилась эта квартира?

Р. 1: Нет, тогда же нельзя было приватизировать.

Р. 2: Надо было там прописываться, а я была несовершеннолетней. Как только мне исполнилось 18, бабушка заболела, и стало уже ни до чего. И в общем, так она и умерла и...

Р. 1: А муж хотел: «Почему ты мне не сказала, чтобы мы с тобой развелись и я туда прописался?» Я говорю: «Слушай, у меня не повернулся язык даже, чтобы сказать тебе: давай мы разведемся и ты выселишься из своей родной квартиры куда-то».

Р. 2: Да, там же была какая история... Можно было только папу туда, потому что я была несовершеннолетняя, мама со мной. Только можно было родственным обменом сделать.

И.: Ну да, это была советская стратегия – разводиться и жениться, и все такое прочее. У меня так два раза у подружки родители разводились для того, чтобы сначала у одной бабушки получить квартиру, потом у другой бабушки получить квартиру и в результате купить кооператив, потому что иначе это забиралось по полной программе.

Р. 1: Ну вот, так мы просто потеряли эту квартиру, и все. Ну, не могла я... вернуться язык, что давай...

Р. 2: Ну да. Если бы я уже была совершеннолетняя... Мне надо было поступать в университет, прописка, естественно, была важным пунктом. А как только я поступила, [бабушка умерла]...

Р. 1: Ну, что делать. Главное, не бездомные.

Р. 2: Но эти все семейные истории с обменами, конечно...

**Первые
послевоенные
поколения**

В тесноте и нередко в обиде

Я, Терещенко Виктор Яковлевич, родился 1 декабря 1945 г. в городе Вологде. Мои родители – мать Терещенко Маргарита Александровна (1922 г. р.), родом из Вологды, а отец Демонштейн Яков Иосифович (1915 г. р.), родом из Витебска (Ленинград), – встретились на фронте. Своего жилья в Ленинграде у отца не было, и ввиду этого мама уехала меня рожать к родителям в Вологду. В феврале 1946 г. отец получил комнату и забрал нас с мамой в Ленинград.

Коммунальная квартира на Курляндской ул. по описанию мамы. Старый разбитый дом. На первом этаже трехкомнатная квартира. У нас комната 29 м² с двумя окнами и одинарными рамами. Окна почти касаются земли. Доски полов прогнили, во многих местах дыры. Печь протапливает комнату плохо, очень холодно. Квартира кишит крысами. Мама все время носит меня на руках. Боится, что крысы меня загрызут. На меня выдают еду в детской кухне. Папа работает шофером и все время ездит в дальние командировки. Благодаря этому привозит различные продукты, и мы как-то можем жить. Мама не работает. В начале 1947 г. она со мной уезжает в Вологду к родителям, поскольку жить в таких условиях невыносимо.

Папа ищет другую комнату, и ему ее дают. В июле 1947 г. мама со мной возвращается в Ленинград. Она поступает на работу в торговый порт – стивидором, а меня отдают в детский сад. Коммунальная четырехкомнатная квартира на пр. Газа (ныне – Старо-Петергофский пр.) была расположена на втором этаже кирпичного двухэтажного флигеля. У нас крайняя в квартире 16,5 м², комната с одним окном, выходящим во двор. Две стены комнаты выходят на улицу, а торцевая стена – в холодный коридор соседней квартиры. Отопление – печное. Наша семья состоит из четырех человек: отец, мать, я и сестра (родилась в 1948 г.). В квартире живут еще две семьи: первая – Лазаревы (отец, мать, сын и дочь); вторая – Понамаревы (отец, мать, сын и дочь). Четвертая комната опечатана и закрыта (забронирована за офицером). Чтобы попасть в квартиру, надо подняться вверх по широкой крутой деревянной лестнице, расположенной между двумя флигелями и заканчивающейся деревянным тамбуром. Деревянная дверь, обитая рваным дерматином с вылезавшей из всех прорех мешковиной, ведет

из тамбура в темный, освещенный двумя тусклыми лампочками коридор. Он заставлен различной домашней рухлядью, у нас перед дверями тоже стоит сундук, но коридор достаточно широк, и мы, дети, по нему бегаем и играем. Кухня заставлена столами, на каждом стоит по керосиновому примусу. Очень тесно, так как часть кухни занимает старая неработающая деревянная плита.

3 марта 1950 г. внезапно (находился в командировке в Москве) умирает мой папа (ему 34 года, маме 27 лет). Мама ходит по всем инстанциям, чтобы назначили пенсию на детей. Ей говорят, что у ее мужа очень маленький трудовой стаж и пенсию пока начислить не могут – а откуда же взять трудовой стаж?

Отступление 1

В 1918 г. отступающие «красные» грабили жителей Витебска. Бабушка не отдавала оставшиеся последние вещи и продукты, и за это красноармеец зарубил ее саблей. Дедушка в это время находился в Петрограде. Скончался в 1929 г. Старшая сестра моего отца забрала всех детей (8 человек, мой папа самый младший, ему тогда было 3 года) и увезла их в Петроград к отцу. Моего папу отдали в детский дом. В 1920 г. этот детский дом расформировали, и отца перевели в другой детский дом. Родственникам не сообщили об этом, и папа потерялся. В 1925 г. тетя Фаня (старшая сестра отца) шла по Петроградскому району (улицу не знаю) и услышала дикий детский крик – это кричал мой отец, увидев ее из-за забора детского дома. О том, как он жил до 1934 г., – не знаю. В 1934 г. папа поступил на работу на Металлический завод – ВТУЗ им. тов. Сталина – и одновременно на первый курс вечернего технического университета, но в 1936 г. его призвали в ряды РККА. Он окончил школу младших авиационных специалистов. Стал техником по авиаприборам. В конце 1938 г. его уволили в запас, а зимой 1939 г. снова призвали в армию на Финскую войну. В 1940 г. его опять уволили в запас, а в июне 1941 г. призвали в армию на Великую Отечественную войну. Демобилизовали из армии в октябре 1945 г. В дальнейшем он проработал только с декабря 1945 г. до 3 марта 1950 г.

Мама с трудом нашла какие-то документы, подтверждающие рабочий стаж папы до войны. Нам назначили самую маленькую пенсию.

В 1950 г. наш дом поставили на капитальный ремонт. В результате ремонта к маленькой соседней комнате прирезали от нашей 1 м², а от другой соседской комнаты – 2 м². В результате этого наша комната стала 15,5 м², что сыграло в дальнейшем свою роль. Маме всегда отказывали в постановке на очередь для предоставления отдельной квартиры, мотивируя тем, что у нее комната больше установленной нормы на 0,5 м².

В результате капитального ремонта флигели разъединили между собой. В наш флигель сделали отдельный вход с хорошей широкой лестницей. В квартире появилась ванная комната с раковиной и краном холодной воды. Подача горячей воды не предусматривалась. Отдельный туалет. Отопление в комнатах осталось печное. В подвале были сделаны дровяники из расчета один на две семьи. Мы соседствовали с семьей Понамаревых. Кухня осталась без изменений, с неработающей дровяной плитой. Плита была поделена на зоны для каждой семьи. На нее ставили посуду и кастрюли.

В результате ремонта жильцы в квартире сменились. Лазаревы уехали жить в другой флигель дома. Семья Понамаревых заняла их комнату. В большую комнату приехала семья Михайловых (отец – демобилизованный офицер, его жена Анна и дочка Галя). Комнату между ними и нашей комнатой заняла новая соседка. Жизнь с соседями протекала по-разному. Периоды откровенной вражды сменялись некой дружбой.

Старший дядя Лёша Понамарев (отчества не помню) работал грузчиком в магазине и регулярно приходил домой очень пьяным, а поскольку его жена, Валентина, не пускала его пьяного в комнату, то он, весь грязный, укладывался спать в ванну или лежал поперек коридора. Дядя Лёша очень любил громко разговаривать и кричать, что он старый коммунист и всех перестреляет – в первую очередь мою маму. Она не раз заставляла его за воровством наших дров.

Отступление 2

Мне 16 лет. Пьяный дядя Лёша Понамарев на кухне пристает к моей маме. Я его отталкиваю, а маму увожу в нашу комнату и запираю. Возвращаюсь на кухню и начинаю бить Лёшу Понамарёва, но он здоровый мужик и мои удары не сбивают его с ног. Он хватает табуретку, разбивает ее о старую плиту и начинает махать ножкой от табуретки. Ухожу от ударов, бью, удары проходят мимо, а сбить с ног не получается. Сказывается его большой опыт пьяных драк. Тут на кухню заходит мой дядя Дима. Он штангист, у него первый разряд. С одного удара заваливает Лёшу Понамарева на пол. Нокаут. Мы оттаскиваем его в комнату. Наводим порядок на кухне и уходим. Возвращаемся часа через два. Понамарев из своей комнаты через дверь орет: «Витька! Выходи драться!», но дверь в комнату закрыл на замок. Только после этой трепки он прекратил свое многолетнее хулиганство. Мама меня и дядю очень здорово ругала.

Валентина работала на швейной фабрике. Затем бросила работу и уже больше нигде не работала. Своими детьми Геной и Галей совсем не занималась. У Галины от рахита были абсолютно кривые ноги (родилась в 1942 г. в блокаду). Моя

мама ни один раз предлагала Валентине Понамаревой устроить Галю в хирургическую клинику на лечение ног, но она почему-то этого не делала. Галя была смышленной девочкой, но в школе все ее дразнили из-за кривых ног. Она бросила школу после пятого класса. Галя мечтала учиться петь, но всю жизнь проработала телефонисткой. Замуж не вышла. Еще в детстве она заболела туберкулезом, что от всех скрывалось этой семьей.

Гена Понамарев до армии окончил шесть классов и ушел служить. После возвращения из армии подделал цифру 6 на 8 (в указании классов) и поступил на курсы матросов дальнего плавания. По их окончании пошел в плавание на Кубу и там у него обнаружилось психическое заболевание. После этого он был списан на берег и сидел на инвалидности. Затем женился на девушке тоже с психическими отклонениями. Жена родила ему двух детей (и тоже с психическими отклонениями). По их заболеванию им была выделена отдельная квартира. Они уехали. Болезнь у Гены прогрессировала, и его отправили в психиатрическую больницу, где он через некоторое время скончался.

Валентина Понамарева готовила грязно и очень плохо. Я всегда брезговал и отказывался под любым предлогом есть ее пироги. Примерно в 1970 г. они получили квартиру по болезни Гали и уехали. Валентина Понамарева развелась с мужем, вышла замуж и прожила до 82 лет. Дядя Лёша Понамарев остался жить с дочкой, прожил до 90 лет и умер.

Вторую (большую) комнату занимал Кузьма Михайлович Михайлов, который после демобилизации из армии вернулся в Ленинград. Он долго не мог найти работу. Затем устроился разнорабочим на завод «Красный химик». Спился быстро. Будучи пьяным, бил жену Анну и гонял дочку Галю. Однажды он ударил жену, она упала и во время падения ударилась головой о край стола. Ее отвезли в больницу, где она и скончалась. Галя осталась с бабушкой Елизаветой Игнатьевной Гуйда и вечно пьяным отцом. Галя была очень упорной в учебе и имела твердый характер. Школу окончила практически на одни пятерки. Поступила в Инженерно-экономический институт и по его окончании работала программистом. Программист из нее вышел очень классный. На работе это ее качество очень ценили. Жизнь дальше сложилась странно. Жених ушел от нее практически перед свадьбой. Она стала выпивать – и иногда достаточно крепко. Из квартиры уехала в 1996 г. Что с ней сейчас – не знаю.

Отступление 3

Мне 18 лет, уже два года работаю токарем в п/я 420 и учусь в десятом классе Школы рабочей молодежи (ШРМ). Далеко за полночь, решаю задачи по физике

(дополнительно посещаю подготовительные курсы по физике и математике при Ленинградском университете). Сестренка в интернате, мама уехала в командировку в Москву. Ко мне в комнату вбегает в растерзанной одежде девушка, ее зовут Валентина, приехала к Михайловым в гости из Вологды. Она обращается ко мне: «Витя! Спаси! Дядя Кузя меня хочет изнасиловать». Я говорю: «Не бойся, залезай на мамину кровать под одеяло». Закрываю дверь в комнату на задвижку и дальше продолжаю решать задачи. Тут в комнату со страшной силой начинает ломиться Кузьма Михайлов, крича, что если я не открою, то он нас с Валею зарубит топором. Открываю дверь. У него в одной руке топор, а другой хочет схватить меня за грудь. Резко бью снизу в челюсть. Кузьма падает, как подкошенный. Валентина от страха кричит в полный голос. Оттаскиваю Кузьму в его комнату, Валентине наливаю валерьянки. Прячу топор. Всё, всем спать. Вставать в 5:40. В 8:00 надо стоять у станка. Кузьма Михайлов лежит там же, где я оставил его ночью. Валентина быстренько собирает свои вещи и уезжает домой. Больше я ее не встречал.

Кузьма Михайлович свои замашки не бросил и продолжал пить каждый день по-черному. Захожу как-то на кухню, а он переминается с ноги на ногу и говорит: «Мишка, Мишка топни ножкой». Спрашиваю его: «Какой Мишка?» – «А вон, – говорит, – из-за поленицы во дворе выглядывает». Я пошел и рассказал об этом маме. Она велела мне вызвать скорую помощь. Приехали три здоровенных санитаров. Кузьма Михайлович сначала пошел с ними очень спокойно, но потом устроил жуткую драку. Санитары его еле скрутили. Через некоторое время он скончался от белой горячки в психиатрической больнице.

Новая соседка, Мария Федоровна Федорова, была очень малоразговорчивой и спокойной женщиной. Работала где-то на складе. Дома бывала редко. Через несколько лет вышла замуж и уехала жить к мужу. Комната стояла все время закрытой на замок.

Отступление 4

Мамин отец (мой дедушка) Александр Александрович Терещенко окончил Петербургскую музыкальную консерваторию, учился в классе Рахманинова. На гастролях в Вологде познакомился с моей бабушкой Александрой Константиновной Кирилловой. Они поженились, несмотря на протесты моего прадеда. Через два года они развелись. В 1939 г. он пропал без вести. Я пробовал найти хоть какие-то сведения о нем, но ничего не получилось. Бабушка окончила рабфак и по комсомольской путевке была направлена директором булочной. Шла борьба

с нэпманами. На рабфаке она познакомилась со своим будущим мужем Георгием Дмитриевичем Маташкиным. Они прожили долго, счастливо, только бабуля пережила его на 21 год. Скончалась в возрасте 93 лет. Отношения Георгия Дмитриевича и моей мамы складывались тяжело, но я его очень любил, несмотря на то что он был достаточно строгим и жестким человеком. Дедушка Георгий был командиром пулеметного взвода в Финскую войну. Был тяжело ранен в ногу. По завершении военных действий окончил ускоренные курсы связистов и был уволен из армии. С началом Великой Отечественной войны в июне 1941 г. был призван в армию, но из-за ранения направлен в штаб Беломорского военного округа. Там и прослужил всю войну, а после ее окончания служил до 1961 г. заместителем начальника окружного склада связи Ленинградского военного округа. По принятому закону, с подачи Н. С. Хрущева, был уволен на пенсию. Пенсию назначили за 20 лет выслуги, до 25 лет оставалось несколько месяцев – на это никто не смотрел.

Мама по окончании десятого класса поступила в Горный институт. С началом войны, в июне 1941 г., уехала в Вологду. Институт так и не окончила. В Вологде сначала работала санитаркой в эвакогоспитале, а затем перешла на службу в военную комендатуру Вологды. Мама в молодости была очень красива, блондинка с голубыми глазами и приличным знанием немецкого языка. В начале 1944 г. ей предложили перейти на службу в СМЕРШ, но она там служить не хотела и уехала на фронт в 10 РАБ 2 (район авиационного базирования) Авиационной армии. Служила машинисткой на секретной переписке. Познакомилась с моим папой и вышла за него замуж.

После смерти папы моя мама пошла работать в отдел снабжения на Судостроительный завод им. Жданова. Там перед своей смертью в заводском гараже работал папа. Мама работала старшим товароведом по цветным металлам.

Меня и сестренку Милу мама определила в круглосуточный детский сад при заводе. Домой нас она забирала по субботам – после окончания работы. В первый класс я пошел с опозданием на год, так как у мамы не было денег собрать меня в школу. Во втором классе зимой я сломал в двух местах левую руку и 1,5 месяца пролежал в больнице. Пришел в школу, а там все уже ушли далеко по программе. Ни одна учительница не стала мне помогать в учебе, чтобы догнать класс, – только ставили двойки за неправильно выученные уроки или ответы. Мама за плохие отметки меня никогда не ругала. Она много работала, уставала и мои уроки практически не проверяла. Меня оставили на второй год во втором классе. В пятом классе мама отдала меня в интернат, там уже с первого класса училась моя сестра. За интернат мама платила полностью пенсию и почти всю

свою зарплату. Как она жила и на что – не пойму до сих пор. В первый же день в интернате меня жестоко избили (сотрясение мозга), две недели лежал в лазарете интерната. Это называлось «Покрестить». Никого за это не наказали. Я же обид никогда не прощаю и поэтому в одиночку избил всех по очереди. За это маму вызывали к директору интерната и требовали меня забрать. Так доучился до седьмого класса. Пришла сестра и сказала, что Генка Пылаев все время к ней пристает и лапает. Я крепко его побил и предупредил о более тяжких для него последствиях, если он еще раз тронет мою сестру. Но он привел своих восьмиклассников – человек пять, – чтобы со мной рассчитаться. В этой драке я свернул ему шею. Он упал. Драка закончилась. Меня выгнали из интерната.

Дальше был завод, учеба в ШРМ. Поступил и окончил военное училище. Пролужил 26,5 лет. Дослужился до звания подполковника.

Отступление 5

Служу на Тихоокеанском флоте в Морской пехоте. Перед очередным отпускном подхожу к замполиту полка. Говорю, что в отпуске хочу жениться и есть ли возможность получить жилье. Он отвечает: «Проблем нет. Женись. Квартиру или комнату дадим». Приезжаю с молодой женой, иду к замполиту насчет жилья. Он мне говорит: «Ничего тебе не будет. Я жил с семьей в землянке – и ты поживешь. Вперед! На службу!» Бегаю по Владивостоку, ищу и снимаю комнату. Меня же в это время отправляют командиром автотранспортного взвода на уборку хлеба в составе целинного батальона. Жена скоро должна рожать и уезжает в Вологду к маме. Выезжаем на уборку урожая в конце мая, а 3 мая рождается наш старший сын. Прошу отпустить слетать к жене и сыну – не отпускают, но дают две комнаты в трехкомнатной коммунальной квартире. Вернулся с целины домой к жене и сыну только в середине декабря – сыну уже семь месяцев.

Комнаты находятся в старом двухэтажном деревянном, с засыпными стенами, разбитом доме (1930 г. постройки). Дом стоит в бухте Патрокол – в трех километрах от ближайшей остановки трамвая, но раз в два часа с 9:00 до 17:00 по будним дням ходит городской автобус. Ближайший магазин – у бухты Тихая (четыре-пять километров от дома). От места дислокации моего полка до дома – около двадцати километров. Центрального водоснабжения нет. Воду привозят раз в неделю водовозкой. Надо натаскать ведрами двухсотлитровую бочку воды. Отопление печное, на угле. Привожу пять тонн угля и в одиночку ведрами переносу в сарай, где устроил место для его хранения. Печи не протапливаются, вникаю в их устройство, ремонтирую, но эффекта нет. Зимой спасаемся электроподогревателями и тем, что солнце светит в окно. Ближайшая баня – недалеко от площади Луговая (около десяти километров от дома). Под подоконник проходит

моя рука, упирается во внешнюю обшивку. Забиваю дыры чем могу. Туалет на улице метрах в пятидесяти от дома. Со службы уйду поздно, и, пока доберусь домой, уже близко к полуночи. Утром – в 8:30 – надо стоять на плацу. В 9:00 – развод полка по занятиям и работам. Все ремонты в комнатах делаю урывками в редкие выходные дни. Наш сынишка от таких условий жизни все время болеет. Не успеваем выписать из больницы, как снова туда кладут. Врачи дают заключение, что Дальневосточный климат вреден нашему сыну. Жена забирает сына и уезжает к своей маме в Вологду. Требуется решить вопрос с жильем или уволиться со службы. Меня вызывают в штаб полка к заместителю по тылу и сообщают, что одну комнату я должен отдать другому офицеру. Документы уже подписаны – и мне надо решить, в какой комнате из двух остаюсь. Выбираю дальнюю. Затем в квартире много чего происходит. Расписывать не очень хочется. Первую свою однокомнатную квартиру получил в конце 1971 г. В дальнейшем мне пришлось немало поколесить по стране, но семью перевозил к новому месту службы только после получения и ремонта квартиры. После выхода на пенсию вернулся в Ленинград (Санкт-Петербург). Работаю до сих пор.

В доме на пр. Газа мама жила до 1998 г. К тому времени у мамы было уже две комнаты в квартире. Я приватизировал эти комнаты на маму и продал их. Ей купил в коммунальной квартире одну большую хорошую комнату. Квартира была очень ухожена и расположена недалеко от моего дома, но соседи быстро смешились. Квартира опять стала превращаться в гадючник. У мамы очень заболели ноги. Пришлось делать операцию на ногах с пересадкой кожи. Она получила по болезни первую группу инвалидности. Я прошел все инстанции органов государственной власти, но добился выделения отдельной однокомнатной квартиры моей маме как ветерану войны, труда и инвалиду I группы. Сейчас маме 94,7 года. Она живет и радуется нас своим оптимизмом и желанием жить.

В квартире жили пять семей

Я родился в Снегиревке¹ на ул. Маяковского в октябре 1946 г. Моя мама, Цецилия Григорьевна Златкинд, была геологом. Она и ее однокурсница и коллега – О. М. Римская-Корсакова – были одними из первооткрывателей Костомукшского железорудного месторождения в Северной Карелии, а Апатиты, Кировск и Мончегорск появились на карте страны благодаря в том числе и ее участию в экспедициях академика Ферсмана. Отец, Василий Алексеевич Колосов, художник-оформитель, самоучка, из-за неправильного происхождения так и не смог получить образования (его отец, мой дед, был объявлен классовым врагом и в 1928 г. при «ликвидации кулачества как класса» сгинул в ГУЛАГе), а последняя попытка поступления в Академию художеств в 1941 г. была отменена из-за начавшейся войны. После войны папа работал в рекламной мастерской – изготовлял афиши для кинотеатров, вывески, наглядную агитацию по заказу правящей партии. Для меня рисовал зверей из диснеевских мультиков и парусники в синем акварельном море.

Моим первым домом стала одиннадцатиметровая комната в коммунальной квартире на втором этаже дома 17 на улице Жуковского. Эта улица тогда была вымощена булыжником, а тротуары выложены потрескавшимися квадратными плитами из пудожского камня. По улице ходили трамваи – 7, 13 и 24, а по тротуарам с почти трамвайным грохотом на самодельных тележках проносились безногие инвалиды, отталкиваясь от земли руками в толстых обшитых кожей рукавицах, а некоторые – небольшими чугунными утюгами. Потом они почти одновременно исчезли.

Дом был двухэтажный и до ремонта в конце 1950-х в нем было всего две квартиры – № 1 в бельэтаже и № 2, принадлежавшая до войны моему деду, маминому отцу, на втором этаже. Дед умер от голода в декабре 1941-го, и мама отвезла его на детских санках на ближайшее к дому Волковское кладбище, где и оставила, завернутого в простынь, у штабеля мертвых горожан.

Пока были силы, дед успел поставить в самой маленькой, выгороженной из его кабинета, комнате буржуйку, у которой и жили в блокаду мама и бабушка. До войны дед запланировал эту выгородку под детскую, заказав в углу за дверью

¹ Роддом им. В. Ф. Снегирева, находящийся на ул. Маяковского.

круглую печку, облицованную поверх кирпича гофрированным медным листом. Та сторона печки, что была обращена к окну, была покрыта шрамами, нанесенными осколками стекла, выбитого взрывной волной от бомбы, оставившей воронку, заполненную водой, на месте общежития на углу улиц Жуковского и Маяковского, где в конце 1940-х пленные (?) построили школу.

Какой была эта квартира до войны, можно было догадываться по уцелевшим пластинам ушедшего в блокадную буржуйку паркета, высоким (3,75 м) потолкам с лепниной, бронзовым дверным ручкам и накладкам на замки на высоких двухстворчатых дверях, мраморному камину и печкам-голландкам, покрытым белым кафелем и расположенным в больших комнатах соседей.

В конце 1943 г. маму и других сотрудников Северо-Западного геологического управления (СЗГУ) вывезли на срочные поисковые работы (начиналась атомная эра), и бабушка осталась в квартире одна. Когда мама в конце 1945 г., а вскорости и отец, оставивший отмороженные пальцы ног на Ладого, вернулись домой, их встретила ставшая вдруг чужой еще недавно своя квартира, незнакомые люди и почти совсем ослепшая бабушка, жившая в той самой маленькой комнате, предназначенной теперь для нее и моих родителей. Так началась послевоенная жизнь в коммуналке.

Но сначала о доме. Это был двухэтажный особняк, с подъездом, выходящим на улицу и примыкавшим к арке ворот. Над подъездом – козырек и круглое окно, растерявшее витраж в войну. За дверью – широкая мраморная лестница с латунными кольцами и кое-где сохранившимися латунными палками для крепления давно исчезнувшего ковра. Лестница заканчивалась на широкой мраморной площадке с высокой металлической подставкой под разбитый матовый шар давно перегоревшего светильника перед входом в квартиру № 1, которую занимала семья какого-то важного человека, его характер деятельности никому был не известен (во всяком случае, это никогда не обсуждалось) – ни он, ни его жена, ни две дочери (примерно мои ровесницы) ни с кем не общались, и увидеть их можно было только случайно входящими или выходящими из квартиры. От площадки вверх, до окна во двор, лестница оставалась такой же широкой, но ступени были деревянными из толстых, вероятно дубовых, плах. Стены были покрыты пузырившейся зеленой краской, из-под осыпающегося слоя которой выглядывали фантастические полукони-полурыбы, гребни волн и фрагменты геометрических орнаментов. Высокий потолок тоже был покрыт росписью, но что это было – не вспомнить. Площадка отделялась дверью от другой лестницы, коротким крутым маршем приводившей к дверям квартиры № 2, в которой в 1918 г. и поселился мой дед, получивший ордер на покинутое прежними обитателями и полностью разграбленное жилье с гулкими пустыми комнатами, где только стены могли хоть что-то

рассказать о живших здесь людях. Как ему удалось получить этот ордер, можно только догадываться. Может быть, потому, что он за укрывательство большевистской типографии получил от «кровового царского режима» год тюрьмы, но, правда, через полгода был выпущен по амнистии (сравнительно недавно за самиздат давали сроки побольше, да и мордовские лагеря были покруче царских застенков).

Когда меня принесли из Снегиревки, в квартире жили пять семей. Идущий от входных дверей широкий коридор делил квартиру пополам: справа – комнаты с окнами на улицу, слева – во двор. Первая справа от входа – дверь в комнату Суховых с тремя окнами. Потом – наша комната-пенал с одним окном. Следующая – комната Капустиных с двумя окнами. Первая слева от входа – комната Рогацких, два окна во двор. За ней – комната Нюры (почему-то фамилия никогда не называлась, только имя) и ее мужа, окно во двор. За поворотом коридора – большая кухня с дровяной плитой, пристроенной к камину, незамурованная верхняя треть которого с мраморной полкой и уходящими к потолку изразцами возвышалась над кирпично-чугунным чудом. Из кухни – вход в бывшую ванную комнату. Она же туалет и холодильник – вынесенный за окно ящик с полками для хранения продуктов. В ванной – узорчатый кафельный пол, неработающий дровяной медный титан со стойкой душа и сама ванна на львиных литых лапах. Над ванной с довоенных времен висела гипсовая копия головы Аполлона – свидетельница папиного обучения мастерству рисовальщика. С бачка унитаза на цепочке свисала фарфоровая ручка с надписями латинскими буквами. По соседству с ванной комнатой – широкий проход к черному ходу, превращенный в умывальник – раковина, кран, вода только холодная. Дверь на черный ход была наглухо заколочена.

Суховы. Старший – начальник цеха, как он говорил, на Путиловском заводе. Взрослые дети – Вениамин и Жанна – работали там же. Жена, тетя Настя, любила сидеть у окна на кухне и, покашливая, курить папиросы «Север» с изображением на этикетке солнца, встающего из-за заснеженных сопок (точно такая наклейка была очень у многих на руке) и «Звездочка» с мотоциклистом в каске на пачке (когда я научился читать, то узнал, что эти папиросы на самом деле назывались «Красная Звезда», но тетя Настя их так не называла). Потом выяснилось, что у нее туберкулез, и меня несколько лет вызывали на проверки в тубдиспансер на Невский пр., в тот дом, где сейчас «Стокманн», а Суховы так и продолжали жить в одной комнате, перегородженной шкафами.

Капустины. Подполковник Иван Капустин впервые появился в квартире в 1954 или 1955 г. – после ухода оккупационных войск стран-победителей из Австрии. До этого момента его вторая жена Клава и ее падчерица Нина жили вдвоем. Капустин регулярно присылал посылки, и Клава порхала по кухне в шелковом то черном, то синем с металлическим отливом халате с вышитыми красными

птицами с длинными клювами и крупными цветами (хотя там, возможно, были и подмеченные Высоцким «драконы да змеи», но застряли в памяти птицы и цветы, хотя они могли быть и на китайских подушках, которые несколько позднее продавались в Гостином Дворе). Клава ходила на все «трофейные» фильмы, а потом подробно пересказывала их «в лицах» на кухне. Нина училась в торговом техникуме на ул. Чехова. Неожиданно для Клавы она вышла замуж за «нацмена», как в ужасе говорила Клава. Не меньший ужас у нее вызывало и другое: «Нинка с ним собралась в Уфу! Как я скажу об этом Ивану?» Я не знал, кто такие «нацмены» и что такое Уфа. Представлялось какое-то мрачное логово в дремучем лесу и кто-то, похожий на Верлиоку (эта сказка произвела на меня тогда сильное впечатление). Пришлось обращаться к родителям, которые объяснили, что ни в том, ни в другом нет ничего страшного и что соотечественников нельзя называть «нацменами» – это такие же люди, как и все мы, включая Клаву. Когда подполковник Капустин вернулся, в коридор были выставлены столы из всех комнат, и это был тот единственный раз, когда соседи собрались вместе и дружно чокались. Потом он почти не выходил из комнаты, а Клава заметно помрачнела, перестала пересказывать фильмы, да и халаты куда-то пропали. Оживилась она только раз, посмотрев нашумевший индийский фильм «Бродяга» и пытаясь на кухне не только пересказать содержание, но и спеть и станцевать за героя Раджа Капура (с тех пор я не поклонник индийского кино).

Рогацкие. Старший, Моисей Исаакович, донашивал свою фронтовую военную форму со споротыми погонами и работал в каком-то «почтовом ящике», который называл артелью. Когда пошли разговоры о том, что в городе скоро откроется метро, Моисей Исаакович принес с работы бракованную, как он сказал, выгнутую пластину из толстого полупрозрачного стекла с рельефным узором и рассказал, что на одной из станций будут стеклянные светящиеся колонны, собранные из вот таких, но уже не бракованных, фрагментов. Когда зимой 1956 г. метро открылось, мы с родителями, отстояв длинную очередь на вход, впервые спустившись на «Владимирскую», доехали, вылезая на каждой остановке, до конечной станции «Автово», и там увидели те самые колонны. Они действительно очень ярко светились снизу доверху, придавая станции вид новогоднего праздника. Семья у Рогацких была большая – старшеклассница Софа, мой ровесник и одноклассник Борис и их мать тетя Маруся, а через какое-то время родился и еще один сын.

За стеной у Рогацких жила Нюра с мужем, про которую было известно только то, что она из Карелии. Выходила на кухню, варила, жарила и скрывалась в комнате, что-то бурча себе под нос.

Все соседки, кроме моей мамы и Жанны Суховой, не работали и все время днем проводили на кухне. Сначала там были примусы и керосинки, топилась

плита, потом появились керогазы. За керосином ходили с бидонами и бутылками в лавку на Литейный пр., д. 60, где в подвале керосин черпали из квадратного бака мерными жестяными черпаками на длинных ручках. На кухне у каждой семьи был свой крохотный стол вдоль стены, и все как-то более-менее мирно сосуществовали. Скандалы стали вспыхивать позднее, когда появился газ и места на плите стало не хватать, а на стене повис огромный круглый счетчик и появилась причина выяснять, кому сколько платить. Потом начались споры из-за платежей за электричество, и квартира обросла гирляндами проводов и индивидуальными электросчетчиками. Входную дверь украсила россыпь кнопок звонков, завешенных в комнаты. В бывшей ванной развесили ожерелье деревянных стульчаков (сидений на унитазах) – для каждой комнаты свой. Потом во всей квартире настелили паркет. Появилось центральное отопление, и подвал, в котором у каждого находился свой угол с дровами, был навсегда закрыт. Печка, которую мы с папой любили топить, стояла холодной. Начиналось какое-то новое время, и в 1958 г. дом поставили на капремонт, а нашу семью переселили в маневренный фонд в дом Меньшикова (один из старейших в городе, с охранной доской на фасаде) на ул. Рубинштейна, сгоревший дотла лет 20–25 назад. Через год мы вернулись на старое место. Дом стал четырехэтажным, вход стал со двора, от прежнего интерьера ничего не осталось, обитатели первого этажа обратно не вернулись. В нашей квартире исчезли печки, плита и камин, за глухой стеной пропала ванная комната, кухня стала меньше. Потолки в комнатах стали ниже, а вместо Нюры поселилась свирепая дворничиха тетя Шура, имевшая за шаркающую походку и суровый нрав дворовую кличку «Рупь-двадцать». В нашей комнате исчезла ниша, в которую удобно помещался складной стол, и она стала еще меньше. Мои приятели из дворовых флигелей уехали в новое жилье, а сами флигели были снесены, и на их месте выросла высокая стена, отделявшая двор от Куйбышевской, как она тогда называлась, больницы. Кстати, городские названия в разговоре звучали иначе – всегда Жуковская, Маяковская (а часто – Надеждинская) и почти всегда Знаменская, а не Восстания.

Кооперативного строительства еще не было, но предприятиям было позволено строить дома для сотрудников, и первыми засобирались Суховы – им было что-то обещано на неведомой Щемиловке. Неожиданно для меня и для всех маме дали квартиру в доме, построенном СЗГУ для своих сотрудников на Средней Рогатке, и мы, собравшись за пару часов, переехали в квартиру с двумя сугубо смежными, как это называлось, комнатами, балконом, ванной, отдельным туалетом и газовой колонкой. Наверняка это был счастливейший день в жизни моих родителей.

Из этой квартиры я уходил в армию, уезжал в экспедиции и уходил в море, сюда я привел мою жену, и здесь вырос мой сын. Но это уже совсем другая история.

Мне снится тот дом

Начало

Вся моя жизнь какая-то коммунальная. С детства считал: все должны жить в коммунальных квартирах.

Я родился 25 октября 1946 г. Окончил Ленинградский техникум целлюлозной и деревообрабатывающей промышленности. Почти 40 лет проработал на фортепианной фабрике «Красный Октябрь», последняя должность – старший инженер-конструктор.

Родился я в клинике Вейдемана, на углу Большого проспекта и 14-й линии, на втором этаже. Тогда это был Свердловский район Ленинграда. Мой отец, Яков Иванович Кузнецов (1914 г. р.), – квартуполномоченный, учитель математики школы № 4 с углубленным изучением французского языка. Мать, Анна Тихоновна Кузнецова (1915 г. р.), – заместитель начальника цеха металлодеталей фортепианной фабрики «Красный Октябрь».

Родильный дом – это уже большая коммунальная квартира. Недалеко от клиники, если перейти Большой проспект, в доме 9 по 14-й линии я прожил 39 лет. Этот трехэтажный дом когда-то принадлежал Елизаветинскому женскому институту: здесь жили бонны и наставницы. В молве он назывался «учительским»: после революции в нем традиционно жили учителя. Даже после кампании наделения советских людей отдельным жильем у нас на каждом этаже непременно жил учитель. На первом – учительница 1-й ступени Мухина. Кстати, один из ее сыновей, Вадим, играл в оркестре Анатолия Бадхена на саксофоне. На втором этаже – наше семейство, отец-математик. На третьем – жили еще три учительницы: преподавательница математики в женской школе Н. И. Скрובה с семьей и сестры Галинкины – одна преподавала русский, а другая немецкий язык в школе № 10.

Соседний дом 7 назывался «обезьянником». Громадные коммуналки, по два туалета, две кухни и длинный коридор. Когда там поставили телефон, позвонить было невозможно – просто не звали.

Во всех близлежащих домах на первом этаже жили дворники с семьями. Нередко это были выходцы из Калининской области, иногда вдовы. Они обслуживали

участок перед домом, во дворе, убирали лестницу. Утром я видел след метлы даже между сараями! Какая ответственность! Когда все приберут, садятся парами на лавочку перед домом, в фартуках, с бляхами. Судачат. Пойдет снег – тут работы прибавляется. Скребут всю ночь. Мой отец, как закончит проверять тетрадки, выбегал на улицу и для разминки помогал убирать панель. Когда лошадь пройдет по улице, дворник выходит с метлой и большим совком. Появится куча навоза – моментально уберет ее. На 16-й линии располагалась конюшня, слышался цокот копыт, ржание.

Все было под боком: детская, взрослая поликлиники, школа (я учился в средней школе № 10), ДПШ (там я занимался музыкой, фортепиано), все районные власти и ведомства, все магазины. И даже Клиника неврозов им. Академика Павлова.

Улица тихая, висят дорожные знаки: проезд только с одной стороны (как-никак клиника неврозов). Дом наш очень уютный. На нашей лестнице – всего пять квартир. В единственной квартире на первом этаже было два съемщика. Одна женщина подолгу в деревню уезжала, и Мухина с двумя сыновьями жила как в отдельной квартире. Наша – классическая коммунальная: три съемщика. А Крон в романе «Бессонница» отмечает: «Двух-трехсемейные коммунальные квартиры – это наихудший вариант коммунального ада».

Это в полной мере относится к нашей. Сейчас все с улыбкой вспоминаю, но жутких коммунальных проблем в нашей квартире не было, хотя адские моменты были. Все было привычно. Когда весь город состоит из коммунальных квартир, отдельные только имели, к примеру, второй секретарь обкома партии (его дочери учились в нашей школе) и еще основоположник советской гидрохимии О. А. Алекин. Даже директора гастрономов жили в коммуналках.

Чердак закрывали на ключ, там было очень чисто. Помню, я туда с бабушкой ходил. Ясно вижу: пол засыпан шлаком, по нему дощатые трапы для прохода. Белье развешивали и там, и во дворе. Ключ от чердака один на пять квартир – когда надо наверх выйти, их обойти нетрудно. Второй был у дворника.

Соседи

В нашей квартире каждая семья имела по комнате. Площадь нашей комнаты составляла порядка 30 м², почти квадратная. В ней жили четверо: папа, мама, я и бабушка. Причем бабушка – член семьи путешествующий: временами жила то у дочери в Куйбышеве, то у внука в Перми. В первом отрезке коридора – туалет, кухня, наша комната, дальше двери во вторую часть, куда выходили комнаты Петровых и Шибяевых.

Отец признавался: «С детства понял: у меня что-то с памятью. И решил выбрать работу для себя рутинную и тупую» – и стал в итоге преподавателем математики. У отца все движения были рациональными. По приходе с работы после воспитательского часа он шел к столу, отстегивал воротничок (он крепился на клипсах) и манжеты, бросал это к печке. Его мать подхватывала все для стирки и крахмала. Он тут же садился проверять тетради и готовиться к следующему уроку. Его конспекты – шедевры. Бабушка пенсию не получала: была горничной в двух домах – у князя Куракина и князя Ладыженского. Печь была а-ля камин – с медной дверцей, медным листом на полу, ручками. Бабушка приспособилась и даже пирожки в камине пекла. А вообще, в каждой комнате стояла круглая шведская дровяная печь с гофрированной обшивкой.

Глава семьи Петровых – Константин Кондратьевич – работал сварщиком на Балтийском заводе. Его жена Марья Тимофеевна была домохозяйкой, днем спала, а ночью занималась стиркой и другими делами. Прямо сонная болезнь. Ее так и прозвали «ночная курочка киви». Постоянно делала всем выговор, коль приходишь днем: что топаете ногами и меня будите? Дочь, старшая из детей, Елена и ее брат Виктор. Мы с ним родились в одном месяце, Виктор стал моим другом детства. Вся их квадратная комната была занята тумбочками, шкафчиками...

Поздно вечером надо спать, моему отцу рано вставать, а Петрова начинает грохотать на кухне. Никакие резоны не действуют.

– Маня, ну потише. Все-таки ночью спать надо! – безрезультатно.

В третьей семье всем верховодила бабушка Фекла Евдокимовна Шибаева. Моя мама устроила ее на свою фабрику, она в заготовительном цехе на рейсмусовом станке работала. Ее сын Петр Павлович за мелкие кражи постоянно находился в заключении. После срока в семь лет с этим промыслом завязал. В квартире был нечист на руку, как и его друзья, поэтому мы вешали пальто и снимали галоши прямо в комнате. Но галоши всё же таскал, и как-то раз мой отец решил подшутить над воришками: прибил галоши гвоздями к полу. А пьяный сосед только влез в нашу резину, а сдвинуться не может. Но когда он сидел, «профсоюз», то есть часть банды, оставшаяся на воле, снабжал семью и консервами, и одеждой. Дети были одеты прилично. Уголовный мир очень хорошо организован. Как выходит на свободу – семья лапу сосет. Жена Петра Анна Николаевна по-своему была очень интересным человеком. Она познакомилась со своим супругом на зоне.

Их длинная вытянутая комната (около 40 м²) выходила на две стороны, она была разгорожена на две части двумя буфетами. Одну занимала бабушка, человек суровый, другую – молодая семья и двое детей. Младший сынишка Вова в двухлетнем возрасте умер, они родили третьего, тоже Вовой назвали. Эта семья сейчас по-прежнему живет в той квартире.

Одумавшись, Петр устроился наладчиком, а супруга – штамповщицей на Ленинградский завод металлоизделий, который располагался на 17-й линии. Обедать приходили домой, шумели, Марью Тимофеевну Петрову будили. Когда Шибаева-старшая уезжала летом в деревню, ее сын с невесткой откровенно начинали пьянствовать, и тогда у них было две темы разговора: решение финансового вопроса и воспитание детей.

Как-то Шибаева-старшая говорит моей маме, характеризуя приходящих к своему сыну бандюганов: «Ты видела, какие к моему Петьке ходят? Все ножевые, а ведь я их не боюсь».

Дети

Все время, помню, в квартире движение. Полосатые пестрые половички. Мы, ребята, разбегались и на половике катились по скользкому полу.

В коридоре трое ребятешек, брат и сестра Петровы да я, устраивали игры. Истинно коммунальный рай, как однажды заметил герой Олега Табакова! Даже на велосипеде катались.

Отец получал больше всех – 3000 рублей. Послевоенная модель автомобиля «Москвич» стоила тогда 8000. «Яков Иванович, почему вы не купите автомобиль?» – спрашивали его. «А вы можете меня представить под автомобилем с торчащими снизу ногами?..» Потому соседские (по дому) детишки приходили к нам и телевизор посмотреть (впервые он появился в квартире у нас), и так. Порой их искали родичи. Раз по квартире идет босиком поддтая, от стенки к стенке мотается Анна Николаевна, слышу голос Витиной бабушки: «У вас дети в квартире есть?» – «Полно» – «Где они?» – «Везде. Кишмя кишит».

Дровяные сараи для детей – это счастье. Прыжки с сарая на сарай были в моде особенно после фильма «Тарзан». Чего стоит один древесный запах! На железных крышах сарая весной мы грелись, там же играли в прятки.

Когда во двор привозили новые с иглочки баки для мусора, дети играли с ними в баскетбол. Блаженство, когда пущенный из-за головы мяч штопором входил в глубокий бак и попадал в западню!

Комфорт?

Телефон при мне у нас не появился. Почему? Когда его нет, он вроде бы и не нужен. А когда появится... Наша же комната первая – значит, аппарат встанет перед ней. А на рубеже 1940–1950-х о телефоне вообще разговора не было. Директорам только ставили.

Стены у дома – 82 сантиметра. Столярка в окнах хорошая. Зимой изумительный морозный рисунок на окнах, и я не помню, чтобы мы мерзли. Окна, правда, к зиме оклеивали. Дощатые полы перестилали сами, когда они сгнивали. Мебель выносили в коридор, там жили, а в комнате настилали, потом красили.

Мы ходили в баню № 56 на 17-й линии. Какой там изумительный морс продавали! Так вот, наш воришка Петр Палыч со товарищи как-то обворовали банную кассу. Проматывать пошли в нашу фабрику-кухню, что на Большом проспекте. Всех взяли, но ему удалось уйти. Он разыграл раскаяние – решил повеситься на проводах над нашей плитой. Труба не выдержала, сломалась, при падении он конфорки проломил! Квартира этим воспользовалась, подали заявление, и нам первым в доме поставили газовую плиту. Нас с кухней связывала общая стена, и благодаря тому, что постоянно кто-то готовил, она была теплой.

Напротив нашего дома, в доме 8 по 15-й линии, размещался наш ЖЭК. А позади, во дворе, – общая прачечная. Одноэтажное здание, чаны, кафель, облака пара внутри.

В холодильнике особо не нуждались: гастроном был рядом, на углу 14-й линии и Большого проспекта, продукты брали на один день – по 50 граммов колбасы. Зимой же ставили кастрюли на окно между рамами, что-то вывешивали в сетке через форточку.

Комнатные цветы у всех непременно были – прежде всего фикус.

Так мы жили

На кухне Петровы и мы пользовались керосинками, а у Шибяевой был ревущий примус, похожий на волшебную лампу Аладдина. Позже появились керогазы, но дровяная плита на четыре конфорки при этом продолжала действовать.

В нашей комнате стояла вешалка, буфет с гранеными стеклами, моя оттоманка, книжный шкаф, письменный стол (на нем письменный прибор и фигуры Пушкина и Толстого), овальный столик (на нем телевизор «Ленинград Т-2»), пианино «Красный Октябрь» С-5 выпуска 1941 г., кровать родителей, платяной шкаф. В центре – большой дубовый прямоугольный раздвижной обеденный стол с отвинчивающимися ножками.

Дежурство по уборке мест общего пользования в квартире было организовано в соответствии с количеством жильцов в семье. Семей немного, и график не вывешивали. Сколько человек в семье, столько недель и дежуришь.

Напряжение между семьями до 1959 г., конечно, было. Мой отец математик и непьющий, а сосед-сварщик сильно пьющий. Это, как ни странно, большого беспокойства не вызывало: каждый день напивался до положения риз, его домой

субутьльники приносили. Случая не было, чтобы он приходил домой своими ногами. Звонок в квартиру, двустворчатую дверь открывали, его раскачивали и вбрасывали в коридор. Так до утра на полу он и валялся. Утром умудрялся встать, уходил к семи часам утра на работу. Я никогда будильник не заводил, просыпался по его шагам: четверть седьмого по коридору топ-топ-топ. Никогда не было сбоя, никогда. Константин направлялся к ближайшей проходной Балтийского на 23-ю линию.

Ежели Петров недопьет и начинает гонять своих детей, мой отец вступался и объяснял: это не наш метод.

Чем бы мы ни питались, город много лет кормил деревню. Мы периодически посылали туда еду – колбасу, консервы. В 50-м почтовом отделении у нас была знакомая, она нас прикрывала (отправлять нельзя было).

На чемоданах

Когда все поняли, что пора делать ремонт, всем домом написали петицию. И в 1959 г. началась подготовка капитального ремонта: подвозили двутавровые балки, доски. Нам дали маневровую площадь. Помню, летом отец меня забрал из пионерлагеря завода «Севкабель», выходим на своей остановке, направляюсь к дому. Но тут отец говорит: «Пошли теперь вот туда. Мы живем в другом доме». – «Как?» – «А вот смотри, у нас уже ремонт идет». Вхожу неожиданно в новое жилище, все прибрано.

Самое сложное при переезде – пианино, затем платяной шкаф, оттоманка, буфет. Но перевозить совсем близко: с 14-й на 13-ю линию, через Большой проспект. Домик двухэтажный, оба этажа использовались под маневренный фонд. До чего живописный – его художники неоднократно писали! У нас комната на первом этаже. Позади дома, за воротами, находилось Северо-Западное геолого-разведочное управление. Двор перед конторой – прямо поленовский: мощение, столик, лавочки, деревья, кусты. Выходишь из кухни во дворик – как за город попадаешь.

Здесь тоже коммуналка, тоже три семьи. Женщина-дворник, ее муж непонятно где работал. Другая семья – надсмотрщик из СИЗО «Кресты», его жена и трое детей. На новой квартире отношения были просто задушевные: детишки к нам на телевизор ходили, друг другу уроки помогали делать. Очень приятные воспоминания. Улица – это 12–13-я линии – тихая, вымощена булыжником, и водители предпочитали проезжать другими путями. Рядом булочная, молокосоюз, на углу гастроном, все рядом. И школа на 13-й линии. Ко мне любили на день рождения сюда приходиться одноклассники: особый уют какой-то чувствовался. И не только дети. В маневренной комнате нас все навещали.

Когда мы выехали, дом перешел геологоразведке, в нашей комнате сотрудники в пинг-понг играли.

Здравствуй, старый новый дом

Обратно переезжали весной 1961 г., еще снег лежал. Шел урок физкультуры, мы на улице, и тут мама катит санки со скарбом. Наш дом 9 надстроили на два этажа, он потерял весь свой аромат. Въехали опять в свою квартиру, но посередине появился узкий коридор. У каждой семьи теперь – по две комнаты. Наши комнаты сугубо смежные, а у соседей – изолированные. В комнатах – дубовый паркет, двери с филенками. В коридоре – линолеум. Отопление уже центральное, но по привычке под зиму стали заклеивать окна. В итоге всю зиму не закрывали форточки. Верх блаженства – появилась ванна с газовой колонкой. Расписали дни помывки: у каждой семьи по два дня, и один день, воскресенье, – резервный. У нас были вторник и пятница.

В светильники в коридоре ввинчивали лампы под цвет обоев, и кто бы ни приходил, никто не верил, что у нас коммунальная квартира. Одинаковые зеленые занавески у каждой двери, пеналы для обуви.

В новую, после ремонта, квартиру Петров, выпив, приходил уже своими ногами. Дверь узкая, тело не вбросишь! Но мерзавчик с собой приносил и прятал от жены. У двери каждой семьи имелась полка для головных уборов – туда он пузырь и ставил потихоньку. Рядом был и электросчетчик (общий тоже имелся). Поскольку Марья Тимофеевна была меленького росточка, видеть, что на полке, она не могла.

Один раз он все же «засыпался». Марья решила проверить, правильно ли мой отец – квартуполномоченный – раскладывает плату по жильцам. Не обсчитывает ли? (Он, наоборот, мелочь округлял в пользу соседей, добавлял себе.) Взяла ручку и бумажку, залезла на табуретку – а там рядом со счетчиком калявочка стоит. Петров сделал вывод: решил использовать всеми алкашами проверенное место – прятать заветный бутылек в сливной бачок в туалете. Никто не доберется, принимаешь один, и холодненькая. Вечером он обычно одолевал всю газету «Вечерний Ленинград». В комнате жена курить не разрешала, он курил в уборной. Мы возмущались, но терпели – что делать. И вот Марья выходит на кухню, ни к кому персонально не обращаясь, говорит: «Вроде никуда не выходил на улицу, а час от часу все пьянее и пьянее». Соседки сутулятся и молчат – не закладывают бедолагу.

Когда Петров оставался один, а домашние уезжали в деревню, он в одиночку садился с бутылкой. Пил лекарства на спирту. Один раз жена, вернувшись, не обнаружила мазь. Спрашивает: «А мазь-то тоже сожрал?» – «Сожрал» – «Я думала, ты челОвек, а ты поОрозит» (северный говор). Выйдя на пенсию, он прожил меньше года.

Комната от Петровых отошла. Ее занял член Союза художников Григорий Александрович Черниенко с молоденькой женой – четвертой по счету. А ему под 70. Очень неудобные люди, массу претензий выдвигали. Приходилось и товарищеский суд подключать. Типичные требования: чтобы ночью никто в трусах из комнаты не выскакивал, полочку в кухне получить. Однажды он вылепил бюст некоего начальника водокачки и выставил его сушиться на кухне. Проходя, мы вздрагивали: что там за голова?

Раз приходит в гости его третья жена:

– Не удивляйтесь, они (он и молодая) очень подходят друг другу.

Эта семья постоянно была на мели. Жарили на кухне невозможные вещи, дышать нельзя было. И хлеб жарили. Пропали они так же внезапно, как и появились. После очередной пьянки старший сын Шibaевых схлестнулся с молодой и ударил ее по лицу. Художники улепетнули в мастерскую, а потом тихо съехали.

Въехал молодой инженер Котляр с супругой – интеллигентные симпатичные люди. Жили они здесь недолго, и когда съехали, третья комната отошла нам. В ней получился лазарет: парализованная тетушка приехала умирать, сюда же и больную бабушку определили. После них третья стала моей, к нам любили ходить в гости друзья, оставались на ночлег в ней. На третьем этаже в квартире, как брат с сестрой, жили хорошие друзья, парень с девушкой. Выросли, образовали собственные семьи. Все хорошо, схожие интересы, прямо отдельная квартира. Даже табличка появилась «Квартира образцового быта». Но жизнь идет, со временем стали грызться.

К отцу приходили домой ученики, в частности Миша Зайцев, разбирать задачки. Причем страшно поздно – сами с мамой бились до последнего.

Старые рельсы

Дети Шibaевых подросли, уже порой начинали конфликтовать между собой и с отцом, и тут приходилось вызывать милицию. Напоминанием о битвах по стенам оставались следы крови, а внизу жила начальница ЖЭКа. Так она частенько маляров к нам направляла, они белили и переклеивали обои.

Деревенским трудно понять, что такое коммуналка. В 1958 г. к матери приехала подруга из Сердобска. Утром встаем, Тося идет ополоснуться в кухонной раковине. Не проходит и минуты – с круглыми от ужаса глазами вбегает:

– Нюра! У тебя по кухне какая-то баба ходит!

– Так это ж Анна Шibaева! Живем мы вместе.

– Как вместе?

Стали ей объяснять, что такое коммунальная квартира. Когда до нее дошло, она была в ужасе.

Во всем доме мой отец был самым высокооплачиваемым. В определенные дни учительница Скрובה и тайком от нее ее дочь приходили клянчить деньги в долг. Самым постоянным и верным клиентом по займам стала Мария Пашкова. Приходила вроде просто так. Интересовалась футболом, хоккеем, спортом – минимум полчаса о голах и рекордах поговорит, раньше финансовую тему не поднимает. Отдавала деньги всегда вовремя.

В обновленной квартире я прожил до 1985 г. – всего получается 39 лет.

Отдельная

Папе многократно советовали: похлопочите об отдельной квартире. Отнекивался: живем в центре, все под рукой, через две минуты ты на набережной, а там и Зимний дворец виден. В 1985 г. отец прикинул: Пашка из тюрьмы выйдет, Владимир пришел из армии, женился. Дети пойдут, с Пашкой драться будут. Мать заболела – все одно к одному идет: надо исчезать. Пошел в исполком района, там его хорошо знали. Дали нам три смотровые квартиры, мы выбрали новую двухкомнатную квартиру в доме 1 на Новосмоленской набережной с эркерной комнатой. Отцу понравилось то, что вокруг много зелени, заросли на берегу Финского залива, соловьи поют. Мол, в зелени старость встретить. Первые два месяца, как въехали, вокруг еще никто не жил.

Живу здесь 31 год. Шов на потолке в комнате разошелся сразу после вселения. Пока все было влажным, держалось. Как-то пишу письмо в деревню на кухне, вдруг слышу грохот. Думаю, что-нибудь на лестнице упало. В комнату вхожу – боюсь голову поднять: камни на полу лежат.

Того не вернуть

Одноклассница недавно выразилась: уютное было время. К нам любили ходить в гости друзья и родственники, уютные были квартирки. Да и время было, что вместе надо было быть.

Васильевский остров – это город в городе. Особая статья, можно в тапочках выбежать в булочную, цоканье копыт, колбаса настоящая, вкусная. С конца 1940-х и до 1957 г. – пора абсолютного изобилия в Ленинграде. Какое овсяное печенье было, какие конфеты!

Самые теплые сны, что мне снятся, происходят там – на пересечении Большого проспекта с 14–15-й линиями. А как приснится наша коммунальная квартира, я в холодном поту: снится, что необыкновенно размножились Шибяевы. Не повернуться, сплошные дети и родственники (что и произошло в действительности).

От Читы до Васильевского острова

Преамбула

С годами я все больше убеждаюсь в том, что социологи сами должны писать тексты о разных сторонах жизни. О том, где пришлось побывать, с кем пообщаться – в плане не только научной, но прежде всего повседневной жизни. Той жизни, о которой мы пытаем наших респондентов – «простых людей». В обычных опросах социологи, конечно, не должны участвовать. Могут быть искажения из-за наших специфических знаний, из-за нашего образования, стремления к обобщениям, анализу, а вот тексты, воспоминания, комментарии – очень важны. Поскольку социологи могут увидеть то, на что обычные люди внимания не обращают, тексты социологов, как правило, содержат массу подробностей о повседневной жизни, и если заниматься анализом этих текстов, то так называемых информационных дыр в них оказывается мало. Тексты эти охватывают множество сторон жизни и множество проблем, в то время как работа с текстами обычных граждан (в том числе присланных на конкурс) сталкивается с тем, что не найти информацию по поводу тех или иных вопросов, интересующих социологов.

Поэтому жилищные истории социологов очень важны. Коротко обозначу темы, которые, считаю, должны быть отражены в этих текстах:

- История семьи, чтобы понять передвижения в пространстве и времени. В данном случае важно выяснить особенности жилищной траектории – что связано с пространственным перемещением, в частности, по стране.

- История получения жилья, в том числе особенности взаимодействия с государством (поскольку для современных пожилых людей именно государство являлось источником получения жилья) и как результат частной инициативы.

- Описание жилья – дома, квартиры, комнаты и т. п.

- Социальная структура жильцов, если это была коммунальная квартира. Возможно, описание соседей по дому или по улице, если это провинция.

- Предметная среда обитания.

– Образ жизни семьи. Соседей – если были. Желательно обозначить связь (влияние) особенностей поведения жильцов с особенностями жилья.

Жилье по статусу. Чита

Итак, отец мой был военным. До войны моя семья занимала две комнаты в трехкомнатной квартире по адресу: Ленинград, улица Маяковского, д. 1. Это был основной адрес. Однако на момент начала войны в 1941 г. отец, мама и брат (1939 г. р., умер в эвакуации в 1943 г.) жили в городе Выборге в индивидуальном доме – бывшем доме финна-ремесленника, реквизированном после окончания карело-финской войны. Оттуда отец ушел на фронт. А мать отправилась в эвакуацию.

В 1945 г. мой отец был комиссован и отправлен служить в город Красноярск. Там в 1946 г. родилась я. Естественно, квартиру в Красноярске я не помню. Через год семья переехала по очередному месту службы отца в город Читу. Собственно, оттуда и начинается моя жилищная история. Удивительно, но я помню подробности моего детства очень рано. Дом, в котором мы жили в Чите, находился практически в центре. Улица то ли Калинина, то ли Куйбышева. Это был добротный дом этажей в пять-шесть, который, похоже, строили пленные. Это из рассказов родственников. Не знаю – какие пленные – японцы или немцы... Дом был большой. Буквой «Г». Это был ведомственный дом, для высокопоставленных военных. Причем он имел секции – для более низкого состава и для более высокого. Мой отец, будучи подполковником, получил двухкомнатную квартиру на втором этаже. Что мне там нравилось и запомнилось, так это наличие балкона. Я очень любила бросать бумажки на головы прохожих. Года через полтора отца повысили до полковника. И мы переехали в более просторную квартиру, тоже двухкомнатную. Но большего метража, на первом этаже, без балкона, что меня расстроило. Квартира состояла из огромной гостиной – метров 35 – так я думаю сейчас. И спальни – метров 12, где спали я и моя тетка (по матери), которая к тому времени приехала к нам, чтобы помочь нянчиться со мной. Кухня была метров 15, туалет и ванна – раздельные. Ванная функционировала, но как грелась вода – не помню. Вся квартира обогревалась посредством батарей – называлась центральным отоплением, и это было большим достижением. Однако в кухне стояла маленькая плита, которую можно было топить дровами. Подъезд имел два выхода – как сказали бы в Петербурге – черный (во двор) и парадный выход на улицу. Из мебели я хорошо запомнила огромный овальный стол в большой комнате, за которым достаточно часто собирались гости. Отец, как и многие его коллеги, был азартным охотником и рыболовом. Сибирь и близкий Байкал для

этих занятий – благодатные места. Поэтому результаты охоты «обмывались» не только в лесу или на берегу озера, но и дома. Всегда праздновался Новый год в кругу семей друзей и сослуживцев. Интересно, что на Новый год у нас всегда ставили огромную сосну. Видимо, потому, что елей в тайге вокруг Читы было мало. Именно поэтому для меня одним из главных удивлений в Новом году в Ленинграде, когда мы туда вернулись, было присутствие ели, а не сосны. Кухня для меня была таинственным местом. Потому что туда два раза в неделю приходил огромный бородатый мужик и доставал из мешка кругляши замерзшего молока. Молоко там, как правило, частники продавали замороженным. Этого мужика я и боялась, и всегда ждала. Он мне казался таинственным Берендеем. Я пряталась под столом и слушала, о чем говорят моя мама и этот Берендей. Потом я узнала, что он был потомком ссыльных еще с царских времен. Не знаю, имел ли он отношение к декабристам – но был очень колоритен.

Во дворе находились сараи, каждая квартира имела свое отделение. Там стояли мешки с замороженной рыбой (деликатесом был омуль) и птичьи тушки – в частности, тетеревов и глухарей. После рассказов моей мамы моему сыну об этих запасах у него до сих пор есть мечта попробовать глухаря – но как-то в Питере это не получается. А еще в квартирах, как правило, были мешки с кедровыми шишками. Кедровые орехи – любимое и привычное лакомство жителей Забайкалья. Особым шиком было отшелушивать шишки, чтобы получить кедровые орешки. Мой отец владел этим мастерством в совершенстве. Когда я стала жить в Ленинграде, то очень удивлялась, что кедровые орехи тут не очень популярны, и, как говорила моя мама, здесь они очень дорогие. Поэтому покупали мне их не слишком часто.

Отдельный подъезд в доме был предназначен для суперначальников – генералитета и т. п. Поскольку в подругах у меня ходили их дети, то я бывала в их квартирах. Любопытно, что, когда на работу в Читу было переведено несколько сотрудников из Ленинграда, их, невзирая на звания, всех поселили в этот вип-отсек. Так вот, в этих квартирах были большие холлы, причем почему-то с двумя колоннами посередине, три или четыре комнаты. Дети очень любили бегать по этим комнатам и играть в прятки – родители смотрели на наши игры в квартирах сквозь пальцы.

Кстати, обои на стенах в квартирах в Чите были непопулярны. Стены были окрашены, как правило, масляной краской. Бумажные обои я увидела тоже впервые в Ленинграде.

Что еще интересно, так это свобода в отношении места прогулок детей. Причем без родителей. Рядом с домом находился спортивный стадион. Чтобы туда попасть, надо было перебежать дорогу. Мы туда бегали и зимой, и летом. Вообще,

зимы в Чите были интересные – много солнца и мороза, но мало снега. Поэтому мы на этом стадионе катались на санках по смерзшемуся песку. Во дворе мы гуляли, как правило, одни, без родителей. И было мне тогда 3,5–5 лет. Правда, в парк, который находился недалеко от дома, одних нас все-таки не пускали. Но иногда тайком мы туда бегали. Любимым занятием моим было вечером часов в шесть бежать по соседней улице – встречать с работы мою тетю Лизу (она работала телеграфисткой). Причем иногда я забегала очень далеко. Но не боялась, – видимо, там было безопасно. Зато на рынок – а это было основное место покупки продуктов питания – мы ездили с мамой на папашиной машине вместе с шофером. Шофер жил где-то в другом месте.

Достаточно часто моя мама давала мне деньги, чтобы я купила хлеб или булку. Булочная находилась в торце нашего дома. Я бежала в магазин. Люди из очереди – как правило, женщины – меня пропускали вперед. И я покупала булку. И было мне тогда года четыре. Сейчас такое трудно представить.

Еще одно очень любопытное воспоминание. В том районе, где мы жили, были разные лагеря, где содержались заключенные, осужденные по разным основаниям, как по политическим, так и по уголовным. Очень хорошо помню, когда в нашу квартиру ломился освобожденный – бывший заключенный, который почему-то знал или считал, что мой отец имел отношение к его осуждению. И при этом милиция приехала не так чтобы быстро. Хорошо помню, что он, уходя, повесил на нашу дверь свою шинель...

И все равно на следующий день я одна, без родителей, гуляла во дворе.

Читинский период закончился, когда мне было пять лет с небольшим. Мой папаша обладал весьма язвительным характером, любил покритиковать начальство, и за это поплатился. Вроде бы на пленуме обкома КПСС он раскритиковал тогдашнего первого секретаря читинского обкома Воронова. И через день стало ясно, что отцу надо уносить ноги. У него были хорошие друзья, которые его предупредили, что могут быть серьезные последствия. Он написал заявление об уходе, друзья помогли ему с отъездом. Мы собрались буквально за несколько дней и поехали в Москву искать справедливости. Ехали, по-моему, шесть или семь дней. И на это время купе стало моим домом – это был мой первый опыт путешествия на поезде.

Гостиницы. Москва

В Москве мы жили почти месяц в гостинице, – по-моему, это была «Украина», поскольку я запомнила, что это была высотка. Это тоже все было очень необычно. Но главное, что мне запомнилось, – то, что рядом с нами постоянно жили одни и те же люди, практически не меняясь. А жили мы там, повторюсь, почти месяц.

Вечером один наш сосед регулярно играл в холле на пианино. И это притом что устроиться в гостиницу было не очень легко. Но тогда, насколько я поняла сейчас, практика длительного проживания в гостинице имела место.

Вообще, жизнь в гостинице длительное время почему-то меня привлекает до сих пор...

Провинция, деревянные избы. Окуловка

В общем, справедливости отец не добился, и нам пришлось поехать жить к родственникам моей мамы. Это была Окуловка Новгородской области. Небольшой поселок – железнодорожная станция. Причем рядом имелось несколько деревень, где жили наши родственники.

Фактически мы там скрывались. В советские времена, как и в царские, одним из результативных способов уйти от наказаний, от тяжелой длани государства было сменить место жительства. В царские времена зачастую уезжали на Кавказ (об этом у нас есть свидетельства в воспоминаниях из Биографического фонда), а в советские – нужно было уехать подальше в какую-нибудь деревню.

Итак, в Окуловке я оказалась совершенно в другом жилищном пространстве – это были деревянные дома с достаточно однотипной планировкой. Однако мебель и функциональные пространства в поселковых домах и чисто деревенских различались.

Дома, в которых я жила, были либо на четыре окна, либо на три по фасаду. Дома бревенчатые. В поселке часто они были обшиты чем-то наподобие вагонки, в деревне – натуральные бревна. Зачастую в четырехоконных домах жили по две семьи, дома имели внутреннюю перегородку. Трехоконные дома – как правило, жилье одной семьи. В тех домах, где я жила, было по три-четыре комнаты. Главное пространство – кухня с печью. В больших домах – печь на две семьи. Вообще говоря, печка была центром повседневной жизни семьи. Особенно вечером, когда собирались все домашние. Еда, чаепитие, посиделки с соседями...

Нельзя не сказать о спиртопотреблении. Очень популярен был самогон. Его варили из конфет. Были в то время так называемые подушечки – дешевые сладкие конфеты. Самогона варили много и хранили его в огромных бутылках, как правило, из-под керосина, под кроватями. Эти бутылки приносили с работы, где трудились многие мужчины, – то есть с железнодорожной станции. Употребив самогон, мужики любили присесть на завалинку. Поговорить о политике, запеть любимую песню «Шумел камыш. Деревья гнулись. / А ночка темная была. / Одна возлюбленная пара / всю ночь гуляла до утра». Можно сказать, что песня была народной. Исполнялась и задумчиво, а иногда с надрывом, и ее я впервые услышала именно в Окуловке. Среди детей популярна была песня о молодогвардейцах,

о Краснодоне. Я впервые в Окуловке все это услышала. «Кто там улицей крадется, / кто в такую ночь не спит. / На ветру листовка бьется. / Биржа-каторга горит.../ Это было в Краснодоне...» – эти слова из песни я помню до сих пор. Кстати, в настоящее время (октябрь 2017 г.) в «Новой газете» публикуется очень интересное исследование-расследование о молодогвардейцах с использованием архивных данных, воспоминаний очевидцев и т. д.

Дети, и я в том числе, обожали залезать на печку, где было достаточно большое пространство, чтобы спать двум-трем людям, и, свесившись вниз, наблюдать за тем, что происходит внизу, что делают взрослые. Мы очень любили на печке спать. Это было какое-то очень приятное тепло. В плане тепла – по моим воспоминаниям, в домах никогда не было холодно, особенно зимой. И даже летом, если были дождливые периоды, затапливали печку, и жизнь наполнялась теплом. И это несмотря на то, что дрова стоили недешево. В некоторых домах (и в частности, у нас) была печка-буржуйка. Что это такое – ленинградцы-петербуржцы знают хорошо. В нашем доме печка-богатырь была на две семьи, наверху перегородка, а в ней дырка, через которую мы, соседские дети, обменивались некоторыми вещами. Разговаривали друг с другом. В общем, игры на печке мне хорошо запомнились. К дому был пристроен сарай. Он играл роль хлева, где семья держала коз или коров, а также свиней, либо птиц, в основном кур или уток, гуси присутствовали реже. В начале 1950-х, особенно после постановлений Н. С. Хрущева по поводу личного подсобного хозяйства и личных коров, когда многим пришлось от коров отказаться, козы приобрели большую значимость. Я с моими деревенскими друзьями нередко пасла их или встречала из стад вечером. Между сараем-хлевом и жилыми помещениями находился туалет. Это была выгребная яма с деревянной надстройкой, где внутри было так называемое очко. И надо сказать, до сих пор, когда я бываю в Окуловке, вижу, что такие туалеты есть, хотя появились биотуалеты и кое-что другое. Конечно, это были холодные туалеты, назвать их туалетами, впрочем, нельзя – это уборные, поэтому засиживаться там не хотелось. Весьма популярны для детей были горшки. У моих родственников в Окуловке до сих пор, пардон, сохранился большой эмалированный горшок, которым мы пользовались в 1950-х. Когда я его вижу, испытываю чувство ностальгии. Вода, естественно, в доме отсутствовала. Колодцы, как правило, в огородах имелись. Но качество воды было плохое. Воду из колодцев использовали для полива растений.

Во многих огородах имелись обширные пруды – емкости от обезвреженных бомб. Окуловка, между прочим, не была оккупирована, она находилась в котле, но подвергалась очень сильным бомбардировкам. Для питья и приготовления пищи предназначалась вода из колонок. Их было в Окуловке немало. Но не всегда

они находились близко. К моему несчастью, колонки с водой, где бы я ни жила, находились достаточно далеко от дома. В километре, а то и больше. Детям вменялось в обязанность носить воду из колонки домой. Хоть бидончик. Хоть ведро. И мы это делали. Интересно, что в 1980-е гг. мой маленький сын, приезжая летом в Окуловку, развлекался, набирая воды в свое маленькое ведро из тех же колонок, из которых я набирала воду в 1950-е гг. Кстати, в число обязанностей детей тогда входило еще покупать хлеб. Мы стояли в очередях, покупали буханки, несли домой, особенно вкусным был так называемый железнодорожный хлеб из их пекарни. Перечень того, что выращивали на огородах, был достаточно скромным.

В основном все занимала картошка. Сеяли морковь. Росли лук, чеснок. Были кусты смородины, в основном черной. Теплиц было мало. Огурцы выращивали в открытом грунте. Помидоры тоже... Даже редис был не очень популярным. Зато весьма популярна была прополка, которая, как правило, делалась руками детей. И я в том числе немало потрудилась на ниве прополки. Поэтому я так ненавидела наши спецнаряды от института в совхозы Ленсоветовский и Шушары. Помню, как 19 августа 1991 г. во времена ГКЧП объявили, что служащие должны помочь убрать урожай. Перед моими глазами поплыли поля. Поля. Поля. И охватила меня тоска. Воспоминания о нашей совхозной юности озвучил как-то на Санкт-Петербургском экономическом форуме Алексей Кудрин, который в дни своей юности в начале 1980-х работал в нашем питерском Институте социально-экономических проблем АН СССР. На вопрос журналистов, как ему нравится новое место проведения форума «Экспофорум» в районе Шушар, заметил, что у него это вызывает ностальгические воспоминания.

Вообще говоря, коллективной жизни было в этом территориальном пространстве много, что, впрочем, меня не очень удивляло, поскольку, несмотря на различие в материально-бытовой среде, имелось сходство с тем, что было во время моей жизни в Чите. В силу разных причин детская жизнь в таких поселениях, как Окуловка, происходила зачастую вне дома. Игры в лапту, в казаки-разбойники. Все это было хорошей социализацией. Тем более что семьи, школа, пространства для досуга и жизни очень тесно переплетались между собой.

Из мебели запомнились кровати с очень высокими матрасами и так называемыми подзорами (отделанные кружевами полотна, которые закрывали пространство под кроватью).

Дополню, что на Новый год мои родственники всегда ставили в доме большую, до потолка, елку, украшали и самодельными игрушками, и стеклянными игрушками. (Напомню, что елка, в отличие от сосны в Сибири, стала тогда для меня экзотикой.) Еще были какие-то вышитые штучки. Вспоминаю, что в то время очень популярна была вышивка. Чего только не вышивали! Непременными членами

семьи были коты. Собаки – реже. Причем все они жили в будках на улице, и никогда их не пускали в дом. Не помню и бездомных собак.

Интересно, что практически нигде я не встречала в Окуловке или в деревнях около нее места для мытья или построенную специально баньку. Мылись мы в больших коммунальных банях, где было много народу. Мы приносили тазы, мыло, мочалки и т. п. Поход в баню был регулярен – раз в неделю. Ходили компаниями – соседи, друзья, родственники.

Я достаточно органично вписалась в группу своих сверстников в Окуловке, несмотря на то что первоначальный период моей социализации в Чите был основан совсем на других реалиях. Здесь я подружилась со многими сверстниками, ни они не испытывали никаких проблем со мной, ни я с ними. Лишь иногда кое-кто из моих родственников с некоторой иронией обращался ко мне – «ленинградская». Хотя я-то на это именованье претендовать никак не могла, ибо переехала в Ленинград на постоянное место жительства лишь в начале 1950-х – в 1952 г. Добавлю, что в Окуловку я регулярно ездила и жила там летом в школьные каникулы. Езжу и сейчас, поэтому у меня есть масса сравнительных наблюдений.

А сейчас предприимчивый руководитель Окуловки приобрел практически бесхозный памятник Виктору Цою и поставил его около железнодорожного вокзала. Хотя Цой, конечно, не имел никакого отношения к этому месту, но благодаря инициативе местного руководителя весьма депрессивная в настоящее время Окуловка стала развиваться как центр музыкальной культуры. И уже несколько лет на бывшем военном аэродроме устраивают музыкальный фестиваль типа «Нашествия». В 2018 г. вообще был аншлаги. Приехали Леонид Агутин, «ДДТ» и пр.

Вообще говоря, вокруг Окуловки много интересных мест. Там жили Николай Миклухо-Маклай, Виталий Бианки. Сейчас приобрели дома артисты – Михаил Пореченков и др. А тогда ничего о прошлом мы не знали.

Особое место тогда в домах занимали иконы. Не помню ни одного дома, где бы их не было. Как правило, иконы находились либо в правом, либо в левом углу комнаты, если смотреть от входа в дверь. Чаще, как мне кажется, они находились справа. В некоторых домах были одна-две иконки. В некоторых – целый иконостас. Семья моей бабушки, и особенно она сама, была очень набожная. И икон в доме было очень много. Думаю, что некоторые были очень ценные. Потрясающей красоты икона Николы Чудотворца, а также икона с изображением Богородицы и Иисуса Христа в серебряном окладе. Про эту икону в семье существовала легенда. Якобы она была спасена во время пожара и разграбления в одной из ленинградских церквей в 1920-е гг., а потом привезена женой бабушкиного брата и подарена бабушке. Эта наша родственница приехала в Окуловку работать учительницей. Та икона сейчас перешла ко мне по наследству...

Утром и вечером бабушка, мои тетки регулярно читали молитвы, крестились тоже часто, когда садились за стол, в других разных случаях. В самой Окуловке церковь была закрыта в 1930-е гг. Однако мои родственники и другие жители Окуловки ездили практически на все церковные праздники в сохранившиеся церкви в деревне Перетно и городе Боровичи.

Взаимоотношение собственно моей семьи с религией были сложными. Мой отец, когда работал в Окуловке в 1930-е гг., входил в комиссию, результатом которой стало закрытие в Окуловке церкви. (Потом в помещении церкви находился кинотеатр, в который я ходила, а затем плавательный бассейн. Церковь была огромной, выстроена в начале XX века и поэтому годилась для таких нужд. В 1980-х ее вновь открыли как действующий собор.) Тем не менее моя бабушка как-то примирила в себе этот факт, когда мой будущий отец посватался к моей маме. Мои будущие родители благополучно поженились. Но венчания не было. Я была крещеная, но, похоже, тайным образом. И до того, как приехала в Окуловку, ничего не знала о религии, не видела икон, не умела даже креститься. Бабушка стала активно учить меня этому. Довольно часто дома посещал батюшка (ведь ближайшие церкви, куда все ездили в основном по церковным праздникам, находились, как я уже сказала выше, в Перетно и Боровичах), он тоже меня учил креститься и молиться. Но я была не очень хорошей ученицей. Первый раз я посетила церковь в Ленинграде, когда мне было лет 12. Это, если не ошибаюсь, был храм Александро-Невской лавры...

Еще очень популярными были походы в лес для сбора грибов и ягод. Мой отец был большим специалистом в этом вопросе. И это тоже было компанейским делом: собирались друзья, соседи, родственники.

А еще любимым занятием маленьких детей было считать вагоны в проходящих товарных поездах. Ведь жили мы около железной дороги. Так, между прочим, некоторые дети и считать выучились.

Коммунальные квартиры. Ленинград

В начале 1952 г. у моего отца наметились какие-то положительные сдвиги во взаимоотношениях с властью, и он решил переехать в Ленинград.

Насколько я понимаю, у моих родителей были ностальгические воспоминания по поводу места жительства в Ленинграде до войны – на улице Маяковского, д. 1. Я уже упоминала, что до войны они жили в квартире на две семьи – две комнаты занимал мой отец и одну – семья врача. Когда отец ушел на фронт, а мать с моим братом (умершим в 1943 г.) оказалась в эвакуации, квартиру поставили на бронь. Была в ту пору такая опция. То есть квартира сохранялась за квартиро-

съемщиками. Причем в ту пору ведь не было частной собственности, но за квартиру надо было платить какую-то сумму. В 1945 г. отец приехал на работу в Красноярск и получил там жилье. Но жилплощадь в Ленинграде была закреплена за ним и была на брони. Однако тут возникли проблемы. Окуловские родственники, которые время от времени жили в этой квартире, платили за нее нерегулярно, образовался долг. Бронь ликвидировали, жить в этой квартире мы не могли. Поэтому, когда мы вернулись в Ленинград, начались какие-то судебные дела – и мы сняли жилплощадь в этом же доме на улице Маяковского, д. 1. Это была маленькая комната в огромной коммунальной квартире на третьем этаже. Рядом с огромной кухней находилась наша комната. Это было мое первое впечатление о коммуналке, потом я навидалась их в огромном количестве: практически все мои друзья-одноклассники, не важно, какого социального статуса были их родители, жили в коммунальных квартирах. Я училась в школе № 209, на улице Восстания, д. 8. Поэтому мои соученики жили в центре, в микрорайоне, куда входили Невский проспект, улицы Марата, Маяковского, Жуковского, Восстания и близлежащие улочки и переулки. А именно там было скопление коммунальных квартир, потому что дома, где они находились, были роскошные, – раньше там жили весьма обеспеченные семьи. На вторых и третьих этажах этих домов квартиры принадлежали владельцам. Внутри квартала было много проходных дворов. И жилье было гораздо хуже. Но коммуналки были везде. Зачастую они образовывались в результате так называемого уплотнения, когда у бывших владельцев отнимали часть комнат. И в них вселяли семьи рабочих и бедных служащих. Таким образом, в квартирах образовывалось очень разнообразное с точки зрения социальной структуры сообщество.

Итак, первая коммуналка

Примерно семи-восьмиметровая комната рядом с огромной, метров в тридцать, кухней. Такие комнатки назывались комнатами для прислуги, и во многих квартирах они были. Два выхода из квартиры – черный во двор и белый на улице Маяковского. Третий этаж. Из кухни – длинный коридор. Семь-восемь комнат. И семь-восемь семей. Ни одна семья не занимала больше одной комнаты. Зато два туалета. И недействующая ванная. Нет горячей воды. Зато есть газ и газовые две плиты. Две раковины на кухне. Только холодная вода. Всегда кто-то есть на кухне, по моим воспоминаниям. Хотя состав социально неоднороден, но люди достаточно коммуникабельны, много общаются со мной как с человеком, приехавшим из далекой Сибири. Есть дети разных возрастов, которые также общаются между собой. Тут мы прожили примерно полгода. Потом какое-то время жили

у наших дальних родственников на Воронежской улице, на углу с мостом через Обводный канал в створе Лиговского проспекта. Это был интересный дом. Находился он внутри двора. Имел фактически два этажа. И длинный коридор, в который выходили двери множества квартир. Как ни странно – отдельных. Мы жили в большой квартире – комната метров 40, вторая метров 14. Кухня метров 10. В большой комнате стоял концертный рояль, на котором изредка играла моя родственница. Для меня это была экзотика. А также потрясающее впечатление – огромные напольные часы. Которые громко и мелодично били через каждые полчаса. Опять же в этой квартире достаточно характерными были встречи большими компаниями. Дети зачастую играли в прятки и в комнатах, и в этих длинных коридорах.

Интересно, что в одном из жилищных интервью также упоминается дом на Воронежской улице. Вообще, пересечение адресов любопытно: Питер – город маленький. Особенно для интеллигенции. Также хорошо помню, что рядом с мостом, где мы жили на Воронежской улице, на набережной Обводного канала находилась барахолка, на которой продавалось все, что угодно: от одежды, обуви, сделанной вручную (в частности, сапог зимних женских), до картин – своеобразных панно под стеклом из смятых серебряных оберток от конфет и шоколадок...

Ленинград. Невский проспект

Потом жизненный путь моего отца опять сделал зигзаг.

Он оформился на должность управдома, под началом которого были дома 106, 108, 110, 112 по Невскому проспекту. И мы переехали жить во внутренний двор дома 108 по Невскому проспекту. Очередное жильё представляло собой комнату метров 18, рядом с Красным уголком площадью в 35 метров, на первом этаже двухэтажного флигеля. В те времена во многих домах были такие Красные уголки, но не везде. Там организовывалась общественная жизнь, в том числе работали кружки кройки и шитья, вышивки. Рядом всегда были туалеты, вода. Я в эти кружки ходила, когда жила рядом. Досуговая жизнь была похожа на ту, что я вела в Чите и в Окуловке. Гуляли без родителей во дворе, хотя он был проходной и разнообразной публики там болталось много. Помню, что со стороны Невского в 12 часов ночи ворота всегда закрывались. И чтобы попасть во двор, надо было звонить дворнику или стучать – иногда достаточно долго. В то же время все знали, что двор-то был проходным и выход на улицу Восстания никак не перекрывался.

В то время (в 1950-е гг.) в Ленинграде было достаточно много всяких маргиналов, несмотря на жесткие меры со стороны милиции. Так, фактически было запрещено нищенство. Нищих я практически не помню. Однако разного рода

сексуальных маньяков, педофилов и эксгибиционистов было немало. Дети во дворах, включая меня, с ними неоднократно сталкивались. Однако нас спасали строгие предупреждения родителей о запрете общения с незнакомыми людьми и то, что дети в то время во дворе редко гуляли одни. Всегда они клубились стайками. Причем разновозрастными и разнополами, и вырвать кого-то одного из этих компаний было трудно.

Интересно, что дети регулярно ходили друг к другу в гости, несмотря на то что семьи очень редко имели больше одной комнаты в коммунальной квартире. Но, бывая у своих друзей, я хорошо познакомилась с жизнью ленинградских семей центра города. И, как показал мой дальнейший жизненный опыт, повседневный образ жизни семей в центре и на окраине (как и социальная структура жителей этих частей города) весьма различался.

В первом дворе со стороны Невского находился кинотеатр «Нева», там крутили разные фильмы, включая документальные. Но в тот период, когда я там жила, все сходили с ума по «Тарзану». А я и мои друзья умудрялись проникнуть на показ в наш домашний кинотеатр. Там был такой черный вход, о котором мы знали. О том, что мы туда пролезаем, билетерши знали, но закрывали на это глаза. Так мы посмотрели все серии «Тарзана» и еще кое-какие трофейные фильмы. Кстати, впервые мультфильмы я посмотрела только в Ленинграде – ничего подобного ни в Чите, ни тем более в Окуловке я не видела. В Ленинграде мы ходили смотреть мультики в кинотеатр «Хроника» на Невском, 82–84. Интересно, что фильмы крутили непрерывно, и люди могли посмотреть один и тот же фильм несколько раз.

Мы, кстати, гуляли не только в своем дворе – по Невскому, 108, но и в соседних – 110, 112. В доме 110 во дворе жила моя одноклассница в очень неординарном жилище – фактически это был небольшой двухэтажный домик-коттедж. Индивидуальный. Его, как она мне рассказывала, восстановил из развалин после войны ее отец. Недавно я специально сходила посмотреть, что с ним стало. Одноклассница там уже не живет. Но домик приобрел очень красивые очертания. И мне кажется, именно об этом месте вспоминает Андрей Битов в своей эссе «Странноприимный двор» в книге «В Питере жить» (редакция Елены Шубиной; издательство «АСТ», 2017 г., с. 253–277). Правда, в эти годы я уже редко там бывала.

А далее Битов вспоминает свое жилье на улице Восстания. И все, что там было и есть. У меня тоже сохранились воспоминания об этих местах. Хорошо помню дом 5 по улице Восстания. Там жили мои одноклассницы. Потрясали квартиры. Таких длинных коридоров и количества комнат я нигде больше не видела. Все коммуналки. В них жили очень интеллигентные люди. Лифт красивый,

старинный и лифтерша. А на самом верху вроде мансарды. И фактически отдельная небольшая квартира, где жила семья дворничихи. Вот такие парадоксы. А в доме по улице Восстания, 2, где теперь «Стокманн», в квартирах моих одноклассников были сделаны вторые этажи, настолько были высоки потолки.

Забавно, что в наших воспоминаниях есть постоянные пересечения в адресах... Вот и дом, где сейчас живет Олег Божков и о котором он пишет, попал в воспоминания Валерия Попова (см. сборник «В Питере жить»: «Мои места», с. 57–367). Все мы выросли в одних местах.

Кстати, любимым занятием девочек в то время была скакалка. Двое скакалку крутили, а остальные друг за другом подбегали и старались перепрыгнуть вертящуюся веревку. Сейчас такого развлечения я не вижу.

Интересно, что в настоящее время там, где находилась наша комната рядом с Красным уголком, расположилась туристическая фирма «Бон Вояж». И мне доставляет большое удовольствие заходить туда, разговаривать с менеджерами и руководительницей, стол которой стоит как раз на том месте, где находилась моя детская кровать. С этой фирмой я не раз ездила вместе с сыном на автобусе по Европе. Вот такие неожиданные параллели и зигзаги делает жизнь. Интересно, что об автобусных турах по Европе, в которых побывал вместе с родителями, вспоминает в своем биографическом интервью Могилевский-младший. Видимо, страсть к подобным путешествиям у социологов имеется. Опять же пересечения...

В 1953 г. из этой комнаты я пошла в школу № 209, которая находилась на улице Восстания, д. 8 (располагается там и сейчас) и до которой было идти пять минут. В то время она еще была чисто женской. С 1954 г. женские и мужские школы слили. Когда-то это учебное заведение до революции называлось Павловским институтом благородных девиц. Но нам об этом в ту пору никто ничего не рассказывал. С 1954 г. обучение стало совместным. Интересно, что благодаря своим одноклассницам я изучила все многообразие коммунальных квартир Ленинграда-Петрограда-Петербурга.

Комнаты по адресу Невский проспект, дом 96-1

Осенью 1953 г. отцу взамен пропавшего жилья по брони дали комнату в коммунальной квартире по адресу Невский проспект, д. 96-1, второй этаж, вход с Невского (если более точно – второй с половиной этаж, – ибо было еще полуподвальное помещение, в котором со стороны Невского находились булочная и фотография). А на углу располагался знаменитый магазин «Лаки-краски». Это был тот же дом, в котором мои родители жили до войны. Квартира чем-то напоминала ту,

в которой мы снимали комнату годом ранее. Главное удивление – звонок в квартиру, рядом с которым находился список жильцов – в нем указывалось, сколько кому звонков надо звонить. В этой квартире список ограничивался номиналом – пять. Поскольку мы въехали последними, нам нужно было звонить пять звонков. У некоторых звонки были индивидуальные. Телефона в квартире не было. Поставили его благодаря усилиям моих родителей только году в 1960-м. Висел он в коридоре на стенке. Такой же длинный коридор (полтора метра в ширину и метров 8–9 в длину), по которому очень любили бегать маленькие дети. Во все времена. Так, маленькая дочка моей подруги в середине 1970-х, никогда не видевшая коммунального быта, оказавшись в моем жилье, сразу стала бегать по коридору. Огромная кухня. Метров 40. Но туалет один. (Кладовки и ванная выгорожены из кухни.) Ванна недействующая, однако в ней стояла маленькая буржуйка, которую мы впоследствии освоили. Топили. Получалась горячая вода. И можно было мыться. Потом в конце 1960-х поставили газовую колонку – это было уже совсем роскошно, и мы перестали ходить в общественную баню. Общественные бани, которые мы посещали, располагались на Пушкинской улице. Пикантность ситуации в банях заключалась в том, что иногда мы в голом виде сталкивались со своими учительницами, которые тоже ходили в эти бани, проживая неподалеку.

Наша квартира была разделенной – одна часть имела выход на Невский, вторая – во двор. Интересно, что квартира под нами, на бельэтаже, не была разделена и имела два выхода – на Невский проспект и во двор. Это однажды мне очень пригодилось. Ибо во время майских и ноябрьских демонстраций выход из нашего подъезда на Невский перекрывался. Тогда в наших квартирах, особенно в комнатах, чьи окна выходили на Невский, дежурили милиционеры. А мне тогда (в 1974 г.) нужно было срочно ехать в аэропорт – пришлось выходить через квартиру вниз.

Прихожая в квартире была огромной – метров 35–40. Там стояло много нашей старой мебели: шкафы, столы, а еще мы привезли старинный сундук, который путешествовал с моими родителями по всему Советскому Союзу и прибыл к нам из Окуловки. Очень жаль, что, когда переезжали из квартиры на Невском в отдельную на Васильевском острове, мы этот сундук бросили. Так же как бросили все наши соседи старинные шкафы и другую мебель. Ибо в 1960-е гг. пришла мода на так называемую модную современную мебель. Теперь она кажется страшной и убогой, всё типа стеллажа и этажерки. А нам тогда казалось это красивым и современным, похожим на нечто западное. И мы бросали старую мебель, которая не только выглядела намного красивее, но буквально через несколько лет стала стоить дороже, чем современные поделки. Когда я думаю о том, почему так случилось, мне кажется, что это связано с тем, что тогда еще ценность личных воспоминаний, семейных историй, биографий не осознавалась. Формула

«Отречемся от старого мира» была в цене. Вспоминаю, как в семьях моих друзей в 1960-е гг. избавились от многих старинных вещей, включая даже часы, очень красивые абажуры с бисерной отделкой, старые (белые) рояли и пианино, огромные круглые или овальные обеденные столы. Между прочим, первое, что я сделала, когда у меня появилась большая кухня-гостиная, приобрела большой обеденный стол. К сожалению, сделан он был в Малайзии, а не в России. Но чем-то он напоминает столы моего детства.

Наша квартира, как многие квартиры в богатых домах Петербурга, имела анфиладный характер. То есть все комнаты были связаны между собой дверями. Каждая комната, исключая первую и последнюю, как правило, имела двери в соседнюю, причем в каждой стене. И дверь, выходящую в коридор. Двери были очень красивые и могли закрываться-открываться по желанию хозяев. В каждой комнате располагался камин. Когда мы жили в этой квартире, камин не действовали. Анфиладные двери, соединяющие смежные комнаты, были наглухо закрыты. На их месте некоторые семьи делали встроенные шкафы или стеллажи.

Комнаты в первоначальном виде были достаточно большие – метров 30–40, поэтому при социалистическом бытии в ходе уплотнения они были почти все разделены на две – метров по 13–15 каждая. Кстати, считается, что анфиладность – это типично питерское явление, в Москве оно присутствует гораздо реже.

Под нами находилось кафе «Ленинград». Коммуникации, по которым там шло тепло, проходили по стене рядом с нашей комнатой. Временами в комнате была жуткая жара. А под окнами находилась крыша от кухни этого кафе. И мы на эту крышу регулярно спускали в корзине нашу кошку погулять. Удивительно, но она всегда возвращалась в корзину. И мы ее поднимали. Во времена НЭПа кафе имело название «Бристоль». Когда мои родители куда-нибудь уезжали, я всегда ходила туда есть. Помню стандартный набор, в который всегда включалась ветчина с горошком или пельмени. Стоило это в 1960-е гг. 55 копеек. В кафе я не раз встречала завсегдатаев прошлых лет, которые ходили туда еще до войны. Тогда, как мне рассказывали соседи по столу, туда много ходило евреев. А в 1960-е гг. кафе было популярно среди командированных – ведь рядом находился Московский вокзал.

И вот в этой квартире у меня изменились привычки досуга. Поскольку парадное выходило на Невский, а не во двор, гулять во дворе я стала очень редко, и друзей у меня во дворе практически не было. Друзья все были школьные, и гуляли мы чаще всего во дворе нашей школы на улице Восстания. Благо ее окружал огромный парк. А зимой там заливали каток. Интересно, что в 1996 г. я участвовала в написании проекта по реконструкции этого квартала. Он тогда именовался кварталом 130, ограничивался улицами Маяковского, Жуковского, Восстания и Невским.

Финансировал проект Европейский банк реконструкции и развития. Моими партнерами были Игорь Травин, Михаил Амосов, Коля Корнев, Валерий Голофаст, сотрудник тогдашнего института «Гипрогор» Ю. Перелыгин и др. Мы провели не один опрос, разного рода исследования. Проект реконструкции получился достаточно интересным. Но сменился руководитель города – вместо Анатолия Собчака стал Владимир Яковлев. И планы реконструкции сошли на нет. Все, что построили там потом, не слишком согласовывалось с тем, что мы предлагали.

В этой комнате мы прожили около 10 лет. Состав жильцов в квартире был чрезвычайно разнообразным. Рядом с нами жила доцент Технологического института. Она принадлежала к большому еврейскому клану. У нее было много сестер и других родственников, которые постоянно приходили к ней в гости. В квартире жила еще одна многопоколенная еврейская семья, к ним часто приезжали родственники из Украины. Глава семьи работал мясником на Кузнечном рынке, сын был инженером, который получил контузию на войне, и время от времени у него бывали нервные срывы. И тогда все жильцы, а не только его маленькие дети и жена, старались не попадаться ему на глаза. В комнате площадью 15 м² жила многодетная семья рабочего с пятью детьми,

В комнате рядом поселилась сестра владельца дома и племянник – сын умершего родственника. Это была странная пара. Племянник преподавал труд в одном из ПТУ, а сестра – очень красивая, надменная, аристократичная, бесконечно раскладывала пасьянсы. Она была к тому времени реабилитирована. Не работала и из комнаты выходила редко. Вскоре они уехали. Получили жилье в связи с реабилитацией...

В нашей большой прихожей стояли два старинных сундука (до сих пор жалею, что мы не взяли свой сундук, который приехал с нами аж из Сибири, при переезде в новую квартиру), старинный шкаф, в котором скапливалось разное общее барахло. А также располагались небольшой стол и табуретки. В этой прихожей тусовались, как мы сказали бы сейчас, время от времени все жители нашей квартиры. А также принимали гостей. Особенно часто там находились дети со своими приходящими друзьями. Всего в квартире постоянно проживало 8–9 детей. А в гости могло прийти еще 3–5 человек. Была еще одна пара – военный и его жена. Мужчина вскоре умер. Их сын жил отдельно. Его мать была не очень заметна.

Еще в квартире жила бездетная пара. Очень интересная. Муж – красавец-старик, с шикарными усами, бывший гусар. Жена – бывшая дворничиха. Она работала дворником во дворе нашего дома всю войну. После войны стала фактически частным предпринимателем – стирала белье соседям. И в кухне постоянно гладила выстиранные вещи. Зачастую там была невероятная жара. Вообще

говоря, квартира была очень теплой. Толстые стены. Батареи – центральное отопление. Крепкие рамы на окнах и очень высокие потолки. Высота потолков в наших комнатах была 4,2 метров. Но если у некоторых моих друзей в таких комнатах делали антресоли, где могли стоять даже кровати, хранились книги, стояли письменные столы, то в нашей квартире таких антресолей почему-то никто не сделал. Из-за высоты потолков очень трудно было проводить ремонт. Надо было сооружать стропила, дополнительные лестницы. И поэтому самим делать ремонт было трудно. И я почему-то не очень любила эти высотные комнаты. В новой квартире высота потолков 2,6 метров меня вполне устраивала – это было по-человечески. Зато мой сын, родившийся и живший в комнатах с низкими потолками, всю жизнь мечтает о высоких потолках.

Любопытно вспомнить об образе повседневной жизни в этой коммунальной квартире. Были дежурства – одна неделя дежурства равнялась одному человеку, жившему в квартире. Обязанности – ежедневная уборка: подмести, почистить газовые плиты (их было две, и конфорки не были закреплены. Если они были свободны, можно было пользоваться всеми), вынести ведро, покормить кошку. Кошку кормили хорошо, а не объедками, – собирали, если точно вспомнить, копеек двадцать с человека на неделю. Целая эпопея была с выносом ведра – ведь у нас был только выход на Невский проспект, а большинство жителей квартиры, в том числе неработающих, почему-то готовы были вынести помойку лишь вечером. И это было целым спектаклем. Я его очень любила – выйти вечером, когда по Невскому планируют разные люди, и с ведром прошествовать мимо них во двор. Вообще говоря, наша квартира жила довольно дружно – в суп не плевали, скандалов сильных не устраивали. Даже одно время к Пасхе пекли общие куличи, причем в этом действе за компанию участвовали и представители еврейского клана.

А еще любопытным зрелищем было явление накануне праздников в квартиру полотера. Полы в ней, надо сказать, были в виде хорошо сохранившегося паркета. И этот полотер нам всем регулярно эти полы натирал, смотреть на его действия было интересно – это был практически танец. Никто от его услуги не отказывался. Натертый паркет выглядел очень прилично достаточно долго. Недавно я просматривала повесть Григория Бакланова «Свой человек» и увидела точное описание работы полотера, которое очень похоже на мои воспоминания. «Натирать полы раз в две недели приходил полотер дядя Петя. Размазывал из ведра по полу желтую мастику и, пока она подсыхала, шел на кухню покурить; в доме пахло сырым дубом, мастикой. А из кухни махоркой. Покурился, дядя Петя разувалясь, снимал сапоги, впихивал портянки в голенища, ступни его ног были такие же желтые, как мастика в ведре. И начинал растанцовывать: руки вольно за спину, одна нога с надетой на нее щеткой ходит-машет перед ним поперек пути, туда-сюда,

туда-сюда; другая, которой он подпирается, переступала, то пальцами захватит, то пяткой вперед. Тогда еще не было электрических полотеров, был дядя Петя. И широкой рекой по наощенным полам разливался за ним сияющий свет» (см.: Бакланов Ю. Свой человек // Знамя. 1990. Ноябрь. С. 69).

Не могу не вспомнить еще одну особенность нашей квартиры. Именно как коммунальной. Это, извините, наличие клопов. Этот вид тварей, как и новогодние елки вместо сосен, отсутствие кедровых орехов, жидкое молоко и некоторые особенности жизни впервые я увидела, только начав жить в Ленинграде в коммунальной квартире. В Сибири клопов нет – то ли сухой морозный климат действует, то ли вообще отсутствие в большом количестве коммунальных квартир. То, что наличие клопов – особенность прежде всего коммунальных квартир в центре Ленинграда (Петербурга), – непреложный факт. В доме на Невском, 96, это было стихийное бедствие. (Кстати, по воспоминаниям знакомых, такая же картина с огромным количеством коммунальных «вороньих слободок» была в Одессе. И клопы там тоже были обязательным атрибутом.) С этим явлением, конечно, боролись. Так, наш квартуполномоченный время от времени объявлял: сегодня гоним клопов. Надо было, чтобы участвовали все, потому что клопы активно переползали из одной комнаты в другую. Мы все сыпали dust и всякие другие антиклоповные средства. Запах был жуткий, но выветривался быстро. Несколько месяцев клопов не было. Потом они опять появлялись – видимо, переползали из других квартир. Одновременно провести антиклоповную процедуру во всем доме было невозможно, хотя мы и пытались. Несмотря на провозглашенный в то время коллективизм, он в умах и поведении жителей страны отсутствовал.

Когда в начале 1975 г. мы переезжали в новую квартиру, то не без страха по поводу клопов оставили старую мебель, купили новую. А ту, что взяли с собой, тщательно продезинфицировали – таким образом, в новом жилье клопы не появились. Я интересовалась у новых соседей на этот предмет – они знают, что я социолог, и отвечают порой на самые неудобные вопросы – клопов ни у кого нет.

Однако – судя по объявлениям на асфальте в нашем и некоторых других районах в настоящее время (2018 г.) об уничтожении клопов – клопы в городе есть. Предложения конкретны, и это связано, на мой взгляд, с антисанитарными условиями размещения мигрантов в городе. Если посмотреть, где активно размещаются эти объявления, то можно фактически составить карту обитания мигрантов.

В 1961–1963 гг. в квартире начались изменения. Во-первых, появился телефон. Тут порадел мой отец, воспользовавшись некоторыми своими привилегиями. Телефон он отдал фактически в пользование жильцов всей квартиры. Потому что было ясно: если телефон будет только наш, к нам будут ходить и просить позвонить остальные жильцы.

Кстати, телефон-автомат присутствовал в нашем подъезде с конца 1950-х. Эта практика существовала в Ленинграде – общие телефоны находились не только в отдельных будках, но и в подъездах жилых домов. Такие телефоны создавали определенную общественную среду в подъезде вокруг телефона. У нас постоянно кто-то находился в подъезде на первом этаже. Тусовались, как сейчас бы сказали, разные компании. Одно время собирались компании глухонемых. Почему – не знаю. Заглядывали припоздавшие посетители ресторанов и кафе на Невском, чтобы добавить кайфу и допить алкоголь. А днем кто-то постоянно торчал на площадке бельэтажа. Да и я с моими подругами-одноклассницами порой долго не могла расстаться в подъезде.

Опять же не могу не сказать об опасностях. Одно время в наш подъезд (а он никогда не закрывался) повадился ходить эксгибиционист. Днем он пугал детей и женщин, обнажая свое «богатство». Дети об этом явлении говорить взрослым боялись. Наконец, какая-то женщина написала заявление в милицию. Там сначала отнеслись к этому равнодушно. Но она привлекла учителей и родителей. Не знаю, что предприняла милиция, но эксгибиционист пропал. Однако все равно в подъезде мы ходили с опаской. Даже днем.

Далее. Произошли изменения в нашей ванной комнате. Сначала мы поставили в ванную небольшую печку типа буржуйки, которую топили дровами, и она нагревала воду. Споров по поводу очередности пользования ванной у нас не было. Потом году в 1965-м поставили газовую колонку, и это были вполне признаки цивилизации.

С 1962–1964 гг. начал меняться не только состав жильцов, но и мебель. Вполне приличную старую мебель стали менять на так называемую современную – как правило, гарнитуры из ГДР или Чехословакии. Старую мебель стали выбрасывать. Сейчас, вспоминая, на что мы поменяли свой иногда антиквариат XIX века, иногда добротный советский, я прихожу в ужас. Это колченогое произведение трудно сегодня назвать приличной мебелью, но это наша история. Нам тогда это казалось ужасно современным. Мы за этой мебелью стояли в ночных очередях.

И наконец, про новый состав жильцов. Сначала уехали, как я уже писала, родственники владельца квартиры. Они получили новое жилье как репрессированные. В их комнату въехала семья пенсионеров с внуком, к тому же время от времени с ними проживал сын – жуткий алкоголик и хулиган. Напившись, он бил своих родителей. А мы, соседи, «сажали» его за это на некоторое время. Возвратившись, он как ни в чем не бывало продолжал жить как жил. Пил, но был довольно безобиден.

Получила новое жилье и многодетная семья. В их комнату въехала тихая вдовушка лет 50. Со временем обнаружилось, что вместе с ней въехал ее сердечный

друг, который почему-то очень боялся быть обнаруженным соседями. Сидел тихо. В туалет ходил глухой ночью, а днем добирался до туалетов Московского вокзала. Большая еврейская семья совершила очень интересный размен-обмен. Выписали из Украины сестру жены, глава семьи развелся со своей супругой, женился на родственнице с Украины, она прописалась в нашей квартире. Стало фактически три семьи. Они встали на очередь, потом как-то долго менялись по обменной жилищной цепочке, и в итоге в их две комнаты въехали еще две вдовушки – экономист и бухгалтер. Одной было уже за 60. Другая была веселая вдова, регулярно менявшая обожателей, но добрая и благожелательная к соседям. Именно у нее в 1961 г. появился в нашей квартире первый телевизор, тогда же появился на ТВ первый КВН, а потом соревнования по фигурному катанию на коньках. И эта наша соседка приглашала на телевизор всех соседей. В нашей семье телевизор появился в 1964 г. – уже без линзы с водой.

В конце 1968 г. – начале 1969 г. наконец случилось улучшение (расширение) жилищных условий в нашей семье. Умерли один за другим прачка и ее муж-гусар. В то время была практика: если в коммунальной квартире освобождалась комната, то на нее могли претендовать жильцы этой же квартиры, если они могли предоставить документы, по которым претендовать на дополнительную жилплощадь были основания (а такие основания были у нашей семьи – заслуги отца, его льготы, проблемы в комнате, в которой мы жили, – греющийся угол от кафе). Таким образом, мы эту комнату получили. Безусловно, помогла структура, где работала моя мама, – Городская прокуратура – плюс льготы отца. Комната была в своем роде уникальна – это была половина разделенной достаточно большой комнаты с камином (камин остался в другой половине, а мы сделали в двери в другую комнату нишу).

В итоге наша новая комната представляла собой длинный узкий пенал: в длину 7 метров, в ширину 1 метр 96 см. В итоге это стало основанием для постановки на очередь по улучшению жилищных условий. Ширина комнаты – меньше 2 метров. Высота потолков – 2 метра 45 см. Окно прямо на Невский проспект – напротив вход на станцию метро «Маяковская», в ресторан «Невский». И в этой комнате поселилась я – это было автономное счастье еще и потому, что комната родителей не соприкасалась с моей и я могла приходить и уходить из дома, когда мне заблагорассудится, делать, что хочу. В этой комнате перебивали многие мои знакомые, многие известные личности 1960–1970-х гг. и, конечно, многие мои однокурсники, а потом практически все мои социологи-коллеги.

Начнем с проходящих мимо моего места жительства самых разных знакомых. Многие из них тусовались в «Сайгоне». Окно комнаты, как я писала, выходило на Невский. И мои друзья, кто шел по Невскому, смотрели на мои окна: горит там свет

или нет. Если горит – можно зайти. Поговорить, допить и даже оставить некоторые вещи. У меня хранилось много книг, предназначенных книжниками для обмена. Я, как всякий социолог, регулярно наблюдала текучую повседневную жизнь напротив моего окна. Многие проходящие мне были знакомы, интересно было наблюдать за поведением девушек, слетающихся часам к семи вечера к ресторану «Невский». В это время их расхватывали. Оставшиеся ждали и появлялись часам к одиннадцати. Я наизусть знала музыкальный репертуар ресторана. Почему-то, с учетом заказов посетителей, особым спросом пользовалась песня «Жена чужая».

Во времена университетской жизни у меня часто собирались однокурсники, пили, ели, пели, общались. Самое интересное, что мои соседи никогда на меня не «наезжали» за шум, за многочисленных гостей. И даже с удовольствием слушали наши хоровые упражнения...

Но главными посетителями моей комнаты стали мои друзья – коллеги-социологи. В начале 1970-х я работала в секторе проблем города и регионов в Институте конкретных социальных исследований АН СССР. В 1973 г. мы придумали проект о повседневной жизни петербуржцев. Он назывался – «100 вопросов о вашей жизни». Идеологом проекта и руководителем был Андрей Николаевич Алексеев (1934–2017). Кто только не бывал у меня! Участники проекта – Андрей Алексеев, Олег Божков, Галя Еремичева, Валерий Глухов, Ира Рябикова, Володя Павленко. А также интересующиеся и сочувствующие – Галина Старовойтова (с ней мы вместе учились на философском факультете, еще когда психологи были отделением этого факультета; мы писали общую курсовую под руководством Альберта Баранова – «Агенты социализации в крупном городе»; я писала социологическую часть, а она – психологическую), ее тогдашний муж, а мой коллега Миша Борщевский, Валя Узунова, Лёша Семенов, Володя Рукавишников... Всех не перечислить. Главными достоинствами моей комнаты, конечно же, были расположение и автономность жилища. И лояльность соседей, хотя время от времени мой алкоголик хулиган-сосед пенял мне на то, что у меня много бывает в гостях немолодых мужчин, а мало юношей – в общем, учил меня женскому счастью.

Вообще говоря, когда читаешь о житье-бытье в коммунальных квартирах, всегда натыкаешься на типичную картину. В каждой коммунальной квартире были свой алкоголик, многодетные семьи или несколько семей с детьми, тихие интеллигентные старушки, которых все гнобили, или, наоборот, громкоголосые «организаторы» из бывших военных или чиновников, которые пытались упорядочить жизнь коммунальной квартиры по своему усмотрению.

Старый мой дом и квартира сейчас изменились. На двух этажах теперь находится бургерная – «КФС». Подъезд, выходящий на Невский, закрыли.

Закрылось и легендарное кафе «Ленинград». С некоторыми старыми соседями в первые годы переезда на новое жилье мы еще общались. Но вскоре все поразъехались и поумирали. Кто живет сейчас в моей старой квартире, я не знаю. Но рамы на всех окнах новые, внешне все выглядит прилично.

Улица Кораблестроителей, дом 22. Васильевский остров

В конце 1974 г. нашей семье вдруг привалило счастье. Мы получили ордер на отдельную квартиру. Основания для получения нового жилья были таковы. Во-первых, как я уже писала, мы были поставлены на общую городскую очередь по улучшению жилищных условий как проживающие в «дефектных» условиях – в одной комнате грелся угол, и порой температура доходила до 30 градусов Цельсия, что было зафиксировано специальными приборами, а вторая комната имела ширину меньше двух метров. К тому же отец имел льготы как ветеран Великой Отечественной войны, орденосеиц, инвалид. При этом 1975 г. должен был праздноваться как 30-летний юбилей Дня Победы. И мама имела некоторые заслуги – она многие годы работала в прокуратурах, сначала в областной, потом в городской, ленинградской. И стояла в ведомственной очереди на улучшение жилищных условий. В общем, звезды сошлись. И когда ее ведомству, то есть городской прокуратуре, выделили квартиру (а насколько помню, выделяли одну-две квартиры ежегодно), она получила ордер. Причем должность она имела незначительную. И это показатель того, что все-таки тогда существовала некая справедливость. По-советски.

Для меня этот будущий переезд стал неожиданностью. Меня вполне устраивало мое житье-бытье. Когда я впервые осмотрела мою будущую квартиру (тогда считалось, что квартира на Васильевском в новом районе – это чуть ли не элитное жилье), была очень разочарована. Я поняла, что мне придется полностью менять свой образ жизни. Прежде всего это далеко от центра. И мои «центровые» друзья до меня вряд ли смогут часто добираться. К тому же я теряла свою приватность и автономность.

Опишу новое жилье. Квартира находилась в очень добротном кирпичном доме, построенном по спецпроекту. Дом даже был облицован плиткой. К тому же в нем были двухэтажные квартиры – это был вообще эксклюзив. Наша квартира находилась на шестом этаже в подъезде, где в основном давали квартиры ветеранам – большие однокомнатные и двухкомнатные. Наша состояла из двух комнат – 14 и 16 метров. Имелась полулоджия – полукрытый балкон. Он мне понравился. Я могла на нем загорать. Кухня – около 8 метров. Большая ванная и отдельный туалет. А главное, – считалось, что это большое достоинство, – три стальных шкафа.

Вроде бы по тем временам все очень прилично. Но, повторюсь, я сразу поняла, что потеряла приватность и автономность. Комнаты моя и родителей были рядом. Слышимость по всему дому, а тем более через стену, была очень хорошая.

Я не переезжала в новую квартиру месяца полтора, пока меня не выселили и не заставили переехать – появились новые претенденты на мое старое жилье. И мой образ жизни сразу изменился. Мало кто доезжал до меня, да и им у меня было не очень комфортно – повторюсь, не было приватности, рядом мои родители. Я и сама частенько добиралась до моей новой квартиры очень поздно, а то и оставалась ночевать у друзей – поближе к центру.

Наш дом 22 по улице Кораблестроителей был в 1974 г. чуть ли не одним из первых на побережье, рядом с устьем реки Смоленки. И мы полностью чувствовали дыхание Финского залива. Ветры, наводнения... Иногда ветры были такие, что выдавливали стекла в окнах. Сильная влажность. Ездить на работу до Таврического, где тогда располагался мой Институт социально-экономических проблем АН СССР, было далеко – станции метро «Приморская» тогда еще рядом не было. В то время как раз стали закручивать гайки с дисциплиной. И в некоторые дни проверяли до минут наш приход на работу – мы должны были прийти в 9:15. Помню свою ставшую знаменитой объяснительную записку: «Я опоздала на работу на 15 минут, потому что в районе, где я живу, дул шквальный ветер, мне было не выйти из подъезда, даже невозможно открыть дверь, меня вдувало обратно... Начиналось сильное наводнение...»

Магазинов рядом не было. Правда, сейчас их много. Метро появилось. Транспорт стал ходить часто. Конечно, были и плюсы у нового жилья с самого начала. Прежде всего большая зеленая зона и пляж вдоль Финского залива. Достаточно чистая вода у берега. Песок и мелководье, что было важно для маленьких детей. Когда у меня в 1982 г. родился сын, в первые два-три года мы даже никуда не уезжали за город. К тому же это были теплые лета.

И все равно мне не хватало автономности дома, и я думала о том, как бы увеличить жизненное пространство. То ли приобрести еще одну квартиру. То ли поменять на большую... В 1978 г. умер отец. В 1999 г. умерла мама. Мы с сыном стали жить вдвоем. Каждый в своей комнате. Тем не менее планы об изменении жилищных условий все время существовали. Интересно, что профессионально социологически я регулярно занималась изучением жилья, и формула «число комнат, равное числу членов семьи, плюс одна комната», похоже, является более или менее оптимальной на сегодняшний день. Но иметь это могут немногие.

В этой квартире я прожила более 40 лет. Много чего изменилось и в доме, и вокруг дома, и в поведении соседей. Да и соседи в большинстве своем поменялись. Интересно наблюдать за поведением старых и новых соседей. Старых

старых соседей, новых молодых. Старых соседей я даже по именам не всех знаю. И мы не всегда здороваемся. А новые, особенно молодежь, всегда здороваются, общаются, помогают нести вещи. Много квартир снимают студенты. Очень часто китайцы. Маленькие дети в песочницах игрушки не отнимают друг у друга, а игрушки валяются во множестве на детских площадках. Дети придут, поиграют, оставляют. Подростки мало общаются между собой. Хотя достаточно спортивных снарядов. В большинстве своем они общаются с гаджетами. Похоже, дети вообще не умеют играть друг с другом. Старушки на лавках сидят. Но обсуждают много разных проблем, а не соседей. Бомжи тоже разные и очень любопытные. На самом деле их нельзя точно назвать бомжами – то есть людьми без определенного места жительства. Кое у кого жилье есть. Хотя они за него не платят и почти всегда находятся на грани выселения. Скорее, их можно назвать асоциальными элементами или бичами – бывшими интеллигентными «человеками». Я знаю многих, ибо с возрастом мое любимое времяпрепровождение – посидеть на лавочке во дворе. Наши бомжи очень прилично одеты – зимой в дубленках. Хотя и не новых. Но приличных. А «дамы» иногда даже в шубах. Это результат избытка вещей у жителей – вещей, которые выносятся на помойку.

Я регулярно прохожу свои 10 000 шагов и наблюдаю за жизнью соседей. Я с ними часто разговариваю, поскольку для большинства телевизор – это окно в мир. И там они меня время от времени видят. А почему бы не пообщаться? График появления разных людей во дворе я теперь точно знаю. И могу определенно сказать, что двор перестал быть агентом социализации для детей. В то же время он стал достаточно безопасен по сравнению с 2000-ми и ранее. Тогда я боялась поздно возвращаться домой. Были и грабежи, и пьяные подростки. А теперь двор пустой. Лишь регулярно подъезжают личные машины. Их теперь много. Иногда стоят в два ряда, бегут домой озабоченные студенты, из круглосуточного супермаркета несут еду озабоченные отцы и матери семейства...

Когда мы только стали жить в этом доме, перед нами никого не было. Из окон был виден главный собор Кронштадта. Затем построили Морскую набережную, гостиницу «Прибалтийскую» и т. п. Потом отстроили Морской фасад – морской причал-вокзал. Но все-таки кусок Финского залива сейчас из моего окна виден. А главное, видна новая достопримечательность – Башня-игла Лахта-центра. Я по тому, где над ней висят облака, определяю погоду. И очень рада, что ее переместили из Охты в Лахту. Как говорится, нет худа без добра. Для меня, во всяком случае. Рядом теперь еще есть Западный скоростной диаметр. Вид с моря, когда едешь по ЗСК, очень красивый. Мы не приют убогого чухонца, а Морской фасад города. В связи с этим мне вспоминаются новые районы разных городов, которые я видела в своих путешествиях. Наиболее похож новый район столицы Чили

Сантьяго, который строили при активном участии Августо Пиночета. В этом районе я жила и наблюдала, как достраивали большой бизнес-центр, очень похожий на наш тогда еще будущий Лахта-центр. Тот центр я окрестила Сантьяго-центром.

К сожалению, теперь у нас рядом пляжей нет. Купаться негде. Зато можно за 10 минут дойти до Морского вокзала. Пройти контроль и погрузиться на круизное судно, чтобы поехать в Хельсинки, Стокгольм и далее везде. Теперь у нас огромное количество круизных судов, туристов. И вообще наш район стал Чайнатауном. «Прибалтийская» арендована китайскими туристами. Много ресторанов и кафе для китайцев. Много студентов из Китая. Живут в общежитиях. А вечером супермаркеты переполнены экономными китайцами, покупающими шоколад «Аленка» и лапшу «Доширак».

На месте наших любимых пляжей, которые, как выясняется, не были совсем безопасны, ибо рядом находилась свалка, где могли быть радиоактивные отходы, сделали огромный намыв. Сначала планировали построить новые корпуса СПбГУ, но потом от этой идеи отказались, задумав построить новый кампус университета где-то в Ленобласти. А жаль... Теперь здесь строят новое жилье. Надо сказать, это очень симпатичные кварталы. Новый квартал называется «Я – романтик». Здесь много арендуют жилья. Много молодых семей, студентов. Красивые прогулочные набережные. И даже ночью летом полно веселящихся кампаний. Причем не пьяных, я просто очень веселых.

Поиск нового жилья. Покровские горки Гатчинского района. Таунхаус

В общем, году в 2006-м мы задумались о расширении жизненного пространства. Причин было много. Но одна из главных для меня – отделение сына с его многочисленными книжными и бумажными завалами. В поисках нового жилья мы с ним объездили весь Петербург и окрестности. Как-то мне с самого начала было ясно, что нас не устроит просто новая квартира в каком-нибудь новом районе или рядом со старой квартирой. Хотелось чего-то нового. Может быть, чего-то необычного. Сын, в отличие от меня, выросший в квартире с низкими потолками, мечтал о высоких потолках и даже, может быть, о двухэтажной квартире.

В поисках нового жилья мы объехали множество новостроек Петербурга и его окрестностей. Постепенно сформировались более определенные требования к новому жилью. Нам хотелось приобрести новое жилье, чтобы получать время от времени новые впечатления, вести новый образ жизни, переезжая из одной квартиры в другую, не зависая нигде надолго. Кстати, эта тенденция – приобретать дополнительное жилье в другом месте для смены обстановки – несколько лет назад заявила о себе во многих западных странах. И в США, и в Европе.

Стремление к огромным жилищным пространствам если и не сходит на нет, то ослабевает. Так что мы с сыном оказались практически в самом начале этого тренда. Связано это, конечно, с изменениями в образе жизни. А главное, с увеличивающейся мобильностью – стремлением путешествовать. Менять работу и место жительства. Особенно это характерно для среднего класса, хотя с этим классом сейчас возникают большие проблемы.

Поездив по Петербургу, стали ездить по его окрестностям. Посмотрели много коттеджных поселков. Даже подумывали о том, не построить ли собственный дом. Тем более что и я, и сын терпеть не можем шум от соседей, особенно бесконечные ремонты. В итоге стали присматриваться к одному очень симпатичному месту. Между городами Павловском и Коммунарком находится деревня Покровка, где можно было купить землю. Эта деревня интересна тем, что в царское время там жили служивые люди, обслуживавшие царский двор. А кроме того, рядом находилась усадьба графини Самойловой. Думаю, что многие вспомнят картину Карла Брюллова «Всадницы». На ней как раз изображена графиня с дочерьми. Эта картина почему-то была очень популярна в советские времена. Так это была ее усадьба. В то время, когда мы там объявились, дом, парк и пруд были в полуразрушенном состоянии. Но тем и было интереснее. А главное, в дом можно было залезть и много чего там увидеть. Помню огромный кованный сундук (назначение его не поняла), остатки колонн и многое другое. Кстати, рядом находилась хорошо сохранившаяся церковь святой Екатерины. В общем, осколок старой эпохи.

Интересен был и исторический контекст местности в XX веке. Здесь, в районе Коммунара, воевала так называемая «Голубая дивизия» испанцев во время Второй мировой войны. В этом дворце находился штаб дивизии. Потом в Коммунаре были военнопленные испанцы, а также госпитали, в которых испанцы (и не только они) лечились. В Коммунаре есть даже кладбище с памятниками, где похоронены воевавшие против Советского Союза представители разных европейских стран. Однако об испанцах местные жители сохранили достаточно теплые воспоминания. Мол, они были добрыми и красивыми. Насколько я смогла понять, там есть и потомки этих солдат: любовь... Кстати, говорят, что лет десять назад испанцы хотели купить дворец Самойловых. Но не случилось – кризис...

Сейчас этот дворец восстановлен. В нем планировалось сделать гостиницу к Чемпионату мира по футболу 2018 г., но не случилось. Говорят, что владельцем стал друг Владимира Путина, который владеет находящимся рядом рестораном «Подворье».

В общем, места нас впечатлили. Но вскоре мы поняли, что строительство дома – это большая головная боль и мы к этому не способны. К тому же у нас уже

была попытка обзаведения дачным домом в 1998–1999 гг. Тогда мы получили в поселке Красницы свои шесть соток. Но так там ничего и не сделали. Что случилось с этим участком, я не знаю. В итоге за время наших поисков нового жилья у меня начал подспудно оформляться конкретный свод требований, который исходил из моего характера. Я люблю, если можно так выразиться, «одиночество в толпе». То есть мне нужна автономия, чтобы меня не трогали. Но в то же время я не могу быть одна, без людей. Я люблю существовать параллельно, но автономно. А общаться с себе подобными могу либо когда хочу, но не часто, либо когда окружающим нужна моя помощь. Конечно же, на все это влияет моя профессия социолога – я наблюдатель и фиксатор.

И тут мы с сыном посмотрели, причем дважды, английский фильм «Ноттинг Хилл» с Хью Грантом в главной роли. Герой живет практически в центре Лондона в таунхаусе. В этакое «скворечнике» – маленькие комнатки. Несколько этажей. У него тусуются разные друзья. Он владелец книжного магазина. И на этом пространстве идет интересная жизнь. Он вроде автономен. Живет своей жизнью, но рядом есть соседи. Мне эта идея очень понравилась. Тем более что к таунхаусам я присматривалась давно, еще со времени своего первого посещения Лондона в 1996 г. Я тогда жила в гостинице рядом с Британским музеем. А поблизости было несколько рядов таунхаусов. Потом я видела множество таких строений во всей Великобритании, а также в других странах. Как-то была в гостях в таунхаусе одной молодой журналистки, живущей в районе Гетеборга.

Наш почти семилетний опыт поиска нового жилья достаточно неожиданно закончился приобретением таунхауса, причем место расположения этого жилья было недалеко от деревни Покровка, где мы собирались построить дом. Это был коттеджный поселок, очень удачно расположенный с точки зрения транспорта. Ни я, ни сын никогда не собирались приобретать машину, поскольку имеем проблемы взаимодействия с машинами и механизмами. А до нашего поселка ходят от станции метро «Московская» маршрутки. Очень часто. Стоимость – 45–50 рублей. Рядом, в Коммунаре, есть больница, церковь и даже Киноконцертный зал им. профессора Нильсена. Кто это такой, я пока не выяснила. Есть вся инфраструктура. Масса супермаркетов. Имеется очень симпатичное кафе, причем я с удовольствием изучаю на его посетителях эту новую для меня полупригородную, полугородскую жизнь.

Что в итоге мы приобрели? Мы купили таунхаус – двухэтажный отсек в строении, как правило, на четырех собственников. Общий метраж – от 50 до 75 м² (у нас 70 м²), два туалета. Деревянная лестница, которая скрипит, – и это самый большой шум в доме. Жильцы рядом производят шума меньше. Хорошо это или плохо – я еще не поняла. Есть газ, отопление от газовой колонки, вода (и холодная,

и горячая), электричество, 2,5 сотки земли, балкон. Жилье имеет выход на две стороны: с одной стороны – вход в дом, с другой стороны – выход в садик. Как-то сразу мы решили увеличить свое жилье и сделали мансарду из чердака. Мне она очень нравится. Два окна на крыше. Общая площадь мансарды – метров 25. Это добавка к общему метражу. Мансарда нам с сыном очень нравится. И мы с самого ее обустройства спорим, кому там жить. В таунхаусе много разных укромных уголков – под лестницей, в коридоре и т. д. Это очень интересно и разнообразит жизнь. Можно везде кое-что поставить, повесить, облагородить...

Управляющая компания убирает мусор, кое-что ремонтирует. Чисто. Можно обратиться за помощью по любому поводу. Мы купили жилье в 2013 г., и в первый год в поселке даже устраивались общие праздники – в частности, Рождество и Новый год. К сожалению, наш главный строитель не рассчитал свои силы, заявляя все новые и новые проекты, надорвался, обанкротился. Но мы, к счастью, купили жилье в самом начале его строительства и успеха. Никаких проблем с обслуживанием пока нет.

Соседи – в основном средний класс. Очень многие, как и мы, живут на два дома. При этом не делают из таунхауса дачного места – с грядками картофеля, теплицами и т. п. Много есть усовершенствований и красотостей: террасы, гамаки, садовые фигурки, собаки и коты.

Ну и конечно, личные машины и дети. Благо школа находится недалеко.

Что сейчас? Мы тоже пока живем на два дома. Тренд о смене впечатлений работает. В Питере все связано с работой. А в Покровских горках – душевный отдых. Там я забываю обо всех проблемах. И просто отдыхаю. Мне все это очень нравится. Переедем ли мы или кто-то из нас на длительное жительство в Покровку, не знаю. Но ясно, что менять мы ничего не будем. И даже если мы поменяем место жительства радикальным образом, то жилье в Покровке оставим.

«Везде люди живут...»

Мое жилище, то есть помещение, в котором живут или в котором можно жить, его благоустройство и условия проживания в нем меня мало интересуют. Есть женщины, которые с трепетом произносят «Дом» или «Моя квартира», в которую откуда-то когда-то переехала семья. Для хороших хозяек стены их жилища оберегают что-то чрезвычайно важное в их жизни. У меня не так. Отец был фронтовиком, потом военным служащим, поэтому мы с сестрой с детства знали, что куда его пошлют служить, там и будем жить. Мама часто повторяла: «Везде люди живут», хотя сама она жила только в Ленинграде, за исключением времени эвакуации из города, а отец ушел на фронт из Москвы.

С первым местом его службы во Львове, после окончания Военно-педагогического института в звании старшего лейтенанта, связаны и мои очень ранние, фрагментарные воспоминания о жилье. Глаза открылись на мир в полном восторге. Под открытым настежь окном первого этажа цвели пионы. С тех пор я не признаю ни прелести чайных роз, которые обожала мама, ни стройности осенних гладиолусов, которые дарили бабушке на ее день рождения, ни воспеваемых в любимой мной японской поэзии распущенных хризантем. Кусты роскошных пионов на фоне зеленой стриженной лужайки потрясли меня на всю жизнь. Так кипень цветущей сирени навсегда потрясла Сергея Рахманинова. Так мы все со вздохом слушаем «Белой акации гроздь душистые» или «Ландыши – светлого мая привет»... И «Вино из одуванчиков» остается литературной загадкой... Мое окно в мир за пределы ограниченного пространства комнаты открылось в два с половиной года, и уже всегда тревожило ожиданием каких-то чудесных впечатлений.

Первоначально одну комнату в штабном корпусе занимали три семьи молодых военных преподавателей из Ленинграда. Наша часть комнаты была выгорожена у окна; остальные кровати, с панцирными сетками и тумбочками около каждой, стояли за фанерными перегородками. На нашей тумбочке располагалась настольная лампа и на белоснежной салфеточке, вышитой мамой ришелье, размещался радиоприемник, по которому хрипло звучали сказки на украинском языке. Я не понимала, мама считала меня несообразительной. Когда папа

прибегал на обед, из-под кровати вытаскивали ящик с постельным бельем, который временно служил столом с тремя тарелками и кастрюлькой на неустойчивой подставке с ножками, от которой меня отодвигали подальше. Общая громадная ванная комната содержалась в идеальной чистоте. Она была закрыта на ключ, который выдавался семьям по строгому почасовому расписанию раз в неделю. Туалетной комнаты я не помню по естественным возрастным причинам, – кажется, она тоже запиралась на ключ. На общую кухню женам офицеров надо было бегать с кастрюльками по длинному коридору первого этажа мимо караульного солдата на посту при знамени. Заговаривать с ним мне было строго запрещено. Я правильно сообразила, что этот молчаливый истукан не расскажет маме, что я выплевываю котлету между решетками на входе. Все входящие люди чистили ноги об эти решетки, поэтому, когда маршал Василевский не почистил, я схватила его за брюки. Папу вызвали на второй этаж в Штаб «на ковер» к начальству. После этого меня стали выталкивать на крыльцо на улицу. На территории военного городка было совершенно безопасно, все всех видели, детей знали, любая женщина останавливалась поговорить. Из их разговоров я поняла, в какую сторону уходит на работу папа. По дороге к нему нашла дверь в столовую, где курсантам на обед выдавали компот. И опять папу «утюжил» дежурный офицер, а новенькую коробку с моим пластилином переподарили моей подружке, которая чужих компотов не выпрашивала. От скуки я увязалась за старшими детьми в бассейн, с ходу нырнула и едва не утонула. Из Ленинграда вызвали бабушку. Маме надо было окончить школу, чтобы получить аттестат зрелости. Ее документы пропали в эвакуации, а она мечтала поступить на биологический факультет Львовского университета. Но вместо того чтобы стать студенткой, она стала матерью второго ребенка – и опять девочки. К этому времени мне уже исполнилось шесть лет, пространство военного городка было освоено и воспринималось полностью как родное, безопасное и привлекательное, а новорожденную сестрицу я планировала унести в парк за оградой, на чужую территорию, и там забыть на скамеечке.

В Ленинграде мы жили в большой комнате, 42 м², с двумя окнами, в угловом доме напротив памятника Лермонтову. Оба оконных подоконника были заставлены цветами, с которыми у бабушки были какие-то спорные отношения – она их то любила, то разлюбила. Мне нравился тот цветок, листья которого капали перед дождем. Бабушка на него орала, что он все капает да капает, а ей с ребенком надо идти на рынок. Фикус слишком много места занимал. А пальма с резными веерными листьями не хотела толком расти, в то время как у обеих бабушкиных сестер, живших в соседнем подъезде дома, росла прекрасно.

Пока мы жили втроем с бабушкой и дедом, комната казалась очень просторной. Особенно много территории открывалось, когда перед праздниками

паркетные полы покрывали жидкой мастикой, разводя ее в большом ведре. Мاستику разводили и размазывали по полу женщины. Моя мама в день моего рождения так активно шуровала по полу шваброй, что в Роддом им. Федора Петровича Гааза ее доставили в суматохе, не успев помыть ноги, с ярко оранжевыми пятками, за что ее очень ругала нянечка, толкавшая каталку в отделение. Потом паркетный пол надо было растирать щетками вдоль половиц до зеркального блеска. Натирал полы, конечно, дед. Меня он поощрял раскатываться на щетках по полу, чтобы ему веселее работалось. Об этом веселье я вспомнила в парковых дворцах под Дрезденом, когда на экскурсиях нашему пятому классу выдали на ноги такие же полотерные щетки, чтобы мы раскатывались по музейным паркетам. Служительницы в залах перехватывали нас в охапку у каминов и хохотали вместе с нами.

Белый камин с решеткой был и в нашей коммунальной квартире на Лермонтовском проспекте, но только в комнате у соседки – бабы Мани. У нас в комнате была угловая печь. Я любила таращиться на огонь, бабушка кочергой разбивала большие поленья, и я надолго застывала в каком-то сладостном наблюдении за процессом сгорания дров с перепрыгивающими огоньками и рассыпающимися искрами. Когда бабушка орудовала печными заслонками, она неустанно сопровождала эти действия байками о глупых девочках или глупых старухах, которые угорели сами, да еще и прихватили на тот свет кого-нибудь из родни, не понимая опасности выделения угарного газа при неполном сгорании дров в печи. Если я теряла интерес к повторам сюжетов, то бабушка живописала состояние крайнего возбуждения и помрачения чувств от угара, не доводя повествование до летального исхода, и это было пострашнее смерти во сне. Охапки дров из подвала во дворе на наш третий этаж приносил дед, аккуратно складывал их между двумя входными дверями. Мы с бабушкой понемногу перетаскивали их на жестяной лист на полу перед печкой, которую бабушка расхваливала и за то, что быстро разгорается, и за то, что хорошо тепло держит. Мы очень жалели нашу печку, когда в дом стали проводить паровое отопление с батареями под широченными подоконниками и ее сломали.

К соседке бабе Мане меня старались не пускать, камин она не топила, и в ее комнате с балконом было для ребенка холодновато. Бабушка не могла спокойно видеть, как мы с Маней месим на обед тюрю для ее мужа – высококлассного работника дяди Вани. Он прикрепил на стене над кроватью черную тарелку, которая то ритмично стучала, то вдруг начинала орать мужским голосом, который потом сменялся более спокойным женским, но о чем говорили – я опять не могла разобрать. У полупарализованной Мани была книга Берга с картинками, на которых изображались гиены, потрясавшие мое воображение. Баба Маня плохо говорила,

зато замечательно рычала, передавая мне отчетливые представления о гадких зверях.

Чтобы найти мне занятие в собственной комнате, бабушка переставила патефон на низкую табуретку, достала небольшую стопку пластинок и научила крутить патефонную ручку. Пружинный завод был коротким, Шаляпин начинал рычать на таких басах, что становилось жутковато. Я не могу вспомнить, почему же пластинок в тот период времени было относительно мало. Помню только, что все горевали о той пластинке, на которой был записан мой дед, исполнявший соло для трубы в джазовой музыкальной пьеске «Домовой». Обреченно говорили, что утрата невозполнима, что этой пластинки уже никогда не достать, что завистливый молодой дирижер нарочно сел на тот особый с высокой спинкой, обитый кожей мягкий стул, куда пластинка была отложена в сторону от других.

У бабушки на туалетном столике перед трюмо стояло несколько фарфоровых статуэток и множество пузырьков от духов. Они были разнообразны по форме и цвету, очень красивы. Так много духов и одеколонов в доме было потому, что по любому поводу их дарил не только дед, но и его друзья-музыканты, которые приходили в гости. Один пузырек с духами «Резеда» меня интриговал до предела допустимого. Но это был тот редкий случай, когда мне его не давали. «Резеду» подарили моей прабабушке Марии на день рождения моей бабушки Лизы, запечатали пробку каким-то особым способом (залили воском, наверное) и завещали распаковать новорожденной только на ее 70-летие. Мы так и сделали своевременно, духи не утратили свой аромат. Кроме этого пузырька, мне в игрушки отдали все другие флакончики, добавили большой сундучок с пуговицами, брошки, непарные сережки, бусинки, бисерные и расписные коробочки и множество тубусов от помады. Остаткам помады я находила разнообразное применение. Во всяком случае, мой толстопузый голый пупс перестал нуждаться в пеленках и распашонках из разноцветных лоскутков. А кукла-негритянка, продававшаяся тоже голой и до моей раскраски помадами вызывавшая легкую оторопь у женщин семьи, преобразовалась в такое чудище, что ее стали прятать от гостей. Цветных карандашей не было. Они появились позже перед школой, когда мне уже было неинтересно проводить прямую оранжевую линию от зеленой точки к синей точке, как уговаривала тетка-чертежница.

Книги были, но уже послевоенные, в мягких обложках, лежали ровной стопкой на этажерке с витыми стойками. О роскошных книгах с потрясающими рисунками я слышала из воспоминаний. До войны их дарили моей маме, но все книги были сожжены в буржуйке после того, как была сожжена мебель. Мама их хорошо помнила. Меня завораживали ее описания красавца-царевича в серебряном кафтане из глянцевитой тафты и в алой шапке с меховой оторочкой, из-под

которой разлетались по ветру выющиеся светлые локоны. Упершись в стремяна сафьяновыми сапожками с высокими каблуками, он мчался через дремучие леса на сером волке с настоящей свирепой мордой нешуточного зверя. Мама вышивала гладью картины, которые по сию пору украшают квартиры ее внучек, вставленные в тяжелые темные с позолотой багетные рамки. Об этих роскошных книгах я мечтала, когда мне приносили большие шоколадки в обертках с разными картинками или дарили шоколадные конфеты в коробках тоже с картинками «Три богатыря», «Мишка на севере», «Московский кремль». Шоколад я не любила, – наверное, поэтому и эти картинки мне не нравились, не было на них царевича. Выручала книжная библиотека второй части нашей семьи, жившей в соседнем подъезде.

Такой распад на территориальные части большой семьи произошел во время войны, когда в три из пяти комнат нашей довоенной отдельной квартиры заселили семьи из разбомбленных домов, а позже к ним переехали родственники, пережившие немецкую оккупацию. Все они были какие-то молчаливые, ни добрые и ни злые, прибитые. Их мужчины работали проводниками вагонов в поездах дальнего следования. Позже с ними бабушка пересылала за деньги нам во Львов крупы и сливочное масло в бидонах с водой, мама ей жаловалась, что смалец (вытопленное нутряное свиное сало) в глотку не лезет.

В результате численного преимущества переселенцев наша единая семья не просто потеснилась, но вытеснилась в разные квартиры на разных этажах разных подъездов одного дома. Общий «семейный котел» тоже перестал быть, достаток у каждой из трех сестер стал разный, так как их дочери по-разному вышли замуж. Но все поколения исправно платили «пенсию» родоначальнице семьи – моей прабабушке Марии. Она не имела документальных свидетельств о своей жизни. То, что родила шестерых детей, – не заслуга. О том, что мужа до смерти забили казачьими шашками во время демонстрации рабочих, лучше было помалкивать. Могилы многих «плекхановцев» сгрудили на Волковском кладбище рядом с могилой Георгия Валентиновича. Странно, но во время блокады вдова нашего прадеда получила распоряжение о перезахоронении своего мужа, чтобы расчистить место для семьи Ульяновых. Вероятнее всего, эта неуместная инициатива кладбищенского начальства была связана с желанием скрыть исчезновение всех деревянных могильных крестов, которые просто ушли на топку. Так и наша могила с большим дубовым крестом исчезла, помним место вприглядку. О жизни во «вдовьем доме», куда Марию с детьми переселили после смерти кормильца, и своих ночных работах в железнодорожном депо Варшавского вокзала она и сама помнила как-то смутно – тяжелая была работа. А дневная работа белошвейкой в какой-то мастерской, организованной монашками из разогнанного монастыря,

тоже не оставила следов на бумаге. Один документ о своей жизни она все-таки получила. Уже после смерти Сталина ее вызвали в Большой дом, чтобы расписалась о реабилитации своего единственного сына. До этого момента она верила, что он «живет где-то так далеко, что там нет даже почтового отделения». Таково было ее понимание формулы «без права переписки». Никто ее не разубеждал. Вернулась Мария домой, пересказала разговор со следователем своим трем дочерям и замолчала на 10 лет. Ее разбил паралич.

Из ее дочерей только старшая толком выучилась – окончила гимназию и работала бухгалтером, вызывая пиетет у всей родни. Это у нее в одной из двух комнат был настоящий книжный шкаф. Ее внучку, мою старшую двоюродную сестру, учили читать, мне разрешали сидеть рядом. Мы садились за громадный дубовый стол, который стоял перед еще более громадным буфетом. Буфет называли охотничьим, он был украшен барельефами головок оленей и кабанов и занимал всю стену рядом с дверью. Белоснежная, чуть накрахмаленная скатерть аккуратно наполовину отворачивалась, и на дальней половине стола оставался стоять на хрустальном круглом блюде графин с водой. Этот графин был первым предметом, который приковывал к себе мое внимание. Он был фарфоровым, с витой ручкой и букетом голубых незабудок, раскинутых по его удлинённому корпусу. Загадкой была его крышка, которая являлась стаканчиком с неотрывным от него блюдечком, которое закрывало доступ к воде. И уж только на стаканчике располагалась выпуклая крышка – тоже с незабудками. Ради того, чтобы это сооружение действовало, я постоянно просила пить, заслужив прозвище «водохлеб». Второй предмет моего восхищения располагался над головой. Это была большая люстра из цветного хрусталя. Подвески были синие, зеленые, бардовые. Я задирала голову и не могла оторвать глаз от этого воплощения роскоши, которое сверкало и переливалось. Читали «Барона Мюнхгаузена», мне не было смешно, не нравилось вранье. Читали сказки, они не ложились на мой внутренний ритм, слишком медленные и с повторами. Впечатлили «Цыганы» Пушкина. С этого времени я стала тиранить бабушку и деда, чтобы они мне читали вслух свои взрослые книги из библиотеки, причем с любой страницы. Дело дошло до «Леди Макбет Мценского уезда» в исполнении бабушки и «Черного обелиска» в исполнении деда. Этот начальный опыт книжного приобщения имел странные последствия. Учиться читать я категорически отказывалась, мне читали все вокруг, кого я только успевала схватить за руку, и читали все подряд, а я запоминала тексты с голоса. Позже мама прибегла к хитрости. Она прятала под подушку книгу и уходила. Я была заперта с нуднейшей книгой «Три толстяка», а из-под подушки вытащила «Нана» Золя. Зачитала так бойко, что до сих пор не могу остановиться.

Тогда со стены сняли гитару. Гитара у деда была красавица. Как и полагаются цыганской гитаре, ее украшали роскошными бантами из лент – то из лиловой, то из розовой, то из темно-зеленой, потом атласной белой. На гитаре играли все мужчины семьи и все в семье очень хорошо пели. Глубоким, настоящим цыганским голосом обладала средняя сестра бабушки, ее любил слушать даже до вредности придирчивый к точности исполнения дед. Вечерами она сажала меня к себе на колени и по текстам слов песенника мы с ней распевали все подряд, начиная с гимна, который мне тоже нравилось орать громко в маршевом ритме, тем более что по радио его распевали в 6 утра и 12 ночи. Дед пел профессионально, персонально для бабушки он исполнял «Скажите, девушки, подружке вашей...».

Для меня на трубе исполнялась «Старинная французская песенка». Ее исполнение было включено в ритуал позднего возвращения деда с концертов. Мы с бабушкой его ждали. Бабушка бежала на кухню, чтобы отправить уже нарезанную соломкой картошку из кастрюльки на чугунную сковороду. Дед снимал концертный костюм, бережно отстегивая манжеты с рукавов и крахмальную манишку с груди сорочки. Во время этого неспешного раздевания мне еще было рано вылезать из кровати, где я якобы засыпала. Следующим торжественным действием был подход деда к буфету. Открывалось правое отделение с цветными стеклышками, со второй полочки доставалась граненая рюмочка на граненой ножке. Прежде чем налить водочки из пузатого графинчика, дед конструировал на тарелке крошечные бутерброды с килькой. Брал рюмку в руку и отправлялся в правый угол комнаты, чтобы «чокнуться с чуваком». Там тихо и спокойно располагалась икона в серебряном окладе с лампадкой перед ней из темно-зеленого стекла, подвешенная на трех цепочках. Ровно в эту минуту в комнату влетала бабушка со сковородкой в руке и кричала: «Не тронь его! Он тебя не трогает, и ты его не тронь». Тут уж мне пора было соскакивать с кровати, железные стойки которой венчались большими блестящими шарами, а высокий матрас был задрапирован кружевным белоснежным подзором. Я перебиралась на оттоманку, стоящую рядом с самоварным столиком. Над столом нависал абажур, он был оранжевый, теплый, но мог быть и зеленым или синим, так как бабушка полагала смену абажуров едва ли не сезонным мероприятием. Дед передавал мне в руку специальную «детскую» вилочку и учил есть красиво, не издавая за столом ни малейшего звука – «ни чавканья, ни бряканья, ни звяканья, ни скрежета, ни стука».

После торжественного ужина со мной вдвоем дед открывал черный футляр трубы, доставал сияющий инструмент и сурдину. Начинались минуты ликования. Под музыку я скакала, как черти не скачут, запрыгивала на кровать, подлетала на ее пружинах под потолок и слетала обратно на пол, всеми жестами своего худющего гибкого тела изображая музыкальный экстаз. Стали обсуждать мои

перспективы на поприще балета. В костюмерной мастерской Мариинского театра работала подруга бабушки, имелась возможность меня показать... Этот сюжет обсуждался втихаря от моих родителей. Но воспротивились намерениям женщин старшего поколения не они, а сам дед. До войны он работал и в Мариинском театре в «банде», выходя в составе медного духового оркестра в сценическом костюме на сцену в «Аиде» вместе с Мравинским, и подрабатывал в оркестровой яме в Михайловском театре. Наверное, кое-что понимал в жизни сценического закулисья, хотя домой приносил только анекдоты, которые умел рассказывать блестяще, да еще апельсины из буфета. Но то, что он сказал тогда, – не анекдот: «Родилась под “Лебединое озеро” и умрет в этой стране под “Лебединое озеро”». По губам бабушки пробежала змейка, она закурила папиросу «Звездочка». Разговоры о моих предполагаемых балетных талантах не возобновлялись. Просто продолжали осуществлять два принципа воспитания – ребенок должен быть накормлен и должен жить весело.

Деду было 54 года к моменту моего рождения, он прошел две войны – финскую и отечественную. На последней был ранен в правую руку, которую планировали ампутировать, но пожалели музыканта и чудом сохранили, многократно вскрывая для очистки рану до кости, отчего рука усохла, часто болела, но все-таки осталась на месте. Бабушка с рождения сына, то есть с 1933 г., не работала, не хотела, уже наработалась с 14 лет на заводе РТИ на Обводном канале. Но когда меня, послевоенного полудохлика, принесли из роддома, она устроилась дворником в военное училище «подводплава» ради «карточек усиленного питания» и в 4:30 утра выходила на очистку лопатами и ломами тротуаров от льда и снега. Ее 15-летний сын ей помогал и отпускал ее с улицы ко времени моего пробуждения. Моя мама убегала на работу, вернуться на которую из декретного отпуска должна была уже через три дня после выписки из роддома. Молока у нее не было, поэтому любая крупа и коровье молоко были для моего выкармливания важнее, чем ее присутствие у моей деревянной кровати.

Соседка баба Маня умерла. Ее сын Юра из разноцветной фольги, которую притаскивал с работы, делал картинки, вставлял под стекло в самодельные рамочки из ошкуренных палочек и продавал на барахолке недалеко от Балтийского вокзала. Потом он пропал. В комнату приехала тетя Наташа, которая кормила своего пушистого сибирского кота крабами, так как ее муж был директором рыбного магазина. Наш кот Вася не завидовал соседу, спокойно ждал, когда тот похрет, а потом нещадно драл жирного кошару «в клочки по закоулочкам». По этому поводу бабушка с соседкой рассорились, перестали угощать друг друга пирогами. В седьмом классе школы я увидела, что Наталья Алексеевна решила выкинуть томик прижизненного издания А. С. Пушкина. Я взмолилась! Удивленная моей

эмоциональной вспышкой, тетка хитро сказала, что подарит мне эту грязную книжку, но через несколько дней... Через несколько дней она с довольной рожей вынесла из комнаты мне книгу, которую она покрыла черным лаком, да так жирно, что многие страницы склеились. Я перестала с ней разговаривать. Она была очень обижена, заметив, что я предпочитаю молча пялиться в глухой двор-колодец из окна на кухне, не отвечая ни на вопросы об успехах в школе, ни на ее раздраженные замечания о неопозволительности для девочки выходить на коммунальную кухню в халате.

И чтобы закончить воспоминания о моей родной коммуналке, расскажу, как я впервые задумалась о том, достаточно ли хорошо мы живем. Другом детства моего деда был министр тяжелой промышленности СССР. Однажды он позвонил, сказал, что смертельно болен и хочет попроситься. Дед поехал в Москву, на Ленинградском вокзале его встречала «Чайка», вернулся ночным поездом. Он рассказывал бабушке, что его друг выступил едва ли не в роли «золотой рыбки», предлагая использовать свои министерские возможности для получения отдельной квартиры, для выделения дачи... Мой дед, джазовый трубач, пока они «киряли» коньячок в кабинете министра, с недоумением и смешком повторял, что ему действительно ничего не нужно... Бабушка слушала его рассказ о поездке, сокрушалась по поводу смертельной болезни друга, а в остальном тоже со смехом ему поддакивала. Дачи они не любят... Сядут на трамвай и отвезут ребенка в зоопарк кататься на пони. Без ванной все тогда обходились, еженедельно ходили в парилочку с веником в бани по самым разным конкурирующим адресам. В одной бане были классы с бассейнами, где-то даже с «шутихами» для детей, в другой – душевые кабинки, а где-то – просто знакомая банщица, которая раньше жила в нашем доме. А уж комната у них такая прекрасная – в два окна, светлая, тихая, так как выходила не на рельсы, по которым грохотал трамвай, а в Приютский переулочек с двумя тополями напротив дома. В этой большой комнате в тот период нас проживало уже семеро – пять взрослых и двое детей.

Правда, жили мы так скученно недолго. Папа уже поступил в аспирантуру экономического факультета МГУ и мечтал уволиться из армии, реформу которой затеял Хрущев. Мы ждали его из Москвы, но получили телеграмму, что его срочно отправили продолжать службу в Группу советских войск в Германии. Бабушка с мамой поплакали. Потом решили, что я остаюсь учиться во втором классе школы, а мама поедет к папе с маленькой сестрой. Через год забрали «служить» и меня, так что Германия стала нашим домом на девять лет. Это были удивительно счастливые годы. Опять абсолютно безопасная территория военных городков, школьные классы по семь-девять человек, великолепные библиотеки Домов офицеров, музыкальные школы с хором и танцевальным коллективом, спортивные стадионы, кинофильмы три раза в неделю, концерты к праздникам, гастроли русских и немецких артистов.

Последним по времени в Германии нашим жильем был особняк в саду с фруктовыми деревьями и цветущими кустами. Мезонин нашего дома был увит одичавшим виноградом, мелкие гроздочки которого я тянула в рот. Помню сочетание кислоты и горечи, которое перекрывал сильный резкий аромат живого сока. До деревянных перил открытой веранды второго этажа дотягивалась старая груша, которая уже не плодоносила, но я ее очень любила. Под ее раскидистыми корявыми ветвями стояли качели, раскачиваясь на которых я часами мечтала о чем-то вполне неопределенном. В какое-то лето груша заболела, листья завернулись в трубочки и обвисли. Схватив такой лист, я побежала под горку к нашей школьной учительнице биологии. Она научила меня легко бороться с тлей: мыльным раствором я утром поливала листья дерева, и оно поправилось, выздоровело, ожило. Меня распирала гордость, я прицепилась к хилому кусту крыжовника, даже пересадила его из-под роскошного куста душистого жасмина, полагая их соседство удушающим для моего чахлого заморыша. Почему-то именно в этих стараниях с лопатой и граблями вокруг кустика у меня в голове родилась отчетливая мысль, что все люди – братья, что все произошло от Адама и Евы, и я начала вычерчивать на земле схему развития человеческого рода. Это было глубокомысленное и настолько увлекательное занятие, что я стала частенько опаздывать в школу, за что от папы попало и маме, и мне.

Еще мне попадало за пропуски уроков музыки и за все более частые побеги на немецкую территорию. Желание выйти за территорию военного городка было непреодолимым. Это было просто. За КПП располагалась солдатская пекарня. Мы с подругами говорили, что идем в пекарню за хлебом – действительно очень вкусным черным хлебом из ржи. От пекарни до главной улицы маленького города, с магазинчиками и площадью, на которой в праздники устанавливали карусели, качели, тир и павильончики со сладостями, было близко. Мы неслись сломя голову прямо до кондитерской или за заколками для волос. По этим новым приобретениям нас и разоблачали. Так мы думали. Желание уходить в город исчезло после экскурсии в до той поры непонятное здание, которое мы видели издали, но не понимали его назначения. На берегу живописного озера, мимо которого пробегало шоссе, в фашистской Германии с 1939 по 1945 г. находился женский концентрационный лагерь Равенсбрюк. Дивный городок Фюрстенберг сразу померк для меня. Нам назвали цифры: узниками были свыше 130 тысяч женщин и несколько сотен детей; 93 тысячи уничтожено. Экскурсию на русском языке вела немка, бывшая узница, освобожденная Советской армией. Она говорила, что население «ничего не знало...». Это просто невозможно, это вранье мирного времени. Я выросла. Пора было меня возвращать опять к бабушке в Ленинград.

***

Бабушку, деда, их сына Сергея и всю родню с Лермонтовского проспекта приговорили к переселению в Лигово, наш дом шел на капитальный ремонт. Впрочем, предположения были разные, больше всего говорили о желании Военного училища подводного плавания им. Ленинского комсомола забрать наш дом для семей своих офицеров, рыдания раздавались из всех квартир. Поначалу мы были относительно спокойны. Но обнаружили два непредвиденных обстоятельства. Во-первых, сын Сергей зарегистрировал брак с женщиной, которая «сдала государству свою прекрасную комнату на Васильевском острове», и они втроем с ее сыном младшего школьного возраста получили отдельную двухкомнатную квартиру в Лигово, в том же доме, куда переселяли и наших стариков. Средняя бабушкина сестра Александра оставалась рядом с прежним местом жительства, на 12-й Красноармейской улице, в коммунальной квартире и почему-то в одной на двоих комнате со своей подругой, которая оставила свою комнату дочери и изъявила готовность днями и ночами слушать надрывный, рвущий нутро кашель подруги вплоть до ее смерти. В Комиссии по расселению заявили, что рассчитывать еще на одну отдельную квартиру для моих стариков в этих обстоятельствах не приходится. Их переселили в 16-метровую комнату «подселенцами». Семья, занимавшая две из трех комнат, состояла из матери, работавшей нянечкой в больнице, двух разнополых детей школьного возраста и их отчима – работника морга в той же больнице. Общая кухня в домах этого проекта была размером 4 м². Моя юркая бабушка на какое-то время приспособилась выходить на кухню, подлаживаясь под расписание жизни соседей. Но большой грузный дед с трудом вписывался в новые коммунальные габариты. Находиться в этом суженном до размеров гроба пространстве не было сил. Старики пошли работать. Бабушка устроилась санитаркой в хирургический кабинет в поликлинике на Лермонтовском проспекте. Доезжала каждое утро до Балтийского вокзала на электричке и бежала до работы, обливаясь слезами, мимо бывшего своего дома. С хирургом она подружилась, стояла на «стрёме», когда он «разбадряживал спиртягу» и немедля «кирял». Эко дело! Дед от какой-то артели инвалидов получил направление что-то где-то охранять сутками и эпизодически подрабатывал в похоронных оркестрах, когда заказывали с музыкой проводить очередного «жмурика».

***

Из Германии вернулись родители с сестрой. По настоянию мамы отец отказался от продолжения службы в Москве и в чине полковника приехал преподавать в Военно-медицинскую академию им. С. М. Кирова. Мама там же стала работать в библиотеке при кафедре общественных наук. Приземлиться им оказалось

негде. Сняли какие-то две комнаты в страшенной коммуналке. Моя комната была оклеена дешевыми грязно-зелеными обоями со следами раздавленных клопов, под потолком сопливы обвисали перевитые провода, из окна нестерпимо задувало. Подруг в городе у меня не было. Я пошла записываться в районную библиотеку. Из этого нормального мероприятия вырос огромный скандал. Библиотекарши не пропускали меня к книжным полкам, требуя, чтобы я назвала им книгу, положенную по программе моего класса школьного обучения. Я требовала запись дискуссии И. П. Павлова с З. Фрейдом. Хотели вызвать милицию, но ограничились тем, что дозвонились до мамы и вытолкали меня взащей. Я была совершенно дезориентирована, ни кино, ни театры, ни филармония не отвлекали меня от депрессивных размышлений по поводу скудости и убогости окружения. Мама просила немного подождать, мы должны были получить свою квартиру. Она ходила гулять со мной вечерами по городу, мы заглядывались на чужие светящиеся окна и мечтали о собственном (впервые в жизни не казенном) жилье.

И вот родители поехали смотреть предложенную им квартиру. Нас с бабушкой не взяли, мы уселись чаевничать в ожидании «праздника на своей улице». Мама предстала перед нами с зареванными глазами, а папа вошел с таким виноватым видом, что мы решили, будто он не успел ее подхватить под руку и она повернула ногу на своих всегда высоченных каблуках. Ну действительно, не рыдают же люди, когда им дают четырехкомнатную квартиру. Эта предложенная квартира располагалась на Ленинском проспекте, где-то даже недалеко от станции метро. Мама тихо прошептала, что вместить в нее немецкий спальный гарнитур, пианино и торшер не получится. Закурили все разом, я утонула в клубах дыма и никак не могла вникнуть в мамин чертеж. Бабушка тоже не могла взять в толк, что же это за комнаты, куда влезет только кровать и тумбочка со стулом. «Уж не стала ли ты у меня германской барынькой...» – произнесла она с интонацией, в которой разом переливались ноты упрека, сомнения, жалости и досады. Папа неожиданно стал защищать маму. Вообще-то, он побаивался тещу еще с тех пор, как принес в день их свадьбы два кулька из газеты с печеньем «Мария». Ни один раз он слышал от нее ставшую у нас знаменитой насмешку: «Полит-твою экономию! Учили тебя, учили, а деньги у цыганки занимаешь...»

К счастью для нашей семьи, политотдел ВМА возглавлял папин одноклассник, они вместе призывались на фронт через один военкомат, поддерживали отношения между «москвичами, рожденными в 1923», которых из их сообщества осталось к тому моменту только трое. Дядя Лёша велел нам набраться терпения и ждать, когда достроят дом на Большой Охте. В этот мы и заселились в трехкомнатную квартиру-распашонку: моя с сестрой комната, комната родителей (обе по 12 м²) и проходная общая комната-гостиная с балконом на седьмом этаже. Вид

с этого балкона поначалу был безотрадный. Дом был построен на самом краю заболоченного озера, по которому мальчишки плавали на плотках, отталкиваясь длинными палками. На противоположном берегу стоял двухэтажный каменный серый дом барачного типа, перед которым был врыт деревянный столб с одной лампой под железным круглым навесом, при раскачивании на ветру издававший визгливые ритмичные звуки. Теперь почти вся эта территория заросла сиренью, запланированное на ней строительство не осуществилось, так что хоть озера больше нет, но толк от него остался.

***

В Москву к родне отца мы ездили довольно часто. Правда, останавливались в Измайлово у одной и той же семьи. Они жили в квартире дома так называемого квартала «немецких застроек» (проекты этих домов не имеют отношения к немцам, но действительно возводились руками пленных). В одной из комнат изумительно уютной квартиры был большой профессиональный аквариум, на который можно было пялиться часами. В комнате старшего мужчины семьи на шкафах, на подоконнике, на столах и столиках стояли клетки с канарейками. Заходить в эту комнату к дяде Коле можно было только строго по его приглашению, так как птички существовали в каком-то особом строгом режиме. По этому поводу его сын и невестка шутили о «привычке деда к режимным объектам». В Музее партизанской славы теперь стоит его бюст, он возглавлял партизанское движение в Карелии.

Экскурсоводы не говорят, что для целей организации партизанских отрядов он был выпущен из лагеря, отвоевал и снова был возвращен в лагерь вплоть до смерти великого и ужасного. Его сын Октябрь служил на Черноморском флоте и привез жену Галлию Абдрахмановну из Керчи. Она была той сестрой-близняшкой, которую ее родная мать по приказанию бабушки отдала своей незамужней сестре. Галлия узнала об этом случайно в старшем школьном возрасте. На нее это открытие сильно подействовало. Она сделалась какой-то неистойвой комсомолкой, и на волне своей феерической активности, едва дотянув до 18 лет, выскочила замуж в Москву, где ее переписали в Галину Андреевну с русской фамилией по мужу.

По остальным шести московским адресам проживали родственники, точнее, родственницы отца – женщины, оставшиеся с детьми без мужей, которые либо были репрессированы, либо убиты на войне. В университетские годы я поочередно останавливалась у них погостить, но все они отличались трагической серьезностью и чрезмерной строгостью. Впрочем, довольно скоро я сделала первую неудачную попытку обзавестись собственным московским адресом.

Адрес значился по Садовому кольцу. Квартира со двора была при перепланировке нарезана самым идиотическим способом. Одна громадная комната имела стеклянный угол из окон. Другая комната в одно окно вытягивалась длинной узкой кишкой. Кухню можно было бы использовать под стадион, при этом она едва-едва освещалась из единственного окна, которое почти упиралось в стену соседнего дома. В той постоянной полутьме хозяйничала Шушара. Паркетные полы скрипели, сообщая о любом передвижении по квартире, – незаметное передвижение на кухню было исключено. Коренная москвичка демонстрировала необъяснимую ненависть ко мне. Я была обозначена провинциалкой, которая, разливая чай по чашкам, не оставляет запаса в объеме, чтобы можно было опустить две-три ложечки варенья. Других своих прегрешений не помню, но долго так продолжаться не могло. Я ретировалась.

На какое-то время моим следующим московским адресом стало Дмитровское шоссе. В однокомнатной квартирке моей тетки была стерильная чистота – «единственная привилегия бедности». По образованию Тамара была химиком. Плюс к тому перенесла онкологическую операцию. Телевизор включался только для просмотра программы «Время». Тетка ставила стул перед экраном и слушала новости затаив дыхание. Я поняла, что она ждет начала войны. «Как же много у нашей страны врагов», – шептала она каждый вечер. Однажды она попросила меня подровнять ей волосы, которые отрастали слишком быстро, оставаясь у больной женщины по-прежнему очень густыми. Я взяла ножницы и расческу. Вдруг она расплакалась: «Девочка, прости меня... Наверное, теперь я вызываю только брезгливость». Если бы вы видели эту красавицу! Я знала трагедию ее жизни. Ее мать много лет была прикована к постели, медленно шел необратимый процесс «размягчения костей». Отец погиб в московском ополчении, он пел в Большом театре, не захотел эвакуироваться из-за жены. Муж-летчик на несколько часов заглянул в Москву, не застал жену, которую отправили на оборонные работы, больше домой не вернулся, погиб. Остался сын Славик. В его возрасте самостоятельно переходить московские проспекты было рискованно, он попросил помощи у женщины с ребенком на руках... Погиб под трамваем. Вот и вся ее жизнь с тех пор – работа и кладбище. Ее соседка по квартирному отсеку работала в Детском доме и заключила с Тамарой договор, что после смерти ее квартиры перейдет в наследство кому-то из детдомовских воспитанников. Смерть Тамары была трагической. Во время похорон Владимира Высоцкого толпа провожающих его людей на кладбище сломала оградку и затоптала могилу ее Славика. Тамара вернулась с кладбища домой и умерла... Хоронил ее мой отец.

Еще один адрес того периода моей жизни был подмосковный. Ездить в библиотеку оттуда было мукой мученической. Ощущение такое, что все население

Подмосковья устремляется в столицу, которая просто обезлюдит, если они не доедут до своих мест работы. Я быстро измоталась. Вернулась в Ленинград, который показался мне спокойным хмурым провинциальным городом.

***

Продолжать жить с родителями и сестрой было невысказано, я уже имела опыт самостоятельного существования. Вышла замуж, поселилась на Литейном проспекте. Это была громадная коммунальная квартира, состоящая из шести комнат, заселенных двенадцатью жильцами, имеющими один телефонный аппарат в коридоре, один туалет, без ванной, но с «рукомойником» в коридорном отсеке, с тремя подряд установленными газовыми плитами на кухне. Мне объяснили, какими конфорками я должна пользоваться. Я отнеслась к этому без должного внимания. Последствия не заставили себя ждать. Утром я бежала по длинному коридору со своей территории, поставила чайник на ближайшую пустую плиту, и, когда поднесла спичку, раздался взрыв. Это соседи, услышав мои шаги, пустили газ в духовку, и меня отбросило в дальний угол кухни. После этого старая, живущая одиноко еврейка решила взять надо мной шефство. Она стала обучать меня еврейской кухне. На приготовление блюд по ее рецептам мог уходить целый день. Если мне звонили, она сообщала, что я «учусь быть хорошей хозяйкой, и важнее этого в жизни ничего не может быть».

Неожиданно я оказалась благодетелем для всех обитателей квартиры. Дом был аварийным, жильцов второго и третьего этажей уже расселили. Нас забыли на срок неопределенной длительности. В моей комнате с потолка падала штукатурка, поэтому под потолком был натянут парашют. На обоях знакомый художник нарисовал лежащую женскую фигуру, лицо которой было прикрыто книгой. Ее звали «упавшей парашютисткой». Трещины в стенах расползались, на них устанавливали новые «маячки». Я добилась прихода техника по нашему участку. Дама «приятной наружности во всех отношениях», обладательница тихого, почти нежного голоса, долго разглядывала «парашютистку» и сообщила, что замечательным вариантом будет, если нам в квартире заложат кирпичом два-три окна – эта мера обезопасит нас от обрушения. Она не поняла, почему я смеюсь. Через десять дней должны были состояться в ы б о р ы! Все мои соседи послушно под мою диктовку написали отказы от участия в этом важнейшем государственном мероприятии. Каждый день к нам стали приходиться с разговорами чиновники разных уровней. В выходной день к нам заявила комиссия из девяти человек. Диверсионный отряд соседей с детьми выстроили вдоль стены в коридоре. Оглядев нас с некоторым любопытством, здоровущий дядька с огромными лапищами спросил: «Кто тут заводила?» Соседи тряслись, как если бы им собирались

по очереди откручивать головы. Немедля они дружно указали пальцами в мою сторону. «Вы-то кто такая?» – «Социолог». Чиновный мужик резко развернулся на выход. С понедельника нам стали выдавать смотровые ордера. Первые отъезжающие соседи так спешили, что прихватили не только свои вещи.

***

Смотреть свою комнату я поехала одна. Предложенный мне адрес на окраине города мы с таксистом не нашли. Моя экс-свекровь решила, что время можно будет развернуть вспять, дала в жилищном отделе ничтожную взятку (отрез дефицитного материала на пальто), и мне выписали ордер на 18-метровую комнату в Купчино, недалеко от метро. Вторую крошечную 10-метровую комнату уже заняла странноватая женщина, переселенная с Кондратьевского проспекта, так как их дом под административный корпус забрал завод. Она здоровалась со мной через раз, но попросила не запирасть мою комнату, так как уже что-то поставила на хранение на мой балкон и это что-то могло ей понадобится в любую минуту. На улицу Ярослава Гашека я приезжала редко. Но однажды ночью, завернув по дороге из гостей переночевать, я обнаружила в своей кровати деваху, которая заявила, что снимает тут комнату... Я закрыла комнату на ключ. Однако в другой свой приход обнаружила, что посреди моей комнаты установлена наряженная елка и вокруг нее пляшут дети. С радостным воплем, что пришла Василиса Прекрасная, они повисли у меня на шее. Крестовина, удерживающая высокое, под потолок, дерево, была усилена моими книгами, которые я боялась поднять с пола. Когда все-таки сообразила заменить книги кастрюлями с водой, с ужасом обнаружила пропажу значительной части моей библиотеки. Из содержательной беседы с соседкой выяснилось, что ее дочь и зять преподают на гуманитарном факультете в университете... Книги мне вернули.

Неожиданно и резко моя бабушка изъявила желание осмотреть мое новое жилье. Мы приехали вдвоем, соседки не было дома. Напоить бабушку чаем не получилось. На кухне раковина была доверху забита грязной посудой. Грязные миски и кастрюли стояли и на моем кухонном столике. В ванной, судя по отвратному запаху, уже несколько дней замачивалось грязное белье. Я все-таки могла бы постараться и набрать воду в чайник, но из кухни раздался страшный грохот. Посуда из раковины и с моего стола летела на пол. Бабушка наглядно объясняла мне строгие правила коммунального общежития.

***

Вариант обмена стал неизбежным. Мама нажимала, что я обязана съехать со стариками. Я и не сопротивлялась. Только кто же это согласится ехать

в Лигово в их комнату с соседями, дети которых уже стали почти взрослыми людьми? Но на то и многомиллионный город, что если ты ищешь, то тебя найдут. В двухкомнатной квартире на Бухарестской улице вынужденно были объединены в «добрсоседские» отношения бывший «опер» с женой и алкоголичка, прежде промышлявшая на жизнь около Сенного рынка. Замужняя пара вела строго упорядоченный образ жизни, а алкоголичка вообще не признавала порядок. Собутельники залезали к ней в комнату через окно первого этажа, и под угрозой посадки она согласилась переместиться в Лигово. Мы с бабушкой и дедушкой переехали в их двухкомнатную квартиру.

Квартира была неплохой, обе комнаты и кухня просторные. Перед окнами низкого первого этажа цвели вишневые деревья, которые отстояли дальше, чем головы прохожих, заглядывающих в эти окна. Дед не уставал придумывать какие-то ухищрения, чтобы входные в подъезд двери «не били по ушам». Хуже пришлось мне. Каждый день я поднималась в шесть утра, бежала километр до железнодорожной станции Купчино, ехала на электричке 15 минут, ныряла в метро «Пушкинская» (Витебский вокзал), ехала 15 минут, выныривала на Финляндском вокзале, прыгала в электричку, ехала до железнодорожной станции Песочная 30 минут, бежала до Онкологического института три километра. На работу к 9 часам утра я, как правило, опаздывала. А бабушке было слишком трудно добираться до мамы на Большую Охту. Опять назревал переезд, тем более что я переехала на Петроградскую сторону.

У моего мужа была комната на Бармалеевой улице. Его коммунальная квартира являла очередной паноптикум. Соседка Милица Львовна решала кроссворды, часами занимая телефонный аппарат в коридоре, так как полагала свое занятие чем-то вроде игры в карты. Вера Николаевна была больна диабетом, ела только вареное мясо курицы, а бульон отдавала нам под обещание, что в выходные дни мы непременно пойдем наблюдать очередное зацветание или отцветание в Ботаническом саду. По сравнению с репертуаром третьей соседки, это были милые чудачества. Третья, по имени Катя, каждый раз при своем выходе на кухню начинала рассказывать о вкусном холодце из младенчиков, который ей доводилось есть в блокаду. Она была сумасшедшей, у нее была медицинская справка, что безопасна. Мне уже было абсолютно наплевать, что меня не пускали в ванную комнату, так как я не была прописана. Я мечтала унести ноги поскорее, дорогой сердцу моего мужа центр города меня не впечатлял. Грязь, вонь от близких помоек, колдобины под ногами, «сосули» над головой, обрушенные балконы и оторванные фрагменты лепнины домов, страшные проходные дворы, где обязательно по углам кто-то справляет малую нужду, нескладные помещения продуктовых магазинов... Тетки с тряпочными мешками в двух руках, в облезлых

шапках и линялых шарфах, едва переступающие на скошенных каблуках прорезиненных сапог, на одном из которых непременно сломана молния.

***

Как только при переборе объявлений в газете о съездах-разъездах бабушка услышала «Охта», критические доводы разума ее уже не останавливали: «Если я не смогу подняться своими ногами на пятый этаж (с картошкой, капустой или арбузом), то, значит, пора в могилу». Трехкомнатная распашонка в хрущобе, одна из комнат в которой была переоборудована под ремесленную мастерскую, стала совсем неподходящей площадью, когда дочь стала подрастать. Когда ей исполнилось 12 лет, муж уехал. Вернулся в страну только через 10 лет абсолютно чужим человеком и для нее, и для меня. Дело закончилось разводом. Я ушла из дома первой, дочь с внуком тоже стали снимать жилплощадь. Обе перебрали несколько вариантов жилья, было тоскливо. Но не везде. В квартиру около Технологического института молодой сосед из Чернигова часто приводил на нашу большую коммунальную кухню своих украинских друзей. Они скучали по дому, разговаривали на украинском, часто высмеивая один другого, так как стали забывать язык. Жарили картошку, пили пиво. Обязательно приглашали за стол. Расспрашивали меня о людях, которые меня окружают. Не приученные ни к библиотекам, ни к театрам, ни к музеям, они по-разному зарабатывали деньги. Кто-то – логистикой, телефон у этого юноши был просто вмонтирован в ухо, он его не снимал даже ночью. Другой учился закручивать суши наперегонки с азиатами. Два брата содержали больную мать, организуя выпускные балы школьников, свадьбы и «корпоративчики», сочиняя для них сценарии и нанимая музыкантов. Кто-то обучился тайскому массажу и работал поочередно в нескольких «салонах красоты».

Летом вся компания устраивалась в лагерь отдыха для трудновоспитуемых подростков, туда брали без педагогического образования и без проверки документов. На Украине работы не было, но уже было что-то такое, от чего они бежали. Говорили, что город им нравится, но районы новостроек нравятся больше, чем центр. Через два года наш «пивбар» на кухне распался. Я переехала к мужу на Васильевский остров.

***

Думала, что кооперативная квартира на Кораблях В. О. станет долговременным жильем. Мы сделали дорогой ремонт, маленькая комната стала моим кабинетом, в котором я могла курить, не отходя от компьютера. Но «человек предполагает, а...».

Однажды раздался телефонный звонок, и мужу сообщили, что его двоюродная сестра три дня как не подает признаков жизни. Рванулись взламывать дверь в ее квартире на Черной речке. Год она пролежала, потом встала. Оставить ее без помощи и постоянного контроля оказалось невозможным. Пожилой человек зажигает каждое утро тонкие церковные свечи, расставленные по всем углам ее большой комнаты. Мы стали заложниками ситуации в 14-метровой комнате. Вообще-то, лучше планировки, чем квартиры в «сталинских» домах, я не видела. Все спроектировано соразмерно нормальным человеческим потребностям – и высота потолков, и площади кухни и ванной, и техника безопасности. О технике безопасности я где-то вычитала. Две сквозные решетки из ванной комнаты в коридор я воспринимала как дополнительное к вытяжке и дверям усиление возможности проветривания. Ошиблась. Решетки входят в один комплекс противовзрывной системы наряду с застекленными окнами между ванной, туалетом и кухней. Проектировщики думали не о дополнительной освещенности глухих помещений, а о направлении взрывной волны на кухонное окно при взрыве газовой колонки в ванной. Короче, квартира рядом со станцией метро «Черная речка» – первая, которая мне в городе понравилась, в которой я как-то легко прижилась.

Есть жилье, а есть житье...

Коммунальный рай

Может, это и не было раем. Но для нас, детей, это был рай. Все мы родом из детства, и ностальгируем по нему. Может, это время и не было таким уж хорошим (я родился в 1949 г.), но на это время приходится наше детство и юность, а потому и оно, время, не может быть плохим. Все было понятно и прогнозируемо, а потому и жить было просто, в том числе детям в коммуналках.

Хотя после роддома меня привезли на 10-ю Советскую улицу, что на Песках, но я свалю все в кучу и буду вспоминать в том числе и дедовские квартиры, все, естественно, коммунальные, потому что каждые выходные мы отправлялись то к одному деду (Марк Захарович Серебриер), то к другому (Сергей Антонович Антонов). Оба жили на Петроградской стороне, и трамвай № 12 медленно, но верно, вез нас туда.

У деда по маминой линии (Антонов) квартира эта была своя – до революции, естественно. В детстве он спал под машинкой «Зингер» у хозяина, выполняя мелкие поручения, и обучался мастерству портного (мужского). Овладев им, он настолько хорошо научился шить жилетки, что больше ничего и не шил. Во всяком случае, этих жилеток хватало на то, чтобы снимать большую трехкомнатную квартиру, иметь горничную, кухарку и содержать семью: моя бабушка, моя мама, младшая из трех детей (родилась в 1910 г.), и ее две сестры – старшая умерла от чумки. Грянула революция: деду оставили одну большую комнату и одну маленькую (горничную), где он и продолжал принимать клиентов и строчить свои жилетки. Слава богу, квартира хоть и стала коммунальной, но планировку свою не изменила, и потому я могу рассказать о ней то, что помню, хотя уже сам приближаюсь к возрасту деда. Начнем с улицы, которая, кажется, называлась Гатчинской. Парадный вход. Конечно, двери двойные, со стеклами, несколько ступенек от тротуара вверх к дверям, по бокам металлические пластинки для снятия грязи с подошв. Был ли металлический карниз над парадным – не помню. Дверная пружинка всегда была внутри. На полу, кафельном, при входе – год постройки дома. Прямо под лестницей – дверь в дворницкую. Но сам дворник жил над подворотней, сбоку от парадного, там же и полукруглое окно его было, из которого он иногда выглядывал, чтобы посмотреть, кто там пришел. Еще пролет вверх – и лифт

со стеклянными дверями, которые самим надо было открывать, за решеткой. Поднимаемся на второй этаж – там две двери. Еще один марш вверх – и наконец квартира дедушки Сережи (в честь которого меня назвали), она одна на площадке. По нынешним временам квартира шикарная (терпеть не могу это провинциальное слово), но все окна выходили во двор и вся квартира описывала легкую, вдавленную вовнутрь дома дугу, следуя линии двора в форме эллипса. Мне это нравилось, особенно когда во дворе кричали старьевщики или точильщики. Около последних мы с удовольствием стояли и смотрели, как здорово летят искры и как не устает нога человека крутить точило, прямо как дедушка свою машинку «Зингер», а потом, взвалив на плечо, он тащит свой точильный станок в следующий двор.

Но вернемся в квартиру деда. Большая прихожая неправильной формы, так как в нее выходит комната горничной и под углом широкие двери в столовую-гостиную. Все двери двустворчатые, с медными шпингалетами и ручками, как и на окнах. Над всеми дверями, кроме парадного и черного входа, окошки, чтобы свет из комнат, в том числе из туалета и ванной, шел в коридор, поскольку последний практически не имел освещения. Коридор длинный, изломанный, в конце его большая кухня с большой дровяной плитой. Верх ее металлический с кольцами-отверстиями, под которыми огонь. Бока плиты в кафеле, дверка, поддувало, металлический лист на полу – медный, и даже есть кранчик с теплой водой. На кухню выходила дверь комнатки, где жила кухарка. Черный (вход также имел двойные двери с тяжелым металлическим крюком. Через кухню приносили дрова (дворник), свежую рыбу, свежее молоко (финны – летом грибы, ягоды, яблоки и т. д.).

Все «хозяйские» комнаты (гостиная, спальня, кабинет) имели по две или три двери: одна в коридор, другая (другие) в соседние комнаты. На дверях внутри комнаты часто висели шторы – тяжелый бархат с шариками по краю. Но в коммуналке эти двери завешивались коврами, заставлялись шкапами и даже заклеивались обоями. Правда, это не мешало слышать все, что делалось у соседей, все про это знали и иногда использовали как внутриквартирный телефон, в том числе ночью.

Туалет и ванная заслуживают отдельной песни – псалма. Начнем с малого. Туалет. Порог. Кафель старый, толстый, его потом использовали как подставку под утюг. Унитаз на возвышении, как царский трон. На дне унитаза синим по белому фирма-изготовитель (не CHINA). Стульчак, конечно, деревянный, массивный, на стенках висят еще стульчаки соседей, гости должны знать, где чей. Сливной бачок где-то в облаках. С него свисает на цепочке немаленькая керамическая (не деревянная) ручка с той же фирмой. Туалет, как и все помещения в квартире,

кроме кладовки, имеет не только наддверное окно, но и окно во двор. Туалетная бумага, точнее, то, что ее заменяло («Блокнот агитатора» очень удобен из-за формата и познавателен, нарезанная газета, желательнее без членов Политбюро и т. п.), также делилась по соседям, и каждый ее охранял как мог в фанерном ящичке в форме открытого конверта, в мешочке или просто на гвозде.

Ванная комната. Именно комната. Большая. С большим окном. С большой ванной посередине. Рядом с ней – дровяная колонка. Два отдельных крана с горячей и холодной водой (вода смешивалась уже в самой ванной. Никаких ширм-клеенок не было, хотя душ, конечно, был. Кстати, в самой ванной комнате находился еще один унитаз, так что бегать по нужде далеко не надо было.

Комнаты имели по одному-два окна в зависимости от величины. На подоконник можно было садиться, толщина стен позволяла. Пространство между окнами заменяло холодильник. Некоторые умельцы монтировали постоянные фанерные ящики с дырками и за окном (прототип морозилки). Ну а чаще всего продукты просто вывешивались за форточку в авоське – на радость зимующим городским птицам.

Потолки в комнатах не опускались ниже 3,5 метра. Посередине – крюк под люстру, абажур, лампу в окружении какой-то лепнины. Под лампой – стол, который раздвигался в случае прихода гостей, под толстой белой скатертью (не клеенкой). На столе – всегда вазы с конфетами, пряниками, печеньем. Водка – только в хрустальном графине, селедочница, винегрет, тут же нарезанный хлеб, масло в масленке, набор из солонки, горчицы, перечницы. В кастрюле, принесенной из кухни, дымится картошка. Тарелки, приборы – все, что на столе, большое и тяжелое. А может, я еще маленький и легкий. Мне повязывают большую плотную, как простыня, салфетку, подкладывают под попу подушечку. Мужчины пьют, чокаются, курят. Раздвигают шторы на двери и открывают ее в коридор. Приглашаются соседи, часто с детьми. Кто-то пересел на большую оттоманку, покрытую ковром, ниспадающим со стены; кто-то завел патефон; кто-то полез в буфет за сладким; кто-то уже храпит за ширмой на высокой кровати рядом с пирамидой подушек и ковриком на стене... Мы же, дети, сползаем под стол и под прикрытием скатерти начинаем играть в свой домик. Конечно, потом можно было снять велосипед со стены и, нарушив его зимнюю спячку, гонять по коридору, тормозя о разных тетенок с посудой и подносами или о покачивающихся дядь, выпадающих из туалета... А как замечательно было играть в прятки в этих необъятных питерских квартирах, выскакивать с криком из какого-нибудь темного угла и пугать девчонку, с которой через каких-нибудь пару лет будешь обниматься и целоваться в этих же темных углах!

Квартира второго деда (по отцу) была не столь престижна, располагалась на последнем этаже без лифта, со скромной лестницей без черного хода и без всяких там комнат для obsługi.

Дед Марк жил со своей второй женой, кассиршей Бертой Моисеевной. Сам дед, с этой стороны предки мои из Одессы, до революции был коммивояжером, что-то вроде Шолома Алейхема. И я его помню в отделе тканей на Большом проспекте Петроградской стороны. Ходил он всегда там же в диетическую столовую, иногда и меня брал с собой, расплачиваясь талончиками.

Комната у них с бабушкой была одна и маленькая: шкаф с зеркалом трехстворчатый, трюмо, стол, кровать, диван. Свободного пространства почти не было, да и не надо было. Большую часть времени мы с дедом проводили на широкой пружинистой кровати, где он полулежа читал газеты, слушал маленькое радио, сосал вместе со мной леденцы. Отношения с соседями, которые занимали две остальные комнаты в этой квартире, были у него хорошие, интернациональные, хотя борьба с космополитами уже началась. Соседи часто звали меня к себе (тетя Надя и дядя Володя) – детей у них не было. Жили они богато. Даже на полу, рядом с кроватью, лежала шкура белого медведя. Настоящая. Но глаза у него были стеклянные, и снизу он был подшит атласом. В таком же атласном халате, наверное трофейном, ходила и тетя Надя, смущая меня ветчинными телесами. А дядя Володя все время курил, набивая сам себе папиросы с помощью какой-то штуки. На широком трюмо стоял «Тройной» одеколон (или «Красная Москва») в форме стеклянной виноградной грозди, и если давить на какую-то резиновую грушу, то духи/одеколон очень здорово брызгали. Ванны, кажется, не было, и все ходили в баню. А в туалете постоянно висела чья-то клизма в форме резинового необъятного мешка и длинной кишки. Наверное, это приспособление принадлежало дедушке, так как он после возвращения из эвакуации страдал запорами...

Я его любил. Каждый раз потихоньку он мне давал 1 рубль («На детский киноутренник») и сосучие конфеты. Только целовался он очень мокро, и я при нем же вытирался, а мама меня за это ругала. Когда деду было за 90, он остался в квартире один в своей комнате, никого не пускал к себе, кроме своего сына, моего отца, и меня. От любой помощи отказывался. И в какой-то день, идя в свою любимую диетическую столовую, попал под троллейбус... Это было в начале 1970-х.

Я тогда в первый, но не в последний раз женился.

Но вернемся к коммунальной квартире, где я провел первые 20 лет своей жизни (как я уже говорил, на 10-й Советской улице, д. 13). Эта квартира не была для нас чужой. До 1937 г. («хороший» год, особенно для ленинградцев) там жил дядя моего отца (его, кажется, звали Макс Серебриер) со своей семьей. Отец тоже жил у него, пока ночью 1937-го за ним, за дядей, не пришли. Вина его состояла в том, что он был революционером со стажем (еще до революции сидел за это в тюрьме). Джугашвили этим товарищам их стаж и припомнил. За что боролись – на то и напоролись. Больше они (отец и дядя) друг друга не видели.

Отца выгнали из института Красной журналистики (приблизительно так называлось это учебное заведение), где он учился. За то, что проглядел у себя под носом очередного врага народа. Потом с трудом отец восстановился с помощью ходатайства из армии, по направлению которой он и был отправлен на учебу в этот институт. Кстати, там в институте, в столовой, он и познакомился с работницей этой столовой, которая уже потом, после войны, стала моей мамой.

Возвращаемся в очередной раз к очередной квартире. Итак, 20 октября 1949 г. я появился в этой квартире, когда-то принадлежавшей моему двоюродному деду. Парадное с улицы, третий этаж, без лифта. Обыкновенный доходный питерский дом для обыкновенных людей. На полу при входе – дата постройки (188... какой-то год). Внизу – работающая печь. Ниша в стене полукруглая, – наверное, что-то в ней стояло когда-то. Лестница широкая, пологая, с большими окнами и низкими подоконниками, на которых было удобно сидеть с девочками, курить, попивать дешевый портвейн.

Внизу висел список жильцов поквартирно, с фамилиями (очень удобно не только для почтальонов, но и на случай погромов, арестов и пр.)... Что-то мрачно у меня получается. А ведь жизнь была прекрасна, особенно у нас, мальчишек. Итак, входная дверь в квартиру, конечно, двойная и двустворчатая. Открывалась в основном одна половина (вторая – только при вносе-выносе чего-то крупного). Между дверями – съемные полки, на них варенье, капуста, закрутки, консервы и т. п. Тут щель, куда падали письма и газеты. Снаружи щель прикрывалась металлической планкой «Для писем». Рядом медное круглое углубление в стене с «пипочкой», за которую надо было дергать, и в прихожей довольно звонко брякал колокольчик – к нам, конечно, три раза. Потом появился электрзвонок, и металлический колокольчик канул в Лету, как и всё с ним... Прихожая, лампочка, наружная проводка, темная массивная вешалка: внизу галоши, сбоку зонты, наверху шапки-ушанки. Высокое, почти до потолка зеркало с полочкой, потом там появился телефон. В прихожую выходит дверь соседки тети Тоси-маленькой (одна комната). Далее дверь в большую комнату другой соседки тети Тоси-большой, и, уже выходя на кухню (где когда-то был, а ныне закрыт черный ход), можно было попасть в наши две сугубо смежные, говоря жилконторным языком, комнаты.

Первая – «гостиная»: диван, на котором я спал, уткнувшись лицом в ковер на стене (где ты, коврик детства, твой рисунок у меня в мозгу навечно!). Раздвижной обеденный стол на одной тумбе, буфет, книжный шкаф, печь, унылая картина на стене. Вторая комната – опочивальня родителей: высокая кровать с металлическими спинками, волосяной (конский волос) пружинный матрас. Огромный трехстворчатый платяной шкаф с граненым по краям большим зеркалом посередине... Что еще? Да ничего. Больше ничего и не поместится. Конечно, был и розовый абажур,

и настенные механические часы с маятником и боем, и трофейный ламповый приемник «Telefunken»; на кухне ревел советский холодильник «Орск» с ручкой, как у автомобиля «Волга». Правда, холодильник появился значительно позже – в 1960-е, как и огромный телевизор на тонких ножках и стиральная машина «Сибирь» с отдельным отжимом. А пока, в 1950-е, на кухне сидим мы с соседями, каждый у своего кухонного столика, за которым сидеть не очень удобно, поскольку стол – это комод для посуды с дверками, покрытый клеенкой. Сидим, конечно, на табуретках, в седалищах которых дырка для переноса. На старой дровяной плите стоят керосинки, керогазы, примусы. Закоптевшие кастрюли, чайники, тазы, черные чугунные сковороды огромных размеров с обгоревшими деревянными ручками. Медленно крутит лопасти самотеком металлический вентилятор за решеткой в стене. На кухне одна эмалированная облупленная раковина с одним же простым краном холодной воды (горячей воды, центрального отопления, газа еще нет). Над столами – самодельные полки с кухонной утварью, иногда закрытой узорчатой занавеской. В коридоре – антресоли, где лежат пирамидой чемоданы с металлическими углами, внизу стоят комоды и корзины с одеждой, проложенной нафталином, на стене висят велосипед, санки, лыжи; в туалете – корыта, стульчаки. Мать купает меня посередине кухни в цинковой ванне, которая стоит на двух табуретках. Марганцовка, жесткая мочала, твердое мыло ест глаза. Ванной у нас не было.

Ходили по воскресеньям в баню (отдельная песня) на Мытнинскую улицу (название подходит), так как по субботам работали. Сначала с матерью в женское отделение, потом, когда начал заглядываться на голых баб (до сих пор не могу оторваться), лет с пяти-шести – в мужское с отцом.

Первый телевизор в нашей квартире появился у тети Тоси-большой. Звали всех соседей, как в театр. Садись чинно. Дети сбоку и на полу заглядывали за/под линзу. Канал был один и только вечером. Детская передача с обезьянкой Жаконей и мальчиком Телевичком. Иногда долго шла лотерейная таблица. В это время кто-то уже посапывал, а кто-то целовался на диване. Потом появился ленинградский канал, потом учебный и т. д. А потом – вы сами знаете...

Тося-маленькая любила сидеть на кухне и есть разрезанный вдоль белый батон, толсто намазанный маслом, а сверху – приличная горочка простого белого сахарного песка. Отъедались после войны кто как мог. Над нами было еще два этажа, а там и чердак. Ключ от чердака находился в какой-то определенной квартире по лестнице, и кому надо было – тот знал. Мама просила меня помочь, и я нес с ней корыто (или таз) с мокрым бельем на чердак. Там, на чердаке, было темно (редкие лампочки), местами свет из слуховых окон, выходящих на крышу. Крыша ржавая, без ограждений с краю, утыканная антеннами (к каждому телевизору своя антенна с проводом через дырку в оконной раме) и трубами.

На крышах мы загорали. Как не свалились – не знаю. Мать вешала в полумраке белье (иногда его воровали), а я выгонял голубей с чердака и искал мышей. Стирала белье в прачечной во дворе, оставшейся, наверное, еще с дореволюционных времен. Большие прямоугольные корыта, деревянные настилы, густой пар, ребристые стиральные доски, мыло хозяйственное. Иногда кипятили белье дома, на кухне, там и сушили. Дрова носили из сараев во дворе (каждой квартире – свой сарайчик или закуток), по крышам которых мы бегали, скользили, падали. Когда исчезли дрова за ненадобностью, в сараях появились первые автомобили, мотоциклы с колясками. Если сарай был на первом этаже дома, то это бывшие конюшни.

В каждом дворе – чахлый садик, играли в ножички, в монетки, в пристенок или просто дрались двор на двор. Дворы все были проходные (для проезда пожарной команды, и чтобы от милиции было удобно убежать). Играли часто в войну. Никто не хотел быть немцем. Чаще всего выпытывали пароль (щипали, пока не скажет). Потом прятки за мусорными бачками, вышибалы с мячом и др. Трогуар еще из плит, мостовая булыжная. На велосипеде шины из сплошной резины, никаких скоростей, у малышни – трехколесный с педалями на переднем колесе. Самокат – только самодельный из двух подшипников (как из-под них летели искры!) и двух досок. Иногда телега на автомобильных шинах с понурой лошастью. Грузовики показывали поворот открытием дверки, или шофер сигналил рукой. Светофор один на все четыре стороны, отовсюду его было видно, да и милиционер в будке на углу. Школа рядом, через двор, на 9-й Советской. Но это уже другая отдельная тема...

Что еще о квартире? Почтальон разносил почту; на дверях (на почтовом ящике) – перечень газет, выписываемых в этой квартире. В туалете, кажется, висел график уборки квартиры. На этом можно и кончить. Или закончить. Как писал мой тезка Довлатов: «На этом ставим точку. Точка». А может, это еще запятая?

PS. Вот еще несколько воспоминаний.

Общественных туалетов на улицах и в парках тогда еще не было – появились позже, в 1960-е гг., и все бесплатные, – поэтому под WC часто использовали парадные, лестницы и т. п. Запах мочи сопровождал вас по всей лестнице, то ослабевая, то хватая за горло. А что делать? Бежать на вокзал, где ямы в ряд и все всё видят? Перегородки появились потом, но двери еще не ставили: удобно, к тому же видно, занято или нет и какое выражение лица у срущих товарищей. Но видно было плохо, так как глаза слезились от гор хлорки в толчках. Бумаги нет, приноси с собой – или при входе под жестким взглядом надзирательницы-уборщицы

можешь оторвать небольшой кусочек чего-то жесткого, напоминающего, скорее, бумагу для чеков.

Я всегда завидовал мужикам, которые, сидя над бездной толчка (я боялся туда свалиться), громко переговаривались через головы других сидящих о смысле жизни: где еще можно найти пивной ларек, работница которого не очень-то разбавляет пиво; какая баня дешевле; о политике; о космосе; о том, кто хуже – еврей или татарин, и т. д. Иногда мне казалось, что эти товарищи и бумагой-то не пользовались, а может, и мочились, не снимая штанов, – настолько органично они вписывались в эту атмосферу (в буквальном смысле) и чувствовали себя здесь легко, свободно, естественно... Каждому свое место.

<...>

У деда Сергея в комнатах, но не в коридоре и на кухне, был паркет. Планки большие, темные – наверное, дубовые. Натирали, конечно, мастикой. В остальных помещениях (коридор, кухня, подсобные комнатки) – доски. В квартире, где я жил, – пол был дощатый везде. Какие-то доски иногда перестилали. И тогда я видел под ними какие-то балки, как на чердаке, и темная многовековая пыль с дохлыми мышками, окурками, обрывками старых газет и кладами убежавших буржуев... Доски на полу были выпуклые посередине, выкрашены в ядреный темно-красный цвет и прибиты к балкам обыкновенными огромными, еще коваными гвоздями с большими ребристыми шляпками. Щели между досками со временем забивались естественной пылью, хвоей от новогодних елок, шерстью от кошек, тапок и ковриков (пылесосов тогда еще, слава богу, не было); обходились веником, совочком – и мусор бросали в печку. Все остальное сваливалось в одно ведро и выносилось во двор в мусорный бак...

Электропроводка наружная – толстый витой провод на изоляторах. Все выключатели и розетки тоже наружные. У выключателей маленькая пипка-рычажок с медным шариком. Иногда два рычажка рядом (если люстра).

Часто были ширмы у кроватей и диванов: несколько поколений в одной комнате. Но иногда перегораживались шкафом, шторами.

Еще оставались долго патефоны и черные блины радиотарелок на стенах. Письменный стол, конечно, двухтумбовый с выдвигаемым ящиком посередине. Зеленое сукно наверху и зеленого стекла настольная лампа. Вместо ручек часто писали хорошо отточенными карандашами. Кресло у стола. Кресло-качалка. Венские стулья с дырочками на сиделище – наверное, для вентиляции пятой точки. Подушки-думки, салфеточки, сложные зеркала. Скамеечки под ноги. Валики с кисточками. Между окнами – вата, часто с рябиной. Окна заклеены белой бумагой на зиму. В коридоре перед комнатой – своя вешалка и свой коврик. При входе – штора. На окнах – тюль и шторы. На стенах (не на полу) – ковры. А на полу

(у кровати) – коврик. В комнатах тихо. Машин мало. Громко тикают часы с маятником. Жизнь неспешная и понятная (черно-белая). Мы живем хорошо, мы сами самые хорошие. Нас ведут в светлое будущее. Осталось совсем недолго, и мы все будем в коммунистическом раю...

7 ноября 2016 г.

Время меняет все вокруг – и обстановку, и людей

Я, Саблин Владимир Михайлович, родился 11 ноября 1951 г. в Ленинграде в семье служащих. Так раньше определялось то сословие, из которого я вышел. Окончил Ленинградский университет в 1975 г. по специальности «математика». Стал журналистом. В настоящее время – пенсионер.

Мать, Саблина Людмила Владимировна (1922 г. р.), блокадница, окончила Ленинградский политехнический институт, работала в проектных организациях, занималась автоматизацией производственных процессов и внедрением АСУТП. Отец, Саблин Михаил Викторович (1917 г. р.), участник ВОВ, окончил Ленинградский институт инженеров водного транспорта. Занимался проектированием заводов по производству сантехнического оборудования.

Дом на Чайковского

Первые семь лет моей жизни прошли в семейном гнезде Саблиных – квартире 2 дома 33 по ул. Чайковского. Бывшая Сергиевская улица – это Литейная часть Петербурга. Напротив нашего дома расположилось несколько особняков.

Квартира наша была в бельэтаже, четыре большие комнаты, кухня, ванная и коридор. Эту квартиру дед Виктор Леонидович Саблин, технический директор завода «Красный путиловец», получил, вступив в жилищный кооператив «Инжкоопстрой». По легенде, он в начале 1920-х отказался въехать в особняк Н. Путилова, что стоял при заводе. Но дети росли, и в 1928-м он поселился здесь, в бывшем особняке графини М. Клейнмихель, уже перестроенном кооперативом. Деду на откуп дали планировку его будущей квартиры. Он как технарь вырезал вместе со старшей дочерью Ниной из бумаги то, что надо было расположить, – предметы мебели – и получил требуемое членение. План не был сложным: чередой комнат и коридор, соединяющий их. На кухне в 1950-е гг. сохранилась дровяная плита и выходящий на улицу шкаф-холодильник под подоконником. В углу возле обеденного стола висели часы-ходики. В громадной прихожей на тумбочке красовался

массивный черный телефон. Меж входных дверей хранили продуктовые запасы, как в холодильнике: соленые грибы, квашеную капусту и др.

Квартира не была коммунальной, но в то же время у каждого была своя семья. Длинный коридор по одной стороне теснила череда шкафов, а также старинный коричневый дорожный сундук из фибры с деревянными ребрами, металлическими накладками, замками и полочками внутри.

В квартире при мне жили семьи трех детей В. Л. Саблина: дочери Нины, сыновей Всеволода и Михаила. Всех объединял всеобщий любимец – рыжий, пушистый и ласковый кот Мурзик. Вместе встречались иногда в кухне за обеденным столом; мы, дети, нередко вместе играли. Во дворе стоял ничейный грузовик-полупортка, ребята с удовольствием лазали по ней. Сзади теснились деревянные сараи. Дворник дядя Вася, надев неизменный белый передник поверх пальто, в очках стоял с метлой у ворот дома.

У моего двоюродного брата Олега, который старше меня на 21 год, появилась с годами легковая «Победа». Она стояла в кармане на ул. Чайковского, все ею гордились. Но Олег, обожающий технику, обзавелся и более мобильным транспортом – в коридоре встало мотовело (иначе – мотовелосипед или мопед).

Так и шла жизнь. Детский сад № 17, куда я ходил, располагался неподалеку, на ул. Петра Лаврова (ныне Фурштатская ул.). На завтрак перед садиком к чаю непременно полагался бутерброд с сахарным песком. Вечером перед сном мама напевала мне колыбельную Моцарта, разные детские песенки. В детском саду любимой у детворы стала «Дальневосточная партизанская».

По воскресеньям я гулял с мамой и папой в Таврическом саду, выходил на Неву, ездил в гости к бабушке, в зоопарк, в ЦПКиО, в музей. К 40-летию Великого Октября в 1957 г. для детского сада мы с мамой вместе делали из картона лозунг, посвященный юбилею революции.

В детсаду появился у меня друг – Сергей Громов. Его семья жила на Литейном пр., д. 12, в роскошном доходном доме эпохи эклектики. С богато украшенным металлическим декором лифтом, лепными рамками по стенам, необычайно удобными плавными ступеньками из путиловской плиты на широкой лестнице. По улице нередко тогда проезжали конные одноколки. Часто запрягали тяжеловозов с мохнатыми ногами, эти мохнатости я обозвал тапочками.

С детства радуясь природе, я запомнил, как наша семья занимается комнатными растениями. Были в комнате мои любимые драцена и маранта. С тех пор я старался сохранять эти виды растений у себя. Сейчас их нет у меня, но я непременно найду ростки. Некоторое время в банке жили рыбки.

Будучи тихим и застенчивым, я с нетерпением и трепетом ходил в гости к тетям. У тети Веры – жены дяди Севы – стоял большущий черный рояль, черные

ролики которого я так любил крутить. На диване в ее комнате восседал предмет вождения детей – громадный плюшевый медведь.

Периодически звала меня и Маринку (мою племяншку, хотя и младше меня всего на год) к себе поиграть тетя Нина. Осторожно я заходил в большую комнату, где на стене висели репродукции Куинджи «Березовая роща», Рафаэля «Сикстинская мадонна» и фото Рихтера за инструментом. Под старой настольной лампой на громадном столе появлялся заветный мешочек... с малюсенькими бирюльками. Какое наслаждение доставляло мне и Маринке разглядывать сваленные горкой крошечные деревянные чашечки с ручками, блюдечки, чайнички с изящными носиками, кувшинчики, мисочки. Смотреть на этот лилипутский мир – несказанное удовольствие, но тут из мешочка появлялся хорошенький крюочек, и тетя загадочно объявляла о начале игры. Требовалось совсем простое: вытащить из кучки вещицу так, чтобы остальные кукольные предметы не пошевелились, не сдвинулись и тем паче не посыпались лавиной. Каюсь, задание сие мне удавалось нечасто, но главное, я не спускал глаз с милейших деревянных крохотулечек.

Иногда тетя Нина доставала жестяную коробочку из-под зубного порошка, и на стол высыпалась кучка аккуратных деревянных кружочков. Это – блошки. По очереди мы старались щелчком отправить свою пуговку в цель – в дом, в коробку. Как и в бирюльках, получалось это у меня нечасто. Да, рос я не очень сноровистым, домашним ребенком. Но увлекался, да еще как!

Понимаю теперь, почему тетушка прожила так долго – почти 100 лет.

Летом многие из Саблиных собирались на даче в Сосновой Поляне (за Зеленогорском, в поселке при детском санатории). Точнее, на дачах: семьи снимали уголки у разных хозяев. Конечно, было удобно иметь столько своих людей рядом на новом месте. Ходили вместе за грибами, купались, ловили раков, чаевничали, там я впервые сел на лошаадь.

На Красноармейской

В доходный дом 186 на 4-й Красноармейской ул. бабушка Агриппина переехала в начале 1950-х, когда разменяли семейное гнездо, но уже со стороны моей матери – гнездо Морозовых. Имеется в виду квартира на ул. Чехова. В 1958 г. мама развелась с отцом, ушла жить к своей матери на 4-ю Красноармейскую ул., я же переехал к ней только перед первым классом – в 1959 г.

Район тихий, но рядом происходили эпохальные события. По Московскому проспекту регулярно шелестели из аэропорта вслед за очаровывающим мальчишек клином мотоциклистов кортежи с высокими гостями – космонавтами, главами зарубежных государств, партийными лидерами. На 1-й Красноармейской ул.,

на стене бывшей казармы измайловцев, долго виднелась надпись от руки: «Вива Куба! Вива Фидель!» Напротив нашего дома через улицу в садике выросла горбушка бомбоубежища, и я катался с нее зимой на санках, мама же заставляла меня преодолеть себя и прокатиться на ногах.

В коммунальной квартире с четырьмя съемщиками на втором этаже у нас была одна комната. На лестничной площадке справа у входной квартирной двери в нише торчала ручка звонка. Гость квартиры дергал ее, и приводившийся в действие системой рычагов колокольчик звенел. Но это экзотика: пользовались обычно электрическими звонками.

Два окна комнаты выходили во двор-колодец. В конце 1950-х гг. в доме убрали шведские дровяные печи, пробили отверстия в перегородках и провели центральное отопление.

Одна из семей-соседей состояла из дочери Ларисы и двух внучек генерала Чумака. Сам генерал жил неподалеку, на Измайловском проспекте, в генеральском доме (построен на месте казармы измайловцев для военных). Еще одна семья – женщина-врач и ее сухонькая пожилая мать. Жила также одинокая продавщица Гостиного Двора Софья Львовна.

В нашей комнате было немало старинной мебели. Спал я на турецком диване с тугими подушками на спинке и круглыми пуфиками по краям. Сверху он был покрыт ковром, который брат бабушки Михаил привез из Закавказья во время Первой мировой войны. В комплекте с диваном состояли два мягких кресла. Когда приезжали постояльцы – родственники домработницы Моти, которая жила в семье до войны, – или знакомые, то сдвинутые кресла служили отличной постелью. Посередине располагался круглый обеденный раздвижной стол. Высоченный резной дубовый буфет по высоте состоял из двух частей: комода с мощным карнизом и более легкого верха с полочками и застекленными дверцами.

Старинные предметы стали рассадником клопов – с ними мы боролись многие годы.

Занимался я за дедовым письменным столом, фанерованным хорошим деревом, обитым зеленым сукном. На столе лежал бювар, стоял бронзовый письменный прибор, подвязанный за пружинку карандаш для записей. Слева стояла дедова лампа под зеленым стеклянным абажуром. Несколько раз абажур бился, но нам удавалось купить подобный. Хранился у меня и дедов кожаный портфель, ставший моим школьным в старших классах. Еще от деда, которого я не знал (он умер в блокаду), хранились кожаный портсигар, карманные часы фирмы П. Буре, стеклянный подстаканник, готовальни фирмы «Рихтер» с чертежными принадлежностями и другие мелочи. На стене висела его большая фотография.

Я делал за столом уроки, стараясь сначала приготовить то, что потруднее. Здесь же начал вести свой дневник, иногда рисовал. Учился хорошо, за исключением первого класса.

Между окнами в комнате стояло высокое зеркало-трюмо, а перед ним – круглый резной туалетный столик, подаренный бабушке ее больными: это относится к периоду, когда она в Гражданскую войну работала сестрой милосердия в Вологде в военном госпитале. Изящные ножки, столешница с узором в технике маркетри. На столике покоилась шкатулка с женскими безделушками. Ну а на месте дровяной печи стояла отрада скромного коммунального жития – купленное в 1959 г. пианино «Красный Октябрь».

На тумбочке, крытой мраморной доской, восседал любимец всей семьи – телевизор КВН-49 с линзой. Стояла в комнате никелированная кровать с шарами, на которой спала бабушка. Моя мама годами спала на раскладушке.

За круглым столом в мой день рождения собирались гости. Непременно бабушка делала к этому дню торт – восхитительный «наполеон», для которого я обычно растирал крем. После застолья все, усевшись вокруг стола, играли в «рублик». Частенько она пекла свой фирменный ароматный пирог с капустой, иногда – пирог с яблоками.

Вот и получается, что я рос, окруженный заботой двух женщин. Бабушка, любившая в молодости танцевать на балах, вплоть до Дворянского собрания, почти всю жизнь была домохозяйкой. Понимаю: она была осколком XIX века. Пересыпала свою речь пословицами – «Не имей сто рублей, а имей сто друзей», к примеру. То и дело вставляла: «Царица небесная матушка», «Господи милостливый». Конечно, она знала как отче наш Иисусову молитву, могла прочесть без запинки вступление к «Медному всаднику» – «На берегу пустынных волн...». С молодости в ее душу запало восхищение виденной тогда в театре опереттой «Корневильские колокола». У мамы тоже была любимая пословица – «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день».

Мама основную часть жизни тянула семью как ее глава. Была она человеком искрящимся, оптимистичным, активно несшим добро людям. Поскольку она и за мужика, и за бабу гнулась, мужские черточки усилились в ее характере. Она делала все, чтобы я, ее единственный сын, получил все для развития и образования. Но всегда у человека есть собственное мнение, и для профилактики в нашей семье завелся ремень. Укрытие после встряски я находил в уборной, которая была под нашей дверью.

В выходные мы непременно с мамой ездили в пригородные дворцы, в музеи, катались на лыжах. Держали абонемент в Филармонию. Иногда мама садилась за пианино и с наслаждением играла свой любимый вальс И. Штрауса «Весенние голоса». Нередко мы открывали любимый чемоданчик кирпичного цвета –

проигрыватель «Юность» – и слушали пластинки. Это была зарубежная эстрада, забываемые мелодии тех лет.

Для меня выписывали журналы «Техника – молодежи», «Юный техник», «Искорка» и газету «Ленинские искры». Позже ей на смену пришла «Комсомольская правда». С первого класса мои женщины занялись моим развитием: записали в плавательный бассейн, пригласили на дом учительницу музыки Наталью Александровну заниматься со мной на пианино. Фоно я выдержал три года, с бассейном не порывал семь лет. Он сыграл громадную роль в моем формировании. Прежде всего привил умение терпеть. Занимался я в кружке рисования, радиокружке, секции легкой атлетики, курсах немецкого языка. Со временем мне купили велосипед «Орленок». Мама поддерживала мои увлечения: когда я участвовал в викторинах и конкурсах и было необходимо искать что-то в библиотеке, ездила вместе со мной. В школе одноклассник Сергей Шумский в 1965–1967 гг. продавал среди своих фотографии ставшей популярной и в СССР английской рок-группы «Битлз». Меня это мало трогало.

В доме периодически требовалось что-либо сделать мужской рукой. Для этого приходил, опираясь на палочку, в черном кителе с блестящими пуговицами, в фуражке, в черных усах Николай Волгин. Жил он не близко – на Охте, был инвалидом (получил увечье на буксире) и всегда был рад помочь.

Наш класс регулярно ходил в ТЮЗ, новое здание которого появилось недалеко от школы и нашего дом в 1960 г. Театр был шефом нашей школы, поэтому мы смотрели и генеральные репетиции.

Немалую роль в моем развитии сыграло коллекционирование. Копил я много чего: марки, спецгашения, спичечные этикетки, спички, открытки (мог подолгу рассматривать сохранившуюся в нашей семье коллекцию старинных открыток XIX – начала XX веков), монеты, карандаши. Поставив чайник на плиту, над струей пара отклеивал марки от конвертов.

Однажды я решил проявить самостоятельность при стирке перчаток (достались мне от мамы), сделанных из кожи в комбинации с трикотажем. Погрузил их в кастрюлю и вскипятил. Понятное дело, что произошло с кожей. Периодически бабушка красила на плите что-то из одежды в баке, при этом резко пахло уксусом.

По утрам я вставал под звуки радиотрансляционной точки. Вместе с радиоведущим делал зарядку, слушал «Пионерскую зорьку». Для меня уже была сварена геркулесовая каша. Для вкусоности к каше прилагалось стоявшее под столом ведро брусничного варенья.

Весной 1962 г. меня приняли в пионеры. К этому дню полагалось самому оформить лист с торжественным обещанием пионера Советского Союза, которое я помню с тех пор наизусть. Мама хорошо писала чертежным шрифтом, но она

понимала, что сын должен все сделать сам. По трафарету я на ватмане написал текст, потом мы вместе красиво разукрасили лист цветными карандашами. Клятву мы давали на линейке в физкультурном зале. В четвертом классе, учитывая мою хорошую учебу, меня избрали председателем совета отряда. Сам отпаривал школьные брюки, грел чугунный утюг на плите на кухне.

В начале 1960-х наш двор-колодец начали мостить камнем – диабазом. Я подолгу смотрел, как рабочий готовит место для закладки очередного камня, как кладет его, постукивает киянкой, как трамбует, как заполняет песком швы. По одной стене нашего колодца был брендмауэр. Как-то раз, когда вокруг никого не было, я, подражая атлетам – толкателям ядра, швырнул камень в ту стену. И попал в единственное окошечко, что было в нем. Звон стекла. Тут же я пустился наутек.

Неподдельный интерес вызвала у меня реконструкция близлежащих улиц. Подолгу смотрел, как асфальтируют дорогу, сажают деревья.

Второе по важности место, где человек проводит время, возвратившись домой, – это кухня. Естественно, у каждого жильца стоял свой стол. На месте дровяной плиты в кухне поставили ванну, и если кто-то решался помыться, все соседи становились заложниками положения и не могли приготовить себе еду. Места общего пользования мыли по очереди. В коридоре и прихожей был настлан дощатый пол, и когда приходила наша очередь, я внаклонку елозил мокрой тряпкой по нему, и этот навык здорово пригодился мне в жизни. В нашей комнате паркет, уложенный квадратиками, мне тоже доводилось мыть. Высохший паркет покрывали водяной мастикой.

С соседями мы были корректны, больших склок не было. Конечно, женщины не могут обойтись без разговоров. Одинокая соседка-продавщица, когда у нее умер племянник, побежала первым делом поделиться горем к нам. Ее горе заставило меня задуматься о том, что жизнь когда-нибудь кончится, о смерти.

Кухня становилась местом обсуждения самых важных событий. Мне не забыть 22 ноября 1963 г. Были у нас очень простые соседи Копаевы. На кухню вышли он, продавщица, моя бабушка (она, будучи всю жизнь домохозяйкой, очень любила разговоры), и кто-то передал только что услышанное по ТВ сообщение: убит президент США Джон Кеннеди. После Карибского кризиса и угрозы мировой войны осенью 1962 г., когда СССР установил ракеты на Кубе (тогда мамин отдых на кавказском побережье Черного моря висел на волоске), это было как гром среди ясного неба. Все побежали к экранам. Запомнились исторические снимки: Кеннеди в автомобиле, убийство Освальда.

Обсуждались жизненные трудности, которые сваливались на всех разом. Помню, в начале 1960-х часами стояли в очереди за серыми батонами, не достать было муки.

Каждый год летом я ездил на одну смену в пионерский лагерь. Всегда в разные места. В 1967 г. в лагере познакомился с процессами изготовления черно-белой фотографии (широкоплёночный «Любитель-2» у меня уже был) и увлекся ею на всю жизнь. Фотография определила и мою будущую профессию. Помню, ставлю заряженный плёнкой чёрный проявочный бачок на кухне в тарелку, заливаю проявителем и вращаю катушку. А заряжал катушку плёнкой под одеялом.

Основной слой друзей нашей семьи составляли те, с кем Морозовы (семья моей мамы) подружились, когда жили на ул. Чехова. К нам на 4-ю Красноармейскую приезжали друзья бабушкиной молодости, в том числе Елена Прощая, с кем бабушка работала в госпитале. Приезжали гранд-дамы: знакомые по музыкальной школе Бронниковы – с их дочерью мама училась. Приезжали Писаревы – это опять по музшколе. Ровесник моей бабушки Иван Семенович имел густой бас, пел в церковном хоре. При встречах он непременно что-нибудь исполнял. Приезжали знакомые по «Аннашале», по школе № 11, в которой мама училась (сейчас лицей № 239). Приезжали знакомые просто через соседство: тогда, до войны, на тихих старых улочках Ленинграда жили дружно. Приезжали подруги мамы по институту и по работе. Мы же с бабушкой регулярно ездили на ул. Маяковского, домой к сапожнику, услугами которого по ремонту обуви она пользовалась много десятков лет. Были знакомые портнихи и скорняки. У нас была своя настольная швейная машина «Зингер».

Кстати, Пасху мы непременно праздновали: красили луком яйца, делали творожную пасху в металлической форме, сохранившейся со старых времен. Раз бабушка пошла вместе со мной на Светлой неделе к храму Николы Морского, что был неподалеку от нас. До конца мы не отстояли, вернулись после полуночи.

Нередко приходила мамина старшая сестра тетя Ира и трое ее дочек – Ольга, Татьяна и Ксения. Она одна воспитывала детей, была членом КПСС. Они жили неподалеку – можно сказать, тоже в Измайловской слободе: между 1-й Красноармейской ул. и рекой Фонтанкой. И тоже в коммунальной квартире. В их квартире нравы были покруче: строго вывешивалось расписание дежурства, в кухне всегда висел запах квашеной капусты, жира и грязных полотенец.

Отводя меня в бассейн, бабушка познакомилась с соседями Сидневыми, что жили в нашем дворе на первом этаже и тоже водили мальчика плавать.

В школе № 270, где я учился, регулярно собирали металлолом и макулатуру. Набрать бумаги проблем не было: мы выписывали газеты. Раз бабушка, взвалив перевязанную кипу на плечо, не спеша отнесла на пункт сбора. Другой раз я подошел к школьной кочегарке, где скапливали макулатуру, и, копаясь в куче, нашел фотоотпечатки 1934 г. На снимках было зафиксировано прощание в Таврическом дворце с С. М. Кировым после его убийства.

Гагарин

Я учился в 1961 г. во втором классе. Ходил в школу во вторую смену. А утром, в первую, занимался плаванием в детской секции в бассейне.

До бассейна надо было проехать несколько остановок на трамвае. Положив в свой балетный чемоданчик с металлическими уголками плавки, мочалку, мыло, полотенце, я шел с бабушкой Агриппиной на остановку трамвая. Двухосный старенький вагон красного цвета звенел, как и полвека до того, скрипел колесами на поворотах и подвозил нас к самому старому в городе бассейну.

Здание спортивной школы стояло в глубине квартала, за садиком. Вход через подвал, а рядом с выходом из спортивной зоны – буфет. В нем на столах всегда стояли блюда с нарезанным длинными ломтиками хлебом и баночки горчицы. Ломтики ноздреватого формового лежали стопкой, а из стеклянной горчичной баночки сквозь прорезь в металлической крышке торчала игрушечная ложечка. После тренировок уставшие голодные мальчишки с еще сырыми непричесанными вихрами набрасывались на хлеб, обильно мазали его горчицей и жадно ели. Несколько раз лакомился таким бутербродом и я.

В этот апрельский день бабушка встретила меня после занятий взволнованная: «Вова, человек в космосе!» Я схватил свой пропуск в серой обложке со стойки дежурного, и мы поспешили домой.

Космос? Еще до школы как-то раз я отдыхал с мамой в Крыму. В один из южных вечеров она показала мне на небо:

– Смотри, спутник летит. А вон еще.

Южным вечером по черному бархатному небосводу мерно ползла яркая звездочка. Пригляделись – увидели еще одну движущуюся. Вот это да! Так я увидел первые спутники.

...Мы с бабушкой спешно оделись и на звенящем трамвае добрались до дома. Не раздеваясь, я подлетел к телевизору – это был КВН-49 с большой, наполненной дистиллированной водой, линзой, стоявшей перед экраном на уголках трубок. Голубой экран размером не более 15 см, но благодаря линзе он сразу становился раза в два больше. Мне же пузатая стеклянная емкость напоминала аквариум, о котором я мечтал все детство.

На экране шли кинокадры: Гагарин на тренировках, в кабине истребителя, Гагарин в группе летчиков. Первого космонавта показывали чаще всего в летном кожаном шлеме улыбающимся.

А ведь когда куснешь хлеба с нашей горчицей, готов прыгать аж до потолка. Даже и в космос готов.

На Пискаре

На Пискаревском пр., 35 я живу 49 лет.

Досталось нашему проспекту. 20 лет носил имя Петра Великого, столько же – вождя всех трудящихся В. Ленина. Долго единственным транспортом жителей здесь был трамвай, но пришли новые времена – и его убрали.

Моя мать продолжительное время работала в проектном институте «Проект-автоматика» руководителем группы, и в 1966 г., когда мы жили на 4-й Красноармейской, ее послали в командировку в Венгрию. На заработанные за границей деньги она купила в девятиэтажном кооперативном доме (ЖСК от завода «Вибратор») на шестом этаже двухкомнатную квартиру. Панельный дом брежневских времен серии 1ЛГ-606 – одна из самых удобных строительных конструкций того периода. Эту серию в основном отдали на откуп жилищным кооперативам. Теплый дом, планировка удачная.

С нашего балкона открывался изумительный вид на запад и юг, на центр города. Были видны когда-то Петропавловский и Смольный соборы, но теперь панорама частично застроена. Неотъемлемой частью нашего дома стали закаты. Вид летом в вечернюю пору открывался восхитительный.

В первые годы после новоселья я оканчивал школу, а затем стал студентом математико-механического факультета Ленинградского университета. Несмотря на женское воспитание, во мне кипел дух противоречия, прорывался синдром свободы. Многие совместные вопросы вызывали у нас с мамой споры. Но, как правило, остыв после пререканий, мы продолжали дружно жить. Я юношески увлекался всем, но, кроме тем и сфер деятельности, которые стали в дальнейшем моей профессией, и первой, и второй, меня захватила идеология.

Это было неожиданно для нашей семьи. Никогда острые для общества темы в семье не обсуждали, как и философские вопросы мироустройства. Я с упоением читал работы В. Ленина, биографию его и его соратников, исторические работы, касающиеся революционного движения. Материалы совещаний коммунистических и рабочих партий. Захватила и комсомольская работа, в которой эту идею утверждаешь. Оттого я не понял трагедию Чехословакии в 1968 г., многого не оценил. Правда, крах советской империи я пережил с легкостью и в 1990-е стал романтиком уже нового пути.

Квартиру мы получили с отделкой, но некоторые мелочи требовали рук. С удовольствием отмывали окна, мыли, расставляли мебель, вынимали книги из коробок. Сосед по лестничной площадке Борис Рыжков помог врезать замок в дверь.

Когда мы заехали, многие жильцы знали друг друга по работе. Мать ездила иногда по утрам в институт с коллегами. Особенно мы подружились с молодой

семьей Рыжковых-Исаченковых – соседями по площадке. Вместе катались на лыжах, ходили за грибами, посещали музеи. Вместе праздновали некоторые праздники.

Познакомились мы с некоторыми другими соседями, прежде всего преклонных лет. В 1989 г. я заинтересовался местным самоуправлением и выдвинулся кандидатом в депутаты Ленсовета. Моим округом стал мой квартал, тут я и проводил (в квартале более 30 домов) предвыборную кампанию. Поставил себе целью обойти все квартиры квартала. Тогда люди были более открытыми, подъезды еще не закрывались на замки, и многие жильцы, если позвонить, открывали дверь. Квартал в городских кругах называют депрессивным, но я узнал нескольких земляков, с которыми стал поддерживать отношения. Обошел и квартиры своего подъезда. Лишь после этой кампании я стал здороваться с жильцами, лица которых постоянно встречал. Мечтал тогда о теплых соседских отношениях в подъезде – подобные примеры появились на заре перестройки. О цветах на лестнице, теплых уголках и, может быть, даже библиотечке. Но все зависит от общей культуры, очень часто люди поступают крайне эгоистично: строят идиллию в своей квартире, а вокруг – хоть трава не расти. Обращения и просвещение малоэффективны.

Вообще в отношениях между людьми все привыкли к симметрии: как он ко мне относится, так и я к нему. По-настоящему гуманные люди, люди верующие, делают иначе. Как альтруисты – не ждут ответа, оплаты. Первыми совершают благородный шаг. Но какой запас веры в человека надо иметь при этом!

Теплые отношения с соседями помогали и в экстренных случаях. Раз одинокая соседка средних лет из однокомнатной квартиры этажом выше (мы живем на шестом) обратилась с просьбой о помощи после того, как ее входная дверь захлопнулась. Что делать? Я был студентом. Вышел на балкон восьмого этажа, по веревке, сделанной из простыни, спустился на ее балкон, разбил окно квартиры и открыл входную дверь изнутри.

С соседями в квартире ровно под нами мы познакомились не от хорошей жизни: несколько раз я заливал их квартиру, пролив порцию воды на пол в ванной. Тогда я занимался печатью и мокрой обработкой фотографий. Теперь подобные случаи прекратились.

С годами жильцы менялись, отношения прерывались. С перестройкой ротация владельцев жилья усилилась. Появились лица люмпенского типа. Несколько лет назад в моей квартире была попытка ограбления: взломали замок, все обшарили в поиске денег, но так ничего и не нашли. Есть сильные подозрения, что это мужчины из люмпен-компании с верхних этажей. Полиция дело не пыталась раскрыть. Конечно, после происшедшего я поставил новые двойные двери.

Поддерживаю отношения со старожилками-жильцами нашей лестницы. Как правило, это пожилые люди. Я записал воспоминания тех, кто был ребенком во время Великой Отечественной войны; ряд мемуаров опубликован в газетах и книгах. Жизнь идет, когда-то активная женщина Нина Исаченкова несколько лет назад осталась одна, стала инвалидом-опорником. Я пока на ногах, полон сил и не мог пройти мимо ее положения. Вызвался гулять, вывозить ее на кресле, скрашивать ее досуг беседами. Сейчас ее уже нет.

Мечтая давно о новой квартире, я представлял наше новое жилище зеленым садом. Во многом так и получилось: мы любим цветы, в квартире стоит много горшков.

Напротив, через Пискаревский проспект, у нас лежит зеленая зона. Сейчас это Парк им. Академика Сахарова, а 50 лет назад здесь был питомник саженцев. Сохранились некоторые зеленые куртины с прежних лет, но в основном посадки более поздние. Парк играет огромную роль в жизни нашей семьи, там пролегает трасса моих ежедневных беговых тренировок. Там гуляли, играли с детьми, когда росли девочки. Кстати, когда мать была жива, одно время я беговые тренировки проводил по вечерам. Мама выходила вместе со мной и прогуливалась, пока я носился. Ходили мы вместе и в группу оздоровительной гимнастики.

Долгое время мы жили в квартире вдвоем с матерью. Потом я женился на Лилии Ивановой, развелся. Женился на Наталье Смирновой. Родились две дочери. Нас стало в квартире пятеро, удалось купить в ЖСК однокомнатную квартиру по нашей же лестнице. В нее переехала моя мама. Вариант очень удачный: она помогала заботиться о детях, заниматься их развитием и в то же время жила отдельно.

Детьми я занимался с удовольствием. Водил в детский сад, в школу, помогал делать уроки. Записывал на магнитофон аудиодневник семьи – голоса дочек. Записывал на бумаге их высказывания, перлы. Хотелось выпускать журнал семьи в технике коллажа, но дальше первого выпуска не пошло. Отводил сначала одну, потом другую в студию Охтинского центра гуманитарно-эстетического воспитания. И снимал, снимал на фотопленку все моменты жизни малышей, вел фотоальбомы.

С женой мы развелись, в 1999 г. она уехала работать за границу, вновь вышла замуж. Дочери остались со мной. Они выросли. Моя мать умерла.

Старшая дочь уехала в США, вышла замуж, живет там уже восемь лет. Младшая уже пять лет живет в моей квартире с мужчиной без регистрации. Отношения с дочерью (ей 27 лет) сохранились теплые, хотя я и не стал полностью ее другом. Конечно, на развитии дочек сказалось отсутствие их мамы рядом на протяжении многих лет. Я не навязываюсь, стараюсь держаться отстраненно,

памятук о синдроме свободы, с которым не расставался всю жизнь. Поскольку режим дня у нас разный, то питание отчасти раздельное, отчасти совместное. Дочь помогает мне в стирке, уборке квартиры. Она много работает, успевает по выходным только выспаться – и вести столь интенсивную культурную жизнь, какую веду я, не способна. К сожалению, массовая культура занимает в ее жизни непомерно большую роль. Смотрит часто телевизор, читать уже некогда.

Раньше, когда жил с матерью, да и когда дочери были маленькими, гости приходили к нам нередко, застоля происходили чаще.

Несколько лет назад дочь задумала перестановку в своей комнате. Она выкинула предметы мебели, добротные, крепкие, которые могли бы послужить еще не один год, – потому что они не вписывались в новую схему расстановки. Появилась новая мебель. Характерно: молодое поколение, выросшее после перестройки, в век потребления, с легкостью расстается с привычными вещами. Ротация, по их мнению, неизбежна. О том, что такое семейная реликвия, думают редко.

Два года назад я вновь женился. Познакомился с Инной на работе. Ухаживал за будущей женой шесть лет. Моя жена Инна пока живет в Гатчине с дочерью, ее мужем и внучкой в однокомнатной квартире. Это необходимо для помощи в уходе за ребенком, также и ездить удобнее Инне к месту работы. Ездим друг к другу в гости. А что в будущем – посмотрим.

Малая Охта и Васильевский

На коммунальные квартиры из 63 лет моей жизни приходится не так уж и много. Сначала в коммуналке я жил со дня моего рождения и до трехлетнего возраста, и позже, уже в сознательном возрасте, – с конца 1979 по 1986 г.

Первую квартиру я помню плохо. Она осталась в памяти большой светлой комнатой, которую занимала тогда наша семья, с большим фикусом и другими цветами в горшках на балконе. Помню оттоманку, письменный стол с гипсовым Лениным, – правда, может быть, помню это по фотографиям, которые любил рассматривать в детстве. Помню, что свободного места в комнате было мало и что спал я вместе с бабушкой.

Жили мы тогда на улице Стахановцев на Малой Охте, куда незадолго до моего рождения родители вместе с моим старшим братом и с бабушкой перебрались из маленькой комнаты на Кондратьевском проспекте. Дом наш, как и все соседние дома, был построен еще в 1940-е, но заселен уже после войны. В блокаду недостроенные дома на Малоохтинской набережной стояли пустыми, их деревянные перекрытия и столярку пустили на дрова, а каменные остовы приводили в порядок и заселяли уже после окончания войны. Сколько комнат было в квартире, я не знаю – наверное, две или три. Мы занимали, вероятно, самую большую. Жило нас в ней шесть человек. Родители, мы с братом Володей, бабушка – папина мама Прасковья Никитична и дядя Вася – младший брат отца, в те годы студент Лесотехнической академии. Из соседней помню девушку Валю Стеблецову. Имя и фамилию запомнил, наверное, потому, что о ней часто говорили. Кажется, за ней ухаживал дядя Вася. Смутно, больше по рассказам, помню, что ко мне она относилась хорошо и, часто у нас бывая, возилась со мной. Других соседней вспомнить не могу. Воспоминаний об этой коммуналке осталось немного – слишком мал я был, но все они какие-то хорошие и светлые. Запомнилось только, как мы с братом гуляли в скверике на месте будущего моста Александра Невского и Володя сфотографировал меня трофейным отцовским фотоаппаратом на фоне здания Высших военно-морских курсов. Трехлетнего и десятилетнего шпионов тут же забрали в милицию. Но, в конце концов, все обошлось и даже фотопластинка где-то, должно быть, валяется. Руки только не доходят найти и напечатать с нее снимок.

Родился я в 1954 г., а прожили мы в этой квартире года до 1957-го. Мои родители, Андреев Петр Харитонович (1920–2017) и Андреева (Муравская) Мария Яковлевна (1922–2000), родились в Велижском районе Смоленской области, в соседних деревнях Шумилово и Замошье. Мама вскоре после окончания школы, находившейся в соседнем селе Будницы, переехала в Ленинград к своей родной сестре – тете Насте, которая с мужем и детьми жила в Батенинском жил-массиве в Лесном. Мама пережила блокаду и была вывезена по льду Ладожского озера накануне ее прорыва в 1943-м. Больше месяца добиралась до родной деревни, переболела по пути тифом, и когда постучала в дверь родного дома, отец ее не узнал, приняв за нищую старушку.

Наш отец перед войной, еще практически ребенком, работал на строительстве военных заводов в Туле. В 1940-м был призван в армию, служил в Чирчике под Ташкентом в артиллерийском полку, а с началом войны вместе со всей своей дивизией вступил в бой под Брянском, где и попал в окружение. После тяжелого отступления по вражеским тылам часть дивизии уже зимой вышла к Туле. Дальше была оборона Тулы, контрнаступление, освобождение Калуги, потом Чернигов, Пинск, Брест, Рига, Варшава, Штеттин и встреча с американцами на Эльбе к северу от Берлина. Год отец прослужил в оккупационной комендатуре в Нордхаузене – это там, где на подземном заводе «Дора» немцы делали ракеты «Фау». На обратном пути из Германии в свою деревню Шумилово отец случайно заночевал в Замошье в доме у Муравских, за которым тогда присматривала моя будущая мама Маня Муравская. Вскоре отец перевез в Замошье свою мать, которая вместе с братом Стефаном и его женой – теткой Фимой – ютилась в Шумилово в землянке. Изба их в войну была раскатана на блиндажи. Трое сыновей тетки Фимы и деда Стефана погибли на фронте. Сами они так и прожили в крошечном домике – бывшей баньке – до конца 1960-х. Я их хорошо помню. В 1943-м под Ленинградом на Синявинских высотах погиб и старший брат отца – дядя Сережа. Он был минометчиком. Дядя Вася, которого призвали в конце войны, тоже успел повоевать. Он брал Кёнигсберг, а после Победы продолжил службу в Нордхаузене. Отцу удалось перетащить его в Нордхаузен к себе в комендатуру.

Вскоре отец, мама и бабушка переехали в Ленинград и поселились у тети Насти. Позже отцу дали комнату на Кондратьевском проспекте. В 1947 г. родился Володя. Сначала папа работал начальником отдела кадров на заводе Сталина (Ленинградском металлическом заводе, ЛМЗ), но году в 1950-м его выгнали. Одновременно и дядю Васю из Германии отправили дослуживать куда-то в Западную Сибирь. Причина – донос. Папа скрывал, что его отец – Харитон Карпович – был расстрелян нашими после освобождения деревни Красной армией. Но как-то раз, приехав в деревню, отец разговорился с кем-то из соседей и рассказал,

как он живет и где работает. Какой-то «доброжелатель» поспешил проинформировать «органы», и чекисты сработали оперативно. Хорошо еще, что отца не посадили. А причина расстрела деда была следующая.

Как-то зимой в дом деда постучал наш офицер-окруженец (кажется, летчик), попросился переночевать, а утром пошел дальше на восток. Его заметили местные активисты (кстати, бывшие организаторы колхоза) и бросились в погоню. Поймали, привели обратно в деревню и послали за немцами в Велиж. В самой деревне немцев не было. Деду Харитону приказали сторожить. Потом офицера увезли в Велиж, а там он бросился с высокого моста через Западную Двину и разбился об лед. Когда пришли наши, кто-то доложил и всех, кто был связан с этой историей и не успел спрятаться, расстреляли без лишних разговоров и выяснений. Дед считал, что уж ему-то нечего бояться, и сидел себе на печи. Увели и, особо не разбираясь, расстреляли вместе с еще двумя или тремя мужиками. Бабы тогда говорили, что Харитона-то зря, он и не виноват ни в чем и сыны у него воюют...

Когда отца выгнали с завода Сталина и устроиться было некуда, работу ему предложил инженер Райнус, строитель, с которым папа сотрудничал, когда еще работал на ЛМЗ. Так началась строительная карьера отца. Сначала он работал мастером, потом прорабом, начальником участка и, в конце концов, дослужился до главного инженера строительного управления.

Году в 1957-м нам дали отдельную квартиру в большом «сталинском» доме на Конторской улице на Большой Охте. Весь этот квартал строил отец. Помню ощущение простора и то, как я носился по всей квартире на своем новом трехколесном велосипеде. Квартира была двухкомнатной. Одну комнату заняли родители, в другой поселились мы с братом и бабушкой, а временами жил еще кто-нибудь. У нас все время жили какие-нибудь родственники – так тогда было принято. Дядя Вася, вернувшийся из армии двоюродный брат Лёнька или приезжавшие из деревни знакомые или родные. Окончив Академию, дядя получил место лесничего в Речном, недалеко от Лосево на Карельском перешейке, и увез к себе бабушку. Мы остались в квартире вчетвером. С этого момента наступил следующий этап жизни, который к коммунальным квартирам отношения не имеет.

Снова я оказался в коммунальной квартире в 1979 г. Мой брат Володя, инженер-строитель, тогда уже несколько лет жил и работал в Чехословакии, что-то строил на наших полигонах вблизи словацкого города Зволена. Я тогда жил с родителями, учился в университете на биофаке, потом в аспирантуре. Жил я вполне комфортно, поскольку у меня была своя комната. И тут я познакомился со своей будущей женой Олей Сорокиной. Она тогда была студенткой Сангига – Санитарно-гигиенического института, что на Пискаревском проспекте, там, где больница Мечникова. Оля жила одна в своей комнате в небольшой коммунальной

квартире на 4-й линии Васильевского острова. Оля мне понравилась сразу, с первого взгляда. Вскоре, в сентябре 1979-го, мы поженились и еще через три месяца я перебрался к ней, в комнату, которая стала нашим домом на несколько лет. Здесь потом родились и подрастали наши дети, пока в 1986-м мы не построили себе отдельную кооперативную квартиру на Ржевке.

Комнату эту получила Олина мама Евдокия Михайловна Сорокина, работавшая тогда на Заводе им. Козицкого, где делали телевизоры. До этого их семья ютилась в маленькой комнате в общежитии завода, где-то там же неподалеку, на Васильевском. Было там очень тесно и совсем плохо. В одной комнате, разделенной занавеской, жили две семьи с маленькими детьми. Через какое-то время завод наконец выделил им эту комнату. Отец, Александр Николаевич, от них вскоре ушел, а потом и мама переехала к своему новому мужу в Шувалово, и Оля осталась полноправной хозяйкой.

Ее комната была довольно большая – 16 м², с низким потолком и с двумя окнами на улицу, которые смотрели на расположенную напротив психиатрическую больницу, где лечили алкоголиков. В квартире были еще три небольшие комнаты – две узкие смежные с нашей, их окна тоже выходили на улицу, и одна, тоже небольшая, расположенная напротив, через прихожую. Ее окно смотрело во двор, упираясь в стену. Маленькая прихожая и узкий длинный коридор соединяли жилые комнаты с крошечной уборной и с 10-метровой довольно темной кухней с окном, тоже выходящим во двор. Сам двор, расположенный между двумя флигелями дома, также был узким и темным. Ванной комнаты и душа в квартире не было, и мыться мы ходили в баню на углу 5-й линии и Среднего проспекта. Детей Оля иногда водила мыть к своей подруге Вале Кирилловой, жившей неподалеку на той же улице. Располагалась квартира № 8 на невысоком третьем этаже старого дореволюционного дома № 51 по 4-й линии Васильевского острова, совсем рядом с Малым проспектом. Потом я вычитал где-то, что в доме, стоявшем на этом месте, в 30-х годах XIX века бывал Т. Г. Шевченко, навещавший жившего здесь земляка, украинского писателя Е. П. Гребёнку. На первом этаже соседнего дома была прачечная, куда мы сдавали в стирку наше постельное белье. Стиральной машины у нас не было. Вернее, была какая-то примитивная, но пользоваться ею было сложно, и мы увезли ее на дачу к моим родителям. Детские вещи Оля кипятила на плите и стирала в тазу.

Когда я поселился в квартире, там уже были центральное отопление и горячая вода. Но появились они только году в 1965-м. До этого, по Олиным рассказам, в комнате стояла круглая печь-голландка. Печь располагалась у двери и отапливала две смежные комнаты. Дрова хранились в подвале. В конце двора до сих пор сохранился маленький домик – общая для всех жильцов дома прачечная,

где стирали белье. Сушили его на чердаке, где каждая веревка была подписана, чья она. Оля помнит, как после ремонта они с Вале́й, будучи школьницами, выносили кирпичи от разобранной печки.

Комната наша была самая большая в квартире, квадратная, довольно светлая и теплая. Мы даже зимой держали окна открытыми. Пока жили вдвоем, в комнате было довольно просторно. У нас была стенка из темной ДСП, которую Оле купила мама к началу ее самостоятельной жизни, мой большой письменный стол, который я привез от родителей, узкая тахта, холодильник и обеденный стол. Холодильник мы купили по ветеранской очереди моего отца. А так просто его было не купить. В очереди отец стоял то ли год, то ли полгода – сейчас уже не помню. Несколько раз ездил куда-то на юг города отмечаться, и наконец мы стали счастливыми обладателями этого прибора.

Да, была еще Олина швейная машинка «Келлер» со столиком и ножным приводом. Позже мы купили диван «Наташа», который в разложенном виде занимал сразу полкомнаты. Когда родился Костя, стало тесновато. Пришлось выдвинуть одну секцию стенки и в образовавшемся закутке над пристроенной туда швейной машинкой соорудить что-то вроде полатей с поднимающейся решеткой. Это было его спальное место. Со временем набиравший силы Костя разболтал решетку, а потом и совсем ее сломал. Когда же через четыре года родился Сережка, стало уже совсем тесно. Свободного места в комнате не осталось. Первое время Сережка спал в коляске, а потом мы собрали ему кроватку, которая заняла последнее оставшееся место.

Бедствием были клопы. От них страдали и мы – взрослые, но главным образом – дети. Просыпались они все покусанные, а на белье оставались кровавые пятна. Вся мебель сзади и обои были в темных пятнышках – клопных следах. Боролись мы с клопами постоянно, но с переменным успехом. Основным средством был карбофос – жутко ядовитая, канцерогенная, как теперь известно, и вонючая жидкость. Мы обрабатывали карбофосом всю мебель, плинтуса, карнизы и обои, свой диван и детские спальные места. Потом жили и спали в этой атмосфере, дышали этими ядовитыми испарениями. Когда уезжали на новую квартиру, очень боялись привезти этих паразитов с собой.

На кухне у нас был свой буфет с узким столиком. Стоял он в дальнем конце, у газовой плиты. Там мы готовили, а ели у себя в комнате. Маленькая эмалированная раковина, где мыли посуду, умывались и чистили зубы, располагалась в темном углу кухни. Всего в кухне было четыре стола, по одному для каждой семьи. Детей, пока они были маленькими, мы мыли в своей комнате, таская воду из кухни и наполняя ею большую пластиковую ванну, которую ставили на два стула. Позже брали старшего Костю с собой в баню.

За то время, пока мы жили в квартире, соседями нашими были разные люди. В комнате напротив жил со своей старушкой-матерью солидный немолодой уже мужчина, Василий Васильевич. Фамилия его была Петренко – или что-то в этом роде. Они были украинцами из Львова. Василий Васильевич был старшим по квартире. Старшинство его заключалось в том, что он рассчитывал, кто сколько должен платить за общие коммунальные услуги и за общий свет. Потом, когда он уехал, эта обязанность легла на мои плечи. Мать Василия Васильевича, ходя по квартире, громко шаркала ногами, а встречая Олю в коридоре или на кухне, зловеще хохотала: «Ха-ха-ха!», чем ее очень сильно пугала, особенно в тот период, когда Оля была беременна. Василий Васильевич строил кооператив и готовился съезжать, но случилось несчастье – его мать, забыв, что на выходе из уборной довольно высокая ступенька, неловко шагнула, упала и сломала шейку бедра, после чего вскоре умерла в больнице. Для Василия Васильевича это было двойное несчастье, потому что теперь он не мог претендовать на двухкомнатную квартиру, а по правилам, поскольку остался один, мог рассчитывать только на однокомнатную. Василий Васильевич очень сокрушался по этому поводу и вскоре предпринял решительные меры – вошел в правление кооператива, что и помогло ему, в конце концов, осуществить задуманное – въехать в новую двухкомнатную квартиру.

Когда Василий Васильевич съехал, его комнату получил Мороз. Звали его Виталий. Это был высокий и несколько нескладный дядька. У него что-то было с ногой, он хромал и носил ортопедический башмак. А под башмаком у него что-то гнило. Поэтому по запаху всегда можно было определить, дома он или нет. Мороз жил один и довольно сильно пил, но пил у себя в комнате и особенно никому не досаждал. В комнате у него никакой мебели, кроме какой-то лежанки, не было. Зато стояло много пустых бутылок, а стены были расписаны сердцами и надписями типа: «Виталик, я тебя люблю!» Надписи, вероятно, оставляла его подруга – высокая крупная и довольно привлекательная женщина, то ли врач, то ли медсестра. Она часто оставалась у Мороза и вела себя в квартире совсем по-хозяйски. Однажды, войдя с лестницы в прихожую, она успела заметить, как из комнаты Мороза кто-то выскочил. По цвету мелькнувшего халатика она определила, что это Ольга, и, ударом ноги распахнув нашу дверь, влетела к нам, намереваясь разобрататься. Мы в это время мирно смотрели телевизор. Пришлось выкинуть ее, да так, что она пролетела через прихожую до их с Морозом комнаты. Позже, когда выяснилось, что злодейкой была ее подруга, она приходила к нам извиняться.

Одну из смежных с нами комнат давно, одновременно с Олиной мамой, получила ее двоюродная тетка Анна Петрова, но к тому времени, когда в квартире появился я, тетка обменяла эту комнату на дом где-то в пригороде, а комнату

заняла одинокая маленькая горбатая старушка – Анна Ивановна. Была она не-людима и со всеми в плохих отношениях. У себя в комнате, судя по всему, выпивала, а после этого иногда распевала песни. Поскольку у Оли, а позже уже у нас, довольно часто тогда собирались веселые и шумные молодежные компании, то нас она особенно и совершенно справедливо не любила, если не сказать больше. Однажды написала заявление в милицию о том, что мы пьем, курим, да, мало того, еще и вдуваем ей дым в замочную скважину с целью отравить. Как раз в те дни я пришел к Оле знакомиться с ее матерью. Тут очень некстати и появился участковый, пришедший разбираться по заявлению. Другие старушки-соседки стали горячо объяснять участковому, что Оля хорошая, а старуха сумасшедшая и ее давно пора отправить в психушку, о чем удовлетворенный участковый и написал в своих бумагах. Однажды, во время одной из гулянок, один из наших друзей, прилично набравшись, прижал Анну Ивановну в темном коридоре, приняв по ошибке за девушку. Вряд ли по этой причине, но вскоре Анна Ивановна поменялась, и вместо нее в комнату въехал молодой парень – Сережа. Он спустя какое-то время женился, и потом у них с женой появились две дочери. С этими соседями у нас отношения были уже вполне нормальными.

Комнату по другую руку от нас занимала тетя Нина с работы Олиной матери. Она болела и выписала из деревни свою маму, чтобы та ей помогала. Когда я поселился, в комнате жила уже только мама – тоже старушка и тоже Анна – Анна Ивановна. С ней отношения у Оли и у нас были нормальные. Позже приехал ее сын и забрал ее к себе в какой-то южный город, а в комнате прописалась девушка Света, которая хорошо вписалась в нашу молодежную компанию и участвовала в наших пирушках. Потом Света вышла замуж, родила и вскоре они с мужем куда-то уехали. Комната их стояла закрытой до самого нашего отъезда.

Несмотря на скромные бытовые условия и тесноту, жили мы в нашей квартире весело. Часто устраивали вечеринки, выпивали, танцевали. Дружья бывали у нас часто. Да и молоды мы были. Помню банкет после защиты моей диссертации осенью 1980 г. Оля была беременна Костей, и ей пришлось нелегко. В нашу комнату набилось тогда человек тридцать. Как мы туда поместились?.. Но как-то поместились и гуляли до глубокой ночи, пока теща не выгнала самых стойких, а я провожал их до такси.

А однажды, на какой-то встрече с иностранной делегацией, куда меня отправили по партийной линии, я познакомился с молодыми немецкими ребятами из Западной Германии из города Дармштадта. Несмотря на то что это не приветствовалось, а может быть, даже было и запрещено в нашей «свободной» социалистической стране, я позвал их к себе в гости. Когда мы пришли домой, немцы были просто ошарашены. Теснота, развешанное в коридоре белье, соседи...

Про наших соседей они спросили: «Это всё ваши родственники?» Тем не менее посидели и пообщались мы неплохо и расстались друзьями. Мы хотели позвать немцев на празднование Нового года к нашим друзьям, но те испугались, что могут быть неприятности, и не разрешили их приводить.

Когда на свет появился Сережка, жить в такой тесноте стало совершенно невозможно. Мы уже давно стояли в городской очереди на квартиру, а тут решили вступить в кооператив. Это было очень дорого, и отец меня отговаривал: «Зачем тратить деньги? Скоро получите квартиру бесплатно». Но скоро – это когда? Ждать еще несколько лет и без всякой гарантии? И мы приняли решение. Но ждать даже кооператива пришлось довольно долго. Там тоже была очередь, и приходилось время от времени ездить в переулок Антоненко и отмечаться. В один из таких приездов я вдруг обнаружил, что кое-кто из записавшихся позже нас уже вступает в кооперативы, и устроил скандал. Вскоре после этого, через несколько дней, мы получили приглашение на вступление.

Наша будущая трехкомнатная квартира стоила 16 500 рублей. Получал я тогда рублей 200, и все уходило на жизнь. Вступительный взнос был 6500 рублей. Остальное – кредит лет на двадцать. 2000 рублей нам оставила Олина мама, 2000 я заработал в Антарктиде и 2000 дал нам в долг мой брат. Потом до начала гиперинфляции мы ежемесячными выплатами успели выплатить около 3000. А когда началась инфляция, банк стал требовать, чтобы я рассчитался немедленно, пока деньги не обесценились, угрожая страшными санкциями. Я им отвечал, что выплачу все, как только размер моего долга будет равен стоимости бутылки водки. Как только бутылка стала стоить 7000 рублей, свое обязательство я выполнил. Наверное, это единственный раз, когда мне удалось пожить за счет нашего щедрого государства. Но государство все-таки тоже надуло нас и получило свое. Уезжая в новую квартиру, свою комнату мы честно отдали. По глупости, наивности или, наоборот, по излишней честности не предприняли никаких шагов, чтобы оставить комнату за собой. Был вариант – формально развестись и одному из нас остаться прописанным в этой комнате, что многие и делали тогда в таких случаях. Но я решительно отказался, о чем потом много раз пожалел. Мне показалось это нечестным. А так бы у одного из сыновей была своя комната. Но что теперь говорить...

После моего возвращения из Антарктиды, теплым уже летним днем, мы с помощью друзей, на их машинах, перевезли наши вещи в новую квартиру, и началась совсем другая жизнь.

Координаты моей памяти

1. Пожалуй, пора...

Если можете не писать – не пишите!
Л. Толстой

... Дальше само пойдет, – уговариваю я себя, – самое трудное – начать.

На ум приходит: «...гости съезжались на дачу...» или «...все счастливые семьи счастливы одинаково...». Это из разряда гениальных, а вот более народно-примитивное: «жили-были...». Кажется, подошло бы и второе, и последнее, а вот насчет дачи – сомневаюсь, ее не было даже в проекте, хотя гостей всегда хватало... Но об этом – позже.

Да мало ли, как еще можно начать разговор, если есть желание поделиться мыслями – неперенное условие написания любого произведения (в кавычках или без) литературы и его вечный двигатель. Со многими это случается в определенную пору жизни, и я не исключение.

Короче, как говорила героиня очень популярной советской комедии: «Начните с чего-нибудь. Начните с главного».

Кстати, уже начала, если кто не заметил.

2. Вместо вступления

Жил-был я. Стоит ли об этом?
С. Кирсанов

Я родилась 21 июля 1954 г. – через год с небольшим после смерти Сталина и всего через девять лет после окончания той войны, которая стала главным мировым событием XX века¹.

---

¹ Я еще застала в раннем детстве инвалидов войны, потерявших обе ноги. В теплое время года эти половинки людей передвигались на тележках, отталкиваясь от мостовой с помощью деревянных утолщков и производя при этом характерное постукивание. На некоторых были выцветшие гимнастерки с нашивками

Согласна с высказыванием одного из современников в том, что мое поколение «угодило в самую середину эпохи»² – эпохи советской власти, которая началась с Октябрьского переворота в 1917-м и, просуществовав 72 года, закончилась падением Берлинской стены.

Не устаю удивляться своей почти причастности к этому периоду истории моей страны. Слава богу, что «почти»: никогда не жалела, что опоздала родиться.

Молодежь, кажется, до сих пор с трудом верит, что я пошла в первый класс, имея в рыжем кожаном портфеле «под крокодила» чернильницу-непроливайку с фиолетовыми чернилами и ручку, которую моя бабуля до конца жизни называла *вставочкой*, потому что в нее вставлялось стальное перышко для письма³. Правда, классе во втором мне подарили поршневую авторучку с открытым пером. Чернила здесь уже были синие, но отмывались так же плохо.

А тетрадки (стоили 2 копейки штука)! Разные: сначала с косыми частыми сиреневыми линейками и полями – это чтобы выработать правильный наклон палочек, потом крючочков и прочих элементов букв. Почему-то тогда всех учили писать разборчиво, красиво и чисто, даже урок такой был – чистописание. Затем пошли тетради просто в клетку и в линейку. Уже ничего интересного, да и почерк к тому времени испортился, что во многом было опосредовано шариковыми ручками, приплывшими откуда-то «оттуда» на волне хрущевской оттепели. Кстати, самые первые модели пачкались едва ли не больше, чем поршневые, но считались страшно престижными (тогда это понятие еще не вошло в широкий обиход), то есть ими можно было похвастаться. Один существенный недостаток: пишущие стержни приходилось перезаряжать, а для этого нужно было пойти в специальную мастерскую. Везло тем, кому удавалось разжиться шариковой ручкой двухцветной (синий/красный) и уж совсем непостижимо – 12-цветной! Я сама такую видела – соседке по парте привез дядя, моряк дальнего плавания. Писать ею было невозможно – диаметр устройства не позволял удерживать его в пальцах больше двух минут. Зато каким чудом выглядели в тетрадке проведенные параллельно разноцветные линии! Еще были всякие варианты из Гонконга, но это уже игрушки для взрослых (например, с плавающими в глицерине полуобнаженными девицами), отражающие уровень зарубежного ширпотреба, недоступного, но такого для нас притягательного...

Однако это было уже в конце 1960-х – на рубеже следующего за недолгой оттепелью периода брежневского застоя. После него (Брежнева) были почти

за ранения и медалями. Иногда кто-то из них останавливался на углу Невского и улицы Желябова, у аптеки, и им бросали мелочь в потрепанные фуражки или кепки. Потом они исчезли: многих вывезли к концу 1950-х на Валаам, в Карелию. Этой теме посвящен рассказ Ю. Нагибина, есть немало публикаций в интернете.

² Генис А. Довлатов и окрестности. М.: Вагриус, 2004.

³ Сейчас подумала: еще шаг в прошлое – и замаячит на горизонте гусиное перо...

не оставившие воспоминаний времена, когда в течение трех лет естественным путем сменились два генеральных секретаря ЦК КПСС: Андропов (проживи он дольше, наверняка мы вспоминали бы андроповский период) и Черненко.

Все эти термины для обозначения периодов истории политологи сформулировали ретроспективно под влиянием обвала советской системы после недолгой безумной эпохи горбачевской перестройки. Стоит только произнести слово «перестройка», и сразу вспоминаются неразбериха, неопределенность, очереди (хвосты) и неистребимая надежда на то, что вот завтра все станет наконец ослепительно хорошо – как за границей. Утрирую, конечно.

Хотя новейшая история страны еще ждет своих исследователей и оценок, одно несомненно: моя жизнь привязана к ее координатам.

Итак, я могу считать себя старшим представителем «последнего советского поколения», которое включает людей, родившихся между серединой 1950-х и началом 1970-х; в годы упомянутой «перестройки» мы были в возрасте «от выпускников школ до тридцатилетних»⁴.

Таким милым выглядит дитя на этой открытке, как будто посылает нам, сегодняшним, привет и новогодние подарки сквозь десятилетия.

Совсем не стоит думать, что, «берясь за перо», я вознамерилась создать нечто эпическое вроде «глазами человека моего поколения». Нет, конечно. Серьезная книга воспоминаний с таким названием давно написана представителем поколения наших родителей – писателем, поэтом и журналистом К. Симоновым⁵ (1915–1979). Только почему-то не дают покоя строчки Мандельштама: «Пора вам знать: я тоже современник... Попробуйте меня от века оторвать!» Вот так: ни больше ни меньше...

Не успев начать, уже отвлеклась в лучших традициях мемуаристов-дилетантов: зацепятся за какую-то милую их сердцу деталь – и все, прощай, хронология. Хотя ничего удивительного: «Память содержит именно детали, а не

---

⁴ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение. 2014.

⁵ Симонов К. Глазами человека моего поколения. М.: Агентство печати «Новости», 1988.

полную картину, сценки, если угодно, но не весь спектакль», – писал И. Бродский. Как он был прав насчет «спектакля»!

Что касается меня, обещаю, что, по крайней мере, буду стремиться писать только о детских впечатлениях и устанавливаю временную планку – 12 лет (шестой класс). Тем более что «все, происходящее с человеком после, не имеет большого значения»⁶. Неправда, конечно, но подходит к случаю. Отказаться от лирических отступлений вряд ли получится, однако постараюсь не слишком утомлять ими.

3. Ранние воспоминания (с привязкой к месту, времени, ассортименту продовольствия и товаров народного потребления)

Вернусь к началу.

Наша семья (до прихода 1980-х) жила на улице Желябова – Желябовой улице, как упорно ее называла бабуля. Кстати, параллельную улицу Софьи Перовской называла тоже просто *Перовской*, хотя отлично помнила времена, когда они обе еще не были переименованы в честь революционеров-народовольцев (террористов, по современным представлениям). Может быть, так она выражала свой протест против того, что произошло, в том числе и с ней, в 1917-м и после? Однако это мои домыслы, и, скорее всего, для нее привычнее звучали названия улиц, отвечающие на вопрос: какая? Естественный ответ: Садовая, Б<ольшая> Морская, а в Москве – Тверская, в Одессе – Дерибасовская.

Улица Желябова (в 1991 г. ей вернули историческое название – Большая Конюшенная), упоминается с 1739 г., начиналась от Невского проспекта (тоже: какой?; так и вспоминается: «страницей Гоголя ложится Невский...») и упиралась в Конюшенную площадь: налево – коротенький переулок прямо к Мойке, направо – храм Спас-на-Крови.

Там, в конце улицы по нечетной стороне, в угловом магазине (*гастрономе*) еще в начале 1970-х всегда был хороший выбор всяческих солений: на мраморном прилавке в эмалированных ванночках выставляли соленые огурцы, помидоры, квашеную капусту нескольких сортов, включая провансаль (с добавлением яблок и клюквы). И пахло так аппетитно. Но уже не было, например, соленых рыжиков (!) или осетров (!!) в рыбном отделе, которых, дружно вздыхая, вспоминали мама и бабуля.

Мясо покупали «в низочке» – полуподвальном магазинчике справа от наших ворот (если встать к ним спиной). В соседнем гастрономе брали разливное молоко. Его привозили в больших опломбированных бидонах, которые открывались

⁶ Если верить детскому писателю Е. Киселеву (его «Девочка и птицелет» – любимая мной в этом возрасте книга).

с громким лязгом, и тогда пара удачливых, первых в очереди покупателей получала самые сливки. В отделе рядом покупали сыр: «Взвесьте мне граммов 200 голландского, да-да, нарежьте, пожалуйста...» И вот с прилавка снимается красная или желтая голова (брусок) сыра, нарезается острым длинным ножом сначала на четыре части, а потом – требуемое количество тоненькими, полупрозрачными ломтями. И все это сопровождается доброжелательной улыбкой продавщицы с кружевной наколкой в волосах и в белоснежном накрахмаленном халате с фартуком. И очередь еще небольшая, дружелюбная, и всем пока всего хватает...

Даже вкус черной икры, намазанной отнюдь не тонким слоем на кусок булки с маслом, помню.

Посередине улицы, кажется в начале 1960-х, в два ряда высадили липы – получился бульвар (он и сейчас есть, только деревья нового поколения).

Красивое здание в стиле северного модерна, увенчанное куполом, на углу Волынского переулка, напротив нашего дома, было видно из окон – все три выходило во двор. В подвальном этаже там находилась керосинная лавка – маленький магазинчик, где до и сразу после войны продавали керосин (в коммунальных квартирах тогда еще готовили на керосинках и примусах!), и всегда приятно пахло развесной мастикой – мы покупали ее раз в полгода для натирки паркетного пола. Жирные бруски оранжевого цвета в синей вощенной бумаге приносили домой. Мاستику разводили в ведре с водой, а на следующий день приходил полотер, и комната преображалась, надолго приобретая праздничный вид и запах.

4. Праздники

Любимым праздником в детстве, да и сейчас, был Новый год.

Дома всегда ставили почти четырехметровую елку, украшали ее сверкающими стеклянными шарами, бусами и прочими игрушками (некоторые сохранились с довоенной поры и до сих пор живы), блестящим дождем, гирляндами лампочек и флажками, которые со мной терпеливо клеил кто-нибудь из взрослых.

На верхушку папа торжественно водружал многолучевую рождественскую звезду (конечно, из ГДРовского набора⁷), а под елку – огромного (выше меня ростом!) Деда Мороза из папье-маше. Его сделал сам и подарил маме еще в 1947 г. скульптор Алексей Далиненко⁸ (он в ту пору дружил с моей мамой и тетей Женей, поэтому и ей подарил такого же). Об этом есть запись в маминем дневнике 02.01.1947:

---

⁷ Наборы елочных украшений только-только завезли в СССР из ГДР в 1950-х гг.

⁸ Алексей Далиненко (покончил с собой в 1959 г.) вместе с Владимиром Татаровичем (тоже известный скульптор, друг родителей) создал немало тематических памятников героям (www.murmancity.com/murmansk/bredov.php), но в основном Ленину.

«Лёша сделал для меня огромного Деда Мороза, который стоит под елкой (вернее, рядом с ней, так как под нее ему не забраться) с протянутой рукой, в которой держит рюмку с вином! Оригинально! ...У него [Лёши], бесспорно, есть талант. Он хочет стать настоящим скульптором и стремится всеми силами к достижению этой цели. Может быть, в будущем его ждет слава и громкое имя...»

Отчетливо помню утро 1 января, только вот какой же это был год? Я, надев свой новый китайский байковый костюмчик (серые брючки и красную курточку наподобие френча с глухим стоячим воротничком), первым делом полезла под елку проверить содержимое большого голубого мешка из марли на предмет подарков и, конечно же, как всегда, нашла.

*Новый год на ул. Желябова (1957 г.?).
Мы с Дедом Морозом, бабулей и мамой.
Интересно, о чем это я так задумалась?*

Что за подарки приносил Дед Мороз (у нас как-то обходилось без Снегурочки)? Не помню точно. Наверное, книжки – волшебные сказки с великолепными иллюстрациями, а может быть, новые теплые войлочные тапочки (те, что на фотографии)? Или переводные картинки (жаль, что теперь их не делают). А может, металлический конструктор, мы с папой потом собирали какие-то штуковины типа подъемного крана (мне нравилось). Но уж точно не куклы – я в них вообще не желала играть, – но зато беззаветно любила плюшевого черного мишку, набитого опилками (типичный Teddy Bear⁹). В любом случае это всегда было огромной радостью. И вообще само ожидание праздника и сопутствующих ему подарков – одно из самых счастливых впечатлений в жизни всякого ребенка.

История с нелюбовью к куклам интересна для детского психолога. Была у меня одна кукла по имени Ира: потрепанная, с двумя косичками

⁹ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BB%D1%8E%D1%88%D0%B5%D0%B2%D1%8B%D0%B9_%D0%BC%D0%B8%D1%88%D0%BA%D0%B0.

и отбитым фарфоровым носом. Мне разрешили взять эту куклу в детском саду, поскольку я отказывалась выпускать ее из рук. А ко дню рождения мама и папа приготовили мне новую, ГДРовскую, великолепно одетую, с голубыми глазами, которые прятались под шелковыми ресницами. Мама дополнительно сшила стеганое розовое одеяльце и подушечку. Мечта, а не кукла! Иру куда-то дели (подозреваю, на помойку). И что же я? По рассказам взрослых, потихоньку криво постригла красавице ресницы и забросила куклу за диван, так и не дав ей имени. Детская жестокость? Меня никто не ругал... Зато потом, войдя в сознательный возраст, не раз ругала себя сама за черствость и неблагодарность...

Встречать Новый год собирались родные и много друзей. Старинный квадратный дубовый стол, и так не маленький, раздвигали на две доски, и он ломился от всяких вкусностей. Салат оливье? Обязательно! Да не с докторской колбасой, а с мясом. Шпроты? Пожалуйста. Огурчики соленые. Где-то притаились вазочки с икрой – черной и красной... Гвоздь программы – изготовленный бабулей студень; отчетливо помню селедочку под колечками лука...

Наш праздничный стол, 1950-е гг.

Но вот беда, меня отправляли спать сразу же после того, как я жадно выпивала одну за другой разрешенные мне порции лимонада (крюшон, крем-сода, грушевый и т. п.), от которого приятно щипало в носу, из микроскопической старинной кружечки тонкого фарфора с золоченой ручкой.

А сами танцевали, пели и всячески веселились иногда до утра. Какие красивые платья были на гостях! Но мамино, его сшила бабуля из небесно-голубой с золотыми

дракончиками китайской парчи¹⁰, конечно, было лучше всех.

Остальные праздники, чисто пролетарские (1 Мая и 7 Ноября), в детстве я тоже очень любила, потому что, если не болела в очередной раз ангиной и мы шли на демонстрацию¹¹, папа сажал меня на шею, придерживая за ноги, и я была

---

¹⁰ Вообще, в ту пору была эпоха китайско-советской дружбы, и все носили очень качественные и красивые (модного даже теперь вида) брюки и плащи; было много прекрасной шерстяной детской одежды.

¹¹ Об этом лучше смотреть в фильме Марлена Хуциева «Мне двадцать лет» («Застава Ильича»).

выше всех и вертела головой, чтобы ничего не пропустить. В зависимости от времени года мы ходили на демонстрацию всей семьей длинным или коротким маршрутом. Это означает вот что: по Желябова – к Невскому, потом, преодолев оцепление из грузовиков, – направо к Дворцовой площади. Там, продемонстрировав перед трибунами у Зимнего дворца единство, равенство и братство, шли по Халтурина (теперь снова Миллионная) до Марсова поля, затем – на Конюшенную площадь и улицу Желябова. Альтернативным (коротким) маршрутом проходили мимо Капеллы по набережной Мойки и Волынскому переулку. Возвращались замерзшие и голодные, но довольные¹², к праздничному столу. Взрослым обязательно требовалось у ворот предъявить паспорта с пропиской бдительным милиционерам: иначе не пустят домой (остается только догадываться, кого и от кого они охраняли?).

Первомайская демонстрация (1963 г.?). Невский проспект, Дом Мертенса (тогда Ленинградский дом моделей, на заднем плане украшен портретом Ленина). Задумчивая юная особа с шариком – я в новом зеленом пальто, Таня, Саша и мама (папа фотографирует, его не видно).

А дома всегда ждал накрытый свежей скатертью (никаких клеенок!) стол с тем же, почти новогодним, ассортиментом закусок и лимонада (на остальные напитки я по малолетству внимания не обращала). И конечно, опять полагались подарки, меньше, чем в Новый год, но обязательно!

¹² У меня сейчас такое ощущение, что до начала 1970-х эти праздничные шествия и ликования были достаточно искренними. Может быть, потому, что тогда я смотрела на мир глазами ребенка?

5. Семья, дом, коммунальный быт

Наша семья – это бабуля (Мария Константиновна Павлова, в девичестве Дыдина) и мы (Алтуховы) – папа, мама, я, а потом и брат с сестрой (двойняшки), Таня и Саша, которые появились за год до гагаринского полета.

Между прочим, все мы как-то умещались в двух *сугубо смежных* комнатах (12+20 м²) второго этажа, в небольшой по тем временам, но довольно типичной коммуналке в самом центре города – напротив ДЛТ (Дом ленинградской торговли), одного из крупнейших тогда универмагов.

Что я привыкла наблюдать из окна в детстве? Здание ДЛТ с куполом, увенчанным шпилем (на заднем плане), ворота и декорированную пилястрами стену финской церкви справа.

Сам наш дом интересен прежде всего тем, что имел и имеет поныне странный номер, представляющий собой последовательность чисел, кратных двум: 4–6–8 (так и было указано на странице с пропиской в паспортах). Недавно я с легкостью нашла в интернете (чего там только нет!) его точные координаты: 59°56'17" с. ш. и 30°19'41" в. д. Итак, дом наш располагался, да и сейчас стоит на том же самом месте, П-образно, охватывая очень симпатичную финскую церковь¹³ – зеленое здание с белыми колоннами и классическим фронтоном.

Тогда, в детстве, в этой церкви, как и положено, находилось рабочее общежитие строителей. Из окон периодически доносились передаваемые по радио бодрые советские песни, иногда ругань и вопли, и летели бутылки (явно не из-под кефира) прямо на крохотную детскую площадку в центре двора с торчащей посередине зарешеченной вентиляционной шахтой бомбоубежища. Оно появилось в 1960-х в период кризиса в Карибском море, когда Хрущев грозился явить миру «Кузькину мать» (атомную бомбу).

Во двор погулять меня выпускали крайне редко, всего раза три за весь дошкольный и раннешкольный период моего индивидуального развития. Запомнила, что однажды мы с девочками прыгали на скачке, бросая перед собой битую – коробку из-под гуталина, набитую песком, а потом – через скакалку. У меня долго ничего не получалось, зато подружки (все жили в нашем доме, и родители наши дружили) были настоящими виртуозами. Еще помню, меня однажды прямо во дворе отчитали за хвастовство родители. А я просто радовалась новому зеленому пальто и сказала девочкам: «Смотрите, что мне купили!»

Среди самых ранних воспоминаний – поленницы дров высотой до окон первого этажа по периметру двора в каких-то вместилищах типа клеток, запертых на

---

¹³ Евангелическо-лютеранская церковь Св. Марии освящена в 1805 г. в день рождения императора Александра I, названа в честь его матери императрицы Марии Федоровны.

замки: у каждой семьи – свое. Громоздкие чугунные радиаторы водяного (у нас всегда говорили: *батареи парового*) отопления появились в домах тоже в 1960-х, значительно упростив быт и облагородив дворы: потребность в хранении дров навсегда отпала.

Страна вступала в эпоху покорения космоса.

Войти с улицы в наш двор, а точнее – во дворы (их было несколько, и они сообщались между собой не самым очевидным образом), можно было в левые или правые ворота (если встать лицом к церкви, а к ДЛТ – спиной). Но в отличие от первых, всегда гостеприимно распахнутых – заходи, кому не лень, вторые (наши), как правило, были заперты. Их открывали суровые дворничихи (смутно помню: всегда в чем-то сером и белых грязных фартуках), когда приезжал грохочущий грузовик, чтобы вывезти мусор в больших оцинкованных баках.

Вид с ул. Желябова: здание в глубине – наш дом, ныне – часть Финского культурного центра.

Фото сделано 09.12.2014.

С улицы наши ворота удачно дополнял пивной ларек – неизменный атрибут социалистического быта, место «культурного» отдыха трудящихся. С этим недостойным явлением всячески боролась *Комиссия содействия* (чему, кому? – не помню), периодически подключались и папа с бабулей, когда с жильцов собирали подписи. Однако ларек благополучно пережил общежитие, которое в смутное перестроечное время превратили в Дом природы (!), и исчез бесследно в 1980-х.

Соломенно-желтое (простите за медицинский термин) пиво в ларьке давали, по словам папы, как правило, разбавленным, и в полулитровой граненной кружке толстого стекла всегда было слишком много пены. Ее сдували прямо на асфальт, где она долго «благоухала», и этот горьковатый запах, смешанный с запахом бензина, я помню до сих пор...

Кто бы мог подумать, что городская девочка из хорошей (без кавычек!) семьи может на всю жизнь запомнить пивной ларек... Справедливости ради следует заметить, что с весны до осени на улице стояли желтые бочки с квасом. Позже, в середине 1960-х, появились нарядные ярко-красные автоматы с газированной водой (без сиропа – 1 копейка, с сиропом – 3). В эпоху перестройки их демонтировали: воровать стали не только граненые стаканы, но и каким-то образом медяки.

Итак, в 1950–1970-е гг. нам, обитателям правого двора, ворота которого были заперты на тяжелый висячий замок, приходилось довольно долго идти чужими дворами, чтобы попасть домой. Кстати, наша коммунальная квартира № 12 выходила окнами в два двора и имела, соответственно, два входа: парадный и *черный*. Через парадный всегда ходили только мы. Но у нас была альтернатива: мы могли, пройдя по коридору мимо выходящих в него, кажется, четырех дверей, которые вели в комнаты соседей, очутиться в прихожей – не прихожей, в общем, в «предбаннике», который сообщался с кухней (это отдельный разговор!) и ванной комнатой (естественно, совмещенной с туалетом), – таково было официальное название этого помещения. И там же, в коридоре, была дверь на *черную* лестницу.

До 1917 г. по этой лестнице ходила только прислуга, но революция, как известно, уравнила всех...

Квартира № 12 в доходном доме постройки конца XIX века изначально представляла собой анфиладу из нескольких комнат с лепными потолками и филенчатыми двустворчатыми дверями, содержала еще комнату прислуги, кладовую, кухню и ту самую ванную комнату (а где же у них была тогда уборная?). После революции при уплотнении наставили перегородок.

Эту квартиру снял еще до Октябрьского переворота муж моей бабули, Александр Иванович Павлов, чтобы поселиться с молодой женой...

Однако вернусь к концу 1950-х – началу 1960-х ради подробного описания коммунального быта. Забегая вперед, скажу, что ни особо громких скандалов, ни совместных чаепитий с соседями не случилось. Лишь однажды в самом раннем детстве помню маму, вбежавшую с пылающими щеками в комнату: «Муля (так она звала бабулю: от «Муля, не нервируй меня»?), Витя (это папа), «большуха» (так в квартире прозвали *жиличку*, старуху Натальванну, за ее высокий рост) опять затеяла...». По-видимому, склоку. Продолжения не помню, наверное, как-то обошлось.

Скорее, было вялотекущее противостояние всех со всеми, в частности, из-за очереди на уборку *мест общего пользования*.

Вообще, уборкой (за плату), как правило, занималась соседка, которая жила через стенку от нас с дочерью, зятем и их двумя белобрысыми сыновьями, моими ровесниками. А поскольку, как я уже сказала, квартира до революции состояла из анфилады комнат, стена между ними и нами была не капитальная в той части, где находилась межкомнатная двустворчатая дверь. Я помню, когда она еще не была заколочена, как впоследствии, фанерой с нашей стороны, а просто завешена портьерами на деревянном карнизе с кольцами; такие же портьеры – оливково-коричневые с геральдическими лилиями, висели и на двух окнах большой комнаты помимо тюля. Наши между собой говорили, что клопы ползут от соседей именно через дверные щели, которые поэтому не уставали усердно конопатить.

Коммунальная кухня, кем только не воспетая!

У нас, например, на стене по левую руку от входа висел большой округлой формы газовый счетчик синего цвета, под ним располагался кухонный стол «большухи», дальше – еще чей-то, потом – сдвоенная газовая плита (до войны – стол с примусами), всего восемь конфорок. Окно пропускало мало света из-за ящика-холодильника, который смотрел во двор, отсекая одну треть площади остекления.

Справа – опять кухонные столы с унылыми выцветшими клеенками, над ними – полки для кастрюль всех мастей, и, наконец, покрытая столешницей, старая чугунная дровяная плита (на которой, на моей памяти, никто не готовил) и примостившийся на ней сбоку куб (ребро около 1,5 м), облицованный изразцами, с медно-розовой, местами позеленевшей куполообразной крышкой. Мне он почему-то очень нравился, и я знала, что раньше в нем кипятили воду для ванной.

Вся кухня была до половины выкрашена масляной краской какого-то депрессивного (грязно-синего?) цвета и освещалась тусклой пыльной лампочкой без абажура, подвешенной на скрученном жгутом шнуре (электропроводка тогда была наружная, в нитяной оплетке, теперь такую специально имитируют – модно).

Постоянно у кого-то убежало молоко, и пахло чем-то горелым, впрочем, иногда даже и вкусно. Вообще, в кухне вечно толкалось не менее двух-трех озабоченных хозяек. Мне всегда говорилась: «Ты зачем пришла? Нечего тебе тут делать». Ну, я особенно и не стремилась приобщиться к ведению домашнего хозяйства.

Ванной в то время пользовались только для полоскания белья, а в самой ванной комнате, помимо унитаза с деревянным сиденьем и сливного бачка с цепочкой и фарфоровой грушей на конце, на стенах висели корыта, ребристые стиральные доски и алюминиевые тазы жильцов. Кстати, стирали вручную даже постельное белье! Сушили на веревках под потолком в коридоре, и, поскольку жильцов было много (около полутора десятков), процесс не прекращался. Это было истинным кошмаром нескольких поколений советских женщин!

В 1960-х крупные постельное белье стали отдавать в прачечные, приемные пункты которых, как назло, находились далеко от дома. Раз в две недели папа та-скал (не помню куда) огромный узел с бельем в стирку, а получать стопки накрах-маленного до хруста белья, нередко отстояв длинную очередь, приходилось в дру-гом месте (чтобы попасть в Кирпичный переулок, нужно было идти по Невскому до ул. Герцена, а там – направо...). При этом к каждой вещи обязательно пришивали мет-ки с индивидуальным многозначным номером заказчика, напечатанным специаль-ными чернилами (они от многократных стирок бледнели, и нужно было их менять). От этого отвратительного занятия я, подрастая, старалась всячески отлынивать.

Мои ежедневные гигиенические мероприятия в основном сводились к мы-тью рук и лица под строгим надзором бабули, поливавшей мне на руки теплую воду из ковшика: из крана текла только холодная. Взрослые плескались в тазах, установленных на высокую табуретку. Опять-таки вечером нужно было накипя-тить немало воды для нужд всей семьи.

Баню посещали раз в неделю. Помню наши семейные походы, занимавшие половину единственного тогда выходного дня – воскресенье! Мы обычно ходили в бани на Пушкинской (точнее, ехали на троллейбусе до Московского вокзала со своими тазами, между прочим), реже – на Чайковского, еще реже – на Фонарный, где был даже бассейн.

Бабуля плескалась чуть ли не в кипятке, мне же ставила тазы для холодной (свой эмалированный) и для горячей (казенный, оцинкованный с ручками) воды. Поэтому мы занимали много места на мраморных скамейках, из-за чего принято было лениво спорить с соседками. Мама норовила выскочить поскорее – не любила, как и я, влаж-ную духоту. Не раз я почти теряла сознание, и тогда бабуля окачивала меня холодной водой. Кстати, алюминиевые номерки (от кабинок с одеждой) на крученых веревочках привязывали к ручкам шаек (прямо по Зощенко: «А куда голому человеку номерок де-вать?»). Мылись не менее полутора, а то и двух часов. Потом долго одевались, пили взятый из дома лимонад и, наконец, окончательно разомлевшие, буквально вывали-вались на улицу. И как же здорово было в сумерках идти домой! Зимой – по хрустяще-му снегу, укутанной так, что только нос торчал наружу! И как замечательно было по-том сидеть дома за квадратным дубовым столом, покрытым хрустящей белоснежной скатертью, под большой нарядной бронзовой люстрой со стеклянными висюльками-трубочками. Поедая что-то вкусное – например, бабулины пирожки с капустой или ро-гульки с корицей, посыпанные сахарной пудрой, запивая их теплым молоком (только без пенок!), – я, полусонная, прислушивалась к разговорам взрослых.

И огонь гудел в печке, и «детство шло...».

«Есть дома, в которых никто не был счастлив», – написал Д. Быков. К нашему дому на Желябова это не относится.

6. Прощание с коммуналкой. Любимые вещи

Вещи – маяки нашей памяти.

Наши воспоминания неразрывно связаны с вещами и даже наоборот – бывает, что именно вещи и служат вместилищем этих воспоминаний.

О. Рой. «Старьевщица»

В середине 1960-х, когда мне исполнилось, кажется, 12 лет, нам удалось наконец *отделиться*, как тогда говорили. Пройдя все этапы хождения по инстанциям (страшная волокита, вроде нынешней, только тогда требовалось ходатайство с места работы – типа «достойн отдельного санузла»), папа получил чье-то высочайшее разрешение. Этому немало способствовало наличие в семье трех детей и собственной входной (парадной!) двери, которая на ночь дополнительно запиралась изнутри еще и на увесистую цепочку.

Дверь, точнее, две высоченные, двустворчатые двери – наружная и внутренняя, обитая коричневой кожей, – соединялись чугунным крюком. Между створками находились полки: чего только на них не ставили! Какие-то банки с крупами (в них постоянно заводились жучки – предмет беспокойства бабули), старая кофейная мельница (куда она делась?). В самом низу стояла слегка помятая металлическая коробочка из-под печенья или халвы с полустертой надписью «АбрикосовЪ», полная папиных гвоздей. Вообще-то, «междудверей» (именно так, в одно слово, без пробела, называли это пространство) обычно хранили портящиеся продукты зимой: не слишком холодно для замерзания, как это случалось с супом при использовании уродливых ящиков, что торчали за окнами кухонь коммуналок и портили фасады домов до наступления эры холодильников.

Чтобы покончить с дверью: на лестнице, всегда полутемной (сколько себя помню, стены были выкрашены на три четвертых высоты темно-зеленой краской), в углублении у нашей двери был старинный бронзовый звонок в виде шляпки гриба. Ее нужно было потянуть на себя, и в прихожей, где-то под потолком, раздавалось звяканье колокольчика.

Позднее звонок заменили банальной электрической кнопкой.

Тогда, вообще, была мания менять старинные вещи на новые, совершенно безликие (наверное, этому тоже есть какое-то психологическое объяснение). Так, мой папа собственноручно вынес на помойку бронзовый чернильный прибор, от которого осталась только подставка для карандашей; пару мягких кресел (на пружинах и набитых волосом), обитых потертой кожей темно-вишневого цвета, которая крепилась маленькими гвоздиками с фестончатыми латунными шляпками, дубовый письменный стол, покрытый зеленым сукном (я немало

способствовала приведению его в ужасное состояние – бездумно царапала и рисовала маминой помадой). Еще раньше куда-то исчезли ширма красного дерева и кресло с высокой полукруглой спинкой и подлокотниками. Я помню это кресло отчетливо: выцветший местами, плотный зеленый шелк, по нему – вышивка крестом (розы?), какие-то кисти... А чего стоила низенькая, с узорчатой бордовой ковровой обивкой оттоманка – маленький диванчик без спинки (как тахта в гареме) на кривых ножках с двумя потертými валиками по бокам, конечно, тоже с кистями и бахромой в виде шариков (пару мне удалось потихоньку оторвать) понизу. Я, свернувшись на ней калачиком, любила смотреть на огонь в печке, пока кто-нибудь читал мне на ночь про Кота в сапогах Шарля Перро или про Золушку братьев Гримм, и, засыпая, слышала, как за окнами постукивала крышка люка под колесами редких тогда автомобилей.

Печка у нас была удивительной красоты, так называемая голландская. Она была величественная, вся какая-то соразмерная, из белых крупных изразцов, с блестящими латунными выюшками и дверцами, сквозь дырочки которых был виден огонь, и обязательными латунными листами, прибитыми к полу и защищавшими паркет от углей. Она выступала из стены в большой комнате, но была заподлицо со стеной в маленькой, где обитали мы с бабулей. Совсем такая, какая была в доме булгаковских Турбиных. И эту печь однажды сломали летом во время ремонта, пока мы с бабулей были на даче: наверное, ожидая прибавления в семье (брат с сестрой еще не родились), пытались расширить пространство.

Войдя с лестницы, мы попадали в небольшую прихожую: направо – вешалка (остаток гардероба красного дерева), перед ней сундук (кофр), самый настоящий: старинный, кованный. На нем можно было сидеть и вести задушевные разговоры. Внутри – один над другим прямоугольные неглубокие ящики, обитые грубым холстом. В них хранили зимнюю одежду и папины черные шинели. Там обитали и мои детские шубки: сначала коричневая из цигейки, потом белая (точнее, желто-серая к концу носки), потом черная мутоновая. Вещи обязательно нужно было проветривать и выколачивать весной во дворе, чтобы, не дай бог, не завелась моль. Она, конечно, все равно периодически заводилась – видно, любила запах нафталина, которым нещадно пересыпали содержимое сундука.

Сундук и остатки кожаного кабинетного гарнитура (*полукресла*) мы продали за бесценок (рука не поднималась выбросить), когда дом расселяли на капитальный ремонт в 1981-м, а мы все разъезжались по разным квартирам, не питая надежд вернуться. А куда все это можно было поставить в нашей малогабаритной (43 м²), зато своей, кооперативной квартире образца 1980-х на Ржевке-Пороховых? И кто бы взялся недорого отреставрировать эти отнюдь

не антикварные тогда вещи? Дольше всего продержались несколько гнутых тоновских стульев (производства венской фирмы братьев Тонет, существующей до сих пор) и ореховый резной буфет с многочисленными стеклами в дверцах. Какие радужные зайчики плясали на стене, если туда-сюда подвигать дверцей утром в солнечный день! В этом буфете на самой верхней полке от детей прятали коробки шоколадных конфет перед праздниками, но мы-то знали, конечно, куда, подставив стул, нужно заглянуть, чтобы стащить одну, потом другую. Брату с сестрой за это однажды здорово влетело.

Отчего я все время пытаюсь описывать какие-то утраченные вещи?

Отвечу цитатой, кажется, из Николая Чуковского: «Я не люблю вещей. Мне нисколько не жаль ни украденного комода, ни шкафа, ни лампы, ни зеркала, но я очень люблю себя, хранящегося в этих вещах». Вряд ли можно объяснить лучше.

Возвращаюсь в русло повествования.

Эра коммунального быта завершилась отделением нашей семьи (ура!), и в доме № 4–6–8, что по улице Желябова, возникла новая отдельная квартира № 59. Хотя как посмотреть: по скученности обитателей она вполне напоминала коммуналку.

До сих пор помню номер телефона, который папа выхлопотал через пару лет: А-4-84-77¹⁴.

После недолгого присутствия каких-то халтурщиков и массы разговоров на тему: где взять импортную плитку (на самом деле, выбор ограничивался чехословацкой), у нас наконец появилась собственная ванная с туалетом, отделанная той самой дефицитной плиткой кремового цвета. Пройти туда можно было через тесную (метров пять, не больше), темную кухню (окно, забранное решеткой, выходило на прежнюю черную лестницу). Она сразу же стала территорией безраздельного господства бабули и любимым местом сбора членов семьи, несмотря на нехватку табуреток. Там постоянно работало радио, и там стоял знаменитый символ советского благополучия – роскошный белый холодильник ЗИЛ: весь корпус металлический, даже внутри! Он ни разу не ломался и работал бы и поныне, если бы не очередной переезд моей сестры.

На плите постоянно что-то булькало в эмалированных кастрюлях; из алюминиевых бабуля признавала только помятый ковшик, ручка которого еле держалась на заклепках из-за частых выкипаний молока.

Больше всего у нас любили кислые щи из квашеной капусты с куском мяса на сахарной кости, которое становилось все более дефицитным по мере продвижения общества от развитого социализма к коммунизму. Щи ели всей семьей

¹⁴ Опять Мандельштам: «Петербург... у тебя телефонов моих номера. Петербург, у меня еще есть адреса...»

(кроме бабули, она в возрасте 60 лет объявила, что больше не станет есть мясное), обычно дня два – в субботу и воскресенье: именно настолько хватало большой кастрюли – нас было шестеро. Еще на огромной чугунной сковороде жарили котлеты. Фарш с луком готовили сами, используя ручную довоенную, а может, дореволюционную, мясорубку с немецкой надписью. Мой брат прославился тем, что однажды, придя в увольнение (он учился тогда в Нахимовском училище, позднее стал подводником, гордостью папы), в задумчивости съел все, что было на сковороде, – штук 12 котлет сразу. И ничего, только крепче стал.

Накануне 7 Ноября, Нового года и 1 Мая обязательно варили студень (а не холодец!) из говяжьих ножек; длилось это часов пять. И хотя *на* кухне (так и говорили: «на», а не «в») было до невозможности жарко, зато как пахло! Именно грядущим праздником! Кульминация наступала в момент отделения от мяса клейких косточек, которые я и папа (самые большие любители в семье), причмокивая, обсасывали часу в двенадцатом ночи.

А еще бабуля мастерски пекла «наполеон». Он был круглый (обычно эти торты прямоугольные – легче резать) и воздушный. Я в детстве почему-то его не очень любила и норовила съесть кусок обычного магазинного торта. Его покупали только в «Норде», а в переводе на современный русский – в кондитерской «Север», что существует на Невском и сейчас; другие варианты просто отвергались. Они (торты) тогда были из отличных натуральных продуктов и очень вкусные. Не раз, предоставленная самой себе, съедала больше, чем могла переварить, и страдала потом ужасно, не в силах проглотить кипяченую воду для промывания желудка. Папа (военный фельдшер, затем выпускник знаменитой Военно-морской медицинской академии им. С. М. Кирова, впоследствии полковник медицинской службы, доктор медицинских наук, профессор-физиолог) с бабулей (медсестрой, которая проработала более 20 лет в детском саду), по-видимому, представляли разные медицинские школы, поэтому постоянно спорили по поводу лечения меня и всех домашних. Позднее, с 1971 г., к этим спорам присоединилась я – студентка 1-го Ленинградского медицинского института им. академика И. П. Павлова...

В середине 1960-х у нас возникло еще одно чудо отечественного приборостроения – черно-белый телевизор «Волна», про который Хрущев, говорят, пошутил: «“Волна” – это чтобы волноваться, что ли?» Никаких телевизоров типа КВН с маленьким экраном и водяной линзой перед ним у нас никогда не было.

Чтобы оживить и расцветить черно-белый экран (романтически настроенные дикторы именовали его *голубым*), к нему прикрепляли прозрачную пленку. Вверху она была действительно голубой, в центре – розовой, внизу – зеленой. Здорово придумано!

Леонид Парфенов в своем цикле телефильмов «Намедни» и серии книг, посвященных истории страны, тоже упоминал об этом и о многом другом, что вспоминается мне.

На «голубом» экране по праздникам показывали любимые всеми «Голубые огоньки» с участием достойных представителей народных масс – космонавтов, оленеводов, передовиков производства, знатных доярок, шахтеров, учителей, которые сидели за столиками (установленными вазами с фруктами и даже бокалами с шампанским) с натянутыми улыбками, явно чувствуя себя не в своей тарелке. Для них пели молодая Пьеха, Майя Кристалинская, Магомаев, Гуляев, Кобзон, звучала музыка Андрея Петрова. Там танцевали артисты балета и ансамбль Моисеева, шутили сатирики – незабываемый А. Райкин, очень популярные тогда Тимошенко и Березин (Тарапунька и Штепсель), Миров и Новицкий, Миронова и Менакер. А еще по телевизору демонстрировали замечательные черно-белые советские фильмы (да простит меня бог, я люблю их до сих пор).

Бабуля пьет чай, а за спиной у нее – наш безотказный телевизор «Волна».

В 1980-х «Волну» заменили «Горизонтом» – цветным. Масштабы этого ящика были весьма впечатляющими: для него в доме нужно было поискать место, а с этим в советское время всегда были сложности.

Никак не могу найти автора этой цитаты (ведь не поленилась переписать ее из какой-то книги¹⁵, посчитав созвучной собственным мыслям): *«Старайтесь не выбрасывать старые вещи. Храните хотя бы мелкие милые безделушки, если негде держать буфет или диван. Я не говорю уже о письмах, дневниках и фотографиях. Без них мы теряем связь с прошлым и вряд ли оставим за собой материальный след. Сколько раз меня буквально спасало прикосновение к ним, возвращая спокойствие и уверенность в себе: я твердо знаю, кто я и кто стоит за мной, оберегая и поддерживая».*

Кстати, о фотографиях... В 1950–1960-х годах чуть не все увлекались любительским фотографированием, и папа не стал исключением.

¹⁵ Может быть, эти слова принадлежат К. Чуковскому?

С некоторых пор он не расставался с фотоаппаратом («Зоркий-3М») и несколько раз в год (очень хорошо это помню) запирался в ванной комнате по ночам (квартира-то была коммунальная) и проявлял фотопленки: для этого служили два специальных черных пластмассовых бачка. Потом пленки на бельевых прищепках висели под потолком и сохли, а на них можно было увидеть множество маленьких черно-белых прозрачных картинок. Но самое интересное, хотя и хлопотное, дело разворачивалось позже, когда проявленных пленок накапливалось штук 5–8 (в каждой по 24, кажется, кадра). Тогда, в ночь с субботы на воскресенье (ведь на неделе был всего один выходной день), в кладовке, а позже после отделения от коммуналки – в прихожей, работала настоящая фотолаборатория. Там были и фотоувеличитель на штативе, и красная лампа, и три эмалированные кюветы (для проявителя, промывания и фиксажа), и пачки фотобумаги в черных светонепроницаемых пакетах (унибром, фотобром, бромпортрет разных номеров). Папа никому не доверял главного действия – экспозиции кадра на фотобумаге, иногда с использованием масок (это разной формы, от овала до звездочки, отверстия, вырезанные в картоне), которыми он совершал пассы над фотобумагой, как какой-нибудь фокусник. Тогда изображение получалось в виде овала с тающей границей – очень красиво при производстве портретов. А перед этим папа химичил, разводя порошки проявителя и фиксажа, а затем – фильтруя их через стеклянные воронки с ваткой внутри. Я торчала в темноте со взрослыми до тех пор, пока уже в полусне не слышала, как кто-нибудь произносил: «Кажется, ребенок готов». Иногда мне позволяли пинцетом, взяв за уголок, перетащить фотографию, на которой только-только волшебным образом проступило изображение, из одного раствора в другой. Утром в большом тазу, с которым обычно ходили в баню, плавали в воде фотографии. Полный восторг! Потом, после завтрака и до позднего вечера, проходила их сушка на электрическом глянецвателе (одномоментно на две зеркальные пластины из нержавеющей стали, предварительно протертые спиртом до блеска, помещались по 4 фото стандартного размера 8x12 см), а в тазу ждали сотни! Наконец, почти готовые гляцевые фотографии складывали в стопку, которая постепенно росла. Были также и на тисненном картоне – мне они нравились больше, и маме, судя по ее замечаниям в одном из писем, тоже. Но и это еще не все. Нужно было обрезать края специальным резком (нож-гильотина). Края можно было сделать даже фестончатыми. Фотографии специальным клеем или с помощью уголков закрепляли на страницах толстых альбомов, но это было в первые годы увлечения, а потом махнули рукой и хранили просто в пачках. И как же мы все любили и любим до сих пор разглядывать эпизоды нашей жизни!

7. Наша семья (краткая историческая справка)

*О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностью: были.*
В. А. Жуковский

Теперь, наверное, самое время обратиться к более подробному рассказу об истории нашей семьи.

Александр Иванович Павлов (далее – А. И.), муж бабули, был воспитанником известной оперной певицы (меццо-сопрано) Мариинского театра – солистки Его Величества Марии Даниловны Каменской (урожденная Вальтер, 1824–1925)¹⁶. У нас сохранились программка ее бенефиса в роли Рогнеды и фотография красивой представительной дамы. Довольно распространенная была тогда история: брать воспитанника и растить вместе со своими детьми. Был ли он ее родственником, кто были родители А. И. и его сестры Ольги (училась в гимназии)? Не знаю, никогда этим не интересовалась.

Молодые супруги.

Вообще, все, известное мне о прошлой жизни моих близких, получено пассивно: о чем рассказали они сами (без расспросов), то и запомнилось, надеюсь, без больших искажений.

Венчание А. И. Павлова и Маруси Дыдиной (это бабуля) состоялось во Владимирском соборе Киева весной (27 апреля по ст. стилю) 1916 г.

Согласно семейному преданию, посаженным отцом был Н. Ф. Фогель¹⁷, адъютант Великого князя Александра Михайловича (Сандро)¹⁸, который командовал русской императорской авиацией (!) в империалистическую (по советской терминологии) войну¹⁹. Судьба Н. Ф. Фогеля, впоследствии генерал-

¹⁶ URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/50615/.

¹⁷ URL: <http://www.photoarchive.spb.ru/showChildObjects.do?object=2504169747&language=1>.

¹⁸ Внук Николая I, друг детства императора Николая II, которому приходился двоюродным дядей.

¹⁹ Сегодня, 1 августа 2014 г., когда я пишу эту главу, исполнилось 100 лет со дня вступления России в Первую мировую войну...

майора флота, одного из организаторов морской авиации России, интересна сама по себе²⁰.

А. И. (какое у него породистое лицо!) в то время был личным фельдшером великого князя. Поэтому бабуле, ввиду затянувшихся с 1914 г. военных действий, пришлось самой ехать к жениху. Какая переписка шла между ними! К сожалению, сохранилось немного, в основном только то, что написано А. И. из действующей армии в 1914–1916 гг.! Брачное свидетельство (или церковную выписку?) и многие документы и фотографии бабуля сожгла в гражданскую, опасаясь преследований (репрессий, выражаясь современным языком).

*Александр Иванович
Павлов. 1915 г.*

Так вот, супруги, чуть не с последним поездом вернувшиеся из Киева в Петербург после февральской революции 1917 г., поселились в квартире № 12 (потом ее *уплотнили*, см. выше). А что, если бы не вернулись? Тогда – как в булгаковской «Белой гвардии»?

Шла гражданская война...

Оба чудом выжили, переболев сыпным тифом.

Какое-то время, в 1918–1919 гг., они провели в казенной квартире при Военно-медицинской академии на Боткинской улице, где А. И. работал в клинике венерологии.

Бабуля вспоминала «Мертвую аллею» на территории академии, рядом с моргом, как они прикармлили чью-то одичавшую красивую породистую собаку. Как сами голодали.

Впоследствии, в 1930-х, А. И. окончил Женский медицинский институт – так тогда назывался мой родной 1-й Медицинский – и стал врачом-дерматовенерологом²¹.

Что тут еще добавить? В 1930-х А. И. заболел туберкулезом – 22 палочки в поле зрения (открытая форма!). Бабуля тут же заставила его взять назначение, и они поехали в село Белые Кресты (центр Верхне-Чагодощенского района Череповецкого округа Ленинградской области с 1927 по 1932 г.)²². Там, постоянно пребывая на свежем воздухе, усиленно питаюсь натуральными продуктами,

---

²⁰ URL: <http://kacha.ru/2012/02/kacha-1911>; <http://www.togdazine.ru/article/4772>.

²¹ Наверное, учился у Д. К. Заболотного – основателя моей родной кафедры микробиологии. Про институт, кафедру и вообще про микробиологию много написано в романе «Открытая книга» В. Каверина.

²² URL: http://classif.spb.ru/sprav/np_lo/168_Verhne_Chagodoshensky_rayon.htm.

он работал и поправился, и вся родня приезжала к ним летом в Белые Кресты на реку Мологу.

А я последние 20 лет работаю в области микробиологии и молекулярной эпидемиологии туберкулеза. Такая вот связь поколений и времен...

Бабуля происходила из самой простой семьи. Ее мать, моя прабабушка, которая, по непроверенной информации, имела цыганские корни и родилась где-то под Черниговом (?), была прачкой, отец – столяром-краснодеревщиком (?), а в роду у них, говорят, был даже новгородский иконописец! Детей было пятеро, и бабуля (Мария, так ее всегда звали братья и сестры, а муж – Марусей, Мусей), самая старшая, родилась в 1892 г. Единственный долгожитель в роду, она долго сохраняла физическое и душевное здоровье и умерла в возрасте 97 лет (1989 г.).

Образования бабуля практически не имела – четыре класса. В молодости одно время работала в парфюмерной фирме (на Невском, вспоминала она, был магазин в японском стиле).

Будучи красивой, неглупой и восприимчивой девушкой, сумела сделать отличную партию, выйдя замуж за человека, который был гораздо выше ее и по происхождению, и по положению на социальной лестнице.

Обладая врожденным вкусом и тактом, она не то чтобы великолепно одевалась (после замужества) – скорее, умела носить вещи.

Была принята в обществе – после свадьбы посещала с мужем высшее офицерское собрание в штабе авиации в Киеве (о чем всегда вспоминала с большим удовольствием, поскольку пользовалась неизменным успехом).

Любила мне повторять: «Главное – ухоженные руки, прическа, шляпа, перчатки и хорошие туфли, а платье может быть самым простым, лишь бы сидело». Как это верно! В результате многие считали ее чуть ли не аристократкой, по меньшей мере бывшей гимназисткой... На возможный вопрос о владении французским отвечаю: нет, не знала, кроме нескольких расхожих фраз и названий блюд или цвета ткани.

На одном из снимков бабуля одета в элегантное платье на шелковом чехле, с рукавами из газа и отделкой манжетами и воротником а-ля «Мария Стюарт» из валансьенских кружев. Вся эта подробная информация осела в моей детской головке явно не случайно, а с тем, чтобы я когда-нибудь поделилась ею с заинтересованными лицами. Момент настал: я с удовольствием привожу эти милые подробности, а в качестве доказательства могу предъявить фрагмент кружев, которые одно время красовались и на моем любимом вельветовом платье

в рубчик (о нем еще будет упомянуто), сшитом бабулей. Она любила мне повторять: «Главное – ухоженные руки, прическа, шляпа, перчатки и хорошие туфли, а платье может быть самым простым, лишь бы сидело». Как это верно! В результате многие считали ее чуть ли не аристократкой – по меньшей мере бывшей гимназисткой... На возможный вопрос о владении французским отвечаю: нет, не знала, кроме нескольких расхожих фраз и названий блюд или цвета ткани.

*Моя
бабушка.
1917 г.*

*Бабуля и мама
(2 года).
Белые Кресты
(1929 г.?).*

Бабулины сестры – моя любимая тетя Катя и тетя Нюра (Анна), братья – дядя Антон и дед (именно так я их всех называла в детстве).

Написала совершенно машинально, а ведь не совсем понятно. Дело в том, что бабуля мне вовсе не бабуля, а двоюродная бабушка. А ее брат Александр, Шура (1903–1971), и есть мой настоящий дед.

Согласно семейному преданию, бабуля и ее муж, доктор Павлов, будучи бездетными, удочерили мою маму – дочь бабулиного брата Александра, когда того бросила жена.

Маму назвали, на первый взгляд, странным именем – Майна (впоследствии стали писать и произносить «Майна»). На самом деле, имя было дано в честь 1 Мая. Тогда нередко давали такие имена, как мамино: Октябрина, Сталина (ясно, в честь кого), Нинель (Ленин, если читать справа налево), – таков был накал революционного порыва в массах.

Мама очень любила своего отца (моего родного деда), но всегда с большой любовью и благодарностью вспоминала и приемного отца, А. И. Павлова. Он скоропостижно скончался перед войной – в 1940 г. – от острого менингита (как следствия менингококкового носительства, а может быть, туберкулезного?) после перенесенной незначительной операции по прижиганию слизистой носа для устранения хронического насморка. Антибиотиков еще не было (пенициллин англичане получили только во время войны), а красный стрептоцид не помог.

В квартире на ул. Желябова за столом сидят: А. И. Павлов, мама, бабуля, Оня (Антонина?, жена Антония Константиновича); на заднем плане – сам Антоний (1939 г.?).

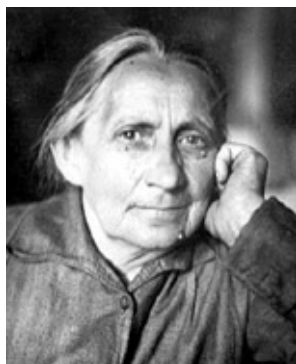
Бабуля могла бы оказаться без средств к существованию (будучи замужем за врачом, оставалась домохозяйкой), но буквально за год до смерти мужа, в возрасте около 47 лет, она окончила курсы ОЗДП («охраны здоровья детей и подростков») и получила диплом медсестры. Это ее и спасло впоследствии в блокаду, обеспечив работу, паек и относительное тепло.

И пенсию получила заслуженную, трудовую (чем очень гордилась), выработав необходимый для этого как минимум 20-летний стаж²³.

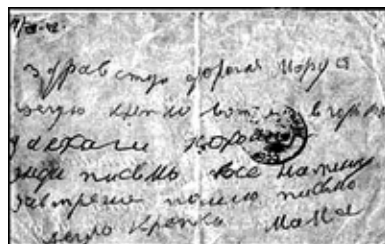
В 1941-м война застала бабулю, ее маму (мою прабабушку), сестер и братьев, когда они возвращались с кладбища после поминак в годовщину смерти А. И., в воскресенье, 22 июня («Киев бомбили, нам объявили, что началась война...»).

Прабабушка была эвакуирована летом 1942 г. вместе с семьей младшей дочери (Кати), муж которой, инженер, не подлежал призыву в армию и был отправлен для работы на оборонном заводе в Горький (Нижний Новгород). Там прабабушка вскоре и скончалась.

²³ 14 июля 1956 г. был принят Закон СССР «О государственных пенсиях». В основе исчисления пенсии каждого трудящегося лежал размер зарплаты. Полная пенсия предоставлялась мужчинам с шестидесяти лет со стажа работы не менее двадцати пяти лет и женщинам с пятидесяти пяти лет со стажем не менее двадцати лет.

Моя
прабабушка

Открытка, написанная прабабушкой карандашом по приезду в Горький вместе с семьей младшей дочери – Кати (Цветковой). 07.08.1942.

Мамы в городе не было с начала июня. Бабуля отправила ее на лето к своей сестре, Анне (Нюре, 1895–1982), в город Энгельс; потом все перебрались в город Сызрань. Муж Нюры, Иван Спиридонович Иванов (1899–1972), партиец, был по тем временам крупным руководителем – депутатом Верховного Совета АССР немцев Поволжья от Бальцерского кантона²⁴. Боюсь, что не без его участия в начале войны выполнялся сталинский указ о депортации этнических немцев (они жили в Поволжье со времен Екатерины II) в соседние казахстанские степи, где большинство из них погибло. Мама рассказывала (ей было 12), как за ночь опустели улицы Энгельса, только хлопали на ветру ставни не по-русски аккуратных домиков. Об этом кое-что было написано в годы перестройки и позже.

Всего у Ивановых было четверо детей: Антонина (Тося), Тамара, Рэм (Революция, Электрфикация, Мир) и Борис. Да еще в войну прибавилась мама, Маи-на. Старший, Рэм, окончил танковое училище и погиб под Берлином.

Бабуле, которая всю блокаду пережила в Ленинграде, работая сначала пашпортисткой в ЖЭКе (жилищно-эксплуатационная контора, она была тогда у нас в доме на Желябова), а потом – медсестрой, когда немного окрепла после дистрофии и смогла ходить в детский сад на Мойке (на территории Педагогического института им. А. И. Герцена), с трудом удалось вернуть маму в город. Для этого потребовалось специальное разрешение. Бабуля всегда говорила, что вдвоем с мамой они бы не выжили в блокаду. Ее спас железный характер – не позволяла себе съесть весь дневной хлебный паек сразу²⁵, а маму спасли Ивановы.

²⁴ Речь идет об Автономной Советской Социалистической Республике немцев Поволжья (АССР НП). URL: http://wolgadeutsche.ru/lexikon/_ASSRdWD.htm; http://wolgadeutsche.ru/lexikon/_ws_assrdwd.htm. Город Энгельс (бывш. Покровск) был административным центром.

²⁵ Страшные подробности блокадного быта описаны в книге «Мысли о жизни» академика Д. С. Лихачева – там, мне кажется, все правдиво, пишу так потому, что очень похожие вещи рассказывала и бабуля. А еще «Запретный дневник» Ольги Берггольц (той самой «блокадной музы»).

Как тосковала мама, как стремилась домой (сохранилось ее письмо, написанное в канун Нового, победного 1945 года)! Она вернулась в Ленинград 1 июля 1945 г.

Сохранившееся письмо, написанное мамой в канун Нового, победного 1945 года.

Запись в мамином дневнике 25 июля: «Сегодня с самого, с самого утра – хмурая неприятная погода. Такая, какая может быть лишь в Ленинграде... Все-таки после сухого степного воздуха около волжских берегов очутиться снова на севере – не особенно хорошо для организма. Ну ничего, привычка – большое дело! А я ведь уже 25 дней дома!»

Мама любила бабулю, доверяла ей, делилась своими сокровенными мыслями, что следует из писем и записей в дневниках. Уже учась в университете, стремилась проводить выходные и праздники дома вместе с бабулей. Они вместе ходили в театры.

Мама уезжала школьницей, только что переведенной в седьмой класс, а вернулась красивой 18-летней девушкой, в которую уже успели влюбиться многие ленинградские ребята из числа эвакуированных и, конечно же, папа.

*Мама в
1940/1941
учебном году.*

*Мама после
возвращения
в Ленинград.*

Папа был старшим из двух братьев (младший – Валентин). Их родители – мой дедушка Григорий Сергеевич (военнослужащий, умер сразу после войны в возрасте 50 лет) и бабушка Анастасия Петровна, Алтуховы, – в войну жили в тех же краях, что и наши Ивановы, с которыми подружились. Потом семья переехала в город Пугачёв Саратовской области, где и осталась.

Там, кажется еще в Сызрани, родители и познакомились, и любовь начиналась там же...

*Бабушка Анастасия
Петровна в возрасте
60 лет, такой я ее помню.*

*Дедушка Григорий
Сергеевич, я его
никогда не видела.*

*Этот мальчишка в лихо
сдвинутой на висок бес-
козырке – мой папа.*

Папа и мама учились в одной школе, куда попали и их лучшие (на всю жизнь!) друзья – Слава и Юра. Оба были эвакуированы из Ленинграда, все вместе – «три

мушкетера» (так пишет папа, конечно же Д'Артаньян, в своем дневнике) – поступили в Одесское фельдшерское военно-морское училище (это отдельная история, – может быть, я к ней еще вернусь), отчаявшись попасть на фронт по возрасту. Дружили всю жизнь, впоследствии семьями: женились оба на подругах по Сызрани, тоже эвакуированных из Ленинграда, – Нине и Белле. Соколовский стал очень уважаемым врачом, начальником одной из ленинградских станций скорой помощи, а Малов стал учителем биологии и химии, его обожали ученики.

В детстве со мной очень много возился младший брат бабули, Антон (по профессии он, кажется, был закройщиком). Его жена умерла, детей не было.

Антон, мама и я (1 год). Надпись на обороте сделана рукой папы: «Август, 1955 г., Черноярво. Антоний Конст. с двумя поколениями».

Больше всего запомнились раскраски: мы сидели за столом, и мой любимый дядя Антон (так я звала его) сам очень аккуратно раскрашивал цветными карандашами картинки, а я смотрела, и мне это страшно нравилось. А самой рисовать совсем не хотелось. Еще были переводные картинки – теперь их, по-моему, нет, а жаль. Только у меня они всегда получались переведенными криво или с морщинками – не хватало терпения, а у него – идеально.

Мы с ним много и со вкусом путешествовали на трамваях: на кольце 22-го маршрута (совсем рядом с домом, на Кнюшенной площади) садились в вагон, изнутри весь деревянный, с жесткими из лакированных реек сиденьями вдоль прохода друг напротив друга, и долго ехали до другого кольца – в Озерках. Вот именно

но, кольца, а не конечной остановки, выражаясь московским языком. Сейчас такое увидишь разве что на площади Тургенева, если ехать по Садовой. Красно-желтый трамвай волшебным образом позванивал, грохотал на стыках рельсов, а я стояла на коленках (пока не заболят), замороженно глядя в окно на мелькающие дома, деревья... Кажется, эти путешествия длились целый день.

А однажды ранней весной мы поехали на троллейбусе в Петровский парк Победы (это с другой стороны ЦПКиО²⁶), и там я умудрилась провалиться одной ногой в талый снег у самой кромки Невки и, конечно, промочила ее (ногу) и рейтузы

²⁶ Центральный парк культуры и отдыха ласково-уменьшительно называли «Цыпочка».

чуть не до колена... Потом это обросло подробностями, и получилось, что я провалилась в реку! Заболела ангиной, что для меня было совершенно типично и происходило с частотой раз в месяц. Так и вижу себя: в теплой фланелевой ночной рубашке в постели спиной к окну в нашей с бабулей маленькой и узкой, как пенал, комнате. Горло режет ужасно, температура... Поэтому отказываюсь есть даже любимую *яичницу с молоком* (так у нас назывался омлет). А впереди еще кружка горячего молока с ненавистной пенкой, от которой просто тошнит...

Пока почти ничего не сказала о бабулиной младшей сестре Кате, Екатерине Константиновне. Она вышла замуж за инженера Николая Федоровича Цветкова. Интересно, что в детстве (еще до революции) он воспитывался в семье знаменитого академика Карпинского (1847–1936) – первого президента Академии наук СССР, «отца русской геологии». Как причудливы судьбы!

Дядя Коля был очень хорошим пейзажистом-любителем (жаль, что у нас не сохранилось ни одной его картины), отлично знал французский и английский языки, что позволяло ему слушать «вражеские голоса» (радиостанции «Голос Америки» и BBC) по приемнику с зеленым глазком. Об этом говорили шепотом, думая, что я не слышу.

А я все равно не понимала, о чем речь.

Дочь Цветковых, моя любимая тетя Женя, тоже стала инженером (но без диплома, так как если бы она его защитила, то ее в те годы непременно *распределили* бы на работу куда-нибудь на периферию, чего в семье очень опасались).

Утонченная сероглазая блондинка, интеллигентная умница Женька была самой близкой маминной подругой с самого детства. Недолго пробыв замужем, она родила сына Алексея (моложе меня на четыре года) и осталась жить с родителями в доме на Красной ул. (ныне ей вернули историческое название Галерная), который выходил также на канал Крунштейна (сейчас Адмиралтейский), где Новая Голландия.

Лет до десяти я только и ждала, чтобы пойти к Цветковым в гости. Нужно было доехать до площади Труда на троллейбусе, затем долго идти по Красной (Галерной) улице почти до Адмиралтейского завода, пройдя проходными дворами (вечная ленинградская тема!), очутиться на черной лестнице, крутой, со скотыми ступенями и кривыми чугунными перилами, которая начиналась довольно высоко от земли и вела наверх всего на три этажа. Дело в том, что во время войны авиабомба разрушила половину дома, оставив только часть этой лестницы, которую потом кое-как восстановили. Из дверей на эту лестницу выходило только две: одна, заколоченная на втором этаже, другая – Цветковых – на высоком третьем. Туда мы и взбирались. Звонили. Могла открыть соседка – одинокая Ефросинья (это имя меня пугало), она занимала маленькую комнатку в самом конце длинного коридора, и когда умерла, комнату получили Цветковы.

Чаще на звонок дверь открывала сама тетя Катя, и я вступала в волшебный мир, состоящий из двух смежных комнат: в дальней я иногда ночевала, разглядывая перед сном висящий на стене оливково-коричневый, слегка выцветший гобелен, не то с развалинами древнеримского Колизея, не то с каким-то охотничьим замком. Там же стояло старинное фортепиано «Becker» (я никогда не слышала, чтобы на нем кто-нибудь играл) с раздвижными позеленевшими бронзовыми подсвечниками на фасаде.

В книжном шкафу за стеклом таинственно поблескивали позолотой на корешках тома Брема с удивительными рисунками всяких животных, проложенными тончайшей пожелтевшей папиросной бумагой.

Уютные кресла под льняными чехлами (на одном из них часто дремала старая, абсолютно белая кошка Сюпка – сокр. Ксения?) как бы приглашали забраться с ногами и заняться каким-нибудь неспешным делом – разглядывать картинки или бесконечно возиться, складывая немецкую головоломку «Kobold»²⁷ (по-немецки – «гном», «гоблин»). С удивлением и радостью узнавания обнаружила точное фото и аннотацию в интернете! Оказывается, это была действительно старинная вещь – 1890 года! Пальцы, кажется, до сих пор помнят прикосновение к прохладным, гладким, терракотово-коричневым кусочкам камня, из которых можно было сложить удивительные фигуры (их очертания были на страницах книжечки-описания).

В углу у окна помещалось немного потускневшее зеркало в ореховой резной раме от пола до потолка (я любила перед ним повертеться, наряжаясь в платья и шифоновые шарфики тети Жени). Наконец, там был телевизор КВН с водяной линзой! Он стоял на покрытой кружевной салфеткой тумбочке, в которой хранили красивые большие подарочные коробки из-под парфюмерных наборов и духов («Красная Москва», «Гаянэ», «Голубой каскад») с нитками для рукоделия.

Многие вышивали тогда. Мама это делала замечательно – болгарским крестом. Какие у нас дома подушки ее работы – и спасибо ей, научила свою внучку! У нас есть одна вышивка (павлин), к которой приложили руки все три поколения: мама (ею вышита большая часть), совсем немножко – я и дочка, она-то с удовольствием и довела дело до конца. Прошли десятилетия, и вот он – во всей красе – одна из самых дорогих семейных реликвий.

Вышивка.

²⁷ URL: <http://www.cs.brandeis.edu/~storer/JimPuzzles/ZPAGES/zzzRichter07-Kobold.html>.

Возвращаюсь в волшебный дом Цветковых...

В смежной (проходной) комнате на стенах висели прекрасные пейзажи дяди Коли (он писал маслом) и дореволюционные фотографии – портреты в строгих рамках. Помню, на одной из них был Шаляпин (кажется, с автографом). Стол под нарядной скатертью был круглый и стоял, конечно, посередине комнаты. Над ним – лампа под оранжевым шелковым абажуром с бахромой (тогда такие были почти в каждом доме).

Тетя Женя доставала большую коробку моих любимых конфет (цветные помадки – розовые, желтые, белые, шоколадные лепешечки, склеенные по две), которые она привозила из своих частых командировок в Таллин (орфография того времени), в то время – почти заграница.

Чай пили из изящных чашек саксонского сервиза. Ароматные пироги с капустой и открытые ватрушки с творогом лежали на фарфоровых блюдах. На чайнике восседала купеческого вида кукла в немного выцветшем платье с оборками (совсем не аляповатая, а старинная).

Да, еще с книжной этажерки доносились тиканье и редкий перезвон каминных часов. Самого камина не было, но была такая же, как у нас, изразцовая печь в углу.

Тепло, уют, смех и негромкие разговоры взрослых...

Иногда играли в лото или в карты – в подкидного...

8. Дед и мама. Кое-что из области генетики

Дед приходил к нам в будние дни один и пил сваренный в алюминиевой кастрюльке кофе с молоком, заедая ванильными сухарями, а в праздники – со своей женой, Верой Матвеевной (тетей Верой). Она работала товароведом в ателье на Садовой, 25, в том самом угловом доме Николаевых (теперь там кафе), где чудом сохранились на фасаде барельефы в виде женских головок²⁸.

Бабуля и ее сестры, после долгих обсуждений преимуществ ратина перед драпом и норки перед куницей, шили там пальто, а я, когда поступила в институт, – шубу из искусственного черного каракуля.

Дед и тетя Вера жили отдельно – у каждого была своя комната, естественно, в коммуналках, у него – на улице Моисеенко, ближе к Смольному, у нее – на Садовой, почти у Невского.

У деда в гостях я была раза два и запомнила множество книг, некоторые он позже отдал мне. Например, «Юнга со шхуны “Колумб”» Трублаини – такой шпионский боевик из жизни пионеров (по нему даже был снят художественный

---

²⁸ URL: <https://www.fontanka.ru/2018/09/28/030/>.

фильм, кажется, на Одесской киностудии), книга про борца Поддубного, воспоминания Шаляпина...

Комната была довольно светлой, на столе на подставке стоял большой эмалированный коричневый чайник. Над столом висел затейливый светильник с плафоном из молочного стекла. Дед собрал его сам из каких-то разрозненных деталей, но получилось очень красиво. На окнах – туго накрахмаленные тюлевые занавески (явно работа тети Веры). В углу – высокая кровать с никелированными шарами под белым покрывалом с кружевными подзорами и горой подушек.

Мама ласково звала деда «папка».

Таким дед был в молодости. Настоящий революционный матрос.

Дед был человеком разносторонних интересов. Перепробовал немало профессий. В молодости одно время работал шофером в «Детгизе» (издательство детской литературы, открытое в 1933 г. и разгромленное в 1937 г.) – кажется, возил Самуила Маршака (главного редактора, известного поэта и переводчика).

Он дарил дочери книги Маршака и Чуковского, «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле с иллюстрациями Доре. «Два капитана» В. Каверина (довоенное издание) и «Бегущая по волнам» А. Грина (1946 г.!) – такие знакомые и любимые мной с детства. Разве я могу взять в руки и перечитывать какие-то другие издания с другими иллюстрациями? Эти книги – мое священное богатство.

Ну почему я не расспрашивала деда подробно про него самого? А каковы были его взгляды и политические убеждения? Человека, который столько видел на своем веку и был невольным участником многих событий, ныне оцениваемых как исторические?

Во время зимней (финской) войны 1939 г. дед, как и его брат Антон, оказался на Карельском фронте, – слава богу, оба остались живыми, но получили обморожения ног. Антона поэтому не призвали в 1941-м. Дед был на фронте, освобождал остров Даго в Эстонии («...юмалаго, остров Даго, тере-тере, Ленинград...» – что-то такое слышала я от него в детстве).

Еще помню его рассказы про зиму, ледяной холод и про финских «кукушек» – снайперов...

А может, это были «устные рассказы», которые так красочно умел рассказывать (или сочинять?) дед?

Известно, что дед активно участвовал во флотской самодеятельности (недавно нашла его грамоту, датированную 1942 г.!). В самодеятельном театре Балтфлота даже ставили его короткие пьесы (например, «Удочка»), получившие

положительный отзыв самого Вс. Вишневского (того самого из плеяды «литературных генералов», который написал «Оптимистическую трагедию»).

Его короткие заметки не раз публиковали в газете «Вечерний Ленинград» (есть вырезки из газеты).

Подозреваю, что в деде жил неистребимый романтик и авантюрист (о-го-го, еще какой!): было в нем что-то от героев Джека Лондона, Александра Грина, Вениамина Каверина... Кстати, это его любимые писатели.

Мой дед, 1940-е гг., – типичный пролетарий в косоворотке и с неизменной папиросой «Беломорканал».

Теперь понятнее становится, почему мама, окончив школу, отправилась поступать в Ленинградский университет на факультет журналистики. Так вышло, что по дороге подруга уговорила ее подать документы на Восточный факультет, и мама, по чистой случайности, стала филологом (индотибетское отделение, кафедра индийской филологии!), а по совместительству получила право «преподавания истории стран Востока», – кажется, так было сказано в справке к диплому. Вообще Восточный факультет (основан в 1855 г.) – это краса и гордость нашего востоковедения. Как колоритно написано у Каверина про Университет в моей любимой повести «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове», изданной в 1928 г. (через год после рождения мамы)!

В Университете мама изучала четыре индийских языка (хинди, урду, древний санскрит и бенгали) и потому с удовольствием читала мне великолепно изданный на русском языке индийский эпос (Рамаяна), часто упоминала индийские поговорки (некоторые помню до сих пор на хинди).

Но проза жизни не позволила ей заниматься филологией, хотя время было подходящее – начиналась эра советско-индийской дружбы: «Хинди-руси, бхай, бхай!» И Хрущев с Булганиным развезжали по древней Индии на слоне (подобными фотографиями была иллюстрирована целая книга под названием «Миссия дружбы»).

Маме пришлось преподавать новую и новейшую историю (в советское время – не самый интересный предмет – сплошные революции, Ленин и партсъезды) в вечерней школе рабочей молодежи (ШРМ, позднее она работала там директором) у Технологического института (Техноложка). Но генетика сказывалась: мама, сколько я себя помню, писала стихи (а началось это задолго до моего появления на свет). Легко. По заказу и без. Были среди них и хорошие, но, получив однажды отрицательную рецензию А. Суркова²⁹ (еще один генерал от литературы,

---

²⁹ Автор знаменитого стихотворения-песни «В землянке» («Бьется в тесной печурке огонь...»); музыка К. Я. Листова, 1941 г.), ему посвящено одно из самых знаменитых стихотворений Великой Отечественной

причем самый главный – первый секретарь Союза писателей СССР), больше не повторяла попыток напечататься.

*Такой я была в конце
1950-х гг.*

А я тем временем подрастала....

Однако речь не обо мне. Я лишь спешу записать немногие уцелевшие в памяти подробности из жизни моих близких. Чем дальше, тем больше увлекаюсь, особенно перебирая фотографии, на которых узнаю лица, пейзажи, почерк на обратной стороне открыток; кажется, даже ощущаю знакомые с детства запахи дома на «Желябовой». Окунаюсь в прошлое: то смеюсь, то грущу. Наверное, потому так долго и откладывала, что не чувствовала в себе сил прикоснуться к собственной душе и растормошить память. Не готова была. Но теперь лента воспоминаний раскручивается, и вот еще сюжеты...

9. Дальние путешествия. Море. Летние впечатления

Как ни странно, детские годы оставили много довольно ярких впечатлений, но самые первые из моих воспоминаний (кажется, в три года) относятся к путешествиям.

Однажды мы отправились в Приморск на берегу Финского залива. Сейчас туда можно доехать за пару часов на машине, а тогда ехали на поезде с паровозом во главе, останавливаясь для пересадки в Зеленогорске, где я запомнила фарфоровую мисочку с салатом из помидоров и огурцов со сметаной в ресторане на вокзале. Папа служил в дивизионе катеров, а мы с мамой проводили ее отпуск на съемной даче поблизости.

Следующее воспоминание из того лета: ночь, жара, я лежу у деревянной бревенчатой стены, все тело горит, я хнычу: меня искушали муравьи! Родители склонились надо мной, слышу шепот папы: «Давай дадим ей кваса». – «Что ты, она совсем маленькая!» – с испугом отвечает мама...

Еще одна сцена (там же): «Оленька, беги скорее, твой папа плачет». Ощущение ужаса: папа, и вдруг – плачет. Оказывается, папа чистил луковицу к обеду...

А вот еще: пыльно, жарко, мы с мамой идем из магазина, у меня в руках кулек – твердые, как камень, маленькие полосатые конфеты-подушечки (карамель

войны «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины», написанное Константином Симоновым в 1941 г. С 1954 по 1959 г. (после А. Фадеева и Н. Тихонова) руководил Союзом писателей СССР.

с повидлом, кто помнит). Засмотревшись на кого-то, я их роняю, и они валяются на дороге, совершенно облепленные пылью... Рев. Занавес.

Я болела непрерывно, поэтому в детский сад на Мойке, где бабуля работала медсестрой, ходила нечасто, что и послужило причиной бабулиного выхода на пенсию (кажется, в 1955 г.). Она была уважаемым человеком и любила свою работу, но еще больше любила меня, и, будучи медицинским работником, решила поставить на ноги. Для этого требовалось закалывание со всеми вытекающими последствиями, как то: обтирания зимой и поездки на все лето на Черное море – в Анапу – Джемете. Там бабуля самоотверженно плавала за вторую отмель, чтобы добыть чистой йодистой (из-за особых водорослей) горько-соленой воды, которую в бутылке (0,5 л) из-под кефира выносила на берег и, не зная площади, заставляла меня три раза в день полоскать ладно бы еще горло, так и нос тоже!

И как же я ненавидела свежавыжатый, густой, терпкий виноградный сок, который, вне всякого сомнения, был и полезнее, и приятнее на вкус своего второго производного, которое мы сейчас пьем за обедом.

Эти обиды касаются первой поездки (лет в пять?). Именно тогда, согласно семейному преданию, местный доктор в курортной поликлинике, пощупав мои распухшие железки (лимфатические узлы) на шее и взглянув на градусник, сказал бабуле нечто вроде: «Как же вы не побоялись резкой перемены климата? У ребенка, похоже, туберкулез». Или как-то иначе выразил свой ужас по поводу моего статуса. Но бабуля, естественно, не сдалась (см. выше) и утроила натиск.

Как я уже сказала, мы еще три раза приезжали, но уже в Джемете, недалеко от Анапы, и уже не одни, а в компании моей сверстницы и подружки по несчастью (обеих заставляли заниматься фигурным катанием для повышения иммунитета), Марины (Маришки) Яковлевой, и ее громоподобной, но очень доброй, бабушки – Марии Степановны. Кстати, фигуры на льду я выписывала (а больше грелась в раздевалке, поедая мандарины) по восьмой класс включительно, ни разу так и не встав хотя бы на третью ступеньку пьедестала почета соревнований на приз спортивного клуба «Динамо». Не задалась моя спортивная карьера.

Так вот, ехать на юг было непросто, и сборы начинались за месяц. Зато как мы с Маришкой любили эти поездки в купе на четверых! Бабушки (под давлением М. С.) разрешали нам занять верхние полки и даже открывать окна, когда поезд шел «по югу» (это нам так говорили: «Вот поедем по югу – тогда и откроем»). Мы заползали на полки (иногда обе на одну) и спускались только для принятия пищи, что происходило довольно часто. Среди прихваченного с собой обязательно были: темно-зеленые бутылки с лимонадом (крем-сода, крющон –

из разряда моих любимых), сваренная целиком курица (точнее, две – по одной у каждой команды участников), гора «крутых» (то есть сваренных вкрутую) яиц, булки, хлеб (бабуля ела только черный), соленые огурцы и всякая всячина (плитки шоколада, печенье «курабье» – мое любимое, еще что-то...). А проводница в форменной одежде приносила почти черный чай в тонких стаканах с подстаканниками и сахар – два белых кубика в пакетике с изображением мчащегося поезда. И я, которая дома почти не прикасалась к чаю, могла выпить сразу два стакана! Он пахнул как-то особенно, дымком, что ли, потому что воду кипятили в титане, который топили углем, прямо напротив купе проводников.

Пейзажи за окнами (на ночь задергивали шторы и накрахмаленные занавески, которые крепились на металлической трубке, а она постоянно вылетала из гнезд, что сильно раздражало бабушек) становились все зеленее и зеленее. Ведь мы выезжали в начале июня, и, по-моему, всегда путешествие наше начиналось под серым мелким дождиком. Только нам было не до пейзажей – мы наперебой рассказывали друг другу страшные сказки. Точнее, Маришка – мне, потому что была большая выдумщица, и, творчески переработав поднадоевшие истории про *белую простыню* (перчатки/шарф) или *красную ленту*, кои душили без разбора всех подряд, выдавала свое, совсем уж несусветное. И это блаженство длилось около трех суток – столько шел поезд Ленинград–Новороссийск до станции Тоннельная, откуда мы каким-то образом (на такси?) добирались до песчаных пляжей Джемете в нескольких километрах от Анапы.

Я запомнила песчаные желтоватые дюны, покрытые редкой порослью сизой осоки и невысокими серебристыми кустами маслин (где им до итальянских!), битые мелкие ракушки у кромки воды, знойное марево... Мягкое, постепенно понижающееся волнистое песчаное дно (очень приятно скользить по нему пяткой), просвечивающее сквозь голубую сонную воду. Дальше – отмель (воды по щиколотку, максимум по колено), потом, после серьезной глубины (нам – «с ручками»!), – вторая. За ней – не знаю, кажется, уже само бирюзово-синее Черное море.

Из воды не вылезали, но плескались на мелководье, потому что еще не научились плавать. И однажды мои вязкие трусики окончательно разъела соль, и они превратились просто в клочья, когда я вылезала из воды: пришлось кричать бабуле, чтобы принесла мне в море запасные. А она заснула под зонтиком, и я просидела в воде около часа, пока губы не посинели, потому что стеснялась выйти на берег...

Мы снимали две комнатки в выбеленном домике с окнами в сад. Жердели (дикие абрикосы) с глухим стуком падали на землю, а мы их механически поедали,

конечно даже не помыв. Пирамидальные тополя отбрасывали мало тени, но постоянно шелестели – хорошо было засыпать после жаркого дня.

Там мы пережили однажды землетрясение (эпицентр был недалеко – в Геленджике). Качало не сильно, но мы так перепугались, что выскочили через окно (благо жили на первом этаже). Потом, помню, меня трясло пару часов.

На третье лето нам с Маришкой сшили из ситца такие полоски на пуговке сзади, которые мы гордо носили на груди (и на чем они только держались, ведь лямочек не было?), – нам исполнилось, кажется, по 11 или уже 12 (?) лет. И за мной на отдалении иногда стал ходить местный мальчик – племянник хозяйки, который однажды бросил мне в окно записку следующего содержания: «У тебя красивая походка». Я действительно была приучена ходить по-балетному: гордо расправив плечи (бабуля нещадно колотила меня по спине, опасаясь, что я буду сутулой), голова вскинута, колени втянуты, носки развернуты. Я возгордилась, но каким-то чудом никому не похвасталась. У меня появилась тайна.

Самое приятное событие лета – приезд в отпуск обожаемого нами дедули – Маришкиного дедушки, Бориса Владимировича, на собственной машине (бежевый «Москвич-403»). Он ехал несколько дней из Ленинграда, это в те-то годы, когда две машины с ленинградскими номерами сигналили, приветствуя друг друга на дальних дорогах. И начинался нескончаемый праздник. Гвоздь программы – выключенное у взрослых разрешение ночевать в машине! Сиденья раскладывали, перетаскивали матрасы, белье и обязательно снабжали нас огромной миской с фруктами. С ума сойти! И опять мы болтали, засыпая в изнеможении далеко за полночь (за окнами машины чернильная темнота, огромные южные звезды, звон цикад и какие-то таинственные шорохи...). Утром нас с трудом удавалось разбудить.

Несколько раз отправлялись в дальние путешествия на машине – все впятером; добирались до Кабардинки и Геленджика. Дорога порядочно извивалась, обрывы пугали, но упругий ветер был ласковым, а неподвижное бледно-голубое море оставалось спокойным где-то далеко внизу.

Еще одно, пожалуй, самое сильное впечатление детства: паромная переправа через Керченский пролив. Всегда ночью (но мы-то не спим, готовимся заранее). И вот поезд замирает, потом лязгают вагоны – их расцепляют, и мы в своих вагонах уже стоим на пароме! Можно потихоньку выйти наружу или остаться на верхней полке в купе. Момент отплытия неуловим. Как-то вдруг мы ощущаем плавное, бесшумное движение, легкое покачивание и слышим тихое журчание. Равномерно вспыхивает и гаснет в темноте маяк. Вода чернильная, маслянистая, едва колышется. Пахнет рыбой, водорослями, канатами, бог знает чем еще. И все это вместе – невыразимо прекрасно до того, что мне становится грустно. Незаметно

погружаюсь в сон, так и не осознав, что это и есть счастье... Но зрение, слух, обоняние, кожа, все органы чувств автоматически посылают незабываемые впечатления в мозг, в тот уголок памяти, который обеспечивает впоследствии наше *déjà vu*...

Больше – ни слова, я не могу тягаться с Паустовским (Волошиным, сестрами Цветаевыми...)!

Потом, когда поездки на юг прекратились, мы снимали дачи под Ленинградом – за Зеленогорском (если ехать по Приморскому шоссе, между поселками Смолячково и Приветненское – Лаутаранта и Марттила до зимней войны 1939 г.) на берегу Финского залива в поселке под названием Рыбачий. Конечно, это были совсем не дачи в дореволюционном или современном понимании этого слова. Это были сараи, пристройки, в лучшем случае часть дома, сдаваемые на все лето небогатым семьям с детьми.

Богатые по тогдашним меркам семьи имели собственные дачные домики, дарованные государством за особые перед ним заслуги. Существовали целые «генеральские» поселки (после войны ветеранам из числа командного состава предоставляли настоящие дачи, автомобили и даже обслуживающий персонал) и дачные кооперативы, в которые могли вступить члены всяческих союзов. Это были союзы композиторов, писателей, архитекторов, ученых, ветеранов войны. Но к нашим родителям все это не имело никакого отношения, – точнее, они туда не стремились попасть, жалея силы и время.

Итак, мы снимали помещения у разных хозяев – местных жителей, за редким исключением, потомственных алкоголиков (других, честно говоря, не помню). Все они, как правило, работали в рыболовецкой артели или вообще ничего не делали, только копались в своих огородах да выпивали по поводу и без, если удавалось достать трешку. Зато у нас всегда была возможность купить свежую рыбу (судака, окуней, подлещиков, салаку...). В общем, с хозяевами отношения складывались хорошие, скорее дружественные: семьи дачников были интеллигентными, а значит, привыкли уважать *народ* и ощущать внушенную еще революционерами-народниками вину перед ним.

Если идти по берегу в сторону Смолячково, ваше внимание обязательно привлечет бы деревянное строение с башенками, выкрашенное белой, давно облупившейся краской, в окружении дюн, елей и кустов шиповника. Здесь, как в типичном «шанхае», ютились все те же местные алкоголики, всегда готовые сдать на лето какие-то пристройки. Теперь это – одна из ныне восстановленных дач усадьбы «Тихий берег», которая была построена в 1900-х гг. и принадлежала знаменитому психиатру академику В. М. Бехтереву³⁰.

³⁰ URL: <http://semenidos.com/?306>.

Кстати, в имении часто бывали: писатель Леонид Андреев, чья усадьба была всего в трех верстах к востоку; один из моих любимых художников Валентин Серов – сосед по западной границе; Илья Репин и многие другие известные личности, обитавшие в то время в Финляндии.

Мы вряд ли смогли бы прижиться вдали от города, не имея нашей любимой машины «Победа», которую папа приобрел у сослуживца в тот год, когда мы начали присматривать дачу под Ленинградом. Изначально серого (шарового) цвета, впоследствии она была перекрашена в цвет «морской волны», который на деле придавал ей сходство с кастрюлей. Другой краски просто не удалось достать. Этот железный конь – точнее, лев (номер: 95–16 лев) – прослужил нам около 20 лет, став полноправным членом семьи. Скажу больше: это было «наше все» движимое имущество на тот момент. По субботам мы, дети, сидя на поляне у шоссе, высматривали, когда же из-за поворота появится знакомая машина, и бежали вслед за ней наперегонки к дому, а папа нарочно старался ехать то медленнее, то быстрее, как бы поддразнивая нас. Потом наступало всеобщее ликование, взаимные расспросы, раздача «слонов» – так назывались у нас подарки. Родители всегда привозили массу вкусностей, книжек и каких-то милых мелочей каждому. И мы все тут же набивались в машину и ехали в лес за грибами или просто в магазин за мороженым.

Наш автомобиль.

Живя на даче, еду готовили на керосинках и керогазах, закупая раз в неделю керосин: очередь с флягами выстраивалась у придорожного колодца, и мы весело проводили время, болтая и дурачась в ожидании подвоза цистерны с горючим.

До продуктового магазина приходилось идти ровно километр по лесной дорожке мимо заборов, за которыми была ключом пионерская жизнь³¹. Пионерские лагеря были богатые – состояли на балансе таких мощных организаций, как ГИПХ (Государственный институт прикладной химии, где разрабатывали ракетное топливо), МВД (милиция, которая «нас берегла») и т. п. В лагерь ГИПХ мы иногда проникали через ограду, чтобы поиграть на спортивной площадке с баскетбольным мячом или посмотреть кино. Было здорово. Как-то раз ночью в августе залезли на клумбу и, дрожа от страха, срезали несколько великолепных роз. Временами я жалела, что меня не отправляют в лагерь, но родители даже слышать об этом не хотели (спасибо им!).

---

³¹ Лучшее пионерское изображение изобразил Элем Климов в очень смешной комедии «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен».

Так вот, в магазине в каждом из отделов (молочном, колбасном, хлебном, овощном и мясном) нужно было отстоять очередь, чтобы получить необходимое. Процесс мог затянуться часа на полтора, но мысль о покупке мороженого заставляла терпеть это безобразие. Мороженое – наше самое любимое лакомство, лично у меня – единственное³². На 28 копеек можно было купить: одну сахарную трубочку (15 копеек) и сэкономить остальное на завтра, или два вафельных стаканчика (по 13 копеек: ванильное, крем-брюле или шоколадное), или четыре картонных стаканчика (по 7 копеек) фруктового, очень похожего на замерзший розовый концентрат для приготовления киселя. Последнее считалось самым выгодным приобретением чисто количественно, но мне оно очень нравилось.

Назад неизменно приходилось тащиться по жаре (или, наоборот, под дождем), волоча авоську не менее чем с двумя полулитровыми бутылками кефира (на следующий день пустые бутылки сдавали назад), в другой руке – двухлитровый изрядно помятый алюминиевый бидончик с разливным молоком. Остальное – мясо, хлеб, овощи (что там еще?) – бабуля приносила сама, а я, как правило, убегала вперед.

Мы все, и взрослые, и дети, навсегда полюбили это место – песчаные дюны (со всем как в Джемете), сосны, шиповник в цвету круглое лето и бескрайний залив. Можно было идти бесконечно долго по колено в воде, поэтому нас безбоязненно отпускали купаться одних. Слава богу, взрослые не видели, как мы ныряли с деревянного пирса вниз головой: воды в жаркие дни было не более полутора метров. Вечерами мы жгли костры на берегу, и, удобно устроившись на ветвях старой сосны, следили за пещейей в углях картошкой (ее таскали на соседнем поле под покровом ночи).

Так в Рыбачьем мы и проводили летние каникулы в течение многих лет.

Там я познакомилась с будущим мужем, Андреем Нарвским (мне тогда было, кажется, 13; следовательно, ему – 11 с половиной).

Там выросли и мои брат с сестрой, и следующие поколения – наши племянники (Таня и Сережа Нарвские), и дочка второе лето своей жизни провела с нами там.

Получается, что несколько поколений наших семей прожили в Рыбачьем около 20 счастливых летних сезонов!

Успевали ли отдохнуть наши самоотверженные бабушки, вечно озабоченные приготовлением пищи на керосинках, мытьем посуды в холодной воде, походами в магазин, мы не задумывались. Вообще были заняты только своими важными летними делами (недальними походами, купанием, велосипедами) и складывающимися отношениями: новыми дружбами, симпатиями и антипатиями.

³² URL: <http://m.mirtesen.ru/groups/30207256605/blog/43443759192> (это сайт таких же любителей мороженого, как и я).

10. Школа

Моя первая школа № 208 находилась в пяти минутах ходьбы от дома – на набережной реки Мойки, почти у Невского, так что даже в первом классе я ходила туда сама. Наш 16 класс располагался на шестом этаже, куда вела широкая мраморная лестница (всегда боялась высоты, особенно если у лестницы широкий пролет).

Здание бывшей школы № 208
(на переднем плане). 04.12.2014.

Меня посадили за парту вместе с мальчиком (оказалось, сыном маминой однокурсницы), который сразу начал своеобразно ухаживать за мной: наступал на ноги и ободрал носки новеньких коричневых туфель! Ну, за тощие косички дергал, это уж само собой.

Мы все носили тогда обязательную школьную форму: девочки – коричневые шерстяные платья с белыми воротничками и манжетами (их надо было менять, а значит, стирать, гладить и пришивать заново каждую неделю). Сверху надевали черный

(или белый по праздникам) передник с воланами и крылышками. Мальчики ходили в серых унылых костюмах и белых (одно название!) рубашках; постоянно лупили друг друга по голове пеналами (они были деревянными и довольно тяжелыми) или целыми портфелями. Весьма травматично.

После приема в *октябрята* мы стали носить значки (октябрятские звездочки) и звание *внучат Ильича*. Про дедушку Ленина слышали чуть не с пеленок (как сейчас выражаются: «из каждого утюга»).

Классе во втором сосед по парте ни с того ни с сего (под давлением своей мамы?) пригласил меня, единственную из одноклассниц, на день рождения. Мне у них очень понравилось, особенно потому, что вкусно кормили, хвалили мое бархатное платье (на самом деле из красно-черного вельвета в широкий рубчик, сшитое бабулей) с воротником из валансьенских кружев (я про них уже писала), и я получила приз (не помню какой) за рисунок под названием «Березки». Но начинающаяся дружба кончилась ничем, поскольку мы оба вскоре перешли учиться в другие школы.

Еще один мальчик как-то срезал клочок меха из рукава моей мутоновой черной шубки (бабуля ходила в школу разбираться, не поняв, что это был просто знак внимания).

Однажды я потеряла букварь, в другой раз забыла в гардеробе ненавистные рейтузы...

Самое волнующее впечатление – поиски чьей-то кошки (это мы так неумело вразли) в подвалах дома в Волынском переулке.

На самом деле, это было настоящее ПРИКЛЮЧЕНИЕ! Готовились дня два, и после школы, по наущению кого-то из *дворовых* (то есть плохих) мальчишек, человек шесть отправились навстречу неизвестности. У кого-то была припасена свечка, и мы, потеряв счет времени, бродили, замирая от страха, по каким-то переходам и вдыхали кирпичную пыль.

А в это время бабуля, не дождавшись меня вовремя домой, бежала в школу, где ей никто ничем не мог помочь. Хорошо, что на обратном пути (а может, на пути в милицию), она наткнулась на меня. Я начала неумело врать (см. выше), но поскольку у меня на лице всегда все было написано, то дело кончилось не в мою пользу.

Подобным же образом закончилась и экспедиция по подъему затонувшего медного чайника, который мы пытались выловить, не помню чем – наверное, руками, – из Мойки: у спуска к воде была отмель; кто-то из мальчишек туда ухнул, и, хотя воды было по колено, переполох среди прохожих вышел приличный. Кажется, больше я не проказничала.

Зато в третьем классе я неожиданно проявила способности к английскому языку. И тут-то моя учительница посоветовала родителям отправить меня в специализированную школу. Это решение оказалось судьбоносным. Мы с ней стали догонять программу (в такого рода школах язык изучают со второго класса), но не успели пройти половину учебника, поэтому в известную школу на Салтыкова-Щедрина (ныне опять Кирочная) я не попала, провалив экзамен.

И тогда – удачное стечение обстоятельств – мама отправила меня в школу № 316 на ул. Черняховского, куда с четвертого по десятый класс я и ездила на автобусе № 14. Почему удачное? Потому, что эту самую школу только что преобразовали в языковую (как раз когда я начала учиться в четвертом классе) и мы всем классом догоняли программу: к концу учебного года почти сравнялись.

Класс был маленьким – меньше тридцати человек. Английский я полюбила очень, особенно когда появилась новая молодая красивая учительница – Зинаида Зиновьевна Верховская – наша ЗиЗи.

Путешествие, которое состоялось в школе и запомнилось, – поездка с ЗиЗи в Холмогоры, на родину Ломоносова. Дело в том, что наша школа по недоразумению

носила имя М. В. Ломоносова, а не какого-нибудь революционера или героя войны. Так и говорили: *пионерская дружина* имени Ломоносова (!) – театр абсурда. И стояли, выстроившись в линейку и отдавая салют, пионеры: синий низ, белый верх, на шеях красные пионерские галстуки (у мальчишек, как правило, с засаленными, обгрызенными концами)...

Да, интересно сейчас неспешно вспоминать все эти трогательные мелочи, а тогда мы торопили время – хотелось поскорее вступить в комсомол и носить маленький значок с профилем вождя и надписью ВЛКСМ. Туда принимали только с 14 лет (по Уставу) и как бы лучших. Поэтому из-за возраста, поскольку родилась летом, я попала во вторую очередь, только перейдя в следующий, восьмой класс.

Комсомольские стройки уже манили некоторых из нас: пробуждалась романтика, подогреваемая громкими сообщениями об очередных трудовых победах по радио, в газетах печатали пафосные портреты комсомольцев – *ударников, целинников, первых стройотрядовцев*...

На этом я, пожалуй, и остановлюсь: сама же установила возрастное ограничение...

Послесловие

Нужно ли оглядываться назад? Не прошло и трех месяцев со дня, когда я, казалось бы, поставила точку. Но, оказывается, не так просто отделаться от нахлынувших воспоминаний путем перенесения их, чуть не написала, на бумагу. Так вот, по-настоящему следовало начать «Координаты...» примерно так: «Я родилась в прошлом (!) веке в стране, которой теперь не существует на карте мира, в городе, имя которого исчезло вместе со страной. Я прожила почти три десятилетия в коммунальной, а затем бывшей коммунальной квартире в доме, от которого остались нетронутыми только стены, на улице, тогдашнее название которой вряд ли правильно назовут нынешние обитатели домов, что давным-давно сформировали ее обманчиво парадный внешний облик. Ушли многие главные свидетели и участники событий, канули в небытие номера телефонов». В таких обстоятельствах невольно начинаешь сомневаться в точности координат места и времени...

Для кого пишутся воспоминания: для себя или для других?

Подводя к концу свое небольшое повествование, спрашиваю: что же у меня получилось? Точно не мемуары – отсутствует последовательность, связанная с хронологией жизни автора. Эссе или какая-то исповедальная проза, предназначенная для самых близких? Не уверена, да и не важно.

В последние годы я прочитала немало прекрасных мемуаров и биографий, написанных в разные периоды нашей драматической истории безусловно талантливыми людьми. Среди них были не только известные писатели и литераторы³³, но и представители самых разных сословий и профессий³⁴, которые однажды взялись за перо в твердом намерении поделиться с другими людьми моментами своей жизни, воспоминаниями о событиях эпохальных или совсем незначительных.

Читая чужие воспоминания, я вдруг осознала, как причудливо переплетаются в координатах времени и пространства линии жизни людей, живших и задолго до меня, и моих почти современников. И пусть, согласно Булгакову, «восстановить события стройно и последовательно нет никакой возможности», мне важны и интересны их мнения, ощущения, даже мелкие подробности быта; мне близки и понятны их волнения.

Так что же заставляет нас ворошить прошлое? Не просто вспоминать наедине с собой, изредка перебирая письма, фотографии, реликвии, но годами вести дневники (зачем? для кого?), иногда с риском для жизни фиксируя события, иногда бессистемно записывая обрывки мыслей? Неужели всеобщая склонность к графомании и обыкновенное тщеславие (считается, что при написании мемуаров многие приукрашивают собственную персону? Наверное, отчасти и это. Но только отчасти, потому что многие мемуаристы были слишком крупными личностями, чтобы мы могли заподозрить их в подверженности банальным людским слабостям. И вообще, «в хороших мемуарах всегда есть второй сюжет (кроме собственной жизни автора)», о чем справедливо напоминает мудрый и ироничный С. Довлатов.

Теперь, попробовав сама, я, кажется, могу попытаться ответить на этот вопрос по-своему.

Все очень просто: каждый проживает свою жизнь один раз (никто еще не доказал обратного; так же считаю и я). Поэтому мы боимся того, что наши мысли и чувства растворятся с нашим уходом: исчезнет не только материальный носитель информации – мозг, но и его неосязаемый продукт – наша индивидуальная память, потому что опыт, мимолетные ощущения и тем более мысли индивидуума НЕ записываются в последовательности нуклеотидов ДНК и, соответственно, НЕ передаются следующим поколениям.

³³ Какие имена! Д. Лихачев, О. Берггольц, В. Каверин, Ю. Олеша, сестры Цветаевы, И. Одоевцева, Н. Берберова, Ф. Шаляпин, В. Катаев, М. Горький, И. Бунин, И. Губерман, А. Городницкий, Б. Самойлов...

³⁴ Князь Ф. Юсупов, граф Н. Бенкендорф, инженер А. Пирожкова, актриса Т. Петкевич, профессор О. П. Добромыслова...

В прошлом, не таком далеком, поколения одной семьи жили бок о бок, невольно деля информационное пространство, поддерживая тем самым коллективную память семьи (рода) путем передачи опыта, накопленного каждым в течение жизни, устно, потом письменно. Теперь, будучи разобщенными в пространстве, мы компенсируем телефонными звонками или болтовней в интернете недостаток прямого общения с близкими. Но это полдела. А вторая половина заключается в том, что мы чувствуем то ли вину перед ушедшими раньше нас (недослушали, недопоняли...), то ли ностальгию по прошлому, в котором мы были вместе. Я плохо помню своих бабушек и дедушек и уж совсем не помню прабабушек и прадедушек. И вот сейчас, ощущая необратимость утрат, мысленно благодарю, сама не знаю кого, за то, что их лица все-таки сохранились на старинных фотографиях и они до сих пор живы в моих воспоминаниях.

Я долго пыталась как-то обобщить сказанное, но вряд ли смогла бы сделать это лучше одного из моих наблюдательных сверстников³⁵, который пришел к следующему заключению: *«Раньше воспоминания писали, чтобы оценить прошлое, теперь – чтобы убедиться: оно было. Удостовериться в том, что у нас была история – своя, а не общая».*

И тогда я решила зафиксировать хотя бы часть *собственной истории* всеми доступными средствами: не только виртуально в облаках интернета, но и по старинке – устно (стараюсь при любой возможности рассказывать дочери и своим ученикам, рискуя надоесть) и письменно (вот этот текст с фотографиями). И не потому, что не слишком доверяю современным технологиям, а в согласии с принципом дублирования, который обеспечивает надежность функционирования сложных живых и искусственных систем.

Моя функция, как я ее понимаю, на данном этапе заключается в хранении, воспроизведении и передаче информации. Полезной или бесполезной – судить не мне.

Июнь 2014 г., август 2016 г., октябрь 2018 г.

---

³⁵ Генис А. Довлатов и окрестности. М.: Вагриус, 2004.

Огромное спасибо нашему президенту

Я, Тумановская Елена Борисовна, родом из Санкт-Петербурга. Родилась 5 июля 1955 г. в Сталинском районе (сейчас Выборгский), я и мои предки – коренные жители Санкт-Петербурга. Сейчас я на пенсии, но продолжаю работать. Работу свою очень люблю, работаю экскурсоводом в туристической компании «Эклектика Гид».

Моя бабушка, Ильвес Аделя Анетта Иоанновна, родилась 14 сентября 1906 г. в Санкт-Петербурге. Отец, Ильвес Иоанн, – ремесленник. Мать, Мелания, наоборот, была домохозяйкой. Мой дедушка, Кингу Рудольф Яковлевич, родился 24 мая 1900 г. в Санкт-Петербурге, по национальности эстонец. Его отец, Кингу Як, был замечательным мастером и за пианино «Малютка» был удостоен серебряной медали на выставке в Париже. Это пианино находится в музее Музыкальных инструментов в Шереметьевском дворце, а грамота – в музее истории города. Он имел четырех работников. Умер в блокадном Ленинграде 31 января 1942 г.

Мать, Пельдман (Пожаринова) Юлия Христиановна, была эвакуирована в годы Великой Отечественной войны. А жили они на Стрельнинской ул., д. 2.

У дедушки – два брата: Леопольд (1908 г. р.), Иван (1912 г. р.) и сестра Эльвира. Дедушка Рудольф Яковлевич с 1918 по 1923 г. служил в Красной армии в качестве переписчика, был в плену в армии Деникина, с 1 октября 1919 г. по 20 марта 1920 г. находился в концлагере. В 1929 г. работал в артели «Посудометалл, потом на телефонном заводе «Красная заря». По профессии – столяр; образование – четыре класса сельской школы.

В 1927 г. женился, у них было двое детей: моя мама, Клара Рудольфовна (1921 г. р.), и Маргарита Рудольфовна (1930 г. р.). Они приобрели в 1934 г. паевую квартиру на Лесном пр., д. 34/3, кв. 23.

12 сентября 1941 г. дедушка был арестован. Погиб при этапировании 14 ноября 1941 г. 18 ноября 1969 г. дело отменено и по нему он реабилитирован. О месте смерти сведений нет – известно, что в РСФСР.

А бабушка, А. И. Ильвес, работала в годы Великой Отечественной войны на заводе № 349 штамповщицей.

Мама училась в школе № 105 на улице Смолячкова. Весной 1942 г. они были эвакуированы на Алтай. После возвращения в 1944 г. у них из трех комнат осталась одна. Затем мама заболела туберкулезом, и они с первого этажа поменялись на четвертый этаж в этом же доме в кв. 11. Тут прошли мои детство и юность. Здесь я жила до 18 лет. Помню своих замечательных соседей. Жили дружно. Тогда был только один выходной – воскресенье. И моя бабушка утром пекла пироги, всегда всех угощала. А мы, школьники, во дворе устраивали концерты: читали стихи, разыгрывали сценки. До сих пор вспоминаю дни детства. У нас в семье было пять человек: бабушка, мама, папа, я и мой младший брат. Мы очень радовались, когда родители купили телевизор КВН, потом магнитофон.

Училась я в школе № 109, где учились и братья Стругацкие, и Герой Советского Союза Игорь Графов. А потом здесь преподавал историк Густав Александрович Богуславский, который стал моим наставником, и благодаря ему (он был председателем Клуба знатоков нашего города) я стала хорошим экскурсоводом. А ведь я окончила на Мойке 26-е кулинарное училище и стала поваром четвертого разряда. Работала в столовых Выборгского района, потом поваром в курсантской столовой ВМА им. С. М. Кирова, училась в вечерней школе, потом шесть лет училась в Институте советской торговли им. Ф. Энгельса. Стала инженером-технологом общественного питания, но любовь к городу все изменила, и теперь я экскурсовод – хобби стало любимой профессией.

Мой папа, Майков Борис Александрович, родился 11 июля 1928 г. в Ленинграде. Мой дедушка, отец папы, Майков Александр Арсеньевич, умер на фронте 29 января 1942 г. Моя бабушка, мать папы, Одинцова (Большакова, Майкова) Мария Дмитриевна, с 1935 г. работала санитаркой в Больнице им. С. И. Боткина, в том числе в годы Великой Отечественной войны, – отсюда и ушла на пенсию. А жили мой папа, его мама, сестра папы тетя Женя, участник прорыва блокады, ветеран войны, – на Садовой ул., д. 101.

Мой папа после смерти мамы, 18 июля 1988 г., пошел в лес за грибами и пропал. Мы долго искали, но так и не нашли и даже не знаем, где его могила.

В 1973 г. – большая радость: после того как получили документы о дедушке, нам дали трехкомнатную квартиру на пр. Культуры, д. 7. Так как мама с папой к тому времени были в разводе, папе дали комнату отдельно на Лесном пр., д. 61. Эта комната пропала, поскольку дедушка пропал и его выписали якобы по случаю смерти, но его мы так и не нашли и свидетельства о смерти нет.

Бабушка многое пережила и через несколько месяцев умерла 10 сентября 1973 г., а в этот день моей маме исполнилось 45 лет.

В 1976 г. я вышла замуж за курсанта ВВМУ им. М. В. Фрунзе – Васильева Александра Сергеевича. 21 октября 1977 г. родилась дочь Валентина, 11 марта 1981 г. – дочь Анна. Так как муж был военным, мы много путешествовали. Жили в Магадане и в Петропавловске-Камчатском, а здесь я оставляла бронь. В 1988 г. умерла мама. И в этой квартире на пр. Культуры были прописаны: я, мой брат Николай, мои дочери Валя и Аня. В 1992 г. мы переехали в Московский район на Краснопутиловскую ул., д. 91. Это маленькая четырехкомнатная квартира – 36,78 м².

В 1993 г. мой муж встретил другую женщину, мы развелись, и началась моя полоса неудач. Мой брат занимался каким-то бизнесом, накопил много долгов, а так как он был прописан в этой квартире, я с двумя малолетними дочерьми осталась просто на улице, спасая своего родного брата и веря в его благородство и сознательность, а он оказался не таким. У него есть дом, своя крыша над головой, семья. Он живет в квартире жены и тещи. Он просто забыл о своих родных, когда его проблема была решена. А я с 1993 г. – бомж, как и мои дочери. Спасло то, что у нас много хороших людей. В те годы я работала мастером производственного обучения, и в лагере труда и отдыха познакомилась с девушкой Олей. Она посоветовала обратиться к ее другу Николаю, сказала, что он живет с бабушкой, нуждается в деньгах и может мне сдать комнату. Как я была рада! Дочерей устроила в школу, есть комната, плата небольшая, нашла работу, в то время я уже работала экскурсоводом на Дворцовой площади. Здесь моя дочь нашла свою любовь. Друг Николая Андрей стал моим зятем. Он воспитывался в детском доме, у него погибли родители, когда ему было 9 лет. У зятя комната на улице Зайцева, куда моя дочь и переехала. Внуку моему уже 17 лет, он оканчивает школу, будет куда-то поступать. И в этом же году им дали по молодежной программе однокомнатную квартиру в Парицах, в Гатчинском районе Ленинградской области, на двухкомнатную им не хватило денег.

Младшая дочь, Анна, много писала, даже судилась, что она, когда мы потеряли жилье, была несовершеннолетней. И благодаря нашему президенту В. В. Путину ей дали квартиру в Кировском районе. Сейчас она окончила вечернюю школу, институт и 7 декабря 2015 г. родила дочку. Теперь у меня внук и внучка.

В 2002 г. меня поставили на учет, получила медицинский полис, каждый год прохожу регистрацию. Я много писала и Д. А. Медведеву, В. В. Путину, В. И. Матвиенко, Г. С. Полтавченко. Огромное спасибо нашему президенту, нашему губернатору Г. С. Полтавченко – меня в 2014 г. признали нуждающейся в жилищных условиях, поставили на очередь, сейчас номер 7781, но самое главное – мне предоставили очень хорошую комнату социального найма на Заозерной ул., д. 8, прописка временная. В июле регистрация заканчивается, но, я думаю, нам продлят, ведь идти некуда. Здесь очень хорошие условия, хорошие люди. Они

тоже оказались в трудных условиях и всем, что нам предоставили, очень дорожат. Только одна соседка этого не ценит и совсем не ухаживает за своим парализованным мужем.

Еще раз хочу сказать огромное спасибо нашему президенту В. В. Путину, губернатору Г. С. Полтавченко, что было принято решение помогать тем, кто оказался в 1990-е гг. в таком положении, а ведь многие в то время по разным причинам лишились жилья, остались на улице. Ведь купить жилье пенсионерам невозможно – пенсия маленькая, ее хватает только на скромную еду, одежду, лекарства.

Очень плохо только то, что нет постоянной прописки, каждый год надо проходить регистрацию, комиссии и переживать, чтобы оставили жить дальше. А все условия мы выполняем и своевременно оплачиваем жилье. Вот если бы, пока идет очередь, решили вопрос о прописке – ведь идти нам некуда.

А условия у нас просто шикарные: и большая кухня отделана кафелем, и электроплиты новые, и горячая вода, душевые кабины, стеклопакеты. И живут здесь жители нашего города. Вот я здесь родилась, здесь жили мои предки – куда мне идти? Мои корни здесь.

Дедова будка. Квартира 6

В моей творческой биографии – более двух десятков книг о Петербурге, масса статей в периодических изданиях. Но если мне суждено войти в историю питерской журналистики, то это произойдет благодаря небольшой статье в газете «Санкт-Петербургские ведомости», которую меня настоятельно просил написать ведущий рубрики «Город в наследство» Сергей Глезеров. Речь шла о деревянной будке на улице Ломоносова, которую соорудил мой дед. После публикации статьи я услышал столько хвалебных слов, сколько не слышал никогда. Так что воспоминания о квартире моего детства стоит начать со статьи «Дедова будка»:

Более шестидесяти лет на улице Ломоносова, д. 9, за оградой у старого входа в институт холодильной промышленности стоял небольшой деревянный домик вроде тех, что и сейчас можно увидеть на пригородных земельных участках.

Этот домик был отчасти предметом моей гордости, поскольку он представлял собой редкий образец деревянной постройки в самом центре города, а автором его был... мой дед Игнатий Малахович Ерофеев. Вовсе не архитектор и даже не плотник, а обычный дворник, приехавший в Ленинград с семьей в 1929 году из деревни Гоголевки, что находится в Смоленской области. В Ленинграде он устроился дворником, жить вначале пришлось в подвальном помещении, только после войны разрешили переселиться в шестую квартир у дома 9, в которую не вернулись ее прежние хозяева. Эта квартира и стала родной для автора этих строк, как и двор, в котором было аж три садика. Тополя, росшие в них, были посажены тоже моим дедом и дедом Костей, его другом, также приехавшим вместе с дедом из Гоголевки в год великого перелома.

А домик у ворот, построенный Игнатием Малаховичем в первые послевоенные годы, служил дворницкой будкой, в которой хранился весь нехитрый инвентарь. Когда я родился, дед уже был на пенсии, но очень любил отдыхать на лавочке, которую поставили около будки.

В 1968 году жилой дом института расселили, дом надстроили и удлиннили, сады практически уничтожили. Несколько лет будка – мы называли ее только так –

пустовала. Затем она превратилась в сторожку, а уже в 1990-е стала пунктом охраны. Ее незначительно перестроили – исчезло крылечко, перекрасили из зеленого цвета в коричневый.

И вот в апреле 2017-го ее демонтировали, на месте будки появился аляповатого вида вагончик.

Я зашел в свой старый двор. Тут же из металлического вагона в глубине двора вышел охранник и потребовал покинуть территорию. На мой вопрос, куда девалась будка, ответил, что увезли на реставрацию. Я не поверил. Вскоре я повторил свой маршрут и вновь заглянул во двор. История с охранником повторилась, хотя дежурил другой. И что удивительно, он также сказал, что будку увезли на реставрацию.

– Не видите разве, что это времянка?! – недовольно воскликнул строгий сеньюрити.

А для меня этот недовольный вопрос был как бальзам на душу. Ах, как было бы здорово, если б дедова будка вновь вернулась на свое место. Ведь она, при всей своей простоте, совершенно не портила панораму улицы Ломоносова.

Будку, конечно, не восстановили.

Дедова будка действительно некоторым образом была продолжением квартиры, потому что дом наш стоял в глубине двора, за садиком, все соседи друг друга знали, и таким образом двор был продолжением дома.

Я не помню, чтобы мальчишки и девчонки из дома 9 по улице Ломоносова ломали ветки, бросали бы мусор посреди двора. Не было этого! Чужаки приходили, подчас прижимали малышня за углом и требовали десять или двадцать копеек. Но это было редко, дворники свое дело знали, и потому хулиганы их побаивались.

А вот чего я в детстве не то что побаивался, а просто серьезно боялся, так это темного коридора в нашей квартире.

Квартира была с двумя выходами, на парадную лестницу и на черную. До Великой Отечественной войны в ней жили преподаватели института холодильной промышленности. Отец, Дмитрий Игнатьевич, рассказывал мне, что те не вернулись из эвакуации и его семье разрешили перебраться в пустующую квартиру. А до войны они с сестрой и родителями – моими бабушкой Анастасией Николаевной и дедом Игнатием Малаховичем – жили в подвале. Мне это было слышать удивительно, поскольку подвал, который мне показывал отец, давным-давно служил столярной мастерской, и в моей детской голове никак не укладывалось, что там можно было жить...

Однако возвратимся в нашу шестую квартиру. Так вот, дедушка и бабушка ходили только через черный ход, родители – только через главный, ну а мы с моей старшей сестрой – там, где нам было удобней. Детям все равно.

Квартира наша была четырехкомнатной, мы занимали три комнаты, которые были устроены по коридорно-анфиладной системе. То есть, входя с главной лестницы, мы попадали в прихожую, из которой можно было попасть в детскую и в большую комнату, гостиную, которую занимали родители. Из гостиной можно было попасть в детскую и комнату бабушки и дедушки, которая тоже была проходной – она вела в кухню через ванную комнату. Да, ванная была проходной. Уборная, а в 1960-х слово «уборная» употребляли чаще, чем слово «туалет», располагалась за ванной и входить в нее надо было из коридора, которого я чурался. Но тут было не страшно, поскольку в него нужно было только зайти и тут же спрятаться за дверью уборной. А уборная была с окном, которое выходило на черную лестницу. Оно чаще всего было открыто, туалет проветривался. Кухня в нашей квартире была огромная – двадцать пять квадратных метров. Когда мы переехали в девятиэтажный дом на Гражданском проспекте (дом 90, корпус 1, квартиры 81), бабушка, войдя на кухню, была, мягко говоря, обескуражена. Ее метраж не превышал пяти квадратных метров. Однажды, после переезда, она вышла из подъезда посидеть на скамейке с другими старушками, поговорить о жизни. Когда она сказала о размерах нашей кухни в доме на улице Ломоносова, ее сочли сумасшедшей или вруней. С тех пор она из квартиры на Гражданском практически не выходила, да и все ей там было неродным, хотя квартира ей нравилась – у нее была своя светлая комната, любимым местом отдыха служила лоджия...

Впрочем, квартира на Гражданском – это другая история.

Так вот, мы занимали три комнаты, а в четвертой жила старушка, которую звали Устиньей Захаровной. Фамилия ее была Грошева. В ее комнату можно было попасть только через кухню, а из кухни-то и был выход на черную лестницу. Устинья Захаровна пользовалась только черным ходом. Старушка была тихая, иногда она приглашала меня к себе в гости, угощала леденцом или пряничком. Все ссоры, которые были между ней и бабой Настей, прошли мимо меня, а они точно были. Наверное, коммунальные кухни без этого не обходятся. Правда, я никогда не считал нашу квартиру коммунальной. И была только кухня и туалет, ванной Устинья Захаровна никогда не пользовалась, она считалась только нашей. Мы, впрочем, тоже пользовались ею мало. Сломалась какая-то нагревательная система, и горячую воду в ванну можно было наливать только из кастрюль, предварительно накипятив на газовой плите. Это было слишком хлопотно, и потому меня купали, как в то время водилось, в корыте. Кроме того, мы с отцом регулярно ходили в баню. Чаще всего – в Щербаковские бани, которых, увы, давно уж нет. Зато память о них осталась в стихотворении Семена Ботвинника «Щербаков переулочков...».

Ну а коль вспомнилась мне поэзия, то как не вспомнить любимое советское кино? В одной из новелл фильма «Волшебная сила искусства» рассказывается

о хамах-соседах, которые не дают жизни пожилой учительнице. И вот ее бывший ученик, роль которого исполнил блистательный Аркадий Райкин, решил их проучить. Есть там такой эпизод, когда он, ввалившись в квартиру якобы ради обмена, пугает соседей-хамов. Не могу не сказать, что их великолепно сыграли артистка Театра музкомедии Анна Лисянская и актер БДТ им. Горького Павел Панков. Подойдя к ванной, Райкин говорит: «Ванна хорошая, емкая. А мы в ней на зиму огурцы засолим! Во закусь!» – и, обращаясь к Лисянской и Панкову, добавляет, мол, ничего, не баре, перед праздниками будете в баньку ходить...

У нас ванна была тоже глубокая, емкая. Огурцы мы в ней не засаливали, зато рыбы в ней плавали довольно часто. В магазине на площади Ломоносова и в специализированном рыбном магазине на углу Невского и улицы Рубинштейна всегда продавалась живая рыба. Мама покупала то карпа, то сома. Вот они-то потом и становились жильцами емкой ванны. Жили они там по несколько дней. Мы с сестрой их кормили. Причем по-детски беспорядочно. В воде плавали куски булки и хлеба, макароны или вареная картошка. Нас, конечно, ругали за такое кормление, воду меняли, но все повторялось снова.

Думаю, если б нас хоть однажды заставили помыть ванну или хотя бы очистить ее от остатков того, что не пришлось по вкусу карпу или сому, мы бы стали осторожнее подходить к процессу кормления. Но если родители и пытались это сделать, горой за нас вступалась бабушка! Они, мол, маленькие, я все сама приберу. Для бабушки мы всегда оставались маленькими и несамостоятельными.

Ну, кажется, пришла пора переместиться в коридор. За десять лет жизни в квартире на улице Ломоносова я, наверное, не чаще одного раза в месяц оказывался в нем, и то лишь когда кто-то зажигал в нем свет, чтобы убрать на лето зимнюю одежду или, наоборот, что-то вытащить из запасников. Между тем в этом коридоре был встроенный шкаф с полками, на которых стояли книги. Книги я любил, читал довольно много, но детская литература помещалась в комнате, а там стояли книги более серьезные.

Надо сказать, что в нашей семье было популярно семейное чтение. За это спасибо отцу. Он обладал неплохими артистическими способностями и хотел стать актером, но родители возмутились: «Дима, ты что, с ума сошел? У нас перед окнами Холодильный институт! Будешь инженером!»

На своем он не сумел настоять, не хватало отцу характера всю его жизнь, но нерастрченную артистичность он нередко использовал в жизни. Не всегда, правда, к месту, но все же... Однако те вечера, которые мы проводили за чтением, забываемы. Больше всего мне запомнилось, как он читал рассказ «Яичный переполох» Джека Лондона.

Вовремя прочитанная нужная книга – важная штука. Возможно, благодаря первому знакомству с Джеком Лондоном, я заинтересовался этим писателем и в юности своеобразной путеводной звездой мне стал его роман «Мартин Иден».

Помните, как у Владимира Высоцкого в «Балладе о борьбе»:

Если путь пролагая отцовским мечом,
Ты соленые слезы на ус намотал,
Если в честной борьбе испытал, что почем,
Значит нужные книги ты в детстве читал.

Самыми нужными книгами раннего детства стали для меня сказки и стихи Корнея Чуковского, повести Николая Носова про Незнайку, который и сегодня для меня – самый любимый герой. Дурашливый, непутевый, но веселый и добрый Незнайка...

Потом были «Денискины рассказы» Виктора Драгунского, которые побудили меня взяться за перо. Первые рассказы я написал лет в семь, – правда, все они были про Героев Советского Союза, которых я выдумал. И про подвиги их тоже выдумал. Чуть позднее я взялся за повести, вот тут-то и стал подражать Драгунскому. Первая моя повесть «Невезучий человек» чудом сохранилась. Но речь не об этом, а о том, какую роль сыграли в моей жизни эти вечера в большой комнате, когда она превращалась в читальный зал.

А еще в ней был телевизор. Около шести вечера начиналась трансляция на ленинградском телевидении. Мы с сестрой забирались в кресло, почему-то нам было не придвинуть два кресла и всегда теснились на одном. Появлялась картинка с видом Смольного и смольнинских пропилеев, играла музыка Василия Павловича Соловьева-Седого, а потом наступало время детской передачи. Вела этот цикл Инна Широких, а любимым героем был Жаконя, который говорил голосом артиста Большого театра кукол Кукушкина (имя артиста забыл).

В большой комнате стоял сервант, в котором всегда хранились конфеты. Мне никогда никто не запрещал их есть, но какая-то страсть стянуть во мне присутствовала. Я тихонько закрывал все двери в комнату, а их было три, затем аккуратно открывал ключиком дверцы серванта и доставал две-три конфетки. Любимыми были «Ананасные», «Кара-Кум» и «Белочка». С конфетами в доме проблем не возникало, поскольку нашей хорошей знакомой была директор «Белочки» – знаменитого кондитерского магазина на углу 6-й линии и Среднего проспекта – Лидия Ивановна Малюкова.

Зато бабушка сталкивалась с проблемой моего кормления. Я ел плохо. Особенно не любил супы. Никогда не забыть, как я сижу перед тарелкой супа,

покрывшегося слоем жира, – бабушка всегда варили очень жирный, наваристый бульон. Она его несла подогревать, возвращалась с горячим. Я снова не ел, поскольку было горячо, потом он остывал, покрывался жирной коркой и так по кругу...

Ели мы всегда в комнате, в которой жили баба Настя и дед Игнат. Деду было за семьдесят, чаще всего он лежал на кровати, но не оттого, что был стар и ленив. Ленивым он никогда не был, наоборот, был очень работающим, статным мужчиной. Родом баба с дедом были из деревни Гоголевки Монастырщинского района Смоленской области. В Ленинград приехали в 1929 г., вероятнее всего, из-за того, что не желали идти в колхоз в период массовой коллективизации. Кстати, с ними приехала и еще одна семья Дмитриевых-Чертковых, старейшиной в ней был дедушка Костя. Они дружили до самой смерти и, почти как в сказке про счастливую супружескую пару, умерли почти в один день. Узнав о смерти деда Кости, мой дед резко сдал и через две недели, 27 апреля 1968 г., его не стало. Больше всего дед боялся умереть в день рождения моей мамы Елены Александровны Ерофеевой (урожденной Сахаровой). Он буквально дотерпел до следующего дня. К слову, такую же ответственность чувствовала через девять лет баба Настя, боясь испортить день рождения моей сестры Веры. Я помню, как она причитала на этот счет, хотела скорее перейти в мир иной, чтобы никого не мучить своей болезнью и немощью, но только не 26 сентября. Дотерпела, тихо умерла на следующий день...

Да, возвращаясь к их переезду в Ленинград, скажу, что здесь они устроились дворниками. Деда в Холодильном институте знали почти все профессора, жалели, что он не получил должного образования, потому что был он грамотным и умным человеком. Но так уж сложилось. Природа наградила его крепкой физической силой, при этом дед никогда не курил, а если прикасался к рюмке с водкой, то разве что по праздникам, да и то, кажется, не выпивал больше пятидесяти граммов. Не любил он пьянства.

К тому моменту, когда я появился на свет, дед был хромым. Однажды он мыл институтские окна на втором этаже и упал на улицу. Перелом дал о себе знать, да и мизинец на правой руке никогда не разгибался. Вот потому-то деду легче было лежать, а не сидеть.

Лежа, он всегда слушал радио. Любимой передачей были «Последние известия». Я не понимал, почему по радио объявляли о том, что они последние, а потом повторялись вновь. Дед терпеливо мне объяснял, что слово «последние» в данном случае означает, что самые свежие.

Его кровать стала для меня местом обучения грамоте. Я забирался на стул, переползал по его животу к стенке и учился читать. Если дед не слушал радио, он обязательно читал. Я помню, как он восторгался книгой Ильи Шкапы «Семь лет

с Горьким». Ну а главной его газетой была «Правда». По ней и я учился читать. Было это так. Дед показывал буквы, и я говорил: «Пэ, рэ, а, вэ, дэ, а... И что выходит? Газета».

Это уж я передаю со слов мамы.

Комната их была небольшой, метров тринадцать, но одно время в ней, помимо дедушки и бабушки, жила их дочь Мария. Она умерла, когда мне было полтора года. Но самое удивительное, что я помню ее. Это было связано с тем, что я получил огромные занозы, ползая в большой комнате. Испугавшись, я спрятался под обеденный стол в комнате бабы с дедом. Когда меня нашли, решили занозы вытаскать, но я упирался как мог. Детская память сильна. И никогда я не забуду, что держали меня за все четыре конечности четыре человека, а пятый вытаскивал занозы. Сестра не могла принимать в этом участия, девочки шести лет не хватило бы сил удержать мою руку или ногу, да и родители испугались бы поручать ребенку такую ответственную миссию.

Вот только этот эпизод и зафиксировал в памяти папину сестру. Кстати, вот интересный момент. Все мы были Ерофеевыми, а она – Малахова. Как так получилось? А вот как. В Гоголевке, где давали документы, маленькую Марию (1916 г. р.) записали Малаховой, поскольку ее отец был Игнатом Малаховым сыном Ерофеевым. Вот так она и осталась Малаховой, как боковые родственники по дедовой линии, а двое других детей Анастасии Николаевны и Игнатия Малаховича, Владимир и Дмитрий, получили законную фамилию.

Ну а с этим обеденным столом связана еще одна история.

Я очень любил стоять у ограды, рядом с воротами, ведущими в наш двор. Эта ограда и сейчас жива. Я следил за машинами, считал, сколько за определенный период проедет автобусов 14-го и 25-го маршрутов, высчитывая потом интервал движения, удивлялся тому, что на 14-м маршруте всегда работали львовские автобусы (ЛАЗ), а на 25-м – ликинские (ЗИЛ-158).

И вот однажды я увидел болтающийся провод. Я решил покачаться на нем. Схватил руками – и меня так затрясло! Провод был под током. Как-то от него оторвался и в полном ужасе прибежал домой по черной лестнице и спрятался под стол. Сколько я там просидел и кто меня вытаскил – этого уже не помню. Но с той поры я с большой опаской отношусь к электрике. Ввернуть в люстру лампочку – пожалуйста, а если надо сделать что-то более сложное по электрической части, приходится вызывать специалиста.

Описывая нашу квартиру, я ничего еще не рассказал про детскую. В ней были диван, на котором спала моя сестра, и канапка, на которой спал я. Еще был письменный стол. Сперва за этим столом делала уроки сестра, а потом три года я. В комнате мы играли, причем часто в гости к нам приходила ее подруга Наташа

Андреева из восьмой квартиры, находившейся напротив. С этой квартирой связана история моего кормления. Мне очень нравилось посещать Андреевых в их комнате, расположенной в по-настоящему коммунальной квартире. Тетя Дуся, мама двойняшек Наташи и Володи, вкусно готовила и всегда чем-то угощала. Дома же мне многое не нравилось, разве что конфеты и печенье. Так вот, мама пошла на хитрость. Она дома варила картошку и относила кастрюлю к тете Дусе. Та звала меня отведать картошечки и чего-нибудь еще к ней, котлетки или колбасы, я с удовольствием приходил и уплетал за обе щеки, а маме с бабушкой говорил потом, что тетя Дуся умеет вкусно готовить, а вы – нет. Учитесь, мол. Надо же, каким я, оказывается, был поросенком!

Приходили гости и ко мне. Но все же чаще мы с моими сверстниками и детьми помладше играли во дворе. Бабушка тогда говорила: «Пошел играть с гузельками». Гузельками она называла всех малышей, а пошло это от татарской девочки Гюзели, которую мы чаще называли по-русски Галей. Она была дочерью дворничихи. Муж этой дворничихи запомнился только тем, что много и беспробудно пил и умер, отравившись политурой. Тем не менее он сумел оставить после себя потомство в виде трех девочек: Гюзели, Раи и Софьи. Надо сказать, что Гюзель-Галя была очень симпатичной. Когда я пошел в третий класс, а она стала первоклассницей, бабушка начала допускать мысль, что «Алеша вырастет и может жениться на Гузельке». Но в первом классе школы № 213, которая в 1960-е гг. находилась у Пяти углов, я влюбился в Марину Юрцеву, самую красивую девочку первого «А». Серьезно. Потому что, когда я показывал общую фотографию нашего класса, все находили самой красивой Марину.

Галя же была просто подружкой.

Ну а тем, что мне с раннего детства нравились красивые девочки, я обязан маме, заслуженному тренеру РСФСР. Вся ее жизнь была связана со спортом, с художественной гимнастикой, она стояла у истоков этого вида спорта. Часто я приходил в зал Дворца пионеров им. А. А. Жданова, где она работала, и присутствовал на тренировках, наблюдая за грациозными движениями девочек. Хоть я был мал, но глаза застывали на старшеклассницах, отличавшихся уже в полной мере женскими формами. С мамой я ездил в летние лагеря и там находился, что называется, в цветнике. Впрочем, это уже другая история. Добавлю только, что ей я обязан жизненной энергией и целеустремленностью, если она у меня есть. Мама работала до 88 лет, последние четверть века – хореографом в ансамбле «Юный ленинградец».

А дело ее жизни в высшей степени достойно продолжает ее ученица – вице-президент Федерации художественной гимнастики России, заслуженный мастер спорта Татьяна Иосифовна Колесникова (урожденная Сац).

Мой папа тоже был спортивным человеком, играл в баскетбол за свой научно-исследовательский институт «Гипроникель», который тогда находился на Невском, д. 30, этажом выше Малого зала Ленинградской филармонии.

В августе 1968 г. мы были вынуждены уехать из центра города на Гражданку. Институту потребовался наш жилой корпус для расширения учебных площадей. Здание надстроили двумя этажами, исказив до неузнаваемости его исторический облик. Был уничтожен один из садиков, который мой дед с дедом Костей разбили после войны. Остались, правда, два других, один внутри двора, а второй – за оградой. Однако на садик он уже не очень-то похож. Но тополя, посаженные дедом Игнатом, еще шумят...

Мы никогда не возвращались в тот же дом (Интервью с Земнуховой (Хамитовой) Рузалией Зульфакаровной)¹

Р.: Мы жили в Кемеровской области. Есть такой вольный городок. Туда мои родители приехали – по их разговору, они приехали туда к маминим родителям. Но не ужились и сняли там жилье. И потом построили себе хороший, большой, крепкий дом. Вот его я помню очень смутно. Мне было пять лет, когда мы уехали. Но я очень хорошо помню цвет забора, допустим, или что было много комнат. Что у нас были козы, коровы, свое хозяйство. И когда мне исполнилось пять лет, мы переехали в Казахстан – в город Алма-Ату.

И.: Почему?

Р.: Потому что у мамы есть брат, вернее, был брат, постарше нее – он жил в Норильске. Большую часть жизни прожил в Норильске. Он там служил в морфлоте семь лет и там же и жил. И когда приехал в отпуск к своим родителям, ему не понравилось там. Угольный городок, экология и прочее. А у него друг какой-то имел жилплощадь в этой Алма-Ате. И он к нему в гости ездил, ему там понравилось. И он перевез маминых родителей в этот город. А мама вслед за ними поехала туда же в Алма-Ату. Вот так получилось жилье. Мы приехали в Алма-Ату, я помню. Хорошо, что мы сначала купили очень маленький домик, половинку домика. Там была комната и кухня. И все. Но через некоторое время расширились и купили хороший дом, по крайней мере побольше. У меня папа был мастером на все руки, он пристроил комнату или даже две комнаты, я точно сейчас не помню. Но я точно помню – он много пристраивал. И мы перебрались туда. Жили в своем доме. У нас был большой огород. Кроме птицы, у нас не было другой живности. Переехали в 1961 году. Значит, жили там по 1966 год. Потом мы переехали в Казань, потому что там ожидалась большая сель. В Алма-Ате ожидали очень большую сель и думали, что может затопить город. Алма-Ата находится в горном ущелье, и там сползал ледник. Если бы он сполз в сторону города, там как бы чаша

---

¹ Интервьюер – Светлана Николаевна Игнатова.

с водой была бы под ледником. И эта чаша с водой вылилась бы на город, и город бы затопило. Там решали этот вопрос на высшем уровне, что делать с этим ледником, и пытались его перекинуть на другую сторону. Но никто не гарантировал, что это получится. Поэтому в городе у нас, это я хорошо помню, мне тогда было десять лет, постоянно выли сирены, постоянно нас готовили к тому, что нас придется эвакуировать. Не увозили нас никуда, мы на определенных пунктах там собирались – в общем, репетировали. Родителей, конечно, это очень волновало, и они решили уехать. Продали дом и переехали в Казань.

И.: А много уехало людей из Алма-Аты?

Р.: Я, конечно, не могу такого сказать, я была еще ребенком. Я даже знаю, что с нашей улицы уезжало много людей. У нас улица была сама по себе длинной, но наш пятачок был очень общительным, мы друг друга знали, общались и праздники всегда отмечали вместе. У наших соседей через двор был очень необычный двор, у них там на два хозяина был двор, и перед домом был двор достаточно большой. Вот в этом дворе этот пятачок все время собирался, и там отмечались все праздники вместе. То есть жили очень дружно.

И.: Многонациональный двор?

Р.: Да. Ну вот я татарка, родители мои татары. Те, которые жили во дворе, где мы встречали все праздники, были русские. Дальше две женщины жили – они были еврейками. Там дальше были русские. Сюда ближе тоже евреи жили. И казахи там жили, и чеченцы. Мы тогда как-то не разделяли никаких наций. Одно скажу: мы настороженно относились к чеченцам, потому что у них не очень открытые семьи были. И хоть я с этой девочкой училась в одном классе и вроде как мы и общались, я никогда к ним домой не приходила. Они к нам приходили, вроде как и общались, праздники в этом дворе встречали, но к себе они не приглашали. А потом мы уехали. Почему мы уехали в Казань? Потому что папа у меня был родом из Казани. Я тоже родом из Казани. И там у него жила мама, был брат, две сестры. Мы уехали в Казань и жили у бабушки, то есть у папиной мамы. Домик там был небольшой. По сути, там было две комнаты и кухня. И нам, естественно, там было тесно. Мы год прожили и за этот год построили себе небольшой домик (насыпушка называется – две стены и между ними насыпная) на окраине города, там назывался район Нахаловка. То есть строили нелегально. И чтобы не снесли, мы сразу туда переехали и там жили. Там мы прожили всего два года, вернулись в Алма-Ату. Но ненадолго и уехали на Север. Мои родители поехали работать на Север, зарабатывать деньги. Почему опять же поехали в определенное место – в Якутскую ССР, называется прииск Депутатский. Добывали олово, золото. Почему именно в это место – там мамина родная сестра жила. Точно так же они приехали на заработки, там у ее мужа брат работал, к себе туда переманил. А так как

мы жили не скажу что очень хорошо, у меня папа – обычный рабочий был. Он был электриком очень высокого класса. Во время войны, будучи еще молодым человеком, он работал на вертолетном заводе в Казани, который во время войны выпускал самолеты. И он занимался электрооборудованием самолетов. В свое время он окончил ремесленное училище, поэтому его на завод и взяли.

И.: А почему он из Казани уехал?

Р.: Из Казани он уехал. Он не уехал, он сидел в сталинских лагерях. Восемь лет он сидел в лагере, потом был на поселении, и там они с мамой познакомились. То есть в Норильске. Мама тоже была в Норильске. Это второй брак, она с первым мужем разошлась и уехала к своему брату в Норильск. Она сбежала от своего мужа туда в Норильск. И там потом познакомилась с моим будущим отцом.

И.: По образованию она кто?

Р.: Мама? У нее нет образования, у нее десять классов и курсы продавцов, она сначала продавцом работала. Потом она, в Норильск когда уехала, окончила там курсы крановщиков, крановщицей работала. Потом, в Алма-Ату когда приехали, она работала, там был большой завод имени Кирова, тоже она там какую-то переподготовку прошла и была инструментальщицей, выдавала инструменты. А отец так всю жизнь и проработал электриком. Менялась только специализация. То он был электриком по монтажу, то на самолетах. То он переучился, когда война уже закончилась, на монтажника-высоковольтника. Он как бы неплохо зарабатывал, но семья, трое детей... И мы жили очень скромно. И вот мы уехали на Север где-то в 1968 году. Это Крайний Север считается. И живя там, считается, что это материк, а мы на полуострове жили, недалеко от моря Лаптевых. И еще я не сказала один момент – папа после всех этих лагерей выпивал. И я, может быть, на почве этого переживала, и бабушка меня забрала. То есть я на Севере прожила полтора года. Потом я возвращалась на Север, но просто так, на один год. А родители там прожили восемь лет, но они расходились. На Севере папа сам построил дом.

И.: А легко тогда было получить участок?

Р.: На Севере это было очень просто. Потому что сам прииск, ядро прииска было уже разобрано. Какие были государственные домишки – они были барачного типа, все временное, все барачное. Это уже было все забито. На Север тоже приехать было не просто так. Нужен был обязательный вызов или приглашение. Туда пропуск был. Мамина сестра родителям сделала. И я знаю точно, что папа работал на приисках, оборудование обслуживал. А мама там окончила курсы и пошла поваром работать. По поводу стройки сказать точно не могу, но настолько это все было просто. Тоже на самом краю прииска был дом, вместе с мужем моей тети они построили большой дом. Как большой – относительно прииска большой. Они его разделили, на одной половине жили мы, на другой

половине жили они. Там ни участков нет, это же Крайний Север, в вечной мерзлоте ничего не растет. Даже заборов там нет, никаких запоров. Вообще, по крайней мере, и мама так говорит, мне очень нравилось там. Настолько там были открытые люди. Там никогда не закрывали свои дома. Никто никогда ничего ни у кого не брал. Я за все время там помню труп нашли человека. Да и то в сезонное время, к нам приезжали работники – самая горячая пора была, добывали олово, золото. И вот приезжали эти сезонники к нам на работу. И вот один раз кто-то кого-то убил. Я не помню, чтобы кто-то у кого что-то крал. Мы нашу милицию, можно сказать, и не видели никогда. Там, конечно, блага были очень такие, там не было холодильников, не было телевизоров, ничего такого. Единственный был кинотеатр. Все больше такого ничего развлекательного не было. Люди приезжали туда с определенной целью заработать деньги. Но я вам хочу сказать, что это были настолько теплые отношения, коммунизм настоящий, как про него воображала бы я, допустим. Потому что настолько были люди открытые и доброжелательные, что было просто удивительно. Даже отец как-то потерял деньги, кошелек свой – там получали хорошую зарплату. Он получил зарплату около 1000 рублей, тогда это были очень большие деньги, хотя в прииске этом стоило очень дорого, и ничего не было, каких-то там телефонов. И он не помнит, где кошелек потерял. И мы пришли в магазин как-то, не я лично, а мама или папа, и висит объявление, что кто-то потерял кошелек и обращайтесь туда-то. Единственное, что у него спросили, какая там сумма была, и все. Настолько это было все. Мама моя, например, когда они там жили, это был период, который они всегда вспоминали. Прииск был небольшой, там порядка 15 тысяч населения было. Все, конечно, друг друга не знали, но на лицо все как бы мелькали там. И мы никогда не боялись пойти ночью. Там же полярные ночи начинаются. Полярный день все лето, светло. Не как у нас белые ночи, а светло и солнце светит. Оно заходит на несколько минут и снова всходит. И так вот крутится. Летом, когда у нас были каникулы, просто непонятно, когда спать, когда не спать. И мы бегали, пока не устанем, потом спим. Потом опять бегаем. День, ночь, никто ничего не знает. Только по часам, потому что прииски работали круглосуточно, пока тепло. А лето там короткое. И за это лето было просто удивительно, вообще удивительно. Там резко континентальный климат, там доходило до 30 градусов тепла, а зимой – до 55 градусов мороза. И мы не замерзали, но тем не менее это было непросто. И я тоже с теплотой вспоминаю этот период, когда я там жила. Во-первых, у нас не было каких-то материальных проблем и мы могли спокойно позволить себе что-то. Элементарно конфеты или что-то, это всегда было у нас ограничено. У нас было, но все было в меру. А тут спокойно. Может быть, потому что все так спокойно, к этому тоже спокойно относились. Мне там тоже очень нравилось.

И.: А у бабушки в каком городе?

Р.: В Алма-Ате. Это мамина мама. Мамины родители, когда переехали в Алма-Ату, они уже никуда не переезжали. Они там так и жили. Единственно они меняли место жительства по мере, – ну может быть, у них деньги появлялись. Сначала у них небольшие полдома, потом они купили побольше дом, потом другой дом, потому что он был более обустроен, и там не надо было топить печку. Более благоустроенный. Поэтому они в третий дом переехали, хотя он больше, чем был. Они больше никуда не переезжали.

И.: А откуда они в Алма-Ату переехали, из какого города?

Р.: С Сухонского. Но до него они очень много кочевали. Я могу про них рассказать. Дед с бабушкой жили в Ульяновской области, село Шлемас называется. Там же жили и их родители. Они там родились и там жили. Да, были крестьяне, но они были зажиточные крестьяне. У дедушки с бабушкой моей, может быть, им это родители дали, я, честно говоря, этого не знаю. Я только знаю, что они неплохо жили. У них была корова, две лошади. Это, считалось, такая крепкая семья. И в 1934 году их раскулачили. И они мотались по всей Сибири, чтобы дедушку не посадили в тюрьму. Он переоделся в женское платье и убежал. И бабушка у меня была безграмотной, и дедушка был безграмотным. Но он сам научился – читать и писать он умел. Бабушка до конца жизни не умела ни читать, ни писать. Дед у нас пушниной занимался – ездил по лесничествам, собирал эту пушнину и сдавал государству. И когда они скрывались от всего этого, он так и работал. В одном месте подработает и дальше. Вот за ними все это и тянулось. А у бабушки на то время было уже четверо детей. И со всем этим хозяйством она путешествовала. Сначала была Ульяновская область, потом пошла Сибирь. И она, конечно, рассказывала много, что они там пережили. Очень тяжелые времена. Потом они основались в Камень-на-Оби, есть такой город. И там они жили какое-то время. А потом они опять, – видимо, оттуда пришлось уйти. И потом они жили в Новосибирской области, есть такой город Сузун. Город – это громко сказано, он очень небольшой. Почему именно туда они уехали? Я тоже не знаю, по какой причине. Там жил ее брат, и они поэтому туда переехали. По словам мамы, я тоже в Сузуне была, но дом их не сохранился, в котором они жили. Она рассказывала, что у них был сначала маленький дом, а потом... Но дед был тоже на все руки мастер, и он пристроил дом. У них был хороший дом. Мама рассказывала, что у них была веранда сквозная, красивая. Всегда говорили, что они себя обустроили. И там они прожили достаточно долго, я, честно говоря, не знаю, сколько времени, но они там долго прожили. Почему потом уехали в Кемеровскую область, я тоже не знаю. Папины родители жили в Казани, и его родители тоже жили в Казани. И моя бабушка по папиной линии – она из байской семьи. То есть она была

с образованием. Тогда были институты типа благородных девиц, там по-другому они назывались в Казани. Она знала арабский язык, татарский язык, русский язык. На этих языках она читала и писала. Она была образованной женщиной. А муж у нее был из купеческой семьи. И сам он какое-то время торговал. Потом его посадили, и он сидел периодически, постоянно объявлял голодовку. Его то отпускали, то сажали. После последней голодовки – было двадцать дней, что он голодал, – его отпустили. Но он, видимо, неправильно выходил, он получил себе заболевание желудка. После тюрьмы прожил всего один год и умер. И бабушка моя осталась одна с четырьмя детьми. А еще до его смерти они занимали хороший большой дом. Когда-то у деда был даже свой магазин, рыбный магазин. А когда это все забрали, дед тогда сидел в тюрьме, бабушку кто-то предупредил срочно продать дом, иначе его у вас конфискуют. И купить что-нибудь небольшое. И бабушка продала этот дом, купила на окраине города небольшую избушку. И там они уже жили. Она там прожила до своей смерти. Потом они там пристраивали. Но сам факт, что бабушка никогда не работала. Про нее все говорили, что графиня, не может она. Сначала, когда дед был жив, у них была прислуга. Когда это дело уже прикрылось, жила с ней ее мама, все это делала бабушка. Но она там готовила, детей воспитывала. У них был сад, огород был. Но работать она нигде не работала. И четверо детей было у моей мамы, когда их раскулачивали, потом она еще двоих родила. У моей бабушки по маминной линии было шестеро детей. И все они выжили. Вот на данный момент осталась одна дочь, 84 года ей. Моя мама умерла около двух месяцев назад. Ей было 86 лет. И все умерли достаточно пожилыми. Дедушка умер пораньше, в 1970-е, у него был рак пищевода.

И.: А ваши дома не сохранились?

Р.: Мы же их продавали. То есть куда бы мы ни приезжали или откуда мы не уезжали, это продавалось, потому что они не временно уезжали, они там думали жить. Потом поехали на Север – там домик был построен нелегально, также нелегально был продан. Я вот в позапрошлом году была в Казани – его нет, его снесли. Мы никогда не возвращались в тот же дом, всегда было что-то другое. И, прожив на Севере восемь лет, мама там заболела, она упала, и они вернулись в Алма-Ату. Опять же купили другой дом. Я на Севере в общей сложности прожила два с половиной года, потом меня отправили учиться. Я училась в Новосибирске, а они жили там на Севере. Когда я закончила учебу, мама уже возвращалась с Севера, и меня забрали в Алма-Ату.

И.: Родители сошлись обратно?

Р.: Когда маме стало плохо, когда она упала, за ней надо было ухаживать, папа пришел и стал за ней ухаживать. И они снова сошлись и уже не расставались. Хотя тоже было. Но папа у меня очень интеллигентный, очень мягкий человек.

Он что-то от своей мамы, от бабушки унаследовал. Нет ни одного человека, с кем бы он общался, когда-нибудь сталкивался, чтобы сказал, что этот человек не достоин или он что-то сделал не так. Он был абсолютно положительный во всех отношениях. Несмотря на то что выпивал, он никогда не доходил до того, чтобы даже в этом состоянии что-то сделать или сказать. Он всегда чувствовал себя виноватым, что он выпил. Когда я уже стала постарше, мне под подушку немного положит денег, чтобы мама не видела. У нас мама была очень строгая. Шаг влево, шаг вправо – это всегда было непросто. Все, что я зарабатывала, давала ей, и она уже мне выдавала. Папа периодически мне подкидывал денег. Образование у него было такое – ремесленное училище. Он пошел бы дальше учиться. У него старшая сестра окончила мединститут. Она там как-то ускоренно оканчивала, потому что началась война, и ее отправили на фронт. А два младших брата, папа с 1925 года, они тоже оканчивали институты. Семья была такая образованная. Папа окончил только ремесленное, потому что началась война, нужно было работать, нужно было зарабатывать. Потом он попал в лагерь, и на этом образование его закончилось. Но он был очень спокойный. Бабушка была очень правильная, я ее очень любила, мы с ней много общались. Вообще была грамотной женщиной, она много читала не только на русском, но и на арабском. И много знала. Она была верующей, очень верующей женщиной. У меня бабушка с дедом с маминой стороны тоже были верующими и по божьим законам жили. И папа мой был просто уникальный человек. Все конфликты старался сгладить. С ним мне было очень комфортно. Насколько сложные у нас были отношения с мамой, настолько просто было с ним. Такой он был с юмором человек, с которым легко общаться. С Севера они вернулись в 1974 году, до 1977 года они жили в Алма-Ате в своем доме. Я же в Новосибирске училась, родители, когда с Севера уезжали, встали в Новосибирске на очередь в кооператив. В Алма-Ате это было сделать очень сложно, практически невозможно. Все же не так просто раньше было прописаться, ничего. В Алма-Ате даже прописаться было сложно. Потому что самому по себе городу расширяться некуда было. Он находится между гор, и дальше гор никуда не уйдешь. Этот город не совсем очень уж закрытый, но туда очень сложно прописаться. Даже имея свою территорию, свой дом, это тоже не так просто. Они тоже там через кого-то это делали. В 1977 году получили квартиру в Новосибирске, то, что они в кооператив вступали. Там они получили хорошую четырехкомнатную квартиру. По тем временам такая хорошая квартира действительно была. И мы переехали туда в Новосибирск.

И.: Вы где в Новосибирске учились?

Р.: В фармацевтическом училище. Я окончила только училище. Потом так получилось, что я подавала документы, но меня не пустил мой начальник. Но не то

что не пустил, он не имел права не пустить. Но он сказал, что в Перми был единственный Фармацевтический институт, в котором было заочное отделение. То есть, если бы я туда поступила, я должна была бы два раза в год туда уезжать по 40 дней на сессии. И он мне сказал, что, если ты туда поступишь, мне придется тебя уволить. Потому что я работала на таком необычном месте, в аппарате работала в Аптечном управлении. У нас был отдел снабжения и сбыта лекарственных средств. Мы получали лекарства, мы их раздавали по городу, по больницам, по аптекам. Мы раздавали эти лекарства на город Москву, Москва уже определяла все. То есть это каждодневная, постоянная, достаточно сложная работа. Причем в перерывы, даже если мы бодем, сидишь на телефоне – что нужно куда отдать, как это нужно сделать. Разрядки довольно сложные, потому что дефицит был. И он мне сказал, понимаешь, я же не смогу по 40 дней отпускать на эти сессии. И поэтому я отказалась и не поехала поступать. И так и работала в этом Аптекоуправлении. А в 1977 году мы переехали в Новосибирск, и я также работала в Аптекоуправлении. Там мои родители прожили три года. Я прожила два года и сбежала оттуда. Во-первых, у меня был любимый человек в Алма-Ате. И потом, мне было очень тяжело с мамой. Так получилось, что, пока мы жили в Новосибирске, мой друг уехал в Израиль, а мама меня не пустила. В общем, была целая трагедия. Очень сложно все было. Когда он уже уехал, мне писал письма. На каждое письмо у меня были дома истерики от мамы. Я просто не выдержала и уехала в Алма-Ату. Еще к тому же заболел дедушка – мамин отец. У него был рак пищевода. Его привезли в Новосибирск, чтобы там прооперировать. До этого у моего папы был рак желудка и его оперировали тоже в Новосибирске. И он познакомился там с этими врачами. И дедушку привезли к этому же врачу. Но, так как я медиком была, я за дедушкой там ухаживала. Он говорил неплохо на русском языке, но, не знаю почему, после операции стал говорить только по-татарски. И мне разрешили за ним ухаживать. Не только я медик, его старшая дочь еще – она фельдшер-акушер. Ей тоже разрешали, мы с ней чередовались. Ну, естественно, все родственники были в курсе моих любовных дел. Дедушка умер, но это желание он передал бабушке – пусть Рузалия живет у нас. Я воспользовалась этим через год и уехала. Но тетя, младшая мамина сестра, не захотела, чтобы я жила у бабушки, потому что она после смерти дедушки захватила это в свои руки. Я у них какое-то время пожила, потом поняла, что надо уходить, и сняла квартиру, жила на квартире. Причем я не могла никак прописаться. То есть в Алма-Ате это было настолько тяжело. И обычно на работе не разрешают держать людей без прописки. Но мне пошли навстречу, потому что я раньше у них работала и меня держали. Но потом родители тоже переехали. Мама не могла – как я там буду жить одна. Так не положено, так нельзя. Тогда же продавать квартиры нельзя было.

Так у них была кооперативная, здесь нашли в Алма-Ате тоже кооперативную квартиру и делали обмен. И они переехали и жили по прописке. Но это была уже трехкомнатная квартира. Подъезд у нас был небольшой, четырехэтажный дом. Все соседи друг друга знали, все очень хорошо общались. У нас соседи напротив были русские. Мы к ним на Пасху приходили, на наши праздники – они к нам. В соседнем подъезде мы тоже всех знали. Все вместе всё отмечали, встречались. Перед домом там была площадка для машин, а машин-то практически ни у кого не было. У нас в семье была машина одна. А больше ни у кого машин не было. Папа забетонировал эту площадку, мы поставили там стол. Папа у меня был на все руки мастер. В каком городе мы бы ни жили, он если дом не строил, то дачу. У нас везде или дача была, или дом, построенный своими руками. Или пристроенный хотя бы. Там он сделал такую площадку. Там мы поставили стол, скамейки. И там мы проводили общедомовые праздники. То есть мы никогда не разделяли – казах, еврей или еще что-то такое. И жили всегда дружно. Для меня это было совершенно нормально. У меня почему так мама восприняла моего молодого человека, потому что она хотела, чтобы я именно за татарина вышла замуж. Мой молодой человек сначала представился как азербайджанец. Он почему-то был иранского подданства. И он какое-то время жил в Тель-Авиве. Там же его мама и сестра так и жили. А они приехали сюда похоронить ее родителей. И их не выпустили обратно. И он показал мне паспорт, что он еврей.

И.: Тогда был антисемитизм государственный.

Р.: Но я этого не ощущала нигде. У нас там жили корейцы, казахи, чеченцы, таджики – господа, кого там только не было, разных народов. Причем мама его всегда воспринимала очень хорошо. Он был такой деловой по своему складу, и мама у меня такая же была деловая. Как какие-то дела делать – так все хорошо. Только касается того, что это мой молодой человек, так начинаются трения. В конце 1979 года они переехали, еще какое-то время они туда ездили, потому что у нас была дача хорошая, и они все никак не могли расстаться с этой дачей. Родственники посмеивались в том плане, что начинается лето, мама с папой поехали на дачу. А дача в Новосибирске. Но там была хорошая дача, и чистое красивое место было. Единственное, что они жалели, когда переехали совсем, что там дача была такая необыкновенная. На берегу пруда, дальше был лес. К нам приходили лоси с леса попить в этом пруду. И так с 1979 по 1987 год они жили в этой квартире. А я вышла замуж и переехала к своему мужу. Там же в Алма-Ате – только в частный дом. У мужа была своя половина дома, в этой же половине еще жила его сестра. И эти полдома разделили еще на полдома. И получилась одна треть дома. И я там прожила с мужем 12 лет. Улица была там совсем небольшой, мы были все там родственники, друзья. Я познакомилась со своим мужем, живя там,

ну, они мне не родственники, но они из одной деревни, где мама жила. Из поколения в поколение мы с ними дружили. У этой знакомой в семье были проблемы, и она попросила меня жить с ними. Я вот год у них жила и как раз за этот год познакомилась с моим будущим супругом. И я вот вышла замуж и ушла к нему. Прожила с ним 1990-е годы и прочее.

И.: Кто он по образованию?

Р.: Сначала он окончил кулинарно-торговое училище. Потом он окончил Институт торговли, но у него был факультет банковских служащих. То есть факультет был очень замечательный. Но он не работал по специальности. Он окончил институт в 1986 году, через год, когда мы поженились. Потом началось не понять что, кооперативы не кооперативы... В 1987 году я родила дочь. Мне надо было. Тогда мы получали копейки. Потом, чтобы нас как-то содержать, потому что он работал в магазине, где принимают тару, потому что там было мало-мальски денежное место. До этого он где-то работал в общепите. Потом пытался в экономику эту войти, но у него не получилось. Там надо спокойствие, терпение. С цифрами работать, но все это было не по нему. Он был очень такой, дочь в него, энергичный, ему надо что-то делать. Сидеть и считать – это было не для него. Зачем он окончил этот факультет, я, честно говоря, не знаю. Но тогда я думала, в банке буду работать. Он, наверное, себе плохо представлял, как это будет выглядеть. Он тогда работал на этой работе и подрабатывал еще в кооперативе. То есть такое время было, сразу вторым забеременела. Еще дочери было четыре месяца, я даже не поняла. Поняла, когда уже был какой-то срок. Второго подряд родила. И начались 1990-е годы. Это было что-то, конечно! Мои родители в 1987 году переехали в город Киржач Владимирской области. Там жил мамин брат, который жил в Норильске. И они переехали туда. Родители поехали туда в гости, и им там понравилось, и они решили туда переехать. Там они купили опять же дом. Потом мой младший брат – у меня еще есть старший – тоже туда с ними переехал. И они сначала купили один домик и там жили, а другой там строили. В общем, можно сказать, что купили участок. Дом, который там был, они снесли и строили там дом. У них была дача, они продали дачу и строили в Киржаче дом, хороший дом. Он до сих пор стоит. Когда я родила второго, мы тоже туда поехали. Я там жила с детьми. А муж мой, в Алма-Ате было достаточно сложно с работой, и он в Москве устроился на работу. Фирма корейская была, они выпускали телевизоры. И он на той фирме устроился работать менеджером. Он там неплохо зарабатывал по тем временам. И мы жили у родителей, а он там в Москве снимал квартиру. На выходные к нам приезжал, иногда я к нему ездила. Когда как получалось. Так вот мы прожили два года. У мужа его мама, моя свекровь, жила в Алма-Ате. Когда мы поженились, она прописала нас к себе. А в доме, в котором половина, в котором мы

жили, там было прописано много. Потому что мой муж – шестой ребенок в семье. И там было прописано много – сестрички, его брат. И нам там было прописаться некуда. А свекровь была участником Великой Отечественной войны, и она стояла на расширение жилплощади. И ближе к тому, когда мне надо было выходить из декретного отпуска, стали сомневаться остаться мне в Киржаче или возвращаться в Алма-Ату. В Алма-Ате была кухня, небольшая комната и еще спальенка совсем крохотная. Тем более что в Киржаче мой младший брат помог оформить землю бесплатную. И мы думали, может быть, там построить дом и уже обосноваться. Но позвонила свекровь и говорит, что мне дают квартиру, четыре комнаты. То есть мы там прописаны с детьми – получается четыре комнаты. Участнице положено не меньше 18 м², остальное на нас. Она говорит, если вы не приедете, то квартира достанется кому-то. Желающих много, приезжайте. Мы все бросили и поехали туда. Какое-то время муж еще мотался в Москву, работал в Москве. Он приезжал на какое-то время, но в основном в Москве был. Это длилось с год примерно. Потом он вернулся, с мамой они не ужились. Мама думала, что это я его как-то настраиваю. И его сестра, с которой мы разделили дом, переехала в наши комнаты, а мы в ее комнаты и расширили свою половину дома, пристроили еще, веранду пристроили. У нас получилось три комнаты и кухня. И мы переехали в этот дом. Хотя там небольшие комнаты были, но тем не менее у детей своя была, у нас своя была. Потом начались 1992–1993 годы, инфляция. И муж мой решил... они там работали с москвичами, они работали в Москве и там познакомились. Одно время они неплохо работали. Нельзя сказать, что мы хорошо жили, но мы имели на тот момент хороший заработок. В том плане, что и питались мы хорошо. Не скажу, что мы там очень шикавали, но понемножку мы вставляли на ноги. Для сравнения: когда мы переехали от свекрови в этот свой дом, у нас были кровать, диван, стол, шесть стульев и двуспальный матрас. Это все, что у нас было. Потом потихоньку купили кухню, потом мебель купили, купили телевизор. У нас был старый телевизор, но он на ладан дышал. А мы купили уже современный. То есть мы начали подниматься мало-помалу. И Володя – моего мужа звали Володя – поверил этим людям, неплохо работали. А тогда что делали – торговали. Они торговали канцтоварами. Привозили из Дубая канцтовары и так работали. Брали небольшие кредиты под этот товар и расплачивались. Тут они решили торгануть зерном, и взяли кредит на сто тысяч долларов. И эти ребята-москвичи их кинули. И не кредита, ни зерна, ничего. То есть ничего не было совершенно. И началось тут, конечно! Мужчины – они, конечно, у нас слабый пол. И другого выхода не нашлось, как только этот. А у меня слабость нельзя, у меня двое детей. Надо что-то делать. А Аптекоуправление уж закрыли. У нас уже все позакрывалось, что было. Но не совсем закрыли, но сократили большую часть, кто работал. А я ушла первой

практически, потому что у нас хоть какой-то семейный доход был. У других девочек не было семейного дохода, некоторые были одинокие, у некоторых мужья не могли никуда пристроиться. И меня начальница вызвала, хотя меня не имели права сократить, потому что я одна из старейших в управлении работала. И она меня пригласила, она, кстати, моя подруга, мы до сих пор с ней дружим. Она говорит, что делать. Перечислила – у этой трое детей, муж погиб, у этой муж без работы. У всех какие-то проблемы. А у тебя более-менее, давай мы тебя сократим. И сократили первую меня. Но я, в принципе, согласилась, я сама написала заявление. А через полгода у нас началось такое вот дома. И что делать? Возвращаться туда уже невозможно, потому что после меня еще там сокращали. И случайно наткнулась на человека, который возил медикаменты из Москвы, привозил в Алма-Ату. Тогда не было ни заводов, ничего не было. Тогда одна фармфабрика была, которая настойки фасовала. Ничего больше не было. Лекарств тоже не было. И они привозили медикаменты, здесь уже в Алма-Ате сдавали в коммерческие отдавали и уезжали. Тут ребята далекие от фармацевти, и им нужен человек, чтобы делать заказы, привозить что и как. Я уже не помню, меня с ними кто-то познакомил. И я вот им делала заказы, они привозили, это дело раздавала, собирала деньги. И за это я получала какую-то прибыль. Но люди же всякие есть, им показалось, зачем мне платить. Они решили меня исключить из этой цепочки. Они посмотрели, куда я езжу, и решили сами без меня это сделать. Но когда коснулось этого, я в этом проработала всю жизнь, более 20 лет, и меня многие знали, потому что общались со мной. И у них не взяли эти медикаменты, когда еще раз привезли. И мне еще звонят и говорят – мы не можем сдать. Я говорю – ну извините, ваши проблемы. И тогда я решила сама этим заняться. Сначала я сделала это по России, с медикаментами, туда, сюда. Денег не было, начала с малого. Так как я в Новосибирске училась, там остались однокурсницы, и я туда ездила первое время понемножку, с одной сумочкой. Дети еще тогда были маленькие, дочери пять лет, сыну четыре года. Оставляла то на брата старшего, то соседка там присмотрит, то папа приезжал, несколько месяцев у нас прожил. Так я ездила почти два года. Пока не накопила немного денег и купила аптеку. Маленькую аптеку сначала купила. Ну, с мужем мы чем дальше, тем больше. Я ему говорю, Володя, мы сейчас встаем. Мы и долг выплачивали потихонечку. Он там брал кредит у людей, у друзей, с которыми он учился. И они там сделали, что на нас не были проценты такие крупные. А еще у нас в Казахстане меняли валюту – рубли на свою валюту. Там на этом мы должны были из ста тысяч долларов только восемнадцать. Там они пересчитали в доллары. Возвращали мы их с партнером, там девять тысяч нам, девять тысяч ему. И эти деньги, девять тысяч, погасили. Я говорю, сейчас мы выровнялись, сейчас мы будем работать. Какое-то время он действительно перестал пить,

и мы начали работать. А потом опять – если у тебя работа идет нормально, так чего я, я буду заниматься домом. Я говорю, хорошо, занимайся домом. Потому что работы хватало вот так вот. Я и оптом еще занималась, и розницей. Фармация – это специфичный такой бизнес, не все просто там. То ли от безделья, то ли что, он опять начал пить, и мы собрались и ушли от него. Переехали к родителям к моим. На тот момент родители мои с Киржача уже вернулись в Алма-Ату. Сначала они купили квартиру там, где мой брат жил, в пригороде Алма-Аты. Но потом они почему-то решили, что им нужен свой дом. И они купили в другом месте, но тоже в пригороде Алма-Аты купили свой дом.

И.: Такая тяга к своим домам?

Р.: Да, к земле. Там был очень хороший дом, хороший участок. И это на возвышенности, ближе к горам уже было. И там папа до смерти прожил, но это было не так долго. Они купили где-то в 1993 году, а в 1997-м он умер. Когда он умер, я продала уже этот дом. Когда они его покупали, я помогала, доплачивала, у них не хватало денег. Потом я дом продала и купила маме квартиру. Но я уже с ними жила тогда, я с детьми переехала к ним. Месяца не прошло, и папа умер. Он уже болел тогда и в тяжелом был состоянии. И мы продали этот дом, купили квартиру, куда я переехала вместе с мамой. И потом я искала себе жилье. Купила себе четырехкомнатную квартиру через полгода, как я разошлась с мужем. Там же рядом с мамой. Мы жили в этой квартире шесть лет, пока не уехали сюда.

И.: А там получается дешевле жилье?

Р.: Да, все-таки намного дешевле. Для сравнения: если я продала свою четырехкомнатную квартиру, продала аптеку и купила здесь эту коммунальную квартиру, убитую, насколько это только можно было убить ее. У нас даже не было туалета, здесь потолка и пола.

И.: Родители все время строили дома. Получается, что участки легче было купить, чем получить, встать в кооператив на какую-то квартиру?

Р.: Тоже не так просто было взять это. То, что они в Казани строили, это они построили нахаловку, нахально, то есть без всяких документов, без ничего. Потом они уже долго-долго ходили, но оформили. Что, во-первых, трое детей; во-вторых, дом уже готов – как бы сносить его. Но тогда они долго этим занимались. Во всех остальных местах этого не было, кроме Севера. На Севере даже документов не было. Это просто называлось: балок. То есть они были как сани, можно было перевезти дома эти. Хотя наш был на сваях. Папа у меня – вот стеклопакеты, которые сейчас делают, папа у меня на Севере сделал. У нас всегда шутили: татарин, как к тебе пройти. Да, там увидите дом на горе с тремя огромными окнами. На Севере делают такие окошечки, чтобы чуть-чуть. А папа сделал огромные окна, которые были метра полтора высотой и метра два шириной. Такие окна

сделал, как стеклопакеты, – двойные окна и двойные рамы. И этот дом перевозился, а так там стояли на полозьях. Там не было такого, что надо было выкупать землю. Место есть – строй; места нет – вырубай да строй. Но там сопки, далеко тоже не вырубишь. Наш был дом, да еще один. Дальше строить уже некуда. А в остальных городах, где папа строил, сначала покупался небольшой домик, чтобы с участком был, а дом уже расстраивали. Просто так невозможно было. Точно так же мы покупали и дачи махонькие, какие-нибудь дешевенькие. И папа строил из нее уже нормальную дачу. На его счету 14 строений (вместе с дачами домов). Он и мебель сам делал, и печник. Он все умел. Такие уникальные люди редко бывают.

И.: Давайте тогда про переезд в Петербург.

Р.: Мы приехали, сначала жили год на квартире. Снимали квартиру. И я искала, сколько я смотрела квартир. Они все были в таком убитом состоянии, что для меня это было неприемлемо вообще. Даже в Алма-Ате, когда я покупала квартиру, она тоже была в очень плохом состоянии. Но она меня устроила в том плане, что она была рядом с мамой. И сначала я не хотела ее брать. А потом посмотрела другие квартиры, в них тоже надо было делать ремонт. Я подумала, лучше я сюда больше вложу и сделаю как мне надо, но я буду рядом с мамой. Она тоже была в ужасном состоянии. Но когда я приехала и смотрела здесь коммунальные квартиры, это было что-то. Словами мне не выразить, что я видела. В некоторые квартиры вот я на кухню захожу – стол, на столе такой вот слой грязи. Это можно было посадить лук, картошку, я не знаю что. И запахи такие в квартирах. Ну, туалет и ванна уж я молчу. Вообще, сами комнаты были так сделаны, как будто бы туалет, и ванна, и кухня – все в этой комнате. То есть я просмотрела достаточно много квартир.

И.: А вы до этого в коммуналках не жили?

Р.: Никогда. Никогда я не жила в коммуналке. Вот когда я училась, у меня подружка жила в коммуналке. Для меня это было не очень понятно. Я жила у тети, у них была трехкомнатная квартира, и я занимала ее детскую. А так никогда не сталкивалась с этим, с коммунальными делами. У подружки была чистенькая, хорошая коммуналка. Три семьи, правда, жили. Но одна пожилая пара. Но квартира была нормальная, без всяких ужасов. А тут, когда я стала искать... На продажу выставляют самые такие квартиры. По крайней мере, я очень много их прошла. В некоторых квартирах я даже не могла несколько минут находиться, настолько был тяжелый запах и прочее. Я уже хотела переключиться на новостройки. Когда пошла по новостройкам, мне тоже ничего не понравилось в плане комнат. Комнаты маленькие, кухни большие, коридорища огромные. Ну, то есть там мне не нашлось. Ничего не понравилось. И ждать надо было какое-то время. Ждать мне не было особого интереса. Деньги тоже надо было за квартиру платить. Особо больших денег тоже не было. Я продала квартиру. Но сначала мы переехали. Так я еще

ничего не продавала. А когда я пришла в эту квартиру, я тоже из нее выскочила и больше не захотела сюда заходить. Но, пройдя много-много квартир, я решила, что это все-таки будет для нас более удобный вариант. Потому что меня в любой квартире что-то не устраивало. Здесь меня тоже что-то не устраивало, но это было меньшее. И мы решили. До этого мы останавливались на квартире на Мучном переулке и канале Грибоедова. Там меня квартира даже больше устраивала. Она на две стороны была, и квадратные, хорошие комнаты были. Она была меньше, чем эта квартира, но была более мобильная, уютная. Я там три месяца прождала, никто даже никаких бумаг не собрал, не говоря о том, чтобы что-то делать. В одной комнате жил мужчина, у которого даже паспорта не было. И в общем, я долго-долго с ними билась вместе с фирмой, которая мне это помогала делать. Ничего так не добились, и я отказалась от квартиры и начала заниматься этой квартирой. Занимались мы ею полгода, пока расселяли. Вот в самой первой комнате никто не жил. Можно было просто деньги отдать, это было самое простое. Две комнаты, где у нас гостиная и комната сына, жил человек, который пил. У него была большая собака. Комната была в ужасном состоянии. Она еще была и туалетом, и прочим, и другими делами и для собаки, и для этого мужчины, который практически не просыхал. К нему еще друзья-приятели приходили. Там, где сейчас Лилина комната, жила семья из четырех человек – муж с женой и двое детей. Вот они начали историю с расселением. И нам пришлось им... они, правда, добавляли, и мы им купили две комнаты. На большее у них денег не хватило. На канале Грибоедова им купили две комнаты. Тому мужчине, который в первой комнате, мы отдали деньги. А вот этот самый проблемный, там, конечно, было. Оказалось, что у него есть дочь несовершеннолетняя, которая живет у бабушки на Украине. И есть еще жена, которая, скажем, в таком состоянии. И нам пришлось всех искать. Дочери мы должны были положить определенную сумму на книжку, чтобы у нее были деньги. Там такие условия. И плюс мы для нее должны были купить комнату. А этого человека мы не могли не то что... Чтобы он хотя бы понял, что он разменялся. Он никогда трезвым не был. Ему купили на Техноложке комнату. С великим трудом, это надо отдать должное риелтору нашему, она уговорила нотариуса, чтобы сделать нотариальную доверенность, чтобы она от его лица все делала. Она, можно сказать, месяца три ночевала здесь, следила, чтобы он не напился, чтобы он мог подписать эту доверенность. В общем, так мы это полгода делали. Потом еще полгода мы делали ремонт. Но мы никогда не жили в коммуналках, не знали, что это такое.

И.: А ремонтников нанимали?

Р.: Да, я, конечно, нанимала фирму, потому что боялась, что такой старый дом и много проблем. Что, если я кого-то с улицы найду, то потом могут быть

какие-то проблемы? Мне и так проблем с этим домом. Я наняла прораба. Они разломали здесь все, и прораб уехал отдыхать. Я его тогда уволила, и за прораба была сама. Мне, конечно, достался этот ремонт. Ко мне еще пришла бригадир и говорит: кто всем этим будет заниматься. Я говорю: я буду заниматься. Они же люди такие простые: ты с ума сошла, баба, – тут не каждый мужик справится. Ты думаешь, что с этим справишься? Вы мне поможете, где я не справлюсь. Мы с ней хорошо нашли общий язык. Она действительно много мне помогла. К концу того, что шел ремонт, она видит, что я выдохлась. У нас ни машины – ничего не было. Прыгайте, девочки, ко мне в машину, поехали обои покупать. То есть были такие отношения, очень нормальные. Даже когда мы закончили ремонт, у меня все это поплыло. Они стыки сантехники плохо сделали. Я как вызываю, они придут – ничего нет. А уедут – и опять начинает течь. И я звоню в фирму, вот так и так, я подаю на вас в суд, у меня нет выбора. Я потом вскрыла потолок и увидела, откуда это все бежит.

И.: А когда вы продали все в Алма-Ате, этого хватило на квартиру в Петербурге?

Р.: Да, я продала квартиру, продала аптеку. Вторая квартира у меня ушла на ремонт, на обстановку. Но немного осталось. Мне в 49 лет на работу устроиться было очень сложно. Во-вторых, я со своим бизнесом, со всеми нервотрепками, со всеми делами потеряла слух, я плохо слышу. Сейчас у меня хороший аппарат, и я более-менее слышу. Я могла бы устроиться на работу, но меня сейчас никто не берет, мне 61 год. Этот аппарат у меня появился три года назад. До этого аппараты были такие, что я слышала только частично, а частично не слышала. Это такое дело, где много синонимов. Синонимы – это названия, которые не так просто услышать. Они настолько иногда пересекаются. Не будешь же пятьсот раз переспрашивать, что это такое. Показывать им, что это такое. Я побоялась за первый стол идти. А идти руководителем или что-то такое – у меня образования недостаточно. И еще был один момент: у меня же были свои аптеки, я была директором фирмы. У меня было две аптеки и опыт. И когда они видят, что я была директором, аптеки боятся меня брать. И так получилось, что у меня как таковой работы постоянной и не было. Все, что я накопила... У меня дочь везде училась бесплатно. Кроме того, в Москве она жила – надо было за жилье платить. Она потом работала уже, но первое время ей надо было помогать. Потом сын у меня учился платно. Учился в Университете культуры и искусств. Довольно серьезный факультет был, дорогой. В общем, какое-то время мы продержались на этих деньгах. У меня вторая аптека была побольше, я ее купила позже гораздо, когда я заработала деньги. Из-за нее у меня были проблемы всякие. Судилась все время. После очередного суда я проснулась глухой.

И.: Я понимаю, что здесь четыре квартиры на площадке. Как отношения с соседями?

Р.: Никак. Во-первых, мы не здороваемся. Ну, я со всеми здороваюсь. Вот в 36-й квартире живут приличные люди и давно. Следующая квартира, там живут, достаточно проблемная квартира. Там живет женщина, которая выпивает. У нее постоянно меняются мужья, сын ее сдавал в психбольницу. Другая женщина, но там коммуналка, она здесь не живет, она сдает комнату. То есть там постоянно есть проблемы, уже два раза был пожар, из этой квартиры вызывали МЧС, тушили. Следующая квартира там вообще живут. То есть ее сдают, и двери открываются и закрываются, открываются и закрываются. То есть там немерено людей. И большей частью у нас здесь выкуплены квартиры, именно квартир мало. На первом этаже квартира, под нами женщина живет с племянником, на третьем этаже квартира выкуплена. Вот на нашей стороне больше нет выкупленных квартир. Еще на той стороне есть пятый и шестой этажи. А так – коммуналки. И по большей части они сдают их. Есть сдают и живут сами, а есть просто сдают полностью. Вот на четвертом этаже полностью сдают квартиру, вот у нас на втором этаже. И так большей частью. Поэтому дом сейчас у нас, конечно, аховый. Все сдается, и никого толком не знаешь. Единственное, что мы общаемся, здороваемся. Единственно на пятом этаже живет женщина, у которой я работала. Ну, как-то мы с ней разговорились, был у меня период достаточно сложный, я не могла никак на работу устроиться. Она мне предложила. Вот я у нее два года работала. А так я ни с кем особо не общаюсь. У меня полный двор котов, я их кормить хожу. И бабушка, мы с ней общаемся. То я ей скорую вызывала. Как бы к этому привыкнуть нельзя. По сравнению с тем, как мы жили в Казахстане, очень большая разница. Для меня-то было, как всегда, тягостно. И до сих пор также. Это то, что происходит у них, как они живут. Наши соседи – там живут всего три взрослых человека, ну сейчас они сына к себе забрали. В доме такой кошмар, вы не представляете. Фантруба у них сделана из-под пепси-колы. Вот эти двухлитровые бутылки – это была фантруба. Я им поменяла, потому что они мне... То есть люди настолько к этому относятся, меня просто поражает. И даже несколько раз я была у людей, которые свои квартиры, я бы не сказала, что они в хорошем состоянии. Но нету такого, в Алма-Ате мало такого. Ну, сколько я сталкивалась не только в Алма-Ате. Допустим, в Новосибирске я жила четыре года, я с таким не сталкивалась. И то, что у нас дом... Я постоянно жалуюсь в ЖКХ, что они не убирают то, другое там. Я уже два раза делала ремонт, потому что меня заливают постоянно. Никому никакого дела нет. Они только приходят и мне говорят: ну мы сейчас сделаем это, напишем, что у вас аварийная квартира, и вы не сможете ее продать. Я говорю: разве вас для этого вызвала? Вот все как они реагируют. Поэтому я даже туда и не обращаюсь, все делаю сама.

И.: А вы когда выбирали Питер, чтобы уезжать, то по каким критериям?

Р.: Когда-то в Петербурге у меня жил дядя. Самый младший мамин брат, он тоже жил в Норильске. После окончания Новосибирского электротехнического института его направили в Норильск работать. Там завод есть большой, тоже с электрикой что-то связанное, я не знаю, как он называется. Он настолько у нас был умный по тем временам, вообще был умница. Он с шести лет уже ходил в школу. Окончил с золотой медалью, с красным дипломом. И он там, видно, работал настолько хорошо, раз он в 28 лет стал директором завода. Потом он переехал сюда, его сюда пригласили. Это был филиал от Санкт-Петербургского завода. Его пригласили сюда в головное предприятие замом, заместителем директора. В 30 лет он переехал сюда. Он переехал сюда и работал заместителем директора. Для того времени это было достаточно редко в таком возрасте. И я к нему приезжала порой в гости. Мне здесь очень нравилось. Мне климат здесь нравился. Я вообще жару плохо переношу, в Алма-Ате жарко. И как бы совсем переезжать я не собиралась, честно говоря. Но когда начались дела, ну как бы разделение России и Казахстана, вот вопрос этот как бы встал в плане того, что не знали, что будет дальше. В Казахстане ввели там казахский язык. Периодически вводили – то введут, то отменят, то введут, то отменят. Я думаю, в конечном итоге это сделают. Потом, когда все эти дела, 1990-е годы, я рассказывала, что я челночила и ездила, здесь я познакомилась с одной фирмой, которая меня, в принципе, подняла на ноги. Мы с этой фирмой познакомились и подружились. И они мне уже присылали товар. И я уже не приезжала, а они мне высылали. И я на консигнацию. И с помощью их и поднялась. Они меня все время приглашали – приезжай. У нас не хватает специалиста. Достаточно у меня специальность была такая необычная, что снабжение и сбыт медикаментов – это была редкость. Нас всего шесть человек там было. А им не хватало. Она даже со мной иногда консультировалась: как вы думаете, что нам закупить лучше, вот то-то, то-то. По тому, что я заказывала, что мне надо, она на меня ориентировалась. Она сама так мне говорила. А сама она не была фармацевтом. Вот она как бы приглашала – давайте, приезжайте. А у меня-то вот эти суды, пока я провела свою аптеку. А потом воевала с казашкой. Если бы не мои многолетние знакомства, с одной стороны там... Дело даже дошло до того, что я на Назарбаева вышла, чтобы отстоять эту свою аптеку. И они даже смеялись: давай мы тебе в центре что-нибудь отвоюем. Я говорю: у меня нет денег на центр, это не мое, отдайте. Там так получилось, еще Советский Союз был, этот человек не занимал такой пост. И я ему помогала медикаментами, у него жена больная. Он был министром иностранных дел. Вот он мне в конечном итоге помог со всеми этими судами, со всеми этими делами. Но я понимала, что там мне будет это сложно всё. Одно. Второе – дочь сказала, что

не хочет учиться в Казахстане. Она поступила сама в гимназию, в которую было поступать, как в институт, – экзамены сдавала. Это для поступления в вузы России. Она там окончила хорошо. И поехали поступать. Мы еще тогда, мы еще не знали, что будем здесь. Она поступила на бюджет. И тогда у меня сын окончил девять классов, он поступил здесь в колледж приборостроения. И мы решили перебраться сюда. Потом у меня, правда, были с мамой такие отношения, очень сложные. Мы жили в одном дворе, еще жил там мой брат. У меня с братом, но по другой причине, непростые отношения. То, что я занималась бизнесом, я занималась для всей семьи, помогала всем, поднимала всех. Хотя все не без рук, не без ног. Но получилось, что очень непросто все это тянуть. И до такой степени, что этот круг не разорвать, надо уезжать. И я уехала. Честно говоря, не жалею. Было очень тяжело мне. Уже доходило до того, что дочь стала вмешиваться – оставьте в покое маму. Если бы у меня не было двух этих семей, кроме меня, у меня были бы гораздо большие запасы, и прочее. Так получилось. Но мне нужно будет квартиру продавать и разделять детей. Я же не могу, они и так уже взрослые. По идее, пора им самостоятельно жить. А кроме квартиры, у меня ничего и нет. Конструировали, что я эту квартиру не продам за такую цену, чтобы можно было каждому купить хотя бы по одной комнате. Поэтому так и есть, хорошая квартира и все прочее. Но когда я ее покупала, я думала – это вложение денег. В свое время она неплохо стоила. Но в связи с этим кризисом цены на большие квартиры здорово упали. Так вот. Я пока не знаю, там посмотрим. Будем жить в коммуналке. Я жалею, надо было что-то придумать, закрывать совсем бизнес или что-то. С другой стороны, невозможно, живя здесь, заниматься бизнесом... Но и продать бизнес было невозможно, потому что цены были заоблачные, чтобы что-то купить. А чтобы арендовать и открывать аптеку – это очень сложно. В любой момент арендатор может сказать «до свидания». И куда я со всем этим оборудованием, со всеми медикаментами денусь. Поэтому, конечно, у меня остаток денег просто так ушел. И мне это жаль. Но я не знала, что мне делать. Не придумала. Я, честно говоря, когда продала вторую аптеку, часть ушло на ремонт, часть у меня осталась – там, в Алма-Ате, купила квартиру. Потому что здесь тоже невозможно было купить на эти деньги ничего. Там я купила, вложила в квартиру. Но начался в 1997 году кризис, и я на этом еще больше потеряла. Потом только через четыре года я смогла ее продать, и намного дешевле, чем вложила. Получилось, что я совсем не в струю попала. Получилось то, что получилось. С этими кризисами, конечно. Вот до кризиса эта квартира стоила 12 миллионов. Сейчас она стоит 8 миллионов. Если до кризиса я еще думала, что мы продадим и купим хотя бы по однокомнатной квартире, то сейчас это невозможно. И я, честно говоря, не знаю. Стараюсь сейчас об этом не думать. Там посмотрим. Пока дети меня еще терпят.

Мой сын как-то сказал, что они с другом, друг у него тоже живет с мамой, хотят снять квартиру. Но как-то сейчас замолчали, потому что его сократили на работе, а у сына закрылось предприятие, на котором он работал. И сейчас они оба в поисках работы. Вот и оба молчат. Конечно, им хочется свободы, хочется своего. Взрослые уже. Тем более сын в Таиланде два года, почувствовал уже... И дочь три года жила в Москве, сама себе была хозяйкой. Конечно, им хочется быть. И я их вполне понимаю. Но тем не менее мамины чувства выплескиваются иногда. Надо делать то, другое. Мама я уже взрослая, я уже знаю, как это нужно, что это нужно.

И.: Если продавать квартиру, вы согласны жить на окраине города?

Р.: Честно говоря, я бы не хотела жить на окраине города. Но я к этому отнесусь спокойно. Но сейчас я и этого не вижу, чтобы на окраине купить. Как нам сказали, в лучшем случае за 9 миллионов она уйдет, потребуется миллион. Это только на окраине где-нибудь. И то в строящихся домах где-нибудь. А отремонтировать тоже на что-то надо. У меня таких уже... У меня есть какие-то, но это уже такие мелочи, что даже на ремонт не хватит. Поэтому мы сейчас как бы не рассматриваем этот вариант. Ну а в будущем все равно придется.

4 июля 2017 г.

**Рожденные
после 1963 года**

Мои дома в Петербурге

Станция Нева

Свои первые воспоминания в жизни я связываю с маленьким личиком, которое проглядывает в окошко коляски. Личико очень симпатичное, но почему-то все усыпано чем-то белым. Это потом я узнал, что была такая (да и сейчас, наверное, есть) детская присыпка, которой «присыпали» детские ротки. Для чего? Трудно сказать. Только такой эпизод в моей жизни действительно был. Моя сестра, Катя, которая помнит гораздо более раннюю нашу жизнь и вообще отличается от всех нас, четверых детей нашего отца, цепкой памятью и запоминанием мелких деталей, такой факт рассматривания маленького детского личика подтверждает. В коляске наш очередной братик, Артемушка. Его только что привезли из родильного дома, и он еще не может разговаривать, но он уже существует, и что-то обнадеживающее разливается в моей маленькой душе – ведь мы будем играть с ним, дружить с ним.

Значит, мне четыре года, ведь Артемка младше меня на четыре года, Катя – на два года и еще родится наш самый маленький братик – Дениска, который будет младше меня на десять лет, а это уже целое поколение разницы. Дениску назовут в честь модных тогда, в 1970-х, «Денискиных рассказов» Виктора Драгунского, которыми мои родители зачитывались и зачитывали нам, своим многочисленным детям...

Мы живем на станции Нева. Этот район и поныне существует, улица называется Народной, мы только что переехали в новенькую хрущевку, стайка которых ютится почти у железной дороги. Значит, это 1967 г., и дома уже в полной мере можно назвать брежневками. Здания довольно примитивные и однообразные, как коробки, но стоят они таким уютным каре, защищающим от ветров близрасположенного поля, что так и хочется поскорее «занырнуть» в его обособленную, теплую ауру. На углу – гастрономический магазин, невозможно не зайти в него, подходя к дому. Вот и мама идет из магазина! В такой знакомой сеточке позвякивают бутылочки с молоком и кефиром, яйца завернуты в бежевую бумагу, в кулечке (в те времена полиэтиленовые пакеты еще отсутствовали в нашей жизни),

в такую же бумагу завернуты ароматные сосисочки, в эту же бумагу завернуты прянички! Мама придет домой и развернет все это и будет вкусно и разнообразно пахнуть продуктами и бумагой, чуть подсыревшей от влажного творога...

Какие вещи украшали наш семейный уют? Треугольный столик о трех ножках и торшер, склонившийся над ним, – вот мои воспоминания на фоне сознания, отправляющегося в гости к Морфею. При этом при переезде с предыдущей квартиры на Кондратьевском проспекте мы выкинули часть гарнитура, который был сработан в середине XIX века. **В том числе был в составе этого гарнитура и ломберный столик, основание которого украшал немислимый обработанный кусок розового гранита.** Позже, в 1969 г., когда мы получили дачу в садоводстве «Юбилейное» в Новом Токсово, в семейный туалет нужно было карабкаться по небольшой горке, что в дождливую погоду было слегка неудобно. Гораздо удобнее было разбить этот кусок розового гранита и небольшими этими розовыми кусочками выложить узкую дорожку, ведущую от времянки к туалету. Эти розовые вкрапления до сих пор стоят перед моими глазами.

Но вернемся на станцию Нева.

Мы встречаем маму во дворе нашего детского анклава, «огороженного» четырьмя домами, внутри которых находится наш «двор», за пределы которого нам нельзя выходить. Мы гуляем одни, без бабушки. Это невероятно, но двое детей, допустим, четырех и двух лет могли спокойно разгуливать, пускай в пределах оговоренной территории, но практически без присмотра взрослых. *Было безопасно.* Не было железных, запирающихся на замки дверей в подъезды домов, домофонов. Подвалы и чердаки не запирались, эта тайная территория манила нас, была не изведена и ждала своего времени, когда мы станем постарше.

У нас большая семья, которая регулярно увеличивается, поскольку у нас есть бабушка, стимулирующая родителей на все новые и новые демографические «подвиги», и это прекрасно, что теперь нас четверо самых близких людей на Земле и наша персональная демография развивается уже в геометрической прогрессии.

Мои папа Ким Николаевич и мама Алла Ивановна в гостях у соседей (станция Нева, 1965 г.)

Тогда, в 1967 г., наша квартира кажется мне просторной – там есть большой коридор, из которого можно выбежать в кухню, спальню или гостиную. Родители спали, вероятно, в гостиной, мы спали втроем (уже втроем!) вместе с бабушкой в спальне, на кухне проходили наши трапезы и встречи с родителями. Поздно с работы приходил папа и рассказывал нам безумно интересную сказку с продолжением. Она называлась «Бум-бум». Называлась так она потому, что у нее была звучная и необычная заставка: «Бум-бум, бум-бум, бум-бум-бум-бум-бум-бум». Откуда наш папа взял эту заставку – неизвестно; скорее всего, он подсмотрел или подслушал ее в каком-то «блокбастере», но это не важно. Важно то, что маленькие мальчик и девочка, затаившись в ожидании и боясь спугнуть чудо происходящего, с замиранием слушают полноценный радиоспектакль, герои которого – благородные и разнообразные существа, рожденные фантазией нашего отца. Он сочиняет сказку на ходу, но это совершенно незаметно – он будто читает невидимую книгу (ведь в комнате полумрак), сказка продолжается ежедневно, от вечера к вечеру, без выходных. Это наш первый «телесериал» и первая большая литература. Сейчас мы не любим смотреть телесериалы, даже если это «Игра

престолов». Наверное, потому, что лучше и интереснее «Бум-бум» так и не встретилось в нашей жизни. Со временем наша аудитория прирастала идущими вслед за нами братишками, но герои этого захватывающего повествования не менялись, они совершенствовались со временем и попадали в различные ситуации, «списанные» папой со страниц Ремарка, фильмов «Фантомас» и всего того культурного слоя, которым обладали родители и который адаптировался под наше детское восприятие.

Забегая вперед, хочу сказать, что, воспитывая двух дочерей, я не смог придумать ничего подобного. Наше с ними предтохдное ко сну общение ограничивалось в лучшем случае изучением талмудов Толкиена и похождениями Гарри Поттера с плохим произношением незнакомых, трудновыговариваемых слов, когда читающий зачастую засыпал раньше читаемого.

Несмотря на свою загруженность (папа работал в системе Профтехобразования, был самым молодым директором ПТУ Ленинграда, впоследствии – заместителем начальника Главного Управления профессионально-технического образования Ленинграда и Ленинградской области). Временами он жил на работе, поскольку отвечал за все происшествия, которые случались с воспитанниками этих профтехучилищ, а были среди таких происшествий и драки, и убийства, и самоубийства. Он мог среди ночи умчаться в Подпорожский или Бокситогорский район для того, чтобы первым вникнуть в ситуацию, разобраться в ней, провести необходимые встречи, воспитательные беседы, прежде чем понять: «Карать или миловать?» Вся статистика и динамика правонарушений тысяч учеников ПТУ были в его ведении и в его «зоне ответственности», как сказали бы сейчас.

Вообще, о Киме Измайлове, моем папе, можно рассказывать очень долго. Начав с ремесленного училища на Металлическом заводе, он без отрыва от производства окончил филологический факультет Ленинградского университета, связав свою жизнь сначала с системой профтехобразования, а впоследствии с культурой нашего города, многие годы возглавляя сначала Дворец культуры им. Ленсовета, а позднее, в «лихие девяностые», – Дворец культуры железнодорожников (Лиговский народный дом).

Ким, наш папа, был главным «двигателем» нашей жилищной истории. Ведь это он по своей служебной линии получал новые квартиры, в соответствии со своим служебным положением и разрастающейся семьей. Рождался новый ребенок – почти сразу мы получали новую квартиру, сообразно семейному положению. В этом плане голова, похоже, у родителей не болела. *Это была гарантированная опция.* Наличие работы, крыши над головой, социальных гарантий и безопасности – вот те основные «киты», на которых держалась советская власть, от которой в одночасье отказались представители «богоизбранного» народа в конце

XX века. Народа, который всего 100 лет назад, в начале этого же века, с таким же воодушевлением поддержал большевиков. Отказавшись от царя и религии, от собственных корней и устоев, поверив в обещания «земля – крестьянам», «мир – народам» и другим, как сейчас сказали бы, «разводам», заплатив за это страшной ценой репрессий, войн и колоссальных экономических и исторических катастроф.

Среднеохтинский проспект, ул. Панфилова, 22, ул. Миронова, 22

Предлагаю мысленно перенестись в наше **первое родовое жилье в Петербурге**, которое приобрел мой прадед, Иван Алексеевич Голубев, приехав в середине XVIII века в Петербург из Клинского уезда Тверской губернии. Этот дом стоял когда-то на Охте, в районе Мироновой улицы, есть такая улица в Петербурге до сих пор, между ул. Панфилова, Большой Пороховской ул. и Среднеохтинским и Большеохтинским пр. Название этой улочки не менялось с 1828 г., дано название по фамилии управляющего этим районом, улица длиной в 110 метров. Этот дом, на пересечении Большой Пороховской и Среднеохтинского проспекта (в 50-х гг. XVIII века носил название Средне-Охтенский), служил прадеду и жилищем, и бизнесом, свой капитал он кропотливо зарабатывал на открытии кипяточных, грошовых заведений, где человек за копейку мог «испить кофею» (если, конечно, захватывал с собой щепотку этого самого кофе или чая). Со всех сторон это было выгодно – и тем, кому не пришлось вставать «ни свет ни заря», растапливать печь и дожидаться, пока взгреется кипяток, чтобы позавтракать чем-то горячим, и тем, кто позаботился об этом заранее, предложив кипяточку за копейку. Первая кипяточная была открыта, по информации справочника «Весь Петербург за 1894 год», на Боровой улице, дом 96, по соседству с Лиговским проспектом. Но не это соседство было определяющим. Заведение прадеда находилось в непосредственной близости от Анисимовской мануфактуры (фабрика основана английским акционерным обществом в 1846 г. и под названием «Новая бумагопрядильня» существовала до 1917 г., национализирована 4 марта 1919 г. и получила название Новая бумагопрядильная мануфактура, позднее – Фабрика им. Петра Анисимова). Именно на рабочих этой фабрики был нацелен прадедовский кипяточек. Прадед, предполагаю, складывал свои копейки не один год, прежде чем приобрел (или арендовал) здание на Средне-Охтенском проспекте. По этому адресу сдавались внаем комнатки, был, по-нашему, мини-отель. Первый этаж здания был отдан под трактир «Пекин» (не потому, наверное, что там подавали суши, а просто потому, что название само по себе было модное и любопытное, диковинное). Такой маркетинговый ход. И народ хорошо, по всей видимости, проводил время в этом заведении, ведь выбор места был очень правильным.

Приведу выдержку из «Википедии»: «В феврале 1720 г. Петр I издал указ об основании на Охте плотничьей слободы. В 1721 г. при впадении реки Охты в Неву, на месте бывшей шведской крепости Ниеншанц было создано поселение и построено пятьсот изб для собранных из разных губерний ремесленников, которые были обязаны участвовать в адмиралтейских работах, за это они были освобождены от всех податей и получали плату. Эти мастеровые были приписаны к Партикулярной верфи. Формально они считались “вольными плотниками”, но в действительности находились на положении крепостных. Заниматься иным промыслом они не имели права, равно как и отлучаться из слободы, не дав поруки о том, что возвратятся. Даже жениться “вольные плотники” могли только на охтинских девушках, а девушки не имели права выходить замуж за “посторонних”. Покинуть слободу и выйти в другие звания разрешалось лишь после шестидесяти лет».

Таким образом, мы понимаем, что коллектив, который веками сложился в этом районе, был дружный, крепкий, тяготеющий к потреблению спиртного и, соответственно, место для ресторации было весьма подходящим. Помимо любви к спиртному, отличало этот народ почитание Бога, не зря в «шаговой доступности» располагались две церкви – Коневский монастырь и церковь Большеохтинского кладбища (Никольская церковь). Коневский монастырь был разобран в 1930-е гг., церковь Большеохтинского кладбища здравствует до сих пор. Прадедушка и прабабушка упокоены рядом, на Большеохтинском кладбище, причем в приделе церкви, о чем говорят многочисленные захоронения священников в окружении могилы моего прадеда, а также церковный парапет, который «проявляется» в ходе наших новых «раскопок», произведенных в результате новых захоронений. Никольская церковь вследствие разрастания кладбища «передвигалась» ближе к проспекту Металлистов. Захоронение, произведенное в приделе церкви, говорит о том, что мой прадед был «правильный пацан» и умел делиться, потому, наверное, и дела его шли хорошо – до момента его смерти от «подозрительного поноса» в 1912 г. Гроб прадеда не открывали, боялись, что болезнь заразна, отпевали его в Никольской церкви на том же Большеохтинском кладбище. В этой же церкви почти через 100 лет, в 1990-х гг., крестились и мы с моим папой, названным при рождении КИМом (а как еще можно было назвать мальчика, рожденного в День КИМа¹ (впоследствии ВЛКСМ), 29 октября 1937 г., – не Петей же!). При крещении его нарекли Иоакимом, и теперь в церковных поминальных списочках мы указываем именно это непривычное имя.

---

¹ КИМ – Коммунистический интернационал молодежи.

Средняя Охта в XIX веке.

Свято место пусто не бывает. На месте дедовского трактира обосновались пивные ларьки. Магия места. 1970-е гг.

Моя бабушка Вера Ивановна Каштанова (Измайлова) – справа, сидит; слева от нее – старшая сестра, Лидия Ивановна; за ними – гувернантка (имя и фамилия неизвестны).

Каким был дом, где жил мой прапрадедушка Иван Алексеевич Голубев, мне неизвестно. Но он успел в конце XIX века выдать замуж свою дочь, мою прабабушку Надежду Ивановну Голубеву, за своего полного тезку – Ивана Алексеевича Каштанова, которые подарили миру трех дочерей – Лидию, Веру и Любовь. Один из их домов, на улице Панфилова, 22, остался только на малочисленных фотографиях – деревянный, двухэтажный, отапливаемый печным способом (судя по трубам). В период страшных блокадных зим он был по частям разобран обезумевшими ленинградцами. Как рассказывала моя бабушка, средняя дочь Каштановых, Вера Ивановна Измайлова (1904–1979), «сначала одну доску оторвали, потом вторую, а потом и весь дом разломали». Это почти все, что она рассказывала мне о том доме, где они жили до революции (1917). И рассказывала она так, как будто речь идет о чужом доме, не о том, где прошло ее детство. Ее младшая сестра, Любовь Ивановна, вспоминала о том, что революционные события запомнились ей ударом нагайки конного полицейского (вероятно, она «попала под раздачу» в период массовых событий, – может быть, проходила мимо какой-нибудь стачки). Не знала Любовь Ивановна, что через 100 лет хлестание нагайки вернется в наше общество. Но этот обидный удар нагайки запомнила на всю жизнь. Примечательно, что бабушка Вера Ивановна водила меня в Дом пионеров и школьников на занятия по баяну, который располагался поблизости, на Большой Пороховской улице. Трамвай, на котором мы два раза в неделю ехали от Анникова проспекта, поворачивал с Большой Пороховской на Среднеохтинский проспект, и ни разу за несколько лет даже не упомянула о том, что на этом месте находился дом, в котором она родилась! *Вообще, тема дореволюционной жизни в советском обществе была, как правило, табуирована. Люди не рассказывали о своем прошлом, о своем происхождении, долгие годы это было смертельно опасно.*

Сказать по правде, мало что осталось от этого, первого нашего дома в Петербурге. Ведь, судя по малочисленным воспоминаниям наших старших, в 1920-е гг. их раскулачили, переселили на Миронову улицу, упомянутую в моем повествовании, но уже на более долгое время. Похоже, на этой улице прошел период взросления и замужества моих двоюродных бабушек, равно как и моей бабушки, которая вышла замуж за Николая Георгиевича Измайлова и взяла его фамилию. Остался только набор ножей, за которыми прадед, по преданию, ездил на Нижегородскую ярмарку. Это были железные ножи, на которых были изображены две пожатые руки и надпись: «Павловская артель». Возможно, ножи эти использовали посетители ресторации «Пекин», которой владел Иван Алексеевич. Почти все ножи были сломаны в детстве автором этих строк, Измайловым Алексеем Кимовичем, в процессе модной в 1970-е гг. игры в ножички. Эти ножи с закругленными лезвиями совсем не были предназначены для такой игры – ведь ножик

должен был врезаться в землю! Когда хрупкие железные ножички ломались, их было удобно втыкать в землю, и я от этого радовался. А бабушка, видев это, сильно расстраивалась, но я тогда не понимал причины ее печали...

Кондратьевский проспект, д. 40, кв. 14

Первой отдельной квартирой семьи Измайловых была коммунальная квартира, которую получила моя бабушка. Располагалось это жилище на Кондратьевском проспекте. По этому адресу я родился. Напротив бывшего кинотеатра «Гигант» (ныне развлекательный центр) мрачно маячат разрушенные дома с наско-

ро заколоченными окнами и дверями, настоящие «бомжатники». Как и сейчас, домам этим больше подходит название «корпуса». И выглядят они, как корпуса, – безликие, одинаковые, будто ссушеные. Правда, когда-то этот квартал считался очень прогрессивным и выглядел так, как на фотографии слева².

Кондратьевский жилмассив.

² «Кондратьевский жилмассив – жилой микрорайон, состоящий из 12 корпусов в Калининском районе Санкт-Петербурга. Расположен между Кондратьевским проспектом, улицей Жукова, Чичуринским переулком и Полостровским проспектом. Официальный адрес: Кондратьевский проспект, 40 (в народе «Сороковые корпуса»). В ноябре 1927 – апреле 1928 г. Ленинградский Комитет содействия рабочему жилищному строительству провел конкурс на типы стандартных квартирных ячеек в каменных жилых домах и застройку участка земли, который тогда входил в состав Выборгского района. Был построен в 1929–1931 гг. по проекту, который был разработан в проектно бюро Стройкома. В квартале были построены 12 однотипных 60-квартирных жилых корпусов, прачечная, библиотека, клуб, ясли и детский сад. В доме, который выходит фасадом на угол Кондратьевского и Полостровского проспектов, располагается Калининский универмаг, построенный в 1933–1936 гг. Этот жилмассив был создан одним из первых в Ленинграде для рабочих Выборгской стороны. Первый жилквартал, положивший начало социалистической реконструкции района. Согласно идеологии того времени, в квартирах нет ванных комнат (люди должны были мыться в банях), а площадь кухонь небольшая (пролетариат должен был питаться в столовых). Комплекс является характерным памятником конструктивизма. В 1970-х гг. дома признали требующими ремонта. Сейчас они в аварийном состоянии, их будущее остается неопределенным. Они фактически саморасселились» (источник: «Википедия»).

Папа однажды привел нас, своих детей, в ту квартиру на Кондратьевском проспекте, где он жил с мамой во время войны. Это было в 1970-х гг. Я помню, что открылась дверь, папа извинился и сказал, что в этой квартире он жил во время войны. Небольшая женщина молча отошла от двери, пропуская нас внутрь. Моему взору открылся длинный обшарпанный коридор, бросилась в глаза колченогая газовая плита, над которой были развешаны черные мужские носки в желтую полоску (почему-то именно эти носки и запомнились мне больше всего). Весь набор убогого быта предстал перед нашими глазами – останки велосипеда, висевшего под потолком коридора, одинокий черный телефонный аппарат, вокруг которого стены были испещрены витиеватыми надписями. Слева по коридорной стене размещались двери комнат, я не успел сосчитать количество этих дверей, но их было, вероятно, не меньше восьми. Вот в этом обшарпанном коридоре прошли для моих бабушки и папы страшные дни блокады Ленинграда. Кстати, о блокаде, которую прожили мои родные от первого до последнего дня, рассказывалось очень мало. Буквально четыре эпизода повторялись из года в год и остались в моих личных воспоминаниях, о которых я хочу поведать.

Первый и самый страшный был связан с тем, что украли моего отца, когда он был маленьким, в возрасте пяти лет, в страшную зиму 1942 г. Обстоятельства кражи ребенка детально мне неизвестны, но это произошло. Видимо, занимались этим опытные люди, дела по краже детей были поставлены на поток. Ситуация по тем временам распространенная, поскольку, как стало известно нам уже значительно позже, случаи людоедства были достаточно распространены в блокадном городе. За это суровым образом виновные наказывались, вплоть до расстрела на месте. Но, как я понял из рассказа бабушки, были места, такие «нехорошие квартиры», о которых все знали, но никто не принимал мер по их ликвидации. Наша полиция и сейчас знает все адреса воровских притонов, квартир, где продают наркотики, самодельный алкоголь, где проводятся подпольные сеансы игр в казино, адреса борделей и так далее. Знает, но не слишком что-то предпринимает. Более того, как сейчас сказали бы, «крышует» подобные заведения. В тот страшный день, когда обнаружилась пропажа, счет шел на минуты, и бабушка начала обегать близлежащие адреса, положив в основу свою интуицию. В одной из квартир, заглянув в окно, она обнаружила своего Кимушку, мирно сидящего на диванчике в кухне, где варился подозрительный отвар и вкусно пахло едой (котлетки из детского мяса почти в открытую продавались на ленинградских рынках). Вероятно, и запах, и запотевшие кухонные стекла натолкнули бабушку на это место, только она, буквально через окно, вырвала своего сына из компании «добрых дяденек». Как оказалось, мой маленький голодный отец «клюнул» на обещание угоститься конфеткой. Об этом случае вспоминала родная

сестра моей бабушки, Любовь Ивановна. Рассказ был под строжайшим запретом, нам запрещалось задавать уточняющие вопросы.

Второй случай блокадных времен был связан с посещением рынка, где можно было в блокаду обменять драгоценности на продукты питания. Прабабушка Надежда Ивановна, взяв в помощники своих дочерей, как-то раз пошла на Кондратьевский рынок. Пошла не одна. Она прихватила с собой подарки мужа, которому дарила дочерей Лидию (1898), Веру (1906), Любоньку (1908), и за каждый свой поход «за доченькой» получала от состоятельного мужа бриллиантовые украшения. В этот раз были взяты с собой бриллианты, уцелевшие во все предыдущие времена «раскулачивания» (эти камушки предусмотрительно были вынуты из изделий и представляли из себя небольшую горку крупных бриллиантов, 1,5–2 карата каждый). В общем, по семейному преданию, ничего они не выручили за свои камни, их забрали «на освидетельствование», через некоторое время вернули, заявив, что они поддельные. Короче, камушки благополучно подменили, ничего не предоставив взамен. Неужели прадед дарил прабабке поддельные камни? Думаю, не такой он был человек. Честный был и любящий. Вот профессиональные менялы на рынках были, вероятно, людьми другого свойства. Ну да Бог им судья! Камни дожили до наших дней (достались мне как семейная реликвия после смерти папы), были проверены мной на специальном оборудовании и подтвердилось, что это не бриллианты, а горный хрусталь, но очень высокой пробы. Кстати, и их постигла незавидная судьба – нашу квартиру в 2016 г. ограбили и вынесли все, что могло представлять какую-либо ценность. Как воры, вероятно, разочаровались, рассмотрев украденные у нас «брюлики»!

Третье блокадное воспоминание касалось истории, произошедшей с нашей бабушкой, Верой Ивановной. В годы блокады она работала директором ткацкой фабрики «Возрождение», корпуса которой находились на Охте в том месте, где собирались строить Орловский тоннель (тоннель не построили, фабрику снесли). После окончания утренней смены, в районе 4 часов утра бабушка вышла на пустынную площадь перед фабрикой (площадь эта здравствует и поныне). Она стала свидетелем происшествия, которое запомнила на всю жизнь и рассказывала нам, своим внукам. Она увидела, как падает лошадь. То ли от голода, то ли от усталости, либо по каким-то другим причинам лошадь делает последние шаги в своей жизни, и находчивый возница в последнюю секунду пронзает эту лошадь чем-то острым (в рассказе не было ссылок на орудие убийства) и убивает эту лошадь. Соответственно, лошадь не умирает своей смертью и не считается падалью, а умирает честно, от руки возницы-палача. Таким образом, бабушка получает огромный (по ее словам) кусок конины, который был разделен на всех домочадцев и позволил голодающим людям продержаться какое-то время. Уж что они

с этой кониной только не делали! Часть куска заморозили, из части сварили бульон, мясные кусочки растерли в фарш – воспоминаниям не было конца. И какими же счастливыми были их лица, когда в относительно сытых 1970-х сестры нам рассказывали об этом!

Вообще о блокаде не рассказывали. Остались записочки папы-школьника младших классов (вероятно, он только научился писать): «Мама, оставь покушать», «Мама, не волнуйся, я в школе». Бабушка Вера, работая на фабрике сначала парторгом, а потом и директором, имела чрезвычайно громкий голос, сформировавшийся из-за привычки перекрикивать ткацкие машины (предприятие шило портянки, форму и другие важные составляющие гардероба советских солдат). Жила бабушка при фабрике, потому что в любой момент могли позвонить и спросить директора, а если такового на рабочем месте не находилось – расстрел. На работу от Кондратьевского на Охту бабушка ходила пешком (по улице Жукова и направо, к фабричной проходной), я замерял как-то пешком это расстояние – примерно около часа, но если учесть скорость голодных, посиневших от холода молодых женщин... Еще тетя Люба вспоминала, что, когда отец возвращался из школы, его встречали у окна и Ким на подходе к дому кричал своей маме (моей бабушке): «Баланду оставила?», «Дуранду оставила?». Баланда – варево, из которого делалась блокадная похлебка. В разное время в баланду входили лебеда, клей. Дуранда – спрессованный жмых, оставшийся от производства муки. Эти слова, слава богу, давно покинули наш лексикон.

Четвертый, уже послевоенный эпизод, который рассказывался неоднократно, но скупно, – это рассказ о казни немецких преступников, совершенной в январе 1946 г. на площади Калинина перед кинотеатром «Гигант» в Ленинграде. Свидетелем казни был мой отец, которому было в тот период 9 лет. Любопытно, что подобная казнь – единственная в XX веке публичная казнь в нашем городе. Несмотря на полное отсутствие «рекламы», народу пришло много и в описаниях очевидцев это событие нашло свое отражение в различных источниках. В том числе казнь была запечатлена журналистами ТАСС в пропагандистских целях. Отец же вспоминал скупно, упомянув только, что через несколько дней у повешенных были сняты сапоги и сладковатый запах гниения человеческих тел разносился по близлежащим окраинам еще несколько дней. Повешенные трупы охранял часовой, который не препятствовал местной ребятне кидаться льдинками в трупы немецких офицеров... Вероятно, все эти события было нетрудно наблюдать из окна.

5 января 1946 г. Казнь немецких офицеров у кинотеатра «Гигант». Кондратьевский пр., д. 40 (универмаг) и д. 40, корп. 11. В объектив фотокамеры попали окна нашей квартиры, где жили отец и бабушка.

Мой дед Николай Григорьевич Измайлов (1905–1944), по свидетельствам родственников, сын обрусевшего немца, проживал в Пушкино (Пушкин), откуда был призван на фронт в 1941 г. и погиб под Нарвой 17 февраля 1944 г. Здесь дед – вероятно, гимназист.

Дедушка, Николай Измайлов, и бабушка, Вера Ивановна Измайлова (урожденная Каштанова), истинные комсомольцы, впоследствии – коммунисты, 1939 г.

До войны дед был заядлым мотоциклистом.

Здравствуй
Кимочка
Посылаю тебе картинку.
Ты же у меня проши
они переводные, мама
мне. Предь мода
накучит как надо
переводить, а ты
Кимочка мне проши
свои рисунки
Накучит от меня маму
и бабу и мне и
отлет. Целую тебя
время, время
твоя мама.
30/1

это тебе как подарок
как подарок тебе
игра подарю тебе
прелегую мамочку тебе
любимая если дуру дура
Ты смотри за маму
что бы ты не чини
много стучит и что
ты не кто не кричи
мама от меня накучит
отрастает, маме в вост
стать мамочку, а она
боится не кричи
Посылаю тебе картинку
накучит, не дура
отрастает мамочку не
маму. Прелегую тебе
как подарок тебе проши
ему Кимочка
Целую мамочку
мамочку и от
мамама
как мама подарю

Одно из писем деда с фронта, год не указан, но военной цензурой проверено.

Архивная справка, подтверждающая смерть деда. Теперь это Эстонская Республика и путь к этому месту непрост. Я искал могилу деда много лет, но помогла только встреча с местными знатоками военных действий в Эстонии – они помогли установить, что место захоронения деда в 1944 г. в Мустамыйе было завалено отходами местного целлюлозно-бумажного комбината. В 1979 г. останки деда перезахоронили на братское кладбище в Синимаяэ. Об этом есть упоминание на братской могиле.

Дача в садоводстве «Юбилейное», Новое Токсово

Свое первое загородное жилье мой папа получил по служебной линии в садоводстве «Юбилейное» местечка Новое Токсово Всеволожского района Ленинградской области в 1969 г. Эта местность начала развиваться именно в конце 1960-х за счет открытия военной дороги, так называемой «бетонки», которая служила транспортной артерией, соединяющей «ракетный щит Ленинграда» (десятки воинских частей, обеспечивающих на случай войны ракетное прикрытие Северной столицы). До этого существовало только железнодорожное сообщение. Приходилось ехать на электричке до станции Осельки и далее пешком около пяти километров идти до садоводства через поля и лес. Каким бесконечным маршрутом казалось мне это расстояние! Относительно недавно я снова преодолел его. Оказалось, не так уж и далеко! Правда, эта местность изменилась до неузнаваемости.

На дачу перекочевали все «прелести» городского уюта, включая треугольный столик и торшер, поскольку в нашей новой квартире (Анников проспект, дом 5), появились другие предметы обихода. Так уж повелось, что цикл перемещения вещей десятилетиями не меняется: старая мебель и вещи перемещаются на дачу (наверное, им нужно «отлежаться», чтобы хозяин окончательно убедился в их ненужности). Позже, через два, три или четыре года они перемещаются на местные загородные свалки. Неудивительно, что Ленинградская область буквально задыхается от этих свалок – ментальность такова, что люди неохотно расстаются с вещами. Особенно это касается обуви. Обувь была в советские времена достаточно дорога. В нашей многодетной семье вещи передавались по наследству. Покупали мне костюмчик. Я носил его до тех пор, пока из-под брюк безнадежно не вылезали белые носочки, сигнала, таким образом, о давно переросшем эти брючки хозяине. Костюмчик убирался до поры до времени и передавался среднему брату, Артему. Позже – младшему брату, Денису. То же происходило с рубашками, ремнями и обувью.

На даче в Новом Токсово была общая спальня, в которой жили мы все (дети) с бабушкой Верой Ивановной, спальня (проходная), где жили родители, и веранда, разбитая на две части – импровизированная кухня, где на керосинках бабушка готовила нам еду, и более просторная ее часть, в которой проходили общие чаепития, велись семейные разговоры, читались книги, проводились коллективные игры. Мебель на даче представляла из себя самый разнокалиберный контингент, собранный из предыдущих квартир, – кровати, стулья, диван были из разных времен, включая шкаф из описанного ранее гарнитура красного дерева. Был также книжный шкаф, дореволюционный, в котором хранились наши книжные сокровища. До сих пор жив сборник диктантов, по которому мы все учились грамотно

писать. Уникальная книга: в течение летнего сезона каждый из нас в свое время, проходя ее под диктовку, становился грамотным человеком.

Анников проспект, дом 5, корпус 1

Ныне этот проспект называется проспектом Маршала Блюхера. На этой улице я пошел в школу, где у меня появились первые друзья, случилась первая любовь, мной был испытан первый опыт дружбы и предательства. Это место преследует меня всю жизнь, потому что прямо под окнами нашего дома была большая песочница, где мы проводили все свое свободное время. Бабушке доставало было немного высунуться в форточку третьего этажа и позвать нас обедать или ужинать, причем дважды повторять было не принято. С другой стороны дома находилась линия электропередачи, там протекала неимоверно большая река (?), в которой я чуть было не утонул, так что испытанный страх смерти я пережил тоже в этом месте.

Мы живем в просторной трехкомнатной квартире, папа также работает на ответственной работе в советских органах, жизнь стабильна и предсказуема. Из Токсово меня привезли в школу прямо перед 1 сентября 1970 г., мама соорудила букет из флоксов, и еще долгое время этот запах будет напоминать мне школу, праздник «Первое сентября». Мне купили велосипед, и перед началом занятий я каждый день объезжаю на нем мой район, ловя завистливые взгляды ребят, которые попадают на моем пути. Велосипед в начале 1970-х – штука дорогая и модная. Бабушка и родители понимают пользу велосипеда и не препятствуют моим «вояжам». Велосипед называется «Орленок» и представляет собой второй «шаг» подростковых велосипедов. Первый – «Школьник», для детсадовцев и младшеклассников. В 9 лет этот велик не по мне. Когда я перестал рано вставать? Для такого променада нужно было подниматься в 7 утра, ведь занятия начинались в 9. В этой квартире мы прожили до 1975 г., к тому времени у нас появился третий братик, Денис, и мы переселились в четырехкомнатную квартиру.

Улица Антонова-Овсеенко, дом 21

Для меня этот переезд был похож на ад. В новой школе коллектив был достаточно дружным, и новичков в нем не любили. Отстаивать свою самость приходилось при помощи кулаков. Драки стали постоянным явлением в моей жизни. С них начинался день и ими же заканчивался. Живы были какие-то деревенские устои, ведь эта территория заселялась в основном выходцами из российских деревень. Практиковались коллективные драки (то, с чем лично мне

пришлось столкнуться впервые, – публика на Анниковом проспекте была более «городской»). В это время была распространена и работала в воспитательных целях «лавочная» система воспитания. У подъезда всегда находилось несколько бабушек, которые бесконечно выгуливались, несмотря на время года и время суток. Они все про всех знали: кто, куда и с кем пошел, эту информацию они транслировали родителям, соседям и вообще всем, кому считали нужным. Могли одернуть, сделать, не стесняясь, замечание, высказать «общественное мнение» и дать собственную оценку. Это тоже было немного ново, косвенно напоминало деревню, но такой бабушичий «комиссариат» присутствовал у каждого подъезда, обеспечивая дополнительную безопасность. Бабули могли безошибочно назвать время появления в их зоне того или иного персонажа, особо уделяя внимание неизвестным и подозрительным.

Для меня это было время формирования моей личности, которая отстаивалась в драках и школьных интригах. Здесь мне удалось создать первую общественную организацию, вовлечь одноклассников в работу, связанную с помощью ветеранам войны и пожилым людям по хозяйству, уборке квартиры и другим мелким полезным делам. У нас в квартире собирались до 20 человек, где мы обсуждали свои планы. Удивительно, но родители ни разу не упрекнули меня за подобную общественную деятельность. Позже я создал собственную рок-группу, и мы почти ежедневно собирались для репетиций. Причем репетиции эти нельзя было назвать тихими. Однако никогда не высказывались по этому поводу неудовольственные суждения. Соседи не стучали в стенку, не приходили выяснять отношения. Похоже, люди были терпимее к подобным увлечениям. Я ведь еще почти каждый день репетировал на баяне, занимаясь в оркестре баянистов профтехобразования (ныне – «Павел Смирнов Оркестр»). Довольно много времени занимало обучение в школе, но не меньше – дворовые игры. Это в основном была для меня игра в «ушки», военные и морские пуговицы. Вот где познавались радость нежданной победы и горечь одномоментного проигрыша! Бывало, выходишь на улицу с огромным полиэтиленовым пакетом «денег», а возвращаешься с пустым мешочком. В принципе, прообраз денег. Здесь учились не «терять голову», быть хитрым и осторожным, уметь грамотно распорядиться ресурсами, немного «жилить» и получать за это по заслугам. В Веселом поселке, как называлась эта территория, я освоил игру на гитаре, выучил несколько модных шлягеров и был всегда востребован в школьных компаниях, теперь ни один приличный день рождения одноклассников без меня не обходился.

Здесь, в этой квартире, умерла бабушка, а впоследствии и мама, так что стены «Овсяши», как мы называли эту квартиру, окрашены также и в трагические тона. В этот дом я привел свою жену – Катю, здесь формировались наши

первые принципы и основы семейной жизни. В этой квартире появилась на свет наша первая доченька – Настя. В этой квартире я прожил всю свою студенческую жизнь, из этой квартиры я ушел в Советскую армию. Вернулся из армии на другой адрес.

Воронежская улица, дом 69

Это была служебная квартира, которую получила моя жена Катя за то, что устроилась работать комендантом в Инженерно-экономический институт им. П. Тольятти. Двенадцатиэтажная громадина нависала над небольшими домами в округе и прилепившемуся к ней Воронежскому садику, с которым связана наша рекреативная деятельность, – в садике мы гуляли, бегали, через него мы водили Настю в детсад, ходили в бассейн... Садик меланхолично терял листву, покрывался снегом, расцветал, цвел и снова терял листву. Так тянулись долгие 10 лет. Это была западня. Мы были формально прописаны на «Овсюше» и не могли встать на жилищную очередь (метраж на душу населения не позволял), купить квартиру также было невозможно из-за отсутствия средств, и возвращаться на ул. Антонова-Овсеенко было невозможно – там уже подросли мои братья и сестры, вышли замуж и оженлись, родили детей. Здесь мы прожили «лихие девятые», на Лиговке посетили первое кооперативное кафе «Классик», где цены нас удивили, здесь, отстояв огромную очередь, купили и попробовали первые заморские экзерсисы – бананы, здесь мы пытались сохранить свои деньги, вкладывая их во все, что под руку подвернется. На Воронежской мы купили первый собственный большой шкаф для одежды, а через неделю за те же деньги могли уже купить только «Шкаф для Барби». Здесь мы пережили Павловскую реформу, и здесь наша семья прошла первую серьезную проверку на прочность – мой зарождающийся алкоголизм, безработицу, бесперспективность, безденежье, неуверенность в завтрашнем дне. И здесь же, на Воронежской, испытали радость преодоления себя, восторг устройства на новую работу, востребованности, радость приобретения первого автомобиля, рождение второй дочери. На Воронежской был решен наш первый квартирный вопрос. Благодаря моей работе в «Промстройбанке», мне удалось оформить в лизинг мою первую собственную квартиру. Это была квартира на Невском проспекте.

Невский проспект, дом 123

Жизнь в общежитии на Воронежской, 69, действительно стала невыносимой. Отсутствие денег, нормальной работы и перспектив сильно угнетали. На первом

этаже нашего общежития принимала «экстрасенс», «гадалка» или как там еще называли модных по тем временам провидцев, сейчас уже и не вспомнишь. Но эту девушку я запомнил. Звали ее Лена Кузнецова. В 1994 г. я пошел к ней на «прием», и она мне сказала, что в следующем, 1995 г. я найду хорошую работу, мы получим новую квартиру и даже в конце года у нас родится ребенок! Восприняв этот бред как полную ахинею, я спешно ретировался. Каково же было мое удивление, когда зимой 1995 г. мне предложили работу в «Промстройбанке» (я создал и возглавил рекламный отдел банка), весной мне предложили оформить в лизинг вновь построенную квартиру на Невском проспекте, а 25 декабря у нас родилась младшая дочь.

Переехали мы в эту квартиру не сразу, примерно полгода мы делали в ней ремонт. В день переезда, в апреле 1996 г., стоял прекрасный солнечный день. К нам приехали все друзья, чтобы помочь собрать коробки с вещами, погрузить нехитрую мебель и разгрузить ее на новой квартире. Это был настоящий праздник! Закончился тот волшебный день щедро накрытым столом, тотальным братанием. Я, по правде говоря, некоторое время не «врубался» в новую локацию и регулярно приезжал на такси по старому адресу, только при выходе из машины понимая, что приехал куда-то не туда. Мы обживались в новой квартире, покупая в нее современную мебель; позже, в 2000-х гг., сделали более современный ремонт, но акценты нашей жизни немного сместились, мы купили старый дом недалеко от родительского нашего гнезда, в поселке Токсово. Помог случай. Одна наша знакомая предложила этот дом моему отцу, мы поехали посмотреть. Ему не понравилось – участок крайний, неухоженный, дом старый. Хозяйка дома, старая финка, умерла полгода назад, а ее племянница, Людмила, только что вступила в права наследства и торопилась продать дом, потому что ее сыну был позарез нужен компьютер. Вот парадокс! Компьютер и жилой дом с 13 сотками земли в 15 километрах от Петербурга были в 1996 г. равны в цене. Я взял в долг недостающую сумму, сделка была оформлена в один день.

Дача в Токсово, улица Короленко

Прошли десятилетия после покупки дома. Мы сделали ремонт, обустроили в доме туалет, душ, провели водопровод, канализацию, увеличили квоту потребления электричества, привели в порядок участок и стали «жить-поживать да добра наживать». Теперь не мыслим себе жизни без этого участка. Собирается у нас в гостях вся семья, а это теперь более 20 человек! И старый наш домик всех примет, всех разместит, напоит, накормит и спать уложит! Территория в округе обросла коттеджами, но мы очень гордимся нашим раритетом, нашим антикварным домиком, любим его от всей души. Столько радости он подарил нам!

Уместно заметить, что в момент заселения этого дома можно было собрать коллекцию старых коробочек из-под чая и алкогольных бутылок. Предыдущая хозяйка, финка, высланная в 1939 г., перед Финский войной, и вернувшаяся в эти места после смерти Сталина, ничего не выкидывала. Нам пришлось заказывать самосвал, чтобы вывезти все это «хозяйство». Теперь жалею, мог бы действительно получить интересный «Музей советского быта». Но тогда, в 1996 г., это казалось ненужным, хотелось скорее начать ремонт, избавиться от «старья». В общем, мы немного повторили ошибку родителей, которые выбрасывали старую мебель ради треугольных дээспэшных столиков и склонившихся над ними торшеров.

Токсово – место легендарное. Здесь жили и творили великие писатели, художники, музыканты. Мы трепетно изучаем его, стараемся внести свой вклад в борьбу за природоохранные зоны вокруг Токсово, за застройку которых развернулась нешуточная война.

Не случайно до революции этот поселок называли «Северная Швейцария».

Моя жена Катенька очень любит разводить цветы. Вся семья поддерживает ее увлечение.

Моя персональная гордость – газон перед домом, который я удобряю, подстригаю, высеиваю траву, топчу эту траву, снова подстригаю... На его месте бывшие хозяева выращивали картофель, и когда мы засеяли это поле травой, соседки крутили пальцами у виска: «Мы с травой боремся, а они – сеют». Сейчас газоны – обычное дело.

Пушкинская улица, дом 10

Приобрести квартиру на Пушкинской, 10, в 2000 г. нас сподвигли наши бывшие соседи по Невскому – Олег и Лариса. Квартира в легендарном доме, колыбели Ленинградского андеграунда, была последней и долго не продавалась. Она была двухэтажной, с мансардой, ее хотели разделить на две квартиры, поскольку на каждом этаже был отдельный вход. В итоге квартира падала в цене, и перед самым разделом на две квартиры я приехал в офис компании-застройщика и купил эту квартиру по рекордно низкой цене. Общая площадь квартиры – 116 м². Примерно год мне потребовался для того, чтобы провести ремонт, купить мебель и обустроить ее специфическими индивидуальными «фишками», которые так необходимы в каждом человеческом жилище. Например, в квартире мы соорудили аквариум на 2000 литров, запустили в него растительность и разнообразную живность и начали наблюдать бурную рыбью жизнь, полную борьбы за выживание, питание и внимание со стороны противоположного пола.

Прихожая в квартире на Пушкинской улице, дом 10.

Гостиная на Пушкинской улице, дом 10.

Семья наша теперь большая. Помимо старшей дочери, Анастасии Измайловой, ведущей авторской программы «Вектор успеха» на телеканале «Санкт-Петербург», в нашу семью влилась семья ее мужа – Сергея Клевцова.

В 2013 г. дети подарили нам внука, петербуржца в шестом поколении. Его зовут Егор.

Младшая дочь, Елизавета Измайлова, 17 августа 2017 г. вышла замуж и стала Елизаветой Черновой. Сейчас она учится на факультете социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

В настоящее время все члены нашей семьи имеют собственное отдельное жилье. У них довольно легко решился жилищный вопрос, который когда-то нам самим казался неразрешимым. Есть у меня подозрение, что, покупая дома и квартиры, мы с женой реализуем наш «комплекс квартирной неполноценности», который долго присутствовал в нашей жизни. Похоже, «время разбрасывать камни» для нас еще не закончилось.

Квартиры с двумя съемщиками – самые опасные

Когда в 1945 г. мои дед и бабка вернулись в Ленинград из Свердловска, где с двумя дочерьми (1937 и 1941 г. р.) были в эвакуации с Кировским заводом, обнаружилось, что их дома в Форели, Дачное, где они как работники завода жили до войны, больше не существует. Семья временно поселилась у мамы бабушки (прадед погиб в блокаду) в пер. Антоненко, а дед пошел искать пустующее жилье по району неподалеку.

В доме на углу канала Грибоедова и пр. Майорова, где брат деда в блокаду служил в ПВО, освобождался штаб на первом этаже. Именно там, в двухкомнатной квартире бывшего управляющего домом с 4 выходами на улицу, наша семья и поселилась. Место дед выбрал удачно: напротив баня и керосиновая лавка, пивная во дворе напротив, гастроном слева через дорогу и школа по диагонали через мост. Прописались в квартиру управляющего с его согласия и стали жить. Когда же бывший управдом съездил в конце 1940-х на лето в свою деревню, привез оттуда жену и прописал ее в квартиру, начались у нас сложности. Его жена, татарского происхождения и родом с Волги, оказалась колдуньей (по утверждению моей православной бабушки) и подала в суд на наше выселение. Начались разбирательства, и суды продолжались до тех пор, пока уже в 1950-х дед не хлопнул рабочим кулаком по столу председателя Исполкома трудящихся так, что стекло у того на столе треснуло, и не пригрозил он ему на первомайскую демонстрацию выкатить на пр. Майорова железную кровать на колесиках с двумя в ней дочками. Как гласит семейное предание, на этом вопрос был решен. Это был, пожалуй, первый конфликт с властями по жилищному вопросу в нашей семье. И мы продолжили жить в двухкомнатной квартире, официально теперь ставшей коммунальной, в первом этаже дома Китнера окнами на «канаву».

Шло время, и девочки подросли. Старшая поступила в Институт иностранных языков, вышла замуж и перебралась к мужу на Выборгскую набережную. Младшая, моя мама, окончила ЛЭИС на Мойке, по окончании которого тоже вышла замуж, и из этой квартиры на канале Грибоедова на трамвае весной 1964 г. поехала

на улицу Маяковского рожать меня. Предварительно вернувшись в Ленинград из Ростова-на-Дону, куда папа после окончания того же института осенью 1963-го отправился добровольно служить в Советскую армию, чтобы получить отдельное жилье в Ленинграде по возвращении, согласно обещанию Н. С. Хрущева – или того, что папа под этим обещанием понял. Так что сказки про бесплатное отдельное жилье для советских людей я усвоил еще в младенчестве, когда молодой семье в этом их «праве» было отказано, несмотря на письмо в ООН (это была последняя инстанция), которое папа грозился отправить, получая отказы от прочих инстанций. И видимо, отправил, поскольку впоследствии этот факт на его карьере сказался.

Когда стало ясно, что в комнате в 20 м² впятером (бабушка с дедом, родители и я) жить вместе дальше невозможно, родителями родителей было принято коллегиальное решение скинуться и купить детям кооператив, что и было сделано. Однако до того, как я оказался с родителями в Сестрорецке в 1968 г. в трехкомнатной кооперативной квартире со всеми удобствами на девятом этаже дома по набережной озера Разлив, первыми моими коммунальными воспоминаниями так и остались соседка-горбунья, три ступеньки в туалет, три двери кухни, ноги прохожих прямо в окне и пожар в бане напротив.

Перед тем как я пошел в свою первую школу, папа с мамой вдруг развелись. И в результате включения в семейную жизнь горжилобмена мы с мамой перебрались в соседний дом того же кооператива в Сестрорецке, а папа уехал на Васильевский остров в коммунальную квартиру на пятом этаже с горячей водой, но без ванной и телефона. И мои воспоминания уже второго этапа знакомства с мироустройством Ленинграда начались с бабушек-блокадниц, которые папу любили и выбрали ответственным квартиросъемщиком, чем он, конечно, гордился. Приучая меня к хорошим манерам, он просил называть бабушек исключительно по имени и отчеству во время моих у него воскресных побывок. Таким образом, вся моя школьная восьмилетняя жизнь разделилась географически на две части: спорт, музыка и, собственно, классы в Сестрорецке у мамы и театры-музеи-филармония в городе с папой.

В 1982 г. отца внезапно не стало. Я в том году уже оканчивал первый курс того же ЛЭИС им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, продолжая ставшей семейной традицию. Отец был болен наследственным заболеванием крови и последний год своей жизни, став после операции инвалидом, предлагал маме меня у себя на Васильевском острове прописать, но в результате внезапности произошедшего комната теперь должна была отойти государству (папа так и умер холостяком). Мама справедливо посчитала это несправедливым, ведь комната им досталась

в результате обмена построенного на их деньги кооператива! И мы обратились в народный суд. После почти годового судебного разбирательства с последовательным вызовом в суд всех соседей я стал официальным квартиросъемщиком в 20 лет. Началась настоящая взрослая жизнь и главный этап моей коммунальной жизни.

От папы с мамой мне досталась лучшая и самая большая 20-метровая комната с небольшой прихожей в пятикомнатной квартире на 16-й линии. Бабушки-блокадницы к тому времени отправились в лучший мир, и население четырех комнат к моему туда полуофициальному на первых порах въезду состояло из семьи, получившей две комнаты дверь в дверь коридора в качестве служебной (работали они дворниками) жилплощади, и девушки Ж. (родственницы одной из умерших бабушек), вовремя прописавшейся в угловую комнату. Пятая комната была признана нежилой, и туда уже установили незаконную ванну. Я учился на углу Невского и Мойки, вечерами работал внутри Апраксина двора в лаборатории своего же института, и местожительство мое было более чем завидным. Нашей с соседкой Ж. проблемой стала та самая молодая семья. Вернее, «лучшая» ее часть в виде Ирины Л. – матери двух девочек с разницей в полтора года от двух отцов. Отец старшей Саша Л. с Ириной уже развелся и устроил себе новую семью на новом месте, а отец младшей тоже Саша, но Ч., оказался убийцей (ст. 105 ч. 1 УК РФ), отбывающим последние годы своего десятилетнего срока на поселении в Колпино, откуда на выходные был еженедельно отпускаем. Об этих временах своей студенческой жизни я когда-нибудь, может быть, напишу отдельную книгу. Отмечу лишь, что моя «союзница» соседка Ж. быстро бросила меня одного в нашем коммунальном противостоянии, поменявшись местами жительства со своей мамой-пенсионеркой, которая не продержалась в нашей «слободке» и месяца. Свою комнату они сдали внаем, по их словам, а как выяснилось позже, продали.

Отмечу также, что до принятия судебного решения об оспариваемой комнате в мою пользу я, собственно, уже проживал в квартире без всякого на то сопротивления со стороны соседей, знавших меня еще как ученика физико-математической школы № 30, куда я поступил после окончания восьмилетки в Сестрорецке. Просто чтобы не мотаться по месту своей прописки к маме и своему дивану, я частенько дневал-ночевал у папы в кресле, ибо школа моя была от него в двух остановках. А начав уже студентом жить там постоянно, я быстро привык к тому, что местный участковый Кравчук раз-два в месяц обязательно к нам заходил, дабы и соседей на путь исправления попытаться наставить, и на меня заодно протокол сочинить о незаконном моем там проживании. Дело у него в нашей квартире всегда находилось, а его протоколы я неизменно с удовольствием

подписывал. Таким образом, именно от участкового я и узнал, что квартирка наша, что называется, «на контроле» и что РОНО давно уже подало в суд на лишение Ирины Л. родительских прав, – комиссии оттуда к нам захаживали не реже, чем участковый. И видели эти комиссии (если им, конечно, дверь открывали) одно и то же: соседка Ирина, работающая тогда поваром в столовой школы старшей дочери в доме напротив (младшая училась в специальной школе), выпивает на общей кухне с друзьями-подружками, девочки ее немые и еще не кормленные принесенной мамой с работы едой, сидят по углам. Дым коромыслом. Ну и папа-сожитель Саша Ч. приходит из тюрьмы на выходные выпить-с-мамой-сожительницей-подрататься – и ничего с этим поделать решительно невозможно. Впрочем, по выходным участковые по квартирам не ходят, и если очень нужно вызвать милицию, спустаться приходилось вниз на улицу в телефон-автомат – соседи с телефоном снизу с нами, конечно, тоже не дружили.

Отмечу также, что Ирина одно время умудрялась даже сдавать внаем близким мне по духу иногородним студентам свою вторую комнату. Моя же собственная жилплощадь, безусловно, стала местом наших встреч и совместного моего времяпрепровождения с одноклассниками, однокурсниками и просто друзьями. Что явилось, может быть, главной причиной появления на свет музыкальных групп «Кофе» и впоследствии «Петли Нестерова», где я в студенческие годы начал играть на барабанах и сочинять песни. Наши первые совместные репетиции здесь и происходили. Иногда даже так называемые квартирники устраивались, ибо соседи в комнату милиции жаловаться не могли и думать по причине своего с участковым Кравчуком более чем тесного знакомства.

По окончании институтов и получения дипломов инженеров и в связи с женитьбами участников коллектива группа «Кофе» распалась. Женился и я, в свою «атмосферную» квартиру прописав молодую свою жену Т. Правда, мне как ответственному съемщику для этого пришлось ждать момента получения ее родителями своей квартиры – мой тесть оказался настоящим полковником в отставке и рассчитывал получить в качестве отступного от СА большую квартиру благодаря двум прописанным у своей мамы в коммуналке на улице Правды дочкам. Квартиру в Колпино полковник получил трехкомнатную.

Первый год семейной жизни я работал по распределению инженером в НИИ Акустики (ВНИИРПА) на Крестовском острове, затем на Ленинградском ТВ (ЛТЦ). И продолжалась моя карьера инженера до тех пор, пока не началась перестройка и не подался я наконец на вольные артистические хлеба Ленинградского рок-клуба. С двумя бывшими участниками «Кофе» мы придумали «Петлю Нестерова».

Однако жить в коммунальной квартире, став ответственным съемщиком с женой (без детей), было хоть и рок-н-рольно весьма, однако нервно очень.

Кроме комиссий РОНО и участкового Кравчука, к нам в квартиру регулярно захаживали:

- Ленэнерго (соседи не платили за свет),
- Ленводхоз (незаконная ванна регулярно протекала),
- жилконторские тети с просьбами-требованиями погасить долги по квартплате,
- судебные дяди с повестками на заседания, назначаемые по итогам нашего общего отказа платить по каким бы то ни было коммунальным счетам.

Отдельно отмечу периодически вызываемых санитарных работников – истребителей тараканов, которых в доме без капремонта были полчища, а также строительных рабочих, всякий раз отказывавшихся бесплатно чинить обваливающийся потолок одной из соседских комнат. Несмотря на все мои попытки связиста установить в квартире телефон, желаемого получить так и не удалось – соседи от общего номера отказывались, а свой личный оказался мне недоступен без льгот.

К концу 1980-х наша семейная жизнь начала налаживаться, неумолимо приближаясь к полному развалу: хоть жена Т. с Ириной Л. и нашли некий общий язык, последнюю лишили наконец родительских прав и обеих девочек направили в детский дом, после чего убийца Саша Ч., рецидивно избив сожительницу, пошел на второй срок (мне пришлось-таки выступить на этом процессе свидетелем обвинения) – и две комнаты из четырех жилых временно освободились. И тут же были поделены между нами с женой Т. (в комнату с обваливавшимся потолком я поставил барабаны) и новым соседом – студентом-греком А., с которым у нас установились прекрасные отношения (он тут же поселил в освободившуюся комнату милую студенческую пару из Киргизии). Как люди одного приблизительно возраста и круга интересов жили мы с женой Т., соседом А. и киргизами одно время мирно и беззаботно. Однако моя артистическая жизнь способствовала длительным из Ленинграда отлучкам, в том числе заграничным («Петля Нестерова» оказалась коллективом много и успешно гастролирующим), что в итоге и спровоцировало наш с женой Т. развод и непреодолимое мое желание начать новую жизнь уже на новом месте (я чувствовал, что рок-карьера моя близка к концу, а группа близка к распаду).

Но от ухода из квартиры экс-жены Т. в 1991-м до конца 1992 г. жилплощадь оставалась дружески-холостяцкой (киргизская пара также отбыла на родину), барабаны мои в «моей» комнате стояли и даже использовались периодически по своему прямому назначению. И продолжалась такая идиллия до тех пор, пока сосед-грек А., окончив университетскую аспирантуру, наконец не женился.

К тому же в начале 1990-х из детских домов в квартиру поочередно вернулись дочери Ирины, и жить нам с соседом А. и его молодой и беременной женой Г. опять стало весело более чем, несмотря даже на то, что ни Саша Ч., ни Ирина более в квартире не появлялись.

Некие по меркам тех времен накопленные заграничными заработками деньги у меня тогда были, связываться с покупкой отдельного строящегося жилья я счел опасным и для кошелька, и для здоровья. К тому же мои денежные накопления серьезно потеряли в размерах после того, как бывшая жена согласилась выписаться из нашей комнаты исключительно за определенную мзду. Рок-н-ролл закончился. Барабаны я продал. СССР рухнул. «Петля Нестерова» распалась.

Некоторое время был без работы. Спасался трехмесячными поездками в Германию гастарбайтером. Моя бывшая однокурсница, ставшая к этому времени агентом по недвижимости, посоветовала мне попытаться улучшить жилищные условия таким образом: она подыскивает мне двухкомнатную квартиру с одним соседом, который переселяется нами куда-нибудь неподалеку, результатом чего и становится отдельное жилье. Моя большая комната продается со встречной покупкой меньшей. Я согласился, и это стало моей главной ошибкой.

Для осуществления плана была выбрана маленькая квартирка в так называемом «котинском» доме (серия трехэтажных домиков-кубиков на 12 квартир, построенных в начале 1960-х для рабочих Кировского завода) на улице Танкиста Хрустицкого в Дачном с выпивающим дедушкой. Район был мне знаком (мои дедушка и бабушка еще в советские времена построили домик в садоводстве Кировского завода неподалеку). И квартирка, и дедушка мне сразу понравились. К тому же там был личный телефон! И вот в 1993 г. в результате сложной процедуры (тогда еще полузаконной) продажи-покупки я поселился-прописался в 13-метровой комнате с окном в яблоневый сад. Познакомившись с семьей дед-соседа Ивана Ф. поближе, я понял, что дедушка он брошенный при живых детях. То есть бывшая его жена, жившая в соседнем доме, их дочка-адвокат-помощник-депутата с мужем и двумя дочерьми на папу-тестя-деда давно рукой махнули. Но старшую свою дочку-внучку в дедовскую тоже 13-метровую комнату прописали. И навещают они его по специальному вызову. Вот этой службой спасения с личным телефоном я и стал. И с судьбой я вынужден был смириться, как, впрочем, и дед-сосед. Тем не менее под моим фактически «руководством» жили мы относительно мирно.

Иван Ф., 1928 г. р. (не воевавший), уже в момент знакомства рассказал мне, что он бывший десантник и с парашютом прыгал не раз, и удаль свою (алкогольную) регулярно мне затем демонстрировал. Однако же и спасти его, пьяного, от милиционеров и местных гопников мне также приходилось не единожды.

Работал он с женой до пенсии, конечно, на Кировском заводе, получил там трехкомнатную квартиру, которую после развода они уже со взрослой дочерью разменяли. Разведенные супруги оказались в соседних домах, а молодая семья переехала в Петергоф. И теперь бывшая жена иногда заходила деда проведать и даже с провиантом (хотя по большей части еду деду покупал я), а сам Иван Ф. сидел обычно на скамейке у дома в ожидании компании, с которой перемещался куда-нибудь поближе к гастроному (с целью утоления жажды), где и проводил большую часть своей жизни. Справедливости ради отмечу, что дочь отцу своему однажды старый телевизор с мужем привезла. Простоял телевизор у деда не дольше недели. Ибо был он пропит за ненадобностью. Газет Иван Ф. не читал и радио не слушал. Я же в то время уже несколько лет успешно работал на радио «Балтика» ведущим музыкального эфира. Одним словом, выяснилось, что, несмотря на заверения моей бывшей соученицы, никакого желания дедушку куда-то переселять у его близких нет, и последний на сегодняшний день коммунальный этап моей жизни продолжался вплоть до момента смерти Ивана Ф. в 1999 г.

После майских праздников, которые у деда всегда были связаны с традиционным запоем, как-то вечером я, услышав шум на лестничной площадке, привычно втащил его, обездвиженного, домой и уложил в кровать, – комнату свою дед никогда не запирает. Наутро я обнаружил соседа без признаков жизни и вызвал милицию, – так и началась моя третья по счету судебно-жилищная история. На этот раз уголовная.

Ибо стараниями дочери-адвоката Ивана Ф. из свидетеля произошедшего через 10 месяцев вялотекущего следствия превратился я в главного подозреваемого в нанесении тяжких телесных ему повреждений, приведших к смерти (ст. 111 ч. 4 УК). И месяц провел в СИЗО «Кресты» на Арсенальной набережной, после чего суд меня оттуда отпустил на свободу под залог (залог потом суд вернул), а дело отправил на дополнительное расследование, которое так никаким никому приговором и не закончилось. И вернулся я в эфир радио «Балтика» буквально через день после «отпущения» из тюрьмы, с новым бесценным жизненным опытом. И спасибо коллегам за помощь мне, но главное – моей маме, на протяжении всей этой увлекательной истории, также достойной отдельной книги. Отмечу в скобках, что в структурах БМГ («Балтийская медиа группа»), ныне не существующей, я в качестве ведущего радио- и телевизионного эфира проработал с трехлетним перерывом на службу на «Радио России» вплоть до 2012 г.

Итак, вернувшись после отсидки по месту прописки, я обнаружил в квартире волжского колдуна Н., въехавшего в нее во время моего вынужденного отсутствия по обмену без моего согласия и выпивающего, похоже, не меньше покойного Ивана Ф. И понял я, безуспешно попытавшись с новым соседом хоть какие-то

человеческие отношения наладить, что нет у меня уже никакого другого выхода из этой коммунальной драмы, кроме позорного бегства. Двухкомнатные квартиры с двумя съемщиками – самые опасные. Что лишь в очередной раз подтвердило старинный тезис одной известной бывшей жены одного известного певца и сочинителя песен, основанный на личном ее (а теперь и моем) опыте, что «чем больше соседей по коммуналке – тем проще в коммуналке жить».

Из этого, кстати, она неосмотрительно делала вывод, что определенному (но не больше семи) кругу знакомых и проверенных людей со своими комнатами хорошо бы съехаться вместе в квартиру на Невском пр. комнат в десять и жить там долго и счастливо. Идея эта родилась у нее еще в СССР, и планы бывшей жены известного исполнителя, по счастью, так и остались неосуществленными. Время больших коммунальных квартир в центре прошло безвозвратно.

В 2003 г. под завалированным нажимом дочери покойного Ивана Ф. в виде колдуна Н., с одной стороны, и непрекращающимися мамиными просьбами – с другой, мне пришлось-таки продать свою комнату с личным телефоном (!) соседу-колдуну (у которого весьма кстати вдруг оказалась состоятельная подруга) и закончить тем самым свою коммунальную эпопею длиной в 20 лет.

Сейчас я продолжаю работать на радио (уже в интернете) и живу в съемной квартире. По счастью, 10 лет назад я встретил девушку, ставшую мамой моему сыну и имеющую, ко всем своим достоинствам, еще и жилплощадь на Поклонной горе. Ее мы последние годы сдаем, снимая, в свою очередь, небольшую квартиру на углу Львиного переулка и канала Грибоедова. Лето с детьми-школьниками мы обычно проводим в Сестрорецке в маминой квартире, которую она нам с детьми оставляет, отправляясь на свою дачу в Яппиля Выборгского района Ленинградской области и в которой (квартире) я вновь оказался прописан после своего вынужденного бегства из Дачного.

И сейчас, проходя мимо нашего «семейного» дома на углу нынешнего Вознесенского пр. (бывший пр. Майорова) и канала Грибоедова, я размышляю о том, как причудливо порой замыкается круг переездов одного отдельно взятого человека внутри одного отдельного города.

Декабрь 2016 г.

История моей коммунальной квартиры – история моей семьи

Я родилась пятьдесят один год назад в Ленинграде, в коммунальной квартире, в самом центре, на Красной улице (ныне – Галерной), где прожила, по моим детским воспоминаниям, очень счастливые семь лет с мамой, папой, бабушкой и дедом. Сейчас я живу в этой же квартире со своей семьей. С мужем, отцом и дочкой – только квартира уже не коммунальная, а отдельная. В 1970-е гг. в доме прошел капитальный ремонт.

И я, и муж, и отец – инженеры. Дочка учится.

Ну а теперь всё по порядку.

Мой дед приехал в Ленинград в начале 1930-х гг. из Украины, где окончил раб-фак. Поступил работать на завод, жил в общежитии. Потом, по непроверенным слухам, присмотрел 40-метровую комнату в коммунальной квартире на Красной улице у Адмиралтейского завода (тогда Судомех), дал взятку управдому... и вот...

Его соседом по квартире был также приезжий молодой человек из Тулы. Это важно. Потому что через пару лет к соседу из Тулы приехала сестра. А через некоторое время она стала женой моего деда. В свою очередь, сосед женился на соседке из квартиры ниже этажом.

Вообще, квартира была малонаселенная, поскольку дом был изначально не доходный, а особняк. Не было коридорной системы. Зато были огромные комнаты.

В квартире до войны жила еще одна соседка, но о ней я ничего не знаю.

Перед самой войной родился мой отец. Тогда же нашу 40-метровую комнату разгородили на две комнаты и коридорчик. Между прочим, две комнаты 20 и 14 м² и 6-метровый коридор. Не всякая квартира-студия может похвастаться. Проект перепланировки, датированный кажется 1937 г., я видела собственными глазами. Официально проштампован каким-то комиссариатом. Значит, комнату

разделили еще до рождения отца. А в коридорчике уже в 1960-е гг. я обычно, пардон, сидела на горшке. Это я уже помню сама.

Когда началась война, папе было два года. Дед работал на военном заводе, был инженером-металлургом и имел бронь. Но оставаться в городе не захотел. Отправил какими-то правдами или неправдами бабушку с отцом в эвакуацию еще в августе, а сам записался в ополчение. Сосед – бабушкин брат – тоже ушел на фронт, а его жена (бывшая соседка снизу) осталась в Ленинграде. Она выжила в блокаду, так как мой дед служил на Ленинградском фронте. Он ходил пешком на Красную улицу с Пулковских высот и носил ей свой армейский паек. Так гласит семейная история. Но это было уже с весны 1942 г. Ее родители – соседи ниже этажом – умерли в один день в январе 1942-го.

Все жильцы нашей лестницы, оставшиеся в блокадном Ленинграде, жили в нашей квартире. Так было легче топить. Из пустых квартир носили все, что горит. Так как наша квартира была жилая, остались даже какие-то вещи с довоенных времен.

Поскольку жена бабушкиного брата за квартирой, в общем-то, присматривала, дедушка, демобилизовавшийся только в 1946 г., смог с семьей вернуться в свои комнаты. Вернулся и бабушкин брат. Такое вот везение.

Кстати, у бабушкиного брата с женой был сын, двоюродный брат моего отца. Он в Ленинграде не оставался точно. А вот где был – не знаю. Вроде в Туле. Я его хорошо знала. Не ребенком, конечно, а взрослым дядей.

Третьей соседкой после войны стала некая Серафима Николаевна. Я ее не помню, но она часто упоминалась в рассказах моих родственников. Обычно говорили: «Это было, когда еще жила Серафима Николаевна». Поэтому я запомнила.

С тех времен осталась лестница-стремянка, с помощью которой лазили на антресоли, и палка, которой двигали шторы. Все-таки потолки 3,9 метров. Лестница жива до сих пор.

Еще был буфет. После войны его отреставрировали. Опять-таки, по семейной легенде, краснодеревщик, который его реставрировал, отказывался брать деньги и утверждал, что реставрировать такой буфет – счастье.

Про 1940–1950-е написать ничего не могу. Годы были мутные. Рассказывали о них мало.

Потом 1960-е и оттепель.

Из значительного: женился мой папа и полетел в космос Гагарин.

В 1965 г. родилась я. В том же году умер бабушкин брат, а его семья, видимо, тогда же получила квартиру, потому что я их в качестве соседей уже не помню.

Дальше идут уже по большей части мои воспоминания.

Жили мы в тех же двух комнатах с коридорчиком, в которых до войны жили бабушка с дедушкой и папа. Ванны в квартире, конечно, не было.

Соседей помню. Муж, жена и сын Саша лет на 10 старше меня. Интриговало, что у соседа был катер. Мне это казалось совершенно невероятным. Видимо, отношения с ними были неплохие, потому что, когда мне было лет 12, мы ходили к ним в гости (они уже тогда получили отдельную квартиру).

Еще была соседка Нинка. Именно Нинка. По семейным преданиям, она была скупщицей краденого (да простит меня бог). Я ее обожала. Она любила зазывать меня к себе в гости, а моей кукле сшила потрясающее желтое пальто.

Как-то бабушка нашла в туалете за сундуком иконы. Был невероятный скандал. А мама однажды с утра обнаружила в коммунальной кухне совершенно голого мужчину.

Поскольку квартира была для коммуналки небольшая, в кухне находились одна плита и одна мойка. Не как в кино.

Кстати, об отсутствии ванной. Раз в неделю я с мамой и папой ходила в баню. Обычно на 5-ю линию Васильевского острова. Зимой, осенью и весной. В мороз, дождь и т. д. Летом, наверное, родители тоже ходили, но без меня. Я с бабушкой и дедом жила на даче. Когда мы въехали наконец в отдельную квартиру (мне было 10 лет) и выяснилось, что дома есть ванна и больше не надо ходить в баню, у меня был шок. Я не верила, что можно не ходить в баню. То есть я понимала, что вот ванна и это, конечно, очень здорово, – ну а в баню-то?

В четыре года я заболела брюшным тифом. Эта болезнь тогда считалась полнотью изжитой. Поэтому врачи долго не могли поставить диагноз, и я чуть не померла. Бабушка переболела в эвакуации, выздоровела, но осталась бациллоносителем, а никто не знал. Был скандал чуть не до министерства здравоохранения. Квартиру поставили на карантин. Представляете – коммунальная квартира и брюшной тиф.

Особенно радовался сосед Саша. Ему нельзя было ходить в школу. Слава богу, больше никто не заболел. Хотя меня уже выписали из больницы, а бабушка, здоровая, все лежала. Ее выписали только под расписку моих родителей. Потом всю жизнь она ела из отдельной посуды, пользовалась отдельным постельным бельем и состояла на учете в СЭС. Раз в год из СЭС приходила зачем-то какая-то тетя. Бабушка очень злилась и однажды завопила: «Когда я умру – вам сообщат!!!» Больше не приходили.

В квартире был телефон. А4-65-51. Каждое утро я вставала, шла к столику с мраморной столешницей в коридоре, садилась на сундук, набирала номер А7-37-77 и звонила пресловутой жене бабушкиного брата. Это была традиция. Мраморная столешница тоже жива до сих пор.

В квартире был график уборки «мест общего пользования». Впрочем, так было во всех коммунальных квартирах. Нас было пять человек, поэтому убирать

приходилось часто. Убирал почему-то всегда папа. Еще вспомнилась табличка на входной двери «Квартира высокой культуры быта».

Во всех комнатах были кафельные печи. Это я помню потому, что между печью и буфетом меня ставили в угол.

Потом соседи с сыном Сашей получили квартиру и переехали. В их комнату въехали «лимитчики». Муж, жена и двое детей лет двух и четырех. Муж пил, жена скандалила. Для нас это было в новинку. Но в принципе, в квартире жили дружно.

Как-то жена порезала мужа столовым ножом. Муж пострадал несильно. Но было много крови, приезжали милиция и скорая. Дети плакали.

Когда и куда делась Нинка – не помню.

Это был уже, наверное, 1970 г. Маме стало категорически ясно, что надо что-то делать. Ни на какую жилплощадь мы права не имели. Метраж был огромный. Родители пошли на хитрость. Разделили лицевые счета. Я с родителями пропи-салась в 14 метрах, бабушка с дедушкой – в 20. Мы стали соседями. Мама смогла вступить в кооператив.

Когда на руках уже был ордер на новую квартиру в Купчино, деду как ответ-ственному квартиросъемщику (язык сломаешь) сообщили, что дом идет на капремонт. Он имеет право год пожить в маневренном фонде в гораздо более кош-марной коммунальной квартире, но зато потом мы сможем въехать обратно.

Поскольку семья привыкла жить в центре, выбрали этот вариант. Получи-ли назад первый взнос (между прочим, тысяча рублей) и поехали в кошмарную. Кстати, тысячу бабушка выиграла на выигрышный вклад в сберкассе, поэтому и встал вопрос о кооперативе – иначе бы никогда не накопили.

На маневренном фонде прожили не год, а три. Ремонтировали не так чтобы активно. Первые два года не ремонтировали вовсе. Правда, украли новую крышу. Звучит как бред, но это правда.

На маневренном телефона не было. Но когда мы выезжали из своей квар-тиры на Красной, нам сказали, что если мы хотим, чтобы после капремонта нам вернули телефон, платить надо все время, что этот капремонт идет. Мы и плати-ли три года на маневренном фонде (без телефона) и еще три года уже в новой квартире (без телефона). Телефон и правда поставили года на два раньше, чем остальным.

Теперь несколько слов о временном нашем жилище. Тоже ведь коммунал-ка. Тоже не большая. Двое соседей. Без прихожей и, конечно, без ванны. В баню для разнообразия ходили на Матисов остров. С кошмарной черной, очень крутой лестницы попадали прямо в кухню. Там же и умывались, естественно.

Почему-то эту квартиру я помню хуже, хотя была старше, ходила в начальную школу. Самое яркое впечатление: только в этой квартире на жуткой коммунальной

плите у мамы получалось потрясающее безе. Ни до, ни после никогда таких безе маме испечь не удавалось.

Помню соседку Розу Прохоровну. Она курила на кухне «Беломор» и говорила басом.

В гости приходили одноклассницы. Никто не препятствовал, хотя, конечно, гвалт мы устраивали еще тот.

Так, пожалуй, подошел конец нашей коммунальной эпопее. В 1975 г. капремонт был закончен. Поскольку у бабушки с дедушкой и у мамы с папой были разные лицевые счета, нам дали жилплощадь в одной квартире, а бабушке с дедушкой – в другой. В коммуналках. Вот она – кара за хитрость. После капремонта в доме также предполагались коммунальные квартиры. Пришлось ходить на поклон в исполком. Кстати, коммунальные квартиры в нашем доме есть до сих пор.

Квартира после капремонта стала роскошной. Потолки все те же – 3,90. Кухня огромная – целых 8 м². Правда, комнаты нарезали по-советски. По окнам. Узкие и длинные, как купе. Но это уже была отдельная квартира и совсем другая история.

Как же можно жить без Никольского собора?

Родители мои начинали совместную жизнь в коммунальной квартире. На Спасском переулке, тогда это был переулок Петра Алексеева. В той же самой квартире обитала и я до окончания первого года жизни. Жили за шкафом, перегородившем комнату на две половины. Мама таскала коляску со мной – младенцем – на пятый этаж. Лифта, естественно, не имелось. До сих пор нет. Как нет и центрального горячего водоснабжения. И ванной комнаты или хотя бы душевой. Мыться ходили в баню, грели воду на плите, мылись в тазиках в комнатах или, по согласованию, на кухне. Родители жили в комнате метров 18 вместе с родителями отца.

Когда-то вся квартира принадлежала прадеду и прабабушке. Прадед писал иконы для Никольского морского собора. Родом был из Опочки, каким-то образом оказался в Петербурге в подмастерьях, вышел в люди, женился, по видимому, на небедной женщине, с капиталом и квартирой. Бабушка моя по отцу была одним из его пяти детей и прожила в этой квартире всю жизнь. Дед воевал, прошел всю войну, у него много ранений и заслуг. Работал в Типографии им. Ивана Федорова, любил застолья, карты, гостей. Помню его плохо, умер, когда мне было пять лет. Бабушка пережила всю блокаду, родила троих детей, выжили двое. Мой отец родился благодаря чуду, после блокадного кошмара, после гибели младенца – брата, – в марте 1944 г. А моя тетя – девятью годами старше. Оба ушли из жизни в возрасте 49 лет.

То, что моя бабушка, Степанида Трофимовна Шуренкова, почти в 40 лет выносила в блокадное время, родила, вырастила моего отца, до сих пор представляется мне чудом. Папа, Юрий Евгеньевич, тоже прожил на Спасском много лет, до женитьбы и после моего рождения еще год. Помнил, как взорвали Храм на Сенной, знал все окрестные дворы и голубятни. Был шпаной, почти все время проводил на улице. Но при этом занимался плаванием с огромной любовью, ездил на стадион «Динамо» на Крестовском острове. Дорога занимала в одну сторону около полутора часов. Стал мастером спорта, выступал в команде Ленин-

града, служил в спортивной роте в Германии. Мечтал о журналистике – не сложилось. Какое-то время работал вместе со своим отцом в типографии. Денег не хватало, молодая семья, ребенок (я), пришлось пойти на уступки. Вместо творчества настала торговая стезя – грузчик, продавец в мебельном магазине и так далее. Прекрасный, добрый, начитанный, образованный человек ушел от нас 23 года как, скорбим, любим отчаянно, светлая память.

Бабушка пережила сына на месяц, ушла в возрасте 88 лет. До последнего момента не сдавалась, жила практически вслепую. Вспоминаю наши с ней посиделки, читать и смотреть телевизор не могла, поэтому часто сидели просто молча. Тиканье будильника, глажу по руке, что-то из кухни приношу. Ела мало, связанное с блокадой воспоминание о том, как немного нужно человеку. Когда уже стало совсем невмоготу, переехала в приют. Жила в темноте, на ощупь. Но не болела, просто угасла. О смерти сына догадалась, мы не говорили.

Комнату после смерти бабушки продали, теперешних хозяев я не знаю. В окрестностях Сенной площади бываю редко. Изуродовали до неузнаваемости, стала неудобной, неродной какой-то. А в школьные и студенческие годы сколько светлых и веселых, по-хорошему разгульных дней и ночей обитали мои одноклассники и я вместе с ними именно здесь! Мои родные друзья, спутники по жизни, юность и молодость... Все связано с этими местами: Сенная площадь, площадь Труда, где находилась школа, Коломна...

Близкий друг мой жил на углу Спасского переулка и Сенной площади. Занимали в коммунальной квартире две комнаты из пяти. С родителями жил лет до 18, потом армия, потом снимал. А на дни рождения все равно приходили туда. Помню огромную кухню, малюсенький туалет со старинным деревянным бачком. Длинный шнур, все какое-то раритетное с теперешней точки зрения. Тогда это было нормально, ступеньки на входе в санузел, пять плит на кухне, входная дверь с запиской о количестве жильцов и соответствующем количестве звонков. Комнаты были абсолютно противоположны по формату. Размер родительской – примерно 35 м², огромные окна, выходящие на Сенную площадь. Детская моего друга – около 8 м², второй двор-колодец. Темнота кромешная все время дня.

Воды горячей тоже не предполагалось. Зато были посиделки и погулялки такие, что и не снились нынешним молодым. Пели, болтали всю ночь, любили. Ощущения тех теплых ленинградских вечеров до сих пор будоражат. Запахи весенние, особенные. Таких нигде больше нет. Тротуары, дождь, братья Воробьевы... Счастье просто так, эйфория бытия, ощущение близости друзей, искренность, теплая и ненавязчивая дружба. Первые влюбленности. Никогда не было расчета и расчетливости, всегда только от души и из сердца. Как жаль, что все это ушло вместе с тем волшебным временем и местом.

В квартире жили дружно, соседи ладили между собой, ссор из-за бытовых неурядиц не было. Полы мыли по графику. В доме, находившемся на грани разрухи, всегда было чисто, тепло, хотелось вернуться вновь. Всегда. Пока квартиру не расселили, и теперь она часть мини-отеля.

Квартира, в которой я прожила почти 20 лет, до замужества, находится на Люблинском переулке. Это вот такая Пушкинская Коломна, недалеко от Калинкина моста и Египетского в двух шагах. Это мое детство, детский сад на улице Лабутина, школа на площади Труда, друзья детсадовские и школьные до сих пор встречаются. Иногда, бывает, не узнаешь сразу. Время берет свое. В квартире до сих пор живет моя мама, она же и получила ее в далекие советские, в 1970 г., от Университета, где работала. Такая же веселая история с этажностью, на этот раз шестой, без лифта. Двор колодец, причем даже не первый. О лифте никто и не заикался.

Ванная комната появилась с течением времени. Родители каким-то образом, возможно, и с помощью подарочков, выбили себе помещение, ранее бывшее кухней. Квартира превратилась в хитросплетение коридоров, комнат, подсобных помещений. Несведущему посетителю элементарно и не попасть в эту часть коммуналки. Препятствия в виде дверей, фальшивых, пнешь и откроется. Мало того, общая входная дверь вообще не закрывается. Заходи кто хочешь. Правда, в последнее время таких желающих все меньше и меньше.

В коридоре и ванной комнате есть окна, выходящие на крыши. В юности, когда единственным способом связи был стационарный телефон, часами сидела и болтала, любясь дождем, ржавыми крышами, печными трубами. Вот это было общение, совместно с эстетическим удовольствием.

В комнатах – до сих пор есть действующая печь. Мама топит ее газетами и греется в морозы. КПД сумасшедший.

До сих пор, примерно раз в два-три месяца, в районе туалета случаются протечки. Течет из квартиры сверху. Так было всегда, воспоминания о том, как по приходе домой невозможно войти в прихожую, потому что там плавают ботинки, туфли, тапочки...

Очень часто отключали электричество, сидели со свечами, выходили на лестницу без конца узнать: а что творится напротив в доме? Дома соединены, как большинство в центре, – кажется, что единое сооружение. А на самом деле может быть три разных адреса под практически одной крышей. В этих домах начала XX века вообще все непросто. Нарезанные коммунальные квартиры из бывших барских настолько самобытны и не похожи, что никогда не знаешь, куда пойдешь. Нам, детям семидесятых, привычно вспомнить то, что сейчас даже и представить себе сложно. Мне довелось побывать в квартире на Мойке, состояла

она приблизительно из 25 комнат. Около 40 жильцов. Один санузел, одна кухня. В двух шагах от Дворцовой площади. На тот момент шансов ее расселить не было. Надеюсь, это все же произошло.

Возвращаясь к родительской квартире, не могу сказать, что жили мирно. Но это, скорее, личностный фактор – мама у меня нелегкий в общении и быту человек. Многие ушли из жизни, продали свои комнаты, состав поменялся. Один неизменный участник нашего жития-бытия сопровождает нелегкую судьбу коммунальных перипетий уже много лет. Ваня, выпив крепкого напитка, признается маме в почитании и обожании, помогает чинить кран в ситуации, когда случайно захлопывается дверь, самоотверженно лезет через верх смежных антресолей и помогает проникнуть в мамину половину.

Сейчас в оставшейся половине коммуналки трутся какие-то смутные и подозрительные товарищи, не обитают, приводят то ли покупателей, то ли арендаторов. Непокойно. А уезжать мама не хочет. Как же можно жить без Никольского собора? А без Мойки, Фонтанки, канала Грибоедова? Сенной рынок, Аларчин мост, Театральная площадь, Консерватория, Мариинка...

В чем-то я с этим согласна, но уже давно живу в других местах, хотя приезжаю и наслаждаюсь. Ностальгия в душе и сердце. Но не наяву. Я довольна своими разными местами жительствова, и сегодняшнее, около Юнтоловского заказника, мне по нраву. Хорошо. По-другому. Природа рядом. До центра 45 минут.

Переезды, переезды...

(Интервью с мужчиной 25 лет)¹

Интервьюер: Давай с самого начала. Где ты родился?

Респондент: Родился я в Молдове, в городе Кишиневе, в городском род-доме № 1 – там лежала моя мама. Там родился и там пробыл значительное время, где-то две или три недели. Мама восстанавливалась, потом со мной разбирались. А потом на двадцать какой-то день нас только разрешили забрать: приехал отец и забрал нас домой. С того момента я редко посещал Кишинев только в те моменты, когда нам нужно было выезжать из страны.

И.: А сколько лет было маме, когда она тебя родила?

Р.: Ей было 26.

И.: А отцу?

Р.: 33. Проживали мы не так далеко от Кишинева. Все ездили либо на машине, либо на маршрутке. Получается, жили порядка ста километров. Жили в городе Дубоссары или Дубоссарь. Город небольшой, насчитывал порядка 30 тысяч человек.

И.: Дубоссары часть Молдовы?

Р.: По государственным представлениям, это территория Молдовы. Но территориально законно это не является территорией Молдовы. Потому что это считается отдельно взятая независимая республика, непризнанная. Она появилась в тот момент, когда произошел развал СССР и один из регионов решил, что он против развала. Мы не хотим оставаться на территории Молдовы, там начались сепаратистские настроения, возгласы, разносторонние политические взгляды, и потом уже начали ставить ультиматум с территорией Приднестровья, что мы хотим либо к Украине, либо к России, так как Украина тоже начала делать негативные ультиматумы в сторону Приднестровья, и поэтому территория осталась, с одной стороны, Молдовы, а с другой стороны – Украина, и Молдова захотела и провела операцию силовую неоднократную и напала на Приднестровье, и первые моменты нападения – нападали на мирных жителей. Была куча смертей.

И.: Ты был свидетелем этого?

Р.: Я родился позже. Я родился на закате этого конфликта. А моя сестра уже была тогда. То есть моя сестра родилась в 1990 году. Но она родилась в Дубоссарах.

---

¹ Интервьюер – Светлана Николаевна Игнатова.

Она была свидетелем, они с мамой прятались в подвале нашего дома и еще в городской больнице. Никаких бомбежек не было, потому что в Молдове не было никаких особых артиллерийских войск. Поэтому не вели никаких особых поступательных движений. Просто были операции, какие-нибудь спецвойска входили в различные города, в которые могли войти, которые были приближены к границам Молдовы, и, во-первых, запугивали народ, а во-вторых, проводили силовые акции и пытались захватить городскую власть и хотели тем самым быстро подавить народ, чтобы сразу всю территорию утихомирить, чтобы это была территория Молдовы.

И.: Ты родился в Кишиневе. Ты жил там когда-нибудь?

Р.: Нет, я там только родился. Жил я в Дубоссарах. Пошел в школу рано. Точно не помню. Я помню, что я там окончил два класса. Полностью. Но пошел я в школу рано. Мне семь лет исполнилось только в первом классе. То есть в шесть лет я пошел. То есть получается, мне было восемь лет. Потому что первые попытки отъезда были уже в первом классе. То есть, когда я был в первом классе, мы уже ездили в Москву. Когда был второй класс, перед вторым классом мы поехали на лето в Санкт-Петербург сюда. А потом уже, когда я окончил второй класс. Вот еще на зимние каникулы я сюда приезжал. И вот когда я окончил второй класс, то окончательно перебрались сюда.

И.: В Дубоссарах жили в квартире?

Р.: Нет, у нас дом был. У нас был частный дом. Там практически все в частных домах жили. Было не очень много высотных зданий и самое высокое здание, которое там было, это пять этажей. А нет, была еще мэрия, она была примерно восьми или десяти этажей, и это было единственное высотное здание в городе. Было очень мало пятиэтажных зданий. В основном трехэтажные, именно квартирные. То есть квартирные, либо трех, либо пяти. А большая часть – это где-то 70 % – проживала в частных домах. И 20–30 % проживали в квартирах. Такая была тенденция.

И.: Ты в детский сад не ходил?

Р.: Ходил. Ну я не помню, во сколько я пошел, потому что я ходил... ну записали меня рано в садик. Зачислили, потом перевели, а ходить туда на частной основе не смог. Сначала у меня... Астмой я заболел не сразу. У меня сначала были другие проблемы со здоровьем. У меня были неврологические проблемы. У меня был повышенный болевой порог. То есть если вдруг что, то даже иногда мог солнечный удар произойти легкий или еще что-то. Переносил плохо смену температуры. Если меня слегка задеть, то я мог в обморок упасть. А потом уже ближе к пяти годам быстро это все отошло. У меня даже, наоборот, изменился в другую сторону болевой порог. Я стал менее даже совсем пониженный. И начал болеть

астмой. У меня начали проявляться аллергия, одышка и многие другие признаки астмы. Потом в пять с чем-то лет мне поставили диагноз. Поставили мне инвалидность. Потому что это не прекращалось. Даже когда я серьезно не болел и не было приступов, то все равно были какие-то симптомы. Приступ, затем недельки две все спокойной – и снова все началось обратно. Меня снова везли в больницу обратно лечить. Вплоть до того, что в детском саду мне запретили туда ходить. Но я все равно ходил. А... я еще рано окончил садик. Как только мне исполнилось пять, я уже начал ходить в подготовительную группу. Я ходил уже не в садик, а в школу. Когда много болел, подготавливался на дому. И уже потом, когда мне исполнилось шесть, я уже до конца отходил в подготовительную группу и уже потом в сентябре пошел, получается, в школу. Сестра моя была в третьем или четвертом классе. А я только пошел в школу. Вот.

И.: Какая разница в возрасте у тебя с сестрой?

Р.: Три с половиной года.

И.: А ты помнишь, как дом выглядел?

Р.: Да, до сих пор помню. Мне кажется, что с тех пор, как я уехал, он совсем не изменился. Там, скорее всего, стоит тот же забор, на территории находится все то же самое, что и было, по соседству стоят все те же самые дома. Участок... я не могу сказать, сколько соток, потому что я не помню, что нашей территорией точно являлось. Основная часть, уличная, огорожена железным забором. Покрашен забор либо в светло-салатовый, либо в темно-зеленый цвет. Вот. Иногда были голубоватые цвета, такие бирюзовые, но хотя бы раз в сезон он красился. Желательно весной. Потому что за зиму краска трескалась и опадала и все остальное. И мы поэтому постоянно красили. Сами поребрики тоже красили, и на нашей территории высаживались постоянно цветы. Там еще росли вишня, орехи. Это все было за забором. А на самой территории на нашей тоже были вишня, абрикосы, то есть крупные деревья, которые давали очень много плодов. И был огород. Часть огорода была под картошку, под капусту. Все овощи, которые сейчас можно найти в магазине, всю зелень, даже нектары: персики, абрикосы, иногда выращивали арбузы, клубнику, росла малина, иногда мята еще была. И еще было очень много цветов. Вдоль одной из частей, ну, у нас было два входа у забора. С центральной улицы (там находились центральные ворота раздвижные и въезд для машин) и второй вход был с Уличкиной, там даже не было входа, там изначально просто взяли и разрезали забор. Это был как черный вход, но там изначально против него боролись. Потому что очень много соседей жили с той улицы, которая не центральная, и в основном все ходили к нам – неудобно было обходить. Поэтому сначала перелезали, потом погнули, а потом вообще отрезали. Потом со временем уже переделали и вырезали часть забора, поставили две

стойки и калитку урезали обратно и поставили на проволоку. Ну, все свои, поэтому особо никто не боялся. Конечно, были всякие бандюги, пьяни, которые могли зайти на участок что-нибудь украсть или что-нибудь сделать, но в основном все знали, что в доме постоянно кто-то есть, кто-то живет и особенно никто не покушался. Максимум что они могли сделать, это с огорода что-нибудь взять.

И.: В доме жила только твоя семья?

Р.: Да, в доме жили бабушка, мама, папа, я и сестра. Получается, мы впятером. Дом был рассчитан на четыре комнаты. В двух комнатах жил я с сестрой. У нас была одна комната, но она была разделена на две части. Сам дом на отоплении на печке, и еще были пристройки. Была котельная, курятник, свинарник, крольчатник, и была веранда красивая, плюс еще все дорожки были виноградной плодоносной лозой обвиты, и все было в винограде, то есть одна часть коридора была в красном винограде, другая в белом. Про цветы еще забыл сказать. Тюльпаны были вдоль забора у парадного входа, с другой стороны пионы были. У нас еще стоял колодец. И вокруг колодца были розы. И если у нас были праздники: Первое сентября, День учителя, – то мы не покупали цветы или не ходили к соседям брать, а брали все со своего огорода обычно. И дома всегда была упаковка специальная для цветов. Редко такое было, чтобы мы у кого-то брали цветы. До рынка было далеко, там нужно было либо идти минут 15, либо ехать. И постоянно еще были животные в доме. Были кошки. Я помню, что всегда всех кошек называли Мурками, а котов Тимошками. Я вот пережил там одного Тимошку, а еще там была одна кошка Пуха. Из-за того, что пушистая. И кошки постоянно были гулящими. Наших кошек весь район знал. А собаки... собака у нас одна была тоже. Ее звали Дика. Потому что она дикая была. Все вот такие имена им давали из-за того, что это их характеры. И не сразу им имя давали. Сначала приводили животное в дом, смотрели на его характер и потом в зависимости от характера кто-то из старших называл как-то. Это было не только у нас, это было присуще, скорее всего, всей республике, потому что у многих так животных называли: Вулкан, потому что взрывной характер, или что-то еще. Почему-то именно такие характерные имена давали. А вот собака дика. Она постоянно всю дорогу либо ходила с нашей мамой на базар, либо с бабушкой гуляла возле дома, либо, когда мы ходили в школу, она постоянно за нами бегала. Грубо говоря, охраняла. И потом, когда мы уходили в школу, ей нельзя было с нами туда идти, и она ждала около крыльца все уроки. А потом либо мы шли большой группой детей, либо нас забирали родители друзей. И собака шла с нами обратно. Иногда ее прогоняли, но она все равно прибегала. Очень хорошенькая собака была. До сих пор помню ее лицо. Такую собаку все любили и даже из-за нее все плакали потом. Я тогда, конечно, не совсем еще понимал все эти сентиментальные вещи, но все плакали, когда она пропала или что-то с ней случилось.

А еще был Тимошка. Уже тогда был старый кот. Ему было под десять лет. И он был очень теплым, постоянно со всеми спал. Когда у кого-то что-то болит, он всегда ложился и спал на этом месте. И постоянно в доме работала печка. Обычно печка работала газовая, и он всегда спал под крышкой. То есть у ее основания. Дом был всегда немного скошен, и он немного проседал, поэтому очень часто на лицевой части дома делали косметический ремонт после того, как на нем появлялись трещины. Скорее всего, это происходило из-за того, что было много воды: огород поливали часто, колодец с водой. Поэтому дом оседал, проседал. Была кухня продольной длины: часть кухни для готовки, часть кухни для приема пищи. Потом шла прихожая, и оттуда разъединялись три основные комнаты. И еще одна комната разделялась на две. Была справа бабушкина (самая большая комната) порядка 30 квадратов, налево была родительская квадратов 15–20. И наши две детские: очень маленькая и чуть побольше. И в этой комнате стояла печка. Иногда, когда зимой было очень холодно на веранде, а веранда была неотапливаемая, единственная часть дома, где не было батареи, готовили именно в этой комнате из-за того, что там была печка. И печка была так сделана, что на ней было две конфорки, и на ней были сделаны заготовки железные, чтобы можно было поставить, как на обычных плитах.

И.: В «той комнате» – это в детской стояла печка?

Р.: Да. Но она была как вспомогательная для готовки. Все равно основную часть еды готовили на кухне. Там был холодильник и все остальное.

И.: Ты сказал, что дом старый. А ты сам не знаешь, сколько лет дому?

Р.: Дом строить еще начал мой дедушка, отец моей мамы. Очень давно. Это не 1980-е. Скорее всего, конец 1970-х. И там он до сих пор считать стоит. Еще когда мои родители женились, я помню фотографии со свадьбы, дом еще не был до конца достроен.

И.: А когда твои родители женились?

Р.: Где-то в 1989-м. За год или за полтора до рождения моей старшей сестры. Вот тогда еще был дом не достроен. Получается, были потрясения. Сначала умер отец мамы. И потом все это осталось, и главным мужчиной в семье стал брат моей мамы – дядя. Потом он умер. Трагические обстоятельства. И потом уже некому было строить. Некоторые работы производились наемными рабочими либо знакомыми людьми. Но дом только достроился в 1990-х. И то потом еще пристраивалось что-то: котельная, загоны строились.

И.: Кто отвечал за хозяйство в доме?

Р.: Ну, так как не было старшего человека, то за дом отвечала бабушка. Конечно, был еще мой отец, но он очень много работал, занимался другими делами.

И.: Кем он работал?

Р.: Он работал... на тот период, когда мы там проживали... получается, как завод идет. Вроде бы он был токарем, сварщиком. У него было несколько специальностей. И он там работал за станком в основном.

И.: Мама работала?

Р.: Мама работала все время в Сбербанке. Вплоть до момента переезда. У нее там опыт практически 15 лет. Я недавно смотрел ее трудовую книжку. Там куча записей. И куча переводов с должности на должность, то в декрет уйдет. А до этого она училась и работала в Кишиневе.

И.: А кто занимался воспитанием детей?

Р.: В основном бабушка занималась. У мамы, когда появлялась возможность, она сразу шла работать. Так что воспитанием занималась бабушка и... и еще другие бабушки. У нас там куча родственников. И так или иначе соседи, мамины подруги, кумы и прочие. Там было кому воспитать. Был даже такой период, когда я еще начал что-то помнить – было мне пять лет или чуть поменьше. Я закатил маленькую истерику из-за того, что не хотел один дома оставаться с бабушкой почему-то, а мама с сестрой говорили, что они поехали на рынок. А я, видимо, что-то подозревал, потому что я никогда обычно не закатывал подобных истерик. Они меня обманули и на самом деле они поехали в Москву. Потому что там уже был отец на тот период, и они поехали в Москву. Вот это я запомнил, а как они уже приехали – не помню. Все туманно. Вернулись они примерно через неделю. Я уже на следующий день понял, что они куда-то уехали. Мама не сказала, потому что подумала, что я очень сильно обижусь. Вот.

И.: Расскажи про первый переезд.

Р.: Первый переезд пробовался в Москву. И этот период я абсолютно не помню.

И.: Вообще не помнишь?

Р.: Абсолютно. Я не помню, как побывал в Москве. Ну, есть фотографии, которые свидетельствуют, что я там был.

И.: А сколько тебе было лет?

Р.: Получается, мне было... я еще не пошел в школу. Получается, мне было тогда шесть лет. Они тогда поехали, отвезли меня туда, и там мы жили в бытовке – вроде как по фотографиям.

И.: Бытовка?

Р.: Сейчас объясню. Отец работал... я до сих пор не знаю где. История мне до конца не рассказана и покрыта тайнами. Да и я особо не расспрашивал никогда об этом. Он там где-то работал неофициально, потому что у него не было тогда молдавского гражданства. У него было только приднестровское. На территорию России можно было попасть, а вот официально устроиться – нет. Он где-то работал, а мы жили в бытовках. Бытовка – это либо подготовленный вагончик, либо уже готовый вагончик.

И.: Похож на строительный?

Р.: Да. Что-то типа того. И он был такой длинный и внутри были только двух-этажные кровати.

И.: И вы там жили вчетвером?

Р.: Кто-то еще там жил.

И.: В смысле кто-то еще? Какие-то посторонние люди?

Р.: Ну, мы жили там, и там еще были какие-то кровати. Там кроватей было рассчитано на большее количество человек. Ну, на фотографиях были там только мы. Мне кажется, что там жили только мы. Потому что некоторые кровати были просто пустые. Там было вроде как опрятно, ухоженно, чисто. Получается, мы там проживали какой-то период времени. И то, что мы там что-то делали, меня катали, возили, – это я абсолютно не помню. Есть фотографии, что мы там, в метро катаемся. У сестры еще тогда были длинные кудрявые волосы, а у мамы – короткая стрижка.

И.: В Москве ты не учился?

Р.: Нет. Я там был короткий период.

И.: Сколько ты там был?

Р.: Я сейчас точно не смогу сказать. Что-то в районе двух-трех недель.

И.: А почему переехали?

Р.: Пробовали.

И.: Зачем? Чем не устраивала жизнь в Дубоссарах?

Р.: Не устраивала, потому что, скорее всего, мне не подошел климат. Как-то смотрели по мне. Потому что тогда в тот период времени мне уже говорили врачи стараться сменить климат, потому что в Дубоссарах мне будет сложно жить либо нереально. В Приднестровье был очень сухой климат. Хоть это было недалеко от Одесской области. Дожди были редкостью. То есть бывало, что температура стояла до 50 градусов. У нас могли расти пальмы, тропические фрукты, Все остальное. Средняя годовая температура была в районе 30 градусов. Достаточно жарко. А зимы были хорошие. Поэтому зимой я практически не болел. Зимой я, бывало, обжирался продуктами, которые мне нельзя употреблять. Цитрусовые или что-либо еще. Как-то раз в предновогодний день какой-то один или два дня до Нового года, я не помню, какой это год был, это вроде еще не был школьный период. Вроде бы я еще в подготовительной группе был. Я перед Новым годом съел где-то полкилограмма или килограмм мандаринов, и следующий момент, который я помню, – меня везут на машине скорой помощи. И там я пробыл где-то две недели, то есть все новогодние каникулы я пробыл в больнице. У меня даже был какой-то период, что я находился полгода там. Я уже был как свой там.

И.: Ладно. Возвращаемся к вагончикам. Вы там прожили две недели.

Р.: Да, что-то не понравилось, и мы вернулись обратно. Отец не вернулся, вернулись только мы. Мы вернулись, поняли, что Москва – это не то. Отец продолжал работать. Какой-то период времени прошел, небольшой.

И.: Примерно сколько?

Р.: Да квартал максимум. И он уже поехал в Санкт-Петербург.

И.: А почему именно Санкт-Петербург?

Р.: Потому что севернее и вообще изначально рекомендовалось поехать туда. К этому времени родители уже были, грубо говоря, в разводе. Уже год или около того. Но они пытались что-то восстановить, наладить нормальные отношения. Пытались ради детей что-то сделать. Потому что каких-то перспектив в Приднестровье нет, и еще я стал таким фактором, из-за которого нужно было поменять жилищную ситуацию. Меня одного куда-то не деть. Получается, мы поехали в Санкт-Петербург. И вот тогда в первый раз, получается, уже весной, мы поехали туда. Тогда появились первые фотографии, мы там уже прогулялись. Жили мы на съемной квартире. Вот. Отец снимал. Как сейчас помню – это был проспект Славы. Помню, я тогда выходил из дома (не много раз, потому что мы там были всего неделю на зимние каникулы – до Нового года приехали и после Нового года уехали). Мне там было, в принципе, хорошо, да и родителям больше город понравился. Через какой-то период времени нам нужно было возвращаться обратно.

И.: Почему?

Р.: Ну, потому что отцу было одному трудно всех тянуть, он в этот момент как раз искал получше место работы. Он работал в этот момент сварщиком. Но тоже неофициально.

И.: Вы жили в квартире?

Р.: Да, в однокомнатной квартире. На тот период времени была очень хорошая квартира, даже несмотря на то, что мы снимали ее у какой-то бабушки. Мы там пожили, у нас там была елка. Кто-то даже из знакомых отца приходил, подарки какие-то были, и тогда уже мы вернулись обратно. Я продолжил учиться.

И.: Ты помнишь что-нибудь про первую съемную квартиру?

Р.: Я помню историю, которая у меня отложилась в голове. Я собирал крышки из-под кока-колы. Они то ли были баллами, то ли еще там что-то было под крышкой. Там вроде не баллы даже были, а сами призы нарисованы. То есть ты получаешь под крышкой либо еще одну банку кока-колы, либо кепку, либо что-то еще. Я помню, что у меня были какие-то призовые крышки и я просил маму сходить до ближайшего пункта обмена получить что-то. И мы с мамой и сестрой пошли, и я получил там две банки колы и какой-то аксессуар – то ли кепку, то ли футболку. Я уже точно не помню. Там моего размера не было. Были только больше. Поэтому сестра была в ней. Когда мы прогуливались, все было очень заснежено. Я не понял

еще до конца, что такое Санкт-Петербург и как он выглядит. Мне показался он просто каким-то большим городом. Потому что дальше проспекта Славы я никуда не выбирался. Не помню ничего. А вот уже в следующий раз, когда мы приехали летом через некоторое время, чтобы тоже пожить, тоже попробовать...

И.: Вы снимали квартиру однокомнатную, потом вернулись обратно домой, а отец остался в Санкт-Петербурге?

Р.: Да. Отец работал. Мы продолжали учиться, мама продолжала работать, все продолжало двигаться своим чередом.

И.: А школа находилась в Дубоссарах?

Р.: В Дубоссарах. У нас в самом городе находилось три школы. У нас была русская школа, молдавская, был лицей и еще какая-то спецшкола. Мы учились в обычной русской школе. Она называлась номер четыре. Сам город делился где-то на три-четыре района небольших. Наша школа абсолютно ничем не отличалась от российской. Там даже было практически советское обучение. Все было очень мило, очень красочно, все по букварям еще учились. Я начал учиться в 1999 году. На тот период там были старые советские учебники, и мы учились по ним. Все было очень круто. У нас специально были красивые прописи, нам там все от руки рисовали. У нас были палочки магнитные, с цифрами и буквами, веера, вот это все красивое и веселое было. Все в форме были красивые нарядные. А на Первое сентября все девочки были в сарафанах с белыми фартуками и с бантами. Всегда. Все традиции всегда соблюдались. Там даже вся музыка играла через граммофон. И там играли песни вроде «Учим в школе». Все выстраивались на линейку, все было очень организовано.

И.: Как ты относился к постоянным переездам? Для тебя это стало частью жизни или тебе всегда было тяжело?

Р.: В тот момент я еще ничего не осознавал, лето... пока мы окончательно не переехали. Получается, мы переехали летом, мы пожили практически весь летний период. Мы жили на Народной улице, Невский район. Мы, получается, жили в одной комнате, а квартира была двухкомнатная. То есть была коммуналка.

И.: Кто были соседи?

Р.: Соседей не помню, но... они не особо были хорошими.

И.: Почему?

Р.: Ну, они были вроде как хозяевами, то ли тоже снимали. Ну, были типичными питерскими пьянчугами. Очень жесткими.

И.: А кто там жил?

Р.: Вроде как мужчина в возрасте, ну и там еще женщина какая-то была. Я их абсолютно практически не помню. Помню в основном нашу комнату. Это была большая комната, но ужасная. Были обшарпанные обои потертые, старое

окно и с деревянной рамой с треснутым стеклом. Потому стекло было разбито в ходе скандала родителей, и мы какой-то период времени прожили с разбитым стеклом, но с одним. На улицу окна не выходили. Еще там был маленький пошарпанный телевизор, который показывал буквально три-четыре канала. Комната была разделена большим длинным шкафом на две половины: с одной стороны жили родители, с другой – мы с сестрой. Мы были вчетвером. Помню, там еще был деревянный пошарпанный паркет, тоже весь переломанный, кухня ужасная. Прожили мы, получается, весь летний период. Я помню, что в основном пытался все время находиться на улице, мы гуляли с сестрой. И несколько раз выбиралась в город, Посещали достопримечательности: побывали в Петергофе. Потом у мамы появились здесь какие-то новые знакомые, понаходила она здесь родственные связи, были у них в гостях пару раз. Но то, что с домом было еще связанное, – когда купили новый телевизор. Это, получается, был год уже 2001-й, и от этого телевизора избавились буквально недавно. То есть он все это время находился на какой-то из квартир или из строек, то есть, получается, он 15 лет пробыл в семье. Так или иначе, этим телевизором пользовались. Помню, этот телевизор был из компании «Шарп». Он был цветной и клевый – получше, чем тот телевизор, который был у нас. И первое время, когда нам только привезли этот телевизор, мы могли залипнуть в него на весь день с сестрой. И нас уже тогда начали ругать, и мы поняли, что это прямая зависимость. Обычно, когда мы жили еще только в Приднестровье, у нас там был телевизор, но он был такой советский, цветной и на нем были классные кнопки, но не было пульта. И все это приходилось переключать вручную и крутить всякие рубильники, нажимать на кнопки. И он тоже показывал только основные каналы.

И.: А в этой коммуналке сначала отец один жил?

Р.: Нет, он переехал туда для нас. На тот период, когда мы уезжали, он менял очень часто место жительства.

И.: Никто не знал, где он живет?

Р.: Ну, мать знала, но для нас эта информация не считалась важной. Он обычно жил в бытовках или где-то еще. Получается, что он жил где-то практически бесплатно, и все деньги, которые он зарабатывал, он накапливал нам на проживание или что-то еще: на содержание, нашу одежду и так далее. И потом уже, когда мы вернулись обратно, я с горем пополам отучился второй класс и окончательно мы переехали в 2001 году. Мы начали снова снимать квартиру весной и тоже на Народной. Почему там? Я не знаю. Это было близко к Неве. Родители основательно переехали – и почти то же самое место и практически точно такая же квартира: тоже коммунальная и тоже двухкомнатная, в которой по итогу месяц доживали жильцы и у нас потом было две комнаты.

И.: Какие жильцы были?

Р.: Я их не... две девушки были. Какие-то молоденькие студентки. Они дожидали какой-то месяц и потом в ту комнату въехала сестра. Она жила в одной комнате, а я жил в комнате с родителями.

И.: А почему именно так? Почему ты не жил с сестрой?

Р.: Ну потом я уже переехал к сестре. Просто первый период времени, еще было теплое время года, родители смотрели, как у меня со здоровьем, следили за мной. Еще был август, и нас родители начали определять в школу. Тогда уже мама стала искать работу, она нашла какую-то работу, я не помню, кем она поначалу работала, но тоже была какая-то трудовая деятельность, с руками связанная. Нашли школу, и тогда была проблема с устройством в школу, потому что у нас не было российского гражданства, было только приднестровское. И пришлось за каждого из нас платить по 300 долларов за тот период времени. Ну как... грубо говоря, взятку платили директору за то, чтобы он нас принял в школу. То есть 600 баксов за нас папа с мамой отдали, чтобы нас приняли. Школа была хорошая, я еще даже помню номер – 497. И сестра пошла, получается, в шестой класс, а я должен был идти в третий. Мы пошли. И я пошел в школу в третий класс и отучился где-то неделю. Неделю мы ходили, все было нормально, начали потихоньку обустраиваться, начали покупать все для дома. Квартира была такой же планировки, как мы жили до этого прошлым летом. Только до этого она была коммунальной, а теперь просто наша. И она была буквально чуть-чуть лучше: не было никаких ободранностей, хотя они появились со временем, тот же ламинат был пошарпанный, ну не ламинат, а паркетная доска деревянная, старая фурнитура и двери со стеклом. Помню, были конфликтные ситуации у родителей и тоже было разбитое стекло, но уже полностью разбитое, и его пришлось менять. У межкомнатных дверей были стекла разбиты, там в этой квартире уже и посуда летала.

И.: Были постоянные скандалы?

Р.: Да. Посуда билась, из окна выкидывались, сумки выкидывались тоже из окна.

И.: Родители уже в разводе были?

Р.: Да. Они жили вот так вот вместе и мучались. И вот произошел казус у меня в учебной жизни. Я продолжал учиться успешно, пошла уже вторая неделя моего обучения. Как бы все хорошо. И тут то ли у мамы что-то случилось, то ли с кем-то она наговорила, то ли что-то в школе – я не знаю, но, как я помню, все было хорошо. Я начал очень хорошо ладить со сверстниками, хотя я и был младше всех практически на год. Мне, получается, было семь лет всего, а моим одноклассникам было по восемь или некоторым даже девять лет. Грубо говоря,

я был поменьше своих сверстников: по росту, по габаритам, ну я им ничем не уступал. Я понимаю, что если бы я продолжил учиться, то меня всегда одноклассники были бы старше на два года. И приходит мама за мной в школу и говорит: «Лёша, я поговорила с директором, и мы решили, что ты возвращаешься во второй класс». И я тогда понял, что жизнь не будет легкой. Я такой: «Почему? У меня же все хорошо с успеваемостью». Дело в том, что кому-то не понравилось, как я учился и по сравнению с предыдущей школой учился по другой школьной программе «один-четыре». Это была более легкая программа. Меньше нагруженности, меньше предметов и все остальное. И мне говорили: «Ты не потянешь. В будущем, так как ты младше своих сверстников, ты не потянешь». И меня в этот же день через два урока, а на уроке, который только что прошел (математика) я получил пятерку, я помню в этот же день меня переводят в другой класс на другой урок. А я видел уже этих ребят, и они знали, что я учился в классе старше их, и это уже тогда отчасти негативно повлияло на восприятие класса ко мне. И соответственно, у меня начались проблемы с успеваемостью, и в семье проблемы начали появляться. Из-за скандалов мама собирала вещи и говорила, что мы возвращаемся обратно. И мать нас утащила на вокзал, и вот мы уже на Витебском вокзале, уже собираемся уехать. Мама нашла деньги и хочет купить билеты. Мы уже с сестрой стоим на огромных пакетах с сумками, и приходит отец, извиняется перед ней с цветами, пытается ее уговорить, уверяет, что все будет нормально, все будет хорошо, и мы возвращаемся к этому невнятному бытию. И это продолжается опять. Ну где-то проходит месяц более-менее спокойный, мы доучиваемся. Я доучиваюсь второй класс во второй раз. Это для меня стало мучительно. Этот день, который произошел, кардинально изменил меня как личность, потому что я с того момента хотел быть каким-то противостоянием, быть не таким, как все, и быть против всех, всегда стремился иметь другую точку зрения от общей.

И.: У тебя появился принцип?

Р.: Да, зародились некие принципы.

И.: «Быть не таким, как все» и «Я всегда должен быть не такой, как все»?

Р.: Нет, меня почему-то умышленно делали хуже. Всегда стремились меня как-то принизить. Хотя я считал себя лучше, чем меня считали. Ну, по сути, до сих пор такое продолжается. Вот я тогда, помню, доучился второй класс успешно, в той же школе я пошел в третий класс, сестра вроде бы пошла уже в седьмой. Мы еще там жили в той квартире, и в тот период времени родители начали заниматься ремонтами. Они познакомились с кем-то и поняли, что на тот период времени ремонты – золотая жила. В той квартире мы посмотрели Чемпионат мира по футболу.

И.: В той коммуналке?

Р.: Да, ну она уже не совсем коммуналка была. Помню, тогда я еще делал уроки, и мне отец притащил мои первые ролики. Мои первые ролики были четырехколесные, такие олдскульные, а у всех детей были уже обычные, классические ролики – с колесами, которые по порядку идут. А у меня были такие. И они были для меня с сестрой. Я понимал, что я намного меньше сестры, а папа сказал: «А ничо, носок подложишь». Ну я ничего не подкладывал, мне было нормально. А сестре они были немного маловаты. И мы пытались учиться кататься на них. О Боже! Это было мучение с испытаниями. Сестра просто как корова на льду, а я еще более-менее, но они были ужасно неудобные, да еще и грязные. Не знаю, откуда отец их достал, но мы покатались на них недельку – и больше о них не вспоминали и забыли про это. И вот начался период, когда родители начали вместе работать, и они сказали, что мы переезжаем. Нам нужны жилищные условия немного получше.

[Запись прервана]

И.: Вот вы живете в коммуналке последней...

Р.: Это не последняя коммуналка.

И.: Я понимаю. А куда вы переехали потом? Во-первых, почему? И во-вторых, куда?

Р.: В связи с тем, что родители начали заниматься ремонтами, они начали хорошо зарабатывать. Отец бросил всю свою деятельность, все, что он умеет делать. Мама бросила то, чем она занималась. Мама вообще успела поработать в ларьке, на пельменной фабрике, на конвейере, по разным специальностям. Отец работал сварщиком, но он потом несколько раз возвращался к своей работе. Они начали заниматься ремонтами и нашли более-менее хороших работодателей – даже не работодателей, а частников, которые имели множество связей, чтобы предоставлять им работу, советовать людей и что-то еще. Вот они начали делать ремонт с полного нуля и под ключ. Они первые квартир десять просто учились, набивали руки и все остальное. Но уже тогда у них выходило все прекрасно, и на второй или третьей квартире к ним в Питер начали подтягиваться приднестровские знакомые. Родители им разрекламировали, что здесь хорошо жить, и все мамы подружки начали ехать сюда на заработки. Еще многие ездили в Европу. И вот начался бум ехать в Питер. И не только из нашего города – еще из Тирасполя и многих городов все начали ехать в Питер. Мама начала им помогать в плане съема квартиры, то есть подбирала им жилье, давала контакты проверенные либо агентов, знала, какие квартиры свободные. Она все время говорила, что съедет от отца и будет одна снимать квартиру с нами. И так она продолжала говорить еще десять лет. Но все равно все время мы жили вместе. Вот. И когда родители начали больше зарабатывать, они начали искать новую

квартиру, чтобы у всех было по комнате. Чтобы было все попросторнее. И в тот период времени у них знакомый сдавал квартиру-трешку – две комнаты в ней освободилось, квартира хорошая, первый раз ее сдавал. И мы туда заехали, у нас были две большие комнаты: у нас была с балконом, а у них обычная. И была еще маленькая комната и большая кухня. Помню, это было в Рыбацком с видом на Неву. Сейчас уже этот вид застроили домами, а раньше ничего такого не было. Квартира была более-менее добротная. В этой квартире мы много праздников отмечали, приводили кучу гостей. В первый период времени там одна комната была занята двумя девочками. Почему-то опять жили две студентки в маленькой комнате и опять с нами. Потом эти девочки съехали.

И.: А вы как-нибудь общались с ними?

Р.: Да. Я с ними очень хорошо общался. И даже из-за одной девочки я, так или иначе, начал... точнее, у меня начали появляться какие-то потуги к спорту. Там была девочка, и она была фанатка футбола. Очень сильно болела за мадридский «Реал». Она даже по квартире ходила в футболке с их логотипом, и она очень сильно любила вратаря Икера Касильяса. Болела за «Реал» и была еще персофаном. Все время: «Касильяс! Касильяс! Боже мой!!!» И у нее еще был флаг Испании. И мы общались. Школу мы с сестрой не меняли, потому что нужно было бы тогда платить еще больше. Так мы продолжали учиться и ездить в школу. И расстояние до школы уже было приличное. Еще тогда вантового моста не было. И мы ездили на маршрутках по Володарскому мосту. Она тогда 16 рублей вроде бы стоила. И вот постоянно ездили на маршрутке. И мы тогда доучились: я до пятого класса, а сестра там осталась учиться до десятого класса. Одиннадцатый класс она в другой школе доучилась. Мы в этой квартире прожили год с чем-то. Получается, я там окончил пятый класс. Мы там прожили со скандалами, с истериками на почве маминой ревности, потому что у отца на тот момент была любовница. И тогда произошел такой момент. Мы продолжали ездить в Приднестровье на лето пожить.

И.: Зачем туда ездили?

Р.: Из-за документов. Очереди отстаивали, много справок было, документов, переводы документов. В тот момент в Приднестровье оставалась только одна бабушка. Я не очень сильно общался со своими ровесниками, потому что они отличались от моих ровесников в Питере, а сестра, когда приезжала в Приднестровье, устраивала постоянные кутежи. Она уже была подростком. Родители как раз хорошо зарабатывали и давали моей сестре 1000 или 2000 приднестровских рублей, а это было, как у некоторых жителей Приднестровья, месячная зарплата. Вот дай столько 14–15-летнему ребенку! И она просто устраивала кутеж. Даже иногда приходилось ее доносить домой, потому что она приходила пьяная

и могла удариться головой о поребрик. Я ее поднимал, а она говорила: «Отвянь от меня, мелкий». Вот. Мы жили в той квартире, и она уже полностью была наша, но одна комната просто пустовала. Мы платили за нее также, потому что это было по знакомству, но она постоянно пустовала. Мы не захотели в ней жить, и она просто пустовала. Она в основном стояла законсервированная. Еще помню, у нас была страсть к домашнему телефону. Пока я еще учился там, постоянно разговаривали с одноклассниками. А еще был у нас номер странный, и все постоянно путали и неправильно его записывали. Он начинался на 100, и мы говорили 100-33-23. И люди всегда не понимали, почему у нас только пять цифр в домашнем телефоне. Они записывали номер, как 133-32. Сестра часами зависала в телефоне. У нее начинались интриги с парнями и все остальное. Я очень часто ходил в гости к друзьям. Там, получается, напротив нашего дома еще дом был. А во дворе ничего не было. Мы жили на девятом этаже. Номер квартиры не помню. Балкон тоже был у нас. А до этого все квартиры у нас были на первых этажах. Кроме проспекта Славы. Там вроде был второй. И это были постоянные мучения с комарами. Особенно летом. Постоянно фумигаторы и все остальное. И вот тот период времени мы жили на высоком этаже. А еще был такой случай. Был какой-то праздник и много гостей. И все ушли куда-то гулять. Я остался один. Потом где-то через месяц удачно сдавалась квартира на Народной. Была двушка. Мы снимали ее, но я особо ее не помню. Ну мы там пожили. Родители в этот момент делали вторую или третью квартиру в парадном. Так или иначе, хозяин предложил нам там пожить. Взяли и переехали, это была квартира под ноль. Мы даже первое время спали на полу. В одной комнате ютились, потому что нечем было обустроить. И так судьбоносно мы прожили в этой квартире с 2004 и до 2012 года. Там семь с копейками было лет. И мы весь этот период прожили в этой квартире. На тот период это был новый дом. На берегу Невы. Он был ближе к Володарскому мосту. Квартира была номер 114. Было бы интересно побывать еще раз в этой квартире. Сначала мы жили все в одной комнате, хотя там площадь была 100 квадратов.

И.: А почему вы переехали в трешку? Что не устраивало на старой квартире?

Р.: Родители сказали, что появился вариант жить бесплатно в квартире, но нужно будет ее обустроить. А хозяин этой квартиры сказал, что мы можем свободно в ней жить как минимум два года. Дом находился между «Ломоносовской» и «Пролетарской». Вокруг не было вообще новостроек. Мы жили в единственной новостройке. И вот мы въехали в новую квартиру и начали обживать. Я как раз оканчивал пятый класс, и у меня начались разногласия в школе. В школу, кстати, шла все та же маршрутка, но путь был гораздо ближе, и сама маршрутка останавливалась перед домом. Так вот, я заканчиваю пятый класс, и я поменял школу на школу рядом с домом. Идти туда не больше десяти минут. Это была школа номер 334.

Это была обычная школа. И я пошел в нее в шестой класс. Квартиру мы потихоньку обживали, потом мы жили тоже в голых стенах. Так прожили два года. Нам нельзя было ничего делать, потому что хозяин квартиры не разрешал. Хотя мы уже поставили кровати, на кухне все более-менее обжили. Голая стройка, но мебель была. И мы все еще жили в одной комнате. Потом приехал хозяин и сказал, что квартира изначально предназначалась для его дочери, но его дочка поступила в университет за рубежом и ей там еще учиться пять лет. Так что он дал добро на чистовую отделку, сделать санузлы, да и начать ремонт в целом.

И.: Вы платили за эту квартиру?

Р.: Нет, мы ничего не платили.

И.: Только коммунальные услуги?

Р.: Да. В первое время у родителей было очень много денег, учитывая, что они очень хорошо зарабатывали, они могли сделать в год несколько квартир. И с исходной квартиры они могли выручить 300–400 тысяч рублей.

И.: Родители все еще жили вместе?

Р.: Да, все время вместе. Они работали вместе. Плюс у них был третий партнер – тетя Оля. Они работали троим и плюс еще у них появился собственный электрик – дядя Дима, который в итоге будет с тетей Олей. А тетя Оля приехала с нами из Приднестровья, а Дима местный. Так или иначе, все жили на съемных квартирах, даже Дима. Он отдал квартиру дочке и бывшей жене. В итоге он купил еще квартиру дочке, на той квартире живет его бывшая жена, а сам он на съемной живет. А сейчас он живет с тетей Олей – может быть, что-нибудь они на старость лет себе приобретут. Вот. А мы продолжали там жить, нам дали разрешение на ремонт. Мы за два года сменили пять квартир. И вот последнее место, там мы сначала сделали санузлы: первый, как просил хозяин, и он запретил нам им пользоваться, и весь ремонт еще делался за наш счет. Но мы все равно им пользовались. И сделали второй санузел. Сделали два санузла, вставили двери, и все стало красиво. А потом мы сделали чистовую отделку. В это время переезжали из комнаты в комнату, пока все делали. Сделали кухню.

И.: Ты помогал делать ремонт?

Р.: Да. Мы все делали своими руками.

И.: Только вчетвером?

Р.: Да. Отец мало что делал. В основном я, мама да сестра. Мы это делали, учились. Потом шел год 2007-й, и мы уже думали, чтобы брать свое жилье. Но так как в семье была конфликтная ситуация, ничего не решалось, деньги куда-то непонятно уходили. Так получалось, что когда деньги появлялись, то родители то шиковали, то на что-то тратили, то на кутежи. А квартира окончательно обустроилась к году 2008-му. Мы сделали обои, в некоторых комнатах постелили

линолеум, в коридоре, на кухне была плитка и еще в двух комнатах был ламинат. Потом мы разъехались по комнатам: родители в одной комнате, я с сестрой в другой комнате и одна игровая/гостевая.

И.: А почему вы с сестрой все время жили в одной комнате? Ты не хотел жить отдельно?

Р.: Я хотел, но за мной все еще должен быть присмотр.

И.: По здоровью?

Р.: Нет, уже не по здоровью. Просто нам так удобнее было и не сильно напрягало. Если сестре нужно было личное пространство, то она уходила в другое помещение или я тусовался в игровой. Ну а потом уже где-то классе в седьмом мы уже разъехались по комнатам, а потом уже тогда году к 2010-му у сестры завелись отношения, и она забеременела. Вот мы жили все еще в этой квартире, она забеременела, и решили ребенка оставлять, хотя это был внеплановый ребенок. У нее были отношения, они поженились, и ребенок, соответственно, жил с нами. И такая ситуация, ее муж переехал к нам. Им отдали одну комнату, я был в отдельной комнате, родители в другой, отец вообще редко с нами был. Я жил, получается, в одной большой комнате, она была у меня очень пустынная. И вот, получается, в одной комнате жила сестра, ее муж и маленькая моя племянка Вика и в другой комнате родители. И мы жили так до того момента, пока они не съехали.

И.: Какие отношения у вас были в семье?

Р.: Напряженные. Чаще всего было много негатива. Что нас всех объединяло – это степень выживания. И хотя бы хоть как-то сплотиться. Родители уже десять лет хотят окончательно развестись. Как-то объединяла родителей работа, потому что, если бы они разошлись и не хотели бы видеться больше никогда, они бы, так или иначе, разделились на рабочие составляющие.

И.: То есть им просто было невыгодно расходиться?

Р.: Да, им просто это было невыгодно. Ну, общая выгода вообще нашу семью держала вместе. И вот съехала сестра с мужем, ребенку было практически годика два с чем-то. Уже был 2011 год. Мы все еще жили там. И вот приехал первый раз хозяин квартиры и говорит, что, так или иначе, нам нужно съезжать или рассматривать другие варианты. Сначала он приехал в 2009 году просто посмотреть, что да как, потом в 2011-м. Он сказал, что квартиру будет просто продавать. Либо он сделает ремонт и будет, как одна из его квартир гостевых. Родители начали говорить, что они уже долго живут в этой квартире, что все обжили и могут еще лучше все обжить, предлагали сделать рассрочку, родители даже готовы были выплачивать приличную сумму. Они хотели сначала отдать вроде бы полмиллиона, но этого все равно было бы мало. И готовы были выплачивать 30 000 в месяц как в рассрочку. И если бы они платили 30 000, они бы до сих пор

выплачивали. Они бы выплачивали до года 2026-го. Потом мы начали просто платить какие-то деньги, как за аренду платить, потому что для хозяина это невыгодно просто оставить нас жить в квартире. И мы платили в районе 15 000 – 20 000. Деньги были. Сестра уже начинала понемногу подрабатывать, заканчивать учебу. Я еще учился в девятом классе. И я начал думать о том, что пора съезжать в свою квартиру. В семье снова зарождается серьезный конфликт, уже в тысячный раз. Ничего не происходит. И все решают снимать другую квартиру. И вот нам сказали дату, когда надо съезжать и чтобы мы весь хлам собрали с собой, так как они все выкинут и отделку будут делать заново. В этом месте осталось очень много хороших знакомых. Я доучился девятый класс и поступил в колледж. И зимой, уже на первом курсе, мы переехали в съемную квартиру, двушку. Планировка была похожа на одну из первых квартир, которые мы снимали. Это был другой район. Это уже был проспект Metallistov.

И.: Ты потом пошел в колледж на кого?

Р.: Торговля и экономика. Я получил полное среднее образование. Также сдавал ЕГЭ. И вот мы переезжаем в двушку. Квартира, по-моему, была 97. Сначала эта квартира была засроченная. Мы первые дня два-три приводили ее в порядок, прежде чем туда переехать. И потом к нам переехала бабушка, с нами стала жить бабушка. Мы перевезли бабушку. Мы перевезли ее для того, чтобы сделать ей операцию на глаза.

И.: Она с вами еще в трешке жила?

Р.: Да.

И.: Где она жила?

Р.: Так как там коридор был узкий, но он был длинный и под конец расширился, там была прихожая длиной метров 8. И бабушка жила в коридоре. И то мы этот коридор в итоге разделили на две части: сделали двери и поделили квартиру. Потому что мы там под конец законсервировали две комнаты, потому что сестра отъехала, даже несколько месяцев я жил с родителями в одной комнате. А бабушка в коридоре и кухне. Видишь, как я подробности вспоминаю. Вот. Она жила с нами и под конец, как нам нужно переезжать, она падает на кафель и ломает шейку тазобедренного сустава. И она слепая. потому что неудачно была проведена операция на глаза и перестала ходить. И вот мы переехали из той трехкомнатной квартиры с ней в двушку. Родители жили в одной комнате с бабушкой: бабушка лежачая и невидящая. А я жил в комнате, потому что жил в комнате с сестрой, маленьким ребенком, и очень часто к нам приходил ее муж. Комната была очень маленькой. Там была двухэтажная кровать: на первом этаже маленький ребенок, на верхнем этаже я. На отдельной кровати сестра. И эта комната была разделена рабочим столом на две половины, там умудрялись стоять телевизор, компьютер,

два шкафа и еще один стол. Все было очень узенько. И мы там прожили еще два года. Потом у сестры прошел бракоразводный процесс. Родители переехали в отдельную квартиру, а я с сестрой и с ее молодым человеком решили снимать отдельную квартиру. В соседнем доме появилась отдельная квартира, и мы с помощью агентства снимали ее за 30 000 рублей – трехкомнатную квартиру. Она была достаточно большая с хорошим ремонтом. Наверное, это были лучшие условия, которые у нас когда-либо были. Я жил в самой маленькой комнатке со своей девушкой. Она была ну очень маленькая. Ширина ее была, как две входные двери. И в длину, наверное, метров восемь. Может, даже чуть-чуть покорооче. И вот ровно половину занимала кровать односпальная. Стояли компьютерный стол, шкаф и кровать. Все минималистично. И я там уже жил с девушкой, с Биной. В соседней комнате жила сестра с парнем и ребенком. Они потом поженились, когда мы жили в этой квартире. Я закончил учиться за год до этих событий. Мне было тогда 19. Закончил и начал работать. Когда еще мы не начали снимать, я начал работать. Нашел я работу в доме напротив, от которого мы снимали. Все было рядом.

И.: Что за работа?

Р.: Когда я только пошел работать, я был продавцом-комплектовщиком. Потом работа менялась. Было много повышений. А в квартире у нас была одна комната свободная. Она была как гостевая, потому что очень часто приезжали там либо Альбинины подруги переночевать, одна ее подруга чуть ли не неделю у нас жила. И иногда родители к нам приезжали ночевали.

И.: А почему ты не хотел жить в комнате побольше?

Р.: Мне не понравилась планировка, и просто не хотелось в ней жить. Она была очень неудобной. Мы прожили в ней восемь месяцев. Не так долго, потому что под конец я уже уволился с работы, начались проблемы с заработком и поиском работы, хотя до этого я работал и официантом, и в булочной, и кем только ни работал. И за последние месяцы начались проблемы с оплатой за квартиру. Да и до этого у сестры с мужем были финансовые проблемы, поэтому я сначала их как-то выручал деньгами, потому что сначала я более-менее зарабатывал. Я уже, получается, за эту маленькую комнатушку платил, как за две комнаты. Даже изначально деньги, которые я отдавал за эту квартиру, были необоснованно большие. Я платил 12 000 за комнатушку и еще половину коммунальных и выходило практически 14 000. Иногда я отдавал почти 20 000. Иногда меня даже вынуждали это делать, сестра говорила: «А нет денег? Ну мы тогда съезжаем. У нас уже есть вариант получше». Вот они договорились, хотя мы все еще могли выплачивать за эту квартиру, предлагали остаться, у меня уже все наладилось с работой, и я мог выплачивать, но нет. Это уже был ноябрь 2015 года. И в декабре мы уже разъехались: сестра уехала жить к мужу, а я к родителям.

И.: К родителям куда?

Р.: В однушку, в которой я до сих пор проживаю. Они проживали там. И какой-то период мы жили втроем в однокомнатной. И я уже хотел съехать от них. Потом от нас съехал отец, потому что они окончательно разошлись с мамой. Это было в середине прошлого года, я прожил там полгода, они порвали отношения, и я нашел себе более-менее нормальную работу и до сих пор работаю на ней. И скорее всего, этим летом я найду себе отдельное жилье. Но хотя я до сих пор не знаю, где я буду жить и как я буду жить. Я даже не знаю, где сейчас живет мой отец, где будет жить моя мать. Скорее всего, первый период она будет жить со мной. Пока непонятно, что я себе буду брать: студию или однушку. Будет, конечно, мучительный период жить с ней, но придется. Скорее всего, это будет недолго. Но придется жить с ней весь 2017 год. А сестра, так или иначе, до сих пор не имеет постоянной прописки, как и мы. У нас у всех есть только временная регистрация. Я в 2009 году получил паспорт. Ну только сейчас я пытаюсь свою жизнь отдельно наладить. Все разделились, и так, скорее всего, будет до конца. Даже десять лет назад я уже знал, что из этого ничего не выйдет. И проще будет родителям разбежаться. Потому что никто никому уже не поможет.

И.: Ты когда переехал в трехкомнатную квартиру, родители жили в двухкомнатной?

Р.: В однушке.

И.: А бабушка?

Р.: Бабушка с ними.

И.: С ними? В однушке?

Р.: Да. Все время забываю про бабушку. Блин. Это очень плохо. Она жила на тот период с ними. Они жили там втроем в однушке. Потом, когда я переехал, мы жили все вчетвером. Потом, через какой-то период времени, получается в 2016 году, весной, они отвезли ее туда обратно в Приднестровье. Они отвезли ее туда на машине. Оставили ее жить там, наняли ей сиделку. Вот. Там еще живет семья той сиделки. Они живут там в нашем доме, владельцами которого являются мама и бабушка. Еще дом практически полуразваленный, еле живой, дом будет продаваться в целях погашения будущей покупки квартиры. И все.

И.: Ты сам хочешь продолжить жить в Питере?

Р.: Ну я этот город вдоль и поперек весь знаю. Везде побывал. Город, конечно, сильно изменился: появились новые спальные районы, которых никогда не существовало. Когда люди спрашивают: «В какой части города они живут?», раньше об этом и речь не шла. Потому что раньше не было ни Девяткино, ни Мурино. Ранее эти районы не были практически обжиты, а сейчас за год, за два, за три все быстро развивается. А раньше еще приходилось из-за конфронтации

в семье жить у родственников или ночевать неделями. Сестра по молодости вообще уходила из дома и пропадала до трех недель. Родители ее искали. А она говорила, что не хотела их видеть, потому что не хочет видеть скандала. Конечно, скандалы, так или иначе, отражались на успехах в учебе и в другой деятельности и только негативно влияли на наше личностное развитие с сестрой, а так, получается, вся наша семья жила не на кормильце, а на кормилице – на матери, потому что весь основной доход она приносила, отец постоянно в долгах, в разрухе, даже у матери в долг брал. Она один раз положила деньги и сказала: если ты их возьмешь, то ты выбрал себе такой путь и больше никогда не вернешься в семью. И он забрал деньги и маму оставил с долгами, которые, по сути, он не выплатил. У него, получается, осталась машина, где-то снимает квартиру, очень часто просит помощи у сестры. Но они особо не контактируют. Сестра может ему денег скинуть. Там за него мать выплачивает долги до сих пор. А так я сейчас помогаю с деньгами маме, себе и Бине.

[Запись останавливается]

Р.: Что касается дома, где я родился, то у нас почти в каждой комнате висел ковер. И было всегда очень много ковров: в коридорах были длинные ковры, на кухне. Еще почти вся мебель была в скатертях – даже комодики. Вот были эти ковры, мебель, очень красочная резная. Все всегда было красивенько. Бывало даже так, что пороги, которые выходят из дома, были обложены коврами. Ковровая дорожка лежала прямо на улице. Представляешь, настолько было чисто, что даже щепиночки не найдешь. Все всегда подметали. И скорее всего, это отложилось в моей чистоплотности. Даже на стройке мы постоянно мыли полы. Голый бетонный пол всегда был помытым. А еще мы всегда клеили моющиеся обои, потому что стены всегда протирались. Порядок для нас был святым делом. Только отец всегда был противоположным. Когда поест, никогда со стола не уберет. Когда готовит, ничего за собой не убирает. Он отучился курить в комнате, особенно на кухне, году в 2012-м. Ему было всегда наплевать: когда даже балкон был, он курил на кухне. Хотя я астматик и мне было тяжело. Ну потом уже было без разницы. Я не обращал внимания.

«Сплю и вижу, когда я тихонько отгорожусь» (Интервью с Сергеем Аристовым)¹

Респондент: Меня зовут Аристов Сергей Александрович, мне 21 год. Родился 31 марта 1996 года в городе Чебаркуль Омской области. Чем этот город знаменит? Рядом с ним располагается один из крупнейших полигонов в стране. Оттуда моего отца перевели с Чехословацкой республики. Перевели в чистое поле, буквально на сам полигон. Какое-то время они там по инженерной части построили бараки и лет пятнадцать жили в этих бараках. Затем был построен военный городок, где и дали квартиру. Квартира небольшая, однокомнатная, служебная, естественно. Военный городок – это сослуживцы, либо матери сослуживцев. Она там работала в медицинском батальоне. Такая вот замкнутая система.

Интервьюер: А мама медик по образованию?

Р.: Да, медик. Она по званию медсестра. Окончила Мичуринское медучилище в Тамбовской области. И после распределения попала в Чехословакию, где познакомилась с моим отцом. Сам мой отец – потомственный военный. Родился в городе Николаеве, по-моему, в 1964 году. Его отец, мой дедушка, тоже потомственный военный. Родился не помню честно в каком году, но в городе Самаре. Сам он одессит, большую часть жизни провел в Одессе. А самого деда мотало до моего рождения тоже по всей стране. Итого три года после моего рождения жили в этой квартире, что в Чебаркуле. А потом его перевели, ну как перевели, отца послали учиться в Михайловскую артиллерийскую академию. Там он был подполковником, ну и курсы повышения квалификации командного состава. Жили мы в общежитии военном, Фонтанка, 90. Это угол набережной и Гороховой. Историческое здание бывших казарм Лейб-гвардии Московского полка. Они небольшие, два-три этажа, типовые, похожи на казармы. Заходишь – и сразу большой холл, где у тебя либо общественные туалеты, душевых там вообще не было. По крайней мере, в 2000 году. А проходишь прямо там темный-темный длинный коридор. В общем-то, заставленный всякими шмотками, ящиками, в которых шмотки вязанками. Порой даже сложно было пройти. Соответственно, по обе стороны

---

¹ Интервьюер – Светлана Николаевна Игнатова.

у нас комнаты. Окон никаких. То есть темный-темный коридор. Где-то есть лампочки. Проходишь прямо, попадаешь в большую кухню. Там только одних плит было штук двадцать. У каждой семьи, собственно, по уголку, где она остатки своего кухонного гарнитура и дивана устанавливала. И что довольно-таки удивительно, никакой горячей воды. Те, что постарше, ходили в баню на Казачьем переулке – она там до сих пор есть. Тем, что помладше, греем в тазик воду либо на кухне за занавесочкой, либо в самих комнатах, ибо из кувшинчика либо из ковшика. Семьи были все военные, все друг другу помогали. Возможно, даже счастливое время моей жизни. Seriously. Это были сплоченные люди, со многими мы поддерживаем хорошие отношения даже до сих пор. Но, к сожалению, в этом месте мы недолго прожили. В ноябре 2000 года мой отец погиб при невыясненных обстоятельствах. Возвращались с экзаменов, отметили, куда-то он отошел, пропал. То ли избили, то ли нарвался неизвестно на кого. Деньги, награды, часы, документы – все было на месте. Так что не раскрыли до сих пор. Отца мы потом на малой родине похоронили. Некоторое время жили здесь на Фонтанке, а потом поехали к моей бабушке. Бабушке уже под 60 лет – даже 63 года, если не ошибаюсь. Она болела, у нее там диабет был. То есть за ней надо было ухаживать. Бабушка моя проживала в трехкомнатной квартире, которая ее отцу, ее прадеду предоставила муниципальная служба еще при советской власти. Она осталась для проживания. Дедушка являлся участником войны, имел многочисленные награды, в том числе Орден Славы, что-то там говорили. Не знаю. Начал как колхозник, до войны работал начальником. Впоследствии война, потом работал на хлебозаводе всю жизнь. Сопровождал муку. Три комнаты. Бабушка была у них единственной дочерью. А у моей бабушки было трое детей. Когда мой младший дядя женился, она его прописала в эту трехкомнатную квартиру, и он занимал там комнату. Мамина старшая сестра уехала в Москву. А с нами проживал ее сын, мой двоюродный брат, дядя, его жена и мой другой брат двоюродный. Мы сами в одной комнате с мамой, и бабушка с моим двоюродным братом в другой. К сожалению, как это водится, квартирный вопрос всех портит. Поэтому, даже вписав дядю, они там частенько ссорились с бабушкой и с нами. Так было до 2008 года. Там я пошел в начальную школу, там я ее окончил. Потом бабушка, к сожалению, умерла, и мы стали искать варианты. После смерти моего отца нам дали квартиру по месту службы. То есть не в самом Чебаркуле, а в Челябинске. Челябинск – это очень красивый город. Однако самих связей, самих возможностей мы посчитали, что нет никаких. Но мы посчитали... Кто-то уехал в Москву, кто-то сюда, под Питер. Связей осталось мало. Мы решили поехать туда, где у нас есть хоть какие-то возможности, знакомства, хоть что-то. Поэтому, продав двухкомнатную квартиру, которую нам выдали в Челябинске, мы приехали сюда. А здесь нас

ждала суровая реальность. То, что мы продали, здесь хватило только на одну комнату в коммуналке на Московском проспекте. Дом этот старый, 1905 года. Там даже паркет сохранился родной, дубовый. Бывший доходный дом. По-моему, жили сотрудники министерства, а до этого Наркомата путей сообщения. Напротив – железнодорожный институт. Шесть этажей, дом старый. В общем, купили мы квартиру, сделали ремонт. В общем, надо же по-человечески жить, а не дожидаться, пока расселят. Потому расселяют нас с того момента и до сих пор. То есть лет шесть уж точно прошло. Мы, по сути, остались последней парадкой.

И.: А расселяют каким образом?

Р.: Есть инвестор. Изначально мы хотели квартиру. То есть расселяли целый стояк с одной стороны. А потом стали по этажам скупать – квартира справа, квартира слева. В квартирах не так чтобы и много семей. Собственников пять или шесть, некоторые просто не живут. На даче проживает, если одна бабушка. В одной комнатке ее внучка порой бывает с сыном и со своим гражданским мужем. Но это бывает редко. В основном все старые. В целом весьма и весьма милые люди. Но и здесь, как говорится, в семье не без урода. Ну что поделаешь, квартирный вопрос всех портит. Собственно, всех тех, кто там живет с самого начала, очень мало. Только бабушка Таня родилась в этой квартире, она здесь в блокаду и выжила. Так что она настоящий старожил. Остальные кто как. Кто-то купил, кого как-то расселили, вселили, кто-то обменялся.

И.: А взаимоотношения с соседями как строятся?

Р.: Честно говоря, ждут они расселения. Но они хотят оторвать по максимуму – из-за этого оно, видимо, и затянулось. Я окончил школу в этой коммуналке, уже, собственно говоря, и университет окончил. И только потом расселят, может быть, надеюсь. Мы, естественно, ремонт там сделали, небольшую перегородочку поставили.

И.: А большая комната?

Р.: 25 квадратов. Ну понимаете, сидим с мамой за разными концами стола. Поэтому я сплю и вижу, когда я тихонько отгорожусь.

И.: А какие-то проблемы с расселением есть? Там же наверняка есть наследники.

Р.: У той же бабушки Тани детей нет. Но у нее есть племянник, он живет отдельно, вообще не с ней. Нету проблем. Проблема, как говорится, чтобы умирить пыл и претендовать на то, что ты можешь проглотить, потому что именно этим все и тормозится. Единственная проблема, которая может быть, это, как я и говорил, что на общее состояние квартиры если не плевать, то они поддерживают тот минимум, когда оно сдохнет само. То есть лучше они вряд ли сделают. Я уже говорил, что мы остались последней квартирой в парадном, шестой этаж. На седьмом

этаже то ли общага какая-то, то ли хостел. Художник живет, но я его давно не видел, – может, уже и продал. Единственная проблема уже скупленных квартир, чтобы они как-то деньги приносили. Они устраивают наподобие таких хостелов, общежитий бюджетных. Состав там, естественно, переменный. То есть им на состояние парадного вообще плевать.

И.: А все бытовые условия там присутствуют?

Р.: Горячая вода есть. Ну как есть, она у нас всегда. У нас проблема с холодной. На первых этажах у нас кафешки всякие, бары, магазины. Поэтому до нас просто-напросто не всегда доходит. Если идешь мыть руки, то потом можешь вынимать вареных раков, а не руки. Ванн нету. Соответственно, мы не совсем законно, если честно, в обход провели душевую.

И.: На всю квартиру?

Р.: Нет, себе. А если говорить на всю квартиру, то в предыдущем месте жительства, на Фонтанке, лишь в 2005 году наши brave вояки сообразили скинуть ее и поставить газовую колонку. То есть они, грубо говоря, до этого момента все так же возились в холодной воде. Знаете, такой кран у раковины курносый, а на него, как на даче, шланг намотан. Зато народ был веселый. А здесь не так. В новом месте жительства, в коммуналке, очень тихо – ну бабушки старые. Исключение составляет семья, из-за которой, по сути, все и тормозится. У них там старшая дочь. Потом мать этой дочери повторно вышла замуж и родила еще двоих мальчиков. Одно время они жили где-то в деревне, потом они вернулись – и, естественно, это шум и гам. Бабушкам это все не нравится. И мне порой в наушниках это все слышно. А куда деваться – дети.

И.: У вас получается, что папины предки – выходцы из Одессы.

Р.: Нет. Как я говорил, предки потомственные военные.

И.: А где они изначально появились?

Р.: Сам мой дед из Самары. Но откуда моего прадеда в Самару занесло – неизвестно. Мой прадед тоже был потомственным военным, царским офицером еще. Каким-то макаром затесался в Красную армию и стал убежденным коммунистом. Не знаю, то ли по убеждению, то ли по принуждению. Но мы выжили. Я не знаю, как это удалось, и я не могу судить его. Мы выжили и жили весьма и весьма неплохо. Потом мой дед тоже участвовал в ВОВ до 1944 года. Потом он попал в город Николаев и Одессу. В Одессе есть старое Одесское артиллерийское училище имени Фрунзе. А при нем был факультет, где обучались иностранные военные. Там кубинцы, африканцы всякие. Он там и учил их. Там он познакомился с моей бабушкой, она там преподавала языки. Умная была женщина, четыре языка знала. Я в этом плане совсем вырождение. Там своя была квартира, там еще одна была квартира. Когда мой отец умер, мой дядя, старший брат отца, тихо накапал

на нашего дедулю. Причем от него мне остались ложки чайные. Все. А дача и две квартиры отошли к моему дяде и его семье. Впрочем, и за то они со всеми перегрызлись, но это совсем другая история, она нас не касается.

И.: А кто-то был репрессирован в семье из-за того, что прадед – царский офицер?

Р.: Из моей семьи обошлось. А вот если посмотреть семью моей матери, мой прадедушка был из семьи кулаков. Мой прапрадедушка вовремя это смекнул, шибко в колхоз не рвался, но и не отказывался. Один из его кумов даже стал именно председателем колхоза, хотя сам из кулаков. А вот некоторые дяди, кумы были раскулачены. Вообще, самым большим потрясением для нас была ВОВ. В семье моей матери мой прадедушка был пятым из шести сыновей, плюс две девочки. Девочки, естественно, выжили, а с войны вернулся лишь он один. И это притом что он служил в армии еще в 1938 году. Насчет стороны отца, по сути, там он тоже оказался единственным. Остальные два брата сгорели – один в танке, другой вообще неизвестно где. Так что особо таких репрессий мы сумели избежать. А ВОВ паровым катком прошла. Тамбовская область там и в Гражданскую доставала, и ВОВ почти все деревни подчистую. Наверное, собственно, поэтому он и смог вырваться оттуда. До этого уехал из деревни по комсомольской путевке или что-то такое, устроился работать нефтяником, а потом вернулся. А на родине он долго не был, он сразу попал в районный центр Мичуринск, где и работал на хлебозаводе до конца своей жизни. И был уважаемый и почитаемый. А вообще, на Табовщине Гражданскую войну помнят до сих пор не очень хорошими словами.

И.: А есть какие-то другие варианты решения квартирного вопроса?

Р.: Ну, в принципе, у нас есть какие-то сбережения, мы со временем их пополним и сможем купить. Но, честно, мы вряд ли сможем купить хорошую двухкомнатную квартиру. А маме двушку точно надо. У меня мама тоже старенькая, ей 54 года, в 55 уже на пенсию. Возможно, мы уже планировали: маме купим однокомнатную, туда выселим. Мы за всю свою жизнь свое имели только на Урале. А уже очень хочется. А у меня, соответственно, вначале здесь. Ну а далее видно будет. Вот моя одноклассница, ей, конечно, родственники помогли, она здесь купила квартиру в строящемся доме однокомнатную. Сейчас закончат, потом продадут свою комнату в коммуналке и эту однокомнатную квартиру и купят хорошую двухкомнатную квартиру. Может, имея их пример, мы тоже, я не знаю.

И.: При расселении вам что предлагают?

Р.: Естественно, вторичный рынок.

И.: Однокомнатную или двухкомнатную?

Р.: Двухкомнатную, естественно. Но потом мы и сами должны будем добавить, чтобы купить получше и чтобы ремонт. Но так рынок вторичного жилья.

Район спальный, ничего другого мне не дадут. Но говорю, это застопорилось на весьма неопределенный момент, к сожалению. Сейчас мы живем в коммуналке. Я, честно говоря, этому немного рад. Понимаете, я и школу здесь окончил, я имею возможность ходить в любые музеи, любые театры. И университет у меня то же самое. То есть мне, допустим, сейчас до Универа 35 минут вообще пути. Если спальный район, то это уже ясно будет, что где-то часа полтора. То есть чисто логистически мне пока удобнее жить здесь. Честно говоря, я очень люблю Санкт-Петербург, мне нравится просто по нему гулять. Очень красивый город. А до Исаакия минут 20 я не знаю как плестись. То есть это исключительно хорошее место. А когда попадаешь в спальный район, сразу небольшое ощущение – типа слишком много места. Также хотелось зелени побольше. Так мне, честно, нравится. В целом я привычен к общежитию в своей квартире. Я ощущаю себя петербуржцем. Я здесь жил с четырех до шести лет, а потом с пятого класса и по нынешний день. Здесь прошла моя сознательная жизнь – возможно, становление личности. Уезжать я сюда, если бы поступил в военное училище, наверное, может быть, и уехал. Но это уже следование традициям. А просто так кормить комаров в болотах Восточной Сибири я не соглашусь.

И.: А что с традицией?

Р.: Я хотел, я пытался. Но, к сожалению, у меня из-за зрения никак. В свое время меня это очень сильно огорчало. В свое время я даже поступал с расчетом на военную кафедру. Но у меня, к сожалению, есть и военный билет. И сейчас я уже и не шибко заморачиваюсь. В целом даже рад. Как-никак у меня свободы больше, чем у кого бы то ни было из моей семьи. В целом она, может быть, продолжится. Ну если нет, значит нет.

И.: А когда вы переезжали, все вещи, которые накапливаются, вы перевозили с собой?

Р.: Военные в этом плане большие барахольщики. По большей части мы увозили. То есть наиболее такую удобную мебель, посуду. Свое семейное, различного рода награды прадедушки и дедушки. Вот смотрите, мы уехали с Урала, квартира там не пустовала, ее заняли другие люди уже со своим имуществом. А так да, военные довольно часто оставляют мебель, особенно если переезд срочный. Но у нас такого, к счастью, не было.

И.: А когда вы переехали сюда, мама смогла найти работу?

Р.: Она не сразу нашла. Она сейчас работает участковой медсестрой в поликлинике. Она там работает последние лет пять точно. А до этого было, честно, как-то не очень и удобно. Если бы она пошла работать, то ей пенсию сразу бы обрубали по потере кормильца. Поэтому так, неофициально. Сейчас она очень довольна, хотя там работы полный рот.

И.: А немного расскажи про себя.

Р.: Я студент, уже окончил третий курс Санкт-Петербургского электротехнического университета. Факультет электроники, специальность «электроника и микроэлектроника».

И.: А как вы решаете в квартире иные бытовые вопросы – например, телефон, интернет?

Р.: В Чебаркуле это была хорошая квартира, телефон нам проводили солдаты из батальона связи. Разумеется, ванна и горячая вода. В общем, все, что надо. Что касается Фонтанки, 90, там был один общий телефон на всю квартиру. У бабушки телефона общего не было, но горячая вода, ванна. В общем, стандартная квартира. Здесь у каждой комнаты свой телефон, горячая вода есть. Ванны или общего душа нет, туалеты есть, даже два. Интернет мы провели, не так давно сами установили. Так что в этом плане уж для себя мы точно все сделали.

И.: То есть вы решаете собственные проблемы, а не всей квартиры?

Р.: К сожалению, так. Если решать общеквартирные вопросы, как состояние кранов, плиток, лампочек, то там поддерживается в таком состоянии, пока не выйдет из строя. Ремонтов таких общих нету. Каждый свой угол красит – это, конечно, плохо.

И.: А в доме есть самоуправление или организация, которая управляет домом?

Р.: Давно у нас образовалось ТСЖ, но это весьма и весьма темная организация. А кто там правит балл – естественно, собственники, то есть владельцы холстелов, барчиков, рестораников. Так что порой с ними приходится именно ломать и своего добиваться.

Август 2017 г.

Из Донецка в Петербург (Интервью с девушкой 20 лет, студенткой)¹

[До этого был разговор про знакомую девочку сестры респондента]

Интервьюер: А где твоя сестра родилась? Здесь [в Санкт-Петербурге]?

Респондент: Нет, в Донецке.

И.: Сколько ей было лет, когда вы сюда [в Санкт-Петербург] переехали?

Р.: Ей было два года всего лишь, когда она переехала.

И.: Ты помнишь, что-нибудь о Донецке? [Спрашиваю сестру, которая сидит рядом]

Р.: Не, она, конечно, ничего не помнит. Ей два года было всего. Специально палату платную родители брали. И значит, потом... А я сидела с бабушкой и с дедушкой в зале, и тут папа звонит и говорит: «Кира родилась». И я такая: «А!» Я просто прыгала, скакала, танцевала в комнате, и это, я помню, было три часа дня. Где-то два-три часа дня было. Солнышко светит, я в пижаме и просто: «Ура! У меня сестра!» Ее принесли домой, положили рядом со мной. У нас была одна комната, и у меня еще...

Кира (сестра респондента): Розовая такая!

Р.: Да, вся розовая была комната. Просто розовая. Я говорила: «Я не хочу розовую комнату». – «А мы сделаем розовую комнату, Альбина. Тебе нравятся эти обои?» – «Да, мне нравятся эти обои». – «А мы возьмем другие, которые тебе не нравятся». Все розовое! Абсолютно! У меня еще и диван был... В общем, положили ее на диван рядом со мной. Я палец ей в руку кладу, а она мне так палец своей рукой сжимает, и это все так мило. И я с тех пор начала с ней нянчиться, и вот мы с ней вместе все время. Она плачет, не родители встают ее укачивают, а я ночью.

И.: Она же с тобой в комнате одной была. Тебе ближе было.

Р.: Ну да. Там я говорила, чтобы мама отдыхала, спала, потому что у нее какие-то проблемы послеродовые, конечно. Ну меня в это не посвящали. Я вот с Кирой возилась. А еще один раз, я такая глупая, посадила ее на горшок, а горшок стоял на диване. И она чуть не перевернулась! Ну, мама заходит, смотрит на эту картину: Кира сидит на диване, смотрит телевизор на горшке. Мама говорит:

¹ Интервьюер – Светлана Николаевна Игнатова.

«Что ты делаешь?» А еще я помню, что она не могла есть. Вообще не могла есть, если она не видит рекламу. То есть реклама включилась, Кира вся в рекламе. И только так ее можно было накормить. Мама хотела ее отучить от этого, но Кира сразу плакала и отказывалась есть. Так забавно было. А еще я давала ей маркеры, чтобы рисовать могла она. Ей был год с чем-то и, естественно, не на бумаге рисовала, а на себе. Я даю ей бумагу, листочек, фломастер зеленый, прихожу, а у нее вся рука зеленая, лицо зеленое.

К.: Зеленка!

И.: Сколько ей было?

Р.: Год с чем-то. Я уже не помню. Почти два, наверное. Так смешно. Заходишь, а тут ребенок зеленый. И быстрее ее отмывать, а она не отмывается.

И.: А ты сама родилась в Донецке?

Р.: Нет, я в Енакиево родилась. Это пригород в Донецкой области. А что, Кира, ты хотела сказать?

К.: Помнишь, ты рассказывала, что ты была в школе, а я пока все дома разбрасывала, а ты приходишь, а я разбросала все игрушки, а ты все убирала.

Р.: А, ну да, но это уже все здесь было. Ну, они с бабушкой играли, у нас в зале был... ну, не мешок, а колонна в виде собачки. И туда все игрушки складывались. И там были ножки такие у этой собачки. Она брала эти ножки и переворачивала. Не просто так, ей не хотелось искать и было лень в этой куче игрушек, и она брала все так и переворачивала, вот так и трясла, чтобы все это по всему полу было разбросано. А там столько игрушек, она же еще их разбирала. Собирать мы игрушки не хотим, а разбирать мы хотим. Вот. А Альбина все собирает, Альбина все собрала. Приходит потом, а там опять все разобрано. У нее еще был такой паровозик. И в этом наборе шли отвертки специальные.

К.: Я ими играла.

Р.: Да, она все время их отламывала и приходила ко мне и плакала, что не может их обратно собрать. Я закручиваю, она откручивает, я закручиваю, она снова откручивает. Вот. А Енакиево – это довольно-таки далеко от Донецка. Ну где-то полтора часа на автобусе и час на машине.

И.: Ты жила в Енакиево?

Р.: Да, там еще металлургический завод находится, и там еще очень много было пепла от него. Ну, от дыма осадок шел, потому что прям город, и спускаешься прям вниз по дорожке, и там действительно огромный такой металлургический завод стоит, химзавод.

И.: А вы сами где жили? В квартире?

Р.: Да, в квартире, на четвертом этаже. И мама... кстати, вот забавный факт, м... у нас были друзья. В общем, мы жили на четвертом этаже, а они на третьем.

Они в 20-й квартире, а у нас 30-я квартира. Да, это забавно. Ну вот, и в общем там цифра 4 у нас такая огромная была на четвертом этаже нарисованная. Это мама у нас ее рисовала. Красную. И там, в этой четверке, все время кто-то что-то писал белым, чтобы было видно. Всякие рисунки были. Было даже немного обидно. Мама старалась, а кто-то брал и портил вот это все. Она художница была. А надписи писали, конечно, не ужасные. Обычные какие-то надписи. Даже матерных слов не было. Так, какие-то рисунки. Там девочку какую-нибудь нарисуют. Знаешь, ключом брали и царапали по стенке. Вот. Мама все рисовала у нас. А еще у нас была картинка из мультика «Бэмби». Она в книжке какой-то нашла и сделала мне такую картинку. Эта картинка у меня долго-долго еще висела на стене.

К.: В рамочке?

Р.: Нет, без рамочки. Просто.

И.: А папа чем занимался?

Р.: Ой. Папа чем только не занимался. Когда я родилась, он на шахте работал, шахтером.

К.: Папа мне рассказывал! Я была в кидбурге и работала им [шахтером].

Р.: Да, и папа рассказал, что он в шахте работал. На шахте. Мама рассказывала, что страшно было каждый раз ждать, и я еще все время спрашивала: «Где папа? Где папа?» Она мне говорила, что папа скоро придет. А еще у нас, когда заходишь в любой автобус и когда шахтеры на работу ехали или с работы, у них уголь на веках откладывался. Было впечатление, как будто бы у них глаза были накрашены. И я один раз смеялась так. И мама мне потом объяснила, что смеяться нельзя, это просто человек работал на шахте и это уголь у него не смылся. Папа рассказывал, что все время, когда они вниз в шахту спускались, у них уши закладывало, потому что там давление большое. Вот.

И.: Ты говорила, что у тебя мама хорошо рисует. Она была художницей? И она работала вообще когда-нибудь как художник?

Р.: У нас был в центре города Дом культуры. Она там в подвале работала художницей, все декорации рисовала. А потом в три года я увидела, как моя подруга танцует на танцплощадке, и я начала плакать, закатила истерику. Мама меня успокаивала и не понимала, почему я плачу. А я очень завидовала своей подруге, потому что она танцевала, а я нет. Поэтому я попросила маму, чтобы она отвела меня в Дом культуры и... в общем, меня в этом Доме культуры все знали. И там еще кино-театр был, меня туда бесплатно пускали. Везде там в буфете бесплатно угощали.

И.: Сколько тебе тогда лет было?

Р.: Ну где-то от трех лет и дальше. Я тогда с трех лет начала заниматься танцами. Потому что я позавидовала подруге своей. Там у них такие платья были и все время им прически делали, ну знаешь, все с блестками, ну и, естественно,

девочке хочется этим заниматься. И потом у меня было очень много дипломов, очень много медалей: кубки стояли.

И.: Какой вид танцев?

Р.: Бальные танцы. Да. У меня там был партнер, а потом я начала расти, и партнера было сложнее найти. Ну высокая девочка все же, а потом у нас была группа, «Леди» называется, и там только одни девочки танцевали. Просто группа девочек, которая танцевала. В общем, которым не смогли найти партнера. И все.

И.: В каком возрасте ты закончила заниматься?

Р.: Ну, где-то в одиннадцать.

И.: Больше ничем не занималась, кроме школы?

Р.: Ну школа, бальные танцы, книжки читала еще. И все. Больше вроде ничем не занималась. А потом... а я еще ходила на занятия по танцу живота. Вот на эти на восточные танцы ходила. У меня даже костюм был! Когда мама моей подруги поехала в Египет (они всей семьей поехали в Египет) и мне привезли оттуда костюм. Представляешь? Вот все. Он там вышит был черный с золотым. Я занималась.

И.: Ты все время жила в Енакиево? Никуда не переезжала на Украине?

Р.: Нет, всегда просто в Енакиево жила. Ну просто с подругой, когда уже старше стали, мы стали в Донецк ездить вместе.

И.: А где ты училась? В Донецке?

Р.: Нет. Я в Енакиево училась. У нас гимназия там была. Мы там изучали четыре языка: родной язык, считался русский, украинский, он не считался родным, у нас прям в дневниках было написано, в табелях было написано о том, что мы изучаем не русский язык, а родной язык, дальше украинский, французский и английский. Для русскоговорящих украинский смешной язык.

И.: А Кира разговаривает на украинском? Понимает?

Р.: Нет, она не слышала его ни разу.

И.: В семье вы не разговариваете на украинском?

Р.: В семье нет.

И.: А когда на Украине жили?

Р.: Нет. Ну этот язык назывался суржик, когда смесь русского и украинского. На этом языке мы разговаривали. Потому что у нас все телевидение, все это было на украинском языке. Естественно, все окружение было на украинском языке. Ну... медиаокружение. А в жизни все разговаривали на русском языке – только с акцентом.

И.: А с друзьями?

Р.: В школе мы разговаривали на украинском языке. Ну как... мы старались говорить на украинском языке. У нас в каждом кабинете в школе висели флаг, герб и гимн Украины. И все это очень сильно пропагандировалось. Вот, в общем, тыходишь в класс и видишь огромный такой стенд, и там может быть про писателей,

про поэтов украинская информация. Какие-то изречения, все это на украинском велось. А потом мы сидели в классе биологии и читали параграф. Я уже не помню про что... по-моему, про растения мы читали. И у нас забирали все учебники на русском и меняли на точно такой же учебник – только на украинском языке.

И.: Это в каком классе начало происходить?

Р.: Ну примерно в седьмом-восьмом. До этого учебники были только на русском языке. И был приказ учителям, чтобы они вели урок на украинском языке, не на русском. Но никто их не вел на украинском. Ну, только если это не был показательный урок какой-нибудь для родителей или для кого-нибудь еще.

И.: Бин, а ты хорошо училась на украинском?

Р.: Было сложно учиться. Как ты можешь хорошо учиться, когда у тебя все время программу меняют. Если бы там сказали, что мы будем учиться 11 классов, а потом поменяли программу на 12 классов. Ну 12 классов – это ненормально. И когда я была в седьмом классе, они растянули программу. Выдавали тесты всякие. Это было очень странно. Особенно по истории. У нас истории как таковой не было, и все время менялись учебники по истории. Вот. Кроме замены языка, еще была замена информации. По истории особенно. То, что запрещалось все на украинском языке, то, что русские вот такие плохие, и в литературе это все прослеживалось очень сильно. Вот. Такая была немного пропаганда. Я помню сама лично, когда мы просто меняли в библиотеке одни учебники на другие. Просто школьники ходили и меняли учебники. Ну, я как самая сильная ходила и таскала с мальчиками.

И.: Расскажи немного о своей квартире. Вы жили втроем?

Р.: До Киры да, мы жили только втроем. В семье мы, в принципе, часто время проводили. Даже завтракали всегда вместе, обедали и ужинали. Ну, обедали иногда не вместе, потому что все на работе. Но завтракали и ужинали обязательно все вместе. У каждого даже было свое место. Мы с мамой вместе сидели, а папа напротив всегда. Я у окна, а мама чуть дальше.

К.: У двери?

Р.: Ну не у двери. Кухня большая была достаточно. У нас еще лоджия была. Слушай, а знаешь, что мне больше всего там нравилось? Даже не погодные условия. А... то, что росло на улице. То есть ты выходишь, и ты можешь взять просто абрикос. Если это сезон, то ты можешь просто сорвать абрикос, или там орех огромный растет грецкий. Прямо во дворе: жилой дом, девятиэтажка, там еще две девятиэтажки напротив, еще пятиэтажки – короче, город, и ты просто можешь или сорвать вишенку, или сливу, или еще что-нибудь. Мы зеленые абрикосы ели, а потом выплевывали их. Не знаю зачем. Просто захотелось съесть зеленый абрикос. Пожевать и выплюнуть. Это очень странно, я знаю.

И.: А друзья какие-нибудь у тебя были?

Р.: Ну дружила я только с мальчиками. Мы очень часто на асфальте рисовали мелом и таким образом рисовали целый город. И у нас была игра такая, что все были зайчиками и один был волк. И нужно было волку поймать хотя бы одного зайчика, и тогда зайчик становился в его команду и превращался в волка. И так бегали и всех собирали, пока волк не выиграет. Там еще мы рисовали водоворот и писали десять секунд, и вот если попал в водоворот волк, то он десять секунд ждал. А в этот момент зайчики могли делать все, что угодно. Потом еще в улиточку играли. Это как классики, но только улиточка. Ой, что мы только там не делали! У нас были огромные цветные мелки всегда. И мы всегда собирали деньги на мороженое или на мелки. Только на это тратили деньги – ну или на водичку. Все время на улице проводили. Скакалки, резиночки – вот это все.

И.: Когда Кира родилась, сколько тебе было лет?

Р.: Мне было 14, когда она родилась. Все меня называли молодой мамой. А я кричала: «Это моя сестра! Я не мама, это моя сестра!»

И.: Воспитанием Киры ты занималась?

Р.: Да, в основном я занималась.

И.: А мама, папа?

Р.: Мама работала.

И.: В Доме культуры?

Р.: Нет, она давно уволилась уже оттуда. Она занималась там бизнесом своим. БАДы продавала. Мама сама уволилась из Дома культуры, потому что там невозможно было работать. Там был подвал. И там была небольшая история, конкуренция. Там еще кто-то хотел работать. По-моему, дочка директора Дома культуры хотела. И поэтому маму немного выгоняли. Но она говорила, что будет работать, потому что деньги нужны. Потом она нашла другую работу и уволилась оттуда. А еще моя мама больше 20 лет является мастером маникюра. И когда я сама себе делаю маникюр, я просто вижу, что не так. Но, как у мамы, у меня получается.

И.: Вы жили втроем в двухкомнатной квартире?

Р.: Да. Родители жили в зале, а у меня с Кирой была своя комната. Так всегда было. Либо у меня была комната своя, либо у нас с Кирой.

И.: Почему решили переехать?

Р.: Потому что работы не было.

И.: Почему именно в Санкт-Петербург?

Р.: Потому что у нас здесь все родственники: бабушка, тетя, дядя. Меня еще тетя хотела забрать, когда мне было девять лет. Она сказала маме, что хочет меня забрать. А мама сказала: «Давайте она немного подрастет, а потом можно будет ее забрать». И когда дедушка умер, папа поехал к бабушке в Питер. Мы остались втроем. И потом он уехал на год сюда работать. Потому что мама попросила найти

работу папе, потому что там он не мог найти работу. Ну и мама почти без работы осталась, и он пересылал деньги. У мамы началась депрессия большая, и она перестала заниматься Киной, и все. После депрессии мама не стала ничем заниматься.

И.: А отец?

Р.: Он работал на тетю. Водителем был, охранником. И он постепенно, когда мог, пересылал деньги.

И.: Мама дома целыми днями сидела?

Р.: Да.

И.: Как вы решили всей семьей переехать?

Р.: Денег нет, работы нет. Я должна была переехать, потому что никто не хотел, чтобы я училась на Украине.

И.: Тетя – чья сестра?

Р.: Тетя – папина сестра. Еще у мамы была сестра давно, старшая. Но она заболела и умерла. Когда я маленькая еще была. Я только помню, что просила ее мне нарисовать на дощечке магнитной, а она сказала, что не умеет рисовать и чтобы я попросила маму нарисовать. И все.

И.: Как происходил переезд?

Р.: Ну, мне давно сказали, если ты сдашь экзамены хорошо, семь экзаменов, если ты сдашь хорошо, то ты переедешь и сможешь там учиться. Это был девятый класс. Кстати, мы готовились на русском, а экзамены на украинском были. Я помню, что не готовилась к экзаменам вообще. Даже диктанты не писала. Ну просто занималась, и все. Хотя нет, у меня были билеты, я их смотрела, решала, чтобы хотя бы примерно знать, что это и о чем это. И когда я сдала на самый высший балл в школе английский, мама никак не отреагировала на это. Ну, я пришла очень радостная, по дороге еще тополиный пух летел, как в фильме. Я иду, с экзамена вся такая красивая в форме школьной, я такая счастливая, радостная, прихожу и рассказываю маме, а мама никак не реагирует. Не знаю, может быть, ей просто очень тяжело было, я никак не могу себе это представить. Потом папа приехал в конце лета из Питера. А до этого я была одна, учеба и Кира, и все. Ну... и все. Один на один. Потом папа приехал, я его очень сильно ждала весь год. Мама звонила папе и говорила, чтобы он приезжал и забрал меня, потому что она больше со мной не может. А я ничего такого не делала. Я просто хотела погулять с друзьями. Ну, блин, я еще совсем ребенок. С друзьями гуляла и с Киной. Ну вот, он приехал, побыл здесь весь август, потом поехала с ним на поезде из Донецка прямо в Питер. А Кира с мамой осталась дома. Для меня все это было ново, потому что я мало куда выезжала, тем более в Питер. Первый раз выезжала за границу. Я взяла вообще все свои вещи, даже гитару. Ну а летние оставила там. Игрушки все остались там. Я даже некоторые книжки с собой взяла. Я так упаковывала

все. Два чемодана. Но я брала с собой по минимуму, поэтому у меня косметики с собой не было, даже щипчиков для ногтей. А у меня как раз проблемы с кожей начались, а папа не знает, что со мной делать. У меня возраст 15 лет, когда прямо вообще истерики – вот эта вся подростковая фигня. Мне мама нужна. А мама в депрессии. Что делать? Папа тоже не знает, что со мной делать. Я так боялась заговорить на русском, потому что я думала, что у меня будет акцент. Я всегда прислушивалась ко всем. Мы как раз приехали за три дня до первого сентября. Вот так. И сразу в школу. А у меня форма с собой. Я сразу вырядилась, как положено у нас там было в гимназии, что нельзя было даже юбку короче коленок и так далее: пиджачок, белая рубашка выглаженная, прическа. Вот я прихожу, а там никто не в форме. Все одеты как попало: в джинсах, в кроссовках. А я одна в форме такая.

И.: Где вы жили в Питере?

Р.: В квартире двухкомнатной с бабушкой. Бабушка как раз пирог испекла специально для меня.

И.: В этой квартире жила только бабушка?

Р.: Ну сначала бабушка с дедушкой, а потом только бабушка. А... у нас здесь еще дядя жил. Ну потом он к себе на квартиру поехал. Он до нашего приезда здесь жил. И потом, как только я приехала, он съехал. Ну иногда приезжал переночевать. И все. А потом у него своя жизнь началась, естественно, – он взрослый уже. И потом вот так целый год где-то. Кира уже подросла. Я не видела ее целый год. Мы только один раз на лето к ним приезжали. А потом зимой папа ее забрал с мамой. А еще мне исполнялось 16, и мне нужно было поехать туда и сделать паспорт. Потому что с 16 лет выдавали паспорт только. Мама вообще ни в какую сюда приезжать. Она не хотела с бабушкой жить.

И.: Бабушка чья мама?

Р.: Папина.

И.: А у мамы твоей?

Р.: У мамы нет никого.

И.: Папа твой откуда?

Р.: Он из Енакиево, все мои родственники из Енакиево, даже тетя.

И.: Как так получилось, что вы приехали все в Питер?

Р.: Сначала было так все, это очень запутанная история. Бабушка и, соответственно, дедушка, они не жили в Донецкой области. Но их родители перевезли и их перевезли, потому что они работали там, там был новый металлургический завод. Потом они (дедушка с бабушкой) познакомились в школе. И вот они здесь жили. А потом дедушка поехал на север работать. И там семь лет он работал, а бабушка жила в Донецкой области. Потом приехал дедушка и забрал всех: бабушку и двух младших детей. А старшие – у них уже своя жизнь была. И вот эта

квартира, в которой они жили, они отдали ее папе. И вот там, в этой квартире, мы все втроем жили. А потом началась безработица, и папа со мной уехал сначала, потом мама с Кирией переехали. Вот так.

И.: В школе тебя хорошо приняли?

Р.: Да, они там уже все взрослые и адекватные были к десятому-одиннадцатому классам.

И.: Не было никаких проблем из-за того, что ты из Украины?

Р.: Нет. Ну они спрашивали меня, как это будет по-украински, как это будет по-кварински. А правда, что «спалахуйка» – это зажигалка на украинском. И я такая: нет, это неправда, конечно же. Ну это неправда. Просто приколы шли по интернету. Они все это вычитали, и я там опять только с мальчишками дружила – с такими амбалами большими. Как их называли? Задроты? Они меня приняли в свою компанию, и мы так вместе держались. Ну там у всех отношения, конечно же. Альбина все это выслушивает. А почему, Альбина, ты такая грустная? Альбина просто не грустная, а задумчивая. Я сначала была в одной группе по английскому, а потом они затащили меня в другую группу. А оказалось, что эта группа – самая лучшая вообще шла по знанию английского языка. Я вообще не пожалела. Мы так сдружились со всей этой группой по английскому. И там такое отношение: «Новенькая, новенькая! Класс! У нас новенькая!» Мы до сих пор общаемся с некоторыми. Ну, они смешные. Они, когда видят меня, сразу начинают: «Альбина!» Сразу обниматься, это приятно.

И.: А как вы жили в квартире?

Р.: Бабушка в одной комнате. А мы четвером в другой. И сейчас также. Там диван Кире даже отдельный купили, но она все равно потом со мной спит. Не знаю почему. Ей нравится со мной спать.

И.: А молодой человек?

Р.: Ну я тогда дружила с мальчиком, и мы просто с ним гуляли. Мы даже с ним за ручку не держались. И потом он прислал мне эсэмэску о том, что он меня любит. И я перестаю с ним общаться. Говорю: «Извини, нет, я не могу, сейчас не время для отношений». И потом на следующий день, вечером, ко мне просто добавляется в друзья какой-то парень. У него вообще непонятная фотография, информации практически нет. И я смотрю его увлечения, паблики, на которые он был подписан, и так далее. Смотрю, что он футболом увлекается и какими-то единоборствами, на «Арсенал» подписан. Ну, думаю, что необразованный или полубразованный, глупенький какой-нибудь. И тут он отправляет мне песню. И такая очень крутая песня. И я ему пишу: «Ух ты!» Все, что я ему ответила. И как-то слово за слово начали с ним общаться. Я говорю: «Может, пойдём, куда-нибудь встретимся?» Он спросил: «Где ты живешь?» Я сказала: «В Павловске». Он такой: «Понятно. Может, встретимся где-нибудь?» – «Давай в Купчино». И он повел меня

в кино на фильм «Самый пьяный округ в мире». Ну, сначала, когда мы только встретились, он поцеловал мне ручку. Он мне даже купил жетон в метро. И оказалось, что у него очень интересная жизнь, там с родителями есть истории. Мы, когда в метро ехали и он просто про свою семью рассказывал, я просто не могла поверить, что такое вообще происходит и как скучно я живу. И у него столько шрамов на руках было, и он мне рассказывает про каждый шрам, и я не верю такому. И он говорил какие-то умные вещи. И меня это немного задело, что он такой начитанный и вообще интересный человек. И было все так хорошо и просто. И он спрашивал меня, о чем я думаю, когда я просто на секунду задумывалась о чем-то. Это было так мило. Ну, я не хотела никаких отношений. Но я об этом ему сразу сказала. И после фильма мы очень много ходили, гуляли. У меня замерзли руки, и он просто снял одну перчатку и дал ее мне. И вот так мы шли за ручку.

И.: Ты с ним познакомилась, когда переехала?

Р.: Ну где-то год прошел. Даже, скорее, полгода. Я помню, был Новый год, у меня был планшет, и весь новый год я с ним переписывалась.

И.: Вы жили вместе?

Р.: Да подожди ты с этим. Мы сначала встречались каждую неделю. И потом как-то мы стояли возле метро, и я обнимала его очень сильно, очень крепко и сама его поцеловала. Мы с ним встречались уже два года, и Лёше нужно было переехать.

И.: Почему?

Р.: Потому что арендодатель ему сказала выселяться. У них заканчивалась аренда. Он в это время жил с мамой, сестрой, племянницей, с папой и бабушкой. Ну там квартира тоже не очень была. И там напротив была квартира трехкомнатная. И сказала ему мама, что все, арендодатель их выселяет и им нужно искать другую квартиру. И они нашли прямо напротив трехкомнатную квартиру. И у его сестры появился молодой человек. Ну и они решили с нами вместе вдвоем снимать квартиру. А я тогда уже работала официанткой. Второй курс закончился, и я пошла на работу. Я пошла работать хостес. Нужно было работать один выходной. Я работала с подругой. Потом перешла работать барменом, еще в Новый год работала ночью. В это время я живу с молодым человеком, с его сестрой, с ее парнем и с Лёшиной племянницей. А потом Лёша взял, не выдержал и уволился с работы. У меня началась учеба, потом денег стало не хватать. Зарабатывала одна я. Ну деньги откуда-то нужно брать, есть все-таки хочется. Я все тратила на оплату квартиры. Ну у нас нужно было еще и интернет оплачивать.

И.: Почему платили только вы?

Р.: Ну мы платили половину за квартиру, интернет мы оплачивали, потому что, по их словам, мы больше интернетом пользовались, чем они. И мы еще установили этот интернет, и мы должны сами за все это платить. В общем, еще эта пле-

мянница никогда не нравилась. Она очень странная. Она на год старше Киры, но она мелкая и противная. Она мне никогда не нравилась. И она не очень воспитанная была. И сестра Лёшина неправильно ее воспитывает. Она ей говорит «нет», а та все равно все делает в обратную сторону. Она отказала им и нарушила правила. Я пыталась ее как-то воспитать, но это было уже не мое дело, потому что у меня была еще Кира, мне важнее было проводить время с Кирой, чем с племянницей.

Мы жили впятером в трехкомнатной квартире. Там даже комната отдельная для племянницы была. У нас немного поменьше была комната, но зато она была намного светлее. Там компьютерный стол стоял, и я могла там заниматься. Ну, у меня там сил не было, потому что я могла уйти на сутки работать. Летом там было здорово жить, а потом, когда он уволился, закончились его отпускные, мы начали жить только на мои деньги, я начала все оплачивать, я могла позволить купить себе только джинсы, и все. Потом все по наклонной пошло, и никто не смог... А у сестры Лёшиной еще свадьба была летом, и они уже стали жить как муж с женой. Мы им говорили, что не надо жениться, зачем. Ну или поженитесь, но только на свадьбу столько денег не тратьте. А они взяли кредит и до сих пор выплачивают этот кредит. Ну и все. Мы еще ангиной потом заболели осенью с Лёшей. Вдвоем. Одновременно. И я слегла. На работу не смогла ходить, на учебу тоже, начала пропускать. И я пыталась, конечно, попросить помощи у однокурсниц, но у всех были свои дела, и им было не до меня. Ну и все. Я переезжаю домой обратно. Все разъезжаются кто куда. Сестра уезжает к нему жить. Лёша к маме. А я к родителям обратно. И мама: «Ну что? Пожила там?» А у мамы как раз свой салон, свои проблемы. У нее потом депрессия началась из-за того, что у нее салон отбирали. Но это уже другая история. И все это навалилось, эти истерики мамы были, я ее успокаивала, Кира истерила, потому что мама истерила. Ну и как-то зачет не зачет, зачет не зачет, не сдала, сдала, и все. Потом я опять начала все сдавать. Сдала почти все. Остался один английский. И меня тут тупо валят. Потому что я не понравилась ей. Преподавателю я не понравилась, и она начала меня валить: раз завалила, второй, третий, и все. Я ухожу в академический отпуск со слезами. Я не хотела уходить. А у нас еще с документами проблема началась.

И.: На сколько ты ушла в академический отпуск?

Р.: На полгода ушла. Мы с Лёшей очень сильно поссорились в этот момент. За эти полгода я пыталась найти курсы, чтобы не потерять знание английского и испанского языков. А потом пошла работать барменом в фитнес-клуб. Мы потом помирились с Лёшей, и он весной нашел работу себе – рыбоводом. И вот уже почти год работает рыбоводом. Он долго не мог найти себе работу. И говорил, что это какое-то проклятье. А сейчас мне хочется съехать. Потому что больше не могу жить с родителями. Ну сколько можно уже?

Послесловие

В книгу вошли 23 авторских текста и пять биографических интервью. Таблица 1 убедительно подтверждает простую истину: жилищная проблема – одна из самых актуальных жизненных проблем для любого человека. Наши авторы использовали широкий спектр способов ее решения. И тем не менее некоторые способы не попали в нашу случайную выборку. О том, что не попало в нее, скажем чуть позже.

Не будем пересказывать представленные в книге жилищные истории, обратим внимание читателей на то, что даже столь ограниченная «статистика» в определенной мере отражает жилищную политику государства за довольно большой отрезок исторического времени. В частности, расселение аварийного жилья, а также изменение статуса жилых помещений встречается по одному разу; а предоставление ведомственного или муниципального жилья (последнее чаще всего после длительного ожидания в городской очереди) оказалось представлено достаточно полно. Естественно, про режим «уплотнения» вспоминали наиболее пожилые люди, а также те, кто начинал свою жилищную историю «издалека» с отцов или дедов, которых «уплотняли».

Но, пожалуй, самым популярным способом решения жилищной проблемы в советское время был обмен или размен жилья.

Когда в оргкомитете автобиографического конкурса «Моя жилищная история» накопилось более десятка текстов, мы не только внимательно читали каждый поступающий текст, но и начали их анализ. Результаты этого предварительного анализа мы докладывали на ряде научных конференций¹.

Уважаемые читатели, не поленитесь внимательно рассмотреть таблицу 1 – на наш взгляд, она очень информативна. Конечно, вы можете не согласиться с нашей ее интерпретацией. Вполне возможно, что вы увидите в ней и то, что мы не увидели, и то, на что мы не обратили должного внимания. Понятно, в правой части каждого столбца (прямой шрифт) некоторые авторы встречаются

---

¹ Божков О. Б., Игнатова С. Н. Динамика семейного статуса в России XIX–XXI вв. (по материалам Биографического фонда СИ РАН). Доклад на Международной конференции «Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: Люди, тексты, практики – II» (Москва, НИУ ВШЭ, 1–2 июня 2017); Божков О. Б., Игнатова С. Н. О взаимосвязи двух биографий: жилища и человека. Доклад на 15-х биографических чтениях памяти Вениамина Иофе «Право на имя: Биографика XX века» (СПб, фонд В. В. Иофе, 20–22 апреля 2017); Игнатова С. Н., Божков О. Б. Сто лет трансформаций «жилищных биографий». Доклад на международной научной конференции «Значение и смысл российских революций 1917 года (100-летию юбилею посвящается)» (2–3 ноября 2017). СПб.: ФНИСЦ РАН, СИ РАН.

в разных строках. Это естественно, так как изменение жилищных условий вызывается разными причинами и обстоятельствами и на протяжении своей жизни люди используют разные способы решения жилищного вопроса.

Таблица 1

Представленные в текстах способы решения жилищной проблемы

<i>Индивидуальные (частные)</i>	Текст	<i>Государственные</i>	Текст
<i>Съем комнаты</i>	А. Н. Алексеев, В. Г. Узунова	<i>Расселение аварийного жилья</i>	Л. Л. Никонова
<i>Съем квартиры (семейный)</i>	А. Ю. Сенин, Интервью с мужчиной 25 лет, Е. И. Рабинович	<i>Изменение статуса жилых помещений</i>	Л. Л. Никонова
<i>Съем квартиры (коллективный или «студенческий»)</i>	Интервью с девушкой 20 лет	<i>Уплотнение</i>	А. Н. Алексеев, С. Б. Серебриер
<i>Обмен жилья</i>	Л. Л. Никонова, Б. М. Рубежова, Е. И. Рабинович	<i>Предоставление ведомственного жилья</i>	А. Н. Алексеев, М. В. Анолик и М. А. Петрова, Интервью с С. Аристовым, Т. З. Протасенко, В. Г. Узунова, А. Д. Ерофеев
<i>Размен жилья</i>	А. Н. Алексеев, А. Ю. Сенин, Б. М. Рубежова, Е. И. Рабинович, О. Б. Божков	<i>Эвакуация с бронированием жилья и возвращение</i>	М. В. Анолик и М. А. Петрова, А. Ю. Сенин, Е. И. Рабинович, Интервью с В. И. Мацкевич и М. Г. Мацкевич, Л. Л. Никонова, О. Б. Божков
<i>Размен в связи с разводом родителей</i>	В. М. Саблин	<i>Постановка на учет по улучшению жилищных условий</i>	А. Н. Алексеев

<i>Приобретение кооперативной квартиры</i>	А. Ю. Сенин, Интервью с Р. З. Земнуховой (Хамитовой), О. В. Нарвская, В. М. Саблин	<i>Судебные решения</i>	А. Ю. Сенин
<i>Приобретение жилья</i>	Интервью с С. Аристовым, В. Я. Терещенко	<i>Капитальный ремонт</i>	Э. А. Береславская, В. Я. Терещенко, О. В. Нарвская, О. Б. Божков
<i>Переезд, связанный с браком (к жене или мужу)</i>	М. П. Андреев	<i>Предоставление муниципального жилья</i>	Т. А. Иванова, О. В. Колосов, В. Я. Терещенко, А. К. Измайлов, Л. Я. Кузнецов, Б. М. Рубежова, Е. Б. Тумановская
<i>Взятка</i>	Э. А. Береславская		
<i>Раздел лицевых счетов</i>	Э. А. Береславская		
<i>Приобретение дома (частного)</i>	Интервью с Р. З. Земнуховой (Хамитовой)		
<i>Приобретение дома за границей</i>	С. Б. Серебриер, А. К. Измайлов		
<i>Строительство дома</i>	Интервью с женщиной 25 лет, Интервью с Р. З. Земнуховой (Хамитовой)		
<i>Фиктивный развод и прописка к родственнику</i>	Интервью с В. И. Мацкевич и М. Г. Мацкевич		
<i>Развод</i>	Е. Б. Тумановская		
<i>Продажа комнаты</i>	Е. Ю. Шуренкова		
<i>Расселение коммунальной квартиры</i>	Н. В. Дадали		

Представления о лакунах в этой стихийной выборке получены как из личного жизненного опыта, так и из материалов СМИ и сети Интернет. Содержание этих лакун и комментариев к ним см. в таблице 2. Только два способа из перечисленных в этой таблице достались нам «в наследство» от советских времен. Три других – последствия перехода к так называемой рыночной экономике, таящие в себе немало опасностей.

Сегодня ушли в прошлое маклеры, параллельно с официальными отделами обмена в соответствующих структурах городских и районных исполнительных комитетов, выполнявшими их функции. Кстати, среди них тоже попадались жулики, но в большинстве они оказывались существенно эффективнее официальных структур, на долю которых в случае, когда люди обращались к маклерам, приходилось, как правило, окончательное оформление документов по обмену. На место маклеров пришли риелторы, а вместе с ними и «черные риелторы», или по-просту бандиты².

Отчасти это результат недоработок законодательной власти, а также пресловутого неисполнения «хороших» законов. Но в значительной части это и прямой результат деятельности различных частных и даже государственных структур. При этом рейдерским захватам подвергаются не только отдельные квартиры, но и памятники культуры и целые кварталы³.

Отдельный и до сих пор очень популярный в СМИ сюжет – обманутые дольщики. 3 июля 2018 года корреспондент РИА «Новости» Алексей Куденко опубликовал самые свежие данные по этой проблеме:

«Генпрокуратура России насчитала в России всего лишь 40 тысяч обманутых дольщиков, хотя полгода назад их насчитывалось, по разным данным, от 120 тысяч до 150 тысяч.»

Такие разночтения вызваны тем, что чиновники и надзорное ведомство считают теперь таких дольщиков по иным критериям, нежели раньше, заявил старший прокурор отдела по надзору за исполнением законодательства в сфере экономики Генпрокуратуры РФ Антон Головин.

«По данным Минстроя России на первый квартал 2018 года, в реестрах обманутых дольщиков было чуть более 30 тысяч граждан. По данным прокуроров – порядка 37 тысяч. До 40 тысяч – те цифры, которые дает прокуратура... Со всех телеканалов разные цифры разные аналитики дают. Другое дело, им можно задать вопрос, где они берут эту цифру. Регионалы у нас ведут реестры, которые

---

² Прощай, квартира! У черных риелторов десятки схем обмана петербуржцев // Аргументы и факты. № 8. 18.02.2015. URL: <http://www.spb.aif.ru/money/realty/1450348>.

³ Здесь стоит вспомнить сгоревший в августе 2017 года в центре Ростова целый жилой квартал «Говнярка». Наберите в поисковой строке «Яндекса» это некрасивое слово и получите огромное количество ссылок и массу фотографий.

предоставляются в Минстрой, прокуроры нам предоставляют... Мы ориентируемся на то, чтобы в региональных планах графиков была максимально объективная картина, и ориентируемся на это прокуроров», – подчеркнул представитель ведомства.

Сейчас официальная статистика ведет учет только тех дольщиков, которые вкладывались в жилье по ДДУ (договор долевого участия) в недостроенных домах.

Таким образом, официальная статистика учитывает в лучшем случае лишь около трети от всех обманутых дольщиков. По различным подсчетам, их число на конец 2017 года составляло около 130–150 тысяч человек. В начале июля 2017 года при рассмотрении законопроекта о фонде защиты прав дольщиков лидер фракции КПРФ Геннадий Зюганов объявил о том, что в России 150 тысяч пострадавших дольщиков»⁴.

Таблица 2

Способы решения жилищного вопроса, которые не упоминались нашими авторами

Вид	Комментарий
<i>Сдача постоянно или временно не используемого жилья внаем</i>	Законодательно этот процесс допускался и в советское время, но был сильно бюрократизирован, и законное оформление становилось экономически невыгодным. Впрочем, это характерно и для нынешнего времени.
<i>Фиктивный брак</i>	В советское время чаще использовался для «легального» выезда за границу на постоянное место жительства, но также, хотя и реже, для решения жилищной проблемы.
<i>Ипотека</i>	Вполне легитимный, но и опасный способ решения жилищной проблемы (особенно в случае валютной ипотеки), так как до полной выплаты ипотеки владельцем жилья является банк. Многие им пользуются, но в нашем массиве об ипотеке ни разу не упоминалось.
<i>Долевое участие в строительстве жилья</i>	Часто за этим красивым термином скрывается обыкновенная финансовая пирамида. Именно в таких случаях образуются массы обманутых дольщиков.
<i>«Черные риелторы»</i>	Как правило, расселение коммунальных квартир и/или рейдерский захват жилой площади одиноких людей.

⁴ URL: <https://reality.newsru.com/>. См. также на сайте РИА «Новости».

Почему образовались эти лакуны? Можно предположить, что это объясняется несколькими причинами. Во-первых, если человек прибегает к каким-либо незаконным способам решения своих жилищных или финансовых проблем, он старается это не афишировать. Это относится к фиктивным бракам и неофициальной сдаче жилья внаем. Во-вторых, если кто-то попадает в криминальные ситуации, в этом бывает трудно признаться. Действительно, трудно признать, что ты, как говорят, лоханулся. К тому же и черные риелторы умеют основательно запугать «клиента», чтобы он не ходил жаловаться в милицию или в иные правоохранительные структуры. И наконец, кто-то, попавший в руки «черных риелторов», уже никогда никому ничего не скажет.

Что касается ипотеки, то этот относительно новый способ решения жилищной проблемы не получил еще достаточно широкого распространения. К тому же это отнюдь не дешевое мероприятие. Кстати, добиться права на ипотеку, да и кредит под нее получить тоже отнюдь не просто.

* * *

И все-таки хочется верить, что наш проект будет иметь продолжение. Эта история действительно требует более пристального внимания и детального описания. Надеемся, что книга найдет не только внимательных читателей, но и привлечет новых авторов, рассказы которых мы обязательно опубликуем в следующей книге.

Список авторов

Алексеев Андрей Николаевич
Андреев Михаил Петрович
Анолик Михаил Владимирович
Береславская Элла Александровна
Божков Олег Борисович
Дадали Наталья Васильевна
Ерофеев Алексей Дмитриевич
Иванова Татьяна Александровна
Измайлов Алексей Кимович
Колосов Олег Васильевич
Кузнецов Леонид Яковлевич
Нарвская Ольга Викторовна
Никонова Людмила Леонидовна
Петрова Марина Александровна
Протасенко Татьяна Захаровна
Рабинович Евгений Иосифович
Рубежова Белла Михайловна
Саблин Владимир Михайлович
Сенин Александр Юрьевич
Серебриер Сергей Борисович
Терещенко Виктор Яковлевич
Тумановская Елена Борисовна
Узунова Валентина Георгиевна
Шуренкова Елена Юрьевна

Научное издание

**Моя жилищная история.
Автобиографические очерки и биографические интервью**

Под редакцией О. Б. Божкова и Т. З. Протасенко

Оригинал-макет подготовлен издательством «Норма»

*Редактор и корректор: Капитонов Д. М.
Технический редактор: Фофанова Т. М.
Компьютерная верстка: Мальшева И. Ю.*

ISBN 978-5-87857-284-2

Подписано в печать 12.11.2018.
Бумага офетная, печать офсетная. Формат 70х90/16.
Гарнитура Pragmatika. Усл. печ. л. 28.66.
Тираж 500 экз. Заказ № 3443.

Издательство «Норма»,
190005, Санкт-Петербург,
7-я Красноармейская ул., д. 25, лит. А, пом. 14-н № 7.
Тел. (812)712-67-73

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в Первой Академической типографии «Наука».
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В.О., д. 12/28.

ISBN 978-5-87857-284-2

9 785878 572842

HOPMA